

Управление культуры
Министерства обороны
Российской Федерации

Центральный музей
Вооруженных Сил
Российской Федерации

Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации

МАТЕРИАЛЫ

международной научно-практической конференции
«История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.»

Р. С. Ф. С. Р.

Приглашаем всех желающих

ТЫ

ЗАПИСАЛСЯ
ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

Москва, ЦМВС РФ
24–25 мая 2016 г.

МАТЕРИАЛЫ
международной
научно-практической конференции
«История Гражданской войны в России
1917–1922 гг.»

Москва, ЦМВС РФ
24–25 мая 2016 г.

Содержание

<i>Выступление начальника Управления культуры Министерства обороны Российской Федерации</i> Губанкова А.Н.	1	Бринюк Н.Ю.	93
<i>Выступление директора Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Российской Федерации</i> Никонова А.К.	2	<i>Волжские походы Народной армии Комуча под командованием полковника В.О. Каппеля (лето 1918 г.).</i>	
Кравцев И.Н.	3	Михайлов А.А. Михайлов В.В.	102
<i>Обзор фондов и коллекций Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения в годы Гражданской войны.</i>		<i>Крах планов командования Северо-Западной армии по захвату Петрограда в 1919 г. (по материалам архивов России и Эстонии).</i>	
Ивановский В.С.	11	Чиликин А.И.	111
<i>Создание и роль органов тыла в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в России 1918–1922 гг.</i>		<i>Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.).</i>	
Лебедев В.Д.	19	Цыбулька А.М.	115
<i>Иностранная военная интервенция в России: по документам Государственного архива Российской Федерации.</i>		<i>О новых историко-аксиологических и социально-конфликтологических подходах в освещении Гражданской войны в России.</i>	
Родин А.М.	23	Петров А.А.	122
<i>Зарождение советской историографии Гражданской войны.</i>		<i>Особенности военного строительства на Восточном фронте Белой борьбы (1918–1920).</i>	
Старостенков Н.В.	28	Семенов К.К.	128
<i>Эшелонная война – пролог Гражданской войны.</i>		<i>Польская Одиссея на Юге России: польские части в составе Добровольческой армии.</i>	
Кушер Ю.Л.	35	Кривошеев В.Р.	132
<i>Гражданская война в России 1918–1922 гг.: причины поражения Белого движения.</i>		<i>О некоторых аспектах подготовки специалистов тыла и транспорта в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в России 1918–1922 гг.</i>	
Дайнес В.О.	43	Пуговкина О.Г.	140
<i>Характерные черты стратегического руководства в Гражданской войне в России.</i>		<i>Новые источники по истории Осиповского мятежа в Ташкенте (по материалам фондов Центрального государственного архива Узбекистана).</i>	
Гёзалов П.Ф.	53	Исповедников Д.Ю.	147
<i>Установление советской власти в Азербайджане.</i>		<i>Международные аспекты Гражданской войны на Дальнем Востоке по документам РГВА.</i>	
Григорьев Е.М.	59	Кручинин А.С.	154
<i>Документы РГАСПИ по истории национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.).</i>		<i>Сумские гусары в Белом движении: от Польши до Приморья.</i>	
Шишов А.В.	68	Перхавко В.Б.	160
<i>Крымская Красная армия и ее командующий П.Е. Дыбенко в Гражданской войне.</i>		<i>Судьба памятников русской старины в годы Гражданской войны.</i>	
Кожин С.В.	73	Силаев А.Д.	170
<i>Научная концепция экспозиции ЦМВС РФ «Вооруженная борьба периода Гражданской войны в России: 1917–1922 гг.».</i>		<i>К вопросу о конвоировании бывшего императора Николая II и его семьи из Тобольска в Екатеринбург в 1918 г.</i>	
Буяков А.М. Крицкий Н.Н.	75	Абрамов Е.П.	175
<i>Морские бронепоезда Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке России: 1918–1922 гг.</i>		<i>Морская пехота на фронтах Гражданской войны 1917–1922 гг.</i>	
Нагаев И.М.	84	Шепарёв Р.М.	182
<i>В тени Л.Д. Троцкого (К архивоведческой реконструкции документальной коллекции заместителя председателя РВС Республики Э.М. Склянского (1917–1925 гг.).</i>		<i>Раритетное оружие Гражданской войны 1918–1920-х гг. в коллекции ГЦМСИР.</i>	
		Сабуров Л.Д.	189
		<i>Поезд Председателя Революционного Военного Совета Республики Л.Д. Троцкого на фронтах Гражданской войны.</i>	

- Наземцева Е.Н.** 219
Военные и политические вопросы в советско-китайских отношениях на завершающем этапе Гражданской войны в России.
- Чертов В.В.** 205
Военно-морские аспекты истории Гражданской войны в исследованиях и воспоминаниях предшественников русской военной эмиграции.
- Грищенко А.Н.** 209
Где и когда погиб махновский атаман Брова?
- Безугольный А.Ю.** 215
Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») в революционных событиях и Корниловском мятеже 1917 г.
- Прямыцын В.В.** 222
Гидрометеорологическое обеспечение боевых действий в годы Гражданской войны в России.
- Виноградов С.Е.** 232
Линейные корабли «Севастополь» и «Петропавловск» в Кронштадтском вооруженном восстании 1921 г.
- Егоров А.М.** 238
Гражданская война и контрабандизм на северо-западе Советской России в начале 1920-х гг.
- Булыгин А.В.** 245
Авиация в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.
- Кнутов Ю.А.** 253
Развитие воздушной обороны в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции.
- Пузанов В.Д.** 264
Добровольческая армия и монархическая идея в 1918–1919 гг.
- Дубровская Е.Ю.** 271
«Озерный фронт» в 1919 г.: боевые действия на Онежском озере и в Обонежье в период гражданской войны и интервенции на Русском Севере.
- Еремеева А.Н.** 279
Научные учреждения «белой» России: специфика деятельности.
- Куваева Т.Е. Балашова Л.Н.** 286
Плакаты периода Гражданской войны в России (1917–1922 гг.).
- Шиканова И.С.** 292
Денежные выпуски времени Гражданской войны (1918–1922 гг.) – многоплановый исторический источник для исследования политических и экономических процессов в России. В рамках темы: Денежная реформа А.В. Колчака.
- Сатахин С.С.** 297
Михаил Булгаков в вихрях Гражданской войны. (Анализ новых материалов о жизни и раннем творчестве писателя).
- Дегальцева Е.А.** 307
Перспективы военно-исторической антропологии при изучении Гражданской войны в России (1918–1922): на примере биографии В.Н. Пепеляева.
- Назарова А.В.** 314
«Свой среди чужих»: белогвардеец в Красной армии (роман Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны» и воспоминания И.Г. Савченко «В красном стане»).
- Муромцева Л.П.** 318
Деятельность российской эмиграции по сбору реликвий Первой мировой и Гражданской войн.
- Панич Н.А.** 326
Анализ Е.Д. Кусковой социальных последствий Гражданской войны и военной интервенции.
- Кублановский И.Ю.** 331
Беспорядки при изъятии церковных ценностей весной 1922 г. (по документам РГВА).
- Вершинина И.А.** 338
Социологический анализ Гражданской войны генералом Н.Н. Головиным.
- Зубенко Г.В.** 346
Освещение темы «Гражданская война в России» в экспозиции Музея-заповедника «Горки Ленинские» и новые формы работы.
- Фахретдинов Р.И.** 350
Врагу не сдастся наш Вещий Олег: факторы успеха песен на Гражданской войне
- Заранян Е.В.** 358
Особенности формирования образа врага и самоидентификации у белогвардейцев.
- Кальсина А.А.** 364
Образовательная политика меньшевистских правительств в условиях Гражданской войны 1918–1920 гг. (на материалах Урало-Сибирского региона).
- Филимончик С.Н.** 368
Гражданская война в Карелии в творчестве А.М. Линецкого.
- Высоцкий В.В.** 374
Первый опыт создания тыла Красной армии в Гражданской войне.
- Капшитар В.Г.** 381
Особенности материального обеспечения Красной армии в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)
- Бочков Е.А.** 388
Опыт демобилизации Красной Армии после окончания Гражданской войны в условиях экономического и социально-политического кризиса в первой половине 1920-х гг.

Уважаемые участники конференции!

Международная научно-практическая конференция «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг.» открывается в ведущем военно-историческом музее страны. В канун столетнего юбилея событий, выносимых на обсуждение, тема конференции представляется исключительно важной и актуальной. Сегодня важно объективно и взвешенно разобраться в сложнейших и неоднозначных событиях, происходивших в России в годы Гражданской войны.

Наша конференция проходит в непростое для нашей страны время, когда профессиональному сообществу историков, музейных работников, архивистов приходится противостоять усиливающейся фальсификации прошлого России.

Руководство Министерства обороны и лично министр – генерал армии С.К. Шойгу уделяют большое внимание бережному отношению к истории своей страны, своей армии.

Мы понимаем, что музей, и в первую очередь военный музей, в этом деле играет исключительно важную роль. Представляя историю российской армии и ее героев, историю военной мысли, военной техники и оружия, музей в армии имеет особое значение, поскольку служит делу гражданского и патриотического воспитания молодых воинов, сохранению памяти о многочисленных войнах и военных конфликтах, через которые прошла наша страна, в том числе и о Гражданской войне в России.

Тематика докладов на конференции обширна и интересна. Уверен, что они будут полезны сотрудникам музея в ходе работы над новой экспозицией, посвященной событиям Гражданской войны в России 1917-1922 гг.

Весьма представительный состав участников позволяет надеяться, что работа конференции будет плодотворной и она выполнит свои задачи.

*Александр Константинович Никонов,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
директор музея, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации*

Уважаемые участники конференции!

Мы проводим конференцию в канун важных дат. Это – столетие Февральской, Октябрьской революции, столетие Гражданской войны.

Выступая перед историками в Тюмени 4 марта 2016 г. Председатель Государственной Думы Сергей Евгеньевич Нарышкин, возглавляющий Российское историческое общество, отметил: «Пологаю, что 100 лет – вполне достаточный срок, чтобы воспринимать те события не как повод для раскола общества, а как историческую данность, как факт биографии нашего государства».

Результатом юбилейных мероприятий 2017 года должно стать глубокое осмысление уроков и дань памяти нашим предкам вне зависимости от их политических убеждений.

Ни о каком запоздалом сведении счетов и делении на правых и неправых речи быть не должно. Уже давно нет в живых ни современников революции, ни героев, ни тех, кто преступил закон».

Эти слова должны стать лейтмотивом нашей конференции, участниками которой являются: Институт российской истории Российской академии наук, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Государственный архив Россий-

ской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Государственный музей военной истории Республики Беларусь, Национальный Музей Истории Азербайджана, Государственный исторический музей, Государственный центральный музей современной истории России, ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Саратовский Национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Российская Государственная библиотека и другие вузы, музеи, организации из городов Санкт-Петербурга, Владивостока, Петрозаводска, Ижевска, Тамбова, Пскова, Саратова, Новочеркасска, Краснодар, Бийска, Шадринска, Московской области.

Весьма представительный состав участников конференции: 8 докторов исторических наук, 33 кандидата исторических наук, 5 профессоров, 15 доцентов позволяет надеяться, что работа форума будет плодотворной.

Я желаю всем Вам успешной работы и незабываемых впечатлений о нашем музее.

Игорь Николаевич Кравцев,
Россия, Москва, Государственный архив
Российской Федерации, главный специалист
отдела научно-информационной и справочной
работы, кандидат исторических наук, доцент

Обзор фондов и коллекций Государственного архива Российской Федерации по истории Белого Движения в годы Гражданской войны

Изучение проблематики Гражданской войны в России 1918–1922 гг. представляется важным направлением научных исследований по истории нашей страны. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранится большой комплекс материалов данного периода. В основном, это документы о деятельности многочисленных белогвардейских правительств в отдельных регионах бывшей империи, включая созданную систему управления,

организацию деятельности министерств и ведомств, отдельных учреждений и организаций, разноплановые биографические персональные сведения, мемуары, воспоминания, переписку и т.д.

В общей структуре фондов Белого движения и эмиграции можно выделить такие комплексы документов и материалов, как «Временные народные правительства на территории Сибири и Дальнего Востока», «Учреждения и организации

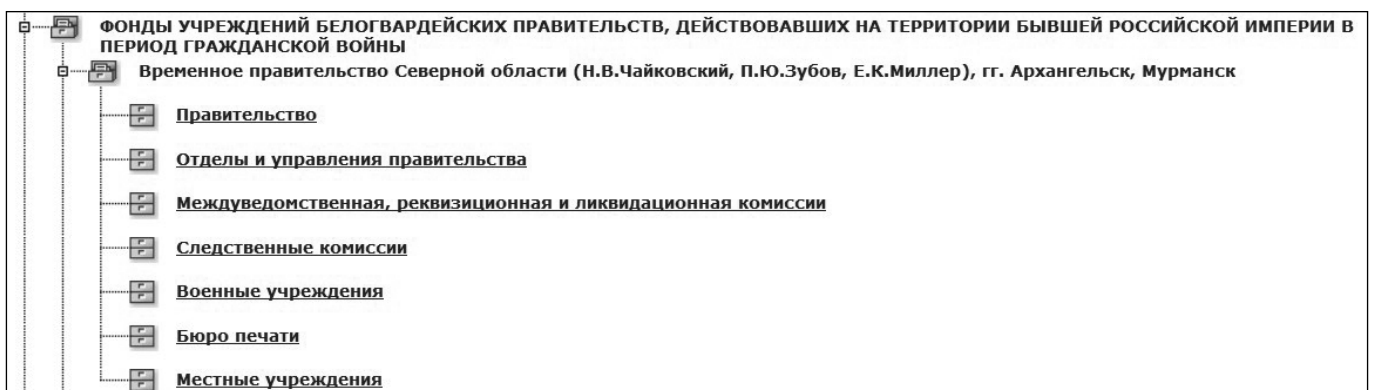

Рис.1. Фонды по истории Белого движения и эмиграции. Общая структура

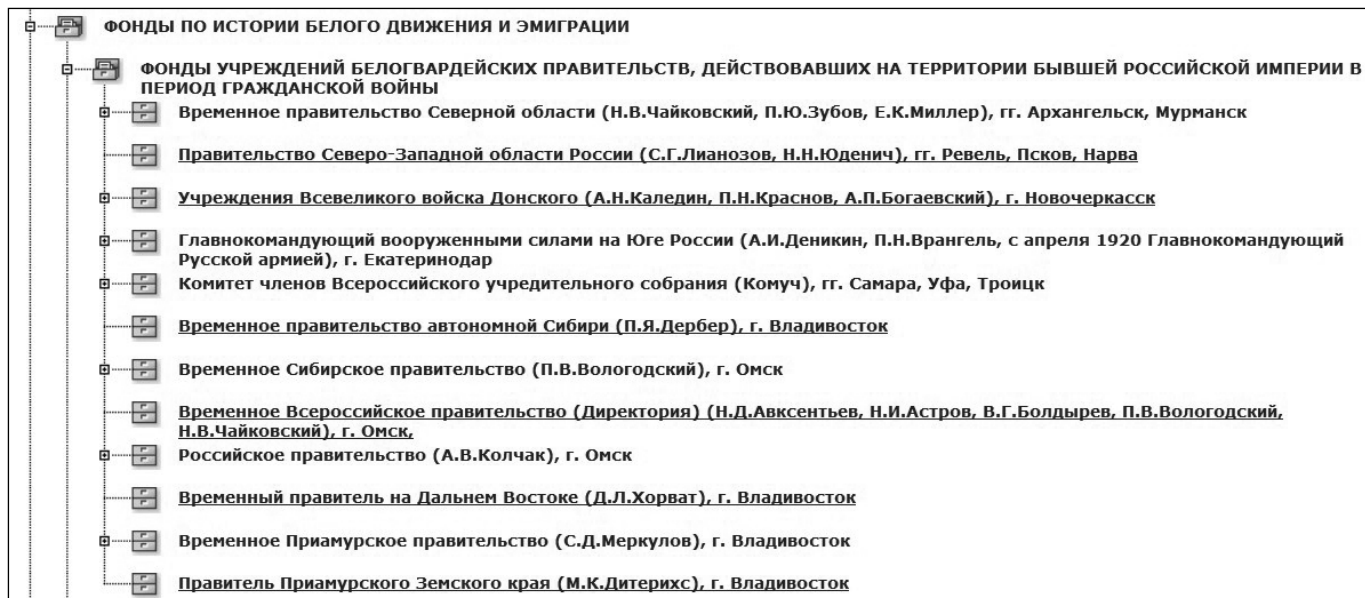

Рис.2. Фонды учреждений Белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в период гражданской войны. Структура размещения материалов в подразделе

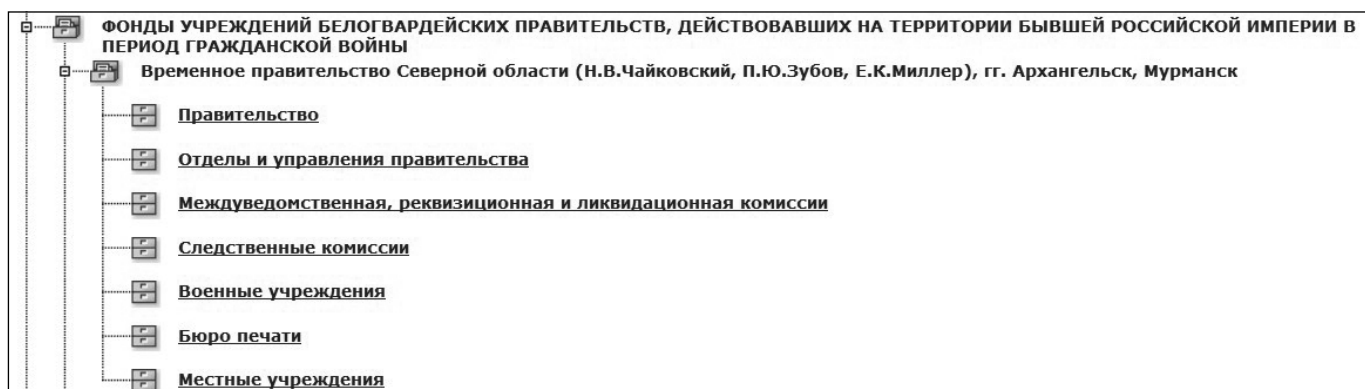

Рис.3. Временное правительство Северной области. Структура фондов

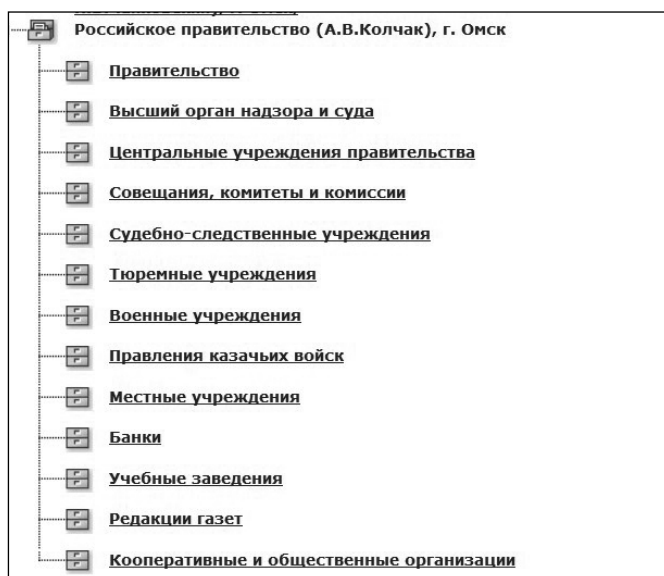

Рис.4. Российское правительство (А.В. Колчак), г. Омск. Структура фондов

на территории Закавказья», «Белогвардейские учреждения и организации за границей», «Отдельные антибольшевистские организации», «Фонды эмигрантских учреждений и организаций, действовавших в разных странах», «Представительства и консульства в России и за рубежом», «Архивные коллекции»¹.

Основной информационный блок составляют деятельность правительственных структур белогвардейских правительств, контакты с зарубежными представительствами военно-политического, экономического и иного характера. По объему эти материалы составляют сотни фондов, описей, тысячи единиц хранения, охватывающие хронологические рамки, заявленные в тематике нашей конференции – 1918–1922 гг. Документы, сохранившиеся и переданные впоследствии в ГА РФ, охватывают трагические со-

бытия, происходившие в разных странах, регионах. История формирования комплекса документов по истории Белого движения в рамках Русского Заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) и Донского Казачьего архива, прекрасно изложена в предисловии к уникальному информационно-справочному пособию, посвященному рассматриваемой нами тематике – «Межархивному путеводителю по Фондам Русского Заграничного исторического архива в Праге», выпущенному в 1999 г.²

Большое значение при анализе и исторических исследованиях по деятельности противников Советской власти в годы Гражданской войны имеют управленческие, организационно-распорядительные и иные документы, характеризующие повседневную деятельность многочисленных белых правительств. Сюда входят разнообразные документы, в том числе Фонды учреждений и организаций различных белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в период гражданской войны. Здесь выделяются такие подразделы каталога³, как «Временное правительство Северной области» (Н.В. Чайковский, П.Ю. Зубов, Е.К. Миллер), размещавшееся в городах Архангельске и Мурманске; «Правительство Северо-Западной области России» (С.Г. Лианозов, Н.Н. Юденич), располагавшееся в городах Ревеле, Пскове и Нарве; многочисленные учреждения Всевеликого войска Донского (А.Н. Каледин, П.Н. Краснов, А.П. Богаевский), центром которых был город Новочеркасск; большое значение имеют фонды Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) (А.И. Деникин, П.Н. Врангель, с апреля 1920 г. Главнокомандующий Русской армией), г. Екатеринодар.

Выше были названы управленческие структуры белогвардейских правительств северного, северо-западного и южного направлений. Не меньший интерес представляют и сохранившиеся фонды Белого движения, охватывающие деятельность на восточном направлении. Здесь также наблюдается значительное количество автономных и самостоятельных правительств, считавших себя главными выразителями идей Белого движения в годы гражданской войны. Среди них назовем фонды «Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания (Ко-

муча)», временно размещавшегося в городах Самаре, Уфе и Троицке; Временного правительства автономной Сибири (П.Я.Дербер), г. Владивосток; Временного Сибирского правительства (П.В. Вологодский), располагавшегося в г. Омске; Временного Всероссийского правительства (Директории) (Н.Д. Авксентьева, Н.И. Астрова, В.Г. Болдырева, П.В. Вологодского, Н.В. Чайковского), г. Омск; Российского правительства А.В. Колчака, г. Омск; Временного правителя на Дальнем Востоке (Д.Л. Хорват), г. Владивосток; Временного Приамурского правительства (С.Д. Меркулов), г. Владивосток; Правителя Приамурского Земского края (М. К. Дитерихс), г. Владивосток и т.д.

Даже простое перечисление правительственных управленческих структур, существовавших на Севере, Северо-Западе, Юге, Востоке, Сибири, Урале и в других регионах, и связанных с Белым движением во времена гражданской войны 1918-1922 гг., заставляет выдвигать версию об отсутствии единого координационного центра, рассогласованности действий, наличии межведомственных разногласий и ряда других моментов, не способствовавших объединению разноплановых сил, не принимавших победу Советской России.

В качестве примера рассмотрим структуру расположения материалов в Фондах Временного правительства Северной области. Это комплексы документов деятельности правительства – распоряжения, указы, переписку российских и зарубежных представителей, в т.ч. документацию по поставкам оружия западными союзниками, предписания, текущий документооборот, личную и персональную информацию, докладные записки, справки и т.д.; немалое место в массиве сведений занимают материалы отделов и управлений правительства, размещавшегося в Архангельске и Мурманске. Кроме того, сохранились фонды междуведомственной, реквизиционной и ликвидационной комиссии, военных учреждений Северной области, Бюро печати и отдельных местных учреждений⁴.

Один из наиболее насыщенных сведениями и архивными материалами подразделов Электронного каталога ГА РФа по фондам Белого движения и эмиграции – «Российское правительство (А.В. Колчак), г. Омск». Структурно документы распределены по следующим тематическим

☐ P200 1 181	☐ Переписка с Военным министерством и российскими послами за границей об импортных заказах предметов вооружения и технического оборудования.	5 декабря 1918 - 30 декабря 1919
☐ P200 1 182	☐ Переписка с Временным главным комитетом Всероссийского земского союза о закупке санитарного имущества за границей.	4 - 11 сентября 1919
☐ P200 1 183	☐ Переписка с российскими послами за границей и Министерством финансов о заказах и закупке оружия для колчаковской армии и об учреждении новых таможенных постов на границе.	24 декабря 1918 - 28 декабря 1919
☐ P200 1 184	☐ Переписка с Министерством снабжения и продовольствия о торговых договорах и сделках с иностранными фирмами.	12 декабря 1918 - 20 октября 1919
☐ P200 1 185	☐ Доклады, докладные записки и телеграммы российских послов за границей о финансовом положении Российского правительства.	30 ноября 1918 - 8 сентября 1919
☐ P200 1 186	☐ Переписка с Военным министерством о военных заказах: Российского правительства в Англии, Франции, Японии и Америке.	15 января - 25 декабря 1919
☐ P200 1 187	☐ Докладные записки и переписка с Министерством финансов о финансовом положении в Сибири и о закупке военного снаряжения за границей.	23 ноября 1918 - 16 октября 1919
☐ P200 1 188	☐ Переписка с Министерством торговли и промышленности и российскими послами за границей о торговой конъюнктуре на международном рынке и о деятельности белогвардейских торговых агентов за границей.	7 декабря 1918 - 1 декабря 1919
☐ P200 1 189	☐ Переписка с Министерством финансов, российскими послами за границей и иностранными миссиями в Сибири о реквизиции товаров у иностранных фирм, о получении вооружения в Японии и по др. вопросам.	19 ноября - 15 декабря 1919
☐ P200 1 190	☐ переписка с Министерством торговли и промышленности, белогвардейскими военными и гражданскими представителями за границей о закупке и доставке вооружения и обмундирования для колчаковской армии.	21 декабря 1918 - 4 ноября 1919
☐ P200 1 191	☐ Переписка с российскими послами за границей о заключении займов и о военной интервенции иностранных государств в России.	7 апреля - 21 ноября 1919
☐ P200 1 192	☐ Телеграммы российских послов за границей о снабжении колчаковской армии оружием и боевыми припасами и доклады делегации Всевеликого Войска Донского в Германии в 1918 г. о посещении членами делегации Вильгельма II, о положении во Франции и об отношении союзников к белогвардейским правительствам в России.	8 февраля - 17 октября 1919
☐ P200 1 193	☐ Телеграммы российских послов за границей о снабжении белых армий в России иностранным вооружением и о состоянии морских перевозок в Средиземном и Черном морях.	5 февраля - 5 ноября 1919
☐ P200 1 194	☐ Телеграммы послов и поверенных в делах белогвардейских правительств в Швеции, Греции и др. государствах о торговых операциях с иностранными фирмами и их финансировании.	16 ноября 1918 - 28 октября 1919
☐ P200 1 195	☐ Переписка с канцелярией Военного министерства о возвращении России имущества русских армий Румынского фронта.	3 - 12 декабря 1918
☐ P200 1 196	☐ Переписка с российскими консулами за границей о положении русской колонии в Канаде, о торговых операциях российского правительства с Японией, о въезде в Россию и по др. вопросам. Список литературы, запрещенной в Канаде.	25 ноября - 10 декабря 1919
☐ P200 1 197	☐ Переписка с Министерством народного просвещения, Томским университетом и российскими послами за границей о закупке иностранной литературы и полиграфического оборудования.	15 января - 24 декабря 1919

Рис.5. ГАРФ. Фонд Р-200. Опись 1. Циркуляры, доклады, сводки и переписка о деятельности МИДа Российского правительства А.В. Колчака в 1918-1919гг.

направлениям: «Правительство; Высший орган надзора и суда; Центральные учреждения правительства; Совещания, Комитеты и комиссии; Судебно-Следственные учреждения; Тюремные учреждения; Военные учреждения; Правления казачьих войск; Местные учреждения; Банки; Учебные заведения; Редакции газет; Кооперативные и общественные организации»⁵.

Более 700 единиц хранения отложилось в Фонде ГА РФа Р.200 – Министерство иностранных дел Российского правительства, г. Омск. В описи №1 хранятся дела МИДа Российского правительства А.В. Колчака за 1918-1920 гг. Пример названия дела: «Законопроекты, доклады, докладные и объяснительные записки министерств и управлений, подлежащие обсуждению в Совете министров и присланные для сведения в Министерство иностранных дел»⁶. Таких дел насчитывается несколько десятков. Хронологически они охватывают деятельность ведомства

за все время его существования за 1918–1920 гг. Большой объем сведений раскрывает для исследователей многочисленные направления деятельности ведомства, его активные контакты с зарубежными представительствами и коллегами из других стран.

Примеры бурной, динамичной и насыщенной драматическими событиями военно-политической жизни, разворачивавшейся на просторах бывшей Российской империи в 1918–1919 гг., в ходе Гражданской войны можно почерпнуть из различных материалов, сохранившихся для потомков. Все это отразилось в делах архивных фондов, как немое свидетельство для будущих поколений, связанное с тем, что бывает со странами после потери управляемости, разрушения государств и децентрализации власти, распадом властных структур и разделом на множество небольших новообразований, подчинявшихся (и то далеко не всегда) местным правителям. Рассмо-

P5881 2 81	 <u>Обращение Харбинского Биржевого Комитета к русским эмигрантам, проживающим в Харбине, вносить пожертвования в пользу голодающих в Шандуньской провинции, высланное на имя Позднякова Д.И. На русском и китайском языках. Печатный экземпляр.</u>	30 марта 1928
P5881 2 82	 <u>Поздравительный адрес Союза русских военных инвалидов Пухлякову В.В. и надпись</u>	14 июля 1931
P5881 2 83	 <u>Некролог на смерть Репьевой Е.И. Вырезка из газеты. Фотографии Репьевой Е.И., Е.Кусковой, С.И.Прокопович.</u>	1938
P5881 2 84	 <u>Запись разговора по прямому проводу генерала Рузского Г.Ш. и членами Временного правительства Родзянко и Львовым об опубликовании Манифеста об отречении Николая II от престола и передачи властей Михаилу Александровичу. Копия.</u>	3 марта 1917
P5881 2 85	 <u>Рузский Г.Ш.Заметки о расхождении в тексте разговора по прямому проводу генерала Рузского Г.Ш. с членами Временного Правительства Родзянко и Львовым и текстом этого разговора, напечатанным в "Архиве Русской революции", №3. Год не указан.</u>	б/д
P5881 2 86	 <u>Заявления Рябокня А. в Черновицкий Совет адвокатов, апелляционная жалоба, решение судебного заседания по уголовному делу, возбужденному против Рябокня А.Д. Перевод с румынского языка.</u>	1931
P5881 2 87	 <u>Заявления и письма Рябокня А в Президиум Муниципальной городской управы и местный ревизионный комитет г.Черновцы. Перевод с румынского языка.</u>	1933
P5881 2 88	 <u>Е.Шайтанов, "О записке С.Н.Ряснянского о Союзе офицеров". Рецензия.</u>	1927
P5881 2 89	 <u>Журнал записи донесений коменданта 52-го Виленского пехотного полка капитана Сербинова Г.К. в штаб Виленского полка.</u>	17 июня-16 июля 1919
P5881 2 90	 <u>"Изобретения В.Н.Смердова (снаряжение для солдат). Автор не установлен.</u>	б/д
P5881 2 91	 <u>Тилли Н. Статья с опровержением обвинения, выдвинутого полковником Бигаевым Н.А.в адрес Тилли Н. о его возвращении в Советскую Россию. Прага, 1935 г.</u>	б/д
P5881 2 92	 <u>Копия письма графа Шувалова статс-секретарю Н.К.Гирсу о ходе переговоров по заключению экономического соглашения между Россией и Германией. Упоминается о деятельности В.И.Тимирязева.</u>	27 октября 1893
P5881 2 93	 <u>Расписки Матюшенского А. в получении денег от Тимирязева В.И.</u>	ноябрь-декабрь 1905
P5881 2 94	 <u>Вырезки из газет о деятельности В.И.Тимирязева.</u>	1911
P5881 2 95	 <u>Материалы Комиссии по расследованию дела о восстании капитана Орлова в Крыму и январе-феврале 1920 г. Докладные записки, проекты постановлений, и др., собранные членом Комиссии Украинцевым Н.П.</u>	1920
P5881 2 96	 <u>Распоряжение сотрудника "Народного союза защиты Родины и Свободы" начальника культурно-просветительного отдела Русского политического комитета Ульяницкого В.В. по личному составу отдела от 10 октября 1921 г. Копия.</u>	10 октября 1921

Рис.6. Извлечение из описи ГАРФ - Ф.Р. 5881. Оп.2. – Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893-1939 гг.).

трим в качестве примера небольшую часть дел МИДа Российского правительства А.В. Колчака за 1918–1919 гг. «Запись переговоров по прямому проводу председателя Временного все-русского правительства эсера Авксентьева и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Розанова с советником Российской миссии в Тегеране Минорским о создании и политике националистического «Союза Кавказско-Каспийских областей» и о положении белогвардейцев на Кавказе»⁷. «Переписка с первым генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего о положении по данным английской разведки в Северной Персии, Баку и Закаспии. Протоколы соглашения между представителями Англии и Временным Закаспийским правительством от 19 августа 1919 г. о совместных действиях против Советской России и Германии»⁸, «Переписка с советником российской миссии в Тегеране Минорским и главным

штабом верховного главнокомандующего о положении в Персии и об истории возникновения и деятельности Киргизского националистического правительства Алаш-Орды»⁹, «Переписка с российскими послами за границей и особым отделом управления делами Совета Министров о представителе Армянской националистической республики в Омске и донесения агентов о положении в советском Туркестане и Кашгаре»¹⁰. Даже простое перечисление существовавших местных политических структур, взятое в качестве примера в очень небольшом отрывке, может наглядно свидетельствовать о значительной раздробленности и самостоятельности небольших государственных образований, пытавшихся играть свою роль в ходе великой драмы, развернувшейся на просторах ранее единой страны.

Большое место среди документов ГА РФа, посвященных Белому движению, Гражданской войне 1918–22 гг. и последующей эмиграции за-

☐	P5881 1 176		<u>Статья "Подробности выступления чехословаков в Пензе" Автор не установлен. Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 177		<u>Статья "Учение Бондарева" (Автор не установлен). Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 178		<u>"Семеновцы в революции" Записки. Автор не установлен. Рукопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 179		<u>"Сибирь и Дальний Восток". Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (автор не установлен).</u>	б/д
☐	P5881 1 180		<u>"Сибирь и Дальний Восток". Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (автор не установлен). Книга 2. ("Избрание Всероссийского правительства и первые шаги директории"). Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 181		<u>"Сибирь и Дальний Восток". Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (автор не установлен). Книга 3. "Первые выступление атамана Семенова". Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 182		<u>Статья "Советская юстиция" из личных впечатлений М.К." (автор не установлен). Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 183		<u>Статья "Украина". Повстанческое движение" (автор не установлен). Рукопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 184		<u>"Финансово-экономический проект восстановления России". Очерк (автор не установлен). Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 185		<u>Поэма "Чудеса в решетке" (автор не установлен). Рукопись.</u>	1927
☐	P5881 1 186		<u>Доклад делегата от Zurich от 2 конференции заграничных организаций социалистов -революционеров (автор не установлен). Рукопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 187		<u>Очерк (автор не установлен) о процессе польской социально-революционной партии "Пролетариат", имевшему место в 1889 году. Рукопись.</u>	1886
☐	P5881 1 188		<u>Статья о белогвардейской Северо-Западной армии (автор не установлен) (отзыв В.Л. Горна о статье. Рукопись и машинопись.</u>	1927
☐	P5881 1 189		<u>Перевод части английской брошюры об атаке английского флота на Кронштадт и другие операции в русских водах. Автор не установлен. Рукопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 190		<u>Записки белогвардейского офицера о читинском перевороте и атамане Семенове (1917 г.) (автор не установлен). Рукопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 191		<u>Очерк о гражданской войне на Дальнем Востоке и белогвардейском отряде генерала А.Н.Пепеляева весной 1922 г. Автор не установлен. Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 192		<u>Очерк об отношении Германии к Советской России и к Польше, о русской колонии в Германии (автор не установлен). Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 193		<u>Записки Московского союза возрождения России начала 1919 года, об экономическом положении России. Машинопись.</u>	б/д
☐	P5881 1 194		<u>Воспоминания русского военнопленного о возвращении в Советскую Россию (автор не установлен). На русском и немецком языках. Машинопись.</u>	б/д

Рис.7. Извлечение из описи ГАРФ – Ф.Р. 5881. Оп.1. – Мемуары эмигрантов.

нимают многочисленные архивные коллекции. Среди таких коллекционных подборок, собиравшихся как подразделениями правительственных структур Белого движения, так и впоследствии отдельными эмигрантами, проживавшими в разных странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, можно назвать материалы, хранящиеся в следующих фондах Государственного архива Российской Федерации: Ф.Р.6162 – «Коллекция писем солдат русских воинских частей на французском фронте, собранная Тургеневской библиотекой в Париже» – очень интересная подборка писем солдат Русского экспедиционного корпуса, сражавшегося в Первую мировую войну вместе с союзниками против Германии и Австро-Венгрии; есть уникальные коллекции

документов, составленные уже в эмиграции сотрудниками Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге – «Коллекция материалов правительства Врангеля во время его пребывания в Крыму» и «Коллекция материалов штаба А.В. Колчака» (соответственно фонды ГАРФа – Ф.Р.6217 и Ф.Р.6219). Большой интерес представляют и документы, посвященные одному из основателей Добровольческого движения – генералу М.В. Алексееву – «Коллекция газет, журналов, статей, воспоминаний и других материалов о генерале М.В. Алексееве. (ГАРФ, Ф.Р.6435)».

Приведем несколько примеров архивных коллекций и их взаимосвязи с отдельными направлениями исторических исследований:

«Коллекция материалов Лиги Наций» (ГАРФ, Ф.Р.7067) – История внешней политики, История учреждений и организаций; «Коллекция материалов учреждений и воинских частей Белых правительств» – история Белого Движения (ГАРФ, Ф.Р.9427); «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций – 1904-2005 гг.» (ГАРФ, Ф.10017) – история эмиграции, исторические биографии; «Коллекция предметов, отложившихся в фондах Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) и Донского Казачьего архива» (Ф.10013) – История Гражданской войны, История эмиграции, История казачества.

Очень информативен и насыщен разнообразными документами, мемуарами, воспоминаниями, историческими исследовательскими трудами и другой информацией фонд ГАРФа Ф.Р.5881 – «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов», включающий три описи и несколько тысяч единиц хранения – «Мемуары эмигрантов» (опись №1); «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов» (опись №2) и Коллекция отдельных документов эмигрантов (опись №3).

В коллекциях отражены разнообразные воспоминания, мемуары, охватывающие как часть дореволюционного периода, так и события гражданской войны, и последующей эмиграции. Среди них выделим то, что стало одним из спусковых крючков, подтолкнувших дальнейшее лавинообразное нарастание процессов дезинтеграции Российской империи – отречение Императора Николая II от власти в 1917 г. – в фонде ГАРФа Ф.Р.5881 есть несколько дел, посвященных именно событию – «Запись разговора по прямому проводу генерала Рузского Г.Ш. и членами Временного Правительства Родзянко и Львовым об опубликовании Манифеста об отречении Николая II от престола и передачи власти Михаилу Александровичу»¹¹, и «Русский Г.Ш. За-

метки о расхождении в тексте разговора по прямому проводу генерала Рузского Г.Ш. с членами Временного Правительства Родзянко и Львовым и текстом этого разговора, напечатанным в «Архиве Русской революции», №3. Год не указан»¹².

Среди мемуаров эмигрантов есть и воспоминания, посвященные Гражданской войне 1918-1922 гг. не только в Европейской части России и на западном направлении, но и событиям, стремительно развивавшимся в районах Сибири и Дальнего Востока. В частности, большой и объемный труд, посвященный этому вопросу, размещен в фонде ГАРФа Р.5881. Название этого трехтомника «Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»¹³.

Есть среди архивных дел и материалы о русских военных изобретателях и военных историках, в частности, о В.Н. Смердове, создававшим снаряжение для солдат¹⁴. При более подробном поиске сведений о вышеназванном лице выяснилось много дополнительной информации, в т.ч. и то, что полковник В.Н. Смердов в 1913 г. был председателем Московского отдела Императорского Русского Военно-Исторического общества (ИРВИО) и принимал самое активное участие в созыве Первого съезда хранителей полковых музеев частей Московского военного округа, состоявшегося в апреле 1913 г. в Москве (см. краткую историческую справку)¹⁵, Вот такие исторические загадки, параллели и повороты сюжетов могут возникать при знакомстве с описями различных фондов.

Даже краткий обзор фондов и архивных коллекций ГА РФа, посвященных проблематике Гражданской войны 1918–1922 гг., приведенный в этой статье, показывает, какой объем материалов по тому трагическому времени может быть использован в научных исследованиях, сколько еще нераскрытых и слабоизученных страниц истории ждет анализа и углубленного изучения.

¹ www.statearchive.ru Подраздел каталога – Электронная База Данных – Фонды и Описи Государственного Архива Российской Федерации – Фонды Учреждений Белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в период Гражданской войны – Электронный ресурс – Портал ГАРФа.

² Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. Отв. Редактор Т.Ф. Павлова. М.: Росспэн, 1999. СС..2-25. Предисловие.

³ www.statearchive.ru Подраздел каталога – Электронная База Данных – Фонды и Описи Государственного Архива Российской Федерации – Фонды Учреждений Белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в период Гражданской войны – Электронный ресурс – Портал ГАРФа

- ⁴ Подраздел каталога – Электронная База Данных – Фонды и Описи Государственного Архива Российской Федерации – Фонды Учреждений Белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в период Гражданской войны – Временное правительство Северной области (Н.В.Чайковский, П.Ю.Зубов, Е.К.Миллер), гг. Архангельск, Мурманск – Электронный ресурс – Портал ГАРФ – www.statearchive.ru
- ⁵ www.statearchive.ru Электронный каталог ГА РФ.
- ⁶ Российское правительство (А.В. Колчак). г. Омск. Ф.Р-200. Оп.1.Д.19. Законопроекты, доклады, докладные и объяснительные записки министерств и управлений, подлежащие обсуждению в Совете министров и присланные для сведения в Министерство иностранных дел. 17 апреля – 20 мая 1919 г. 376 л.
- ⁷ ГАРФ, Ф.Р.200, Оп.1, Д.376, 21 октября -18 ноября 1918 гг.
- ⁸ ГАРФ, Ф.Р.200, Оп.1,Д.377, 9-24 декабря 1918 гг.
- ⁹ ГАРФ, Ф.Р.200, Оп.1, Д.379, 5 ноября 1918 – 27 августа 1919 гг.
- ¹⁰ ГАРФ, Ф.Р.200, Оп.1,Д.385. 29 мая -23 октября 1919 г.
- ¹¹ ГАРФ, Ф.Р.5881, Оп.2, Д.84. 3 марта 1917 г. Копия.
- ¹² ГАРФ, Ф.Р. 5881, Оп.2. Д.85. Год не указан. б/д.
- ¹³ ГАРФ, Ф.Р. 5881, Оп.1. Д.179. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор не установлен. б/д Книга 1; Книга 2 –Ф.Р.5881.Оп.1.Д.180. – То же общее название, подзаголовок – Книга 2. «Избрание Всероссийского правительства и первые шаги директории». Машинопись. б/д; Общее название книг №№1-3; Книга 3. «Первые выступления атамана Семенова». Машинопись. б/д – Ф.Р.5881. Оп.1.Д.181.
- ¹⁴ ГАРФ, Ф.Р.5881, Оп.2, Д.90. Автор не установлен. б/д.
- ¹⁵ Краткая информационная справка о В.Н. Смердове – Смердов Владимир Николаевич, из потомственных дворян Рязанской губ., родился 06-10-1870 в г. Ефремове Тульской губ., дата и место смерти неизвестны, жена – Кожухова Татьяна Дмитриевна, дочь генерала от инфантерии Кожухова Д.Д., (источники: Медер В. Сборник биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадет Александринского Сиротского кадетского корпуса. – М., 1905, ч.III; Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. 01.01.1909. – СПб., 1909; www.regiment.ru/bio/s/121.htm Смердов В.Н. (1870 – ?). Военнослужащий. В 1891 г. Окончил 3-е военное Александровское училище. Дослужился до звания полковника, был награжден различными наградами, в т.ч. орденами Святого Станислава и Святой Анны 2-й степени. В 1903-1904гг. выпустил справочное издание «Сборник биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадет Александринского Сиротского кадетского корпуса (составлено В.Н. Смердовым. Часть1-2. М., 1903-1904. – Типография Г. Лисснера и А. Гешеля». www.antikvarus.ru/media/00/00/03/... Не менее интересные сведения о В.Н. Смердине приведены в диссертационном исследовании Ю.Н. Мягкова «Участие офицерского корпуса в развитии физического воспитания и спортивного движения в России во второй половине XIX – начале XXвв.», который защитился в 2010 году в Москве. Там, в частности, упоминаются несколько публикаций В. Смердова, посвященных военно-самокатному вопросу в русской армии на рубеже XIX-XX вв. Это брошюры – Смердов В. Команды самокатчиков в войсках. Их цель, организация, программа обучения и сведения, необходимые нижним чинам. /В. Смердов. – Варшава, 1895; Смердов В.Н. Положение самокатного вопроса в нашей армии в начале 1900г. /В.Н. Смердов, 1900. 35с. www.nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-04/... Кроме того, в статье А. Афанасьева «Полковые музеи русской армии. Хранители воинской славы Отечества», опубликованной на сайте Журнального зала, упоминается полковник В.Н. Смердов – председатель Московского Отдела Императорского Русского Военно-Исторического общества (ИРВИО), который был одним из организаторов Первого съезда хранителей полковых музеев частей Московского военного округа в апреле 1913 года, состоявшегося в Москве. www.magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003/2003_01_45.html Дальнейшую судьбу полковника В.Н. Смердова по сетевым источникам в настоящее время проследить не удается.

*генерал-лейтенант Ивановский Владимир
Сергеевич, Россия, Санкт-Петербург,
Военная академия материально-технического
обеспечения имени генерала армии
А.В. Хрулёва, начальник академии,
доктор технических наук, профессор*

Создание и роль органов тыла в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в России 1918-1922 гг.

Одновременно со строительством Красной Армии и Флота, принятием необходимых мер по укреплению глубокого тыла и созданию предпосылок для обеспечения победы над многочисленными врагами партия приняла меры по созданию органов тыла, тыловых частей и учреждений Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Структура органов тыла и система снабжения выработывались постепенно, в тяжелых условиях гражданской войны, по мере накопления опыта.

В марте 1918 г. для руководства снабжением и обслуживания создаваемой армии организуются центральные довольствующие управления: артиллерийское, военно-хозяйственное, военно-инженерное, квартирное, военно-ветеринарное и другие.

Для обеспечения всеми видами довольствия воинских частей, учреждений и заведений, расположенных или формируемых на территории округа (губернии, уезда), в составе комиссариатов были созданы и органы снабжения.

С переходом к строительству Красной Армии на основе обязательной воинской повинности

потребовалось создание и новых органов тыла, которые сосредоточили бы в своих руках все вопросы снабжения и обслуживания войск

В целях сосредоточения в одном органе всех вопросов снабжения создаваемой армии, решением Советского правительства в июне 1918 г. было создано Центральное управление снабжения, которому были подчинены все основные центральные довольствующие управления.

Главным начальником снабжения Красной Армии был назначен опытный снабженец А.А. Маниковский. В июле 1918 г., в связи с переходом Маниковского на другую работу Главным начальником снабжения был назначен Е.И. Мартынов.

Для координации работы предприятий, занятых военным производством, учета и распределения предметов военного снабжения в ноябре 1918 г. была образована Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии (Чрезкомсиаб).

Председателем этой комиссии был назначен Л.Б. Красин. Заготовкой продовольствия для армии ведала Центральная продовольственная комиссия (Цекопродарм), в состав которой вхо-

дили представители от Народного комиссариата продовольствия и Народного комиссариата по военным и морским делам.

Председателем Цекопродарма являлся П.П. Брюханов. Для проведения заготовок в прифронтной полосе распоряжением Цекопродарма при фронтах, армиях и дивизиях создавались особые продовольственные комиссии (Опродкомы).

Руководство железными и грунтовыми дорогами, морскими и озерно-речными путями осуществлялось службой военных сообщений. В составе Всероссийского главного штаба было создано Управление военных сообщений, преобразованное в октябре 1918 г. в Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО), начальником которого являлся М.М. Аржанов.

Для руководства автомобильной службой в составе ЦУПВОСО в декабре 1918 г. была создана автомобильная часть. Следовательно, служба военных сообщений представляла единую транспортную службу Красной Армии.

Руководство железнодорожными войсками Красной Армии осуществлял начальник железнодорожных войск Республики, подчинявшийся начальнику ЦУПВОСО.

В соответствии с Постановлением Реввоенсовета Республики от 27 сентября 1918 г. и приказом Главкома И.И. Вацетиса в октябре 1918 г. началось формирование штаба железнодорожных войск республики и первых 16 отдельных железнодорожных рот.

Снабжением Военно-Морского Флота всеми видами материальных средств ведало Главное морское хозяйственное управление, созданное в 1918 г., техническим обеспечением – Главное управление кораблестроения. Большую работу по созданию органов тыла флота проделал П.Е. Дыбенко.

Снабжением кораблей флота и обеспечением формируемых флотилий материальными средствами ведал И. И. Вахрамеев, впоследствии один из крупных работников тыла Военно-Морского Флота.

По мере роста численности Красной Армии и Флота, а также образования регулярных частей, дивизий, армий, флотилий и фронтов распоряжением местного командования, а иногда по инициативе местных партийных и советских органов, без указаний центра организовывались тыловые части, учреждения и органы тыла.

Создаваемые тыловые части, учреждения и подразделения, а также органы управления тылом имели разную, иногда произвольную организационную структуру, с чем нельзя было мириться. Необходимо было выработать единую для всей Красной Армии организационную структуру тыла.

В ноябре 1918 г. были утверждены штаты дивизий, бригад и полков, а в декабре – полевых управления фронтов и армий. Вопросами организации тыла и управления им, снабжения войск материальными средствами ведали начальники снабжения фронта, армии, дивизии, бригады.

Воинскими перевозками, эксплуатацией, ремонтом и восстановлением железнодорожных, водных и шоссейно-грунтовых путей фронта и армии, а также почтово-телеграфной службой во фронтовом или армейском тыловом районе ведал соответствующий начальник военных сообщений.

В полку ответственность за снабжение подразделений была возложена на заведующего хозяйством, который подчинялся командиру части только в оперативном отношении. За строевыми командирами оставалось право общего наблюдения и внутреннего контроля.

Для привлечения общественности к контролю над правильным расходованием денежных и материальных средств, в частях и подразделениях избирались контрольно-хозяйственные советы. Без подписи члена контрольно-хозяйственного совета не был действителен не один документ, связанный с расходом материальных средств.

В июне 1918 г. состоялось решение о передаче медицинской службе Красной Армии эвакуационного дела, которое в русской армии находилось в ведении Генерального штаба и других ведомств. При Главном военно-санитарном управлении (ГВСУ) был создан эвакуационный отдел с постоянно действующим при нем Главным эвакуационным совещанием из представителей заинтересованных ведомств (органов военных сообщений, Красного Креста и др.). Отныне впервые в истории отечественной военной медицины эвакуация и лечение раненых и больных слились в единый и неразрывный лечебно-эвакуационный процесс.

Военные врачи стали, таким образом, выполнять не только лечебную работу, как это было в

дореволюционное время, но и обладать административно-организационными правами, сделавшись полновластными руководителями и организаторами всего целостного процесса медицинского обеспечения войск.

11 июля 1918 г. постановлением Советского правительства был учрежден Народный комиссариат здравоохранения РСФСР. Наркомом здравоохранения был назначен Н.Л. Семашко, его заместителем – З.И. Соловьев, который с января 1920 г. стал одновременно начальником ГВСУ. До него этот пост занимал М.И. Баранов. 20 сентября 1918 г. ГВСУ на правах самостоятельного отдела вошло в состав Наркомздрава.

Начальник ГВСУ, являясь заместителем Народного комиссара здравоохранения, непосредственно осуществлял руководство медицинским обеспечением Красной Армии в строгом соответствии с указаниями Революционного Военного Совета Республики.

Наряду с ГВСУ в состав Наркомздрава были включены центральные медицинские управления всех других ведомств. Тем самым был завершен процесс объединения медико-санитарного дела страны в единое целое, столь необходимое на первых этапах строительства советского здравоохранения, проходившего в сложных и неблагоприятных условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Народный комиссариат здравоохранения стал единым государственным медицинским центром Советской республики, призванным решать весь комплекс задач, связанных с медицинским обеспечением населения и войск.

Организационное единство советской медицины стало одним из основополагающих ее принципов, определявшихся политикой Коммунистической партии в области здравоохранения.

Другими такими принципами, разработанными большевистской партией и впервые в обобщенном виде сформулированными в ее Программе, принятой на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г., являлись: государственный характер советской медицины, ее профилактическая направленность, гуманизм, неразрывная связь теории с практикой, широкое и активное участие общественности в деле здравоохранения.

Эти принципы являлись отправными для строительства медицинской службы Красной Армии и Флота и ее практической деятельности в годы

иностранной военной интервенции и гражданской войны. Эта деятельность протекала в исключительно трудной и сложной обстановке.

До создания типовой организации Красной Армии, введенной приказом РВСР № 220 1918 г., медицинская служба в войсках была представлена небольшими подвижными формированиями, которые неотступно следовали за своими частями (отрядами).

С введением типовых штатов частей, соединений и объединений медицинская служба приобрела определенную организационно-штатную структуру. Начальники медицинской службы фронтов и армий подчинялись командованию лишь в оперативном отношении.

Все тыловые части и учреждения объединений и соединений Красной Армии, обеспечивавшие войска всем необходимым для жизни и боя, в Гражданскую войну назывались базами (фронтowymi, армейскими, дивизионными).

В состав базы входили склады по видам материальных средств, мастерские, транспортные части, санитарные и ветеринарные учреждения, авиационные парки, части этапно-транспортной службы, железнодорожные и другие части и учреждения в зависимости от назначения и вида базы.

Таким образом, в 1918 г. и первой половине 1919 г. в основном оформились и сложились центральные органы тыла Красной Армии и Флота, а также органы тыла, тыловые части и учреждения фронтов, армий, флотилий, дивизий, бригад и частей. Однако стройной системы снабжения и обеспечения войск все еще не было. Существовали параллельные органы, как в центре, так и на местах, в результате чего, но было должной централизации снабжения и обслуживания войск.

В связи с расширением Гражданской войны и ростом численности армии требовалось создать более гибкие органы тыла и обслуживания вооруженных сил, которые смогли бы целесообразно использовать имеющиеся незначительные запасы и производственные мощности для обеспечения армии.

Большим шагом вперед в строительстве регулярных вооруженных сил и их органов тыла явилось утверждение ВЦИК в конце 1918-начале 1919 гг. первых уставов Красной Армии.

Одним из важнейших требований уставов являлось соблюдение единой формы одежды, ут-

вержденной Советским правительством в конце ноября 1918 г. В январе 1919 г. были установлены знаки различия и введен для всех бойцов и командиров зимний головной убор – шлем. Все военнослужащие носили на головном уборе пятиконечную красную звезду с изображением на ней молота и плуга. Рода войск различались, но соответствующему цвету петлиц, а командный состав имел знаки отличия.

Одной из важнейших задач, которая возникла при создании органов тыла, тыловых частей и учреждений Красной Армии и Флота, стала задача подбора кадров. Нужны были люди, беззаветно преданные Советской власти, умевшие бережно расходовать военное имущество.

Если командный состав всех степеней на первом этапе строительства армии избирался на общих солдатских собраниях или съездах солдатских комитетов, то должности инженеров, врачей, техников и других специалистов замещались путем назначения лиц, имевших специальное образование.

Важную роль в подготовке кадров тыла сыграла Военно-хозяйственная академия, созданная в 1918 г. в Петрограде на базе Интендантской академии царской армии. В марте 1918 г. Военно-хозяйственная академия переехала из Петрограда в Москву, где с 5 апреля 1918 г. организуются занятия на ускоренных четырехмесячных военно-хозяйственных курсах. С 9 декабря 1918 г. уже открываются занятия на первом ускоренном восьмимесячном курсе снабженцев. Военно-хозяйственная академия воспитала немало преданных работников тыла (с апреля 1918 г. по май 1921 г. академия произвела шесть ускоренных выпусков, подготовив 947 военно-хозяйственных специалистов для армии).

Кадры для органов ВОСО и железнодорожных поиск готовились на факультете военных сообщений в составе Военно-инженерной академии.

Подготовка кадров тыла для Военно-Морского Флота производилась в Высшей военно-морской финансово-хозяйственной школе, которая в октябре 1920 г. была объединена с Военно-хозяйственной академией в одно Высшее военное учебное заведение – Военно-хозяйственную академию Красной Армии и Флота.

Видную роль в осуществлении стоивших перед медицинской службой задач играла Воен-

но-медицинская академия. За годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в академии состоялось три выпуска врачей. Всего было выпущено 309 военных врачей. Большая часть выпускников получила направление на различные фронты гражданской войны. В академии интенсивно готовились также медицинские сестры, санитары, дезинфекторы. Только в 1919 г. академией было выпущено свыше 500 сестер.

Для подготовки среднего и младшего командного состава военных хозяйственников, железнодорожников, автомобилистов и других специалистов были организованы курсы и школы – центральные, окружные, фронтовые и армейские. Так, например, в июле 1918 г. в городе Торжке, Тверской губернии (в настоящее время Калининская область), были организованы «1-е советские инструкторские военно-железнодорожные курсы для подготовки красных офицеров железнодорожных войск».

Весной и летом 1918 г. империалисты Англии, Франции, США, Японии и некоторых других государств, не объявляя войны, высадили свои войска на территории Советской России. Захватив Север, Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье и южные районы страны, иностранные интервенты отрезали Советскую республику от важнейших продовольственных и сырьевых ресурсов и совместно с внутренней контрреволюцией предприняли наступление в центральные районы Советской России.

Решающим фронтом республики летом 1918 года Центральный Комитет партии считал Восточный фронт.

С организацией фронтов, армий, соединений и частей для снабжения и обслуживания войск потребовалось развертывать тыловые части и учреждения, организовывать подвоз и эвакуацию, размещать тыл в определенных границах.

Так как разработанных новых теоретических положений по организации тыла, которые соответствовали бы новой армии, формам и способам ведения Гражданской войны, но было, старые военные специалисты механически переносили выработанную в русской армии теорию организации тыла позиционного периода Первой мировой войны и новые условия Гражданской войны.

Так, в лекциях, читаемых на ускоренном курсе Академии Генерального штаба Красной Армии

в 1918-1919 учебном году, один из теоретиков тыла русской армии Сулейман рассматривал тыл действующей армии «как живой организм, покоящийся на неизменных законах». Освещая вопросы размещения баз, Сулейман па первое место ставил «условие полной безопасности от покушений со стороны противника, и только с соблюдением этого главнейшего условия осуществляется другое условие – приближение фронтовой базы к армиям настолько, насколько это позволяет полная безопасность».

Фронтовой тыл считался стационарным. Глубина фронтового тылового района была 500 и более километров, армейского – 200 и более километров, войскового – 70 километров.

Все пути подвоза и эвакуации, как во фронтовом, так и в армейском тыловом районе назывались военными дорогами. В тыловых районах фронтов, армий и дивизий развертывались их базы.

Подвоз материальных средств к фронтовым и армейским базам, а от последних до конечных выгрузочных станций производился железнодорожным транспортом; от конечных выгрузочных станций до дивизионных складов – по железным дорогам или гужевым транспортом армии, а от дивизионных складов к войскам – в основном по грунту штатными транспортными средствами дивизий, бригад и частей.

В связи с большими транспортными затруднениями предусматривалось содержать повышенные запасы материальных средств: на фронтовых складах – до двухмесячной потребности на весь состав фронта, на армейских – на 7 суток, в дивизии боеприпасов – 2–3 боекомплекта, продовольствия – 9 суточных дач, фуража – 6 суточных дач. Однако эти нормы, ввиду больших экономических трудностей в стране, не выдерживались. Подвижные запасы в войсках были незначительные (1–2 суточные дачи продовольствия, 0,5–1,0 боекомплекта боеприпасов).

Таким образом, многие положения об организации тыла русской армии позиционного периода первой мировой войны были перенесены в новые условия гражданской войны. Теоретические положения об организации тыла не в полной мере отвечали маневренному характеру гражданской войны.

Для первой половины и середины 1918 г. характерным в боевых действиях войск являл-

ся так называемый эшелонный период войны. Войска действовали вдоль железных дорог.

В этот период запасы материальных средств, кухни, лазареты находились в вагонах и следовали вместе с войсками, по железным дорогам. Пополнение запасов материальных средств, производилось из складов местных Советов или местных комиссариатов. Больные и раненые оставались в местных госпиталях.

Во второй половине 1918 г. боевые действия постепенно развернулись на больших пространствах. Войска стали действовать в значительном удалении от железных дорог. Для обеспечения и обслуживания войск организовывались центральные, фронтовые, армейские, дивизионные и бригадные базы, а также базы для флота, авиации и другие тыловые части и учреждения.

К весне 1919 г. адмирал Колчак с помощью империалистов США, Англии, Франции и Японии создал в Сибири сильную белогвардейскую армию и начал поход против Советской республики. Колчаку должны были содействовать войска Деникина, Юденича, Польши и другие интервенционистские и белогвардейские войска. Перейти в наступление, армия Колчака захватила ряд районов Приуралья. Создалась угроза выхода белогвардейских войск к Волге. Благодаря принятым мерам наступление противника было остановлено, и в апреле 1919 г. войска Восточного фронта перешли в контрнаступление.

Организация тыла Восточного фронта и его армий в оборонительный период и в период контрнаступления характеризовалась глубоким размещением фронтовых, армейских и дивизионных баз. По состоянию па 1 марта 1919 г. основные тыловые части и учреждения фронта находились от войск в 500–1000 км.

Практика Восточного фронта показала, что тыловые части, подразделения и учреждения фронта, армии и дивизий размещались глубоко. Аналогичное положение в это время было и на других фронтах. Например, в январе 1919 г. Военный совет 6-й армии Северного фронта доносил в Реввоенсовет Республики, что «фронт армии растянулся до полутора тысяч верст, удаление войск отдельных участков от базы доходило до тысячи верст».

Такое глубокое эшелонирование тыловых частей и учреждений в годы гражданской войны объясняется не только влиянием старых теорий

на организацию тыла, но и рядом других объективных причин: высокая подвижность фронтов, широкая полоса их боевых действий (до 1800 км), неоднократные глубокие отходы наших войск под натиском превосходящих сил противника, недостаток железнодорожных войск для восстановления и обслуживания, железных дорог и сравнительно низкая провозоспособность железных дорог того периода не позволяли быстро перемещать тыловые части и учреждения при вынужденных отходах или стремительном наступлении наших войск.

Потерпев поражение на востоке, иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция перенесли центр своих усилий на юг, делая основную ставку на белогвардейскую армию Деникина. Перейдя в наступление, деникинская армия захватила к началу июля 1919 г. всю Донскую область, часть Левобережной Украины, вторглась в некоторые центральные районы Советской России.

Над страной нависла грозная опасность. ЦК партии обратился с письмом, к партийным организациям: «Все на борьбу с Деникиным!», в котором были намечены меры по мобилизации всех сил страны на разгром белогвардейской армии Деникина.

В этом письме Центрального Комитета говорилось: «Больше всего нуждается паша армия в снабжении: в одежде, обуви, оружии, снарядах. В разоренной стране приходится употреблять громадные усилия, чтобы покрывать эту потребность армии...»

Вопрос о максимальной централизации снабжения встал главным образом потому, что экономическое состояние страны в 1919 г. ухудшилось, а потребности армии в материальных средствах увеличились в связи с ростом численности армии и возрастанием размаха операций и войны в целом.

Трудности в снабжении войск были и потому, что отсутствовала должная централизация в использовании железнодорожного, водного, автомобильного и других видов транспорта. Ни в составе Центрального управления снабжения, ни в управлениях и отделах снабжения фронтов и армий не было транспортных органов.

Постановлением ВЦИК от 9 июля 1919 г. была учреждена должность Чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению

армии и флота (Чусоснабарм), которому подчинялись все органы снабжения Народного комиссариата по военным и морским делам – центральные, местные, а также и действующей армии. Чусоснабарм входил в Реввоенсовет Республики на правах его члена.

С учреждением должности Чусоснабарма было достигнуто полное согласование и объединение деятельности органов производства с органами распределения, объединение органов снабжения Красной Армии и Военно-Морского Флота, ликвидирован параллелизм в работе довольствующих управлениях и сокращена между ними излишняя переписка.

В интересах улучшения снабжения армии и флота Чусоснабарму предоставлялось право своими приказами реформировывать подведомственные ему учреждения, объединять параллельно действующие и ликвидировать излишние.

Постановлением ВЦИК от 10 августа 1919 г. снабжение Красной Армии и Флота продовольствием и предметами первой необходимости было сосредоточено в руках Наркомпрода, в составе которого было учреждено Главное управление по снабжению армии продовольствием (Главспабпродарм).

Для централизации перевозок военного имущества во всех вооруженных силах приказом Чусоспабарма в июле 1919 г. в составе Центрального управления снабжения был учрежден Особый транспортный отдел. С целью централизации всех перевозок во фронтах и армиях в ноябре 1919 г. были учреждены транспортные отделы во фронтах и отделения в армиях, подчиненные начальнику снабжения фронта (армии).

Изложенная выше структура органов тыла создавалась с большим трудом и не везде одновременно вводилась, была разнообразной во фронтах и армиях.

В 1919 г. были созданы автомобильные управления во фронтах и военных округах, автомобильные части (отделы) в армиях. В результате создавалась автомобильная служба Красной Армии, которая до июня 1920 г. являлась составной частью службы военных сообщений, а затем выделилась в самостоятельную службу, подчиненную созданному впервые автомобильному управлению.

Было решено более централизованно использовать железнодорожный, автомобильный и другие виды транспорта. Железнодорожные роты были переформированы в дивизионы, а последние объединялись в железнодорожные бригады.

Чтобы ускорить доставку материальных средств, в армиях, соединениях и частях организовывались подвижные склады, летучки, мастерские и другие части.

В армиях и дивизиях Южного фронта были созданы дивизионные подвижные склады на колесах по 21 вагон каждый (7 вагонов для продовольствия и фуража), 9 вагонов для артиллерийского имущества и боеприпасов, 4 вагона для инженерного имущества, 3 вагона для вещевого имущества и один вагон под личный состав) и в каждой армии – по две армейские железнодорожные летучки по 30 вагонов каждая.

Особенно большое внимание уделялось маневренности тыловых частей и учреждений кавалерийских соединений. Командующий 1-й Конной армией С.М. Буденный и член Военного совета К.Е. Ворошилов в докладе Военному совету фронта указывали, что «тыловые части и учреждения Конной армии должны быть негромоздкие, способные легко перебрасываться за быстродвигающейся армией».

Обеспечение войск 1-й Конной армии материальными средствами производилось в основном армейскими и дивизионными железнодорожными летучками, которые двигались вслед за наступающими войсками.

После разгрома белогвардейских войск Деникина международное и внутреннее положение Советской республики улучшилось. Наступила мирная передышка. Однако продолжалась она недолго. В конце апреля 1920 г. войска белопольской армии начали наступление и, используя численное превосходство, достигли значительных успехов.

Совет Обороны Республики обязал все народные комиссариаты разработать конкретные мероприятия по содействию Западному и Юго-Западному фронтам и о проделанной работе сообщать еженедельно в Совет Обороны.

Для наведения твердого порядка в тылу в мае 1920 г. была введена должность начальника тыла Юго-Западного фронта и его армий. Начальником тыла фронта Центральный Комитет партии

назначил председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. На флотах в 1920 г. была введена должность начальника тыла.

Оценивая общие условия снабжения войск в 1920 г., В. И. Ленин говорил: «Главная наша трудность в настоящей войне не в отношении человеческого материала – его у нас достаточно, – а в снабжении. Главная трудность на всех фронтах – недостаток снабжения, недостаток теплой одежды и обуви. Шинели и сапоги – вот самое главное, чего недостает нашим солдатам, вот из-за чего так часто срывались наступления, вполне победоносные».

Обеспеченность войск Южного фронта перед штурмом Перекопа и Чонгара также была низкая – шинелями па 82%, обувью кожаной на 07,0%, рубашками суконными на 04/1%, шароварами на 28,7%.

В период борьбы с войсками буржуазной Польши и армией Врангеля, так же как и в период разгрома белогвардейских армий Колчака и Деникина, тыловые части и учреждения размещались на большой глубине.

Основные склады Западного фронта (артиллерийский, инженерный, продовольственный) в июле 1920 г. находились во Ржеве, Вязьме, Брянске на удалении 400–500 км от переднего края, а армейские склады – на 130–400 км.

Во время начавшегося наступления Западного фронта склады в основном остались па прежних местах, далеко отстав от передовых частей. Поэтому пополнение запасов в войсках происходило с большими перебоями.

Ввиду большой растяжки тыла, разрушения железных дорог и их большой загрузки, а также недостатка паровозов и вагонов важную роль в подвозе играл гужевой транспорт. Для подвоза материальных средств и эвакуации раненых в большом количестве привлекался транспорт местного населения за плату, по расценкам местных властей.

В июле 1920 г. 4-я армия использовала тыс. подвод местных жителей, 15-я и 3-я армии – по 15 тыс. подвод, 16-я армия – около 10 тыс. подвод. Однако этого количества гужевого транспорта было недостаточно. Армиям фронта требовалось около 76 тыс. подвод для подвоза необходимых материальных средств. Все это пагубно отражалось па обеспечении войск. Не было возможности своевременно доставить во-

йским даже те ограниченные запасы, которые страна направляла фронту.

При наступлении Западного фронта на Варшаву командование и руководители тыла приняли решение о перемещении фронтовых и армейских складов лишь 29 июля 1920 г., то есть тогда, когда войска с боями прошли уже свыше 300 км. К тому же одновременное перемещение фронтовых и армейских складов привело к сильной загрузке железных дорог.

Поэтому подвоз войскам материальных средств, происходил с большими перебоями, и в период решающих боев на Висле войска Западного фронта испытывали большой недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия, обмундирования, инженерного имущества. Это одна из причин поражения советских войск на Висле.

В огне сражений с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией закалялась Красная Армия, развивалось советское военное искусство, вырабатывались и совершенствовались способы и методы материального обеспечения и обслуживания войск, закладывались основы оперативного и войскового тыла.

Литература:

1. В.И. Ленин и тыл Советских Вооруженных Сил. М., Военное издательство, 1970.
2. Родники победы: Боевые традиции войск тыла. М., Воениздат, 1989.
3. Тыл Советской Армии. М., Воениздат, 1968.
4. РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.197. ЛЛ.1-5.

*Владимир Дмитриевич Лебедев,
Россия, Москва, Государственный архив
Российской Федерации, ведущий
специалист, кандидат исторических наук*

Иностранная военная интервенция в России: по документам Государственного архива Российской Федерации

Вопрос о значении военной интервенции в годы Гражданской войны, ее целях и задачах, позиция руководителей участвующих в ней стран в отношении России – традиционная тема для отечественной историографии. Преобладает мнение, что интервенция направлена на развал и политическое ослабление бывшей Российской империи, поддержку марионеточных национальных правительств ее окраин, а также захват важнейших предприятий и природных месторождений. Отметим, что подобной точки зрения придерживались не только советские, а затем – российские историки, но и представители эмиграции, в том числе участники Белого движения¹. Однако некоторые проблемы изучены поверхностно. К ним относятся, в первую очередь, следующие вопросы: какие конкретные действия предпринимали оккупационные власти по захвату предприятий, в частности порядок управления ими, распределения доходов и пр.? какую политику они проводили по отношению к местному населению, действительно ли эта была поддержка представителей

национальных меньшинств и в каких правовых формах она происходила? Хотя в некоторых современных монографиях эти вопросы уже получили определенное освещение, они все же полностью не раскрывают их, поскольку касаются только отдельных территорий, подконтрольных командованиям Белых армий и затрагивают их отношения с руководителями ведущих стран Европы, как правило, Франции и Великобритании².

Для решения поставленных задач необходимо ввести в научный оборот документы, значительная часть которых сосредоточена в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В настоящее время состав фондов размещен на сайте ГА РФ.

Во-первых, это весьма разнообразные по видам и содержанию источники, сохранившиеся в фондах консульских учреждений, расположенных в городах, контролируемых Белыми армиями. В частности, большие по объему материалы отложились в фондах консульств и миссий на юге России: Великобритании, Франции, Бельгии, Греции, Испании, Польши, Персии.

Во-вторых, представляют интерес и документы белогвардейских правительств и их учреждений: Временного правительства Северной области, правительства Северо-Западной области, Временного Сибирского правительства и др.

В-третьих, сведения по истории военной интервенции хранятся в архивных коллекциях: материалов по интервенции в Приморье, Русского правительственного комитета по заготовкам в Англии и заготовительно-ликвидационной комиссии в Лондоне, собранных Т.Н. Беляевым, информационных материалов Советской России, Германии, Польше и других странах за 1917–1937 гг., – а также фондах различных эмигрантских общественных организаций.

В составе вышеназванных учреждений и организаций сохранились протоколы заседаний, служебная переписка, доклады, рапорты, к которым прилагались справки и газетные вырезки. Большинство документов являются подлинниками либо заверенными копиями. Изучение их содержания позволяет сделать ряд выводов.

Сам факт существования консульских учреждений и миссий опровергает суждения отдельных советских авторов, что правительства стран Антанты и нейтральных государств в правовом отношении ставили задачи оккупировать Россию или превратить ее окраины в колонию. Отметим, что подобные учреждения отсутствовали у Германии, Австро-Венгрии и Турции, действительно оккупировавшие по Брест-Литовскому миру всю западную часть бывшей Российской империи и Кавказа. Анализ документов дипломатической переписки показывает, что характер деятельности иностранных властей зависел от внешней политики той страны, которую они представляли. В свою очередь, руководители Белого движения часто полагали, что она, по возможности, должна быть сохранять преемственность от внешнеполитического курса царского и Временного правительств, должна учитывать принятые договоры и обязательства. При работе с документами иностранных консульских учреждений важно учитывать, что их позиция была predetermined указанными и распоряжениями центральных органов власти. Чтобы провести источниковедческий анализ этих документов, необходимо исследовать характер политической борьбы по тому или иному вопросу. Как правило, это позволяют сделать документы

из архивной коллекции, где сосредоточены рапорты и донесения о политической ситуации в Европе, Азии и Америке органов политической и военной разведки белогвардейских частей штабов³, а также материалы периодической печати.

Отметим, что международные отношения в период Гражданской войны не всегда имели корыстный и эгоистический характер. Так, в архиве Греческого королевского консульства в Екатеринодаре хранится телеграмма консула, направленная 23 января 1919 г. на имя начальника Кубанской области, с благодарностью за сбор пожертвований греческим беженцам в Карской области⁴. Через два года греческое правительство, несмотря на экономические трудности, вызванные войной с Турцией, безвозмездно окажет помощь российским эмигрантам и военнослужащим армии П.Н. Врангеля⁵. Документы по этому вопросу хранятся в фонде уполномоченного Российского общества Красного Креста в Константинополе.

Несколько иначе развивались отношения с Францией и Великобританией, где еще до Первой мировой войны общественность и ряд политиков выступали за поддержку национальных движений на западных окраинах России⁶. Подобные же настроения сохранились и в послевоенный период, в том числе и среди армейского высшего командного состава. Так, капитан Бертелло в отчете на имя командующего французскими силами на юго-западе России генерала А. Бертелло от 14 февраля – 1 марта 1919 г. лозунг великой и единой России оценивал негативно⁷. В то же время в письме главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала А.И. Деникина генералу А. Бертелло отмечено, что при выработке соглашения между русскими и французскими властями недопустимо передавать, как это желает французский представитель, русские бригады под французское командование. Точно так же нельзя назначать большинство офицеров из уроженцев Украины. «Русское офицерство, – писал А.И. Деникин, – ясно отдавая себе отчет о происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему с которым оно составляет единое целое»⁸. В ГА РФ хранится проект соглашения главнокомандующего Добровольческой армии с французским командованием о разграничении полномочий⁹. Принимая во

внимание позицию и настроения высшего офицерского состава иностранных войск, даже незначительная помощь с их стороны вызывала благодарность от командования Белых армий. Так, были отмечены боевыми наградами летчики французского авиационного отряда, производившие на фронте 3-й армии воздушную разведку, что зафиксировано в приказе № 191 адмирала А.В. Колчака¹⁰.

По-видимому, подобные эпизоды в истории Гражданской войны были крайне редки. Вот как охарактеризована политика Франции и Великобритании в телеграмме председателя Верховного управления Северным краем в письме в МИД Временного Сибирского правительства. По окончании военных действий на фронтах Первой мировой войны союзные войска «неохотно остаются в России. Англичане вызывают своих волонтеров, во французском контингенте были неповиновения». Помимо вопросов, касающихся управления войсками, автор документа рассматривает условия их экономической деятельности в России: «Союзники готовы помогать за счет общего долга казны, но не могут без готовых русских знаков». И далее: «Пришлось выпустить рубли, гарантированные неприкосновенными золотыми фондами в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и Риме»¹¹. Аналогичная телеграмма была отправлена российским послом во Франции – В.А. Маклаковым в МИД (г. Омск) от 13 июня 1919 г., сохранившая в фонде МИД правительства адмирала А.В. Колчака: «По Вашему поручению выяснили положение в Лондоне, откуда 20 мая телеграфировал Вам № 235 о готовности Беринга кредитовать под золото принимаемое в Гонконге три миллиона фун[та] выплатой по курсу во всех европейских валютах и образовать синдикат крупнейшими американскими и отчасти французскими банками всего на 10 миллионов фунтов»¹².

Вместе с тем объективное понимание исторического процесса не позволяет сделать однозначный вывод, что бывшие союзники России по Антанте преследовали цель лишь захватить природные и финансовые ресурсы нашей страны, ее стратегические предприятия. Об этом свидетельствуют документы, как центральных учреждений белых правительств, так и международных организаций. К таковым относится, в частности, Межсоюзный железнодорожный ко-

митет, документы которого образуют в архиве самостоятельный фонд. В его составе сохранились журналы заседаний комитета и его структурных подразделений, доклады и телеграммы его представителей, переписка с Министерством путей сообщения Российского правительства.

Председателем организации был министр путей сообщения Российского правительства Л.А. Устругова. В комитет входили представители следующих стран: Великобритании (высокий комиссар Ч. Элиот), Китая (высокий комиссар Лиу-Цинь-Джен), Японии (начальник японской дипломатической миссии Мацудайра), Г.Бургуа (заместитель высокого комиссара Франции), США (депутат Палаты представителей Ч.Смит), Италии (генеральный консул Гаско). Основная задача комитета – восстановить деятельность транспорта на Китайской Восточной и Сибирских железных дорогах. Комитету подчинялись Технический Совет (председатель – американский инженер Дж. Стивенс) и Союзный Совет по воинским перевозкам¹³.

Анализ журналов заседаний свидетельствует, что представители ведущих держав в 1919 г. совершенно не располагали не только военными, но и финансовыми для какого-либо захвата стратегических дорог. Их эксплуатация, по заключению Технического Совета, потребует расхода в миллиард рублей. На заседании комитета от 3 апреля 1919 г. Дж. Стивенс заявил, эти расходы объемлют много таких статей, с которыми он впервые встречается: содержание вооруженной охраны, школ, больниц, церквей, клубов, садов, судебных и административных учреждений и т.п.¹⁴ Изучая подобные источники, следует иметь в виду историю «захватываемых» интервентами объектов, поскольку еще в 1891 г. Сибирская железная дорога рассматривалась как одно из главных средств экономического и культурного развития региона, что требовало огромных капиталовложений.

Когда речь идет об иностранной интервенции, подразумевается не только экономический захват территорий или объектов другой страны, но и особый правовой статус оккупантов. Это как бы предполагает, что интервенты должны пользоваться юридической экстерриториальности в районах действий своих операционных армий, в том числе в судебной практике. Согласно телеграмме посла В.А. Маклакова от 10 фев-

раля 1919 г. такой принцип судопроизводства действительно действовал и признавался правительствами Франции, Бельгии и Великобритании на подконтрольных им территориях России. Однако, как справедливо отмечал посол, русские войска во Франции были подсудны русским судам¹⁵, хотя, добавим, их никогда оккупационными никто не считал.

Выводы. Тезис о захватнической политике интервентов требует нового переосмысления с учетом источниковедческого анализа

документов, а также их конкретизации. Важно обратить внимание не только на действия политического и военного руководства европейских стран, входивших в блок Антанты, но и других государств, участвующих в интервенции: Греции, Италии и др. Желательно новые исследования по истории Гражданской войны в России дополнить и расширить путем использования новых архивных документов, в том числе о деятельности представителей иностранных государств.

-
- ¹ Найда С.Ф., Наумов В.П. *Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР*. М., 1966; *Белое движение в Гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию Белого движения. Коллективная монография*. М., 2008; Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. – Репринтное воспроизведение издания. Париж. 1922. М., 1992. С. 214; Лукомский А.С. *Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М., 2012. С. 599–662; Великий князь Александр Михайлович. *Воспоминания*. М., 2004. С. 298–313; и др.*
- ² См.: Ермаков В.П., Гришанин П.И. *Белое движение на Юге России и Антанта: военно-политические и экономические отношения (1918 – начало 1920 гг.)*. Ученые записки. Пятигорск, 2005. Вып. V.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Р-6055. Оп. 1.
- ⁴ Там же. Р-3809. Оп. 1. Д. 16. Л. 96.
- ⁵ Там же. Ф. Р-6021. Оп. 1. Д. 2. Л. 202 об.
- ⁶ «Во Франции начинают сомневаться в дальнейшей склонности России ценить и поддерживать союз». Аналитическая записка князя М.М. Андроникова и С.Ф. Шарапова о реакции французского общества на встречу Николая II и Вильгельма II в Потсдаме в 1910 г. / Публ. подгот. В.Д. Лебедев // *Исторический архив*. 2010. № 6. С. 144–145.
- ⁷ ГА РФ. Ф. Р-6358. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
- ⁸ Там же. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же. Д. 3. Л. 1–2.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 15. Л. 14.
- ¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.
- ¹² Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.
- ¹³ Там же. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 12.
- ¹⁴ Там же. Л. 23, 26 – 26 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 116. Л. 5; Д. 117. Л. 3.

*Анатолий Михайлович Родин,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, старший научный
сотрудник, доктор исторических наук, профессор*

Зарождение советской историографии Гражданской войны

Попытки приступить к исследованиям проблем истории Гражданской войны начались еще задолго до того как отгремели ее бои, но первым крупным систематизированным научно-историческим трудом стало трёхтомное коллективное издание под общей редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана, вышедшее в свет в 1928–1930 гг.¹ Руководителем авторского коллектива и ответственным за выход работы в свет был назначен инициатор этого издания Андрей Сергеевич Бубнов – видный военно-политический деятель, широко известный автор первых в стране трудов по истории Советских вооружённых сил и Коммунистической партии.

А.С. Бубнов видел актуальность и необходимость изучения опыта Гражданской войны прежде всего в том, что он позволяет увидеть «... картину военных действий в обстановке прямой до последних пределов обостренной борьбы классов... И так как в будущей войне, когда бы она на нас ни надвинулась, этот элемент будет в наличии... то изучение опыта войны 1918–1920 гг. может дать нам ряд ценнейших выводов и указаний»². На опыте Гражданской войны новому поколению советских воинов «надо учиты-

ся как создавать Красную регулярную вооружённую силу, как её непрестанно укреплять и как выходить победителями из самых сложных и тяжёлых положений»³.

Созданию истории Гражданской войны во многом способствовало издание военно-научных трудов М.В. Фрунзе в трёх томах, осуществлённое под руководством А.С. Бубнова в 1926–1929 гг. Рекомендации авторскому коллективу методологического характера содержались в работе: Бубнов А.С. «Гражданская война, партия и военное дело»⁴, в его статьях, лекциях и докладах.

План, основные направления и особенности предстоящей работы А.С. Бубнов изложил в докладе «Об изучении опыта гражданской войны» на совещании начальников военных политорганов в январе 1927 г. Он требовал от авторов постоянно помнить о научности и объективности исторических трудов, пользоваться научными методами в работе, тщательно проверять и всесторонне изучать фактический материал, видеть диалектическую взаимосвязь событий и явлений. Мало излагать факты и описывать как развивалось изучаемое событие, – говорил он, – надо анализировать его развитие, выяв-

лять закономерности, т. е. давать «философию истории», показывать исследуемый исторический процесс как неразрывное целое. За отсутствие строгой идейности и глубокой научности он критиковал труды В.И. Невского, В.Ф. Новицкого, И.Г. Иссерсона, Е.М. Ярославского и других советских историков. Проблеме идеологической выдержанности исторических трудов он посвятил свой доклад на заседании Реввоенсовета СССР в марте 1929 г. Как начальник Политуправления РККА А.С. Бубнов призвал всех командиров и политработников – участников войны принять посильное участие в создании трёхтомной истории Гражданской войны. Выступая за коллективное написание крупных исторических работ, Бубнов считал обязательным использование и сочетание различных методов сбора и анализа материала: изучение архивных документов и музейных фондов, опубликование воспоминаний непосредственных участников исторических событий и т. п.

Помимо общего руководства изданием труда и его редактирования, А.С. Бубнов лично написал предисловие к первому тому и большую статью того же тома «История одного партизанского штаба» (об особенностях Гражданской войны на Украине). В нём руководитель авторского коллектива представил общую характеристику гражданской войны в целом, дал оценку наиболее крупных её событий, проанализировал состояние вооружённых сил противоборствующих сторон, материально-технической базы Красной армии. Значительное место он отвел раскрытию оперативно-стратегических особенностей Гражданской войны, к которым относил исключительную маневренность войск, большую (до 8 тыс. км.) протяженность фронтов, разбросанность войск по огромному пространству, сложности снабжения, пополнения и комплектования войск, прямое участие в боевых действиях огромных масс населения и т.д. Особо отметил ожесточённость и классовую непримиримость противоборствующих сторон. Рассматривая Гражданскую войну как сложное социально-экономическое и политическое явление, он подчеркивал огромную роль в её победоносном завершении опыта классовой борьбы в трех русских революциях, а также морально-политического фактора и воспитательной работы среди личного состава Красной армии.

Каждый из трёх томов имел чёткую тематическую направленность. Первый том носил название «Боевая жизнь Красной Армии», второй – «Военное искусство Красной Армии», третий – «Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии».

В ходе работы над трёхтомником возникла необходимость создания постоянно действующего научно-исследовательского органа, призванного заниматься проблемами военной истории и военной теории. С этой целью при Комакадемии была создана военно-историческая секция под председательством А.С. Бубнова». Ему было поручено представить список членов секции и план работы с подробным обоснованием, сметой и другими документами. В подготовленном при его участии положении о секции говорилось, что она призвана объединить научные силы, занимающиеся изучением проблем войны. Её задачами являются разработка общих основ военной науки, проблем теории войны, истории войн и военной экономики, а также подготовка военно-научных кадров. Секция состояла из действительных членов, ученых-специалистов, старших и младших научных сотрудников. Председатель секции А.С. Бубнов одновременно возглавил подсекцию общих вопросов войны и военного дела. В качестве руководителей других подразделений секции были приглашены Я.И. Алкснис, П.И. Баранов, Я.К. Берзин, Р.А. Муклевич, М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдеман и другие видные советские военачальники и военные теоретики.

Вновь созданная военно-научная организация с первых же дней приступила к конкретной исследовательской работе в интересах создаваемого фундаментального труда. Направления и темп этой работы задавались ее председателем. Уже в ноябре 1929 г. он сделал для членов секции научный доклад, посвященный проблемам руководства Красной армией в период гражданской войны.

Военно-научная секция оказала большое положительное влияние не только на подготовку трёхтомника, но и на организацию и развитие отечественной военной науки в целом. Оценивая ее заслуги, руководство Комакадемии отмечало, что секции удалось сплотить военно-научные кадры и стать центром систематической исследовательской работы над военно-историческими проблемами.

Появление первого крупного систематизированного труда, освещающего проблемы и историю гражданской войны вызвало не только повышенный интерес научной общественности к рассматриваемым в нём событиям, но и стремление некоторых лиц изложить свой взгляд на них, дополнить и расширить вышедшее издание. Вскоре в спешном порядке было выпущено научно-популярное произведение, посвященное роли И.В. Сталина в период Гражданской войны⁵, поскольку в трехтомнике эта проблема прямо не рассматривалась.

С предложением своих услуг в качестве организатора написания еще более фундаментального труда по истории Гражданской войны выступил М. Горький. В письме к И.В. Сталину от 5 июня 1930 года он выразил готовность издать популярный многотомный труд объемом «не менее 150 листов, разделенных на 6 книг по 25 листов»⁶. В «редакционное ядро» писатель предлагал включить К.Е. Ворошилова, А.С. Бубнова, М.Н. Покровского, «двух-трех военных специалистов и толкового экономиста». Литературно-редакционную работу Алексей Максимович брал на себя, обещая привлечь к её выполнению «наиболее талантливых литераторов». Участие писателей, по его мнению, необходимо для придания изданию удобочитаемости, яркости, картинности, эмоциональной заразительности художественного произведения.

Первоначально инициатива А.М. Горького вызвала у А.С. Бубнова положительную реакцию. Он направил ему в Италию только что завершенное издание трёхтомника, назвав его лишь первым опытом в освещении данной проблемы, и выразил надежду, что этот труд «может сослужить некоторую службу нам (подчеркнуто А.Р.) в создании и издании популярной «Гражданской войны»⁷. Оценив вышедшее издание как научное, А.С. Бубнов предлагал положить его в основу планируемого А.М. Горьким популярного труда. При этом он скептически отнёсся к его идее писать исторический труд совместными усилиями историков и литераторов, поскольку являлся последовательным сторонником строгой научности и последовательности изданий, противником поверхностного и эклектического изложения. А.С. Бубнов не возражал в принципе против популярного стиля изложения, однако

упорно настаивал, чтобы написание труда было полностью предоставлено специалистам-историкам, а писателям – лишь литературная правка произведения.

В отличие от А.С. Бубнова А.М. Горький и его сторонники в лице чрезвычайно авторитетного в то время академика М.Н. Покровского и начальника Главного политуправления РККА Я.Б. Гамарника настойчиво выступали за «широчайшее привлечение к писанию писателей-художников, которые дали бы не просто общепонятное изложение событий, а... яркую и художественную картину»⁸. А.М. Горький заявил, что он решительно не согласен с взглядами А.С. Бубнова, поскольку историк «всегда несколько суховат... это опять будет премудрая книга и – не туда»⁹.

Бубнов, воспринял последние слова как критику посланного им в Сорренто трёхтомника и усомнился: ознакомился ли А.М. Горький с этим изданием. «Получили ли Вы трёхтомник «Гражданская война 1918-21 гг.? – Писал он 18 марта 1931 г. Горькому в Италию. – ... Издание стоило нам немало трудов. Лично я расцениваю его на 3 балла. ...как оно вам показалось?»¹⁰. Горький, не ответив на это письмо, вскоре приехал в Москву и добился встречи со И.В. Сталиным. После чего в конце мая 1931 г. он созвал под своим председательством совещание редакционной коллегии будущего издания. На нем присутствовали: К.Е. Ворошилов, А.С. Бубнов, А.Б. Халатов, Р.П. Эйдемман, Кретов, Д. Кин, И.И. Минц и др. А.С. Бубнов и Р.П. Эйдемман представили на обсуждение свой совместный план будущего издания, который был в «основном одобрен» редколлекцией. Комиссии поручалось лишь его доработать и дополнить. Казалось, что точка зрения А.С. Бубнова начинала побеждать. Однако вскоре И.В. Сталин обеспечил А.М. Горькому мощную поддержку со стороны Политбюро ЦК ВКП (б), которое не только приняло за основу идею писателя, но и значительно её расширило. Вышедшее в конце июля 1931 г. постановление ЦК ВКП (б), указывало: «Одобрить инициативу т. А.М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны» (1917-1921 гг.) в 10-15 томах»¹¹. Центральный комитет партии предписывал издавать будущий труд в

виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений.

Особую значимость издания и его официальный государственный характер подчеркивало включение в главную редакцию И.В. Сталина и таких известных в стране людей, как А.М. Горький, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Киров и А.С. Бубнов. Кроме главной редакции были образованы историческая и художественная редакции. Особая ответственность за создание многотомного труда возлагалась на А.С. Бубнова, А.М. Горького и Я.Б. Гамарника, которые были введены одновременно в главную и историческую редакции. Созданию фундаментального труда придавался всесоюзный размах. В соответствии с постановлением ЦК в помощь редколлегии привлекались партийные, советские и военные работники республик, краёв и областей СССР. Из их числа формировались комиссии содействия, призванные заниматься сбором документов и воспоминаний, составлением биографий активных участников гражданской войны. А.М. Горький через центральную печать обратился с призывом ко всем, кто помнил события военных лет, помочь в сборе материалов для «Истории».

Многие из привлечённых к созданию труда лиц понимали, что постановление Политбюро отражает не столько идею Горького, сколько интересы людей, настроенных произвольно трактовать исторические события и факты, навязать будущей многомиллионной читательской аудитории свое представление о героях и вождях Гражданской войны. Но открыто протестовать против принятого партийного решения было и бессмысленно, и опасно. А.С. Бубнов продолжал открыто высказывать своё негативное отношение к замыслу А.М. Горького передать написание исторического труда в основном в руки литераторов, не соглашался с предлагаемой хронологией гражданской войны и трактовкой ряда её событий, а затем постепенно самоустранился от работы.

А.М. Горький, усматривая в этом противодействие, был уязвлен и огорчен, поскольку понимал, что уход А.С. Бубнова может сказаться как на сроках, так и на результатах всей работы. В сентябре 1935 г., когда был подготовлен пробный вариант первого тома, писатель вновь сделал попытку привлечь А.С. Бубнова к актив-

ной работе над изданием. «Дорогой Андрей Сергеевич, – писал он, – посылая Вам первый том..., надеюсь, Вы возместите некоторое невнимание, которое было проявлено к истории Гражданской войны, и прочтете книгу быстро». Далее М. Горький откровенно хвалит свое издание, а затем косвенно, но весьма прозрачно, критикует труд А.С. Бубнова: «Работа проделана большая... Мы впервые получаем связную, хорошо написанную картину Великой революции. Очень прошу ознакомиться с томом и дать возможность продолжить хорошо начатую работу...»¹².

Но А.С. Бубнов не внял просьбе А.М. Горького, поскольку каждый исторический труд, по его представлениям, должен содержать только достоверные, научно выверенные факты, в нем нет места любому, пусть даже художественному, вымыслу. При этом он не только не исключал, но и считал обязательным использование и сочетание различных методов сбора, анализа и обобщения материала: архивных документов, воспоминаний участников исторических событий, музейных фондов, публикаций периодической печати и т. п. Именно из этих соображений он предпринимал меры, направленные на разработку вопроса о военных архивах, инициировал создание Общества ветеранов Гражданской войны и военной секции при Комакадемии, руководил музейным строительством.

Опасения А.М. Горького, что без поддержки А.С. Бубнова издание Истории Гражданской войны может затянуться, оправдались. Административный нажим не сработал. Первый том труда вышел в свет уже после смерти писателя, в 1937 г., а пятый (заключительный) – в 1960-м. Таким образом, идея А.М. Горького, даже в усеченном виде воплощалась в жизнь 30 лет (вместо шести томов вышло пять, а по партийной уставке их должно было выйти 10–15).

Роль наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова в нарушении сроков сталинско-горьковского издания не была определяющей. Мешало, прежде всего то, что труд был задуман из конъюнктурных соображений и доверен людям, не склонным к научно-правдивому изложению исторических событий, а освещавших их в духе нарастающего культа личности вождя. Но отношение А.С. Бубнова к этому труду убедительно

свидетельствует, что не все историки и организаторы исторических исследований поступали объективно и научными принципами даже под давлением авторитетных личностей и формальных обстоятельств.

Опыт издания первых фундаментальных работ по истории гражданской войны весьма поучителен. Хотелось бы надеяться, что современные исследователи рассматриваемой проблемы не оставят его без внимания.

¹ *Гражданская война в 1918-1921. В 3-х томах. Под ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. М., 1028-1930.*

² *РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 292. Л. 12.*

³ *Правда. 1924. 11 ноября.*

⁴ *Бубнов А.С. Гражданская война, партия и военное дело. М., 1930.*

⁵ *Ворошилов К.Е. И.В. Сталин и Красная Армия. М., 1930.*

⁶ *Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 216-218.*

⁷ *Архив А.М. Горького. Т. XIV. С. 195.*

⁸ *Там же С. 159.*

⁹ *Там же. С. 162.*

¹⁰ *Там же. С. 176.*

*Николай Васильевич Старостенков,
ФГБОУ ВО Российский государственный
социальный университет, проректор
по учебно-методической работе,
доктор исторических наук, профессор*

Эшелонная война

Почти столетие отделяет нас от того времени, когда на бескрайних просторах России разразилась Гражданская война. Однако, не смотря на прошедшие десятилетия, этот период в истории нашей Родины продолжает привлекать пристальное внимание как профессиональных историков, публицистов и политиков, так и простых не равнодушных людей, ищущих ответы на животрепещущие для них вопросы.

И это не удивительно. Гражданская война в России была не обычным социально-политическим явлением, суть которого состояла в вооруженном противоборстве армии молодого, только что возникшего государства с войсками интервентов и отстраненных от власти социальных групп (таких столкновений мировая история знает немало). Это была острейшая форма классовой борьбы, ход которой обусловил невиданную ожесточенность и решительность боевых действий, а результаты – не только определили характер развития мирового сообщества на несколько десятилетий вперед, но и до сих пор находят живой отклик в наших сердцах.

Специфические условия, сложившиеся в начале гражданской войны, вызвали к жизни достаточно специфический вид боевых действий, вошедший в историю под названием «эшелонная война».

Войны и военные конфликты последней четверти XIX – начала XX века проходили под знаком исключительной роли, которую играли железные дороги при их подготовке и ведении. Совокупность задач, возлагавшихся на железнодорожный транспорт в ходе военных действий, не претерпевала существенных изменений на протяжении нескольких десятилетий и была обстоятельно изучена специалистами.

Однако в начале гражданской войны, развернувшейся на территории бывшей Российской империи, использование железнодорожного транспорта для решения задач вооруженной борьбы начинает носить необычный и весьма своеобразный характер. Это обуславливалось, в частности, особенностями создавшейся обстановки, сложность и опасность которой потребовали от центральных органов новой власти принятия экстренных мер.

Действительно, вооруженное восстание в Петрограде 25–26 октября 1917 г. и свержение Временного правительства хоть и привели к установлению Советской власти на значительной части территории страны, но процесс «советизации» осуществлялся весьма неравномерно. Так, в Москве переход власти к Советам состоялся лишь 2 ноября 1917 г., в Перми, Вятке, Владивостоке и некоторых других городах – во второй половине ноября, в Иркутске – в декабре 1917 г. Сложная

и противоречивая ситуация складывалась на юге страны.

Более того, после Октябрьской революции отчетливо проявилась тенденция к объединению свергнутых классово-политических сил для вооруженной борьбы против власти Советов.

Чтобы выстоять в этих условиях новой власти предстояло решить ряд первоочередных задач, важнейшими из которых были: расширение и закрепление своих плацдармов на возможно большей территории страны; изоляция и ликвидация очагов контрреволюционных выступлений; наведение хотя бы минимального порядка на железнодорожном транспорте.

Самым простым и, в то же время, эффективным способом их решения выглядел стремительный захват специальными отрядами (направляемыми из революционных центров) крупных городов, узловых железнодорожных станций, важных в экономическом, политическом и военном отношениях регионов России для ликвидации в них контрреволюционных выступлений и установления Советской власти.

В обстановке, характеризующейся отсутствием сплошных линий фронтов, первоначальной разобщенностью и малочисленностью контрреволюционных формирований, незначительным удалением районов предполагаемых сражений от железных дорог, такие действия казались вполне осуществимыми.

Разумеется, наиболее подходящим средством, дающим возможность революционным отрядам выполнить возложенную на них миссию, был железнодорожный транспорт, позволяющий также использовать бронепоезда и производить управление и координацию действий с помощью железнодорожной телефонной и телеграфной связи.

Так сложились условия для развертывания эшелонной войны – особого вида боевых действий, развертывавшихся вдоль железнодорожных магистралей, при котором железнодорожные составы служат средством маневра, постоянного размещения и базой снабжения войск (вооруженных формирований)¹.

До возникновения эшелонной войны, железнодорожный транспорт, как в мирное, так и в военное время, использовался в военных целях, в основном, для перевозки войск и воинских грузов. Отдельный эшелон воинской части, следу-

ющей по железной дороге к месту назначения, создавался на период перевозки войск и, как правило, не предназначался для решения боевых задач в пути следования.

С началом эшелонной войны ситуация качественно меняется – железнодорожный состав и следующий в нем отряд (эшелон) превращаются в основное подразделение, служащее для решения определенного круга боевых задач, а группа эшелонов и бронепоездов, действующих под единым командованием – в формирование, способное самостоятельно достигать целей операции.

Методы эшелонной войны, первоначально взятые на вооружение отрядами Красной гвардии, впоследствии использовались всеми участниками боевых действий.

С применением этих методов были осуществлены первые крупные операции гражданской войны, среди которых определенным интересом представляет разгром войск А.М. Каледина.

К моменту начала революционными формированиями боевых действий, добровольческие отряды генерала М.В. Алексеева (с конца декабря 1917 года – Добровольческая армия.) совместно с казачьими частями овладели Ростовом и Таганрогом и готовились к дальнейшему наступлению.

Принявший общее руководство операцией В.А. Антонов-Овсеенко 11 декабря 1917 г. сформировал полевой штаб Южнорусского революционного фронта по борьбе с контрреволюцией. Этим штабом был разработан план, предусматривавший захват ряда важных железнодорожных узлов и линий на Юге России с целью разъединения антисоветских сил Украины и Дона.

Наступление войск Южнорусского революционного фронта началось в конце декабря 1917 г. Действуя отдельными отрядами вдоль железных дорог, они захватили 28 января 1918 г. Таганрог, 23 февраля – Ростов и 25 февраля – Новочеркасск. К концу февраля войска А.М. Каледина были разгромлены. Остатки казачьих войск (1,5 тыс. человек, 5 орудий, 40 пулеметов²) отошли в Сальские степи. Добровольческая армия (ок. 4 тыс. человек) во главе с Корниловым отступила на Кубань, совершив так называемый 1-й Кубанский или Ледяной поход.

Практически одновременно с нанесением поражения контрреволюционным формирова-

ниям на Дону, Советское правительство предприняло активные шаги, направленные на разгром войск Украинской Народной Республики. Прежде всего, 11–12 декабря 1917 г. в Харькове при организующем участии РСДРП (б) состоялся 1-й Всеукраинский съезд Советов, на котором Центральная рада была объявлена вне закона и образована Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР).

Затем, Антонов-Овсеенко обратился к Военно-революционным комитетам Румынского и Юго-Западного фронтов старой армии с просьбой оказать помощь в борьбе с войсками УНР. Главкомандующим войсками, действовавшими против УНР, был назначен М.А. Муравьев. Используя способы ведения боевых действий, характерные для эшелонной войны, руководимые им формирования нанесли поражение украинским частям и 26 января (8 февраля) овладели Киевом.

Также действовали направленные на борьбу с оренбургскими казаками в конце декабря 1917 г. отряд С.Д. Павлова и красногвардейцы из Самары, Екатеринбурга, Перми, Уфы и некоторых других городов. Им, во взаимодействии с восставшими рабочими Оренбурга, 18 января 1918 г. удалось разбить противника и овладеть городом. Уцелевшие войска атамана А.И. Дутова отошли в Тургайские степи.

В боях под Оренбургом успешно действовал отряд недавнего солдата-фронтовика В.К. Блюхера. Отряд отличали особое построение эшелонов и тактика действий. В частности, паровоз в эшелоне находился в середине состава, а в голове и хвосте следовали платформы, забаррикадированные тюками хлопковой ваты, за которыми стояли орудия и пулеметы.

Обнаружив дутовцев, эшелон разведки немедленно вступил в бой. Затем подходили составы с главными силами. Так были проведены бои близ станиц Донгузской и Павловской, а также и в ряде мест по дороге на Бузулук³.

В декабре 1917 – январе 1918 г. был подавлен мятеж юнкеров в Иркутске и ликвидированы все местные контрреволюционные правительства. Остатки казачьих отрядов атаманов Г.М. Семёнова и И. Калмыкова скрылись на территории Маньчжурии.

В 1-й половине февраля 1918 г. отряды латышских стрелков, революционных моряков и Крас-

ной Гвардии под командованием И.И. Вацетиса и И.П. Павлуновского, широко используя оперативно-тактические методы эшелонной войны, нанесли в Белоруссии поражение 1-му Польскому корпусу легионеров генерала Ю.(И.Р.) Довбор-Мусницкого и отбросили их к Бобруйску и Слуцку.

Однако, говоря о масштабах эшелонной войны, следует отметить, что все же в 79 городах из 97 новая власть была установлена мирным путем⁴.

Если проанализировать характер и особенности оперативно-тактических действий, присущих эшелонной войне, то можно заметить, что они, во многом, определялись военной и политической значимостью отдельных железнодорожных направлений; составом, вооружением, морально-психологическими качествами и степенью обученности участников боевых столкновений; начертанием железнодорожной сети и некоторыми другими факторами.

Обычно операция времен эшелонной войны разворачивалась так. На наиболее важных, с военно-политической точки зрения, железнодорожных направлениях, осуществлялось накопление железнодорожных поездов с вооруженными отрядами, которые быстрыми бросками устремлялись на захват узловых железнодорожных станций. Чаще всего эти станции находились в губернских, реже, в уездных городах.

Овладение крупным железнодорожным узлом, обладающим развитым путевым хозяйством, позволяло сосредоточить значительное количество эшелонов и контролировать целое железнодорожное направление. Кроме того, с помощью железнодорожных мастерских и депо появлялась возможность оборудовать новые бронепоезда и бронеплатформы, осуществлять ремонт подвижного состава.

Немаловажное значение имели и капитальные станционные постройки, обеспечивавшие, в случае необходимости перехода к обороне, быстрое превращение железнодорожной станции в укрепленный район.

На начальных этапах эшелонной войны захват железнодорожной узловой станции и прилегающего к ней населенного пункта происходил следующим образом. Впереди эшелонов двигался бронепоезд, который осуществлял обстрел станции. По мере подхода эшелонов из вагонов вы-

саживались бойцы и, развернувшись для атаки в пешем строю в одну – две стрелковых цепи, захватывали станционные здания и ввязывались в уличные бои в городе.

Действовали, как правило, используя все наличные силы. Резервов не создавали. Планирование боевых действий не осуществлялось. Боевые документы по управлению войсками не разрабатывались.

Часто наступление красногвардейских отрядов сопровождалось восстанием местного населения. Такие выступления отмечались при подходе революционных эшелонов к Киеву, при взятии ими Ростова, Конотопа, Таганрога, Полтавы и некоторых других населенных пунктов. Они существенно облегчали задачу наступающим, сокращали время проведения всей операции, снижали потери.

По мере накопления боевого опыта и роста сил и средств, вовлеченных в боевые действия, тактика эшелонной войны претерпевала изменения.

Постепенно в разряд важных видов боевого обеспечения выдвинулась разведка. Однако проводилась она лишь вдоль железнодорожных линий с помощью паровозов, бронеплощадок, дрезин.

Подобные методы хоть и позволяли быстро обследовать значительные участки железнодорожных линий, но далеко не всегда давали достаточно полные данные об обстановке, складывающейся в обследуемом районе, составе, планах и характере действий противника.

Значительно больше внимания стало уделяться боевому охранению. Правда, еще длительное время оно сводилось всего лишь к выдвиганию нарядов к важным, в оперативно-тактическом плане, искусственным сооружениям и на ближайшие железнодорожные разъезды.

Существенные изменения претерпела и тактика действий по захвату крупных железнодорожных узлов. Одновременно с проведением разведки вдоль железнодорожной линии, пехоту и легкие артиллерийские орудия теперь выгружали на одном из разъездов, удаленном на несколько километров от железнодорожной узловой станции, взятие которой предполагалось осуществить.

Командиры, двигались за отрядами, управляя подчиненными через конных и пеших посыль-

ных. Для передвижения по грунтовым дорогам, при необходимости, использовались крестьянские подводы. Широкое применение нашли засады и ночной бой⁵.

Однако главные, наиболее характерные черты эшелонной войны, такие как отсутствие непрерывных фронтов; относительно небольшие силы и средства, вовлеченные в боевые действия и действующие, в основном, вдоль железнодорожных магистралей; незначительное удаление района боев от железной дороги; использование железнодорожных и бронепоездов для наступления на противника, в ходе его преследования или для отступления при встрече с превосходящими силами врага – оставались неизменными.

Большое влияние на ход эшелонной войны оказывал качественный состав участников боев.

Обычно в состав эшелона входили сформированные из рабочих фабрик и заводов красногвардейские отряды, а также подразделения старой армии, среди которых были и бывшие военные железнодорожники.

Красногвардейцы отличались идейной убежденностью, высоким боевым духом и решительностью действий, но боевые качества красногвардейских отрядов снижала их низкая общевоинская подготовка.

Военнослужащие подразделений старой армии были значительно лучше обучены, имели боевой опыт, однако не всегда демонстрировали высокий уровень боевой устойчивости.

Одной из особенностей воинских формирований этого периода гражданской войны было отсутствие жесткой организационно-штатной структуры. Они отличались высокой текучестью и пополнялись за счет местных пролетарских и полупролетарских элементов.

Как правило, подразделения времен эшелонной войны формировались вокруг более или менее устойчивого ядра, которое составлял отряд уполномоченного центром командира (начальника). Такой отряд был наиболее организован, располагал бронепоездами, в нем поддерживался достаточно высокий уровень дисциплины.

В полной мере используя предоставленные центром полномочия и личные волевые качества командиру отряда, как правило, удавалось осуществлять управление действиями значительной части эшелонов, находившихся

на определенном железнодорожном направлении. Однако координировать боевые действия одновременно на нескольких железнодорожных направлениях, удавалось далеко не всегда.

Со временем определились оптимальные состав и численность формирований, действовавших в ходе эшелонной войны. По мнению некоторых исследователей⁶, наиболее типичным для того времени был отряд А.В. Полупанова, воевавший на Украине в начале 1918 года и насчитывавший около 250 человек. В целом же к операции по разгрому того или иного очага контрреволюции могли привлекаться созданные из отдельных отрядов и действующие по сходящимся направлениям «колонны» численностью до 7–10 тыс. человек⁷.

Тыловое обеспечение отрядов осуществлялось за счет располагавшихся на узловых станциях складов старой армии, местных реквизиций и захваченных у противника трофеев. Колесные обозы в период всей эшелонной войны для нужд тыла не использовались.

Как показала боевая практика, характер действий красногвардейских отрядов и выступающих вместе с ними подразделений старой армии, бывших военных железнодорожников, а также своеобразие отдельных боевых столкновений, во многом, определялись боевыми и морально-психологическими качествами их противника.

Очень часто, особенно в начальный период эшелонной войны, красногвардейским отрядам противостояли формирования, наспех сколоченные местными властями, отказавшимися признать Советскую власть. Их боеспособность, как правило, была невысока. На Украине, например, действовавшие против отрядов красногвардейцев петлюровские подразделения, не только не оказывали энергичного сопротивления, но и в массовом порядке переходили на сторону красногвардейцев.

Низкий уровень морально-психологической устойчивости участников боевых столкновений приводил к тому, что «один лишь факт обстрела станции, депо уже производил потрясающее впечатление. Как только перевес обнаруживался, то более слабая сторона без всякого сопротивления снималась, разрушала пути и уходила к следующему железнодорожному узлу. ...При

равенстве сил ...вспыхивали горячие, короткие и решительные бои»⁸.

Однако у революционных отрядов существовал и другой противник. На Дону, Северном Кавказе часты были стычки с отрядами формирующейся белой гвардии. Несмотря на свою малочисленность, эти подразделения оказывали решительное и упорное сопротивление красногвардейцам.

Нелегко приходилось революционным отрядам при встрече с регулярными воинскими частями. Так, во время столкновений с германскими оккупационными войсками на Украине, последние предпочитали смелое и решительное маневрирование по грунтовым дорогам в обход железнодорожных узлов с целью выхода во фланг и тыл противнику.

Подобным образом стремились действовать и части Чехословацкого корпуса. «Как только столкновение с красными отрядами началось, — описывает очевидец один из боевых эпизодов эшелонной войны, произошедший под станцией Миасс, — чехи тот час же высадились из эшелонов, отогнали поезд на 80 верст в тыл и приняли с нашими эшелонами бой в условиях полевой войны»⁹.

Значительное влияние на особенности оперативно-тактических действий в период эшелонной войны оказывало начертание железнодорожной сети. Захват железнодорожных узловых станций, определенным образом расположенных на сети, позволял осуществить обход противника и внезапно выйти ему в тыл.

Характерный случай произошел в начале 1918 г., когда нескольким отрядам белогвардейцев, захватившим на севере Донбасса ст. Гуково, удалось выйти в тыл красногвардейцам, находившимся в районе станции Зверево¹⁰.

Определенное влияние на ход боевых действий в период эшелонной войны оказывало местное население. Как уже отмечалось, взятию ряда крупных городов сопутствовали восстания части их жителей. Разумеется, это многократно облегчало задачу красногвардейским отрядам.

Кроме того, важная роль принадлежала местным железнодорожникам. Как правило, железнодорожные служащие низшего и среднего звена поддерживали красногвардейские отряды. Активно участвовали в борьбе с казаками Дутова челябинские железнодорожники. В ходе боевых

действий с частями Петлюры значительную помощь красногвардейским отрядам оказывали железнодорожники Киева. Рабочие и служащие Полесских железных дорог всемерно содействовали отрядам И.И. Вацетиса и И.П. Павлуновского в борьбе с легионерами Ю.Р. Довбор-Мусницкого. Но были и другие примеры, в частности, с помощью железнодорожников белогвардейским отрядам удалось выйти в тыл красногвардейцам в январе 1918 г. в Донбассе. Однако в подавляющем большинстве случаев симпатии рядовых железнодорожников были на стороне красногвардейских отрядов.

В то же время, говоря о роли местного населения, в целом, ее не следует преувеличивать. Высокая маневренность сил и средств, задействованных в эшелонной войне, относительно малое время, которое требовалось для проведения операций по захвату железнодорожных узлов и населенных пунктов, существенно уменьшали влияние местных жителей на ход боевых действий.

Рассматривая эшелонную войну как специфический вид боевых действий, можно заметить, что ей органически присущи некоторые особенности, существенно влиявшие на результаты проводившихся операций.

К ним относится, прежде всего, высокая степень зависимости хода и исхода боевых действий от начертания и технического состояния железнодорожной сети, подвижного состава, наличия запасов топлива и воды для локомотивов.

Насколько серьезным было влияние этих факторов можно судить по такому примеру. Только для поддержания под парами в течение суток одного паровоза с четырехосным тендером требовалось около 10 тонн воды и 7 куб. метров дров или 3,3 тонны угля. Кроме того, ежемесячно каждый паровоз нуждался в промысловом ремонте котла, который мог быть осуществлен только с использованием стационарной ремонтной базы¹¹.

Легко представить, какие трудности приходилось преодолевать в ходе обеспечения действий десятков эшелонов и бронепоездов в условиях маневренной войны! Поэтому, запасы топлива и воды, порой, играли решающую роль при планировании масштабов и сроков проведения некоторых операций.

Во многих случаях, даже тогда, когда задуманная операция осуществлялась успешно для одной из сторон, ей далеко не всегда удавалось добиться полного разгрома противника. Часто, как только положение кого-либо из участников операции становилось критическим, его командование вместе со штабом и наиболее подготовленными частями успевало ускользнуть от одерживающего верх неприятеля по грунтовым дорогам.

Более того, движение вне железных дорог позволяло с большой вероятностью избежать преследования. В частности так, сохранив наиболее боеспособные подразделения, удалось уйти Корнилову из Ростова, а Петлюре из Киева¹².

Эшелонной войне была присуща и вызванная недостаточным уровнем технической подготовки ее участников и относительно небольшим числом среди них военных железнодорожников высокая аварийность, которая приводила к многочисленным жертвам в ходе крушений и катастроф на железных дорогах.

И, наконец, с ростом сил и средств, вовлеченных в вооруженную борьбу, на ход и исход боевых действий все больше влияет невозможность обеспечить скрытность движения значительного количества эшелонов и бронепоездов, их высокая уязвимость от артиллерии и авиации противника, ограниченность зоны огневого поражения артиллерии бронепоездов и бронеплощадок относительно узкой полосой вдоль железных дорог.

Эти факторы, а также возможность, в случае своевременного обнаружения передвижения эшелонов противника парализовать движение на определенной линии путем уничтожения крупных искусственных сооружений (например, мостов), начинают все более затруднять проведение операций методами эшелонной войны, делая их все менее эффективными.

Поэтому, методы ведения боевых действий, присущие эшелонной войне, наиболее широко применялись лишь в начальный период гражданской войны. С ростом численности армий и размаха вооруженной борьбы войска постепенно переходят на грунтовые пути, а методы эшелонной войны начинают приобретать второстепенный, а затем и вспомогательный характер. Во второй половине 1918 г. эшелонная война утрачивает свое значение.

Однако и далее, как в ходе гражданской войны, так и в ряде вооруженных столкновений на территории других стран (например, в Германии при подавлении силами рейхсвера восстания в г. Лейпциге в 1923 г.) участник конфликта, контролирующей сеть железных дорог и вынужденный решать задачу подавления в ограниченные сроки очагов сопротивления, расположенных вблизи узловых железнодорожных станций, часто, для достижения своих целей, прибегал к методам эшелонной войны.

Таким образом, эшелонная война была особым видом боевых действий, осуществлявшихся вдоль железнодорожных магистралей, основанном на использовании железных дорог и подвижного состава как основного средства маневра, постоянного размещения и обеспечения воинских формирований.

Эшелонная война возникла в специфической военно-политической обстановке, сложившейся на территории России после Октябрьской революции и потребовавшей от новой власти принятия экстренных мер для упрочения своего положения.

Ключевыми факторами, способствовавшими тому, что боевые действия в начальный период гражданской войны приняли форму эшелонной войны были:

- первоначальная разобщенность и малочисленность воинских формирований, вовлеченных в боевые действия;
- отсутствие сплошных линий фронтов;
- нахождение районов боевых действий вблизи железных дорог.

Основные оперативно-тактические методы эшелонной войны использовались всеми участниками начального этапа гражданской войны. В то же время, по мере изменения условий ведения боевых действий, многократного увеличения сил и средств, вовлеченных в вооруженную борьбу, они утрачивают свое значение.

Однако, в тех случаях, когда складывающаяся обстановка позволяла противоборствующим сторонам эффективно использовать методы эшелонной войны, они еще не один раз использовались как в ходе гражданской войны, так и в других войнах и военных конфликтах.

¹ Белицкий С. Эшелонная война // *Война и революция*. 1927. № 10–11. С. 197–207.

² *Гражданская война и военная интервенция в СССР*. М., 1983. С. 249.

³ Михалев П.С. *Бронепоезд проходит Балезино*. Свердловск. 1969. С. 8.

⁴ *Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди*. М., 1989. С. 70.

⁵ *Гражданская война и военная интервенция в СССР*. С. 675.

⁶ Белицкий С. Эшелонная война // *Война и революция*. 1927. № 10–11. С. 200.

⁷ Мелентьев В.Д. *Создание Советских Вооруженных Сил. Советское военное искусство и тыл Красной Армии в годы гражданской войны в СССР*. Л., 1972. С. 15.

⁸ Белицкий С. Эшелонная война // *Война и революция*. 1927. № 10–11. С. 205.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ефимьев А.В. и др. *Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945* / А.В. Ефимьев, А.Н. Манжосов, П.Ф. Сидоров. – М.: Транспорт, 1992. С. 18–19.

¹² Белицкий С. Эшелонная война // *Война и революция*. 1927. № 10–11. С. 203–204.

Юрий Леонидович Кушер,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Гражданская война в России 1918–1922 гг.: причины поражения Белого движения

Причины ослабления, распада и, как следствие, разгрома белых армий в Гражданской войне весьма многообразны и столь же разноречивы подходы к их освещению в работах отечественных и зарубежных историков. Одни исследователи (просоветские) исходят из сложившейся за советские десятилетия схемы событий: молодая Советская республика, взятая в огненное кольцо вооружёнными Антантой белогвардейскими полчищами и интервенционистскими войсками, победила, изнывая в неравной схватке и истекая кровью. Их оппоненты отстаивают прямо противоположную версию: красные орды, вооружившись до зубов из арсеналов дореволюционной Русской армии и укрепившись в центре России при попустительстве Антанты, победили за счёт огромной численности и превосходства в вооружении разрозненные и слабые белые армии.

Проблема в том, что Гражданская война в нашем Отечестве вовсе не закончилась в 1920 или 1922 гг. События той войны оставили такой неизгладимый след в памяти народа, что её последствия до сего дня вполне осязаемы. Даже сейчас, спустя десятилетия, примирения не наступило,

«гражданская война ещё не стала историей в полном смысле слова... и время взвешенных суждений ещё не пришло»¹. Она продолжается в душах потомков тех, кто сражался то ли на стороне красных, то ли – белых, отстаивая свои убеждения. Слишком много было принесено жертв. Слишком велика рана, нанесённая России в этой междоусобице.

Попробуем в связи с этим развенчать некоторые мифы, связанные с темой Гражданской войны и причинами поражения белых: Главная причина – в общей слабости и удручающей малочисленности белых для решения задач, которые они перед собой ставили, остальные причины занимали производное положение. А.И. Деникин писал: «Народ не усыновил в родительской любви своей ни красной, ни белой армии: не нёс им в жертву добровольно ни достатка своего, ни жизни». Народ пошёл за большевиками в 1917 г. и поддержал эту власть позднее в 1945 г. Поддержал своих будущих вождей и тиранов. И сейчас ностальгирует. И в этом его, народа, историческая ответственность, и нас с вами. Без поддержки народа как большевистская партия могла бы победить в Гражданскую, а потом и в Великую Отечественную?

100 лет скоро будем с 1917 года. Сто лет кто-то прославляет, а кто-то поносит, кто-то обвиняет, а кто-то оправдывает. Сколько можно? Когда-то должен начаться тяжкий труд по объяснению. И более того – по пониманию. Трагедия – она и есть трагедия. Революция – это трагедия. Война – это трагедия, а уж Гражданская тем паче. Большевики – это тоже трагедия для России. Но это наша трагедия. И разбираться с ней надо нам самим.

Гражданская война – тема особенная. О ней сказано и рассказано и много и в то же время – мало. И дело, видимо, не только в том, как говорил Ю.А. Поляков, что «ненависть, непримиримость пронизывали всё, что писалось, декларировалось, говорилось и пелось о гражданской войне»². На протяжении десятков лет в советской историографии торжествовала концепция победителей, по которой эта война рассматривалась сквозь призму большевистского мировоззрения, где принцип партийности всегда ставился выше принципов историзма и научной объективности. История не просто искажалась и подтасовывалась. Происходила идеализация деяний армии рабочих и крестьян, сочетавшаяся с героизацией её отдельных представителей, и одновременно обезличивание и почти полное замалчивание того, что могло, хоть в какой-то степени, положительно характеризовать противоборствующую сторону.

Одна из причин – социальное расслоение российского общества, начавшееся ещё задолго до Октября. Как отмечал известный белоэмигрантский историк Н.Н. Головин: «Произошёл окончательный разрыв между двумя лагерями: офицерским и солдатским... Это уже две вражеские армии, которые ещё не носят особых названий, но по существу, это белая и красная армии»³. Долгое время в советской исторической науке культивировалось марксистское представление о Гражданской войне как вооруженном противоборстве антагонистических классов. Господствующий класс буржуазии, куда «чохом» относили аристократию, дворянство, вообще всякую «никчемную» интеллигенцию, а также купечество, мещан и пр., вёл непримиримую борьбу с прогрессивными рабочим и крестьянскими классами, сбросившими «вековое ярмо эксплуатации» и взявшими власть в свои руки.

При этом к «реакционному» дворянству од-

нозначно относили весь российский офицерский корпус, не разделяя офицеров на 1) потомственных дворян, среди которых были не только имущие, но и неимущие, 2) на офицеров, получивших лишь личное дворянство как традиционную принадлежность любого офицера чина, а также на 3) кадровых офицеров и офицеров военной поры, призванных из запаса. И, конечно, совершенно не упоминалось о белых офицерах – выходцах из простых казаков, солдатских детей, крестьян и рабочих, давших России немало образованных и интеллигентных людей. И таких «выходцев» было немало среди белых, включая его вождей. В высшем командовании потомственными дворянами были всего 15%. Почти 90% не имели никакой собственной недвижимости – ни родовой, ни купленной. В их числе вожди белых – Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.И. Деникин и др.

Говоря о социальном составе белых армий нельзя обойти такие явления Белого движения как добровольчество, имевшее своим основным отличительным признаком идейную мотивацию. Само по себе это явление не новое в российской истории. В годы Первой мировой войны разновидностью добровольчества явилось т. н. «ударничество», сыгравшее в последующем важную роль в развертывании белой борьбы и давшее белым многих стойких бойцов и талантливых военачальников⁴. Однако если в прошлом добровольчество как явление служило объединяющей национальной идее, направленной на сохранение Российского государства, его суверенитета, целостности и пр., то в Гражданскую войну оно таковым являлось только с одной стороны. У большевиков попытка строить армию на добровольной основе, как известно, окончилась полной неудачей и с мая 1918 г. они перешли к принудительной мобилизации.

Вторая причина – в сложности восприятия простым народом идеологии Белого движения. Лозунг «За великую, единую и неделимую Россию» явно проигрывал большевистским: «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Мир народам!» и пр. Но была ли «белая идея» реакционной, монархической? Много лет спустя после окончания Гражданской войны видный русский философ и общественный деятель И.А. Ильин в одной из своих статей, озаглавленной «Белая идея», писал: «...неправда... будто

белое дело «сословное» и «классовое», дело «реставрации» и «реакции». Мы знаем, что есть «сословия» и «классы», особенно сильно пострадавшие от революции. Но ряды белых борцов всегда пополнялись... совершенно независимо от личного и сословного ущерба, от имущественного и социального убытка. И в наших рядах с самого начала были... люди самых различных сословий и классов, положений и состояний; и притом потому, что белый дух определяется не этими вторичными свойствами человека, а первичным и основным – преданностью родине. Белые никогда не защищали... ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело – дело России, родины, дело русского государства»⁵.

Кроме национального было ещё и сильное религиозное чувство. Оно возникло под влиянием нарастающего вала антирелигиозного произвола и святотатства большевиков с их «воинствующим атеизмом», начисто отвергавшей «устаревшие вечные истины», к каковым они относились религию и мораль. «По глубокому своему смыслу, – писал И.А. Ильин, – белая идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная... Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом в его личной и в его общественной форме... Поэтому если белые берутся за оружие, то не ради личного или частного дела и не во имя свое: они обороняют дело духа на земле и считают себя в этом правыми перед лицом Божиим»⁶. Деятельность большевистской партии признавалась преступной и антигосударственной, сеющей рознь и смуту среди народов России. В ряды белых борцов дорога была открыта всем, кто признавал необходимость с оружием в руках бороться против советского режима, независимо от пола, возраста, национальности, политических и религиозных убеждений, а также социального положения.

Таким образом, Белое движение мыслилось как ядро, центр притяжения разнородных политических и социальных сил, – от монархистов до социалистов, от крестьянина и рабочего до крупного фабриканта и помещика, разделявших идею восстановления сильной могущественной России и готовых поступиться своими партийными принципами и жизненными привилегиями во имя объединяющей национальной идеи.

Но, к несчастью для России, таковым не стало. Слишком велик был груз социальных противоречий, разделявших российское общество. Тем не менее, пример служения Отечеству был дан.

Основными причинами поражения белых в советских источниках, как правило, выводятся крупные оперативно-стратегические просчёты, допущенные белогвардейским командованием, стремившимся вести активные наступательные действия во что бы то ни стало без реального учёта складывавшейся обстановки и необходимого закрепления захваченных рубежей, причём одновременно на нескольких операционных направлениях. В развитие этого тезиса называются: общее превосходство противника (красных) в численности и вооружении, его упорство и активность в боевых действиях; ведение белыми наступления при ограниченных силах и средствах, без создания необходимого для решения глубоких наступательных задач превосходства; отсутствие достаточных резервов для наращивания усилий и парирования контрударов противника, а также надёжных источников восполнения потерь⁷.

Следует согласиться, что всё перечисленное в значительной степени имело место в белых войсках и в целом послужило причинами их ослабления, распада и последующего разгрома. Но это опять же во многом мифологическая оценка. Тем самым умалялось военное искусство «бездарных белых генералов» и возвеличивалось искусство краскомов «непобедимой и легендарной». Просчёты, конечно, были, но в меньшей степени в области военного искусства, где белые, несмотря на малочисленность, не раз доказывали своё умение и одерживали блистательные победы.

Действительно, например, на Юге России (у Деникина) численность белых войск в целом постоянно возрастала до лета 1919 г. К весне 1919 г., перед началом «московского» наступления, в войсках состояло около 100 тыс. человек, летом – осенью, в кульминационный период войны, общее число их достигало 300 тыс.⁸ Однако эти данные несопоставимы с прогрессирующей с мая 1918 г. (после введения принудительного набора) численностью РККА, которая весной 1919 г. составляла 1,6 млн., а в октябре – 2 млн. человек⁹. Правда, из этой численности выделялись действующие войска (!), в которых

в феврале 1919 г. значилось 383,2 тыс. штыков и сабель, в ноябре 1919 г. – 410 тыс.¹⁰

Если в октябре 1918 г. в Красной Армии имелось 30 пехотных дивизий, то в сентябре 1919 г. – 62 стрелковые дивизии в среднем по 15–20 тыс. человек¹¹. Это против 10 деникинских, больше походивших по составу на бригады или даже полки. Приведённые данные трудно соотносятся, даже если учесть другие белые фронты продолжавшие борьбу: у адмирала А.В. Колчака на Востоке оставалось 50 тыс., у генерала Н.Н. Юденича на Северо-Западе – 15–20 тыс., у генералов Е.К. Миллера на Севере и В.С. Толстова на Южном Урале – по 20 тыс. человек. В советской исторической науке такое явное несоответствие сил белых и красных традиционно связывается опять же с антагонистическим разделением общества на классы. Между тем история даёт немало примеров тому, когда в периоды социальных катаклизмов и смены власти подавляющее большинство населения, вне зависимости от симпатий и антипатий, оставалось пассивным к происходившему. Это можно было наблюдать и в современной России в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Но большевики сумели тотальной мобилизацией, террором, голодом и пропагандой преодолеть инертность населения и поставить его под ружьё.

Обстановка настоятельно требовала от белогвардейского командования кардинального пересмотра сложившихся добровольческих принципов военного строительства и перехода к развертыванию войск на принципах регулярной армии. Однако этого сделано не было и комплектование армий фактически наполовину продолжало оставаться добровольческим. Мобилизации проводились успешно там, где тоже были на грани добровольчества, – в казачьих районах, выносивших постановления о собственной мобилизации, в городах и уездах, где большевики успели себя проявить, а натерпевшееся от них население на волне душевного подъёма шло за белыми. В других местах попытки проведения мобилизаций вызвали отрицательные результаты, и чем дальше от фронта, тем хуже, вплоть до открытых вооружённых выступлений.

Одной из причин поражения белых отмечается переоценка ими своих сил и возможностей при недооценке противника. Этому в немалой степени способствовала наивная убежденность

белогвардейских руководителей в том, что Советская власть малопопулярна, нестабильна, готова сломаться при первом же серьезном натиске. Известно, например, что П.Н. Врангель критиковал «деникинский» план наступления на Москву. Он говорил, что «бьют кулаком, а не растопыренными пальцами», хотя впоследствии, уже в Северной Таврии, и сам действовать не лучшим образом. Однако войск у А.И. Деникина недоставало не только для «кулаков», но и для общего приемлемого соотношения сил. При развитии наступления по расходящимся направлениям и отсутствии оперативных резервов, плотность сил и средств ещё более сокращалась. Неизбежными были нарастание сопротивления противника, рост боевых потерь, ухудшение снабжения войск, связанное с общей неустроенностью белого тыла и растянутостью коммуникаций.

Когда речь идёт о добровольцах и добровольчестве в белых войсках, то, прежде всего, подразумевается российское офицерство, составлявшее основу всех белых формирований и определявшее их высокие боевые качества. На офицерском самопожертвовании во многом и держалось Белое движение. Этим фактором, главным образом, объясняется то обстоятельство, что малочисленная Добровольческая армия целых три года выдерживала напор многократно превосходивших её красных войск и даже одерживала над ними победы, пока это превосходство не становилось абсолютным, подавляющим. С крупными победами армии и переходом её в наступление весной 1919 г. положение изменилось, т. к. по мере освобождения новых густонаселённых территорий создавались условия для вступления в армию тех офицеров, которые ранее не могли этого сделать. Рост числа офицеров, однако, не был пропорционален росту численности армии, и постепенно они растворились в массе бывших пленных красноармейцев, составляя к середине лета 1919 г. не более 10% в боевых частях. Трагедия белых заключалась в том, что, принимая на себя главный удар, офицеры несли и наибольшие потери, которые трудно было восполнить равноценным контингентом. Их необходимо было сохранить, но, с другой стороны, они нужны были в бою, и это фатальное противоречие так и не смогло быть преодолено до конца войны.

Одной из причин поражения белых часто называется центральное стратегическое положение Советской республики относительно противобольшевистских фронтов. Действительно, это давало возможность красным, следуя по внутренним операционным линиям, кратчайшими путями перебрасывать свои войска с других фронтов. А размеры белых сил были таковы, что они не могли создавать сплошного фронта и фактически вели очаговую борьбу. Но главное состояло в тех неоспоримых преимуществах, которые давало большевикам их положение с точки зрения комплектования и снабжения своих войск. Центральные губернии были тогда самыми густонаселёнными и, следовательно, с почти неограниченными мобилизационными ресурсами. Здесь же в городах был сосредоточен почти весь пролетариат и промышленный потенциал тогдашней России. К тому же это была зона крупного помещичьего землевладения. В массовом крестьянском сознании наступление белых означало, что к ним возвращается «барин», землю которого, скот и имущество ещё в 1917 г. поделили, а усадьбу сожгли.

Центральное положение, большие мобилизационные ресурсы и возможность манёвра живой силой играли и ещё одну существенную роль. Дезертирство солдат в равной мере было присуще и белым, и красным армиям. Но большевики к осени 1919 г. научились бороться с этим явлением: мобилизованных из северных губерний слали на Южный фронт, из западных – на Восточный. Важным инструментом побед служило стравливание не только различных классов, но и разных слоёв населения и национальностей. Голодные рабочие посылались против якобы «сытых» крестьян Юга, крестьяне вкуче с «иногородними» – на казаков, красные казаки с Дона – на поляков, башкиры – под Петроград, наёмники латыши – под Орёл. Белые подобными методами не могли пользоваться и проявляли щепетильность в отношении этнических групп и национальностей. Отсюда обособленность по принципу землячеств, доходившая до открытого размежевания различных воинских контингентов (добровольцы, донцы, кубанцы, кавказцы), деление войск на добровольческие, казачьи, инородческие и иные формирования. Даже среди белого офицерства существовало вполне осязаемое размежевание

на «первопоходников», других добровольцев, офицеров-казаков, офицеров, призванных по мобилизации, не говоря уже о тех, кто до белых успел послужить у красных.

Размежевание и расслоение в белых войсках имело место не только в тактическом звене, но и в оперативном масштабе. Это наглядно видно на примере образованных на Юге России трёх армий – Добровольческой, Донской и Кавказской, – существенно отличавшихся друг от друга не только боевым составом и боевой ценностью, но и организационным устройством, порядком подчинённости, комплектования, способами материального обеспечения и др. В большей степени общегосударственным задачам соответствовала Добровольческая армия, в меньшей – Донская, являвшаяся по составу крупнейшим оперативным объединением, но подчинявшаяся А.И. Деникину лишь оперативно. Она в 2–3 раза по численности превосходила армию Добровольческую и почти вчетверо – Кавказскую. При этом её роль ограничилась отражением в августе контрнаступления советского Южного фронта, да ещё печально знаменитым рейдом по красным тылам корпуса К.К. Мамонтова. Фактически Донская армия прикрывала лишь свою область, а заодно правый фланг ударной группировки белых войск – армии Добровольческой. Но и с этими задачами донцы оказались не в состоянии справиться, что явилось одной из причин последующего падения белого фронта. Кавказская армия, объединявшая в основном кубанские части, вела боевые действия с оглядкой на Кубанскую Раду и после взятия Царицына почти не проявляла активности.

Ещё одна причина состояла в том, что белые так и не смогли найти эффективных решений в отношении кардинальных вопросов внутренней политики. Провозглашение превентивности частной собственности завело их в тупик в деле справедливого разрешения аграрного вопроса в стране, где 80% населения составляли крестьяне¹². Белые так и не решились, например, засчитать в собственность крестьян урожай, собранный ими на захваченных после революции землях, и треть его оставлял прежним владельцам¹³. Своё разрешение «вековой вопрос» нашёл лишь летом 1920 г. в Крыму, но применённый в местностях, где он не стоял так остро, и там не дал ожидаемого эффекта. От-

сюда шараханье к большевикам, крестьянское движение в белом тылу, отсутствие пополнений, перебои в снабжении боевых войск, общее недовольство политикой белых, усиливавшееся в результате карательных акций против отдельных партизанских выступлений и вспышек недовольства крестьян.

Не удалось белым привлечь на свою сторону и рабочих, хотя предпосылки к этому имелись. Рабочие не все и не безоговорочно были привержены власти большевиков и не менее других социальных слоев нуждались в защите от их произвола. Недовольство их политикой приводило к волнениям рабочих, которые подавлялись особенно жестоко, т. к. вступали в полное противоречие с исходными теоретическими установками большевистской партии, изначально выступавшей в роли авангарда пролетариата и вершившей суд и расправу его именем. Но рабочие продолжали выражать недовольство, нередко вступая в ряды белых борцов.

Преступный обман народа коммунистической идеологией был немедленно распознан российской интеллигенцией, так много и неустанно потрудившейся над его «просвещением» относительно несправедливости бытия и необходимости революционного обновления мира. Но когда народ, наконец, вял увещеваниям и взялся за вилы и топоры – почти вся целиком оказалась в белом лагере, в полном недоумении и ужасе от совершившегося.

К этому в качестве одной из причин поражения белых стоит добавить то обстоятельство, что белые не были политиками и не могли поступаться принципами, как это всегда легко делали их противники. Никто из белых военачальников не считал себя вправе идти на территориальные, экономические, концессионные уступки, ущемлявшие интересы России. «Ни пяди русской земли не отдавать, – говорил на заседании донского Войскового круга 20 ноября (2 декабря) 1919 г. генерал А.И. Деникин, – никаких обязательств перед союзниками и иностранными державами не принимать, ни по экономическим, ни по внутренним нашим делам... Когда станет у власти всероссийское правительство, то оно не получит от нас ни одного векселя»¹⁴. Белые просто не видели за собой морального права единолично заключать какие-либо договоры, в лучшем случае предлагая отложить их

до конца войны и образования компетентной общероссийской власти. В результате наживали врагов, как в лице иностранцев, так и новых государственных образований.

Из-за малочисленности белогвардейцы могли побеждать, только сохраняя за собой инициативу, ведя активные наступательные действия, дававшие приток добровольцев и новые пополнения. Любая пассивность при явном перевесе сил противника грозила им неминуемым поражением. Но в наступлении неизбежно растягивались коммуникации, войска отрывались от тылов и баз снабжения, армии и корпуса теряли связь между собой, начинали действовать разрозненно и независимо друг от друга. Фланги и стыки оказывались открытыми и незащищенными. А когда боеспособность белых, измотанных и обескровленных непрерывными боями и маневрированием, снижалась донельзя и они останавливались, вот тогда для красных и наступала пора побед и реализации своего численного превосходства.

Основными источниками пополнений белых становились захваты пленных, которые были возможны преимущественно в ходе наступления, а также насильственные частные мобилизации населения, проводившиеся непосредственно в прифронтовой полосе. Подобные самочинные мобилизации официально воспрещались, но из-за отсутствия других возможностей применялись довольно широко¹⁵. Поэтому доля бывших красноармейцев в рядах белых постоянно возрастала. В период наибольших успехов Добровольческой армии, когда были взяты Курск и Орел, даже лучшие офицерские части до 90% были укомплектованы недавними красноармейцами. Следствием этого явилось резкое снижение стойкости белых войск и в целом их боевых качеств.

Если вопрос о пополнениях стоял очень остро, то снабжение войск оружием, боеприпасами и иными материальными средствами находилось и вовсе в катастрофическом состоянии. Самым верным способом добывания оружия и прочего являлось опять же наступление. В оборонительный период снабжение всецело зависело от работы тыла, который с этой задачей явно не справлялся. Командиры вынуждены были идти на различного рода ухищрения, чтобы получить оружие, патроны, снаряжение, – миную суще-

ствовавшую длинную очередь. Неустройство и ненадёжность тыла, отвлекавшие значительные силы для поддержания там порядка, плохое снабжение – как из-за общей нехватки тех или иных запасов и коррупции в тылу, так и из-за растянутости коммуникаций и плохой работы транспорта, осуществлявшего подвоз на огромные расстояния – заставляли части переходить на «самоснабжение». За войсками тянулись целые железнодорожные составы, которые полки нагружали «своим» имуществом, про запас, поскольку надежда на получение чего-либо законным порядком, через тыловые учреждения, была эфемерной.

Противоречивую роль в белой борьбе сыграло казачество. С одной стороны, казахи области послужили главной базой для развертывания, пополнения людьми и материального снабжения белых армий. Белоказачьи войска по своей общей численности значительно превосходили белогвардейские и составляли большую часть белой кавалерии. Прирожденные воины, казаки умело и храбро сражались, многие погибли в боях. Их заслуги в этом отношении несомненны и весьма велики. С другой стороны, именно казачество, в силу присущих ему некоторых особенностей мировоззрения и неоднозначного отношения основной массы казачества к Белому движению, являлось одной из причин многих неудач белых на фронтах и удручающего неблагоприятия в их тылу. В начальном периоде борьбы, несмотря на все усилия вождей, казачество устойчиво держало нейтралитет. Попытки донского атамана А.М. Каледина в 1917–1918 гг. поднять казачество на борьбу потерпели провал именно из-за нежелания простых казаков вновь, как было в революцию 1905–1907 гг., выступать в роли «жандарма» русского народа. Заявив о непризнании большевиков, оно не стремилось к их свержению, думая только о защите своих территорий и «родных очагов»¹⁶. Чтобы привлечь казачество к борьбе, белым вождям не раз приходилось публично заявлять, что они ни при каких условиях не допустят покушения кого бы то ни было на казахьи вольности и внутреннее самоуправление, что казачество в своих внутренних делах полностью автономно¹⁷.

Положение изменилось после принятия Оргбюро ЦК РКП(б) постановления от 24 января 1919 г., разосланного в виде циркулярного пись-

ма всем партийным работникам в казахьих областях. В нём призывалось повести «самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления» и ставились задачи: провести «беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам... конфисковать хлеб... уравнивать пришлых «иногородних» к казакам... провести полное разоружение, расстреливая каждого...» и т. п. Сам по себе этот документ – наглядный образчик преступлений большевиков против народа и методов, с помощью которых они удерживали власть. Развернулся террор и грабежи казачества. Сотни и тысячи казаков были расстреляны, порублены, утоплены в реках. Испытав «на своей шкуре» зимой и весной 1919 г. политику «разказачивания», казачество стало активным участником белой борьбы, но тем не менее постоянно пыталось сохранять некую автономию. Это проявлялось в сепаратизме казахьих областей и политике казахьих верхов, нежелании казаков, особенно донских, воевать за пределами своих областей и т. п. Боролось на два фронта: против большевиков и... белых, оберегая свои «исконные» и казавшиеся такими важными казахьи интересы, не желая в полной мере признавать претензии белогвардейских руководителей на доминирующее общегосударственное значение.

Неблаговидную роль сыграли извечная казахья вольница, тяга к разбою и грабежу, исторически сложившийся взгляд на войну как на средство наживы. Справедливости ради, следует отметить, что «жаждой наживы» были заражены и другие, неказачьи, войска, вынужденные с самого начала борьбы заниматься самообеспечением и жить за счет противника и местных ресурсов. А за гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», – писал А.И. Деникин, – открывалась мрачная бездна морального падения: насилие и грабежи¹⁸. Борьба с этим злом со стороны белого командования велась довольно вяло и не приводила к желаемым результатам.

Не счесть преступлений большевизма на российской земле! Гражданская война, подавление народных восстаний, раскулачивание, расказачивание, голодомор на Украине, Поволжский голод, безпризорность, архипелаг ГУЛАГ, репрессии, колхозная каторга и т. д. и т. п. социальные эксперименты. Красный террор, уничтоживший

тысячи и тысячи, вырубивший чуть не под корень генофонд народа.

В то же время необходимо отвести досужие рассуждения о том, что и красные, и белые в равной степени повинны в терроре и насилии. Да, белые казнили красных комиссаров и командиров, не щадили чекистов, забирали крестьянское имущество для военных нужд. Но не возводили террор в основу политики, как делали большевики, и не занимались истреблением целых социальных групп населения (буржуазии, священнослужителей, казаков, офицеров, кула-

ков и пр.), не проводили массовые расстрелы заложников, не создавали заградительных отрядов и концлагерей, не провоцировали голод и пр. Белые боролись против большевизма, но не против своего народа, а за него.

Однако примирение всё таки возможно. Потому что историческое прошлое свято, а традиции, долг, честь и любовь к Родине – всё то, что даже сейчас подвергается шельмованию, осмеянию и поруганию со стороны нашей либеральной общественности, всё это не пустые звуки.

-
- ¹ Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах // Преподавание истории в школе. 1990. № 6. С. 67.
- ² Поляков Ю.А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 2.
- ³ Головин Н.Н. Российская контр-революция. Кн. 2. С. 112.
- ⁴ Приказ Верховного главнокомандующего № 634 от 15 июля 1917 г. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 135.
- ⁵ Ильин И.А. Белая идея // Страницы. 1992. № 5. С. 9.
- ⁶ Ильин И.А. Указ. соч. // Там же.
- ⁷ См., напр., Военная Энциклопедия. М., 2001. Т. 5. С. 402–403.
- ⁸ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–13; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 143.
- ⁹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920). СС. 154, 326–327.
- ¹⁰ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Т. 4. СС. 56, 111, 227.
- ¹¹ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Т. 4. СС. 43–49, 95
- ¹² Письмо генерала Деникина по земельному вопросу. // ГАРФ. Ф. 439. Оп.1. Д. 41. Л. 2.
- ¹³ Правила о сборе урожая 1919 г. в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России. // ГАРФ. Ф.439. Оп.1. Д. 88. Л. 209.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- ¹⁵ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело: В 16 кн. Кн. 7. М., 1996. СС. 307-323.
- ¹⁶ Соколов. К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: В 16 кн. Кн. 8. М., 1992. С. 7.
- ¹⁷ См. напр., Речь генерала Деникина 20 ноября (3 декабря) 1918 г. в дневном заседании Верховного казачьего круга // ГАРФ. Ф. 6051. Оп.1. Д. 28. Л. 2.
- ¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 171.

*Владимир Оттович Дайнес,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент*

Характерные черты стратегического руководства вооруженной борьбой в годы Гражданской войны в России

В процессе создания и развития системы органов стратегического руководства вооруженной борьбой Советской России и Белого движения было использовано все самое ценное из прошлого опыта. В то же время эта система имела существенные отличия. В первую очередь, это касается Советской России, где все проблемы военной политики и экономики, строительства Вооруженных Сил решались под непосредственным руководством ЦК РКП(б) и его Политбюро. Такой подход обусловлен тем, что партия большевиков являлась правящей политической партией, и потому ее центральные органы постоянно держали под своим неослабным контролем все стороны жизни страны. На пленумах ЦК РКП(б) и заседаниях его Политбюро рассматривались вопросы, связанные с подготовкой разгрома армий Белого движения и войск интервентов. С целью обеспечения строго централизованного руководства военными действиями Красной Армии на многочисленных фронтах ЦК РКП(б) и его Политбюро через ВЦИК, Совнарком, Совет Обороны, а также членов партии большевиков в армии и на флоте, направлял и контролировал

деятельность органов стратегического руководства. В их состав входили члены ЦК РКП(б), которые в качестве уполномоченных Центрального Комитета выполняли ответственные задания на фронтах и в тылу. Большую работу проводил и Совет Рабочей и Крестьянской Обороны (Совет Обороны) под председательством В.И. Ленина. Он был создан согласно постановлению ВЦИК от 30 ноября 1918 г. с целью мобилизации всех сил и средств страны в интересах обороны. Постановления Совета Обороны были «безусловно обязательны для всех ведомств и учреждений, центральных и местных, для всех граждан»¹.

Непосредственно вооруженной борьбой руководили специально созданные органы, которые прошли сложный и противоречивый путь развития. Управление войсками, находившимися на фронтах, после прихода к власти партии большевиков осуществлял исполняющий обязанности Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской Республики генерал-лейтенант Н.Н. Духонин. Однако, руководство партии большевиков, создавая систему органов стратегического руковод-

ства, сделало ставку на коллегиальную форму управления. 26 октября (8 ноября) 1917 г. в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе Временного рабочего и крестьянского правительства был создан Комитет по военным и морским делам из трех человек: бывшие подпоручик В.А. Антонов-Овсеенко, прапорщик Н.В. Крыленко и матрос П.Е. Дыбенко². 27 октября (9 ноября) в состав этого Комитета вошли представители Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Петроградского военно-революционного комитета. 3(16) ноября Комитет по делам военным и морским делам был переименован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам. В конце ноября за ним установилось официальное название – Народный комиссариат по военным делам (Наркомвоен).

9(22) ноября 1917 г. по решению Совнаркома генерал Н.Н. Духонин за отказ предложить перемирие всем воюющим странам был уволен от должности³. Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской Республики был назначен Н.В. Крыленко, при котором 29 ноября (11 декабря) создан Революционный полевой штаб. 20 ноября (3 декабря) приказом Верховного главнокомандующего наркомом по военным делам назначается Н.И. Подвойский, на следующий день – народным комиссаром по морским делам П.Е. Дыбенко, а 22 ноября (5 декабря) – наркомом по борьбе с контрреволюцией на Юге России В.А. Антонов-Овсеенко⁴.

На этом децентрализация управления армией и флотом не завершилась. 15(28) января 1918 г. Совнарком РСФСР принимает декрет о создании Красной Армии, согласно которому СНК был провозглашен «верховным руководящим органом» РККА, а непосредственное руководство и управление армией возложено на Всероссийскую коллегию Наркомата по военным делам. 23 января (5 февраля) Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко принимает решение об упразднении Ставки и её штаба, а также о возложении непосредственного руководства войсками на главнокомандующих армиями фронтов. 29 января (11 февраля) Совнарком издает декрет об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота, подчиненный коллегии Наркомата по морским делам.

Опыт вооруженной борьбы с внутренними противниками советской власти и войсками стран Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) в конце 1917 – начале 1918 гг. показал, что наличие различных органов военного управления приводит к параллелизму в их работе и к снижению эффективности руководства вооруженной борьбой. Поэтому 3 марта 1918 г. Совнарком РСФСР учредил новый коллегиальный орган военного управления – Высший военный совет (ВВС)⁵. В отличие от ранее созданных органов он стал теперь единым органом стратегического руководства, который ставился «во главе дела обороны страны» и руководил «всеми военными операциями» с подчинением ему «всех без исключения военных учреждений и лиц».

Первоначально в состав Высшего военного совета вошли военный руководитель генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич и два политических комиссара левый эсер П.П. Прошьян (О.П. Тер-Аракелян) и большевик К.И. Шутко. Однако вскоре пришлось внести изменения в состав ВВС. Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко и комиссар К.И. Шутко, считая незаконным актом подписание Брест-Литовского мирного договора, обратились к СНК с просьбой освободить их от занимаемой должности. 13 марта Совнарком удовлетворил эту просьбу, упразднив должность Верховного главнокомандующего и Ставку. Наркомом по военным делам был назначен Л.Д. Троцкий (Бронштейн), который 18 марта по решению СНК возглавил Высший военный совет. 1 апреля Совнарком уточняет его состав: наркомы по военным и морским делам, член коллегии наркомата по военным делам, два специалиста военного и один специалист военно-морского дела. 6 апреля Троцкий был назначен одновременно и наркомом по морским делам.

Для руководства политической деятельностью военных комиссаров и организации контрразведки 8 апреля 1918 г. при Наркомате по военным и морским делам было образовано Всероссийское бюро военных комиссаров, а для инспектирования состояния военной и политической работы в частях и учреждениях – 24 апреля Высшая военная инспекция. Решение вопросов мобилизации, формирования, обучения войск, разработки штатов, уставов, инструкций

и положений было возложено на Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб), созданный 8 мая. Рабочим органом Высшего военного совета стал Штаб, созданный 20 июня во главе с бывшим генерал-майором Н.И. Раттэлем. В соответствии с декретом СНК от 19 августа руководство воинскими формированиями других наркоматов было объединено в наркомате по военным и морским делам.

Несмотря на проведенную реорганизацию, система органов стратегического руководства, сложившаяся к концу лета 1918 г., не обеспечила единое руководство вооруженной борьбой. Это было связано с тем, что Высший военный совет решал в основном задачи, связанные с организацией борьбы против войск Четверного союза, а Наркомат по военным делам через свой оперативный отдел – против сил Белого движения. Между ними не было тесного контакта, они во многом дублировали друг друга, что сказывалось на эффективности управления войсками. Поэтому по предложению председателя Высшей аттестационной комиссии бывшего полковника А.И. Егорова ВЦИК 2 сентября принимает постановление о превращении Советской Республики в военный лагерь и образовании нового коллективного органа военного управления – Революционного военного совета Республики (РВСР) «с одним Главнокомандующим»⁶. Согласно Положению о РВСР, утвержденному 30 сентября ВЦИКом, он являлся органом высшей военной власти в стране, в распоряжение которого для нужд обороны границ РСФСР предоставлялись «все силы и средства народа». Ему были переданы все права коллегии Наркомвоена и упразднённого Высшего военного совета, подчинены все военные учреждения. Но в компетенцию РВСР не входили вопросы транспорта, военной промышленности и снабжения войск продовольствием. Председателем РВСР являлся нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий.

В соответствии с Положением о Главнокомандующем всеми вооружёнными силами Республики, объявленному постановлением СНК РСФСР от 5 декабря 1918 г., указывалось, что Главком «есть боевой начальник всех сухопутных и морских вооруженных сил Республики, входящих в состав действующей армии»⁷. Все остальные части и крепости подчинялись ему

в оперативном отношении. Главком (вначале бывший полковник И.И. Вацетис, а с июля 1919 г. – полковник С.С. Каменев) пользовался полной самостоятельностью во всех вопросах оперативно-стратегического характера. Его приказы и директивы без подписи одного из членов РВСР считались недействительными. Главком получал директивы непосредственно от ЦК и Политбюро ЦК РКП(б), председателя Совнаркома и Совета обороны В.И. Ленина или через председателя Реввоенсовета Республики. В результате повышалась оперативность в работе Главного командования Красной Армии, так как своевременно обеспечивалось принятие мер по улучшению руководства фронтами и отдельными армиями. Оперативным рабочим органом Реввоенсовета Республики и Главкома являлся Штаб РВСР, переименованный 2 октября в Полевой штаб РВСР (начальники: бывшие капитан П.М. Майгур, генералы Н.И. Раттэль, Ф.В. Костяев, М.Д. Бонч-Бруевич, П.П. Лебедев)⁸.

11 сентября 1918 г. приказом РВСР с целью «обороны областей Российской Республики» были образованы оперативно-стратегические объединения: Северный, Восточный, Южный фронты, которые возглавили командующие, а также Западный район обороны под руководством начальника этого района.⁹ Согласно Положениям о командующем армиями фронта и командующем армией, утвержденным СНК РСФСР 5 декабря, во главе каждого фронта и армии стояли соответствующие революционные военные советы.

С образованием стратегических и оперативных объединений руководство вооруженной борьбой стало осуществляться в звене Главком – фронт (отдельная армия) – армия. Свою эффективность оно доказало в ходе Гражданской войны. С учетом удаленности театра военных действий (ТВД) в Сибири по решению РВСР от 24 апреля 1920 г. был создан промежуточный орган стратегического руководства, получивший наименование помощник Главкома по Сибири¹⁰.

После создания Реввоенсовета Республики, введения должности Главнокомандующего и образования фронтов и армий в целом была завершена работа по формированию единой системы стратегического руководства вооруженной борь-

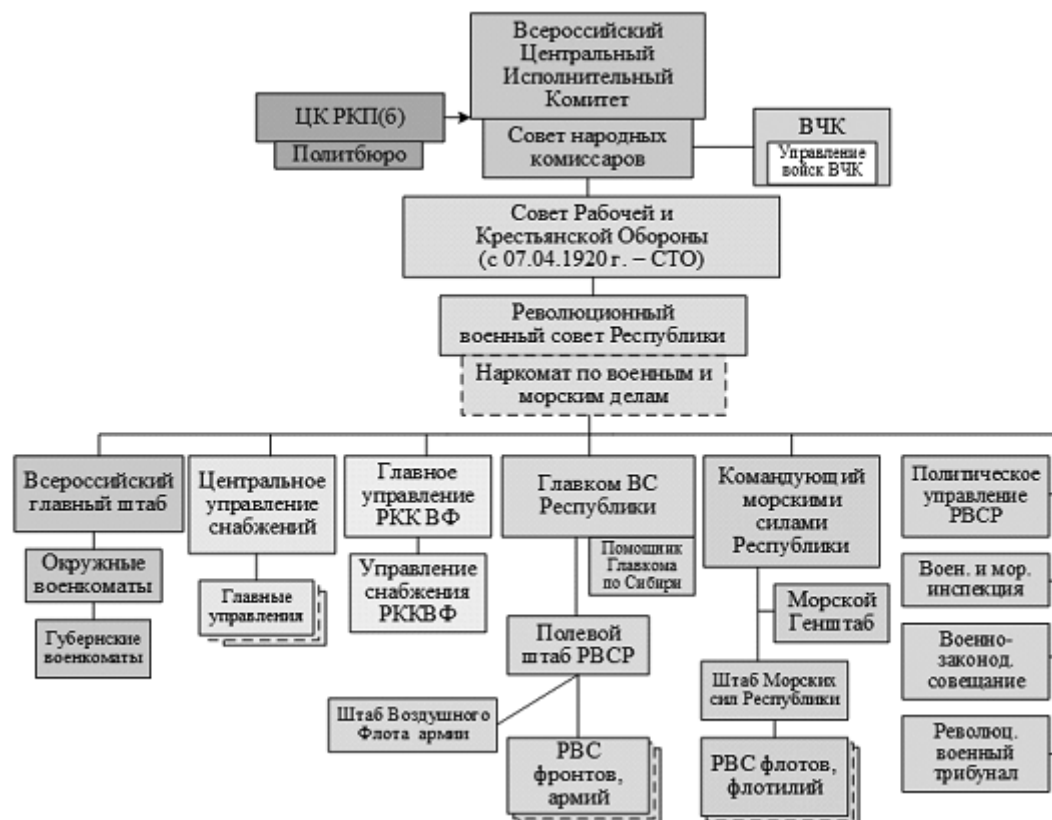

Рисунок № 1. Система органов стратегического руководства вооруженной борьбой в РСФСР (1920 г.)

бой в Советской России. (Рис. 1. В последующем вносились изменения и дополнения, касавшиеся только структуры и функций учреждений и органов, входивших в состав этой системы. Так, согласно решений VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г., штатный состав РВСР с целью повышения оперативности в его работе был сокращен до 6 человек. 18 апреля вместо Всероссийского бюро военных комиссаров был создан Политический отдел, преобразованный 26 мая в Политическое управление РВСР на правах военного отдела ЦК РКП(б).

В связи с разгромом в начале 1920 г. основных сил Белого движения приоритетными направлениями дальнейшего военного строительства стали сокращение численности Вооруженных Сил и коренная реорганизация системы органов центрального военного управления. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 29 января 1921 г. на базе Полевого штаба РВСР и Всероглавштаба 1 февраля был создан единый Штаб РККА, через Главкома подчинённый непосредственно наркомму по военным и морским делам.

В ходе Гражданской войны свое развитие получила и система органов руководства вооруженной борьбой в лагере противников Со-

ветской России. Разработка проблем стратегии, направленной странами Антанты на достижение своих военно-политических целей, и руководство вооруженной борьбой против Советской России осуществлялись различными органами. Наиболее важные вопросы, касающиеся военной интервенции в России, решались на конференциях глав правительств стран Антанты с участием министров иностранных дел, а также на двусторонних встречах глав правительств или министров иностранных дел, или военных министров и Верховного главнокомандующего союзными армиями в Европе маршала Ф. Фоша.¹¹ С целью координации усилий на различных театрах военных действий осуществлялась переписка между главами правительств, министрами иностранных дел, в том числе и с лидерами Белого движения.¹² Широко применялись такие формы общения, как консультации и переписка между послами стран Антанты в России со своими министерствами иностранных дел (государственным департаментом США) или военных министров с представителями военных миссий при белогвардейских армиях и с главнокомандующими (командующими) союзными войсками в России.

Рисунок № 2. Система органов стратегического руководства вооруженной борьбой стран Антанты (июль 1919 г.)

Вопросы, связанные с военной интервенцией в России, неоднократно обсуждались на заседаниях Верховного совета Антанты (Верховного союзного совета стран Антанты), созданного в конце Первой мировой войны. На заседаниях Верховного совета обсуждались состояние союзных войск и военное положение в России, создание комиссии для координации планов интервенции, использование сил государств Восточной Европы в борьбе против Советской России и др.¹³

Эти же вопросы нашли отражение и в работе Парижской мирной конференции, проводившейся (с перерывами) с 16 января 1919 г. по 21 января 1920 г. с целью выработки и подписания мирных договоров со странами Четверного союза. Высшим органом Парижской мирной конференции являлся Совет десяти: главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, государственный секретарь США и два специальных представителя от Японии. В марте 1919 г. вместо Совета десяти был создан Совет четырех (представители Великобритании, Франции, США и Италии), а в конце июля – Совет пяти (или Совет глав делегаций) за счет включения представителя от Японии.

Для непосредственного решения вопросов ведения войны в России в ноябре 1917 г. был создан Высший военный совет¹⁴. В его состав вошли председатель и по одному военному представителю «от каждого союзного правительства», при котором действовал постоянный аппарат (штаб). Рис.2. Исполнительным органом Высшего военного совета стал Межсоюзный (исполнительный) комитет, образованный 2 февраля 1918 г. в составе четырех постоянных военных представителей под председательством маршала Фоша¹⁵. В апреле на него, как на Верховного главнокомандующего союзными армиями во Франции, было возложено непосредственное руководство вооруженной борьбой в России¹⁶. Планирование операций против Красной Армии осуществлял Генеральный штаб Главного командования союзных армий, созданный еще в годы Первой мировой войны¹⁷.

Важное место в деятельности органов стратегического руководства стран Антанты отводилось созданию органов для управления войсками непосредственно на театрах военных действий. На Севере России союзные и белогвардейские части и соединения возглавлял британский генерал Ф. Пуль, а с сентября 1919 г. – его

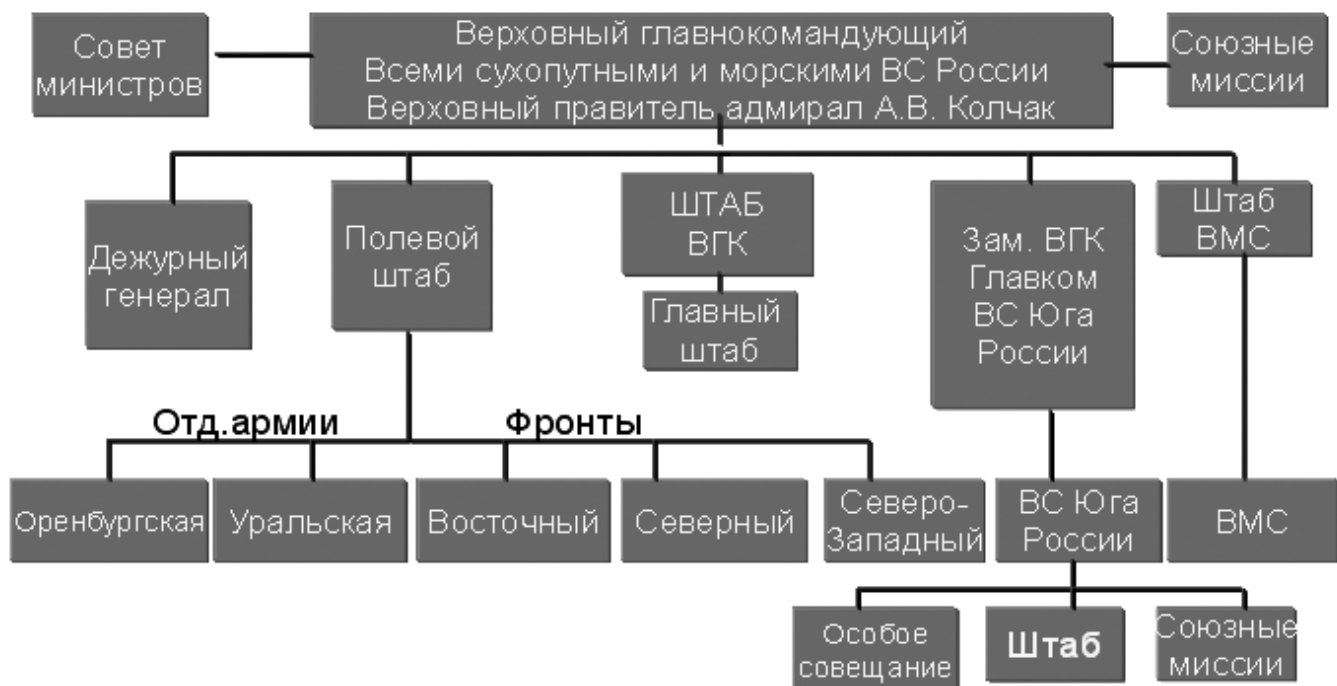

Рисунок № 3. Система органов стратегического руководства вооруженной борьбой Белого движения (июль 1919 г.)

соотечественник генерал В.Э. Айронсайд. Союзными войсками в Восточной России и Сибири командовал французский генерал М. Жанен. Главнокомандующим союзными войсками на Дальнем Востоке был назначен японский генерал К. Отани, в Закавказье – английский генерал Л. Денстервилль, в Туркестане – англичанин генерал У. Маллесон.

Система органов стратегического руководства вооруженной борьбой в России, созданная лидерами стран Антанты, оказалась неспособной объединить усилия всех противников Советской России. Главными причинами этого явились непримиримые противоречия между державами Антанты в вопросах о будущем государственном устройстве России и о сферах своего влияния на ее территории, а также стремление главнокомандующих союзными армиями к автономии. В результате Высший военный совет с самого начала оказался неспособным осуществлять единое командование союзными войсками.

Лидеры Белого движения создавали свои собственные органы руководства вооруженной борьбой. Они координировали свои действия с главными командованиями (командованиями) стран Антанты на театрах военных действий.

Верховным правителем Российского государства и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России с ноября 1918 г. формально считался адмирал А.В. Колчак. Рис.3. Однако каждый главнокомандующий (командующий) вооруженными силами Белого движения действовал по собственному усмотрению под воздействием представителей тех стран Антанты, которые имели наибольшее влияние в том или ином регионе России. С адмиралом А.В. Колчаком в определенной мере взаимодействовали назначенные им же Главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Е.К. Миллер и Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н.Н. Юденич. Но в связи со значительной удаленностью этих фронтов от Ставки адмирала Колчака в Омске, оба главнокомандующих действовали в основном совершенно самостоятельно.

Адмиралу А.В. Колчаку непосредственно подчинялся штаб Верховного главнокомандующего (начальник штаба – генерал Д.А. Лебедев), решавший все вопросы по подготовке и использованию войск, планированию операций и руководству военными действиями. В июле 1919 г. адмирал Колчак упразднил гро-

моздкую Ставку Верховного главнокомандующего, а управление армиями (корпусами) возложил на штаб Главнокомандующего войсками Восточного фронта генерала М.К. Дитерихса. Управление войсками осуществлялось через командующих армиями, группами войск и их штабы, командиров корпусов.

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин, хотя и считался заместителем Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России, осуществлял независимое от него руководство вооруженной борьбой через штаб во главе с генералом И.П. Романовским. В середине ноября 1919 г. генерал Деникин назначил двух помощников Главнокомандующего (один из них являлся одновременно начальником штаба Вооруженных сил Юга России). Генералу Деникину подчинялись командующие армиями, отдельными группами войск и командиры отдельных корпусов.

Главнокомандующий Русской армией генерал П.Н. Врангель руководил действиями своих войск через штаб (начальник штаба – генерал П.Н. Шатилов), командиров корпусов (с октября 1920 г. – командующих армиями) и их штабы.

В годы Гражданской войны органы стратегического руководства вооруженной борьбой Советской России, опираясь на мировой опыт, вместе с тем весьма оригинально и своеобразно решали проблемы, связанные с ведением вооруженной борьбы на два фронта, стратегическим развертыванием вооруженных сил, планированием операций, проведением стратегических перегруппировок войск, созданием и использованием стратегических резервов.

Термин «ведение вооруженной борьбы на два фронта» является обобщающим понятием. В данном случае подразумевается, что вооруженная борьба одновременно или последовательно развертывается на двух или нескольких оперативно-стратегических объединениях (фронтах). Решение данной проблемы было особенно актуально для Советской России, занимавшей срединное географическое положение по отношению к своим противникам.

Организация ведения вооруженной борьбы на два фронта осуществлялась не заблаговременно, а в ходе военных действий. Последовательность, темпы развертывания, боевой и

численный состав группировок войск, формы и способы их действий зависели от степени угрозы противника на том или ином фронте (театре). В ряде случаев инициатива в определении важнейшего фронта принадлежала ЦК РКП(б), который, например, весной 1920 г. требовал сосредоточить основное внимание на Западе страны против польской армии.¹⁸ До образования Реввоенсовета Республики и введения должности Главнокомандующего решение вопроса о том, какой фронт на данный момент считать главным, находилось в ведении СНК РСФСР. В последующем этим занимался Главком, определявший главный фронт в своих докладах правительству и РВСР. Во всех случаях Главком и высшее политическое руководство Советской России строили свои расчеты на противоречиях между различными группировками противника, разгроме их по частям с быстрой переброской сил с одного направления или театра военных действий на другой.

В отличие от войн прошлого стратегическое развертывание Красной и белых армий осуществлялось не по заранее разработанному плану, а первоначально распорядительным порядком на театрах военных действий и направлениях, не подготовленных в оперативном отношении. Только после более или менее четкого географического размежевания сторон оно приобрело относительно планомерный характер, но и в дальнейшем не проявилось каких-либо ярко выраженных граней между составными элементами развертывания – от мобилизации, сосредоточением сил на ТВД и оперативным развертыванием. Все эти задачи, как правило, решались параллельно и в центре страны, и на периферийных территориях, и в угрожаемых районах, и в зонах военных действий.

Несколько необычные формы приобрела система стратегического планирования операций. В начале Гражданской войны оно не всегда было возможным, так как органы стратегического руководства находились еще в начальной стадии формирования, не было подготовленных кадров, отсутствовал опыт планирования военных действий в крупных масштабах да еще применительно к особенностям Гражданской войны. Детальным планированием стратегических операций и организацией их всестороннего обеспечения занимался Полевой штаб РВСР.

Он разрабатывал планы, директивы и распоряжения фронтам, центральным и главным управлениям, отдельным армиям, организовывал их стратегическое взаимодействие. Одновременно проводились мероприятия по созданию стратегических группировок и их всестороннему обеспечению, организации и проведению межтеатровых и межфронтных перегруппировок, контролю над ходом подготовки войск (флотилий) и штабов к боевым действиям, обеспечению скрытности подготовки операций и внезапности их проведения¹⁹.

Особое внимание органов стратегического руководства сосредоточивалось на создании, накоплении и использовании стратегических резервов. Проблема их подготовки в Советской России решалась двумя способами: вневойсковым (обязательное военное обучение рабочих и крестьян – Всевобуч) и войсковым. При использовании вневойскового способа в период с сентября 1918 г. по сентябрь 1920 г. были обучены около 3,7 млн. человек, сформированы и переданы Красной Армии одна стрелковая дивизия и одна бригада, 6 стрелковых, один конный и 9 кадров резервных пехотных полков, 27 рот и 24 команды лыжников-разведчиков²⁰. Однако этих формирований оказалось недостаточно для усиления фронтов. Поэтому основным источником накопления резервов стал войсковой способ путем создания запасных и резервных формирований Главного командования, Всероглаштаба (запасные части в военных округах), фронтовых и армейских запасных и боевых формирований, вывода соединений из действующих фронтов, а также проведения местных мобилизаций.

Стратегические резервы применялись как для создания ударных группировок, так и для решения важных задач в ходе стратегического наступления или обороны. Основная их масса использовалась, как правило, на главных направлениях с целью наращивания усилий войск. Так, в ходе общего наступления Южного и Юго-Восточного фронтов стратегические резервы использовались для наращивания усилий на главном – курско-харьковско-донбасском – направлении. Иногда стратегические резервы применялись для переноса усилий с одного театра военных действий на другой. С этой целью Главком, например, вывел весной 1920 г. в свой ре-

зерв 1-ю конную армию, которая затем была переброшена с Южного театра военных действий на Западный, а осенью того же года – наоборот с Западного на Южный ТВД. В оборонительных операциях стратегические резервы использовались преимущественно для создания второго стратегического эшелона в тылу фронта (например, Московско-Тульский оборонительный район на Южном фронте в 1919 г.), для организации прочной обороны на вспомогательных направлениях и флангах (например, на Юго-Восточном фронте в период контрнаступления Южного фронта в октябре 1919 г. и на Кавказском фронте зимой 1920 г.), для борьбы с группировкой противника, прорвавшейся во фронтовой тыл (Южный фронт в октябре 1919 г.), а также для нанесения контрударов и восстановления утраченного положения.

Одним из наиболее эффективных способов активного воздействия на обстановку в стратегическом масштабе являлось проведение межтеатровых и межфронтных стратегических перегруппировок. Они обычно осуществлялись с целью переноса усилий с одного театра военных действий или стратегического направления на другое, изменения состава или создания новых ударных группировок. Общее руководство стратегическими перегруппировками и контроль над их проведением осуществляли Главком и Полевой штаб РВСР. В первую очередь с одного ТВД на другой перебрасывались стратегические резервы из военных округов и Запасной армии Республики. Вместе с тем предпринимались и перегруппировки войск, снимаемых с второстепенных участков фронта. Так, в ходе решающих операций Южного и Юго-Восточного фронтов против Вооруженных сил Юга России с сентября 1919 г. по март 1920 г. с других фронтов было переброшено 10 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 7 стрелковых и 2 кавалерийские бригады, большое количество отдельных частей и подразделений различных родов войск. Кроме того, командованию Юго-Восточного фронта были переданы из Туркестанского фронта 11-я армия, Астраханский укрепрайон и Волжско-Каспийская военная флотилия, а Южному фронту – 12-я армия из Западного фронта²¹. Всего в годы войны 70% всех дивизий перебрасывались с одного фронта на другой, из них 52% дивизий действовала на двух, а 18% – на трех-четыре и

даже пяти фронтах²². Некоторые дивизии перегруппировывались с одного фронта на другой по 5 – 7 раз и более.

Стратегическое взаимодействие было направлено на создание благоприятных предпосылок для успешных действий войск, выполнявших главные задачи. Это достигалось путем поддержки их действий активными операциями на других направлениях. Основным содержанием стратегического взаимодействия являлось согласование усилий видов Вооруженных Сил и родов войск, а также тех фронтов и армий, которые проводили операции на различных театрах военных действий или на стратегических направлениях одного театра. В зависимости от конкретных условий вооруженной борьбы применялись следующие способы организации стратегического взаимодействия: согласование усилий стратегических группировок войск; согласование усилий группы (двух) фронтов и родов войск, действовавших на одном театре или стратегическом направлении и решавших единую задачу; согласование усилий Красной Армии с партизанско-повстанческими формированиями. Например, при разгроме войск адмирала Колчака было организовано взаимодействие между Северной и Южной группами войск Восточного фронта, а при борьбе с Вооруженными силами Юга России – между Южным (Юго-Западным) и Юго-Восточным (Кавказским) фронтами. В оборонительных операциях при организации взаимодействия особое внимание обращалось на согласование усилий войск, наносивших контрудары или оборонявшихся на смежных направлениях. Не менее важно было сковать своими активными действиями силы противника на второстепенных участках с тем, чтобы не допустить переброски на главные направления действовавших там его войск. В большинстве случаев в ходе стратегических операций удавалось поддерживать устойчивое взаимодействие. Но были и примеры, когда оно нарушалось. Это наглядно проявилось в действиях Западного и Юго-Западного фронтов в 1920 г., которые наступали в двух расходящихся направлениях – на львовском и на варшавском.

Лидеры Белого движения практически решали те же вопросы стратегического руководства вооруженной борьбой, что и Главное командование Красной Армии. Особое внимание они

уделяли выбору направления главного удара, который, как правило, наносился на направлении, выведившее в кратчайшие сроки к жизненно важным экономическим и военно-политическим центрам Советской России, а также против той группировки, от поражения которой зависела устойчивость стратегического фронта Красной Армии. Кроме того, по войскам Красной Армии нередко наносились удары с разных направлений. Командование армий Белого движения также умело осуществляло межармейские и межтеатровые перегруппировки. Например, осенью 1919 г. с Кавказа в Донбасс были перебросены кавалерийские соединения и части для усиления Добровольческой армии.

В отличие от Красной Армии стратегическое развертывание белогвардейских армий и войск интервентов осуществлялось в районах, в тылу которых имелись морские коммуникации. Это позволяло обеспечивать их снабжение материально-техническими средствами за счет поставок стран Антанты. На Восточном и Южном театрах военных действий стратегическое развертывание армий адмирала Колчака и генерала Деникина проходило вдоль важнейших путей сообщения, пересекавших сельскохозяйственные регионы, где имелась прочная опора в лице зажиточных крестьян и казачества.

В отличие от Главного командования Красной Армии командования армиями Белого движения и войск интервентов, несмотря на ряд насильственных мобилизаций в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, не смогли сформировать крупные вооруженные силы. Это, в свою очередь, не позволило им создать крупные стратегические резервы. Поэтому в качестве резервов использовались части и соединения, которые снимались с фронта и отводились в тыл для отдыха и пополнения личным составом.

В целом, в годы Гражданской войны органы стратегического руководства Советской России действовали более эффективно, чем ее противники. Они в ходе военных действий сумели добиться значительных успехов, решив ряд сложных проблем, связанных с особенностями вооруженной борьбы того времени. Это было обусловлено тем, что в основу стратегического руководства вооруженной борьбой была положена коллегиальная форма управления при полной самостоятельности Главного командо-

вания Красной Армии в решении вопросов оперативно-стратегического характера. Опыт, полученный в Гражданской войне, был использован при создании системы органов стратегического руководства вооруженной борьбой в Великой Отечественной войне.

-
- ¹ См.: Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1968. Т. IV. С. 93–94.
- ² См.: Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. I. С. 20.
- ³ Там же. С. 63–65.
- ⁴ См.: Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А. Наркомвоен в первые месяцы Советской власти (по протоколам заседаний коллегии) // Советские архивы. 1985. № 6. С. 36; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. С. 110–11, 122.
- ⁵ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. С. 25–26.
- ⁶ См.: Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1964. Т. III. С. 268.
- ⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. IV. С. 150.
- ⁸ См.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. С. 17, 51
- ⁹ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 54–55.
- ¹⁰ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 16. Оп. 3. Д. 873. Л. 1–2; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1485. Л. 7.
- ¹¹ См.: Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 36; Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980. С. 61.
- ¹² См.: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: Пер. с англ. М., 1937. Т. 6. С. 87–88.
- ¹³ См.: Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 87–88, 90–93, 96; Т. 2. С. 60; Черчилль У. Мировой кризис: Пер. с англ. М.: Л., 1932. С. 111.
- ¹⁴ См.: Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 года. Пер. с франц. М., 1938. С. 25.
- ¹⁵ Там же. С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 69.
- ¹⁷ См.: Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. С. 5–8, 16–29 и др.
- ¹⁸ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 604.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 84. Л. 72.
- ²⁰ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1978. Т. 4. С. 323, 324, 327.
- ²¹ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 513; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1972. Т. 2. С. 571; Т. 4. С. 613.
- ²² См.: Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М.: Воениздат, 1963. С. 77.

*Парвин Фахрадинович Гёзалов,
Азербайджанская Республика, Баку, Национальная
академия наук Азербайджана,
Национальный музей истории Азербайджана
научный сотрудник отдела внешних связей и выставок,
доктор философии по истории (Ph.D.)*

Установление советской власти в Азербайджане

Новый этап в истории Азербайджана в XX веке начинается с апреля 1920 г. Азербайджан сохранил свою независимость и после установления советской власти.

30 апреля 1920 г. между Россией и Азербайджаном был подписан военно-экономический договор. В Азербайджане функционировали представительства зарубежных стран, в том числе и Российское консульство. Одним из проявлений проводимой Азербайджаном в этот период успешной политики может считаться деятельность, осуществляемая в деле защиты территориальной целостности Азербайджана, а также Московский и Карсский договоры (1921 г.) и Генуэзская конференция (1922 г.).

В 1920 г. в Баку состоялся Первый съезд народов Востока. Увидев, что страны Востока не стремятся к новым революционным преобразованиям, большевики в угоду своим политическим интересам отказались от идеи сохранения независимости Азербайджана. Образование в 1921 г. Закавказской Федерации стало первым шагом на пути утраты независимости. А создание 30 декабря 1922 г. СССР положило конец независимости Азербайджана. Несмотря на сохранение ряда атрибутов государственности, в том числе

в измененной форме флага, герба, гимна и Конституции, он во многих областях утратил свой статус субъекта международного права. Хоть и не сразу, но постепенно национальные символы флага были заменены на советскую символику. Трехцветный – синий, красный, зеленые цвета заменились красным полотном, а полумесяц и восьмиконечная звезда в конечном варианте 1952 г. заменены сербом и молотом и пятиконечной звездой.

1922–1991 гг. охватывают период установления советской власти в Азербайджане и 70-летнего существования Азербайджана в рамках советской власти, советского государства. В эти годы в Азербайджане был создан очень богатый экономический и интеллектуальный потенциал. Для того чтобы его охарактеризовать, нужно обратиться к некоторым фактам.

В 20–30-е гг. XX в. благодаря героическому труду азербайджанского народа в нефтяной промышленности был осуществлен большой подъем, появились новые отрасли промышленности, построены электростанции, проведены оросительные каналы, усиленно развивалось сельское хозяйство. В Азербайджане была достигнута всеобщая грамотность, значительно

расширилась сеть средних общеобразовательных школ, больниц и поликлиник, высших и средних специальных учебных заведений, научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений.

В 1937 г. Азербайджанская ССР принимает свою Конституцию и осуществляет широкие просветительские программы под знаменем культурной революции. Реализуются реформы в образовании. Накануне второй мировой войны в Азербайджане было уже более четырех тысяч начальных школ, 16 вузов.

В 1938 г. был создан азербайджанский филиал Академии Наук СССР, сформировалась сеть театров. В 1940 г. в стране уже функционировало 18 театров. Созданная Узеиром Гаджибековым в 1937 г. опера «Кероглу» стала крупным событием в азербайджанской культуре.

Наряду со всеми этими успехами, репрессии 1937-1938 гг. нанесли большой удар науке и культуре Азербайджана – были расстреляны более 50 тысяч человек, более 100 тысяч – сосланы в Сибирь и Казахстан. Были уничтожены такие выдающиеся личности, как Гусейн Джавид, Михаил Мушфиг, Таги Шахбази, Салман Мумтаз.

В XX столетии годы Второй мировой войны были самым тяжелым и страшным периодом для человечества. В эти годы азербайджанский народ показал образцы подлинного героизма и мужества как на полях сражения, так и в тылу. За короткое время после начала войны на территории республики было сформировано 87 истребительных батальонов, 1124 отряда самообороны.

В 1941–1945 гг. более 600 тысяч юношей и девушек республики отправились на фронт. Азербайджанские дивизии прошли славный боевой путь от Кавказа до Берлина. Около 130 наших соотечественников были удостоены звания Героя Советского Союза, 30 – ордена «Славы» трех степеней. Более 170 тысяч солдат и офицеров-азербайджанцев были награждены орденами и медалями СССР. Дважды Герой Советского Союза Ази Асланов, Герои Советского Союза Исрафил Мамедов, Аслан Везиров, Адил Кулиев, Зия Буниятов, Герай Асадов, Мелик Магеррамов, Мехти Гусейнзаде, генералы Махмуд Абилов, Аким Аббасов, Тарлан Алиярбеков, Гаджибаба Зейналов и многие другие своим героизмом вписали новые страницы в славную историю нашего народа.

В республике была проведена большая работа по переводу экономики на военные рельсы. Легкая, прядильная и пищевая промышленность полностью перешли на производство продукции для фронта. За короткий срок Баку превратился в один из важных арсеналов «воюющей армии». В 1942 г. здесь производилось 130 видов различного оружия, боеприпасов. Несмотря на большие трудности, нефтяники самоотверженно трудились, обеспечивая топливом фронт и все отрасли экономики. Под руководством академика Юсифа Мамедалиева была разработана новая технология производства авиационного бензина, в Азербайджане начался выпуск высокооктанового бензина.

В 1941 г. в результате самоотверженного и напряженного труда наших нефтяников в республике было добыто самое большое за всю историю Азербайджана количество нефти – 23,5 миллиона тонн, что составляло 71,4 процента всей нефти, добытой в Союзе. В годы войны азербайджанские нефтяники дали стране 75 миллионов тонн нефти, 22 миллиона тонн бензина и других нефтепродуктов.

Можно с уверенностью сказать, что бакинская нефть была одним из решающих факторов победы над фашизмом во второй мировой войне. Бакинская нефть сыграла неоценимую роль в победе Советской Армии, взявшей на себя львиную долю тягот войны – на море, на суше и в воздухе. Достаточно отметить только один факт, что в тот период каждые четыре из пяти самолетов, танков и автомобилей работали на бензине, произведенном на бакинских нефтеперерабатывающих заводах из нефти, добытой на местных промыслах.

Вторая мировая война еще раз наглядно подтвердила, что азербайджанский народ – это блестящий и героический народ, способный с честью выходить из всех тяжелейших испытаний, проявлять образцы мужества и отваги.

В послевоенные годы Азербайджанская республика вступила в новый этап развития экономики и культуры. Уже в 1948 г. промышленность республики превысила довоенный уровень, а в 1960 г. достигла уровня производства продукции, в 2,8 раза превышающего показатели 40-го года. За эти годы совокупный объем сельскохозяйственной продукции возрос в 2 раза, объем грузоперевозок железнодорожным транспор-

том – в 2,9 раза, капиталовложений по всем источникам финансирования – в 3,8 раза.

В эти годы были созданы такие новые отрасли тяжелой промышленности, как нефтеперерабатывающая, химическая и нефтехимическая, черная и цветная металлургия, приборостроительная и электротехническая. Расширилось строительство объектов энергетики и водного хозяйства, укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. Трудящиеся Азербайджана активно участвовали в восстановлении и развитии экономики Российской Федерации и других республик СССР. Ученые и специалисты республики внесли неоценимый вклад в открытие и эксплуатацию новых крупных нефтяных месторождений на Южном Кавказе, в Татарстане и Башкортостане, Тюменской области Западной Сибири.

Не умаляя значения исторического пути, пройденного советским Азербайджаном в период послевоенных пятилеток, важно отметить и то, что в 60-е гг. XX в. в развитии экономики республики стали проявляться и негативные тенденции. Азербайджан отставал от общесоюзных показателей по темпу развития национального дохода, объему производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, освоению достижений научно-технического прогресса, производительности общественного труда. Недостатки в экономике негативно сказывались на решении проблем в социальной сфере, улучшении благосостояния трудящихся.

В силу ряда объективных и субъективных причин долгое время в Азербайджане наблюдалось отставание Азербайджана в социально-экономической сфере.

По сравнению с 1940 г. в 1965 г. совокупный общественный продукт в республике возрос всего в 3,6 раза, а объем промышленного производства – в 4 раза, в то время как по стране эти показатели достигли соответственно 5,7 и 7,9 раза. Азербайджанская ССР отставала от общесоюзного уровня по объему национального дохода в 2 раза, основным фондам – в 1,8 раза, капиталовложениям – 1,7 раза. Упущенные возможности в укреплении потенциала важнейших отраслей промышленности и социальной сферы стали главными причинами отставания в социально-экономическом развитии страны в 60-х гг. XX в.

С переборами работали нефтяная промышленность, энергетика, черная металлургия, химиче-

ская и нефтехимическая промышленность, во многих отраслях ухудшились технико-экономические показатели. В сельском хозяйстве имелись упущения в мелиорации и поливе богарных земель, на низком уровне находилась механизация сельскохозяйственных работ. Из-за нарушений правил агротехники низкой была урожайность зерна, хлопка, овощей, винограда, чайного листа и другой продукции растениеводства.

С уверенностью можно сказать, что в 60-е гг. XX в. экономика республики вступила в полосу глубокого и долговременного кризиса. Необходимо было найти выход из сложившегося тяжелого положения, разработать принципиально новые концептуальные подходы к развитию экономики, провести коренные структурные изменения в народном хозяйстве, внедрить новые методы хозяйствования и экономического стимулирования.

В июле 1969 г. пленум ЦК компартии Азербайджана избрал великого сына Азербайджана Гейдара Алиева, дважды Герой Социалистического Труда на должность первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Ранее в 1966-1969 гг. Гейдар Алиев занимал должность председателя КГБ при Совете министров Азербайджанской ССР. В 1969 г. была заложена основа коренного поворота в современной истории Азербайджана. Неустанная деятельность, немислимая инициативность и огромная энергия Гейдара Алиева в разработке комплексных программ для динамичного развития республики стали приметами всех 70-х гг. XX в. Г.Алиев 1969-1982 гг. занимал должность первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, в 1982-1987 гг. работал на должности члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя председателя Совета Министров СССР. 1970-1985-е гг. вошли в летопись созидательно-го труда нашего народа как самые яркие страницы. По масштабу происходящих преобразований, характеру глубоких структурных реформ, проводимых в экономике и социальной сфере, переходу благосостояния народа на новый качественный уровень девятая, десятая и одиннадцатая пятилетки занимают важнейшие места в новой истории Азербайджана. Правительство СССР приняло пять специальных постановлений, предусматривающих всесторонний рост и интенсивное развитие народного хозяйства в Азербайджане. Эти важные постановления,

имеющие поистине историческое значение для азербайджанского народа, определили комплекс вопросов по приоритетным направлениям социально-экономического развития страны в 70–80-е гг. XX в. и на дальнейшую перспективу. Впервые в послевоенный период досрочно были выполнены планы развития народного хозяйства на девятую и десятую пятилетки.

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что государственный суверенитет и экономическая независимость Азербайджана, его систематически расширяющиеся внешнеэкономические связи, постепенная глубокая интеграция в мировую экономику базируется на народнохозяйственном потенциале, основа которого была заложена еще в 1970–1985-е гг.

В 1985 г. по сравнению с 1970 г. производительность труда в промышленности возросла в 2,1 раза, в сельском хозяйстве – в 1,8 раза. Общесоюзные показатели составляли соответственно 15 и 27 процентов. Прибыль в народном хозяйстве в целом возросла на 335 процентов, в то время как по среднесоюзным показателям доход на душу населения вырос всего на 164 процента.

Принятыми по инициативе Азербайджана постановлениями общесоюзного уровня было положено начало новому этапу в развитии промышленной базы республики на основе научно-технического прогресса, совершенствования структуры промышленности, создании крупных предприятий приборостроения, радиотехники, электротехники, станкостроения и автомобилестроения, реконструкции и расширения действующих заводов. Указанные постановления сыграли большую роль в коренном улучшении работы по размещению на территории республики промышленных предприятий, оказали помощь комплексному развитию городов и районов, эффективному использованию трудовых ресурсов, улучшению благосостояния народа.

Реализация предусмотренных в принятых постановлениях крупномасштабных преобразований требовала больших творческих усилий от трудовых коллективов многих предприятий, научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских и строительного-монтажных организаций отраслевых министерств и главков. Обеспечение капиталовложений из союзного бюджета, выделение валютных средств для при-

обретения за границей технологического оборудования, включение объектов в список важных общесоюзных строек для достижения их материально-технического оснащения, подготовка кадров и другие крайне важные вопросы находили свое решение в данных постановлениях.

Все это создало основу для своевременного выполнения предусмотренных мероприятий, обеспечило высокие темпы роста промышленного производства в республике в 70-е и до середины 80-х гг. XX в. Достаточно отметить только тот факт, что в девятой и десятой пятилетках было произведено продукции больше, чем за весь период с 1945 по 1970 гг.

В одиннадцатой пятилетке общий объем промышленного производства достиг 58,5 миллиарда рублей, что превышало результаты восьмой и девятой пятилеток соответственно примерно в 3,2 и 2,1 раза. За 15 лет общий объем промышленного производства вдвое превысил объем продукции, произведенной за весь период с 1921 по 1970 гг.

Одним из определяющих факторов развития азербайджанской промышленности было широкое внедрение достижений научно-технического прогресса. За 1971-1985 гг. было создано 581 наименование машин новых типов, образцов оборудования, аппаратов и приборов; был начат массовый выпуск важной промышленной продукции 105 различных наименований; пущено 94 автоматизированных систем для управления технологическими процессами производства. В 1985 году в промышленности функционировало 2519 механизированных конвейеров, 310 автоматизированных линий, 1300 комплексных механизированных линий и автоматизированных пунктов, цехов и производственных участков.

В начале 1982 г. в промышленности было создано 7 научно-производственных объединений, в составе которых находилось 264 крупных предприятий. Их доля в общем объеме реальной продукции возросла с 0,29 процента в 1969 г. до 26 процентов. Ускорение промышленного развития, в первую очередь в отраслях, определяющих научно-технический прогресс, позволило повысить удельный вес промышленности в валовом продукте с 22 процентов в 1970 г. до 24 процентов в 1980 г. и довести его до 28 процентов в 1985 г.

В течение 1970–1985 гг. были сданы в эксплуатацию 213 новых крупных промышленных

предприятий, две трети из которых начали свою деятельность в девятой, десятой, и в первые два года одиннадцатой пятилетки.

За эти годы полностью изменился облик столицы Азербайджана. Здесь выросли многочисленные здания, построенные в современном архитектурном стиле, объекты культуры, были установлены памятники Имадеддину Насими, Джафару Джабарлы. За 14 лет неимоверно вырос объем жилищного строительства; так, количество построенного в этот период жилья могло быть приравнено ко всему жилищному фонду города Баку. Считайте, что в республике был заложен новый Баку.

За этими цифрами стоит напряженный труд и невообразимые усилия азербайджанского народа. За короткий период Азербайджан, ускоренно развивая свою экономику, создал сотни крупных заводов, фабрик, отраслей производства. В эти годы Азербайджан занимал одно из ведущих мест в СССР по производству нефтепродуктов, нефтяного оборудования, стальных труб, цветных металлов, синтетического каучука, электрических моторов, стройматериалов, бытовых кондиционеров, автозапчастей, минеральных удобрений, фарфора и фаянса, ковров и ковровых изделий. Производимая в стране продукция 350 наименований экспортировалась в 65 стран мира.

За эти годы общий объем национального дохода возрос в 2,5 раза. Промышленное производство, а также производительность труда в республике возросли в два раза, производство товаров народного потребления – в три раза. Объем произведенной за эти 14 лет промышленной продукции был равен той, что было произведено за предыдущие 50 лет. Совокупный продукт в сельском хозяйстве возрос в 2,7 раза, производительность в этой сфере, в том числе производительность труда, увеличилась более чем в два раза.

Но какими бы привлекательными ни были цифры, это сухие показатели, они не могут дать полного представления о произошедших в экономике Азербайджана структурных, качественных изменениях. В эти годы была заложена основа нескольких новых для Азербайджана отраслей народного хозяйства.

Именно в эти годы в Азербайджане возникли такие новые прогрессивные отрасли промышленности, как электронное машиностроение, радио-

промышленность, производство машин и оборудования для легкой и пищевой промышленности. Ввод в эксплуатацию Завода бытовых кондиционеров дал толчок развитию в республике такой перспективной отрасли, как электротехника.

В эти годы уделялось серьезное внимание подготовке высокопрофессиональных кадров. Сеть высших учебных заведений республики значительно расширилась, их структура и материально-техническая база совершенствовались в соответствии с требованиями молниеносно развивающейся экономики.

В 70-е гг. XX в. было приложено немало усилий к обеспечению Азербайджана электроэнергией. Сегодня с чувством гордости можно сказать, что в этой сфере наша республика добилась создания независимой ни от какой другой страны широкой системы предприятий электроэнергетики. Благодаря проведенной работе в сфере энергетики в Азербайджане была создана энергосистема, способная вырабатывать 5 тысяч мегаватт электроэнергии. В тот период мы, получив большие средства от союзного правительства, создали в Мингячевире 8 крупных энергоблоков с мощностью в 300 мегаватт каждый. Была построена Куринская гидроэлектростанция.

Для основательного поворота во всех сферах нашей жизни в первую очередь ощущалась нехватка в высококвалифицированных кадрах. Наряду со специалистами с высшим образованием, которых готовили в Азербайджане, для удовлетворения этой потребности в 170 ведущих высших научных и учебных заведений Москвы, других городов бывшего СССР были отправлены 3500 юношей и девушек из Азербайджана. Направление за пределы республики ежегодно более 800 студентов для получения высшего образования стало доброй традицией. Особое внимание уделялось привлечению азербайджанских подростков в высшие военные школы. Все это оказало большое влияние на формирование мощного кадрового потенциала для будущего развития Азербайджана.

Накануне распада Советского государства многие специалисты пытались определить, экономика какой из союзных республик способна обеспечить себя в условиях независимости. Проведенный анализ показал, что только две республики в бывшем СССР могут, будучи независимыми, управлять собственной экономикой.

Одной из этих республик был именно Азербайджан. Некоторые же из наших ученых безуспешно пытались доказать, что без СССР Азербайджан не в состоянии прожить и одного дня. Самым примечательным результатом развития Азербайджана в советский период является то, что созданный в тот период экономический, научно-технический и культурный потенциал явился прочной основой для становления нашей республики как полностью независимого государства.

30 августа 1991 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Азербайджана была принята Декларация о восстановлении государственной независимости республики, в которой говорилось:

Верховный Совет Азербайджанской Республики, руководствуясь высшими государственными интересами народа Азербайджана и выражая его волю, отмечая, что с 1918 по 1920 год Азербайджанская Республика существовала как независимое, признанное со стороны международного сообщества государство, основываясь на Конституции Азербайджанской Республики, Конституционных законах о суверенитете Азербайджанской Республики и об основах экономической самостоятельности Азербайджанской Республики, осознавая свою ответственность за судьбу и обеспечение свободного развития народа Азербайджана, гарантируя предусмотренные международными актами права и основные свободы человека всем гражданам Азербайджанской Республики независимо от национальной принадлежности и вероисповедания, стремясь предотвратить угрозу суверенитету и территориальной целостности Азербайджанской Республики, руководствуясь священным долгом обеспечить безопасность и неприкосновенность государственных границ Азербайджанской Республики, осознавая необходимость консолидации всех патриотических сил республики, признавая международные пакты, конвенции и другие документы, не противоречащие интересам Азербайджанской Республики и её народа, желая поддерживать и впредь дружеские отношения со всеми входящими в Союз ССР республиками, выражая готовность установить равноправные отношения с государствами — членами международного сообщества, надеясь

на признание государственной независимости Азербайджанской Республики государствами — членами международного сообщества и Организацией Объединенных Наций в соответствии с принципами, закрепленными в уставе Организации Объединенных Наций, другими международно-правовыми пактами и конвенциями, провозглашает восстановление государственной независимости Азербайджанской Республики.

Одновременно было принято постановление Верховного Совета Азербайджанской Республики «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики».

18 октября 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской Республики во исполнение этого решения, основываясь на Декларации о независимости, принятой Национальным Советом Азербайджана 28 мая 1918 г., и руководствуясь Декларацией Верховного Совета Азербайджана от 30 августа 1991 г. «О восстановлении независимости Азербайджанской Республики» принял Конституционный акт о государственной независимости Азербайджанской Республики и учредил основы государственного, политического и экономического устройства независимой Азербайджанской Республики.

Гейдар Алиев, вернувшись в Азербайджан в июле 1990 г., сначала был избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, председателем Верховного Меджлиса Нахичеванской АР (1991—1993 гг.), затем Президентом Азербайджана (1993—2003 гг.). Находясь этом посту, он многое сделал для разрешения очень сложной политической ситуации, сложившейся в Азербайджанской Республике в 1993 г. Г. Алиев день за днем продвигая страну к светлому будущему, добился впечатляющих результатов в развитии страны. Была достигнута внутренняя стабильность и развитие страны во всех направлениях.

Избранный президентом в 2003 г. Ильхам Гейдарович Алиев, продолжил политический курс развития страны, заложенный Гейдаром Алиевым. Азербайджан стал развиваться во всех направлениях, на международной арене еще более укрепился авторитет страны. Улучшилась социально-экономическое состояние населения, Азербайджан проводит ряд международных мероприятий, в том числе экономических, спортивных, мультикультуральных, культурных.

Документы РГАСПИ по истории национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в годы революций и Гражданской войны (1917–1921 гг.)

Полиэтнический и многоконфессиональный характер населения Крыма является важной особенностью региона, издревле определяющей специфику его исторического и культурного развития. Заметный отпечаток национальный вопрос наложил и на ход исторических событий в Крыму в период революций 1917 г. и Гражданской войны. Взлёт и падение крымско-татарского национального движения, попытки украинизации Черноморского флота и подчинения Крыма «самостийными» украинскими режимами, инициативы внешних сил (от оккупационных режимов до Турции) по разыгрыванию национальной «карты», татаро-греческое противостояние, широко распространенный антисемитизм, – таков далеко неполный перечень событий и факторов, определявших ситуацию серьезного этнокультурного напряжения в регионе в 1917–1921 гг.

Неудивительно, что вопросы национальной политики и межнациональных отношений в той или иной степени затрагивались практически всеми исследователями истории Крыма указан-

ного периода, начиная с первых публикаций, подготовленных непосредственными участниками событий. Среди них статьи Ю.П. Гавена, И.К. Фирдевса и др., опубликованные в истпартовских сборниках «Революция в Крыму»¹. Национальному вопросу уделено большое внимание в общих трудах М.Ф. Бунегина, П.Н. Надинского, Л.И. Волошинова, А.Г. Зарубина, В.Г. Зарубина². Теме татарского национального движения посвящены работы В. Елагина и А.К. Бочагова³. В последние десятилетия национальные аспекты гражданского противостояния в Крыму в 1917–1921 гг. получили широкое отражение в статьях и монографиях А.Р. Вяткина, С.Е. Громова, В.Г. Зарубина, С.М. Исхакова, А.С. Кручинина, Ю.Н. Лаптева, С.А. Усова и др.⁴.

За длительный период научного исследования истории Крыма революционных лет сложился определенный канон используемых источников по теме. Он включает в себя документы крымских архивов (ГАРК и др.), федеральных российских (ГАРФ, РГВА и др.) и украинских (ЦДАГОУ, ЦДАВОУ) архивов; публикации доку-

ментов советского периода (важнейшие из которых представлены публикациями А.И. Гуковского в журнале «Красный архив», сборниками «Борьба за Советскую власть в Крыму», «Ревкомы Крыма», «Севастополю 200 лет» и т.д.)⁵ и новейшего времени (публикации М.Н. Губогло, С.М. Червонной, А.В. Ефимова, Р.Н. Белокурова и др.)⁶; материалы крымской периодической печати («Голос татар», «Крым», «Миллет», «Таврический голос», «Южные ведомости» и пр.); документы личного происхождения (мемуары и дневники «белых», «красных», представителей крымско-татарского национального движения) и художественные произведения (М.А. Волошин, И.С. Шмелев, С.Н. Сергеев-Ценский и др.). Из документальных публикаций последних лет особо следует отметить составленный С.М. Исхаковым сборник документов «Гражданская война в России и мусульмане»⁷ и публикации воспоминаний П.С. Бобровского, В.Д. Набокова и др., осуществленные А.С. Пученковым⁸.

Источники Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), касающиеся истории Крыма 1917-1921 гг. и роли национального фактора в ней, частично введены в научный оборот. Некоторые из них были опубликованы в многотомных изданиях «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», «Борьба за Советскую власть в Крыму», «Из истории гражданской войны», сборниках работ В.И. Ленина, Д.И. Ульянова и т.д. Более 30 переводов материалов крымско-татарской периодики 1918-1920 гг., хранящихся в РГАСПИ, вошло в упомянутый сборник С.М. Исхакова. Кроме того, документы РГАСПИ использовались советскими (П.Н. Надинский, Л.И. Волошинов и др.) и современными историками (С.Е. Громов, С.А. Усов, Г. Дюфо, М.Ю. Крапивенцев, М.В. Владимирский и др.). Тем не менее, говорить об исчерпанности информационного потенциала фондов РГАСПИ по теме, очевидно, преждевременно. Это объясняется целым рядом объективных обстоятельств: от существенных ограничений в советский период на допуск к документам РГАСПИ, бывшего Центрального партийного архива (ЦПА), до положения Крыма (и соответственно крымских историков), являвшегося в 1991-2014 гг. частью другого государства.

Документальные свидетельства, затрагивающие тему национального фактора в истории Кры-

ма 1917-1921 гг., отложились в различных фондах архива, важнейшим из которых является фонд ЦК КПСС (Ф. 17), а именно входящие в его состав описи ЦК РСДРП(б) (Оп. 1а), Политбюро ЦК (Оп. 3), Информационного отдела ЦК (Оп. 6), Организационно-инструкторского отдела ЦК (Оп. 11-13), Общего отдела ЦК (Оп. 65), Бюро Секретариата ЦК (Оп. 84), Оргбюро и Секретариата ЦК (Оп. 112) и коллекции документов по вопросам обороны Советской республики и военного строительства (Оп. 109). Среди документов фонда преобладает переписка ЦК с местными парторганизациями (Таврический губком, Крымский обком, Закордонный отдел ЦК КП(б)У, Симферопольский комитет и т.д.), протоколы заседаний партийных органов и документация справочно-отчетного характера (информационные сводки, рапорты, обзоры) отделов центральных и местных парторганизаций. Важная информация содержится среди документов Секретариата В.И. Ленина (Ф. 5), партии Поалей-Цион (Ф. 272), Центрального бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов при ЦК (Ф. 583), личных фондов И.В. Сталина (Ф. 558), А.М. Коллонтай (Ф. 134).

Большой массив материалов по истории гражданской войны в Крыму отложился в фондах сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС (Ф. 71. Оп. 33-35), Истпартодела ЦК (Ф. 70. Оп. 3) и редакции журнала «Пролетарская революция» (Ф. 72. Оп. 3). Из них особую значимость представляют материалы, собранные Секретариатом главной редакции многотомной «Истории гражданской войны». Это переписка и организационно-распорядительная документация (положения, циркуляры, резолюции, протоколы заседаний) местных парторганизаций, правительств и военных органов «белых», разведсводки и агентурные сведения «красных» и «белых», авторские рукописи, хроники событий и т.д. Важным источником по истории крымско-татарского национального движения и его взаимодействия с политическими и военными режимами, контролировавшими Крым, и другими этническими группами, являются отложившиеся в материалах Секретариата «Истории гражданской войны» выдержки из крымских газет за 1917-1920 гг. Большая их часть представлена переводами из крымско-татарских газет «Голос татар», «Миллет», «Крым мусульманлары садасы». Многие

материалы поступили в ИМЛ в 1930-е гг. из Центрального архивного управления Крымской АССР в виде заверенных копий; часть подлинников, в связи с гибелью Крымского архива Октябрьской революции в годы Великой Отечественной войны, оказалась утраченной.

Специфической чертой, отличающей источники РГАСПИ (поскольку ведущим фондообразователем архива в советское время выступал аппарат ЦК), является преобладание среди них документов большевистской партии. Источники личного происхождения по преимуществу также оставлены большевиками. В хронологическом отношении доминируют материалы, датированные периодом с весны 1919 г., что, видимо, объясняется заметным увеличением документооборота в связи с созданием по решению состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) многочисленных отделов в составе Секретариата ЦК (Общего, Организационно-инструкторского и пр.).

Несмотря на распыленность и указанную специфику документной базы РГАСПИ, в целом следует высоко оценить её репрезентативность для исследований по теме национальной политики и межэтнических взаимоотношений в Крыму. В первую очередь, это относится к источникам по истории национального движения крымских татар, национальной политике большевиков в Крымской ССР (апрель-июнь 1919 г.), взаимоотношениям большевиков с национальными группами в Крыму в период нелегальной работы (июнь 1919 – ноябрь 1920 гг.) и после победы над П.Н. Врангелем, национальной политике «белых».

Атмосферу подъема крымско-татарского национального движения 1917 г. и революционного брожения в татарской среде хорошо передают «Очерки о рабочем движении татар в Крыму, в частности в гор. Симферополе» С.А. Абдуллаева (Амеле). Документ представляет собой беллетризованные мемуарные зарисовки очевидца событий 1917 года, который начинался со споров в кофейнях и завершился вооруженным столкновением татар-эскадронцев и их союзников с большевиками⁹. Характеристики видных представителей татарского движения, взаимоотношения «правых» и «левых» внутри национального лагеря, деятельность татар-социалистов, усилия С.А. Абдуллаева и его едино-

мысленников по организации татарских профсоюзов составляют содержание «Очерков...», написанных в 1930-х гг. Большой интерес представляют переводы архивных материалов Евпаторийского союза татарской молодежи (май-сентябрь 1917 г.), который был создан «с целью подъема и прогрессирования ее (молодежи) в духе национализма», принятия мер к охране здоровья молодежи, ознакомления с политическими вопросами и борьбы против сторонников старого правительства¹⁰. Копии документов мусульманского комитета Евпаторийского уезда (октябрь-декабрь 1917 г.) содержат информацию о ходе выборов в Учредительное собрание и национальный Курултай¹¹. В материалах крымской периодики 1917–1918 гг. подробно освещена деятельность крымско-татарских органов власти, Курултая и Директории, показана германофильская ориентация части курултаевцев во главе с Д. Сейдаметом, взаимоотношения татар с краевыми правительствами М.А. Сулькевича и С.С. Крыма¹².

Взгляд с другой стороны на тему представлен в сохранившихся в РГАСПИ копиях писем за 1917–1918 гг., адресованных богатому крымскому землевладельцу князю Ф.Ф. Юсупову. В письмах одного из корреспондентов Ф.Ф. Юсупова, управляющего его имением в Коккозах Н. Грекова, живописуется картина выживания пожилого человека во враждебном окружении. В письме от 15 апреля 1917 г. Н. Греков сетует на свое незнание виноделия, по причине чего он не может быть управляющим в Кореизе, где «много поселений русских людей и нет того возбуждения, как в Коккозах... Здесь, нисколько не стесняясь, говорят, что на войну никто не пойдет, что Вильгельм скоро заберет Петроград и Москву, а Крым и Кавказ отдаст туркам. Русские пусть убираются, куда хотят»¹³. Месяцем позже Н. Греков сообщал, что татары «начали меня изводить материальными убытками и, главным образом, разрушили мой арыкбаш, окончательно изрубив дорогостоящие желоба... Естественно, что сад мой, лишенный воды, обречен на гибель и с этим вместе и я теряю всякую надежду на будущее; кроме того, вода, нужная мне и в доме для разных надобностей, не может быть взята, так как татары не только разрушили все, но и строго воспретили кому бы то ни было исправлять, угрожая насилиями»¹⁴.

Революционные события 1917 г. в Крыму способствовали росту национального самосознания не только татарского населения. Важным фактором этнополитического развития в регионе становится украинский национализм. В воспоминаниях матроса-большевика В. Риша (записаны в 1930 г.) нашли отражение темы подъема украинского движения и украинизации Черноморского флота в 1917 г. «Одним из основоположников и вождей украинского движения, несомненно, по природе своей реакционного, являлся прапорщик Величка, личность весьма сомнительная, необычайно изворотливая и хитрая. У меня складывалось впечатление, что Величка, несомненно, реакционер, но это не мешало ему, в целях более полного осуществления своей политики, иногда выступать с левыми и даже большевистскими лозунгами». Если верить В. Ришу, именно он в качестве делегата от матросов крейсерской бригады улаживал вопрос со спуском украинского флага, поднятого в ноябре 1917 г. экипажем крейсера «Память Меркурия», что вызвало уход с судна неукраинской части состава. Украинофильское движение, по словам В. Риша, «вызвало и другие реакционные процессы. Нашлась группа темных дельцов, возглавляемая штабс-капитаном Севастьяновым, которая стала проповедовать идею так называемого «вечевого колокола», ставившая перед собой задачу объединения всей неукраинской части флота. Группой этой созывался ряд собраний на кораблях, было проведено одно собрание в Морском собрании». В. Риш присутствовал на втором собрании, созванном для выработки декларации, где в числе прочих матросов-большевиков выступил резко против объединения матросов и офицеров в «вечевом колоколе». Выступления их были поддержаны матросской аудиторией, которая «кричала, что золотопогонной братии не удастся во флоте создать враждующие группы украинцев и великороссов»; как следствие, идея «вечевого колокола» дальнейшего распространения не получила¹⁵.

Картину этнокультурного развития Крыма в период революций 1917 г. дополняет сохранившаяся в архиве переписка Симферопольского комитета Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион) с ЦК партии за 1917–1918 гг., где обсуждаются вопросы агитационно-пропагандистской работы и взаимо-

отношений с другими национальными и социалистическими организациями. Атмосфера подъема федералистских настроений лета-осени 1917 г. наглядно передана в письмах лидера крымских поалей-ционистов А.Б. Иткина. В конце сентября – начале октября 1917 г. он питал надежды на совместное участие с татарами в выборах в Учредительное собрание. «Ведем серьезные переговоры с татарами, у которых чрез 2 дня губ[ернский] съезд представителей комитетов... Мы предложили им предоставить нам второе место (двух, безусловно, можно «провести» в Учред[ительное] Собр[ание]), указав, что нами, вероятно, будет выдвинута кандидатура тов. Борохова (...), блестящего защитника идеи федерации, и что Крыму, вообще говоря, следует дать не столько татар, сколько талантливых, ярких фигур, которые бы защищали интересы национальных меньшинств в Учред[ительном] Собр[ании]. Повторяю, имею значительные шансы на проведение этого проекта»¹⁶. В этом же письме от 30 сентября 1917 г. любопытны соображения А.Б. Иткина о политических настроениях татарских лидеров накануне открытия II Крымско-татарского мусульманского съезда, где было принято решение о созыве курултая: «Зная татар вообще и руководителей комитета, могу сказать, что они мечтают о «территориальной федерации», кажется, не в достаточной мере уясняя существо «террит[ориальной] федер[ации]». Наш товарищ убеждал их организовать нечто вроде совещательного органа, с привлечением всех национальностей, для прокламирования известных положений, но отнюдь не заниматься «картой Крыма» и объявлением «самочинного Учред[ительного] Собр[ания]». Во всяком случае, о них можно сказать, что идею федерации, как таковую, они усвоили хорошо»¹⁷. Идея блока поалей-ционистов с татарами провалилась; в письме в ЦК от 20 октября 1917 г. А.Б. Иткин констатировал, что «татары решили ни с кем не блокироваться. Даже на списках не хотят блокироваться. До этой мудрой мысли привел их шовинистический угар, который они сейчас переживают»¹⁸.

Обширное количество документов в фондах РГАСПИ оставил после себя кратковременный период второго пришествия большевиков в Крым в апреле-июне 1919 г. Большевики, учтя свой неудачный опыт руководства националь-

ной политикой в регионе в начале 1918 г., сделали ставку на всемерную поддержку нацменьшинств. В отчете о работе Крымского обкома РКП(б) от 3 июня 1919 г. сообщалось, что ««при мусульманском бюро ОК¹⁹ организована элементарная (опытная) школа. При ОК существуют мусульманская секция, армянская, немецкая и через короткое время намечается образование еврейской. Мусульманская работает интенсивно (...). Издается турецкая газета «Прямой путь» и газета на татарском языке, изданы несколько десятков тысяч экземпляров брошюр на турецком, азербайджанском и татарском языках. В уездах работает 10 агитаторов-татар. Армянская секция проявила себя слабо, но работы среди армян в Крыму много. Скоро выйдет в свет армянская газета. Немецкая секция недавно организована и работает энергично. Ведется агитация за вступление в Красную Армию. На днях выйдет первый № газеты «Ди-велт коммуне»²⁰. Все организации мучительно переживают финансовый голод»²¹. А.М. Коллонтай, исполнявшая в крымском правительстве функции наркома пропаганды, писала, что «население около Ялты уважает наших партийцев. Много сделано для беднейшего татарского населения, и было трогательно видеть, с каким доверием татарские женщины с их живописными головными уборами и огромным количеством мелких косичек несут своих детей в амбулаторию при областкоме, спрашивают совета у партийных товарищей, чем питать младенцев и пр. Они еще путают партийное учреждение с отделением нашего Наркомздрава. Но доверие тут к нам полное, и настроение хорошее»²². Большевики, которые отмечали заинтересованность и симпатии со стороны представителей нацменьшинств (как, например, говоря об «огромном интересе»²³ немцев-колонистов к их деятельности), очевидно, несколько преувеличивали уровень лояльности национальных групп к советской власти, и в то же время были недалеко от истины.

Нормализации отношений большевиков и татар в указанный период способствовал и тот факт, что проведение национальной политики было доверено коммунистам татарского происхождения во главе с наркомом И.К. Фирдевсом. Активно участвовала в налаживании контактов с татарами и группа турецких коммунистов (М. Субхи, С. Лутфи, А. Неждат, С. Юсуф и др.). Следует от-

метить, что тема участия турецких коммунистов в проведении национальной политики в Крыму в период существования Крымской ССР далеко не в полной мере освещена в литературе, равно как и действия советских эмиссаров, использовавших Крым в качестве обращенного в сторону Турции плацдарма для распространения революционных идей. В одном из сохранившихся в архиве докладов М. Субхи подчеркивается, что инициатива отправки его в Крым принадлежала И.В. Сталину²⁴, и подробно характеризуется деятельность турков в регионе, особенности их отношений с различными течениями татарского национально-демократического движения и меры по установлению связей с Малой Азией (нелегальные торговые отношения, пересылка литературы, отправка коммунистов в Турцию). М. Субхи высоко оценивал значение опыта национальной политики в рамках Крымской ССР в 1919 г., благодаря чему «не желающие ничего знать о большевизме, относящиеся к нему безразлично, крымские татары приобрели «политический цвет» и «начали сознавать классовую борьбу». Немалым был, по словам лидера турецких коммунистов, и резонанс от большевистской политики по ту сторону Черного моря: «наша работа в Крыму отзывалась за морем так, как будто бы Крым представлял собой лишь одну из губерний Турции»²⁵. О популярности в Турции издаваемых в Крыму татарских коммунистических газет сообщал в ЦК РКП(б) Ю.П. Гавен, ссылаясь на рассказы турецких контрабандистов²⁶.

Позитивный опыт политики коммунистов в отношении нацменьшинств сказался на их последующих взаимоотношениях, когда большевикам пришлось перейти на нелегальное положение. После повторного занятия Крыма «белыми» в июне 1919 г. на полуострове для ведения агитационно-пропагандистской работы остается часть татарских коммунистов. Подробный доклад о подпольной работе в Крыму в 1919–1920 гг. оставил сотрудник Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока С. Сюнчелей, работавший в период КССР вместе с М. Субхи. Руководя небольшой группой татар-агитаторов, он был арестован «белой» контрразведкой и едва не казнен (помог подпорщик-татарин), после чего укрылся в сельской местности, «в своем уезде сеял революционно-коммунистические идеи, настраивал народ про-

тив Деникина... Влияние имел большое. Ко мне примыкала и работала среди татар по моим указаниям почти вся интеллигенция уезда. Добровольных тружеников, особенно среди татарского учительства, было много... Правда, и обстоятельства сложились в нашу пользу и облегчили наш труд. Татары объявили фактический бойкот власти белых, отказали им в солдатах»²⁷.

Настроения татарского населения, в массе своей негативно или (в лучшем случае) индифферентно относившегося к «белым» и при А.И. Деникине, и при П.Н. Врангеле, сыграли определенную роль в поражении последних. Постоянную «головную боль» руководителей «белого» движения составляла затронутая С. Сунчелеем тема мобилизации населения Крыма в армию. Попытки мобилизации успеха не имели, массовый характер приобрело дезертирство, что вызывало репрессии со стороны властей. Как писал один из турецких коммунистов, подпольно работавший в Крыму летом-осенью 1919 г., после «неудачной попытки мобилизовать татар, краевое правительство произвело внезапный обыск в Курултае (...), закрыло его, арестовав видных членов его, как, например, Хататова, Сеид Дуселана и др., кроме того, в целом ряде деревень расстреляло много татар, которые открыто высказывались против этой мобилизации»²⁸. К чему приводили подобные репрессии, демонстрирует объяснительная записка пристава государственной стражи Евпатории В.Н. Головина своему начальству от 21 июля 1920 г. Речь в документе шла о дезертирах из числа татар, проживающих в Кучук-Узенской волости Ялтинского уезда. «Под влиянием ли агитации националистов-курултайцев, большевиков или др[угая] причина, население волости было не совсем благожелательно настроено по отношению к Д[обровольческой] армии и это особенно ярко выражалось в сплошном нежелании молодежи (при благосклонном сочувствии стариков) идти по объявленным мобилизациям в войска». Из деревни Искют, сообщал В.Н. Головин, не поступило ни одного солдата ни в стражу, ни в войска, поскольку сход постановил приговор «не дать ни одного солдата до тех пор, пока не восстановят Директорию»²⁹. Уклонявшиеся от мобилизации и бежавшие из рядов «белой» армии составляли основной контингент «зеленого» движения, приобретшего в Крыму в 1920 г.

массовый характер. По сведениям информаторов Закордонного отдела ЦК КП(б)У (сентябрь 1920 г.) наиболее многочисленными группами среди «зеленых» являлись дезертиры белых и татарская молодежь горных и лесных деревень. «Отряды эти сохраняют самую тесную связь со своими деревнями... Население снабжает их продовольствием»³⁰. Этот же источник сообщал, что единственной национальной группой, не избежавшей мобилизации, были немцы, что подтверждают и другие документы. Значительная часть колонистов относилась к середнякам или к зажиточным крестьянам, и прохладно относилась к большевикам с их уравнилельской политикой. В документах Осведомительного бюро Отдела пропаганды при Главнокомандующем вооруженными силами юга России (февраль-март 1919 г.), где отмечаются неудачи мобилизационных кампаний среди татарского или русского населения, фиксируется, что «охотнее всего идут и больше всего дали солдат немецкие колонии»³¹. Сообщалось, что «немцы-колонисты Крыма формируют партизанские отряды для борьбы с большевиками на Перекопском фронте»³². Впрочем, к концу гражданской войны ситуация изменилась: сказывались усталость от многолетней кровопролитной борьбы, неверие в успех «белого» дела и, наконец, память об уравнилельной политике «красных» в апреле-июне 1919 г. Информацию о настроениях крымских немцев под занавес эпохи П.Н. Врангеля содержит доклад большевика Опершалья (октябрь 1920 г.), пересланный из Закордота ЦК КП(б)У в ЦК РКП(б). «Немецкие колонисты в Крыму, – писал Опершаль, – распадаются на две группы: неимущих (десятников) и собственников. Неимущие сплошь на стороне Советской власти. «Колонисты» в большинстве держатся нейтрально»³³.

Интерес представляют источники РГАСПИ, касающиеся еврейского вопроса в истории Крыма 1917–1921 гг. В материалах архива сохранилось значительное количество данных о масштабах антисемитских настроений в Крыму в период гражданской войны. Что примечательно, немалая их доля приходится на свидетельства о юдофобии среди «красных» и, в первую очередь, в рядах армии П.Е. Дыбенко. В письме наркома внутренних дел Крымской ССР Ю.П. Гавена в Москву 27 мая 1919 г. отмечалось «силь-

ное влияние григорьевщины и махновщины на армию Дыбенко. Прилагаем все усилия, чтобы парализовать погромное настроение, которое, к сожалению, поддерживается командирами-партизанами (вернее бандитами) и некоторыми агентами штаба. Все же надеемся на ближайшее будущее повстанческую армию Дыбенко превратить в регулярную»³⁴. Политработник 1-й Заднепровской дивизии сообщал в ЦК, что отдельные бригады дивизии «настроены были бандитски, говорить о коммуне здесь не приходилось, назначенцев не признавали, коммунистов расстреливали. Лозунг был у них таков: «Бей жидов, гони комиссаров, спасай революцию»³⁵. Конкретные случаи грабежей и убийств приводятся в письмах партийцев, наблюдавших за действиями солдат армии Дыбенко. В докладе Х.А. Черноусова-Иванова в ЦК от 31 мая 1919 г. говорилось, что с приходом красных «от погромов и убийств Крым не избавился, в Севастополе убит 21 человек», а в Симферополе «под предлогом обыска был устроен грабёж в ста тридцати домах [и] производились аресты за то, что жид»³⁶. Член Крымобкома М. Шустер, который представил в ЦК 12 июня 1919 г. обстоятельный доклад о положении в Крыму с момента вступления советских войск, прямо называл части Дыбенко «не красной, а черносотенной» армией. «Лозунг «бей жидов, комиссаров и коммунистов» находит себе достойное количество последователей в рядах Красной Армии... В Симферополе... часов в 7 утра один из небогатых районов города (преимущественно еврейский) был окружен отрядом красноармейцев, которые забрали все, что понравится»³⁷. Мало чем в этом смысле отличались от красноармейцев и «белые». О юдофобских настроениях и погромной агитации во врангелевском Крыму неоднократно сообщается в донесениях советских агентов, но ими же отмечаются факты отсутствия погромов и противодействия властей оголтелому антисемитизму. Характерный пример – сводка о ситуации в Крыму бюро печати при полпредстве РСФСР в Грузии, составленная по информации посетивших бюро студента С. Гинзбурга и писателя Э. Редина, выехавших из Феодосии 5 августа 1920 г.: «Несмотря на благоприятное попечительство правительства, антисемитский «Союз русских национальных общин» не мог найти в Крыму многих последователей... Жидоедство как будто

бы уменьшилось. «Русская Правда» даже была закрыта Врангелем за погромные статьи... Евреев в прифронтовой полосе по-прежнему выбрасывают из вагонов. Погромов не было. Сведения о феодосийском и о симферопольском погромах ложны»³⁸.

Победа «красных» в ноябре 1920 г. и окончательное утверждение большевистской власти в целом были лояльно встречены национальными меньшинствами Крыма. Информационные сводки Крымобкома в ЦК РКП(б) в первые недели после победы над П.Н. Врангелем фиксируют «хорошее» отношение татар к советской власти, «дружелюбный» настрой немцев-колонистов и отсутствие «враждебности» во взаимоотношениях национальных групп³⁹. Агитационно-пропагандистская и просветительская работа коммунистов среди нацменьшинств и активное привлечение представителей последних в советские органы управления создают благоприятные предпосылки для стабилизации национальных отношений в Крыму. Тем не менее, говорить о полной их нормализации в красном Крыму конца 1920-1921 гг. не приходится. Как сообщалось в сводке Крымобкома от 16 декабря 1920 г., «настроение населения (в Феодосийском уезде – Е.Г.) к соввласти, ввиду репрессий по отношению ко всем служившим в белой армии, также на почве продовольственного кризиса и недостатка денежных знаков из сочувственного переходит в подавленное и недовольное»⁴⁰. В Ялтинском уезде, где население состояло по большей части из татар, отношение «к Советской власти среднее. Вызвано возбуждение произведенными Особотделом арестами и расстрелами»⁴¹. Недовольство вызывали и репрессии против татар из числа «зеленых». Сложившие оружие и амнистированные повстанцы зачастую вновь оказывались в руках чрезвычайных органов, что приводило к повторному уходу в горы и продолжению вооруженной борьбы. Как справедливо заметил председатель полномочной комиссии ВЦИК, СНК и ЦК РКП(б) по Крыму Ш.Н. Ибрагимов, «движение зеленых создали наши ошибки»⁴². Политика «красного террора», противоречивый характер взаимоотношений большевиков с «зелеными», где амнистии и переговоры перемежались арестами и расстрелами, сильно ударивший по татарскому населению голод 1921–1923 гг. и другие факторы заложили основу для имевшего националь-

ный окрас противостояния, которое продолжалось вплоть до середины 1920-х гг.

Таким образом, документы и материалы РГА-СПИ охватывают различные аспекты проблем, связанных с изучением национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в 1917–1921 гг., и ощутимо расширяют информационную базу знаний по указанной теме. Специфика фондов архива, в которых собрана документация

важнейших структурных подразделений РКП(б) за период революций и гражданской войны, позволяет рассматривать документы РГАСПИ, во-первых, как важнейший источник по теме национальной политики большевиков в Крыму, и во-вторых, за счет продуктов активной агентурной работы коммунистов, в качестве ценного материала по истории взаимоотношений народов Крыма с антибольшевистскими силами.

- ¹ Гавен Ю.П. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Вып. 1. Симф., 1922. С. 5-24; Он же. Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму. Вып. 9. Симф., 1930. С. 5-53; Фирдевс И.К. Первый период Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. Вып. 2. Симф., 1923. С. 57-68 и др.
- ² Бунегин М.Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917-1920 гг.). Симф., 1927; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1-2. Симф., 1951-1957; Волошинов Л.И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симф., 1960; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симф., 2008.
- ³ Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Новый Восток. 1923. № 5. С. 190-216; 1924. № 6. С. 205-225; Бочагов А.К. Милли-Фурка. Национальная контрреволюция в Крыму. Симф., 1930.
- ⁴ Вяткин А.Р. Попытка восстановления крымскотатарской государственности: исторические уроки событий 1917-1918 годов // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 68-96; Громов С.Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопольского государственного университета. 1998. № 6. С. 54-63; Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). М., 2006. С. 230-262; Исхаков С.М. Борьба за Крым и татары (1917-1920 гг.) // Альманах Ассоциации исследователей гражданской войны в России. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 16-25; Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999; Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917-1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // Немцы в Крыму. Симф., 2000. С. 72-87; Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013; Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР. Севаст., 2003; Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симф., 2008 и др.
- ⁵ Крымское Краевое правительство в 1918/19 г. Публ. А.И. Гуковский // Красный архив. 1927. Т. 3; Крым в 1918-1919 гг. (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всеволодского Войска Донского). Публ. А.И. Гуковский // Красный архив. 1928. Т. 3 (28), 4 (29); Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Т. 1-2. Симф., 1957-1961; Ревкомы Крыма: Сб. док. и мат. Симф., 1968; Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сб. док. и мат. Киев, 1983.
- ⁶ Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. Т. 2. М., 1992; Ефимов А.В., Белоглазов Р.Н. «Изыскать пути к парализованию...» Документы карательных органов Вооруженных сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920-1923) // Москва – Крым. Вып. 4. М., 2002. С. 138-164.
- ⁷ Гражданская война в России и мусульмане. Сб. док. и мат. Сост. С.М. Исхаков. М., 2014.
- ⁸ Второе крымское правительство. Воспоминания бывшего члена правительства П.С. Бобровского // Пученков А.С. Указ. соч. С. 295-330; Набоков В.Д. Крым в 1918/19 гг. Публ. А.С. Пученков // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221-257.
- ⁹ Главы 1-13 «Очерков...» // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 972. Главы 14-15 (без указания автора и названия, в ряду других материалов) // Там же. Д. 952. Л. 126-145.
- ¹⁰ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 951. Л. 35-40.
- ¹¹ Там же. Л. 63-69.
- ¹² Там же. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1528, 1529. См. также: Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 952-954.
- ¹³ Ф. 71. Оп. 35. Д. 951. Л. 101.
- ¹⁴ Там же. Л. 102.

- ¹⁵ Там же. Ф. 72. Оп. 3. Д. 576. Л. 31-32.
- ¹⁶ Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 392. Л. 2об.
- ¹⁷ Там же. Л. 3об.
- ¹⁸ Там же. Л. 13.
- ¹⁹ ОК – обком.
- ²⁰ Сверху приписка карандашом: «Вышло 3 №».
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 18.
- ²² Там же. Ф. 134. Оп. 4. Д. 24. Л. 54.
- ²³ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 997. Л. 145.
- ²⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 31. Л. 17. Сохранилась переписка секретаря бюро Крымобкома, члена Мусульманского бюро при Крымобкоме Шульмана с Центральным бюро мусульманских коммунистических организаций и Наркомнацем за март-апрель 1919 г., где Шульман неоднократно поднимает вопрос о срочной присылке М. Субхи, С. Лутфи и др., см.: Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 115. Л. 22-25.
- ²⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 31. Л. 17.
- ²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 43. Л. 8. См. также: Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 73. Л. 70-71; Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 19.
- ²⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 80.
- ²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 267. Л. 36.
- ²⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 956. Л. 87.
- ³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 87об-88.
- ³¹ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 955. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 982. Л. 66, 134.
- ³³ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 91.
- ³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 43. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 26.
- ³⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 73. Л. 59-60, 61об.
- ³⁷ Там же. Л. 67.
- ³⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 278. Л. 22, 23. См. также доклад агента о положении в Крыму, переправленный председателю РВС Юго-Западного фронта И.С. Сталину [ранее 16 августа 1920 г.]: Там же. Ф. 17. Оп. 109. Д. 242. Л. 2-2об.
- ³⁹ См.: Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 33об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 43.
- ⁴¹ Там же. Л. 44об.
- ⁴² Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 2об. См. также: Там же. Л. 1-7об; Там же. Ф. 17. Оп. 109. Д. 2. Л. 20.

Алексей Васильевич Шишов,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

Гражданская война на Юге России. Крымская Красная Армия и ее командующий П.Е. Дыбенко

Путь в Крым для председателя Центробалта П.Е. Дыбенко начался под Нарвой. Над Советской республикой нависла смертельная опасность. Германские войска начали наступление по всему фронту. 21 февраля 1918 г. Совнарком обратился к народу с написанным В.И. Лениным декретом-воззванием: «Социалистическое отечество в опасности!»

22 февраля на Балтийском флоте издается приказ № 78 о революционной мобилизации. Спешно формируется Первый Северный летучий отряд революционных моряков во главе с Павлом Дыбенко. Под Нарвой он получил телеграмму начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича о боевых задачах отряда:

«На отряд балтийских моряков возлагаются дальнейшие задачи – энергичное продвижение на запад, дабы совместными действиями флота с моря и отряда с суши овладеть крепостной твердыней – Ревелем (ныне Таллинн, Эстония)...»¹.

Северному летучему отряду революционных моряков Балтики предписывалось наступать

от Нарвы на Ревель. Помощь ему должна была прийти от десанта, высаженного на эстонский берег с линкора «Республика».

О выступлении на фронт сводного отряда балтийских моряков П.Е. Дыбенко известил «всех» 1 марта со страниц газеты «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот»:

«Всем Советам (по радио)

Сегодня выступает отряд тов. Дыбенко, объявивший красный террор немецкой буржуазии.

В отряд вошли матросы, пехотные части, артиллерия и кавалерия. Отряд будет действовать партизански.

Вся Балтика, Северная Россия и Сибирь спешно формируют отряды, которые входят в этот отряд.

Всех отпускных и демобилизованных солдат отряд будет привлекать в свои ряды.

Всем трусам смерть!

Да здравствует революционная война!

Командующий всеми партизанскими отрядами Дыбенко

Начальник штаба Павлов»².

В бою под станцией Йевве (около 45 километров западнее Нарвы) отряд красных балтийцев (1600 человек, по другим данным около 1000 человек), не имевший полевой артиллерии и расстрелявший почти все имевшиеся патроны, был вынужден отойти по железной дороге к Петрограду. За отход отряда от Нарвы и самовольный отъезд с фронта Павел Дыбенко был исключен из партии большевиков.

Он предстал перед судом революционного трибунала. Его товарищ по Совнаркому Н.В. Крыленко (будущий нарком юстиции в самый разгар сталинских репрессий 30-х годов) требовал для него смертной казни. Но военные эксперты убедительно доказали, что матросский отряд был не способен решить ни задачу «прорыва к Ревелю», ни «обороны Нарвы».

П.Е. Дыбенко тяжело переживал случившееся. Но работал, как и прежде. Руководил заседаниями Морской коллегии. Принимал в Кронштадте боевые корабли, совершившие знаменитый «ледовый поход» из Гельсингфорса. Подбирал надежных матросов в отряд охраны поезда с членами Совнаркома, переезжавшего из Петрограда в Москву.

Когда Советское правительство перебиралось из Петрограда в Москву, Совнарком принял решение (сказалась роль Троцкого) снять П.Е. Дыбенко с занимаемого поста наркома по морским делам. Тот себя к такому уже подготовил: «Конечно, я виноват в том, что моряки добежали до Гатчины»³.

Вместе с женой Павел Дыбенко уехал на Украину (Коллонтай вышла из состава Совнаркома в знак протеста против Брест-Литовского мира). Там он встретился с В.А. Антоновым-Овсеенко, который направил его на подпольную работу в Севастополь, чтобы там готовиться к боям за освобождение Крыма от германских войск.

Дело выглядело весьма серьезным. В Симферополе стоял штаб 52-го кайзеровского корпуса. Большой частью в Севастополе стояла 217-я пехотная дивизия. Внутри полуострова был расквартирован 1-й Баварский шефский полк. По южному берегу стояли части 15-й Ландверной дивизии⁴. Дыбенко же мог рассчитывать пока только на подпольщиков.

В Севастополь бывший председатель Центробалта добрался под чужим документам, в одежде мастерового человека, имея на руках

явочные адреса. По доносу провокатора П.Е. Дыбенко был арестован немецкой комендатурой. В симферопольской тюрьме содержался в кандалах. Когда в Москве стало известно о его аресте, то германскому командованию было сделано предложение - обменять приговоренного к расстрелу (за попытку побега) П.Е. Дыбенко на группу пленных кайзеровских военных⁵.

Освобожденному бывшему наркому, исключенному из рядов партии большевиков, доверятся должность... комиссара 1-й бригады 1-й Украинской Советской дивизии, сформированной из партизанских отрядов. Она участвует в освобождении города Харькова, который становится столицей Советской Украины.

Вскоре командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко поручает П.Е. Дыбенко сформировать Особый отряд. Германские войска уходили в свои пределы, требовалась военная сила для установления Советской власти на территории, которая находилась под оккупацией. Войска Антанты высадились в портовых городах Черноморья. Уже шла Гражданская война.

Особый отряд был сформирован. В него вошли четыре пограничных полка, батальон особого назначения, матросский бронепоезд и более мелкие подразделения. Набралась немалая сила: 7269 штыков, 319 сабель, 32 пулемета, 10 орудий. В документах отряд Дыбенко называли «Особой группой войск Дыбенко».

Отряд в ожесточенных боях с петлюровцами освобождает железнодорожные узлы Мерефа, Лозовая, Павлоград. Выигрывается тяжелый двухдневный бой за Синельниково. В ходе рукопашного боя отрядного командира спасает его 17-летний ординарец, заслонивший собой Павла Дыбенко от сабельного удара.

Самый большой успех Особый отряд ожидал в бою за город Екатеринослав (ныне Днепрпетровск). Ледоход на реке не стал преградой для красных бойцов. Вечером 26 января 1919 года отряд Дыбенко начал штурм большого города. Лобовой атакой захватывается железнодорожный мост, петлюровцы обращаются в бегство, оставив в руках победителей богатые трофеи: железнодорожные составы с продовольствием, 2 бронепоезда, 6 аэропланов, 4 бронемшины и многое другое.

В феврале Павел Дыбенко назначается командиром 1-й Заднепровской Украинской советской

дивизии в составе трех стрелковых бригад. 1-я из них состояла из отрядов бывшего петлюровского атамана Григорьева, 2-я – из отрядов Северной Таврии (Особый отряд Дыбенко), 3-я – из махновцев.

Начальником штаба дивизии назначается С.И. Петриковский (до этого начальник штаба «Особой группы войск Дыбенко»), начальником политического отдела – А.М. Коллонтай. С этого момента начинается служба бывшего балтийского матроса в регулярной Красной Армии.

Дыбенко стремился навести порядок и дисциплину среди григорьевцев и махновцев, постоянно бывая в тех бригадах и выступая на митингах. На одном из них в Нижне-Днепровске он сумел взять верх в ораторском искусстве над самим «батькой» Махно и «идейным анархистом» Бароном. После того митинга Нестор Махно «в сердцах» подал в отставку и продолжал по-своему наводить порядок в «вольном войске», лично расстреливая мародеров.

Соратник начдива по Совнаркому А.В. Антонов-Овсеенко, в то время командовавшего армиями Украинского фронта, понимал трудности обстановки⁶, в которой Павел Дыбенко приходилось формировать 1-ю Заднепровскую дивизию и укреплять на местах Советскую власть. В конце марта 1919 г. перед бригадами 1-й Заднепровской дивизии ставятся боевые задачи: 1-й бригаде Григорьева (она вошла в группу войск Н.А. Худякова) – овладеть Одессой, 2-й бригаде – закрыть Крымский полуостров, 3-й бригаде Махно – выйти на линию Платовка – Мариуполь. Махно в итоге ушел защищать свою столицу Гуляй-Поле от денкинцев.

На базе 2-й бригады 1-й Заднепровской дивизии, местных партизанских отрядов и резервных частей группы войск харьковского направления создается Крымская ударная группа. В общем наступлении на Юг Украины ей отводилась главная роль. Командующим назначается Павел Ефимович Дыбенко.

Атакой в ночь на 2 апреля 1919 г. «ворота в Крым» были взяты без серьезного сопротивления малочисленных белых войск. Красноармейские войска вошли на полуостров, заняли города Симферополь и Севастополь. В последнем случае разгорелся жаркий бой за Малахов курган. Белых поддерживала корабельная артиллерия,

на помощь Дыбенко пришел рабочий батальон севастопольцев⁷.

Уже после окончания Гражданской войны личные заслуги П.Е. Дыбенко в освобождении Крыма от белых будут отмечены вторым для него орденом Красного Знамени. Приказ Реввоенсовета Республики № 36 от 10 февраля 1922 года гласил:

«Награждается вторично орденом Красного Знамени бывший начальник 1-й Заднепровской стрелковой дивизии тов. Дыбенко Павел Ефимович за то, что в период боев с 26 марта по 10 апреля 1919 г. под гг. Мариуполь и Севастополь он, умело маневрируя частями вверенной ему дивизии и лично руководя боем, проявил истинную храбрость, мужество и преданность делу Революции; своим примером воодушевляя товарищей красноармейцев, способствовал занятию вышеуказанных пунктов и полному уничтожению противника на северо-восточном побережье Черного и Азовского морей.

В этой операции 1-й Заднепровской дивизией захвачено свыше 2000 пленных при 3 офицерах, 2 бронепоезда, 38 орудий, 52 пулемета, 15 000 винтовок, несколько паровозов, много подвижного состава и других военных трофеев».

В тот день, когда части Красной Армии вступили в освобожденный Севастополь, 18 апреля, председатель Совнаркома В.И. Ульянов (Ленин) телеграфировал председателю Совета Народных Комиссаров Украины Х.Г. Раковскому в Киев:

«Насчет планов Дыбенки предостерегаю от авантюры – боюсь, что кончится крахом и он будет отрезан. Не разумнее ли его силами заменить Махно и ударить на Таганрог и Ростов. Советую трижды обдумать, решайте это, конечно сами».

Через четыре дня из Московского Кремля последовала новая телеграмма, но уже на имя командующего Украинским фронтом В.А. Антонова-Овсеенко с требованием «немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн – Мариуполь».

Антонов-Овсеенко срочно выехал в Крым. Фронт против денкинской армии к тому времени проходил там близ станции Ак-Монай, восточнее деревни Дальние Ключи на Керченском полуострове. На этом рубеже белым удалось задержать наступление Крымской ударной группы на Керчь. Бои шли с переменным успехом.

Дыбенко встретил командующего Украинским фронтом на станции Джанкой, где находился его штаб. Антонов-Овсеенко получил доклад о начавшемся формировании Крымской Красной Армии, насчитывавшей уже 13 тысяч штыков и сабель (в 1-й Заднепровской дивизии было их 4500).

Антонов-Овсеенко посетил Симферополь и Севастополь. Павел Дыбенко поделился с ним «смелыми» планами действий армии красного Крыма: после занятия Керчи, сделать бросок через Керченский пролив на Таманский полуостров, на Кубань и зайти в тыл А.И. Деникину, войска которого наступали на Донбасс. Командующий фронтом в такой план, по всей вероятности, поверил, поскольку спешно отъехал в Донбасс, так и не дав директивных указаний относительно действий советских войск в Крыму.

В своих воспоминаниях В.А. Антонов-Овсеенко откровенно писал, что его увлекла фантастическая мечта Павла Дыбенко прорваться в Керчь и оттуда создать угрозу тылам деникинской Добровольческой армии, успешно наступавшей на Донбасс.

Формирование Крымской Красной Армии было продолжено. 6 мая 1919 г. была образована Крымская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, создается ее рабоче-крестьянское правительство во главе с Д.И. Ульяновым, младшим братом В.И. Ленина, тогда спокойно проживавшем в белом Крыму. От его имени в Москву, в Кремль была отправлена приветственная телеграмма.

Павел Ефимович Дыбенко становится народным комиссаром по военным и морским делам и главнокомандующим Крымской Красной Армии. Его супруга А.М. Коллонтай, в то время начальник политического управления этой армии, назначается народным комиссаром пропаганды и агитации Крымской республики. Первый председатель Центробалта принимает меры к возрождению Черноморского флота.

В начале мая вспыхнул мятеж Григорьева, начальника формируемой 6-й Украинской стрелковой дивизии. Пользуясь тем, что главные силы Красной Армии вели бои против армий А.И. Деникина, григорьевцы в короткие сроки захватили значительные территории, взяли города Екатеринослав и Кременчуг, угрожая походом на Киев.

9 мая Совет рабоче-крестьянской обороны Украины постановил немедленно ликвидировать контрреволюционный мятеж. Основная тяжесть боевой работы ложилась на Харьковский военный округ, куда входил Крым. П.Е. Дыбенко получает срочную телеграмму о назначении командующим группы войск Екатеринославско-Александровско-Херсонского направления. Командующим другой группы войск назначается П.В. Егоров.

П.Е. Дыбенко уводит с собой наиболее боеспособную часть Крымской Красной Армии. Он умело руководит действиями войск группы, разбросанной в разных точках южной и восточной Украины. С опасным мятежом было покончено в две недели. Всюду разбитый атаман Григорьев бежит к Махно в Гуляй-Поле, где его впоследствии застрелили.

С большим беспокойством Павел Дыбенко возвращался в Крым. Еще в Нижнее-Днепровске он получил оперативную сводку за подписью исполняющего обязанности начальника оперативного отдела штаба Крымской армии Остроухова. Речь в ней шла об обстреле Керчи двумя английскими миноносцами.

Добровольческая армия Деникина разворачивала наступление. Севернее Мелитополя белые перерезали железную дорогу, которая соединяла Крым с Александровском (ныне город Запорожье). Над Крымским полуостровом нависла угроза его блокады и с суши: море давно находилось в руках флотских сил Антанты.

Формирование Крымской Красной Армии шло с трудом. К июню удалось создать лишь одну стрелковую дивизию из двух планируемых. Всего набиралось 8650 штыков, 1010 сабель, 48 пулеметов и 25 полевых орудий. Пехота нуждалась в боеприпасах, не хватало опытных командиров.

16 июня в Симферополе состоялось чрезвычайное заседание Совнаркома Крымской республики, на котором нарком по военным и морским делам сделал доклад. Он начал с обстановки а Южном фронте:

– Махно открыл фронт белым. Расстреляв направленных к нему комиссаров, он снял свои части с линии Мариуполь – Волноваха и увел всю 3-ю бригаду в Гуляй-Поле. В образовавшуюся брешь устремились дивизии конного корпуса генерала Шкуро...

После этого П.Е. Дыбенко перешел к военной ситуации вокруг Крымской республики:

– Со дня на день надо ожидать общего наступления А.И. Деникина. Тогда Крым окажется в тылу белых, отрезанным от главных сил Советской страны...

Совнарком принял решение начать подготовку к эвакуации. Для защиты коммуникаций на железные дороги выводились бронепоезда. Усиливалось наблюдение за морем.

Через два дня, 18 июня, в штаб Дыбенко пришли донесения с крымского побережья: корабли Антанты (английская эскадра) обстреливают места сосредоточения советских войск⁸. В районе Судака и Коктебеля высадились белые десанты, которые завязали бои. Затем был высажен белый десант в Евпатории. Но это было только началом потока тревожных телеграфных сообщений в джанкойский штаб Крымской армии. Телеграфом передали сообщение о том, что «Дикая» конная дивизия из корпуса генерала Шкуро ворвалась в Мариуполь.

Дыбенко собирает на экстренное заседание работников армейского штаба. Командиром полков он ставит задачу отходить к Перекопу так, чтобы их не могли обойти⁹. Успех в сдерживании наступающих белых войск позволял эвакуировать тылы, госпитали, советские учреждения.

Красные войска, вернее – их остатки, оставили полуостров организованно: в течение восьми дней они ушли за Перекоп. У Старого Крыма пять дней шли арьергардные бои. Джанкой был оставлен 26 июля.

Войска П.Е. Дыбенко отходили из Крыма к Днепру. Они пробивались к его берегам с боями и 29 июня вышли к реке, сумев оторваться от преследователей. На следующий день последние отряды красногвардейцев перешли из Каховки по наплавному мосту на правый берег Днепра в Берислав. Мост успели взорвать за собой.

Командарм, сохранив боеспособность Крымской Красной Армии, сумел вывести ее из-под удара белых. По решению командования она перестала существовать. Ее части были объединены в одну дивизию, получившей название Крымская. Она вошла в состав вновь созданной 11-й армии Южного фронта Советской Республики¹⁰.

Крымская стрелковая дивизия обороняла правый берег Днепра от Екатеринослава до Херсона. С конца июня и почти весь июль прошел для нее в боях с деникинскими войсками, сдерживая их наступательный порыв. В конце июля начдив был вызван в Киев в распоряжение наркома Украины по военным и морским делам Н.И. Подвойского: надо было организовать оборону города, к которому стремились и петлюровцы, и белые. Командование дивизией П.Е. Дыбенко передал своему заместителю И.Ф. Федько, деятельно участвовавшему в создании советских воинских формирований в Крыму, в Феодосии.

В Киеве бывший командующий Крымской Красной Армии П.Е. Дыбенко не задержался. Он был откомандирован в Москву на учебу в Военную академию РККА.

¹ ЦГАСА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. ЛЛ. 90 – 92. Отпуск.

² Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. № 26.

³ Шишов А.В. Красная звезда. 1989. № 47, 26 февраля.

⁴ ЦГАОР Украины. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 43. Л. 54.

⁵ Шишов А.В. Председатель Центробалта. Бюллетень пресс-бюро «Красной звезды». 1989. № 8.

⁶ Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 113.

⁷ Там же. С.113.

⁸ Супруненко Н.И. Очерки истории Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918 – 1920). М., 1966. СС. 261 – 262.

⁹ Цупов-Шапильский А.П. Матросы сходят на берег. М., 1970. СС. 83 – 84.

¹⁰ Гражданская война в СССР. Т. 2. С.143.

*Сергей Владимирович Кожин,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных
Сил Российской Федерации, старший научный
сотрудник научно-экспозиционного отдела,
кандидат исторических наук, доцент, заслуженный
работник культуры Российской Федерации*

«Научная концепция экспозиции «Вооруженная борьба периода Гражданской войны в России: 1917—1922 гг.»

При советском периоде последняя реэкспозиция залов гражданской войны проводилась в начале 1980-х гг. Главными положениями ее концепции являлись следующие требования: отображение руководящей роли Коммунистической партии и лично В.И. Ленина, принципов пролетарского интернационализма, нерушимой дружбы народов СССР, руководящей роли рабочего класса и его прочного союза с трудовым крестьянством. Соответственно экспозиция была перегружена фотокопиями ленинских документов и директивных материалов РКП(б). Но при наличии 6 просторных залов экспозиционной площади, имелась возможность отобразить достаточно подробно основные этапы гражданской войны, используя тематико-хронологический принцип построения экспозиции. Правда, даже при наличии обширной площади, практически отсутствовали материалы о действиях антисоветских сил, а те, что были выставлены, касались преимущественно преступлений белых и интервентов: кожа, снятая с руки пленного красноармейца, фотографии казней и т.п.

Полностью отсутствовали материалы о «третьей силе» – о действиях «зеленых», крестьянских восстаниях, сепаратистах, националистах и т.п. С кем 5 лет воевала Красная Армия можно было только догадываться.

Очередная реэкспозиция была проведена в сер. 1990-х гг. Три самых больших зала к тому времени были переданы под экспозицию российской Императорской армии, т.е. полезная площадь уменьшилась более чем вдвое. Кроме того, работа велась в условиях жесточайшей экономии средств. Вообще ее удалось осуществить только благодаря запасам оборудования, оставшегося от прежней реэкспозиции. Правда, качество монтажа соответствовало эпохе, и работать в новых шкафах приходилось с опасностью для жизни – огромные стекла могли в любую минуту сорваться вниз. Тем не менее, многие проблемы прежней экспозиции были восполнены. Впервые показана деятельность Реввоенсовета республики и выставлено чудом сохранившееся шефское знамя поезда Л.Д. Троцкого – подарок от грузчиков станции Москва-Курская. Благо-

даря привезенным из США реликвиям русского эмигрантского общества «Родина», удалось показать материалы лидеров Белого движения: А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова, П.Н. Врангеля, С.Л. Маркова, М.Г. Дроздовского, Б.И. Казановича. Из Аргентины поступили реликвии М.В. Алексеева. Из собственных фондов были извлечены и впервые выставлены реликвии А.В. Колчака и Н.Н. Юденича. Удалось закупить новоделы – формы «цветных» частей Добровольческой армии. Были созданы большие разделы о войсках интервентов на севере, о боях в Монголии (выставлен халат барона Р.Ф. Унгерна), о ижевско-воткинском, махновском и тамбовском восстаниях. Обширный раздел гражданской войны в Средней Азии включал множество фондовых материалов, в том числе. английские горные ботинки Энвер-паши, знамя Мадамин-бека, чадру Розахон Назыровой. Из общества «Родина» поступили интересные материалы русской белой эмиграции – вещи адмирала Б.А. Вилькицкого, судостроителя В.И. Юркевича, форма и знаки юношеских организаций «Русские соколы». В целом, несмотря на крайне ограниченные ресурсы, удалось создать достаточно сбалансированную и логично построенную экспозицию. К сожалению, техническая убогость оборудования, во многом обусловила ее недолгую жизнь.

Новая экспозиция, работа над которой началась в 2016 г. под руководством начальника научно-экспозиционного отдела В.И. Семченко, заслуженного работника культуры Российской Федерации, создается на новой материальной базе. Помимо нового оборудования, разработано и уже воплощается в жизнь новое художественное решение залов, включающее инсталляции «Украинское село» и «Петроград 1919 г.». Все залы, шкафы и витрины будут оборудованы новым, очень эффективным световым решением. Удалось получить средства и закупить большое количество новоделов формы бойцов Красной Армии и противостоящих ей антисоветских формирований. Закуплены также почти полные коллекции копий знаков и наград Белого движения. Решено не выставлять впредь подлинные знамена гражданской войны (по причине их крайней ветхости), а изготовить их качественные копии.

Естественно, в силу даже физических законов (ограниченная площадь), невозможно будет подробно воспроизвести весь ход вооруженной борьбы. Да это и не нужно, учитывая основную аудиторию посетителей музея – военнослужащие, школьники, студенты с крайне низким уровнем образования, зачастую не имеющие никакого представления о событиях столетней давности. Данным категориям наших граждан доступнее подача сложных событий истории в виде символов, ярких образов, инсталляций. Эффективнее, жертвуя деталями, давать события крупным планом.

Тематическая структура залов будет в основном сохранена в прежнем виде:

4 зал – две русские революции 1917 гг., создание вооруженных сил красных, белых и сепаратистов. Руководители. Боевые действия гражданской войны на южном и юго-западном театре военных действий (Дон, Кавказ, Царицын, Украина).

5 зал – боевые действия на севере, востоке (красные против чехов, В.О. Каппеля, А.В. Колчака. Ижевско-воткинское восстание. Казачьи войска. Партизаны Алтая и Сибири). Война с Польшей.

6 зал – борьба за Крым, Дальний Восток, Монголию, Кавказ, Среднюю Азию. Крестьянские восстания 1920-1921 гг. Белая эмиграция.

Основной доминантой всей экспозиции считаем показ Гражданской войны в России как трагедии. Конечно героической, но вряд ли оптимистической. С обеих сторон гибли лучшие представители народа. В результате массовой эмиграции страна лишилась основной части образованной элиты. А вожди и просто герои революции в массе своей оказались вскоре в могилах «невостребованных прахов» Донского кладбища, в братских захоронениях Бутова, Коммунарки и прочих «спецучастков». Отсюда великий урок нынешним поколениям «верхов» и «низов» – каждому честно исполнять свой долг перед Богом и людьми и не доводить дело до кровавой «заварухи».

Планы предусматривают открытие всех трех залов к 100-летию Октябрьской революции и создания Красной Армии.

*Алексей Михайлович Буяков,
Россия, г. Владивосток, Приморское краевое
отделение Всероссийской общественной
организации «Русское географическое общество» –
Общество изучения Амурского края, председатель
краевого отделения*

*Николай Николаевич Крицкий
Россия г. Владивосток, Приморское краевое
отделение Всероссийской общественной
организации «Русское географическое общество» –
Общество изучения Амурского края,
кандидат исторических наук*

Морские бронепоезда Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке: 1918–1922 гг.

В годы Гражданской войны в России в 1918–1922 гг. широкое распространение у обеих противоборствующих сторон получил достаточно специфический вид боевой техники – бронированные поезда. Основные причины их появления: недостаточная мобильность полевой артиллерии, отсутствие сплошной линии фронта, ведение интенсивных боевых действий именно вдоль основных транспортных магистралей – полотна железной дороги, а также более или менее достаточная боевая устойчивость против авиации тех лет. Очевидно, общее число одновременно созданных противниками бронепоездов за годы войны достигало около двухсот. Специфика ведения артиллерийского огня на ходу была чужда полевым артиллеристам, но была совершенно обычной для морских. Ведь именно этому их и учили. Поэтому обе стороны при возможности комплектовали бронепоезда командным и рядовым составом флота.

В Белом движении в Гражданскую войну на Юге и на Севере России действовали броневые поезда, некоторые из которых были укомплектованы морскими офицерами и нижними чинами

флота. За такой состав команды их именовали «морскими». Среди них бронепоезда «Дмитрий Донской» Добровольческой армии, «Адмирал Колчак» и «Адмирал Эссен» Северо-Западной добровольческой армии, «Адмирал Непенин» и «Адмирал Колчак» Северной армии. Их боевой путь нашел освещение в отечественной и зарубежной литературе. Но вот о морских бронепоездах, действовавших в составе Белых армий в Сибири и на Дальнем Востоке в период Гражданской войны известно не так много. В отечественных и зарубежных архивах, литературе остались только упоминания о них. Остановимся подробнее на деятельности морских бронепоездов в Сибири и на Дальнем Востоке России, которые на определенных этапах являлись неотъемлемой частью морских стрелковых формирований Белой армии в 1918–1922 гг.

Бронепоезд № 1 Сибирской флотилии

21 ноября 1918 г. командующий Сибирской флотилией капитан 1 ранга Г.В. Фус приказал флагманскому артиллеристу штаба приступить к

сооружению бронепоезда Сибирской флотилии, получившего порядковый номер 1.

Командиром бронепоезда был назначен лейтенант А.Г. Хрептович, плутонговыми командирами мичманы В.К. Коцюбинский с миноносца «Твердый», А.М. Ирбе из Морской роты и И.П. Сербинов из Амурской речной флотилии¹.

В начале 1919 г. основу команды бронепоезда составили гардемарины Морского училища, отчисленные из него в разное время, а также ушедшие по собственному желанию. Среди унтер-офицерского состава команды бронепоезда числятся артиллерийский боцман Е. Кравец, унтер-офицеры 2 статьи И. Китиков, В. Кравенков, С. Орловский, содержатель И. Завадовский, матросы 1 статьи Ф. Блинов, П. Вознесенский, Т. Землянкин, Е. Ильичев, Е. Каринский, В. Коринтелли, Б. Корцын-Жуковский, И. Колосов, В. Могучий, Г. Семенов, А. Суше-Де-Ла-Дубуассер, П. Сахаров, М. Тарабакин, В. Ульянов, А. Ульянишев, Е. Яковлев, гардемарины Б.К. Рубцов, И. Иванов, Д.И. Белов и В.А. Кривошеев². Позднее начальник Владивостокского морского училища капитан 1 ранга М.А. Китицын в докладе Морскому министру указал, что происходило «...форменное сманивание моих гардемарин на бронепоезд»³.

31 января помощник верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке по морской части и командующий морскими силами на Дальнем Востоке контр-адмирал С.Н. Тимирев назначил комиссию для составления «Положения о снабжении бронепоезда» под председательством лейтенанта А.Г. Хрептовича и членов – коллежского асессора З.З. Топольского и лейтенанта В.О. Старка. Комиссии было приказано приступить к работе немедленно, акт представить в кратчайшие сроки⁴.

Часть работ по постройке бронепоезда была поручена Владивостокским временным мастерским порта, которые из двух американских полувагонов сделали основную часть работ по сооружению бронепоезда. При этом исполнительная смета своевременно не была составлена. С целью оценки стоимости работ, проверки израсходованных материалов и выяснения, что из материалов можно было вернуть натурой от Владивостокского военного порта, была создана комиссия под председательством капитана 2 ранга А.В. Ломана и членов комиссии – под-

полковника В.П. Калинина, капитана 2 ранга Г.С. Вышинского, командира бронепоезда лейтенанта А.Г. Хрептовича. Работу приказано выполнить в кратчайший срок, переписку по вопросу деятельности комиссии надлежало получить в отделе снабжения, через который представить акт комиссии⁵.

6 ноября 1918 г. командующий Сибирской флотилией капитан 1 ранга Г.В. Фус телеграммой сообщил в Морское министерство в Омск: «Через неделю предполагается проба первой платформы с орудием в 4,8 дюйма. Имеется на основании опыта система креплений и установки орудия. За ваши сведения благодарим, примем в расчет. Срок окончательной готовности поезда около месяца. По готовности поезда рассчитаю послать его в распоряжение адмирала Колчака для боевых действий. Нет ли у вас 57-мм снарядов? Очень нужны. Фус»⁶.

На каждую платформу было установлено по одному орудью. Это были японские морские пушки Type 41 4.7-inch/40 (12 cm), являющиеся лицензионной копией Elswick Mark IV. Первоначально выпускались прямо в Ельсвике в Англии. После начала XX века выпускалась в Японии под названием «Mark IVJ». 25 декабря 1908 г. пушка была переименована в Type 41. Впоследствии была переименована по калибру в сантиметрах, как часть программы стандартизации для флота в метрической системе. Хотя окончательно она была классифицирована как «12-см» пушка калибр остался неизменным, как 4.724 дюйма. Она была стандартным вспомогательным вооружением японских крейсеров, построенных между 1900 г. и 1920 г. и основным вооружением на многочисленных эсминцах, включая класс «Умиказе». Эти орудия поставлялись в Россию во время Первой мировой войны. По состоянию на 1927 г. на складах Владивостокского военного порта имелось шесть таких орудий. И именно подобные два орудия были установлены на морском бронепоезде Сибирской флотилии. На казенной их части шла соответствующая маркировка на японском языке.

Платформы испытывались в районе долины реки Первая Речка. На льду Амурского залива была установлена деревянная мишень. Платформа была выведена маневровым паровозом и оставлена на железнодорожном пути. Артиллеристы открыли огонь из орудия по щиту. Судя

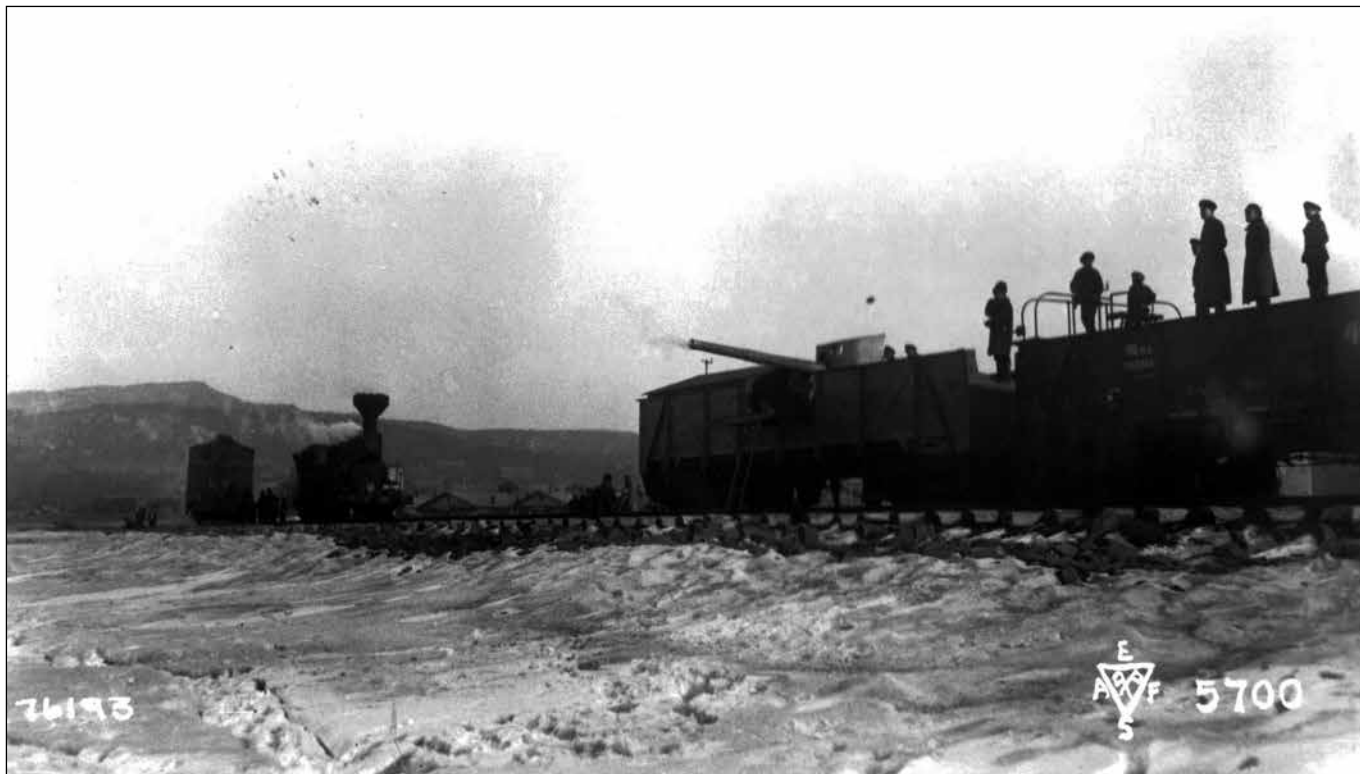

Рис. 1. Испытание орудийной платформы бронепоезда № 1 Сибирской флотилии. 1919 г. Фото из Гуверовского архива войны, революции и мира Стэнфордского университета, США.

по всему, крепления под орудием выдержали нагрузку. Испытания этой и второй платформ прошли успешно.

В фондах архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета в США одному из авторов несколько лет назад удалось обнаружить 3 снимка, под которыми шла надпись «Морской бронепоезд. Сибирь. 1919», но о каком конкретно бронепоезде шла речь, было не ясно. Загадка разрешилась в апреле этого года, когда один исследователь из Владивостока привез с собой несколько отсканированных снимков, включая уже и известные, морского бронепоезда, хранящиеся в Национальном архиве США. Правда датированы они были январем 1920 г. Именно эта дата – 20 января 1920 г. – сильно смущала, но было предположено, что это дата поступления снимков в архив. Была проведена работа по изучению фотографий. На двух из них был снят практически весь бронепоезд, стоящий на путях в мастерских Владивостокского военного порта. Также по форме военнослужащих было ясно, что это гардемарины Морского училища во Владивостоке, из которых, как известно, комплектовали команду. Кроме того, учитывали и то обстоятельство,

что больше в конце 1919 г. – начале 1920 г. морские бронепоезда не строили и не комплектовали моряками во Владивостоке; на платформах стояли орудия, на казенной части которых четко читались японские иероглифы. Исходя из всего этого, был сделан окончательный вывод – это бронепоезд № 1 Сибирской флотилии.

Теперь в нашем распоряжении есть фотографии самого бронепоезда, а не только платформ с орудиями, которые были испытаны, именно эти испытания запечатлены на ранее известных нам фотографиях, сделанных американскими военными фотографами.

Бронепоезд имел две платформы с орудиями, оборудованные из американских полувагонов, забетонированных внутри и покрытых стальными листами сверху для защиты от осколков снарядов и пуль, на одной из платформ с орудием стояла бронированная надстройка с бойницами для стрельбы и обзорной башенкой, кроме этого была платформа с одним 47 мм зенитным орудием, бронированный пулеметный вагон с четырьмя пулеметами, двух контрольных платформ с рельсами, ремонтно-строительным материалом и боеприпасами, классных вагонов и паровоза.

*Рис. 2. Бронепоезд № 1 Сибирской флотилии. Владивосток. 1919 г.
Фото из Национального архива США.*

В начале 1919 г. он был вооружен и команда укомплектована. С весны 1919 г. принимал активное участие в антипартизанской борьбе в южном Приморье. В первых числах марта 1919 г. Морской министр контр-адмирал М.И. Смирнов приказал перевести бронепоезд на фронт.

7 марта командующий войсками Приамурского военного округа генерал-майор П.П. Иванов-Ринов обратился с просьбой к Морскому министру М.И. Смирнову временно оставить бронепоезд Сибирской флотилии № 1 в Приморье: «Прошу разрешение бронепоезд Сибирской флотилии временно оставить в моем распоряжении ввиду того, что почти вся Приморская область и часть Амурской в данное время охвачена восстанием большевиков. Войск в моем распоряжении кроме офицеров и добровольцев нет, все эти части разбросаны по округу для подавления восстаний. Бронепоезд в данное время мною выслан для подавления восстания и выслан для обеспечения железнодорожного узла Никольск-Уссурийск и действует против большевиков вдоль линии желдороги, на которую напа-

дения происходят ежедневно. Уход бронепоезда повлечет собою повреждение пути и прервет надолго железнодорожное сообщение Востока с Западом, а также затянёт подавление бунтовщиков»⁷.

11 марта 1919 г. Морской министр контр-адмирал М.И. Смирнов доложил Верховному правителю А.В. Колчаку: «...докладываю, что задержание поезда в Приморской области лишит Речную боевую флотилию двух 4,7 дюймовых орудия и одного 47 мм. А также двух радиостанций и 4-х пулеметов. При этом боевой запас, находящийся на поезде для 4,7 дюймовых орудий является половиной всего имеемого для этих орудий запаса. С другой стороны нельзя не признать основательность доводов генерал-майора Иванова-Ринова. Вследствие сего прошу указаний вашего высокопревосходительства». На доклад была наложена резолюция: «Временно оставить в распоряжении генерала Иванова-Ринова до 1 апреля. Александр Колчак»⁸.

Во время стоянки бронепоезда в Никольске-Уссурийском произошел трагический инцидент: бывший гардемарин Морского училища, военнослужащий морской роты Б.К. Рубцов застрелил начальника бронепоезда и перешел на сторону красных партизан.

В апреле 1919 г. бронепоезд № 1 Сибирской флотилии ушел на фронт в Сибирь для усиления состава Речной боевой флотилии. Документально прослеживается его прибытие в Пермь, участие в боях и дальнейшая судьба документально неизвестна.

Отдельный бронированный морской поезд Отдельной бригады морских стрелков

Бронепоезд был построен и вооружен в Красноярске по устному приказу Верховного правителя адмирала А.В. Колчака капитаном 2 ранга П.П. Федосьевым в декабре 1918 г. Поскольку бронепоезд был создан и вооружен по нестандартной схеме, он не вписывался в штаты Военного министерства. Вооружение бронепоезда: «морское 75-мм орудие – 1, 3-х дюймовое зенитное орудие – 3, орудие морское 37-мм – 1, пулеметов Максима или Кольта – 10, Льюиса – 4, шашек – 9; бебутов – 150, карабинов – 150, винтовок – 113. Боезапас: 75-мм гранат – 300, шрапнелей – 300. Для 3-х зенитных орудий гранат

900, шрапнелей – 900, химических – 450, зажигательных – 150. Для 37 мм орудия гранат – 300, шрапнелей – 300. Ружейных патронов – 40 000 шт., ручных гранат 350 шт. Офицерских чинов – 21, личного состава – 330. В штате 2 лошади. Командир бронепоезда имел оклад и административные и дисциплинарные права командира полка»⁹.

При формировании в Красноярске Отдельной бригады морских стрелков бронепоезд был включен в ее состав. 27 декабря 1918 г. в докладе управлению по оперативной части флота для Морского министра сказано: «Одной из первых задач формируемой бригады МС могут быть боевые действия на сухопутном фронте. Для того чтобы бригада могла действовать самостоятельно, необходимо придать ей артиллерию. Броневой поезд, к оборудованию которого в настоящее время приступают, не в состоянии заменить батарею, так как всегда будет связан направлением. Поезд требует обеспеченный тыл, что одной пехотой осуществить будет трудно»¹⁰.

11 февраля приказом по бригаде № 38 на основании приказа по флоту и Морскому ведомству № 44 от 01.02.1919 г. личный состав бронепоезда был зачислен в списки бригады¹¹.

Официально бронепоезд назывался «Отдельный бронированный морской поезд», полуофициально – «Орлик». Приказом по флоту и Морскому ведомству был утвержден временный штат бронепоезда¹². Командир «Орлика» – капитан 2 ранга П.П. Феодосьев (с 23.12.1918 по 30.01.1919 г.), позднее лейтенант Н.Н. Гакен (с 30.01. по 14.03.1919 г.). 29 марта 1919 г. личный состав бронированного поезда Отдельной бригады морских стрелков, убывший в г. Пермь для укомплектования РБФ, был исключен из списков бригады.

Следует отметить, что данный бронепоезд никакого отношения к легендарному бронепоезду «Орлик» (первоначально «Хунхуз», затем «Слава Украине» и «Полупановцы». – *Прим. авт.*) не имеет.

14 марта 1919 г. бронепоезд был передан Военному ведомству (без личного состава, орудий и боезапаса). 24 марта 1919 г. Морской министр М.И. Смирнов приказал: «Военный министр 22 марта отдал категорическое приказание генералу Розанову разоружить бронепоезд для отправки материальной части и личного состава в Пермь и немедленно снять наши пулеметы и

людей с фронта»¹³. Чем была вызвана необходимость передачи бронепоезда не ясно, тем более, что он был отдан сразу же чехословакам, назван ими «Спаситель» и придан 12-му стрелковому полку. Морские стрелки пытались вернуть бронепоезд либо построить новый, но у них ничего не получилось.

В архиве Гуверского института сохранилась запись телеграфного разговора по прямому проводу между Омском и Томском. Разговор происходил между капитаном 1 ранга Леонтьевым и капитаном 1 ранга Медведевым. Леонтьев спрашивал: «ТЛГ сообщил тебе, что флотилия привезет 300 винтовок, 1 млн. патронов, 6 пулеметов, 1 трехдюймовку. По всем данным имеется полная возможность сформировать и вооружить бронепоезд, пользуясь пушками, броней и личным составом флотилии. Срок изготовления, если будет дан Ставкой экстренный наряд Красноярским мастерским, около двух недель. Потребуется около 10 офицеров и 80 матросов. Считаю это выполнимым и желательным. Имеются офицеры и команда, вооружавшие и работавшие на поездах. Морской бронепоезд Феодосьева «Орлик», а теперь переименованный чехами в «Спаситель» (так в тексте. – *Прим. авт.*), находится у них. Желательно узнать, где он и нельзя ли его вернуть нам назад»¹⁴. Однако это предложение так и не нашло своего решения.

Бронепоезд «Дмитрий Донской» Сибирской флотилии

Броневой поезд был создан в начале декабря 1921 г. по просьбе командования сухопутных войск для усиления артиллерийской мощи армии и огневой поддержки пехотных частей в боевых операциях против частей НРА ДВР в Хабаровском походе. И как писал участник тех событий В. Антоненко: «Поезд встретил со стороны армии обычное недружелюбное отношение к себе»¹⁵. Он вошел в состав вновь созданного дивизиона бронепоездов «белоповстанческой» армии, в котором было еще три бронепоезда. Бронепоездам отводилась одна из ключевых ролей в наступательных операциях армии. В состав дивизиона входили еще вспомогательные поезда. Дивизион действовал вместе с охранным железнодорожным батальоном.

В переписке, оперативных сводках управления генерал-квартирмейстера штаба командующего

войсками и флотом Временного Приамурского правительства и иных официальных документах для конспирации бронепоезда назывались под номерами. Бронепоезд «Генерал Каппель» или же «Каппелевец» имел № 1, бронепоезд «Волжанин» – № 2 – и «Дмитрий Донской» – № 3¹⁶. Был еще один бронепоезд, имевший номер 4, но он действовал на линии Никольск-Уссурийский – Гродеково и не принимал участие в боевых действиях на хабаровском направлении. Армия испытывала дефицит орудий и боеприпасов к ним. Все запасы снарядов были под охраной и контролем японцев в Приморье.

Создание импровизированного бронепоезда, вооружение и укомплектование было произведено за счет Сибирской флотилии. Бронепоезд имел два 75-мм орудия, снятые с кораблей, и одно 40-мм автоматическое зенитное орудие английской фирмы «Виккерс» «Пом-пом» (Свое название «Пом-пом», которое навсегда вошло в историю, зенитное орудие получило за характерный звук, издаваемый при стрельбе. – *Прим. авт.*), 9 станковых и ручных пулеметов различных систем. Запас снарядов к орудиям был сравнительно небольшим. «Крайне тяжел был также вопрос со снарядами, которые приходилось буквально не красть у японцев»¹⁷.

Бронепоезд состоял из одной контрольной платформы с запасными рельсами и шпалами, одной контрольной платформы с дрезиной, одной блиндированной артиллерийской платформы с артиллерийским и зенитным орудиями, одного блиндированного артиллерийского полувагона с артиллерийским орудием, двух стрелковых вагонов с бойницами для пулеметов и винтовок, одного паровоза, одной открытой стрелковой платформы для размещения десанта и одной полузакрытой платформы для боеприпасов, двух лошадей и повозки.

Штат бронепоезда утвержден приказом управляющего Военным и Морским ведомствами Временного Приамурского правительства № 122 от 30 декабря 1921 г. и объявлен командующим Сибирской флотилией в приказе № 62 от 17 января 1922 г.¹⁸

В состав бронепоезда входили артиллерийская, пулеметная, железнодорожная и нестроевая команды, а также команда службы связи и наблюдения. Всего по временному штату – 16 офицеров, 76 строевых (на вакансии рядовых находилось 4 офицера. – *Авт.*) и 35 нестроевых солдат¹⁹.

Этим же приказом Г.К. Старк присвоил бронепоезду наименование «Дмитрий Донской» – в

Рис 3. Бронепоезд «Дмитрий Донской». 1922 г.

Фото из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско, США.

память об одноименном бронепоезде Добровольческой армии. Среди офицеров бронепоезда некоторые уже имели боевой опыт Гражданской войны на бронепоездах Добровольческой и колчаковской армий.

На бронепоезд был назначен личный состав, который со 2 декабря 1921 г. для конспирации числился в секретной командировке. В частности, назначение на него получили лейтенанты С.В. Куров, В.П. Шаховский, Н.П. Скорописов и Б.А. Эверт, мичманы А.Н. Филиппов, В.С. Лампсаков, Б.М. Лабзин, В.В. Янкович, С.Н. Козлов, А.С. Степанов и Н.Н. Полковников, поручики Е.А. Кукуричкин, П.А. Головинский, П.Е. Лебедев, Д.Н. Мошкалов, Н.Н. Плешаков, П.П. Терентьев, Я.И. Еременко. Рядовой состав был представлен фельдшером 1-й статьи Олениным, машинистами Колтуновым, А. Стрижаковым, А. Брюкаевым, М. Гайдученко, Э. Мартынином²⁰. Дополнительно на бронепоезд были назначены мичман А.В. Синькевич, корабельный гардемарин В.А. Киркор, матрос Майданник, которые догнали бронепоезд уже в Хабаровске²¹.

Первоначально офицерский состав и матросы, назначенные на бронепоезд, числились по приказам, как указано выше, в секретной командировке, а с 1 января 1922 г. – на должностях согласно штату бронепоезда.

Командиром «Дмитрия Донского» стал лейтенант С.В. Куров, имевший опыт службы на бронепоездах Добровольческой армии «Адмирал Непенин» и «Дмитрий Донской». Таким образом, он в разные годы дважды стал офицером двух одноименных поездов – на Черном море и на Тихом океане. Вместе с ним такую же школу службы прошел и лейтенант князь П.В. Шаховский.

В обзоре «Политическая обстановка в Приморье к 6 декабря 1921 г.» отмечается: «На днях закончили формирование бронепоезда «Дмитрий Донской» (название бывшего бронепоезда в Добровольной армии). Он направляется с закрытыми орудиями до нейтральной зоны, а затем будет действовать как повстанческий»²².

Бронепоезд вышел из Владивостока в ночь с 13 на 14 декабря 1921 г., однако уже в эту же ночь передвижная база бронепоезда с запасом снарядов была уничтожена партизанами²³. Бронепоезд шел вместе с двумя другими бронепоездами – «Каппелевец» и «Волжанин» – на север в направлении Хабаровска. По сведениям

Рис. 4. Командир бронепоезда «Дмитрий Донской» лейтенант С.В. Куров. 1922 г. Фото из семейного архива И.Б. Лабзина. Нью Фарм, Квинсленд, Австралия.

Я.З. Покуса: «Бронепоезда «Волжанин», «Каппелевец» и «Дмитрий Донской» проследовали по железной дороге от ст. Евгеньевка, будучи замаскированные сеном, а оружие и боеприпасы, уложенные в ящики, шли под видом груза «потребительских» обществ... Таким образом, белогвардейские поезда, вооружение и боеприпасы прошли через район, занятый японцами, под видом фуража и продовольствия, благодаря коварству и недоброжелательному отношению к нам японцев»²⁴.

В дальнейшем «Дмитрий Донской» участвовал во всех боях армии. К сожалению, деталь-

ных описаний участия бронепоезда в боях пока не выявлено. В основном известно о боях, в которых принимали участие бронепоезда «Волжанин» и «Каппелевец». Во время боев под Волочаевкой «Дмитрий Донской» находился во втором эшелоне обороны и курсировал по линии железной дороги в районе станции Покровка, прикрывая железную дорогу, проложенную по льду на месте взорванного еще в 1920 г. железнодорожного моста²⁵. Об участии артиллеристов «Донского» в бою под Волочаевкой известен такой факт, который приводится в воспоминаниях офицера «Каппелевца» С. Рождественского: «8 февраля продолжали стоять у «Орла», все время ведя перестрелку с бронепоездом красных. Часов в 5 вечера красные густыми цепями перешли в наступление на позицию «Орел». Мы не в состоянии задержать красных и помочь нашей пехоте – наше орудие вышло из строя, сейчас в ремонте, а нам прицепили другую артиллерийскую площадку с бронепоезда «Дмитрий Донской»; снарядов к этому морскому орудью было слишком мало»²⁶.

В конце февраля 1922 г. на станции Бикин командиру бронепоезда было поручено взять отступающих из Хабаровска чинов Амурской речной флотилии, которые придавались к бронепоезду²⁷.

При отступлении белоповстанцев «Донской» был пропущен через нейтральную зону, отделявшую японскую оккупационную армию и НРА, и, в отличие от других бронепоездов, благополучно вернулся во Владивосток.

21 марта 1922 г. бронепоезд «Дмитрий Донской» был расформирован, его имущество сдано

во Владивостокский военный порт. Командиру бронепоезда было приказано возглавить ликвидационную комиссию. После расформирования офицеры бронепоезда получили назначения: лейтенант В.П. Шаховский старшим офицером ЭМ «Бойкий» (30 марта 1922 г. откомандирован в штаб генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля с исключением из списков Сибирской флотилии²⁸), лейтенант Б.А. Эверт старшим офицером КЛ «Илья Муромец», мичман А.В. Синкевич ревизором ММ «Инженер-механик Анастасов», подпоручик по механической части П.П. Терентьев 2-м механиком на КЛ «Патрокл». Назначены на вакансии рядовыми: поручик по адмиралтейству Е.А. Кукуричкин на КЛ «Илья Муромец», мичманы Н.Н. Полковников и А.С. Степанов на ВКР «Лейтенант Дыдымов», мичман А.Н. Филиппов, подпоручик Я.И. Еременко, поручик по адмиралтейству П.А. Головинский на КЛ «Улисс», подпоручик по адмиралтейству Д.Н. Мошкалов на КЛ «Илья Муромец», подпоручик по адмиралтейству Н.Н. Плешаков и подпоручик П.Е. Лебедев на ПС «Страж»²⁹.

Таким образом, бронепоезд «Дмитрий Донской» стал последним морским бронепоездом Белой армии, принявшим участие в боях на завершающем этапе Гражданской войны на Дальнем Востоке России.

Следует отметить, что морские бронепоезда в Сибири и на Дальнем Востоке нашли свое применение на фронтах и в тылу, но в отличие от таких же бронепоездов на Юге России или бронепоездов атамана Г.М. Семенова в Забайкалье, особых лавр себе не снискали и может быть, поэтому о них и осталось так мало сведений.

¹ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Научно-справочная библиотека (НСБ). Приказ командующего Сибирской флотилии (СФ) № 433 от 21.11.1918 г., Приказ помощника верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке (ВУРП на ДВ) по морской части (МЧ) и командующего Морскими силами на Дальнем Востоке (МС на ДВ). № 26 от 13.01.1919, № 29 от 12.01.1919.

² Там же. Циркуляр штаба командующего СФ № 228 от 26.11.1918 г., Приказания по МС на ДВ № 3 от 01.09.1919 г.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-1722. Оп. 5 Д. 135. Л. 207.

⁴ ГАПК. НСБ. Приказ помощника ВУРП на ДВ по МЧ и командующего МС на ДВ № 125 от 31.01.1919.

⁵ Там же. Приказ помощника ВУРП на ДВ по МЧ и командующего МС на ДВ № 299 от 28.02.1919.

⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1722. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 54. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Д. 41. ЛЛ. 22, 23.

- ¹⁰ Там же. Д. 38. Л. 1.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-1471. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.
- ¹² РГА ВМФ. Ф. р-1722. Оп. 5 Д. 140. Указатель правительственных распоряжений по Флоту и Морскому ведомству. № 1–3. 1918; № 1–9. 1919. Л. 143.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1471. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.
- ¹⁴ Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского института (Архив Гуверовского института), США. Фонд Б. Крюкова. Бокс 2. Запись разговора по прямому проводу из Омска капитана 1 ранга Леонтьева с Томском с капитаном 1 ранга Медведевым от 10 октября 1919 г.
- ¹⁵ Архив Гуверовского института. Фонд Г.К. Старка. Бокс 1. Антоненко В.П. Краткая история смены правительств во Владивостоке с 31 января 1920 г. до эвакуации октября 1922 г. Машинописная рукопись. С. 39.
- ¹⁶ Рыжов И.Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь – октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ГАПК. НСБ. Приказ командующего СФ № 62 от 17.01.1922 г.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Приказ командующего СФ № 53 от 16.01.1922 г.
- ²¹ Там же. Приказ командующего СФ № 233 от 24.03.1922 г.
- ²² Архив Гуверовского института. Фонд Б.А. Крюкова. Бокс 1. Политическая обстановка в Приморье к 6 декабря 1921 г. Машинописная рукопись. Л. 6.
- ²³ Там же. Фонд Г.К. Старка. Бокс 1. Антоненко В.П. Указ. соч. С. 39.
- ²⁴ Покус Я.З. Указ. соч. С. 24.
- ²⁵ Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. С. 65, 81.
- ²⁶ Рождественский С. Русская жизнь (Сан-Франциско). 1962. N 5042. 3 марта. С. 5.
- ²⁷ Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция. Распоряжение генерал-квартирмейстера военно-морского ведомства Временного Приамурского правительства Генерального штаба полковника Озолина от 22.03.1922 г.
- ²⁸ ГАПК. НСБ. Приказ командующего СФ № 252 от 30.03.1922 г.
- ²⁹ Там же. Приказ командующего СФ № 215А от 21.03.1922 г.

*Игорь Михайлович Нагаев,
Россия, Москва, Российский
Государственный военный архив,
главный специалист отдела использования
и публикации архивных документов,
почетный архивист Российской Федерации*

В тени Л. Д. Троцкого (к архивоведческой реконструкции документальной коллекции зам. Председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянского (1917–1925 гг.)

Традиционно, когда мы говорим о документальных источниках, то их подразделяем на 2 группы: опубликованные источники и неопубликованные источники.

К опубликованным источникам о деятельности Эфраима Марковича Склянского (1892–1925 гг.) можно отнести, прежде всего, документальные материалы Российского Государственного Военного архива (РГВА) советского периода истории России (1957–1991 гг.)¹. И здесь отмечаю следующие сборники документов: Директивы главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.) {М. 1969-883 с.}; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) тт. 1–4 М., Воениздат 1971–1974; Из истории гражданской войны в СССР 1918–1920 гг. тт. 1–3 М, 1960–1961 гг. (862 с., 874 с., 899 с.); по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) можно представить следующий сборник: «Декреты Советской власти т 1–3 М, 1957–1964 гг.»².

Говоря о материалах Российского государственного архива социально-политической истории

(РГАСПИ)³ так же можно отметить сборник документов: «За подписью Ленина 1918–1922 гг.» (Пермь, 1984 г.) и др. При подготовке настоящего доклада использовались, прежде всего, документальные сборники российского периода (1992–2014 гг.), изданные с использованием документов РГВА: «Реввоенсовет республики. Протоколы 1918–1919 гг.» М. Русский мир; 1997 (640 с.); «Реввоенсовет республики. Протоколы 1920–1923 гг.» М. Эдиториал УРСС 2000 (440 с.); «Кронштадт 1921 г.» (Серия XX век. Документы) М. 1997 и др.

К неопубликованным документальным источникам о деятельности Э.Ф. Склянского относятся хранящиеся в РГАСПИ (личные фонды В.И. Ленина и Л. Д. Троцкого), в Государственном архиве Российской Федерации (ф.ф. Петроградского военно-революционного комитета (ВРК), Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК СССР 1917–1932 гг.): Совета народных комиссаров (СНК), Совета Министров РСФСР (1917–1974), Совета труда и обороны СССР при СНК СССР (СТО 1923–1937 гг.), а так же фонды комитетов и комиссий, создававшихся из них).

Но наиболее значительное количество документов Э.М. Склянского, конечно, хранится в РГВА и это вроде всего фонда N 1 (Управление делами наркомвоенна, своды Высшего Военного Совета (РГВА, ф.3); Управление делами Реввоенсовета (РГВА, ф.4); Секретариат главного командующего всеми Вооруженными Силами Республики (РГВА, ф.5), Полевого штаба РВС Республики (РГВА, ф.6), Штаба РККА (ф.7), Всероссийского главного штаба РККА ф.11), Главного управления Военно-Воздушного флота (РГВА, ф.29), Военно-законодательного Совета (РГВА, ф.44), Центрального управления по армии (РГВА, ф.46), Секретариата Председателя РВСР (РВС СССР) – (РГВА, ф.33987), Секретариата первого заместителя председателя РВС республики, который по мнению автора сообщения, можно было назвать фондом Э.М. Склянского (РГВА, ф.33988) и др.

Несомненно, что документы Э. М. Склянского можно обнаружить и в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) за 1916-1917 гг. и в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), в фондах центральных органов государственного управления РСФСР до 1923 г. (прежде всего, это фонд Наркомздрава).

Еще четверть века назад один из первых биографов Э. М. Склянского – д.и.н. Я.Г. Зигин писал: «В военных и партийных архивах хранятся тысячи документов, написанных или как-то отмеченных Склянским. Значительная часть военной переписки В.И. Ленина по самым различным вопросам адресована ему» /далее: Э.М. Склянский почти семь лет был заместителем народного комиссара по военным и морским делам, зам. Председателя Реввоенсовета республики и СССР. 26-летнего врача революция поставила во главе практической работы по организации военных сил республики/⁴.

Здесь так же уместна и цитата из монографии Н.А. Васецкого «Троцкий: опыт политической биографии» (М: Республика, 1992)⁵. «Фактически всю повседневную работу по Наркомату (имеется ввиду Наркомат по военным и морским делам) за Троцкого выполнял его заместитель Э.М. Склянский. По делам военного ведомства он в пору Гражданской войны ...из ключевых ролей...преданный Троцкому лично, Склянский был его полной противоположностью, тихий до

застенчивости, «не высовывался», но всегда оказывался незаменимым в ведении делопроизводства и всего, что касалось «бумаг». Рассказывают что любую бумагу, исходившую от наркомвоенмора, Склянский немедленно копировал и подшивал к делу⁶. Именно эту черту как хранителя и спасителя архива Л. Д. Троцкого отмечают и большинство его биографов: Троцкий 1980 (283 с), Deutscher-Isaac The prophet armed Trotsky 1879-1921 London, etc. Oxford Univ Press 1954 (528 с), Payne Robert The Life and death of Trotsky. New York etc. Mc Grow Hill Book Cop. 1977 (498 с), Wolfe Bertram David Three who made a revolution. A biographical history by Bertram D. Wolfe. New York Dell Publ. Cop. 1964 (659 с), Wistrich, Robert Solomon Trotsky. Fate of revolutionary London: Robson Books. 1979 (235 с) и др.

А сейчас хочется процитировать любопытный документ, до сих пор не введенный в научный оборот – Ходатайство зам. председателя Высшего Совета Народного хозяйства СССР Г. Д. Пятакова о назначении персональной пенсии родителям и детям Э.М. Склянского от 27 февраля 1926 г.: «Э.М. Склянский был преданным образцом пролетарской революции и благодаря своим талантам имеет исключительные заслуги перед республикой в области не только революционно-военной, но так же хозяйственной деятельности. Этот «прекрасный работник», как говорил неоднократно Владимир Ильич, был одним из главных организаторов победы пролетариата на фронтах гражданской войны...»⁷

6 лет Эфраим Маркович был заместителем Председателя РВС республики Л.Д. Троцкого (с 6 октября 1918 г по 18 февраля 1924 г). Согласно приказу N 41 от 18 февраля 1924 г он не был снят с «высших военных постов», а был уволен в бессрочный отпуск⁸.

О деятельности Реввоенсовета Республики существует обширная литература⁹. Эта литература стала издаваться еще в первое десятилетие советской власти. Это прежде всего брошюра М. Рымшан, К. Алексинского, Б. Корнеева «Революционный Совет СССР за 10 лет.» (М.–Л. 1928), но здесь хочется процитировать слова Эфраима Марковича на одном из заседаний РВС (протокол № 169 от 27 апреля 1923 г.) по вопросу «Об основаниях для пятилетнего плана развития армии»¹⁰. Э. М. Склянский: «здесь поставлен очень важный вопрос: что признать необходимейшим

и важнейшим на эти пять лет? Расходы, которые мы производим, делятся на две части. Расходы непроизводительные – это то, что поедаем, одеваем и пр., и расходы по накоплению имущества. Мне кажутся несколько чрезмерными цифры непроизводительных расходов. Их необходимо проверить, принимая во внимание, что кондиционность будет расти и цены фабрично – заводской промышленности будут снижаться. Что касается второй части, то здесь есть только одна область, где твердо решен вопрос о характере будущих работ. Это флот. Мы решили, что на ближайший период мы ведем подготовку оборонительного порядка. В других областях вопрос не решен. У нас нет твердого плана в смысле развития нашей военной промышленности. Сюда нужно внести ясность.

Я понял вопрос. Т. Ворошилова в том смысле, что у нас есть готового в случае, если разыграется война. Мне кажется, в этом смысле у нас кое-что есть. Мы знаем, что нужно армии дать, если придется развертываться. У нас есть комитет по мобилизации.

Мобилизационными запасами мы кое-какими располагаем, в особенности винтовками. Цифры значительно превышают те, которые имелись к концу гражданской войны. Путем постепенного ограбления текущих потребностей мы кое – что достигли. Сейчас уже время количество заменять качеством».

В сборнике «Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919 гг.» (М. «Русский мир» 1997.) имеется предметно-тематический указатель, отражающий многогранную деятельность данного совета в первые два года гражданской войны в СССР 1918–1920 гг. Это: «восстановление автобронечастей, изменение штатов артиллерии, усиление ветнадзора за деятельностью сформированных органов продовольственного снабжения, политическая деятельность, военная связь, военно-воздушные силы, военно-морские силы. Военные инспекции, военные комиссары, военные сообщения Всеобуч, меры по усилению борьбы с дезертирством, денежное довольствие, железнодорожные перевозки, запасные и железнодорожные войска, инженерные войска, кавалерия, издательское дело, печать, кадры, квартирно- эксплуатационная служба, кадры, маршевое пополнение, медико-санитарная служба, национальные и интернациональные

формирования, политорганы, политическая работа, особые отделы, военная промышленность, снабжение Красной армии, социально – бытовое обслуживание военнослужащих и их семей, стрелковое вооружение, топографическая служба, уставы и стрелковое вооружение, наставления, финансовая деятельность, эвакуация беженцев¹¹.

Всего с первого заседания Военно–революционного Совета республики от 7 сентября 1918 г. по постановлению РВС Республики от 31 декабря 1919г. было опубликовано 250 документов, на которых подпись Э.М. Скаянского стоит 248 раз, а подпись Л.Д. Троцкого проставлена 206 раз¹².

Если говорить о сборнике «Реввоенсовет Республики. Протоколы 1920 – 1923 гг.» (М. Эдиториал УРСС, 2000) ,то в нем опубликовано 184 протокола с № 1 от 5 января 1920 г. по № 184 от 22 декабря 1923 г., где имя Э. М. Скаянского упомянуто 147 раз, а имя Л.Д. Троцкого – 178 раз¹³. В этот период в состав РВС Республики – РВ СССР входило 42 члена¹⁴. И среди них будущий комиссар обороны, «железный маршал» К.Е. Ворошилов упомянут 41 раз, а М.Ф. Фрунзе, сменивший Л.Д. Троцкого на посту председателя РВС СССР (1924–1925 гг.) – 54 раза.

В период Гражданской войны в России Э.М. Скаянскому только по делам службы наряду с Л.Д. Троцким приходилось встречаться с 528 лицами, которые впоследствии и стали «прославленными героями Гражданской войны» (со стороны красных)¹⁵. Это Баранов П.И., Блюхер В.К., Буденный С.М., Ворошилов К.Е., Геккер А.И., Дыбенко П.Е., Егоров А.И., Жлоба Д.П., Каменев С.С., Киров С.М., Кокор А.И., Крыленко Н.В., Куйбышев В.В., Механшин К.А., Миронов Ф.К., Смилга И.Т., Тухачевский М.Н., Уборевич И.П. и многие другие.

И вот как впоследствии вспоминали о нем его боевые соратники. И прежде всего Л.Д. Троцкий: «оглядываясь на три года Гражданской войны и просматривая журналы непрерывных своих поездок по фронту, я вижу, что мне почти не пришлось сопровождать победоносную армию, участвовать в наступлении, непосредственно делить с армией ее успехи. Я отступал с войсками, но никогда не наступал с ними... я прощался с армией для другого неблагоприятного участка или возвращался на несколько дней в Москву, чтобы разрешить накопившиеся вопросы в центре»¹⁶.

Зато, чуть позже, в 1925 г. Лев Давыдович скажет довольно значительные слова о своем заместителе, правда тов. Склянский их уже не услышит. «Склянский был человеком исключительным. Это ясно понимали все, кто работал с ним бок о бок. Это чувствовали и широкие советские круги. Это признавали и люди иного мира, представители иного класса!»

«Склянский работал с исключительной неутомимостью по 12, 16 и 18 часов в сутки. Это была превосходно организованная человеческая машина» (И.Т. Смилга, сентябрь 1925 г.).¹⁷

«Э.М. Склянский аккуратно сохранял эти записки Владимира Ильича. В день кончины Владимира Ильича, в понятном порыве воспоминаний мы с Э.М. Склянским пересмотрели ряд этих записок, и перед нами раскрылась картина их значимости. Сколько важнейших вопросов было разрешено, выяснено или намечено такого рода перепиской на заседаниях СНК и СТО (С.С. Каменев «Записки о гражданской войне»)¹⁸.

«Вы знаете, – говорил В.И. Ленин, – что сначала был РВС, состоящий из огромного количества членов, которые фиктивно числились, а фактически руководил делом тов. Склянский, который сидел в Москве. Это было в 1918–1919 гг. (Председатель военной комиссии ЦК Гусев С.И., 3 февраля 1924 г.)¹⁹.

«Днем и ночью висели на телеграфных проводах, днем и ночью торчали в его кабинете. Вместе вертели козьи ножки и грызли черствые галеты. Склянский заряжал нас своей неутомимостью. Он не умел ходить, всегда словно за кем-то гнался. Мягкий по своей натуре, без военных навыков и выправки, врач Склянский вытесал в себе революционную твердость, выдержку и огромный административный талант. (Сотрудник Реввоенсовета СССР А. Петров, 1925 г.).

«Сам он делал все, что было в его силах, для того, чтобы отстоять интересы армии в соответствующих инстанциях. Его работа протекала у меня на глазах, и я свидетельствую, что она выполнялась с должной энергией...» (М.В. Фрунзе, январь 1924 г.)²⁰.

«У каждого человека есть черты, определяющие, в основном, его личность. Такими чертами у покойного была быстрота и точность в работе. Нервный, впечатлительный, быстро реагирующий, тов. Склянский был пружиной во всякой работе. Я видел его в 3–4 часа ночи в военном

комиссариате во время самых критических дней Гражданской войны: бледный, утомленный, с расширенными зрачками, он не ослаблял темпа своей кипучей деятельности. Я помню его работу в Наркомздраве. Он всегда спешил сам, всегда подгонял других, беспощадно подхлестывал тугодумов. (Семашко Н.А., нарком здравоохранения СССР, 25 сентября 1925 г.)

«Склянский встретил нас, как старых друзей. Усадив за стол, стал задавать вопросы... Что не могу, то не могу. Плохо с продуктами и фуражом. Все запасы исчерпаны. Но постараемся помочь. Первой Конной надо помочь. Она это заслужила...» (Маршал С.М. Буденный, «Пройденный путь»).

«Между тем, именно это сочетание большого творческого размаха со способностью сосредоточиться на мелочах, сочетание таланта с трудолюбием – это и создает настоящих строителей, и одним из лучших представителей этого типа в наших рядах был Э.М. Склянский. (Л.Д. Троцкий, «Памяти Э.М. Склянского», речь в клубе красных директоров, 11 сентября 1925 г.).

«Переплыв океан, он утонул в озере. Выйдя невредимым из Октябрьской революции, он погиб на мирной прогулке» (Л.Д. Троцкий, «Памяти Э.М. Склянского». Речь в клубе красных директоров, 11 сентября 1925 г.).

«Мы с Мехлисом немедленно отправились к Каннеру (Григорий Каннер – секретарь Сталина, «помощник по темным делам») и в один голос заявили: «Гриша, это ты утопил Склянского». Каннер защищался слабо: «Ну, конечно, я. Где бы, что не случилось, всегда я.». Мы настаивали, Каннер отнекивался. В конце концов, я сказал: «Знаешь, мне, как секретарю Политбюро, положено знать все». На что Каннер ответил: «Ну, есть вещи, которые лучше не знать и секретарю Политбюро». (Б. Бажанов, «Записки секретаря Сталина»).

«Впервые я увидел Склянского осенью 1917 г. а на одном из фронтовых совещаний. Совсем молодой военврач, Склянский был одним из немногих, чуть ли даже не единственным большевиком на этом совещании. Он больше слушал, чем говорил. Он учился. Он уже тогда умел переводить речи и мысли на язык строго практических задач. Эта его способность выросла потом в крупнейший организаторский талант, который он проявил и в военном деле, и в хозяйствен-

ном. Очень молодым еще, Склянский занимал чрезвычайно ответственный пост. Он стоял непосредственно у административного аппарата армии – и в какие годы! – в годы, когда армия формировалась в дыму и пламени непрерывных боев... «Прекрасный работник, – говорил о нем десятки раз Владимир Ильич с тем особым вкусом, с каким он отзывался о преданных, стойких, настойчивых и добросовестных строителях...»

«Склянский был человеком исключительным. Это ясно видели и понимали все, кто работал с ним, бок о бок. Это была превосходнейшая человеческая машина, работавшая без отказов и перебоев. Это был на редкость даровитый человек, организатор, собиратель, строитель, каких мало. Да, талантливость организатора широкого масштаба, связанная с деловой уверенностью, с выдержкой, со способностью отдавать свое внимание мелочам повседневной кропотливой работы, – это встречается нечасто.

Ну а теперь зададимся вопросом: «А что именно и для революции, и для создания Красной армии, и для победы в Гражданской войне 1918-1920 гг., сделала это «прекрасно-организованная «человеческая машина?» И для ответа на этот вопрос, привлечем данные 3-го источника, при подготовке данного сообщения-Интернет-ресурсов. Только по состоянию на 20 мая с.г. поисковая система «Яндекс» на запрос Э.М. Склянский выдала 1 млн. результатов. Вот мнение израильского ученого Валентина Домиля, Акко. Цитирую русскоязычную интернет публикацию: «Э.М. Склянский, правая рука Троцкого» (2013 г.). «Главные события Октябрьского переворота меньше всего связаны с пресловутым «залпом Авроры», и штурмом Зимнего дворца... Восстание в Петрограде могло бы захлебнуться, если бы не поддержка армии. Получив в ночь на 25 октября 1917 г. известие о начале вооруженного восстания, большевистская фракция армейского комитета отправила на помощь восставшим 12 батальонов пехоты, 24 пулемета, кавалерийские и армейские части. Был захвачен штаб Петроградского военного округа и обезоружены, засевшие там юнкера. Во главе сводного отряда стоял Эфраим Склянский. Он же известил большевистскую фракцию комитета о событиях в Петрограде и подтолкнул к незамедлительным действиям²¹. Получается, что в самый напряженный для Революции момент – у руля ее воору-

женной защиты стоял именно Эфраим Маркович, которому на тот момент было всего 25 лет. Проходит всего5 лет, и в Советском Союзе отмечается первый юбилей Красной Армии – ее пятилетие, то и здесь среди огромного количества поздравительных телеграмм, пришедших прежде всего на имя Председателя РВС СССР Л.Д. Троцкого, была и одна, где его многолетний заместитель, именовался «Вождем допризывников» и пришла она от руководителя Всеобуч, упраздненного же в том 1923 г. К тому же, в Интернет-ресурсах Всемирной сети, абсолютно не упоминается и то, что Эфраим Маркович был одним из членов Комиссии по созданию проекта первой Конституции РСФСР в июле 1918 г., в которую он был делегирован от Комитета по военным и морским делам²². Конечно, Конституция РСФСР – ставшая первой конституцией демократической и республиканской России, в настоящее время практически предана забвению. Но главный источник, наряду с Днем Победы – это День Защитника Отечества. Думаю, что в этом зале, зале Центрального Музея Вооруженных Сил Российской Федерации, сомневающихся не будет. Предтече этого праздника – был День Советской Армии и Военно-Морского Флота. В Советское время это был и особый мужской день. Но мало кто помнит, что уже 19 февраля 1919 г. Склянский или зам. Председателя РСФСР подписал директиву, в которой говорилось: «День празднования годовщины формирования Красной Армии устанавливается 23 февраля». Автор сообщения уже неоднократно цитировал первого биографа Э.М. Склянского – д.и.н. Я.Г. Зими-на²³. Не могу удержаться и на этот раз, и просто призываю участников настоящей конференции, вслушаться в эти слова: «Во время Гражданской войны Э.М. Склянский принимал деятельное участие в организации и снабжении Красной Армии, при приближении фронтов на Волге, когда все члены Наркомвоена выехали на фронт, всю текущую работу Наркомвоена вел зам. председателя РВС Республики. А современный плодовитый и оригинальный исследователь строительства центрального Военного аппарата Советской республики и отечественных спецслужб, к.и.н. С.С. Войтеков дал такую характеристику: «постоянно сидящий на делах Эфраим»²⁴. Сегодня, в ряде восточноевропейских стран – членов Е.С. и бывших Советских республиках Прибалтики,

идет борьба с тоталитарным прошлым-путем переименования устоявшихся исторических названий. «Замена старых названий на новые» имеет давнюю историческую тенденцию, которая пошла еще с Французской революции 1789 г.²⁵ И здесь привожу один документ, который ранее не публиковался – приказ Наркомвоена №120 от 30 января 1918 г: 1) Гостиница «Франция», находящаяся по Морской ул., д. 6, со всем движимым и недвижимым имуществом переходит в ведение коллегии Главного Управления по квартирному довольствию войск и нужд Народного Комитета по военным делам. 2) Название гостиницы переименовывается в гостиницу «Красная Армия» г. Петрограда. Подписи: Э. Склянский, М. Петров²⁶.

Практически все биографы Л.Д. Троцкого указывают на его плодотворную публикаторскую деятельность и умение быть «пламенным» оратором. В РГВА, например, имеются сброшюрованный лично Э.М. Склянским брошюры и тексты выступлений председателя РВСР за 1921 г. (это где-то около 200 страниц, только в одном деле)²⁷. Эфраим Склянский, к сожалению, не оставил творческого наследия на тему: «как защищалась Революция», но некоторые его приказы можно назвать образцом риторики. Например, его личное приветствие Президиуму конференции артиллерийских заводов от 25 августа 1919 г. «Вам привет защитникам Советской Республики, вылившейся так горячо из сердца трудового товарищества, передается сейчас на все фронты, где будет принят с особой радостью. От лица Красной Армии, приносим вам нашу товарищескую благодарность и наши искренние пожелания, чтобы успех братского труда артиллерийских заводов, доведенный как и на фронте до высшего напряжения всех сил трудящихся, шел руку об руку с успехом на боевых линиях, чтобы ваши орудия, пулеметы, снаряды, патроны помогли Красной Армии добить врага, покушающегося на свободу рабочих и крестьян. Зам. пред. Реввоенсовета Э.М. Склянский».

Ну, об «эпистолярном» наследии Э.М. Склянского автор настоящего доклада, скажет ниже. А сейчас несколько слов о том, как были отмечены заслуги Э.М. Склянского перед Советской Республикой, еще в его время, и сразу же после его «случайной» или «запланированной» гибели в 1925 г. В году, который унес жизни таких легендарных героев Гражданской войны, как предсе-

дателя РВС СССР – М.В. Фрунзе (1885-1925 г.), Г.И. Котовский (1883-1925 г.), Н.Кербалай Аджафоглы (1886-1925 г.), А.Ф. Мясникова (Мясникян) (1886-1925 г.).

Кстати, в РГВА хранятся 2 текста телеграмм, которые сообщили о смерти Э.М. Склянского. Это прежде всего-телефонограмма из зала заседания СТО зам. Наркомвнешторга Фрумкина в РВС СССР М.В. Фрунзе от 28 августа 1925 г. «Сообщаю полученную мною телеграмму из Америки: Сегодня получил сообщение – Хургин, Склянский утонули в озере Лонгваке. Хургин находился в отпуске. Оба находились в лодке, которая перевернулась, в следствии, начавшейся бури. Тела найдены, направляются в Нью-Йорк. ЗИВ»²⁸. И телеграмма, ВРИД Председателя правления треста «Моссукуно» Егорова в секретариат РВС СССР: «Сего 28 августа, правление треста получило телеграммное сообщение от зав. производственно-административным отделом треста Канарского, находящегося в служебной командировке в Нью-Йорке²⁹ гибели председателя правления тов. Склянского Э.М., утонувшего 27 августа на озере Лонгвике близ Нью-Йорка. №12750. На данной телеграмме имеются две пометки – «от журнала справочной до секретариата Наркома телеграмма шла 6 дней (3 сентября1925 г.) Подпись М.В. Фрунзе³⁰: «Обращаю внимание начальника АХО на путешествие телеграммы (10 сентября1925 г.) Таких «путешествий» документов, в период работы самого Эфраима Марковича ни разу зафиксировано не было».

Итак, о наградах непосредственно Эфраим Маркович, в связи с 5-летием юбилея Красной Армии был удостоен ордена «Красное Знамя»(1923 г.), как и Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин. Имя Э.М. Склянского было присвоено Ленинградскому военному училищу (снято в 1937 г.) и Купавинской текстильной фабрике, которое она носила до 1938 г. Об этом имеется публикация Людмилы Матвеевой: «Фабрика имени Склянского» в газете «Старая Купава» от 1 декабря 2005 г. Похоронен он был на Новодевичьем кладбище, хотя как утверждают многочисленные интернет-порталы и форумы: «его праху было положено находиться в Кремлевской стене», но этому воспрепятствовал И.В. Сталин, который кстати и настоял чуть ранее на его командировке(по линии Моссукуно) в Германию, Францию и США летом 1925 г.

И, наверное, трудно не согласиться с уже упомянутым В. Домилем: «что о правой руке Троцкого, его заместителе Э.М. Склянском, попросту забыли. Хотя, вне всякого сомнения, Склянский оставил свой след в истории Гражданской войны. Он был человеком одаренным и самоотверженным»³¹. Правда справедливости ради, надо сказать, что на его смерть, откликнулись и газета «Правда» и газета «Известия ВЦИК», опубликовав подборки Воспоминания, которые цитировались, чуть ранее в нашем сообщении, и которые в 1991г. были реанимированы д.и.н. Я.Г. Зиминим в его работах. При жизни Э.М. Склянского был так же написан его «парадный портрет» ...Аненским, хранящейся в доме наших гостеприимного хозяина – Центрального музея Вооруженных Сил РФ. Непосредственно о деятельности Э.М. Склянского, как по слову старой русской армии, так и по созданию новой можно ознакомиться в подборке документов: «Два года (1917-1919 гг.). Краткий отчет о деятельности РВС Республики, опубликованный журналом «Исторический архив», еще в 1956 г.³² Фрагментарно о Э.М. Склянском упоминают и все известные советские и российские историки прошлого века. Это П.А. Шевоцуков³³, Молоцыгин М.А.³⁴, Краснов В.Г., Дайнес В.О.³⁵, Шойфорт И.А.³⁶ и многие другие. Краткие биографические справки имеются и в Советской Военной энциклопедии (1974 г.) и в двух изданиях энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1983–1987 гг.)³⁷. Переходя к заключительной части настоящего сообщения хотелось бы внимание присутствующих обратить на следующие грядущие юбилеи: чуть больше года осталось до 100-летия Октябрьской революции (переворота октября 1917 г.), практически менее двух лет осталось до 100-летия создания Красной Армии (февраль 2018 г.), а в августе следующего года (12 августа 2017 г.) исполнится 125 лет со дня рождения, по словам Л.Д. Троцкого «Лазаря-Карно русской революции»³⁸. И здесь следует напомнить некоторые моменты из жизни французского государственного и военного деятеля Лазаря Николааса Маргрита Карно (1753–1823 гг.). В свое время он также имел репутацию честного республиканца и был одним из архитекторов Новой армии Первой республики. В 1793 г. он был назначен членом Комитета общественного согласия. В 1743–1775 гг.

он проявил изумительную деятельность, создав 14 армий, организуя оборону по всей границе Франции и руководя лично военными действиями. Изучение архивов Комитета общественного Спасения показывает, что все декреты и вся переписка по военным операциям были делом Карно. Огромные услуги, оказанные им (французской революции) были оценены современниками, присвоившими ему почетное прозвище «организатор победы»³⁹.

В Хогтонской библиотеке Гарвардского университета хранится ныне свыше 50000 документов Л.Д. Троцкого. Основу этой коллекции заложили документы «Демона революции», собранные 33-х летним Э.М. Склянским в 1918–1923 гг.⁴⁰ Ну и такое же количество документов вышедших, непосредственно из-под пера Эфраила Марковича, или рождены мыслью В.И. Ленина и других...вождей революции; сосредоточено сейчас в Российских архивах, и прежде всего РГВА. А это прежде всего фонд№33988 (Секретариат Зам. председателя Реввоенсовета Республики), уже обозначенный автором сообщения, как фонд Склянского. В этом же фонде с 1917 г. по декабрь 1923 г. имеется на хранении 568 дел, из которых 13 дел датированы годом Великого Октября. Наполняемость каждого дела: от 2-х до 667 листов⁴¹. Среди них: «Краткий отчет о деятельности РВС Республики за 1918–1919 гг. Суточные информационные сводки Наркомвоена за 3 сентября–31 декабря 1918. (252 листа)⁴². Журнал исходящих документов секретаря Зам. председателя РВС Республики за 5 июля – 29 октября 1918 г. (350 листа)⁴³. Годовой отчет о деятельности Московского оперативного комиссариата за 25 октября 1917 г. по ноябрь 1918 г. (752 листа)⁴⁴. Краткий исторический очерк Московского окружного комиссариата за 1917–1919 гг. с пометками Э.М. Склянского (75 листов)⁴⁵. Краткий перечень декретов, приказов и событий, относящихся к Красной Армии с 14 ноября по 6 октября 1918 гг.⁴⁶ и др. документы. Выборки только материалов данного фонда дают примерно более 1500 документов Э.М. Склянского⁴⁷. В сборнике Реввоенсовета Республики протоколы 1920–1923 гг. имеется «Перечень использованных источников; в котором приведены наименования 26 наиболее интересных фондов РГВА периода Гражданской войны в России 1918–1920 гг.⁴⁸ Многие из них, я уже упоминал в начале настоящего сообщения, так же

упомянут один фонд РГАСПИ-№19 – протоколы Совета Народных Комиссаров, Комиссии при СНК⁴⁹, Совета рабоче-крестьянской обороны. Но к сожалению не упомянуты такие важные фонды для полноценного понимания деятельности Э.М. Склянского, как фонд В.И. Ленина (РГАСПИ фонд 2; Секретариат В.И. Ленина (РГАСПИ фонд 5) и личный фонд Л.Д. Троцкого (РГАСПИ, фонд 325). К фондам РГВА по затронутому вопросу, следует присоединять и фонды №39348-личный фонд И.И. Вацетиса, до сих пор не введенный научный оборот, и так же ряд фондов ГАРФа. Любопытно и то, что в процессе подготовки данного сообщения были выявлены личные документы ряда родственников Э.М. Склянского, т.е. 2-х его братьев – Иосифа Марковича и Менделя Марковича и младшей сестры Рахиль Марковны⁵⁰. В литературе и огромных интернет-ресурсах о семье и родственниках Эфраима Марковича есть только следующее упоминание: «Склянский, известный

зам. Троцкого (1918 г.) занял для трех своих семей в разных этажах «Метрополя» три роскошных апартамента»⁵¹.

Суммируя все выше сказанное, можно сделать, только один вывод, что для понимания того, как сражалась и защищалась Революция, необходимо привлекать материалы (в большинстве своем неопубликованные), прежде всего такого ее «организатора» и «архитектора», как Э.М. Склянский. И такое вполне возможно на выявление и сопоставлении «мелкоархивных» документов РГВА, РГАСПИ, ГАРФа, РГВИА и РГАЭ. По данным «реконструированным» материалам, возможна (в 2017 г.) подготовка «виртуальной выставки» с подключением кинофотоматериалов РГА КФД и экспонатов ЦМ ВС РФ 1917-1923 гг. Такая «виртуальная выставка» будет интересна и для портала «Архивы-школе» Федерального Архивного Агентства (Росархива) при Президенте Российской Федерации.

¹ В этот период архив назывался Центральным Государственным архивом Советской Армии (ЦГАСА) – Архивы России, Москва и Санкт – Петербург. Справочник – обзорное и библиографический указатель. Русское издание. М., «Археографический центр», 1997. С. 176-179; Центральный Государственный архив Советской Армии: путеводитель в 2 т. Minneapolis. Minn. East View Publications 1991-1993 (ЦГАСА). Аннотированный перечень фондов Центрального государственного архива Советской Армии: в 5 т. М., Главархив СССР, ЦГАСА.1987.

² Архивы России, Москва и Санкт-Петербург. Справочник – обзорное и библиографический указатель. Русское издание. М., Археографический центр, 1997. С. 137-145.

³ Там же, С. 196-204.

⁴ Зимин Я.Г. Склянский Э.М. //РВС Республики. М., 1991, с.56-57. Его же: В.И. Ленин и создание высших органов Советского государства – Военно-исторический журнал – 1968- №6, с. 12-16; На высоком военном посту – Военно-исторический журнал – 1967 – №4.

⁵ Васецкий Н.А. Л.Д. Троцкий: опыт политической биографии. М., Республика, 1992. С. 112-113.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 9. Д. 938. Л. 1-2.

⁷ Там же. Ф.4. Оп.1. Д.121. Л. 549.

⁸ См. Сборник Указаний РСФСР, №97, ст.978. Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, стр. 372-373. Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918-1919 гг. М., Информационно-издательское агентство «Русский мир». 1997. С. 15-16.

⁹ Реввоенсовет Республики 1920-1923 гг. Сборник документов. М., 2000. С. 327-328.

¹⁰ Там же, С. 576-594.

¹¹ Подсчитано автором сообщения.

¹² Там же – подсчитано автором сообщения.

¹³ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1920-1923 гг. Сборник документов. М., 2000. С. 365-373.

¹⁴ Подсчитано автором сообщения.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 116, л. 6. Там же. См. Троцкий Лев Давыдович, Махно Нестор Иванович, М., Комсомольская правда, 2014. С. 9.

¹⁶ Троцкий Л.Д. Склянский погиб «Правда», №196. 29 августа 1925 г.

¹⁷ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918-1919 гг. М., «Русский мир». 1997. С. 12.

- ¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 116, л. 6. Там же. См. Троцкий Лев Давыдович, Махно Нестор Иванович, М., Комсомольская правда. 2014. С. 9.
- ¹⁹ Троцкий Л.Д. Склянский погиб «Правда», №196. 29 августа 1925 г.
- ²⁰ Троцкий Л.Д. «Памяти Э. Склянского – «Правда», №217. – 23
- ²¹ Валентин Дамиль, АККО «Роковая прогулка Эфраима Склянского.» « Правая рука Троцкого-Press-обозрение. Интернет газета-press try.-md.intem.php 2 id=135820
- ²² Декреты Советской власти о Петрограде. 25 октября (7 ноября)1917-29 декабря 1918. Лениздат. 1986. С.199.
- ²³ www.press try.-md.intem.php lid=135820
- ²⁴ Зимин.Я.Г.,Склянский Э.М.//РВС Республики М с 56-70; его же «На высоком военном посту»- «Военно-исторический журнал»-1967-№4
- ²⁵ Войтеков «С.С.,Троцкий и заговор в Красной Ставке» М,Вече,2010г.,его же «Строительство Центрального Военного аппарата Советской России.1918г-РГГУ,2011-24с(авторреферат КИН);его же «Высшие кадры Красной Армии 1917-1921гг»М,ЭКМО,2010;Его же «Отечественные спецслужбы Красной Армии 1917-1921гг. »М.,Вече. 2014..
- ²⁶ РГВА. Ф.1. Оп. 1. Д.93. ЛЛ. 38-38об.
- ²⁷ Там же. Ф.33987. Оп.3а, Д.68. ЛЛ. 1-193.
- ²⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 895. Л.262.
- ²⁹ Там же. Ф.33837. Оп.1 Д. 630. Л.18.
- ³⁰ Там же. Ф.33837. Оп.1. Д. 630. Л. 36.
- ³¹ Там же ,л.36
- ³² См.»Исторический архив»-1956-№1. С.133-155
- ³³ Шевоцуков П.А. «Страницы истории Гражданской.
- ³⁴ Молоцыгин М.А.»Становление Центральных Органов управления Советских Вооруженных Сил»- «Вопросы истории»-1978-№2;его же«Красная Армия:рождение и становление»М.,ИРИ РАН,1997(234с) и др.
- ³⁵ Краснов В.Г.,Дайнес В.О. «Неизвестный Троцкий.Красный Банопарт: документы,мнения,размышления»М.,ОЛМА пресс. 2000.
- ³⁶ Шайферт И.А.» Эволюция политических взглядов и практическая деятельность Л.Д.Троцкого 1896-1923гг»М. 1996.
- ³⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР.Энциклопедия М.,Советская энциклопедия,1983-с542;Советская Военная энциклопедия т.7,М.,Воениздат 1979. С.372.
- ³⁸ www.levoradi.kal.ru/archives/9844.
- ³⁹ Дерюжинский В.Ф.Карно,Лазарь//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 т.(Т.82 ч 4 доп).Спб,1890-1907г.[https://Wikipedia.org/wiki Карно-Лазарь](https://Wikipedia.org/wiki/Карно-Лазарь).
- ⁴⁰ www.lb.ru/trockig/arhiv-t\Trotskoqo tl.txt
- ⁴¹ РГВА. Ф.33988. Оп.1 Д.. 90. Л.1-57.
- ⁴² Там же. Ф.33988. Оп.1. Д..47. Л.1-252.
- ⁴³ Там же. Ф.33988. Оп.1. Д..36. Л.1-350.
- ⁴⁴ Там же. Ф.33988. Оп.1. Д..4. Л..1-152.
- ⁴⁵ Там же. Ф.33988. Оп.1. Д..11. Л. 1-75.
- ⁴⁶ Там же. Ф.33988. Оп..1. Д..2. Л..1-75.
- ⁴⁷ Подсчитано автором сообщения.
- ⁴⁸ Реввоенсовет Республики.Протоколы 1920-1922гг.Сборник документов.М,Эдиториал УРСС,2000. С. 435-436.
- ⁴⁹ Там же. С.436.
- ⁵⁰ РГВА. Склянский Иосиф Маркович,1900 г. рождения, 4947 ПУР; его же личное дело 189-659 л/д;Склянский Мендель 133-695 л/д;Склянская Р.М. (1896 г. рождения) 28516 ПУР.
- ⁵¹ Востриков М.И.Москва Сталинская. 2008. С.54.

*Надежда Юрьевна Бринюк,
Россия, Санкт-Петербург,
Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба ВС РФ,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-западного региона РФ),
кандидат исторических наук.*

Волжские походы войск Народной армии Комуча под командованием полковника В.О. Каппеля (июнь — сентябрь 1918 г.)

События Гражданской войны на Волге за 4 месяца существования Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) нашли отражение в обширной исторической и мемуарной литературе. Именно в этот период в ранг выдающихся военных руководителей выдвинулись строевые командиры, которые впоследствии стали прославляться как герои войны в том или ином из её противоборствующих лагерей: у красных ими стали В.И. Чапаев, М.Н. Тухачевский, Г.Д. Гай (Бжишкян), у белых – Ф.Е. Махин, А.С. Бакич, В.О. Каппель.

Формирования Народной армии Комуча под командованием подполковника, с 24 августа 1918 г. – полковника Генерального штаба Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920) (Рис. 1) внесли неоценимый вклад в развитие событий на Волге. В.О. Каппель вступил в ряды создава-

*Рис. 1. Владимир Оскарович Каппель (1883–1920).
Фотография второй половины 1919 г.*

емой Народной армии сразу после занятия чехословацкими войсками Самары 8 июня 1918 г. Ему было предназначено место начальника оперативного отдела Главного штаба армии; однако по личной инициативе он принял командование над 1-й Добровольческой Самарской дружиной.

Впоследствии дружина была развернута в бригаду, а затем в корпус, вбирая в свой состав отряды, сформированные в Симбирске, Ставрополе Волжском, Казани и других населенных пунктах. В первое время бригада комплектовалась добровольцами, большинство которых являлись выходцами из городской интеллигенции, дворянства и чиновничества, буржуазных слоев, – часто это была молодежь, учащиеся и выпускники кадетских корпусов и гимназий, военных и реальных училищ, высших учебных заведений. Опытных офицеров в войсках В.О. Каппеля, по свидетельствам современников, имелось «менее всего»¹. Затем части комплектовались контингентами, призванными на территориях Комуча по мобилизации. Однако население России не желало воевать ни на чьей стороне, поэтому с наступлением военных неудач мобилизованные массово дезертировали. Осенью 1918 г. в рядах Народной армии вновь остались одни добровольцы.

Боевой путь войск под командованием В.О. Каппеля включает в себя наиболее важные эпизоды Гражданской войны на Волге. Вопреки доминировавшему прежде мнению о решающей роли в ней чехословацких войск, надо отметить, что вплоть до 10 июля среди частей, действовавших под командованием В.О. Каппеля или во взаимодействии с его отрядами, чехословаков вообще не было. Впоследствии они, а также небольшие польские и сербские отряды принимали участие в военных действиях вместе с каппелевцами, однако ведущая роль в командовании войсками, разработке и проведении боевых операций оставалась за В.О. Каппелем.

Некоторые мемуаристы писали, что боевым крещением Самарской дружины стало освобождение от большевиков Сызрани², которое произошло уже 10 июня, через 2 дня после её создания³. Однако в действительности Сызрань была освобождена отрядами из числа местных жителей под командованием полковников Павлова и Остроградского. Бои за город продолжались с 17 по 19 июня, и именно в этот период из Сызрани

в Самару была подана просьба о помощи⁴, побудившая Главный штаб отправить туда Самарскую дружину. 19 июня большевики под напором городского ополчения покинули Сызрань, и подошедшему из Самары отряду В.О. Каппеля была предоставлена задача преследования отступавших красных отрядов. Затем в окрестностях города была занята оборона, так как группы большевиков продолжали беспокоить противника.

Участие Самарской дружины в боях под Сызранью заняло около недели. В это время отряды красных под командованием Г.Д. Гая сосредоточивались в районе Ставрополя Волжского. В.О. Каппель получил из Самары задачу отправиться туда и «ликвидировать активными действиями попытки противника распространяться на юг, выгнав его из района Климовка – Новодевичье»⁵. Прибыв к Ставрополю на пароходе «Мефодий», отряд только теперь начал активные действия против большевиков. При этом ему оказывали поддержку местные крестьяне, ходатайствуя об изгнании из деревень красных и расправляясь с ними самостоятельно⁶.

В период боев под Ставрополем 30 июня – 2 июля каппелевцами был достигнут ряд частных побед. Войска Г.Д. Гая были разбиты и рассеяны. Каппель впервые проявил качества незаурядного строевого командира: все успехи достигались с помощью ночных обходных движений, отвлекающих маневров, внезапных ударов во фланг или тыл противника. Благодаря этому, потери белых были незначительны.

Тяжелый бой каппелевцы выдержали в ближних окрестностях Ставрополя 5 июля. В этом бою артиллерия израсходовала все снаряды, и Каппелю пришлось развернуть конницу и часть конных артиллеристов, лично возглавив атаку во фланг советских войск⁷, которые были вынуждены отступить⁸. Каппелевцы сражались при отсутствии помощи со стороны ставропольского гарнизона; присланный из Самары полковник, который должен был объединить все войска под своим командованием и обеспечить согласованность их действий, проявил полную пассивность. Поэтому Каппель распорядился подчиненным ему отрядом по личному усмотрению.

Формирования красных в районе Ставрополя по численности превышали отряд В.О. Каппеля в несколько раз: в отдельных случаях против 400–450 каппелевцев при 4-х пушках находилось

не менее 2-х тыс. красных при 12-ти орудиях. За время боев в районе Климовка – Новодевичье отряд захватил 28 пулеметов противника; на вооружении самого отряда в это время имелось лишь 4 пулемета⁹.

Офицер Главного штаба подполковник Генерального штаба Г.К. Акинтьевский приравнял маневрирование отряда подполковника В.О. Каппеля к примерам из истории России, данным «высшими мастерами» военного дела¹⁰. Правый берег Волги от Климовки до Сенгилея был очищен от красных исключительно благодаря деятельности В.О. Каппеля и его отряда. Главным итогом успехов под Ставрополем стал выигрывший времени, позволивший белым через 2 недели совершить поход на Симбирск.

Однако сразу после боев под Ставрополем отряду В.О. Каппеля, несмотря на утомление, пришлось срочно направиться к Сызрани, которая в начале июля была занята красными. В пути каппелевцы участвовали в стычках с встречавшимися им группами противника¹¹.

Вторично Сызрань была взята белыми 10 июля. Бои за город вели войска Сызранского района во главе с полковником А.Г. Бакичем, а части В.О. Каппеля, которому были приданы батальон 4-го чехословацкого полка и сотня уральских казаков, обеспечили успех дела, совершив ночной обход города и неожиданным ударом сбив противника с позиций в районе станций Заборовка, Кувай-Ключ¹². Красные были отброшены за ст. Инза, но занять её не удалось: «ибо сюда уже подходили подкрепления, вызванные большевиками ещё до падения Сызрани. Кроме того, удерживать станцию небольшими силами против противника, наступавшего с двух сторон, было не под силу, так как надо было применить свои силы для других, более важных, задач»¹³, – констатировали в самарском Главном штабе.

В Сызрани Каппель осуществил первые мероприятия по развертыванию отряда, к 15 июля насчитывавшего около 1200 бойцов¹⁴, а также разработал план наступления на Симбирск, потерю которого командующий красным Восточным фронтом И.И. Вацетис связывал с неминуемым поражением советской власти¹⁵. В составе отряда имелись легкая, гаубичная и конная батареи.

Во время 4-хдневного рейда Каппеля к Симбирску, произведенного почти без отдыха, войска преодолели около 140 вёрст. Пехота была

посажена на телеги. Чтобы обеспечить внезапность, отряд обходил войска противника, не вступая с ними в бой; он «продвигался на Тереньгу, Ясашную Ташлу, не обращая внимания ни направо, ни налево»¹⁶. В одном из этих пунктов разведчиками была захвачена телефонная станция красных. С её помощью осуществлялись меры по дезинформации врага¹⁷.

Одновременно со стороны Бугульмы на Симбирск двигались 2 батальона 1-го чехословацкого стрелкового Яна Гуса полка под командованием русского капитана А.П. Степанова. С востока красные и ждали противника, и лишь 21 июля, в день штурма, получили сведения, что с юга на Симбирск движутся колонны каппелевцев¹⁸. Штурм начался вечером. Часть отряда была направлена к юго-западу от Симбирска для захвата и разрушения железной дороги, с тем, чтобы закрыть противнику отход на Инзу. Красные были прижаты к р. Свяге, многие разбежались, другие были уничтожены. Утром войска В.О. Каппеля вступили в Симбирск. При штурме по городу сделали лишь несколько артиллерийских выстрелов, не повлекших жертв и разрушений: целью обстрела было вызвать смятение в рядах противника и предупредить жителей о наступлении белых¹⁹.

Результатом занятия Симбирска стал контроль над важной мостовой переправой через Волгу, а также обладание правым берегом реки с расположенными на нем городами Симбирском и Сенгилеем. В распоряжение Комуча попал симбирский патронный завод и другие производственные предприятия.

Г.К. Акинтьевский, анализируя проведённую операцию, подытоживал: «Что же касается действий Каппеля, то, по смелости их и тщательности подготовки и исполнения, они прямо замечательны. Решив игнорировать (как и при наступлении на Новодевичье) остававшийся у него на фланге отряд Гая, он держит все свои силы в кулаке, ограничиваясь лишь разведкой»²⁰.

Попытки отбросить противника от Симбирска удались лишь частично. Красные сосредоточивали свои войска в районе станций Майна, Вешкайма и Чуфарово. Вскоре из-за утомленности частей, сменить которые было некем, В.О. Каппель приказал испортить железнодорожные пути с обеих сторон от ст. Выры и юго-западнее ст. Охотничья и вернул войска в Симбирск²¹.

Следующей успешной операцией с участием В.О. Каппеля стало взятие Казани. Рейд на Казань под общим командованием капитана А.П. Степанова (во избежание ухода чехословацких войск, самарский штаб номинально подчинял их командирам офицеров Народной армии) первоначально предусматривался как демонстративные действия, однако находившийся при штабе В.О. Каппеля член Комуча полковник В.И. Лебедев, вместе с А.П. Степановым начали разрабатывать план штурма Казани, вслед за осуществлением которого предполагалось развить молниеносное наступление на Нижний Новгород и Москву. Инициаторы операции действовали вопреки мнению Главного штаба, планировавшего наступление в Саратовском направлении. Им крайне необходимо было получить согласие В.О. Каппеля.

Узнав о замыслах своих соратников, В.О. Каппель, после раздумья, поддержал их²², так как не мог не понимать, что в Гражданской войне единственным путем к успеху является активная наступательная тактика. Главному штабу он обосновывал необходимость взятия Казани следующими аргументами: «в настоящее время в Казани нас ждут, и потому все местные организации готовы выступить и очевидно готовят это выступление. Отменой операции создаётся совершенно невозможное положение для наших союзников в Казани, и они потеряют всякую веру в нас, не говоря о тех жертвах, которые они могут понести. Необходимо отметить то значение, которое имеет занятие Казани, и отмена произведёт самое скверное впечатление, скажу даже, деморализующее, на наши войска. Заняв же Казань, мы получим солидную живую силу, громадную материальную часть, тыл на восток и связь с Сибирью»²³.

Операция по взятию Казани, проведение которой Главный штаб всё же запретил, состоялась лишь благодаря тому, что В.О. Каппель дал согласие исполнять приказы А.П. Степанова «в этом направлении»²⁴. Планы её проведения совместно разрабатывались во время плавания по Волге.

По прибытии к Казани конница В.О. Каппеля была направлена для взятия станции Свияжск на правом берегу Волги (впоследствии выяснилось, что она не смогла выполнить своей задачи). В.О. Каппель лично командовал основными

силами своего отряда, высадившимися на рассвете 6 августа на левом берегу южнее Казани и осуществившими дальний обход красных с востока. Подполковник избрал для совершения манёвра направление, оказавшееся полностью неожиданным для противника²⁵. Благодаря этому части В.О. Каппеля быстро продвинулись к центру города, но ночью из-за несогласованности с чехословаками были вынуждены отступить, чтобы наутро вновь вернуться в город²⁶.

Казань была взята 7 августа 1918 г. после ожесточенных боев. Как известно, она предоставила победителям огромное количество военного и интендантского имущества, а также половину золотого запаса республики, который использовался для продолжения борьбы с большевиками в 1919 г. «Трофеи не поддаются подсчету», – сообщал в Самару В.О. Каппель²⁷. Потери отряда при взятии Казани, как и в ходе других операций июля – начала августа 1918 г., были небольшими (25 человек).

В последовавшие за тем дни В.О. Каппель планировал провести две военные акции: первую – по очищению правого берега Волги от войск противника, овладению Романовским (Свияжским) мостом и прекращению сообщений через него с центральной Россией, и вторую – по упрочению позиций белых по р. Каме до г. Чистополя включительно. Каппель считал: «пока Кама и в частности город Чистополь не будут ликвидированы, до тех пор линия Симбирск – Бугульма будет под ударами. Это то же самое, что было со Ставрополем, пока держался Мелекес и Симбирск»²⁸.

Однако в то время как шли бои в окрестностях Казани, под Симбирском развивалось наступление 1-й Красной армии М.Н. Тухачевского. Положение белых здесь было критическим. Против свыше 7 тыс. штыков и сабель красных в Симбирске имелось лишь около 3,5 тыс. штыков и сабель²⁹. 12 августа левый фланг красных достиг ближайших окрестностей города у Арской слободы.

Уже 8-го августа отряд В.О. Каппеля получил приказ срочно отправиться к Симбирску и вечером начал погрузку на пароходы. Прибыв в город, подполковник объединил силы нескольких формирований и 13 августа начал операцию, – как он сам сообщал в Самару, «с целью нанести решительный удар красным»³⁰. В его распоряжении находились двигавшийся со стороны Казани

отряд капитана Попова, сводный отряд из чехословацких подразделений под командованием поручика Гассаль и Самарская бригада.

Главный удар был нанесен 13 августа с севера по левому флангу красных. Была полностью разгромлена советская Курская бригада, причём в боях погибли и командующий бригадой, и оба командира полков³¹. Одновременно с этим ударом конница Каппеля с севера зашла в тыл противника и подорвала железнодорожный мост у разъезда Выры.

Решающее сражение, поставившее точку во всей операции под Симбирском, произошло 17 августа. Главный штаб получил от В.О. Каппеля обстоятельный доклад о результатах операции. «17 августа после пятидневного упорного боя с превосходными силами противника наши доблестные войска окончательно сломали его сопротивление, нанеся на нашем правом фланге в направлении на ст. Выры и Майна мощный удар. Действовавший Самарский отряд под командой капитана Бузкова и чешская группа поручика Гассаль всё время вели энергичное и стремительное наступление и решили исход боя. Поведение всех войск, несмотря на крайне тяжёлые условия боя, было выше всякой похвалы. Считаю необходимым отметить, что в этом бою нашим войскам пришлось иметь дело с организованными, численно превосходными частями противника, состоящими из Симбирской дивизии с приданной ей советской бригадой. Таким образом, 17 августа удар, занесённый противником над Симбирском, был окончательно ликвидирован»³².

К 18 августа в районе Симбирска красные отступили по всему фронту. По донесению в Самару начальника разведывательного отделения штаба войск, действовавших в Симбирском районе, капитана И.Ф. Ромерова, их отход совершался в полном беспорядке, при огромных потерях и массе брошенных трупов; раненые добивались озлобленными крестьянами, а построение противника было «в высшей степени» подавленным³³. После непродолжительного преследования, по приказу В.О. Каппеля, войска, сильно утомленные вследствие продолжительных непрерывных боев, были оттянуты к городу для отдыха.

Длительное сражение, развернувшееся 14-18 августа, завершилось победой над советскими войсками, которые были оттеснены от Симбир-

ска, но не уничтожены. Кризис был устранён лишь благодаря мастерству В.О. Каппеля, что осознавали и большевики. «Только благодаря глубокому обходу нашего левого фланга, белые отстояли временно Симбирск...»³⁴. Таким образом, талант В.О. Каппеля на некоторое время нейтрализовал остроту проблемы, неуклонно надвигавшейся на правительство Комуча. Поведение войск противника в этих боях вынудило военачальника сообщить самарскому командованию, что он «впервые почувствовал перед собой силу, которая выполняет приказы командования и маневрирует»³⁵, и предупредить: новый удар красных следует ожидать не позднее, чем через 2 недели.

19 августа В.О. Каппель получил телеграмму о своём назначении командующим объединяемой Симбирско-Казанской группой войск. К этому времени напряженная военная обстановка сложилась под Казанью. Операция по очищению от красных правого берега Волги, занятию ст. Свияжск и Свияжского моста не достигла успеха. Советские войска, имея численное превосходство, вели наступление по обоим берегам реки. Развернулись ожесточённые бои, обескровливавшие казанскую группировку белых. Они происходили не только на суше, но и в пределах волжской акватории, между пароходами красной и белой флотилий. А.П. Степанов непрерывно присылал В.О. Каппелю призывы о помощи.

Для поддержки казанской группы, а более всего – для нанесения красным решающего удара В.О. Каппель спланировал рискованный рейд по тылам противника. «Сущность Каппелевской экспедиции заключалась в том, что его отряд должен был выйти в тыл большевикам, найдя их на правом берегу Волги под Казанью, прервать у Тюрлемы железную дорогу и взорвать железнодорожный мост через Волгу, чем войска левого берега большевиков отделялись от войск правого берега. Затем Каппель должен был уничтожить правобережные войска большевиков»³⁶.

Для совершения рейда части Самарской бригады и Симбирского гарнизона были пополнены и объединены в Сводную бригаду. В распоряжении Каппеля имелось около 2 тыс. пехоты при 12 орудиях и 2-х эскадронах конницы³⁷. 25 августа отряд на пароходах отправился к Казани.

После высадки на пристанях Ташевка и Шаланга (к югу от Казани), которая состоялась 27 августа, войска несколькими колоннами двинулись на северо-запад, к станции Свяжжск. В походе части отряда потеряли между собой связь, из-за чего, прибыв к Свяжжску к вечеру 28 августа, Каппель в решающий момент остерегся осуществить ночную атаку на станцию, на которой, как затем выяснилось, находились под малочисленной охраной штабы командования Правобережной группы красных и самого народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. Бездействие В.О. Каппеля было вызвано не только несогласованностью частей отряда, разбредшихся среди множества одноименных, повторяемых в русском и татарском вариантах, деревень (например, Русское Бурнашево и Татарское Бурнашево, и т.п.), но и другими причинами: недостаточностью разведывательных данных о противнике, впрочем, дававших понять, что в тылу и на флангах отряда находятся войска красных, несущие угрозу; оставанием обоза из-за испортившейся погоды и, наконец, наличием в войсках значительного количества недавно мобилизованных, мало обученных новобранцев.

Позднее советские деятели указывали, какую решающую роль в ходе Гражданской войны мог бы сыграть ночной удар полковника В.О. Каппеля на Свяжжск. «Если бы Каппелю тогда удалось взять Свяжжск, разгромить штаб и захватить мост через Волгу, наша право-бережная группа была бы окончательно разгромлена и рассеяна, а лево-бережная, в лучшем случае, рассеялась бы по лесам. Путь на Нижний был бы открыт, а там уже недалеко и до Москвы. Республика оказалась бы перед ещё большими трудностями, чем под Казанью»³⁸.

Благодаря энергичным и жестким действиям Л.Д. Троцкого (им впервые была проведена децимация³⁹ Петроградского полка), красные быстро организовали контрудар; на помощь подошли моряки и рабочие-коммунисты⁴⁰. В ожесточенном бою, состоявшемся 29 августа, части полковника В.О. Каппеля понесли серьезные потери и отступили.

Исследуя боевые действия под Казанью в августе – сентябре 1918 г., советские военные специалисты констатировали, что на стороне их противника были «организация управления и

оперативное искусство, смелость решений, техника распоряжений, маневренность в действиях, квалифицированные тактически подготовленные бойцы, блестящий маневр...»⁴¹. Белые объясняли неудачу операции под Свяжжском целым рядом причин, в том числе чрезмерной сложностью плана, потерей связи между частями отряда, малой опытностью и безынициативностью некоторых командиров, отсутствием поддержки со стороны казанских и чехословацких частей⁴² и т.д. Сам В.О. Каппель говорил о необученности и нестойкости мобилизованных пополнений; вместе с тем, он осознал, что «красные уже не столь панически настроены, чтобы бежать при одной угрозе, а поэтому считал, что такого глубокого обхода делать не следовало»⁴³. Его войска впервые понесли тяжелые потери (только ранеными – более 400 человек)⁴⁴.

Впоследствии отряд с боями отступил к месту своей высадки, где продолжал оказывать отпор красным, несмотря на доклад В.О. Каппеля командованию, что его «бригада почти потеряла свою боеспособность»⁴⁵. Полковник готовился по прибытии подкреплений из Симбирска и Самары осуществить удар в помощь войскам А.П. Степанова, которые теряли одну позицию за другой и сдали противнику находившийся напротив Казани на правом берегу Волги, расположенный на командных высотах Верхний Услон. Отсюда красные 7 сентября открыли артиллерийский обстрел города.

Однако в эти дни вновь наметилось ухудшение ситуации в Симбирском районе, чем окончательно была решена участь Казани. В.О. Каппель и большинство войск, прибывших к городу для его обороны, начиная с 10 сентября, на пароходах направлялись в Симбирск. Вскоре, из-за приобретения противником господства в акватории Волги, им пришлось высадиться в Тетюшах и продолжить путь походным порядком⁴⁶.

Войска Симбирского района не смогли удержать город до прибытия подкреплений. Когда В.О. Каппель привёл свои отряды к Симбирску, части белых покидали город. «Прибыв в Симбирск, он увидел, что положение его безнадежно, и что нужно выводить войска на левый берег Волги и там организовать оборону»⁴⁷. Артиллерия В.О. Каппеля, расположенная на противоположном берегу Волги, начала обстрел пристани с целью прикрытия эвакуации из Симбирска. 12 сентября

1918 г. город был занят частями 1-й Красной армии. После взятия города красные повели наступление в трёх направлениях: к северу – на Буинск, на юг – вниз по течению реки, и в восточном направлении – по левому берегу Волги.

В.О. Каппель свёл части Самарской бригады и Симбирского гарнизона в составе Сводного корпуса под своим командованием. Несмотря на чрезвычайное утомление войск, численное и огневое превосходство противника, перебои в снабжении и хаос на путях эвакуации, 23 сентября ему удалось нанести серьезное поражение переправившимся на левый берег советским войскам, отбросив их к Симбирску. Удар был произведен по левому флангу Симбирской «Железной» дивизии Г.Д. Гая. При этом, по свидетельству самого В.О. Каппеля, Московский, Курский, Орловский и Рабоче-крестьянский полки красных понесли большие потери и были «почти уничтожены»⁴⁸. Не вызывает сомнений, что лишь благодаря мастерству В.О. Каппеля красные были отброшены на правый берег Волги и вновь потерпели поражение.

Однако в целом на Поволжском фронте Красная армия добилась к этому этапу войны впечатляющих значительных успехов, на юге заняв Хвалынский, на севере – Чистополь и Спасск, выходя во фланг действовавшей на железной дороге Симбирск – Уфа группе В.О. Каппеля⁴⁹. В ночь на 24 сентября из-под Казани на пароходах прибыли части 5-й Красной армии. Вскоре к северу, югу и западу от войск В.О. Каппеля на волжских пристанях были высажены части 1-й и 5-й Красных армий, которые не только стали теснить противника с фронта, но и начали окружать его одновременно с обоих флангов и тыла⁵⁰.

В.О. Каппель знал о намечающемся охвате его частей красными. Однако с севера на сближение с ним отступали формирования от оставленной белыми 10 сентября Казани, от Чистополя и Спасска. В.О. Каппелю приходилось как можно дольше сдерживать противника, чтобы части из казанского района смогли благополучно выйти на Волго-Бугульминскую железную дорогу. «Эта задача и была выполнена полковником Каппелем, несмотря на тяжёлую обстановку: скверная погода, упадок духа, несогласие с чеха-

ми, неналаженность снабжения продовольствием»⁵¹. Постепенно окружаемый противником со всех сторон и взятый в кольцо, В.О. Каппель целенаправленно выжидал, оставаясь на месте и успокаивая подчиненных, подававших ему панические донесения. Наконец, 28 сентября 5-й Курский советский полк занял в тылу Сводного корпуса станцию Бряндино, таким образом, почти завершив его окружение.

По результатам боёв в последние дни сентября 1918 г. советские историки констатировали, что «контрнаступление противника было отбито, правобережная группа 5-й армии вышла на железнодорожную линию Симбирск – Уфа, соединилась с Симбирской дивизией и начала преследование отступающего противника»⁵². Однако уничтожить войска В.О. Каппеля красным не удалось; они прорвали кольцо окружения и с боями вышли на восток, соединившись с частями, отступившими от Казани. Так закончился «волжский» период борьбы каппелевцев и начался медленный отход обескровленных, утомленных частей к Уфе, продолжавшийся в тяжелейших оборонительных боях до начала нового 1919 года.

Волжские походы войск Народной армии под командованием В.О. Каппеля положили начало всероссийской славе этого незаурядного военачальника белых. Именно в этих боях и походах были осуществлены крупнейшие победы на Поволжском фронте Комуча, произведены самые важные завоевания, предоставившие антисоветским силам огромные материальные ресурсы. В.О. Каппель неоднократно исправлял ухудшавшуюся военную обстановку: почти не имея передышки, он выезжал со своим отрядом, как своеобразной «пожарной командой», на угрожаемые участки фронта. В период поражений на фронте он сдерживал противника, не давая ему захватить врасплох соседние части, обеспечивая эвакуацию военного имущества и материальных ценностей, госпиталей и мирных беженцев. Не по вине В.О. Каппеля случилось так, что за лето 1918 г. самарское правительство и военное командование не смогли совершить для достижения победы главного: сформировать массовую боеспособную армию и привлечь на свою сторону население Поволжья и Европейской России.

¹ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГА РФ). Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 5об.

² См. напр.: Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: НП «Посев», 2008. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 231–232.

- ³ Рождественский С. Генерал В.О. Каппель // Там же. С. 190.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 8.
- ⁵ Там же. Л. 13.
- ⁶ С-кий Д. Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. М.: Литературно-издательский отдел Политуправления РВСР, 1920. С. 111.
- ⁷ Термин «советские войска» широко применялся в годы Гражданской войны в документах как советских, так и боровшихся с большевиками гражданских и военных властей, несмотря на то, что официальное название «Советская армия» было введено лишь в 1946 г.
- ⁸ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига: Изд-во М. Дидковского, 1930. С. 247.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 17, 14–15; Лебедев В.И. От Петрограда до Казани // Воля России: Журнал политики и культуры. Прага, 1928. № 8–9. С. 112.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 17.
- ¹¹ Еленевский А. Лето на Волге (1918 г.) // 1918 год на Востоке России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 136–137.
- ¹² Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф. 39458. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 20.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.
- ¹⁵ Докладная записка командования Восточного фронта В.И. Ленину и Я.М. Свердлову об оказании срочной помощи Симбирску и Екатеринбург // Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969. С. 102.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 30.
- ¹⁷ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков (Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири). Нью-Йорк: Издательство «Народоправство», 1919. С. 31.
- ¹⁸ Гавронский А. Очерки гражданской войны на фронте 1 армии // Годовщина Первой революционной ... С. 57.
- ¹⁹ Николаев С.Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. Прага, 1928. № X–XI. С. 122.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 32.
- ²¹ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 12. Л. 20об.
- ²² Петров П.П. Роковые годы. Калифорния: [б.и.], 1965. С. 103.
- ²³ Цит. по: Лебедев В.И. От Петрограда до Казани... С. 144–145.
- ²⁴ Там же. С. 139.
- ²⁵ Герман (Тихомирнов) Т. Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредиловской интервенции в 1918 г. № 1. Казань: Издание Комбината Издательства Печати, 1924. С. 92.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 38
- ²⁷ Цит. по: Каппель и каппелевцы... С. 139.
- ²⁸ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 7. Л. 108.
- ²⁹ Попов Ф.Г. За власть Советов. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1959. С. 157.
- ³⁰ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 7. Л. 106.
- ³¹ Гай Г.Д. В боях за Симбирск (Краткий очерк гражданской войны в губернии). Ульяновск: Истпартотдел Ульяновского Окружкома ВКП(б), 1928. С. 22.
- ³² РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 8. Л. 89–89об.
- ³³ Там же. Л. 93.
- ³⁴ Гавронский А. Указ. соч. С. 59.
- ³⁵ Петров П.П. Роковые годы... С. 111–112.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 51.
- ³⁷ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 3. Л. 174.

- ³⁸ Гусев С.И. *Гражданская война и Красная армия*. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 17.
- ³⁹ Децимация – казнь каждого десятого. Применялась в Древнем Риме и некоторых других государствах в качестве наказания за совершение массовых воинских и некоторых других преступлений. В русском уголовном законодательстве существовала в XVIII в. Нашла применение в войсках противников во время Гражданской войны в России.
- ⁴⁰ Колбин И.Н. *Борьба за Волгу и Каму в 1918 г.* М.-Л.: Молодая гвардия, 1931. С. 18.
- ⁴¹ Подгорецкий К. *Борьба за Казань. Август–сентябрь 1918 г.* // Сборник трудов Военно-научного общества (ВНО) при военной академии. Кн. 3. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. С. 39.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 15об.
- ⁴³ Петров П.П. *От Волги до Тихого океана ...* С. 42.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.
- ⁴⁶ Вырыпаев В.О. *Указ. соч.* С. 274.
- ⁴⁷ Петров П.П. *От Волги до Тихого океана...* С. 43.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 3. Л. 202.
- ⁴⁹ Зайцов А.А. *1918: Очерки по истории русской Гражданской войны*. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. С. 313.
- ⁵⁰ Попов Ф.Г. *Указ. соч.* С. 164.
- ⁵¹ Петров П.П. *От Волги до Тихого океана...* С. 43.
- ⁵² *Гражданская война в Поволжье. 1918–1920* / И.И. Минц [и др.]. Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. С. 103.

*Андрей Александрович Михайлов,
Россия, Санкт-Петербург, Научно-
исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил РФ научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-западного региона РФ),
доктор исторических наук, доцент*

*Вадим Викторович Михайлов,
Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
Государственный университет аэрокосмического
приборостроения, профессор кафедры истории и
философии доктор исторических наук*

Крах планов командования Северо-Западной армии по захвату Петрограда в 1919 г. (по материалам архивов России и Эстонии)

Судьба белой Северо-Западной армии, предпринявшей в 1919 г. безуспешное наступление на Петроград, по праву может быть отнесена к наиболее значимым и драматическим эпизодам Гражданской войны в России. Традиционно, отечественная и зарубежная историография рассматривала антисоветское движение на Северо-западе страны как второстепенное, в сравнении с действиями белых армий на Юге и Востоке России. Однако Северо-запад обладал своей спецификой и, прежде всего, по точному определению видного исследователя проблемы А.В. Смолина, он «имел не только внутрироссийское, но и международное геополитическое значение»¹. В этом регионе тесно переплетались интересы Советской России, Антанты, Германии, а также молодых государств, возникших на руинах Российской империи: Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии.

Сегодня события Гражданской войны на Северо-западе России имеют весьма обширную историографию. В Советской России первые работы

о них стали появляться еще до окончания борьбы. Как правило, создавали их непосредственные участники событий, которые описывали то, чему сами стали свидетелями². Целый ряд работ, также созданных участниками борьбы, был опубликован в середине – конце 1920-х гг.³

В целом, следует, видимо, согласиться с современным исследователем А.Н. Чистиковым, который отметил, что в 1920-е гг. «был заложен фундамент для дальнейшего изучения проблемы»⁴. В этот период борьба на Северо-западе также активно освещалась в эмигрантской научной, мемуарной, политической литературе.

В 1930–1950-е гг. в советской науке интерес к данной проблеме несколько снизился, но все же публикация исследований продолжалась⁵. Ряд важных для историографии Гражданской войны на Северо-западе России работ вышел в 1960–1970-е гг.⁶ В целом историки советского периода обобщили обширный фактический материал по истории Белого движения на Северо-западе, хотя оценки их были всецело подчинены офи-

циальным идеологическим установкам. В частности, оценивая причины поражения белых и победы Красной армии, авторы в качестве важнейших факторов называли деятельность большевистской партии и поддержку их со стороны широких слоев рабочих и крестьян⁷.

В то же время, уже в ранних публикациях советские историки указывали на большие неурядицы в организации белой Северо-Западной армии (а также предшествовавших ей формирований). Важнейшим в их трудах был также тезис о значительной роли в событиях фактора иностранной (в первую очередь – британской) интервенции, причем очень часто авторы акцентировали внимание на стремлении интервентов использовать Белое движение в собственных интересах.

В 1990-е гг. начался новый этап в отечественной историографии Гражданской войны в целом и Белого движения на Северо-западе России, в частности. Для него характерны, во-первых, отказ от обязательных прежде идеологических догм, а, во-вторых, открывшийся доступ к многочисленным не использовавшимся ранее источникам, как архивным, так и опубликованным за рубежом. Заметными, важными для историографии явлениями стали коллективная монография «Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.)»⁸ и фундаментальное исследование А.В. Смолина «Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.)»⁹. Достаточно высоким остается интерес к проблеме и в начале XXI века. Идет, например, активная публикация воспоминаний участников Белого движения¹⁰. Значителен сегодня стал диапазон оценок, особенно в литературе, носящей историко-публицистический характер (ярким примером является работа, безусловно, апологетических по отношению к Белому движению¹¹). Важно отметить также появление работ, освещающих историографические и источниковедческие аспекты проблемы¹².

Интерес к истории Гражданской войны на Северо-западе России проявляют также современные зарубежные историки. Среди относительно недавних публикаций стоит назвать работы немецкого исследователя К. Брюггемана¹³ и эстонского историка Р. Розенталя. Монография второго из названных ученых «Северо-Западная армия: хроника побед и поражений» была опубликована как на эстонском языке, так и, несколькими годами позже, на русском¹⁴. Р. Розен-

таль очень скрупулезно проработал материалы эстонских архивов, но материалы российских архивов он не использовал вовсе.

Однако, несмотря на обширную историографию, многие аспекты истории Белого движения на Северо-западе страны, в том числе, действий Северо-Западной армии в 1919 г., остаются мало изученными, а значительная часть архивных материалов либо вовсе не введена в научный оборот, либо использована недостаточно полно.

Нуждается в более глубоком анализе, например, проблема обеспечения Северо-Западной армии во время ее похода на Петроград. Успехи и неудачи в пополнении армии личным составом, снабжении оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием и др., часто определяли решения командования, как оперативного-тактического, так и политического характера. Надежды белогвардейцев на то, что союзники России по Антанте будут обеспечивать их всем необходимым, не оправдались, а соперничество в получении помощи между командованиями Северо-Западной и Эстонской армий служило постоянным источником конфликтов.

Вопрос о взаимоотношениях Северо-Западной армии с эстонским военным и политическим руководством вообще относится к числу дискуссионных и требующих дополнительного изучения. Многие современные российские авторы солидаризируются с теми русскими белогвардейцами-мемуаристами, которые обвиняли эстонских политиков и военных в национальном эгоизме, враждебности к русским вообще и, даже, в предательстве «общего» дела борьбы с большевизмом. Напротив, эстонские авторы, стремятся затушевать имевшиеся противоречия, представить действия правительства Эстонии, как вполне рациональные и не направленные против союзников.

Для выяснения многих аспектов истории похода армии Н.Н. Юденича на Петроград представляется чрезвычайно важным сопоставление документов, сохранившихся в различных архивах России и Прибалтийских государств, в том числе в Государственном архиве Эстонии.

Многочисленные и разнообразные материалы для решения данных проблем сдержатся в Российском государственном военном архиве (РГВА) и прежде всего в фонде штаба Северо-Западной армии (Ф. 40298). Хотя к его материалам обращались многие исследователи, значительная часть

документов не проанализирована до сих пор. Среди отечественных архивов, содержащих богатые материалы о Гражданской войне на Северо-западе России, следует назвать также Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Материалы о деятельности местных советских органов по организации сопротивления наступавшей Белой армии, а также о жизни и настроениях населения на территориях, охваченных войной, о «красных» и «белых» мобилизациях содержатся в региональных архивах, например, в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Государственном архиве новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), Государственном архиве Псковской области (ГАПО).

Вместе значительный интерес представляют документы Государственного архива Эстонии (ГАЭ) (Eesti Riigiarhiiv, ERA). Правда, специализированный фонд по истории Северо-Западной армии в нем невелик по объему. Это фонд Ревельского тылового этапа (Ф. 2557), который содержит всего 28 единиц хранения. Однако отдельные документы встречаются также и в других фондах, связанных, прежде всего, с Эстонской армией. Среди них деловые письма и телеграммы генералов Н.Н. Юденича, А.П. Родзянко главнокомандующему эстонской армией Й. Лайдонеру и другим эстонским высшим должностным лицам. Стоит также отметить, что в ГАЭ сохранился интереснейший документ – выписки из дневника Н.Н. Юденича, охватывающие, правда, очень краткий (9–16 сентября 1919 г.), но важный период, когда шла подготовка осеннего наступления белых сил¹⁵.

Белая Северо-Западная армия, как известно, была сформирована в начале июля 1919 г., на основе Северной армии, которая, в свою очередь, выросла из Северного корпуса, начавшего еще в мае, совместно с эстонскими войсками, наступление на Петроград. Главкомандующим Северной, а затем и Северо-Западной армией состоял генерал-майор А.П. Родзянко. Однако, в начале июля Верховный правитель А.В. Колчак назначил главнокомандующим войсками на Северо-Западном фронте Н.Н. Юденича, подчинив ему Родзянко. Отношения между двумя генералами, как и следовало ожидать, были далеко не идеальными.

Первоначально весенне-летнее наступление белых развивалось успешно. Однако уже в конце июля их положение стало очень сложным. Яркую картину проблем, которые испытывала Северо-Западная армия, показывает отчет по инспекционной поездке 2–16 августа 1919 г. в Лужский и Гдовский уезды, которую совершил подпоручик Е. Буре. В своем рапорте начальнику Петроградской губернии он отмечал: «Проехав по фронту от ст. Струги-Белыя¹⁶ до Сяберского озера¹⁷, нашел линию обороны крайне ненадежной, посты отделены друг от друга расстоянием 8–12 верст <...> Такая крайне жидкая линия обороны понятно не может действовать успокоительно на местное население, которое постоянно находится в тревоге как за свою собственную жизнь, так и за свои посевы, последний ресурс к существованию. Прибавить к этому еще недовольство, наблюдаемое в войсковых частях, выражающееся в ропоте на неплатеж содержания, неаккуратную доставку продуктов, на почти полное отсутствие обмундирования и сапог и открытые угрозы, что при неполучении всего вышеприведенного, при наступлении холодного времени, разойтись или перейти на сторону противника»¹⁸.

Данные сведения Буре подтверждаются свидетельством эстонских контрразведчиков, которые в середине июля 1919 г. сообщали своему командованию, что переходы солдат Северо-Западной армии на сторону красных стали довольно частым явлением. В качестве причин этого эстонцы называли: земельную политику Белого правительства, задержки с выплатой жалования и нехватку табака. Интересно также замечание контрразведчиков, что солдаты хвалят порядки, действовавшие при Керенском¹⁹.

Эстонские контрразведчики отмечали, что политика белых по земельному вопросу, в т.ч. закрепление за помещиками земель, принадлежавших им до 1917 г., вызывала раздражение, даже, у некоторых офицеров. В качестве примера упомянут капитан (позже – полковник) А.Д. Данилов²⁰, который, стоит отметить, сам происходил из крестьян Псковской губернии²¹.

Существенной проблемой считал Буре разведывательную и агитационную деятельность противника. «Ко всем этим неурядицам, – писал он, – надо прибавить массу агитаторов и шпионов, прямо кишящих в прифронтовой полосе. Их сравнительная безнаказанность придает им хра-

броси, и надо отдать им справедливость, красные превосходно осведомлены о каждой малейшей перемене, происходящей у нас»²².

Значительные сложности возникали также в отношениях между белыми военными и местным населением, особенно, в тыловых районах. Недовольство крестьян, по мнению Буре, часто не было беспричинным. «Самоуправство наших частей и лиц, следующих по разным казенным надобностям, – сообщал Буре, – непомерно велико: случаи краж, неплатежа за продукты, отобрание без всяких расписок хорошей лошади и оставление худой казенной <...> вселяет обоснованное возмущение»²³.

При этом, поручик подчеркивал, что население прифронтовых районов относится к белым лояльнее, чем в тылу, особенно, если оно пострадало от красных. Буре считал вполне возможным создание из крестьян, настроенных против большевиков, «самооборонческих местных дружин» и, одновременно, указывал: «Неодобрение прифронтового населения вызвал приказ Штаба Армии о разоружении партизанских организаций, в которые вошло все озлобленное большевиками население...»²⁴.

Буре предлагал также некоторые меры по оказанию местному населению материальной помощи, причем некоторые из его рекомендаций довольно оригинальны. Так, он считал желательным снабжать крестьян «хотя бы в самой минимальной дозе, спиртом», дабы они не расходовали зерно на самогонование²⁵.

Особое внимание уделено в рапорте Буре проблеме отбора в состав местной администрации квалифицированных, знающих специалистов. «Необходимо, – указывал он, – на местные административные части назначать лиц, имевших сношение с деревней, т.к. многие из административных чиновников совсем не подготовлены к работе в деревне и не могут уяснить себе ее нужды»²⁶. Выполнить рекомендацию, в силу сложившегося у белых кадрового голода, было непросто.

Еще одной сложной проблемой для командования Северо-Западной армии стали отношения между русскими белогвардейцами и эстонскими военнослужащими. В высшем руководстве белого движения было очень много лиц, категорически не принимавших идеи независимости Прибалтийских республик, равно, как и многие эстонские, латвийские, литовские политики ис-

пытывали сильнейшее недоверие к любым российским вооруженным формированиям²⁷.

Значительная часть эстонских солдат полагала, что борьба с большевиками после победы над ними в Эстонии завершена, и сражаться на территории России не желала. Данный факт отмечало и эстонское командование²⁸, и информаторы штаба Северо-Западной армии²⁹, и, позже, мемуаристы³⁰. Подогревала ситуацию также конкуренция между эстонцами и русскими белогвардейцами из-за боеприпасов и оружия, поставляемых странами Антанты.

На официальном уровне взаимное неприятие сочеталось с декларациями о важности совместной борьбы с большевизмом. На низовом уровне нередким явлением стали открытые столкновения, подчас весьма жестокие. Сведения о таковых часто встречаются и в отечественных, и в эстонских документах, а также в мемуарной литературе. Ярким примером тому могут служить события 10–11 июля 1919 г. в г. Нарве, где сначала произошла стычка между эстонскими и русскими военными, а затем ингерманландские и эстонские солдаты большой группой напали на офицера Северо-Западной армии и сорвали с него знаки различия. В итоге, не перенеся оскорбления, русский офицер застрелился³¹. В связи с этим инцидентом последовал протест русского командования³². Сохранились в эстонских документах сведения и о других конфликтах, преимущественно, в Нарве и Пскове. Стоит подчеркнуть, что и эстонское, и русское белое командование неоднократно издавали распоряжения, призванные удерживать подчиненных от конфликтов³³.

Р. Розенталь приводит в своей книге запись телеграфных переговоров между эстонским главнокомандующим Й. Лайдонером и его подчиненным, командиром 2-й дивизии В. Пускармом, датированное 25 июля 1919 г. Лайдонер признает, что отношения между эстонскими военными и русскими белогвардейцами крайне обострились, сделав практически невозможными совместные действия. При этом, в числе виновников ситуации называет эстонских политиков и прессу³⁴.

В этой непростой для Северо-Западной армии ситуации, в начале августа 1919 г. красные предприняли наступление и смогли значительно потеснить белых. 28 августа Красная армия без боя заняла Псков. Незадолго до этого (23 августа), по инициативе Н.Н. Юденича была пред-

принята попытка ареста «атамана» С.Н. Булак-Балаховича, который командовал войсками, занимавшими город.

Булак-Балахович был типичным представителем «партизанщины» и уже поэтому не пользовался симпатией большей части офицерства Северо-Западной армии. В Первую мировую войну он командовал эскадронам в партизанском отряде поручика Л.Н. Пунина, после революционных событий 1917 г. некоторое время служил в Красной армии, но в ноябре 1918 г. перешел с большей частью подчиненного ему отряда на сторону белых³⁵. Во время весенне-летнего наступления белых на Петроград, Псков был 25 мая 1919 г. занят силами эстонской 2-й дивизии. Эстонское командование и передало город под административное управление Булак-Балаховича.

Советские и многие современные российские историки отмечали, что эстонские военные власти, при содействии Булак-Балаховича, организовали активный вывоз из Пскова различных ценностей (прежде всего льна). Не оспаривает этого факта и эстонский исследователь Р. Розенталя³⁶. В Пскове С. Булак-Балахович установил режим жестокого террора. Многие мемуаристы из числа участников белого движения впоследствии ярко описывали чинимые батькой и его отрядом бесчинства, грабежи, даже, фальшивомонетчество³⁷.

Однако, еще наиболее весомой причиной для устранения Балаховича были его сепаратистские планы создания, при поддержке Эстонии, некоей автономной области с центром в Пскове³⁸ и разрыва с командованием Северо-Западной армии. С позиции сегодняшнего дня подобные замыслы могут показаться фантастическими, но современниками, в условиях Гражданской войны, они расценивались вполне серьезно. Сомнения в этом не оставляют, в частности, сохранившиеся в ГАЭ распоряжения помощника командира эстонской 2-й дивизии полковника З. Пиндинга (в прошлом – офицера российской Пограничной стражи) о формировании «Псковского народного войска». В этом распоряжении Пиндинг выражал уверенность в приобретении Псковскими землями независимости и их включении в «защитный пояс» Эстонии³⁹.

Оказавшись перед угрозой ареста, Булак-Балахович нашел укрытие в расположении штаба 5-го эстонского полка. По воспоминаниям руководившего акцией по смещению и аресту ата-

мана полковника Б.С. Пермикина, командиры стоявших у Пскова 2-й эстонской дивизии и дивизиона бронепоездов⁴⁰ требовали, чтобы он увел свой отряд из города, при этом командир бронепоездов угрожал начать обстрел города⁴¹. Далее Пермикин сообщает, что ему удалось избежать конфликта, но каким образом, не поясняет.

Вечером 25 августа эстонские войска начали отход от Пскова, к пос. Изборск. А.В. Смолин в своей монографии указывает, что главной причиной этого стал рост антивоенных настроений среди эстонских солдат⁴². По мнению, Р. Розенталя, эстонские войска были вполне боеспособны и отходили лишь «под нажимом» Красной армии⁴³.

Так или иначе, Н.Н. Юденич, после того, как эстонцы покинули позиции под Псковом, счел оборону города невозможной. Отступая, белые готовились нанести красным новый удар. Но среди потенциальных союзников по антибольшевистской борьбе и, даже, среди недавних соратников нередко возникали противоречия и вражда. 10 сентября 1919 г. Н.Н. Юденич отметил в дневнике, что ходят слухи о подготовке С.Н. Булак-Балаховичем против него переворота, причем в заговоре участвуют видные эстонские офицеры: В. Пускар, В. Озол⁴⁴. Сведения эти были небезосновательны. По данным Р. Розенталя, в ГАЭ сохранились приказы, которые Булак-Балахович намеревался обнародовать, в случае вступления в командование Северо-Западной армией. В них, в частности, предусматривалось удаление из армии офицеров, известных шовинистскими и (или) пронемецкими убеждениями, переформирование Северо-Западного правительства⁴⁵. Однако заговор провалился. Балаховичу, который имел под своим началом отряд примерно в 300 чел., не удалось пробиться в Нарву, причем путь ему преградил эстонский бронепоезд, который послал командир 1-й дивизии А. Тыниссон.

К концу сентября 1919 г. завершилась подготовка наступательной операции Северо-Западной армии, получившей наименование «Белый меч». Позже, уже после провала наступления, Юденич в послании Колчаку отмечал, что операция носила отчасти вынужденный характер. «Сложившаяся к концу сентября политическая обстановка, – писал он, – ненадежность тыла, состояние которого вследствие враждебного отношения эстонцев, с каждым днем ухудшалась, необходимость сорвать мирные переговоры

Балтийских государств с большевиками, настоячивые требования Англии, необходимость пополнения армии, таявшей в непрерывных боях, отсутствие зимней одежды, – заставили меня начать в октябре наступление на Петроград»⁴⁶.

Предполагалось сначала нанести отвлекающий удар в направлении Псков – Струги Белые, а затем – главный удар по линии Ямбург – Гатчина. К активности белых подталкивало явно наметившееся стремление Эстонии вступить в мирные переговоры с Советской Россией.

В ходе подготовки к наступлению Северо-Западная армия получила достаточно значительную помощь от стран Антанты боеприпасами, вооружением. Среди прочего, от Британии были получены 6 танков Mk V. Качество поставленного, однако, далеко не всегда было высоким. Для пополнения личного состава Н.Н. Юденич провел в ряде районов мобилизацию. Интенсивно шло реформирование частей⁴⁷.

Эстонский главнокомандующий Лайдонер согласился оказать белым содействие, но в довольно ограниченных масштабах. Эстонские войска должны были действовать на флангах, связывая силы красных.

28 сентября группировка белых, как и планировалось, начала наступление к Стругам Белым. Вскоре после этого генерал А.П. Родзянко, имевший затянувшийся конфликт с Юденичем, оставил командование армией, и последний принял должность на себя⁴⁸.

10 октября белые перешли в наступление на главном направлении – петроградском. Вскоре им удалось добиться значительных успехов. Командование противостоявшей войскам Юденича 7-й армии ошибочно оценило обстановку, ожидая, прежде всего, удара на Псков. 11 октября сводный отряд полковника А. Хомутова атаковал и занял Ямбург. 16 октября белые заняли Гатчину, из которой красные части эвакуировались, 20 октября, после упорного боя, – Царское Село.

В условиях успешного наступления белых Й. Лайдонер уже 7 октября отдал приказ 2-й дивизии начать наступление на Псковском направлении. Наступление было предпринято, но оказалось не слишком успешным. Не увенчалось также успехом наступление эстонцев на форт Красная Горка, с которым был связан неприятный для белых инцидент во время весенне-летнего наступления 1919 г.

Сопrotивление красных, однако, стремительно нарастало. Командование РККА интенсивно подтягивало подкрепления и смогло создать численный перевес над своим противником. Между тем, у Северо-Западной армии возникало немало проблем. Большие трудности возникли с организацией тыла и снабжением наступавших войск. Значительная часть крестьян вела себя по отношению к белым враждебно. Кроме того, Н.Н. Юденичу и его штабу далеко не всегда удавалось добиться точного исполнения приказов от собственных подчиненных. Весьма показательным в этом отношении стало поведение командира 3-й дивизии генерал-майора Д.Р. Ветренко, который самовольно вместо наступления на железнодорожную станцию Тосно, двинулся на г. Павловск.

Чрезвычайно тяжелые для похода армии Юденича последствия имели действия командующего сформированной в Прибалтике Западной армией П.Р. Бермондта-Авалова. В начале октября 1919 г. он, вместо поддержки Северо-Западной армии, развернул наступление на Ригу. Юденич, не желавший конфликта с Латвией и, особенно, с поддерживавшими ее странами Антанты, объявил Бермондта изменником. Западная армия под Ригой потерпела жестокое поражение, причем боевые действия против нее вели не только латвийские войска, но англо-французская эскадра. Командование РККА, в результате этих событий, получило возможность перебросить часть войск из Восточной Латвии к Петрограду.

21 октября 1919 г. красная 7-я армия перешла в контр наступление. Начались ожесточенные бои, которые шли с переменным успехом. 30 октября вперед двинулись части 15-й красной армии. Белым пришлось отступить. 3 ноября части Северо-Западной армии покинули Гатчину и стали отходить на ямбургские и гдовские позиции. Но удержаться на новых рубежах тоже не удалось. 7 ноября части 15-й армии заняли Гдов, 14 ноября 7-я армия овладела Ямбургом.

Среди солдат эстонских частей в этих условиях довольно распространенным явлением стали отказы выступать на позиции и сражаться на стороне русских белогвардейцев. При этом, командиры явно, держались разных позиций в отношении необходимости помогать «русским союзникам». Например, командовавший военно-морскими силами Эстонии контр-адмирал Й. Питка считал, что эстонцам следует защищать

свои собственные интересы. 4 ноября он рекомендовал командовавшему группой эстонских войск в Ингерманландии полковнику А. Сейману глубокий отход на линию Копорье – Керново. Командующий эстонской 1-й дивизией А. Тыниссон 5 ноября сообщил Лайдонеру, что распоряжение Питки вызвало в Северо-Западной армии «озлобление» против эстонцев⁴⁹. Лайдонер в тот же день приказал Тыниссону действовать «в контакте» с Северо-Западной армией. Тыниссон, в свою очередь, потребовал от Сеймана, поставить силы его отряда в одну линию с частями армии Юденича. Пользы эти распоряжения принесли немного, так как эстонские солдаты сражаться «за русских» не желали (в лучшем случае, они соглашались вести оборонительный бой)⁵⁰.

Отход Северо-Западной армии обернулся настоящей трагедией. Уже 7 ноября Н.Н. Юденич просил у Лайдонера разрешения на эвакуацию тыловых учреждений и беженцев на западный берег р. Нарвы. Лайдонер ответил, что относительно беженцев следует договариваться с правительством Эстонии, а относительно медицинских учреждений соответствующее распоряжение уже отдано командиру 1-й дивизии А. Тыниссону⁵¹. Днем раньше, 6 ноября, Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, которое разрешало красноармейским частям вступить на территорию Эстонии для завершения разгрома белых, если эстонское правительство откроет им границу. Эстонское правительство, в сложившейся ситуации, приняло решение о разоружении Северо-Западной армии и переговорах с Советской Россией о перемирии.

В начале декабря 1919 г. сложилась парадоксальная ситуация. Как свидетельствуют документы штаба Северо-Западной армии, ее части, находившиеся на фронте, продолжали вести боевые действия против красных, а отходившие в Эстонию разоружались⁵².

Судьба русских беженцев и военнослужащих Северо-Западной армии у границ Эстонии и на ее территории получила чрезвычайно яркое отражение в мемуарной литературе. Воспоминания бе-

логвардейцев и членов их семей просто переполнены картинами жестокого обращения с ними эстонских властей, бессердечия чиновников, грубости солдат, страшных эпидемий в госпиталях и лагерях, принуждения к тяжелому физическому труду и др. Многие из этих горьких свидетельств подтверждаются архивными материалами. Так генерал А. Тыниссон в середине ноября выделил для размещения военнослужащих Северо-Западной армии и их семей ненаселенный лесистый район, где порекомендовал им строить землянки (в середине ноября!)⁵³. Чрезвычайно тяжелым испытанием стала для бывших «северо-западников» разразившаяся среди них эпидемия тифа⁵⁴.

При этом, русские часто связывали трагедию с равнодушием эстонских властей⁵⁵, а эстонские должностные лица заявляли о хаосе и отсутствии порядка среди русских⁵⁶. Кстати, современные эстонские историки, как правило, стараются смягчить данные о положении русских военнослужащих и беженцев и, не отрицая выпавших на их долю тяжелых испытаний, акцентируют внимание на том, что определенные меры для помощи им принимались и на нехватке ресурсов в самой Эстонии.

Тяжкие испытания ускорили распад армии, который сопровождался также не прекращавшейся борьбой в высшем командном составе (одним из ее эпизодов стала попытка ареста сдавшего командование Н.Н. Юденича Булак-Балаховичем). Окончательная ликвидация Северо-Западной армии завершилась в начале 1920 г.

Крах похода Северо-Западной армии на Петроград, ее поражение и трагическая судьба диктовалась многочисленными причинами, но не последнее место среди них занимают отсутствие поддержки со стороны широких слоев населения (прежде всего крестьянства), противоречия с эстонскими союзниками, раздоры и интриги в высшем командном составе. Все это, разумеется, никоим образом не отменяет героизма и мужества многих солдат и офицеров Северо-Западной армии, сражавшихся за то, что они считали благом для Отчизны.

¹ Смолин А.В. *Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.)*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 439 с.

² *Борьба за Петроград. 15 октября – 6 ноября 1919 г. Сборник статей, воспоминаний и материалов*. Пг.: Государственное издательство, 1920. 320 с.

³ Какурин Н.Е. *Борьба за Петроград в 1919 году*. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. 69 с.; Надежный Д.Н. *На подступах к Петрограду летом 1919 г.* М.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. 167 с.; Корнатовский Н.А. *Борьба за красный Петроград (1919)*. М.: Издательство «Красной газеты», 1929. 540 с.

- ⁴ Шишкин В.А. (ред.), Мусаев В.И., Рупасов А.И., Смолин А.В. и др. *Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.)*. СПб.: Наука, 1995. 395 с.
- ⁵ Караев Г.Г. *Борьба за красный Петроград (1919 г.)*. М.: Воениздат, 1938. 88 с.; Он же. *Разгром Юденича в 1919 году*. М.: Воениздат, 1940. 236 с.
- ⁶ Пухов А.С. *Балтийский флот на защите Петроград (1919)*. М.: Воениздат, 1958. 207 с.; Он же. *Петроград не сдавать! Коммунисты во главе обороны Петрограда в 1919 г.* М.: Соцэкгиз, 1960. 450 с.; Полетаев О.А., Нугис А.Я. *Огненные годы*. Таллин: «Ээсти рааматэ», 1974. 100 с.
- ⁷ Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л.: Издательство «Красная газета», 1927. С. 7.
- ⁸ Шишкин В.А. (ред.), Мусаев В.И., Рупасов А.И., Смолин А.В. и др. *Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.)*. СПб.: Наука, 1995. 395 с.
- ⁹ Смолин А.В. *Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.)*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 439 с.
- ¹⁰ Родзянко А.П. *Воспоминания о Северо-Западной армии*. М.: Икар, 2000. 228 с.; *Белая борьба на Северо-Западе России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С.В. Волкова*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 687 с.; Пилкин В.К. *В белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918–1920 гг.* М.: Русский путь, 2005. 640 с.; Пермикин Б.С. *Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг.* М.: ПОСЕВ, 2011, 284 с.; Реджи. *Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике*. М.: Кучково поле, 2015. 320 с. и др. публикации.
- ¹¹ Зирин С.Г. *Голгофа Северо-Западной армии 1919–1920 гг.: венок памяти соотечественникам*. СПб.: ООО «БЕРЕСТА», 2011. 208 с.
- ¹² Мажара П.Ю. *Мемуары и дневники чинов Северо-Западной армии как исторический источник // Историография и источниковедение отечественной истории: Сборник научных статей. Вып. 6*. СПб.: «Нестор-история», 2011. С. 336–352.
- ¹³ Brüggeman K. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rusland». Die Petrograder Front des Rüssischen Bürgerkrieges. 1918–1920*. Wiesbaden, 2002. 515 s.; Брюггеман К. *Эстония и Петроградский фронт Гражданской войны в 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 2007. № 5*. С. 17–32.
- ¹⁴ Rosenthal Reigo. *Loodearmee*. Tallinn: ARGO, 2006. 719 lk.; Розенталь Р. *Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений*. Таллин: ARGO, 2012. 704 с.
- ¹⁵ ГАЭ. Ф. 2124. Оп. 3. Д. 294.
- ¹⁶ *Ныне поселок городского типа Красные Струги Псковской области. Находится примерно в 68 км к северо-востоку от Пскова*.
- ¹⁷ *Сяберское озеро (озеро Сяберо) – ныне на территории Лужского района Ленинградской области*.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ¹⁹ ГАЭ. Ф. 495. Оп. 10. Д. 52. Л. 133–134.
- ²⁰ ГАЭ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 633. Л. 157; Розенталь Р. *Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений*. Таллин: ARGO, 2012. С. 245.
- ²¹ См.: Бойков В. *Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920)*. Таллинн, 2009. С. 110–111.
- ²² Там же. Л. 1–1об.
- ²³ Там же. Л. 1.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 2.
- ²⁷ Смолин А.В. *Указ. соч.* С. 163.
- ²⁸ ГАЭ. Ф. 495. Оп. 10. Д. 86. Л. 669–670.
- ²⁹ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 32.
- ³⁰ *Участник событий, Н. Вреден вспоминал: «Пока война с большевиками велась на эстонской территории, русских белогвардейцев приветствовали как военных союзников. Но едва красных выдворили за пределы страны, а белые перешли в наступление, настроения в эстонском обществе изменились. Эстонские солдаты не желали рисковать жизнями ради свержения советской власти в России. Они довольствовались завоеванной независимостью, устали от войны и хотели, чтобы их оставили в покое». (Николай Реден [Вреден Н.Р.] Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 202.*

- ³¹ Розенталь Р. Указ. соч. С. 249.
- ³² Смолин А.В. Указ. соч. С. 163.
- ³³ ГАЭ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 146. Л. 7; Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 7; Розенталь Р. Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений. Таллин: ARGO, 2012. С. 250–251.
- ³⁴ Розенталь Р. Указ. соч. С. 329.
- ³⁵ Подробно см.: Симонова Т. Я зеленый генерал // Родина. 1997. № 11. С. 36–41.
- ³⁶ Розенталь Р. Северо-Западная армия. Хроника побед и поражений. Таллин: ARGO, 2012. С. 159–160
- ³⁷ Гершельман А. В рядах Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 383–384; Горн В. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л.: Издательство «Красная газета», 1927. С. 12–33; Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М.: Кучково поле, 2015. С. 61–63.
- ³⁸ Один из авторов данного плана, Н.Н.Иванов, позже, утверждал в мемуарах, что борьба тесный союз с Эстонией был более перспективен для борьбы с большевиками, чем действия под началом «реакционных генералов». См.: Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л.: Издательство «Красная газета», 1927. С. 249.
- ³⁹ ГАЭ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 146. Л. 7.
- ⁴⁰ Б.С. Пермикин фамилий эстонских командиров не называет. 2-й дивизией в то время, как указывалось выше, командовал полковник В. Пускар, дивизионом бронепоездов – Карл Партс. Оба они до 1917 г. были офицерами российской императорской армии.
- ⁴¹ Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. М.: ПОСЕВ, 2011. С. 64.
- ⁴² Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. С. 313–314.
- ⁴³ Розенталь Р. Указ. соч. С. 353–354.
- ⁴⁴ ГАЭ. Ф. 2124. Оп. 3. Д. 294. Л. 3–4.
- ⁴⁵ ГАЭ. Ф. 3582. Оп. 1. Д. 22.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 265.
- ⁴⁷ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 289–293.
- ⁴⁸ Смолин А.В. Указ. соч. С. 354; Розенталь Р. Указ. соч. С. 397–398.
- ⁴⁹ ГАЭ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 633. Л. 274.
- ⁵⁰ ГАЭ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 30. Л. 68, 69; Розенталь Р. Указ. соч. С. 514–515.
- ⁵¹ ГАЭ. Ф. 495. Оп. 10. Д. 96. Л. 220; Розенталь Р. Указ. соч. С. 519.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 273.
- ⁵³ ГАЭ. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 558. Л. 362.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 309. Л. 22об., 24об.
- ⁵⁵ См.: Смолин А.В. Указ. соч. С. 398.
- ⁵⁶ ГАЭ. Ф. 495. Оп. 10. Д. 32. Л. 213.

*Андрей Игоревич Чиликин,
Россия, Тамбов, Тамбовское областное
государственное бюджетное учреждение
культуры «Тамбовский областной
краеведческий музей», директор*

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920-1921 гг.)

В 1792–1803 гг. на северо-западе Франции, в департаменте Вандея, происходило мощное восстание крестьян (их называли шуанами) под роялистскими (монархическими) лозунгами против революционных режимов Французской республики.

По аналогии с этим восстанием в Тамбовском областном краеведческом музее названа выставка, посвященная «Антоновщине». Тамбовские крестьяне также выступали против насильственных революционных преобразований, проводимых партией большевиков в деревне. Был у нас и аналог легендарного вождя шуанов Жоржа Кадудаля (1771–1804) – Александр Степанович Антонов (1889–1922), возглавлявший Главный оперативный штаб повстанцев и, по существу, осуществлявший общее руководство восстанием. Интересен тот факт, что оба крестьянских лидера прожили одинаковый жизненный срок – по 33 года.

«Антоновщина» явилась крупнейшим в новейшей истории России антигосударственным выступлением крестьян. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. не имело аналогов в российской истории ни по уровню организованности, ни по глубине проникновения в крестьянскую толщу

политических лозунгов, отразивших во многом осознанный протест против революционной диктатуры в деревне.

Во главе движения встали известные в крестьянской среде революционеры, избравшие близкие бунтарскому духу крестьян способы борьбы через боевые дружины и партизанские отряды (А.С. Антонов, И.Е. Ишин, Г.Н. Плужников, П.М. Токмаков и др.).

Повстанцы, насчитывавшие до 50 тысяч крестьян, объединённых в единую партизанскую армию Тамбовского края, в 1920–1921 гг. контролировали значительную территорию губернии. В трёх уездах: Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском – Советская власть временами удерживала лишь крупные города. Это был настоящий «русский бунт» – кровавый и беспощадный. Однако отнюдь не бессмысленный. На этот раз, в отличие от крестьянских войн прошлого, восставшие выдвигали относительно цельную программу действий. Конечной целью она предусматривала свержение диктатуры партии большевиков, «доведших страну до нищеты, гибели и позора» и установление в России демократической республики. На лозунги программы восставших заметное влияние оказала эсеровская

идеология, хотя современная историческая наука отвергает традиционную версию о непосредственной организации «антоновщины» эсерами: ни общероссийское, ни губернское руководство Партии социалистов – революционеров (ПСР) не были прямо причастны к восстанию и официально отмежевались от него.

Основными причинами выступления можно выделить следующие:

1) введение всеобщей продразверстки и засуха 1920 г. Если остановиться на этой проблеме, то следует отметить, что размер продразверстки по годам был следующий 1918 г – 9 млн. пудов хлеба, 1919 г. – 12,3 млн. 1920 г. – 11,5 млн. пудов (или 188,37 млн. кг). Потребности в хлебе для Тамбовской губернии в 1919 г. составил 64 млн. пудов, около 20 млн. необходимо было оставить на посевную будущего года, 44 млн. шло на потребление, таким образом, продразверстка 1919 г., было обременительной, но о голодной смерти не приходилось говорить. Прогнозы на 1920 г. были такими же радужными: планировалось удовлетворить потребности губернии в размере 62 млн., но засуха изменила все планы, собрали всего 32 млн. пудов и, таким образом, на потребление должно было остаться 12 млн., это практически составляло весь размер продразверстки, при чем основная нагрузка, ложилась на три уезда Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский (46%) с населением около 500 тыс. человек.

2) массовое уклонение от службы в Красной Армии. Основная масса населения – это крестьянство, которая отказывалась служить, по официальным данным на 1 января 1920 г., девять десятых всего военнообязанного населения губернии официально числилась в дезертирах, а это колоссальная цифра в 250 тысяч человек. В августе 1920 г. в губернии действовало 12 отрядов по борьбе с дезертирством, Только за один месяц было поймано 554 человека и добровольно явилось 50 957 человек.

3) совхозно-колхозное движение, 72 000 десятин отошли под совхозы и к 1920 г. образовано почти 150 совхозов. В.А. Антонов-Овсеевко в своем докладе отмечал, что «отношение к совхозам (через них и к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное.

Столь же враждебное отношение встречают в большинстве случаев и усердно насаждающие-

ся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамбовская губерния идет впереди других».

Активные действия начались 19 августа 1920 г. с нападения на продотряды в селах Туголуково и Афанасьевка Кирсановского уезда. Первыми вооружёнными столкновения с отрядами Красной армии руководил Александр Васильевич Чекалов, 24 августа, прознав о событиях под Каменкой, в Александровском совхозе появляется Александр Степанович Антонов, который пытается выяснить причины выступления. 25 августа, разобравшись в происшедшем, Антонов уводит с собой повстанцев и 30 августа начинаются полномасштабные военные действия под его предводительством.

Только 2 сентября Губчека Тамбовской губернии понимает, что это не отдельные вылазки, которые до этого были, а это уже организованная борьба и создает Военный Совет при Губчека. Первым председателем этого совета назначен Федор Константинович Траскович. А 9 сентября создан Штаб Военного Совета во главе с Юрием Юрьевичем Апломом.

Ю.Ю. Аплом является сторонником жестких мер по отношению к крестьянству, 18 сентября полностью сожжена деревня Золотовка за пособничество бандитам. В тот же день происходит сражение у деревни Афанасьевка, первое столкновение Красной армии и армии А.С. Антонова. Потери красных составили 160 человек, антоновцев – до 500 и на следующий день командующий издает приказ о ликвидации восстания.

А 22 сентября А.С. Антонов начинает крупномасштабные действия. В.И. Ленин узнает, о захвате 2 рот, 400 винтовок и 4 пулеметов. Из плановых 220 тыс. пудов хлеба, собрано всего 25 тысяч.

Начинается постоянная смена командующих. 6 октября назначается Владимир Иванович Благонадеждин, который докладывает Ф.Э. Держинскому о подавлении восстания. 25 октября назначается новый командующий Константин Владимирович Редзько, который пытается не применять массовых устрашающих мероприятий. 14 ноября в Моисеево-Алабушке происходит собрание командиров отдельных повстанческих отрядов на котором принято заявление о создании «Партизанской армии Тамбовского края», избирается Главный оперативный штаб

из пяти членов в составе: Александр Степанович Антонов, Александр Васильевич Богуславский, Иван Архипович Губарев, Петр Михайлович Токмаков и некий Митрофанович. Начинаются энергичные действия Партизанской армии. Для выяснения обстоятельств 26 декабря в Тамбов прибывает начальник войск военизированной охраны ВЧК при СНК РСФСР Корнев Василий Степанович. 30 декабря 1920 г. временно назначается новый командующий Скудре О.А. Корнев и Скудре оперативно разобрались в причинах возникновения «антоновщины» и предложили ряд мер из 9 параграфов. А 31 декабря 1920 г. Скудре О.А. передает все полномочия командующего Александру Васильевичу Павлову.

18 января 1921 г. произошло разделение прежде единой Партизанской армии Тамбовского края на две самостоятельные в оперативном отношении армии. 1-я армия состояла из 10 номерных полков, командующим армии был назначен Дмитрий Михайлович Егорчев. 2-я армия состояла из 4 полков, командующим назначен Петр Михайлович Токмаков. Были введены знаки различия и полковые знамена. Кроме того принят «Временный устав наказаний, подсудных армейским судам» – своего рода антоновский уголовный кодекс, который состоял из 37 параграфов-статей, предусматривающий 3 вида наказаний: выговор, плети (от 8 до 50) и расстрел. Шестнадцать статей содержали вид наказания в виде расстрела.

Всех пленных восставшие разделяли на три категории: комиссары-коммунисты, командиры и рядовые бойцы. Первая категория не допрашивалась, их смерть была мучительной, вторая категория долгий допрос и быстрая смерть, К третьей категории чаще всего применялся допрос, а потом им читалась лекция «о внутреннем положении», а в дальнейшем или отпускались. При этом выдавалась справка с указанием, времени нахождения в плену или поощрялся переход на сторону антоновцев.

В особую группу выделяли пленных «интернационалистов» – латышей, венгров, китайцев и др. Таким участникам событий на Тамбовщине антоновские суды выносили исключительно смертные приговоры с припиской «... и за вмешательство во внутренние дела России».

По оценкам штаба А.С. Павлова 80% Борисоглебского уезда симпатизировало антоновцам.

Весь январь 1921 г. на мятежной Тамбовщине шли ожесточенные бои. Причем наступательной стороной чаще всего были антоновцы. В том же январе в Правительстве РСФСР впервые серьезно начали говорить о замене продразверстки продналогом.

Вечером 14 февраля 1921 г. на встречу с В.И. Лениным в Кремль пришли пять тамбовских крестьян – пленных антоновцев: В.П. Бочаров, И.А. Кобзев, И.Г. Милосердов, Ф.Я. Панфилов, М.Е. Соломатин. Два бедняка, два середняка и один кулак, вернувшись на Тамбовщину после разговора с В.И. Лениным, они стали «ярыми защитниками Советской власти».

В феврале в Москве будет создана «Полномочная комиссия ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии». 16 февраля наделенный чрезвычайными полномочиями председатель комиссии Владимир Александрович Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, который на месте сформировал Полномочную комиссию из 5 человек.

Сильным ударом для повстанцев стало объявление комиссией двухнедельной явки с повинной, за три недели с 21 марта по 12 апреля явку с повинной принесли около семи тысяч человек.

21 апреля 1921 г. В.И. Ленин встречается в Кремле с М.Н. Тухачевским, командующим войсками Западного фронта и с глазу на глаз два часа обсуждает проблему безотлагательной и быстрой ликвидации антоновщины. 6 мая 1921 г. Михаил Николаевич Тухачевский официально вступил в должность командующего войсками по подавлению мятежа на Тамбовщине.

Практически через неделю, уже 12 мая Тухачевский издает свой знаменитый приказ № 130, постановления «О высылке семей и конфискации имущества бандитов», правил «О взятии заложников». На основании этих трех документов в Тамбове, Борисоглебске, Кирсанове, Козлове, Сампуре и Инжавино начинается спешное строительство концентрационных лагерей, рассчитанных на прием в общей сложности 15 тысячи человек. 1 мая на станцию Моршанск прибывает отборная бригада Г.И. Котовского.

2 июня 1921 г. у деревни Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии будут окружены и разбиты полки, которыми будет руководить Антонов, В этом бою антоновцы потеряли более 500 человек, Сам Антонов чудом спасся, получив

небольшое ранение по касательной в голову. 25 июня 1921 г., собрав остаток своих полков, вместо двух армий, Антонов А.С. создает «Единую партизанскую армию Тамбовского края». Армия в основном существовала на бумаге, в основном действовала партизанскими методами, отдельными отрядами. 20 июля практически был положен конец существованию армии, Г.И. Котовский провел военно-чекистскую операцию, разгромив последний боеспособный отряд И.С. Матюхина.

Несмотря на практически осуществленное подавление восстания, когда существуют только отдельные небольшие группы восставших (отрядами назвать их практически не возможно), у многих из них нет командования, когда не существует общего командования, за подписями В.А. Антонова-Овсеенко, М.Н. Тухачевского, А.С. Лаврова и Б.А. Васильева издается жуткий приказ № 171, практически объявляя территорию оккупированной, где применяются самые жестокие меры подавления. 12 июня появляется не менее известный бесчеловечный приказ № 0116 о применении ядовитых газов. К счастью, в связи с тем, что отравляющие газы это относительно новое оружие, требующее определенной подготовки, наличия специалистов и погодных условий, применение данного приказа оказалось не эффективным.

По оценкам командования на 15 июля в лесах пряталось около 1200 человек. Держать на разоренной Тамбовщине 120-тысячную армию становится бессмысленным, и начинается вывод войск. 16 июля Тухаческий М.Н. докладывает В.И. Ленину о фактически подавлении восстания. В августе 1921 г. командующий уезжает из Тамбовской губернии, передав все свои полномочия новому командующему Михаилу Карловичу Левандовскому.

Из руководителей восстания в живых осталось трое: Иван Кузнецов, Семен Шамов и Александр Антонов. 24 июня 1922 г. будет организована операция по поимке А.С. Антонова. К этому времени он был не способным сопротивляться и организовывать какие либо действия, так был болен малярией и во время одного из столкновений получил ранение в правую руку, которая без медицинской помощи практически атрофировалась. В деревне Нижней Шибряй Борисоглебского уезда (ныне Уваровский район Тамбовской области) погибли братья Александр и Дмитрий Антоновы, их трупы будут привезены в Тамбов, где будут выставлены на всеобщее обозрение на территории Казанского мужского монастыря. Тем самым была поставлена точка в событиях, которые сегодня мы называем «Антоновщина».

*Алексей Михайлович Цыбулька,
Россия, Санкт-Петербург, Военный институт
(Железнодорожных войск и Военных сообщений)
Военной академии материально-технического
обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва,
доцент кафедры боевой, мобилизационной
подготовки и безопасности военной службы,
кандидат философских наук, доцент.*

О новых историко-аксиологических и социально-конфликтологических подходах в освещении Гражданской войны в России

Гражданские войны по многим историческим источникам начались в 133 году до н. э. Первая кровь пролилась в центре Рима, хотя самой войны в том году не было. Тиберий Гракх предложил передать плебеям отобранные земли у самых богатых граждан. Он утверждал, что не только богачи должны владеть землей, но и все римляне. Он говорил, что только тот римлянин, у которого есть земля, может быть воином. «Скоро некому будет защищать Рим!» – восклицал Гракх. Сенаторы были напуганы замыслами народного трибуна. Он решал все вопросы в Народном собрании и не советовался с сенатом. И на следующий год Тиберий Гракх хотел стать народным трибуном. Но сенаторы пустили слух, что Гракх требует себе царскую корону. Когда он пришел на Форум, Гракх и его друзья были убиты, потому что враги напали на него.

Гай Гракх, брат Тиберия, через десять лет продолжил его дело. Он стал раздавать земли беднякам и принял хлебный закон. Хлеб для бедняков благодаря заботе государства был в десять

раз дешевле, чем он стоил на рынке. Чтобы дать возможность беднякам заработать деньги Гай Гракх предложил начать широкое строительство дорог по всей Италии. Всем итальянцам он предложил предоставить права римского гражданства. Но римляне не хотели делиться своими правами. У Гракха появлялось все больше врагов. Его сторонники, боясь за свою жизнь, ходили по улицам Рима с оружием в руках. В Риме сенатом было объявлено чрезвычайное положение, а консулу поручили навести порядок в городе. В результате в Риме началось настоящее сражение, в котором Гай Гракх и 3 тысячи его сторонников были убиты.

В 2016 г. исполняется 99 лет начала Гражданской войны в России. Уроки гражданских войн не теряют актуальности даже и для благополучных стран.

Монархия была свергнута в России в конце февраля – начале марта 1917 г. Организаторов Февральской революции носили на руках, будущее рисовалось в самом радужном свете.

Гражданская война в России – крупнейшая драма XX столетия, начавшаяся в ноябре 1917 г. и закончившаяся в середине 1922 г. Этот промежуток времени включал в себя культуру зарождавшейся советской социально-политической системы и ее лидеров. К середине 1922 г., по мнению многих историков, военные действия закончились.

Тема Гражданской войны в исторической и художественной литературе, статьях, брошюрах, художественных кинолентах и документальных публикациях, в театре, на телевидении, в песенном творчестве занимает особое место.

Для эмигрантов и России писались научные труды, воспоминания, в честь героев Белого движения слагались оды. В борьбе с большевиками воспевались их преданность долгу, отвага, верность Родине.

В изучении Гражданской войны и со стороны победителей и со стороны побежденных допускались искажения, тенденциозность, что было естественным и неизбежным.

Главным недостатком в советской историографии было не отсутствие работ по данной тематике и не недостаточная база исторических источников по проблеме, а то, что это была литература, освещавшая события Гражданской войны только с позиции победителей. Оценки конкретных военных операций и реальные факты, которые характеризовали различные военные операции, в расчет не брались, если не подтверждали правильность той концепции Гражданской войны, которая была одобрена и санкционирована на высшем партийно-государственном уровне. При таком подходе, естественно, что Белое движение и его лидеры из числа генералов и адмиралов царской армии, квалифицировались как сила антипатриотическая и антинародная, как прислужники международного империализма.

С другой стороны, ряд современных авторов нередко исследовали Белое движение, непомерно восхваляя и чрезмерно героизируя отдельных его лидеров. Это не было полной правдой в освещении событий Гражданской войны, также как и сведение ее к цепи непрерывных побед красных полководцев.

Условия Брестского мира были унижительными для России, что явилось одной из причин начала Гражданской войны. Национализация всей

земли и конфискация имущества и средств производства не только у крупной буржуазии, но и у средних и мелких частных собственников стало второй причиной Гражданской войны. Буржуазия, напуганная размахом национализации промышленности, хотела вернуть фабрики и заводы. На распределение товаров и продуктов была установлена государственная монополия, а уничтожение товарных и денежных отношений сильно подорвали имущественное положение мелкой и средней буржуазии.

Таким образом, причиной начала Гражданской войны было стремление свергнутых классов сохранить свое привилегированное положение и частную собственность.

Третьей причиной начала Гражданской войны был красный террор в противовес террору белому и принявший массовый характер.

Четвертой причиной Гражданской войны была политика большевиков внутри страны, прежде всего в отношении интеллигенции и казачества.

Благодаря диктатуре пролетариата от большевиков отвернулись демократические общественные объединения и социалистические партии. Большевистское руководство уничтожало своих политических противников, что законодательно было закреплено в декретах «Об аресте вождей Гражданской войны против революции» (ноябрь 1917г.) и «О красном терроре». Ряд политических партий в лице анархистов, меньшевиков, правых и левых эсеров, отказались сотрудничать с новой властью и приняли участие в Гражданской войне.

Две крупные области исторических знаний – научных дисциплин: отечественная история и военная истории изучают Гражданскую войну в России. Каждая из них имеет своих специалистов и свои особенности исследования.

Огромный, в основе своей фактический, достоверный материал о главных событиях Гражданской войны содержится в «Очерках русской смуты» А.И.Деникина, которые в начале 1920-х гг. стали появляться в Берлине и Брюсселе, а в конце 1920-х гг. в России вышли отдельными выпусками некоторые главы из четвертого и пятого томов воспоминаний Деникина («Поход на Москву» и «Поход и смерть генерала Корнилова»).

Это произведение А.И.Деникина называли энциклопедией Гражданской войны. В них сохранились настроения, царившие в Белой армии,

сама работа проникнута стремлением осмыслить причины поражения Белого движения, судьбу России и русского офицера. Воспоминания Деникина стали предметом весьма острой полемики и дискуссий о сущности Гражданской войны в России, ее причинах и последствиях¹.

Военная история представляет собой составную часть всей системы военных знаний и военной науки. Президент Академии военных наук Российской Федерации доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, генерал армии М.А. Гареев считает, что военная история является частью военной науки в целом². С этим утверждением вполне можно согласиться. Военная наука, как и другие науки, непрерывно развивается. В последние 15–20 лет, отмечает М.А. Гареев, что природа войны и армии как сложного социально-политического общественного явления включена в сам комплекс военно-теоретических знаний, представляющий собой борьбу народов, государств, коалиций, а не только столкновение вооружённых сил³.

Оценки характера войн и дальнейшее изучение вопросов периодизации, форм и способов применения военной силы, их типизации стало важным направлением в развитии военной науки. В словаре оперативно-стратегических терминов, в военной энциклопедии разработаны данные положения. Категориально – понятийный аппарат современной военной науки изучается и военной историей.

Вместе с тем, военная история является частью общей социально-политической истории, ибо война, как считал К. Клаузевиц, является средством продолжением насильственной политики.

История России – это история постоянных противоречий народа и государства.

Национализация банков и основных промышленных объектов, раздача земли крестьянам, сепаратный мир с Германией – все эти события противоречили зарождающей Советской власти и стали вызовом буржуазному Западу.

Националисты и монархисты рассматривали меньшевиков, эсеров, либералов как основных виновников прихода к власти большевиков. Две авторитарные политические силы, способные противопоставить друг другу мощные армии сражались друг с другом. Поэтому, сторонники Учредительного собрания, в котором

преобладали эсеры, были сметены с исторической сцены.

Почему большевики, неготовые управлять огромной страной, победили в гражданской войне? Успех заключался в неспособности и на тот исторический период несостоятельности противников. Большевики, придя к власти, создали государство, правительство, гражданские учреждения и местные органы управления. Советская власть благодаря динамизму достижений большевиков быстро распространялась от центра к регионам.

Большевики быстро выстроили систему вертикали власти, имеющую в своём составе два основных элемента: чрезвычайный и постоянный. В состав чрезвычайной власти входили партийная иерархия от ЦК до ячейки, ревкомы, многофункциональные вооружённые отряды, в т.ч. партийные, комбеды. Постоянную составляющую власти представляли Конституция, съезды Советов и Советы разных уровней, их исполкомы, ВЦИК, народные суды. Механизм непрерывного обновления и очищения характерен был для чрезвычайной власти: чистки-перерегистрации и партийные вербовки, организация ревкомов. В обстановке разрухи формировались и набирали силу различные бандитские формирования, например, махновщина, действовавшая на Украине.

Многие исторические документы, в частности труды белых офицеров, написанные во время Гражданской войны и после неё, свидетельствовали о печальном положении дел в центральных и местных органах управления на занятых белыми территориях. Они не смогли убедить своих преданных в прошлом крестьян, в том, что у них есть какие-то альтернативные предложения. А их поражение в Октябре не было случайным.

Исследования историков, социологов, аксиологов Гражданской войны в России, направленные на изучение классов, национальностей, социального состава армии находились еще в зачаточном состоянии. Не только большевики, но и представители противоположного лагеря, особенно П.Н. Милюков и генерал А.И. Деникин, искали в социальных факторах, таких, как классовый состав противоборствующих сторон и страны в целом, причины побед и поражений в гражданской войне.

Бесценность изучения таких исторических событий имеет большое значение при условии, что они основываются на тщательных исследованиях. Две противоборствующие силы представляли собой определённые объединения – коалиции и не были однородны по классовому составу. У каждой стороны была вполне определенная основа (костяк), вокруг которой спланивались широкие слои населения, которые переходили с одной стороны на другую, порой колебались, возвращались или создавали собственный лагерь. Всё это свидетельствовало о том, что ряд событий гражданской войны были очень непредсказуемы для ее участников, а для нынешних историков и учёных иногда запутанными. Причем это относилось в одинаковой мере к обеим сторонам. Например, есть исторические факты, свидетельствующие о том, что были случаи, когда партизанские и военные соединения с комиссарами в своих рядах и красными знаменами в руках убивали коммунистов и переходили на сторону противника, либо какое-то время бездействовали, либо сражались в одиночестве⁴.

На стороне белых в отличие от Красной Армии, состоявшей преимущественно из бедного крестьянства и рабочих, воевали в основном представители бывших привилегированных классов, офицерства и богатого крестьянства. Кто из них смог выдвинуть и обосновать стратегию, которая обеспечила бы поддержку широких слоев городского населения и, особенно, мелкого крестьянства? В этом заключалась суть проблемы. Большевики в этом главном вопросе одержали верх. А белые, которые были сильнее в военном отношении, стали реализовывать политику принудительной мобилизации крестьянства, сразу же столкнувшись с трудностями. По словам Ленина, основные силы белых оказались растворенными в огромной крестьянской массе, что было для них гибелью⁵.

Немыслимые страдания, жестокость и разруху принесла народу Гражданская война. Она накаляла ситуацию в стране, и как следствие, в конце войны в каждой из сторон среди руководства наблюдались серьезные разногласия. Наблюдался распад социальных групп, классов, партий, т. е. нездоровое состояние всей социальной системы. Все эти негативные тенденции сказались и на партии большевиков. Белым в тот

период создать политическую партию, за которой пошли бы массы людей, создать не удалось. Церковь твердо была на стороне белых.

Временное правительство после ликвидации царского режима не смогло создать новое государство. В создании новой политической организации общества был открыт путь для всех социальных сил, ждавших своего часа и стремившихся проявить себя. Среди тех, кто мог создать новое государство, должна была появиться иная социально-политическая система. А для этого должна была появиться сила, способная сплотить все социальные слои общества. В истории России такая ситуация была и в начале XVII в., и в Смутное время,

В XX в. появились государство большевиков, Советская власть вначале совместно с движением народных масс, а затем независимо от менявшихся настроений сочувствующих, нейтральных или даже враждебных групп внутри этой массы. Новое государство создавалось в условиях распада общества и разваливавшейся экономики, в катастрофическое для всей страны время, когда общественное развитие во многом шло вспять.

Появился конфликтный механизм, который действовал в течение длительного времени и имел значительный ресурс. Этому явлению А.С. Ахиезер предлагал объяснение, заключающееся в том, что новую большевистскую власть можно было рассматривать как попытку на почве крайнего локализма избежать его крайних, опасных для самих локальных миров проявлений, соединив локализм с государственностью⁶. Он считал, что Ленин принципиально по-новому интерпретировал массовое сознание, которое могло стать непосредственной основой деятельности власти, направленной на решение главных задач. Страх оторваться от народа был движущей силой формирования ленинской политики. Утилитаризм, открывающий возможности постоянного манипулирования людьми был положен в основу ленинской идеологии, что открывало возможность соответствующим образом своевременно изменять интерпретацию, сохраняя иллюзию непогрешимости монолога власти в условиях циклического развития и смены массового господствующего идеала⁷. Речь шла о социальных силах, не способных в тот период интегрировать общество и о слабости всей системы воспроизводства общества. Единственным инте-

гратором в тот период становилась большевистская идеология как чрезвычайное средство для преодоления раскола.

В ходе Гражданской войны и среди красных, и среди белых наблюдались непонимание, ожесточение и даже расколы. Это было характерно и для самой большевистской партии, и для других сил, выступавших на ее стороне. В понятие «большевизм» каждый вкладывал свой смысл. Например, А. Грациози называл отношения между большевиками на Украине и революционным крестьянством большим недоразумением⁸. Известно, что крестьянам, которым дали землю и самостоятельность, противопоставляли большевиков. Ю. Фельштинский рассматривал раскол внутри страны как базу ленинской тактики. Ссылаясь на сюжет из доклада Луначарского в 1929 г., он отмечал, что уже в 1905 г. основной закон большевизма сформулировал Ленин, который впоследствии применялся Сталиным: когда есть угроза общего поражения – партии, революции, государства – всегда, пусть в самый неблагоприятный момент, даже когда наступает внешний враг, нужно, прежде всего, бить по врагу внутреннему, даже если этот внутренний враг – враг твоего врага⁹.

После 1917 г. состояние конфликтности в российском обществе было весьма высоко, часто оно искусственно провоцировалась властями, нагнеталось. Именно «сверху» навязывались идеи поиска врагов, ощущение враждебного окружения и т.п. Большевики, создав образ нового врага, не раз шли на откровенное обострение ситуации, чтобы приобрести и новых союзников за счет происходящей поляризации сил. Этот прием применялся и внутри страны, и во внешней политике, как в военные годы, так и в «мирное время».

В историческом плане можно вспомнить так называемый «мятеж» Чехословацкого корпуса в мае 1918 г., а также знаменитый меморандум Троцкого от 5 августа 1919 г., в котором прямо говорилось, что белые выполняют «нашу работу», подавляя крестьянские восстания.

К концу Гражданской войны Красная армия насчитывала около 5 млн. человек, а потери составили 1 млн. 200 тыс. человек. В середине 1919 г. Деникин начал быстрое продвижение на север, имея под знаменами 300 тыс. человек. Он мобилизовал по мере развития наступления

еще несколько сотен тысяч солдат, главным образом из крестьян. Колчак в разгар своей кампании сумел мобилизовать около полумиллиона человек¹⁰. Основной причиной его неудач были новобранцы.

Существуют различные оценки общих потерь от войны, эпидемий и голода. В советских источниках иногда фигурирует цифра 8 млн. человек, включая неродившихся детей¹¹. Однако все оценки могут быть только приблизительными.

Можно выделить некоторые общие проблемы в освещении событий Гражданской войны в России:

1. В последнее время происходит расширение и углубление проблемы концептуализации российской Гражданской войны.

Один из авторитетных современных специалистов по истории В.И.Голдин выделяет в своих трудах следующие тенденции Гражданской войны в России:

- Гражданская война в России была следствием глубоких противоречий в Отечественной и мировой истории, а Первая мировая война и Российская революция 1917 г. оказали сильный толчок на весь последующий процесс развития России и мира в XX в.;
- Характерной чертой последних лет являются попытки рассмотреть генезис и развитие Гражданской войны в России как сложный, многоплановый и многогранный исторический феномен, во всём многообразии экономических, военных, политических, социальных, социокультурных, социально-психологических, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных процессов, расколов и конфликтов, разнообразных внутренних и международных столкновений, предопределявших в совокупности ход противоборства на линиях и за линиями фронтов. В связи с этим подчёркивается тотальный и глобальный характер войны в России.
- Характерной тенденцией последних лет является стремление историков раскрыть феномен Гражданской войны в России как систему или комплекс нескольких гражданских войн или переплетающихся разновидностей войны, причём не только на внешних, но и на внутренних фронтах. Имеются ввиду конфликты и вооружённая борьба новообразованных государств и государственных образований на

Кавказе (Армении и Азербайджана, Армении и Грузии, Грузии и Южной Осетии, Грузии и Абхазии), а также на Западе бывшей Российской империи (Польши с Украиной, с Белоруссией и Литвой).

- Вооружённая интервенция Четвёртого союза и государств Антанты, развернувшаяся в 1918 г.
- Повстанческое, в большей степени крестьянское движение – особая война, происходившая в рамках общей Гражданской войны в России с 1918 г., которую вели крестьянские воинские формирования и армии с красными и белыми¹².

2. Наблюдаются попытки сочетания формационного и цивилизационного подходов в изучении исторического феномена Гражданской войны в России

В 1990-е гг. имела место тенденция противопоставления этих двух подходов. Например, Л.И. Семенникова в учебном пособии «Россия в мировом сообществе цивилизаций даёт аксиологические суждения с позиций цивилизационного подхода, а в коллективном труде Ш.М. Мунчаева и В.М. Устинова «Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти» представлен формационный подход в изучении Гражданской войны. Их суждения отличаются излишней категоричностью и жёсткой структурированностью. В последнее время учёные стали изучать необходимость синтеза этих двух подходов.

По взглядам профессора С.Н. Полторака исторический феномен российской Гражданской

войны является «многомотивационным», впитавшим в себя различные, в том числе религиозные составляющие. Главное аксиологическое суждение историка: Гражданская война в России является трагедией братоубийства¹³.

3. В приоритетах исследования Гражданской войны в России происходит устранение противоречивых взглядов.

Так, в 1990-е гг. приоритетом стала проблема изучения становления и развития Белого движения в России. По подсчётам В.И.Голдина было издано не менее 30 монографий и альманахов, сборников документов и материалов, защищено 10 докторских и 30 кандидатских диссертаций, посвящённых истории антибольшевистского и Белого движения¹⁴.

4. Появление крупных работ, посвящённых истории различных аспектов истории российской Гражданской войны, выполненных в формате проблемно-теоретической историографии.

Выводы

Творческий поиск учёными новых подходов к исследованию истории Гражданской войны в России продолжается. Главное – это то, что следует исключить необъективные оценки тех трудов, авторы которых пытаются навязать своё мнение научной общественности. В оценке событий Гражданской войны в России необходим объективизм, историзм, компаративизм (сравнительный анализ), призванные пронизывать научные исследования с позиций научной корректности.

¹ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.* М.: 1991. С. 167.

² Грациози А. *Большевики и крестьяне на Украине. 1918 — 1919 годы.* М.: 1997. *История России: Учебник для ВУЗов / Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н. и др. / М.: Высшая школа. 2001. История России XX век: 2-е издание / Донилов А.А., Косулина Л.Г. / М.: Яхонт. 2000.*

³ *История России: Учебник для ВУЗов / Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н. и др. / М.: Высшая школа. 2001. История России XX век: 2-е издание / Донилов А.А., Косулина Л.Г.*

⁴ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.* М.: 1991. С. 167. *История России: Учебник для ВУЗов / Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н. и др. / М.: Высшая школа. 2001.*

⁵ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.* М.: 1991. С. 167. *История России: Учебник для ВУЗов / Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н. и др. / М.: Высшая школа. 2001.*

⁶ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.* М.: 1991. С. 8.

⁷ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г.* М.: 1991. С. 20-22.

⁸ Грациози А. *Большевики и крестьяне на Украине. 1918-1919 годы.* М.: 1997.

⁹ Фельштинский Ю. *Как добывались деньги для революции. – Вопросы истории, № 9, 1998. С. 34.*

¹⁰ *История России: Учебник для ВУЗов / Чернобаев А.А., Горелов И.Е., Зуев М.Н. и др. / М.: Высшая школа. 2001. История России XX век: 2-е издание / Донилов А.А., Косулина Л.Г.*

¹¹ *История России XX век: 2-е издание / Донилов А.А., Косулина Л.Г. / М.: Яхонт. 2000. История России с древности до наших дней: Учебное пособие / Зуев М. Н. / М.: «ОНИКС 21 век». 2003.*

¹² *Голдин В.И. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. т.13. №3. 2011. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80-х-90-е годы). М.: 2011. С.119.*

¹³ *Россия в XX веке: Учеб. для 10-11 кл. общеобразовательных. Учреждений: 5-е изд. / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов. / М: Просвещение. 2001.*

¹⁴ *Голдин В.И. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. т.13. №3. 2011. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80-х-90-е годы). М.: 2011. С.119.*

*Александр Александрович Петров,
Россия, Москва, ГБУК г. Москвы «Дом русского
зарубежья им. Александра Солженицына»,
старший научный сотрудник
отдела военно-исторического наследия*

Особенности военного строительства на Восточном фронте Белой Борьбы (1918–1920 гг.)

Рассматривая военное строительство на Восточном фронте Белой Борьбы, необходимо с самого начала иметь в виду, что Сибирь, даже вместе с Уральским и Поволжским районами, с точки зрения строгих канонов военного искусства, является совершенно недостаточной базой для развития победоносного наступления на Центральную Россию. Действительно, Сибирь занимала две трети территории Российской империи, но там проживала лишь десятая часть населения страны. То есть, мобилизационный ресурс был явно недостаточным. К этому необходимо прибавить практически полное отсутствие в этих областях военной промышленности и, как следствие, невозможность обеспечить формируемую армию материальной частью за собственный счет. Подавляющее большинство складов и запасов вооружения и боеприпасов, накопленных за время Первой мировой войны, также располагались в Европейской России. Сибирь могла прокормить себя, но не одеть и обуть свою армию¹. К этому добавляется также крайняя скудость линий коммуникаций. В стратегическом смысле, таковая была

всего одна: Транссибирская железнодорожная магистраль с продолжением в виде КВЖД, Уссурийской и Амурской железных дорог, поскольку все необходимое для ведения войны (оружие, обмундирование, боеприпасы) надо было закупать за границей и везти по ней тысячи верст от Владивостока до Урала.

Поэтому не удивительно, что большинство старших начальников, генералов с опытом командования дивизиями и корпусами на фронтах Первой мировой войны, отнеслись к началу борьбы в этом регионе как к авантюре, изначально обреченной на провал, и старались уклониться от активного участия в ней. Здесь самым показательным является отказ генерала Н.Н. Головина возглавить армии Восточного фронта и его отъезд обратно в Париж осенью 1919 г.

В этой обстановке наиболее востребованными оказались молодые военачальники, те, кого барон А.П. Будберг в своем Дневнике назвал «генерал-лейтенантами из бывших штабс-капитанов»². Самыми яркими их представителями были В.О. Каппель, С.Н. Войцеховский, А.Н. Пепеляев, Радола Гайда, В.М. Молчанов и

(с некоторыми оговорками) К.В. Сахаров, в Российской императорской армии поднявшиеся до чина полковника, подполковника, капитана. Все это были военачальники «партизанского типа», харизматические вожди, не растратившие молодого дерзания. К ним примыкает и столь почитаема многими казачья «атаманщина»: атаманы Г.М. Семенов, И.П. Калмыков, А.И. Дутов, Б.В. Анненков. Все они начинали, как командиры небольших добровольческих «партизанских» отрядов, вырвавшихся затем, в непрерывных боях до размеров дивизий, корпусов и армий.

Поэтому неудивительно, что военное строительство на этой огромной территории первоначально было основано исключительно на импровизации.

Собственно, импровизацией было выступление Чешско-Словацкого корпуса³, которое активно поддержали многочисленные подпольные офицерские организации, превратившиеся летом 1918 г., в обстановке непрерывных боев на железной дороге от Томска до Читы – в полки 1-го Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева⁴. Точно так же на Волге в боях формировались и одновременно освобождали города от Вольска до Казани – отряды (затем – бригады) В.О. Каппеля и Ф.Е. Махина⁵.

Но у этого импровизированного военного строительства были очевидные недостатки. Добровольческие отряды были слишком привязаны к местам своего первоначального формирования (к своим базам и районам) и особенно – к своим начальникам. Соответственно, переброска отряда на другое направление (отрыв от базы) или включение его в состав другой армии (с переподчинением другому начальнику) мог сказаться на боеспособности такого отряда самым роковым образом.

В результате, стихийно сложившаяся на фронте группировка могла быть изменена лишь с большим трудом.

Отдельным, очень своеобразным видом формирований являлись Народные Армии Поволжья и Прикамья⁶, собравшиеся из «самомобилизовавшихся» рабочих и крестьян (рабочие Ижевского и Воткинского заводов, Красноуфимская бригада и т.д.). Эти Народные армии достигали значительных размеров (до 25–30 тысяч человек) и были сильны своим духом, сознанием правоты своего дела, но их невозможно было

оторвать от родных мест. Потребовалось поражение восставших с оставлением родных заводов, чтобы Ижевская бригада и Воткинская дивизия влились в общий строй белых войск. И потребовался особый командир – Викторин Михайлович Молчанов, который, не нарушая их самобытности, взял в руки эту «вольницу» и повел ее к новым победам⁷.

К осени 1918 г., благодаря поддержке чехов, на Востоке России образовались две независимые белые армии – Сибирская Народная армия и Народная армия Комуча, действовавшая в Поволжье и Предуралье. Объединить их (причем формально) удалось лишь после Уфимского государственного совещания, на котором Верховным Главнокомандующим был назначен генерал В.Г. Болдырев. Южнее в районе Оренбурга действовала Оренбургская армия А.И. Дутова, а еще южнее ее – Уральская казачья армия. Но в сентябре 1918 г., когда стало ясно, что наступательный порыв Народной армии Комуча выдыхается, политические разногласия между Самарой и Сибирью не позволили подкрепить ее свежими силами. Фронт покатился от Волги на восток к Уфе. Чехи выдохлись и отказывались продолжать активное участие в боях на фронте (а тем самым фронт терял от трети до половины своих войск). В ноябре-декабре 1918 г. его держал только корпус В.О. Каппеля, вобравший в себя все изначальные Комучевские формирования с Казанского, Симбирского и частично – с Самарского направления. Ему удалось удержать фронт (Уфа пала лишь 29 декабря 1918 г.) – но сам корпус был обескровлен и насчитывал в своих рядах менее 5 тысяч человек. В начале 1919 г. он был выведен в тыл для отдыха и пополнения⁸.

Между тем, действовавшая севернее Екатеринбургская группа Сибирской армии значительно усилилась и шла вперед. В октябре ее возглавил произведенный в генералы Р. Гайда и в ее состав влился 1-й Средне-Сибирский корпус А.Н. Пепеляева. Это не замедлило сказаться: 24 декабря 1918 г. была освобождена Пермь.

К этому времени произошли два политических события, фактически предопределившие дальнейший ход борьбы. Во-первых, 18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, в результате которого вся власть была передана в руки единоличного диктатора – Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала

А.В. Колчака. Во-вторых, за семь дней до этого, 11 ноября на Западном фронте, во Франции, было заключено перемирие. Первая Мировая война завершилась. Руководители Белого движения, радуясь этому событию вместе с союзниками, еще не понимали, что для них это означает резкое падение интереса со стороны коллег по Антанте, сокращение всякой помощи, а в недалеком будущем – и формальное исключение России из числа «стран победительниц».

Так что Александр Васильевич Колчак унаследовал весь этот клубок проблем, и большая часть ошибок в первоначальном развертывании или военном строительстве была сделана отнюдь не им.

Едва став Верховным Правителем, Александр Васильевич постарался сделать все, чтобы перевести военное строительство на регулярные рельсы. За три месяца ему вместе с его Начальником штаба генералом Д.А. Лебедевым удалось создать на Уфимском направлении новую группировку, Западную армию генерала М.В. Ханжина, лишь немногим уступающую численно Сибирской армии под Пермью.

Новое весеннее наступление было подготовлено всего за два месяца, в большой спешке. Как сейчас представляется, разумнее было бы еще усилить М.В. Ханжина за счет Р. Гайды и А.Н. Пепеляева, но, как показали дальнейшие события, это было совершенно невозможно: войска были слишком привязаны к своим начальникам и к своему, только что освобожденному району.

Точно так же, А.В. Колчаку пришлось согласиться на то, что Западная и Сибирская армии наступают каждая по своему плану: Сибирская армия на Ижевск – Вятские Поляны (и далее нацеливалась на Казань), а Западная армия – в направлении Уфа – Симбирск и Уфа – Самара. Наступление началось блестяще, но к концу апреля оно выдохлось, как из-за наступившей распутицы, так и из-за общей усталости войск. Ни Самары, ни Симбирска, ни Казани достигнуть вновь так и не удалось.

Причина тому – недостаточное взаимодействие с Оренбургской армией и ошибки при подготовке резервов.

Дело в том, что железная дорога между Челябинском и Орском так и не была достроена, так что с потерей Самары осенью 1918 г. Оренбург

остался без железнодорожной связи с Уралом и Сибирью. А это сразу поставило армию в положение «отрезанного ломтя»: всякое снабжение ее и всякие новые формирования были резко затруднены. А уральские казаки могли снабжаться лишь через оренбуржцев. Все это привело к тому, что настоящего взаимодействия между Оренбургской и Западной армиями достигнуть было невозможно.

Что же касается подготовки резервов, то на этом вопросе хотелось бы остановиться особо, поскольку он тесно связан в военном строительстве с переходом от импровизации к «регулярству».

Колчак одобрил план своего начальника штаба Д.А. Лебедева готовить в глубине Сибири целые соединения стратегического резерва, которые затем, по мере надобности, и выбрасывать на поле боя⁹. Также были произведены большие закупки военного снаряжения и обмундирования за границей. Наконец, были открыты Учебно-Инструкторские школы по переподготовке младших офицерских кадров (Самая известная – «Школа Нокса» во Владивостоке на Русском острове).

Непосредственным резервом для развития весеннего наступления для Сибирской армии был избран Ударный корпус (заново формируемый, из двух дивизий), а для Западной армии – 1-й Волжский корпус В.О. Каппеля. Однако, по мере развития наступления, части первой линии поглощали практически все резервы, так что доформирование обоих резервных корпусов затягивалось. Поэтому когда в мае 1919 г. последовал контрудар Южной группы красных под командованием М.В. Фрунзе, оба корпуса были брошены в бой, будучи еще «сырыми». Ударный корпус был задействован в десантной операции на Каме в районе устья р. Белой и после пяти дней ожесточенных боев «сдал» и был фактически разбит (в дальнейшем – сведен в одну дивизию)¹⁰.

Еще худшая история приключилась с корпусом В.О. Каппеля. До середины апреля ставка затягивала отправку пополнения для него, а затем в спешном порядке пополнила его до штаба – пленными красноармейцами. Пополнение пленными – обычная практика в Гражданской войне, но в данном случае немногочисленные первоначальные добровольческие кадры бук-

важно растворились в значительно превосходящей их чужой и враждебной массе. В.О. Каппель надеялся «переварить» со временем это пополнение, но именно времени ему и не дали. Две недели спустя корпус был спешно вызван на фронт, причем высаживался отдельными частями, без общего сосредоточения, да еще не в полном составе (две сильные группы были выделены для подавления восстаний в тылу). В результате в первых боях корпус потерял едва ли не треть состава в результате организованных перебежек к красным целыми ротами и батальонами. В.О. Каппелю потребовался месяц, чтобы привести части корпуса в порядок (прямо в ходе боев), но они вновь уже были слабого состава и об исполнении ими «ударных функций» говорить уже не приходилось¹¹. К сожалению, такие неудачи с подготовкой и использованием стратегических резервов оказалась не исключением, а правилом.

В результате неудач мая-июля Западной армии пришлось оставить Уфу, Уральские горные проходы и отойти к Челябинску. Здесь новый командующий Западной армии К.В. Сахаров в конце июля предложил план организации для наступающих красных «Канн» (т.е. окружения) в районе Челябинска. Для этой операции на фронт были вызваны последние стратегические резервы: 11-я, 12-я и 13-я Сибирские дивизии. Пополненные до штата (батальоны в них были численно больше чем бригады на фронте), одетые в английское обмундирование, хорошо вооруженные, – они вышли на фронт еще до начала основных боев – и за неделю практически полностью «растворились» за счет перехода целыми частями на сторону красных. Сражение под Челябинском было проиграно¹². Впоследствии новый Начальник Штаба А.В. Колчака и по совместительству Главнокомандующий армиями Восточного фронта М.К. Дитерихс ставил К.В. Сахарову в вину их «преждевременное использование». Но, по-моему, при таком качестве подготовки стратегических резервов, они не могли принести белому командованию пользу ни в каком случае. Приходится констатировать: единственная возможность купировать их недостаточную надежность (раз уж в тылу никто не мог ни выявить в них коммунистические ячейки, ни привить общей массе бойцов должный боевой дух) это вливать их поротно и повзводно в

действующие боевые части, где за ними был бы «надежный пригляд».

М.К. Дитерихсу удалось успешно осуществить последнее крупное контрнаступление войск адмирала А.В. Колчака в сентябре 1919 г. в междуречье Ишима и Тобола. Для этого он предварительно снял с фронта 5 дивизий и перебросил их в ближайший тыл в район Петропавловска. Там они отдохнули и пополнились, а когда отступающие войска белых подошли к этому рубежу, дивизии влились в общую линию, что позволило сходу нанести мощный контрудар¹³. Противостоящие им красные войска потерпели поражение, и после месяца боев белые вновь вышли к Тоболу. Одновременно был подготовлен для рейда по тылам красных Сибирский казачий корпус П.П. Иванова-Ринова (Сибирское казачье войско было мобилизовано поголовно, оно выставило пять конных дивизий и пластунскую группу). Но корпус вышел «сырой», а П.П. Иванов-Ринов не обладал достаточной дерзостью и напором. Ему удалось разгромить под станицей Пресновской одну из красных дивизий, но после этого, вместо того, чтобы уйти в отрыв, он дал своим казакам отдых. Время и возможность для проведения рейда были упущены.

Одной из целей Тобольского наступления М.К. Дитерихс видел в том, чтобы приковать к своему фронту все резервы красных и не дать перебрасывать их на Юг России против А.И. Деникина. Действительно, все такие перевозки были отменены, и красные резервы обрушились на белые армии Восточного фронта. Уже надломленные последним усилием, не имеющие достаточных пополнений, белые войска в конце октября начали безостановочно откатываться сначала к Ишиму, а оттуда к Иртышу и к Омску. М.К. Дитерихс намеревался повторить свой маневр с выделением части войск с фронта и пополнением их в тылу, для дальнейшего контрудара. На этот раз для пополнения была избрана вся 1-я Сибирская армия А.Н. Пепеляева, она должна была разместиться по местам первоначального формирования полков. Но этот план означал сдачу Омска, чему, из политических соображений, воспротивился А.В. Колчак. М.К. Дитерихс был снят со своего поста и заменен генералом К.В. Сахаровым, обещавшим отстаивать Омск до конца. Но уже через неделю выяснилась полная невозможность такой обороны. 14 ноября 1919 года Омск

был оставлен, причем правильную эвакуацию организовать не удалось, и хранимые в нем на складах огромные запасы достались красным¹⁴.

Не стоит далее пересказывать перипетии Сибирского Ледяного похода, измены всех союзников и в первую очередь чехов, организованные эсерами мятежи в Сибирских городах, выдачу на расправу адмирала А.В. Колчака... 7 февраля 1920 г. А.В. Колчак был убит, а 14 февраля остатки его армии перешли по льду Байкал и вышли Забайкалье к атаману Г.М. Семенову.

Хотелось бы лишь еще раз обратить внимание на несколько моментов. Тыл был всегда слабым местом белых армий, а в Сибири – особенно. Изначально лучшие белые бойцы летом 1918 г. ушли в добровольческие отряды, а затем – на Уральский фронт. Остались худшие (по духу, по подготовке, сырые, едва начавшие формирование части), и их было недостаточно, чтобы окончательно добить красных партизан (отряды которых ушли с железной дороги в тайгу). Красным партизанам дали оправиться и усилиться. А потом для охраны от них призвали на железную дорогу «союзников», которые в ноябре 1919 г. и захватили ее (в первую очередь здесь «отличились» чехи) для проведения

собственной эвакуации, со всеми вытекающими последствиями.

Но, независимо от этого, история белого движения явно показала «парадоксальное», с точки зрения военной науки, преимущество «импровизации» в военном строительстве перед «регулярной» работой «по науке». События в Сибири особенно ярко подтверждают этот факт.

Катастрофа белого движения на Востоке России и Сибирский Ледяной поход еще раз показали особую ценность и востребованность частей с первоначальным добровольческим кадром. В самых трудных условиях они не развалились, а наоборот, на походе вобрали в себя остатки менее стойких частей. Их признанным героем и вождем стал погибший в этом походе генерал В.О. Каппель, который, по свидетельству его друга и соратника В.О. Вырыпаева, всегда держал у себя в купе (в поезде штаба армии) над койкой винтовку¹⁵. В случае обострения ситуации он всегда был готов мгновенно сменить высокий пост командарма на обратном на роль командира партизанского отряда, собранного из чинов его штаба. Многие начальники следовали его примеру, и эта их готовность принять бой лично – не раз спасала жизнь их подчиненных.

¹ Так, Г.К. Гинс упоминал, что в весной 1919 года разразился кризис со снабжением войск шинелями, поскольку единственная суконная фабрика в Белебее осталась при отступлении в руках красных (Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М. 2007. СС. 413-416).

² Будберг А.П. Дневник. // Архив Русской Революции. Т. 14. Берлин. 1924. С. 251.

³ С военной точки зрения выступление чехов – та же партизанская борьба. На момент начала выступления ситуация была одинаково опасна как для чехов, так и для местных советов. Чересполосица, разобщенность сил, случайность группировок, недостаток вооружения – все это давало преимущество более сплоченным, сильным духом. Выступление чешских групп возглавили их младшие офицеры, в годы Великой войны специализировавшиеся на армейской разведке – и они победили. Подробнее об этом см: Петров А.А. Генерал-лейтенант Р. Гайда // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов. М. 2004. СС. 68-87.

⁴ Подробнее об этом – в воспоминаниях капитана А.А. Кириллова (Кирилов А.А. Сибирская Армия в борьбе за освобождение. // Вольная Сибирь. Кн. 4, Прага 1928, С. 36 – 68).

⁵ Подробнее об этом см: Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.) Рига 1930. С. 14-52. См также: Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов. М. 2004. С. 125-146; Петров А.А. История Вольской Народной Армии. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып 7. Саратов, 2006. СС. 84-95.

⁶ Эти армии были Народными в полном смысле этого слова, поскольку они создавались для обороны своих родных мест. При этом постановлением сходов или заводских комитетов рабочие и крестьяне мобилизовывались поголовно, а сформированные из них роты чередовали боевую службу на фронте с обычной повседневной работой.

⁷ Подробнее об этом см: Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920. М. 2008; Молчанов В.М. Последний белый генерал. М. 2009.

⁸ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.) Рига 1930. СС. 52-66.

⁹ Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М. 2010. СС. 386-394.

- ¹⁰ Кручинин А.М. Каревский А.А. Ударники генерала Р. Гайды: Заметки о формировании, особенностях обмундирования и участии в боевых действиях. // Доброволецъ. 2004. № 2 (4). С. 22-23.
- ¹¹ Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семёнов. М. 2004. СС. 150-155.
- ¹² Подробнее об этом см.: Мейбом Ф.Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под городом Челябинском в 1919 году. // Первопоходник. № 18. Лос-Анжелос. Апрель 1974. СС. 53-62.
- ¹³ Петров А.А. Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семёнов. М. 2004. СС. 315-319.
- ¹⁴ Петров А.А. Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре – декабре 1919 г. // Генерал Дитерихс. М. 2004. СС. 307-315.
- ¹⁵ Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник Первопоходника. № 40. Лос-Анжелес. Январь 1965 г. СС. 34-35.

Польская Одиссея на юге России: Польские части в составе Добровольческой армии

Формирование национальных частей в русской армии было давней традицией. Как правило, национальные части были иррегулярными и создавались на период войны.

В годы Первой мировой войны в Русской императорской армии был образован целый ряд национальных добровольческих частей, наиболее известными из них были Кавказская туземная конная дивизия, армянские, сербские и чехословацкие формирования. Вместе с тем, Императором было разрешено формирование польских частей.

Создание национальных частей шло с большой осторожностью, особенно это касалось польских частей: военное ведомство России опасалось повторения событий XIX в. и возможной измены поляков. По этой причине польские части стали формироваться вне рамок регулярной армии. Образованный 28 октября 1914 г. в м. Ново-Александрия (Пулавы или Пакославль) I-й Польский легион (Пулавский легион) был вскоре переименован в 739-ю Ново-Александрийскую дружину Государственного ополчения. Вместе с 740-й Люблинской дружиной и рядом вспомога-

тельных частей ново-александрийцы образовали 104-ю бригаду Государственного ополчения. 739-я дружина с марта 1915 г. участвовала в боях на Юго-Западном фронте, понесла значительные потери и 740-я дружина пошла на ее пополнение.

9 сентября 1915 г. Николаем II был утвержден штат Польской стрелковой бригады¹ и началось переформирование дружин в полки. Широкое использование польского фактора Германией и Австро-Венгрией заставило правительство России расширить работу с польским населением и увеличить удельный вес польских формирований в армии. 11 января 1917 г. Польская стрелковая бригада была выведена с фронта в район Киева, где началось ее развертывание в Польскую стрелковую дивизию². После Февральской революции, в мае 1917 г., несмотря на негативное отношение А.Ф. Керенского, началось развертывание польской дивизии в 1-й Польский корпус под командованием генерал-лейтенанта И.Р. Довбур-Мусницкого. После боев на Юго-Западном фронте корпус в августе 1917 г. прибыл в район Быхов – Бобруйск.

В конце 1917 г. началось формирование 2-го Польского корпуса на Румынском фронте, а с весны 1918 г. и 3-го Польского корпуса на Украине. Надежда лидеров контрреволюции использовать польские части для борьбы с большевиками в России потерпела крах, и русские генералы были вынуждены с этим смириться.

Генерал А.И. Деникин вспоминал: «Еще на июньском <1917 г.> войсковом съезде поляков, довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали речи, определявшие цели формирований. Их синтез был выражен одним из участников: «ни для кого не секрет, что война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы – она нам необходима, чтобы на будущей международной мирной конференции с нами считались, чтобы мы имели за собою силу».

Действительно, корпус на фронт не выходил – правда, формирование не закончилось, во «внутренние дела» русские (октябрь и позже борьба с большевизмом) не пожелал вмешиваться и вскоре перешел совершенно на положение «иностранный армии», поступив в ведение и на содержание французского командования.

Но и надежды польских националистов также не сбылись: на фоне общей разрухи и падения фронта, корпус в начале 1918 г., после вторжения германцев внутрь России, частью был захвачен и обезоружен, частью разошелся, и остатки польских войск нашли, впоследствии, гостеприимный приют в Добровольческой армии.

Лично я не могу не вспомнить добрым словом 1-й Польский корпус, частям которого, расположенным в Быхове, мы во многом обязаны сохранением жизни генерала Корнилова, и прочих быховских узников, в памятные сентябрьские-ноябрьские дни»³.

Между тем наступление немецких и австро-венгерских войск вглубь России, враждебные действия большевиков и украинцев заставили поляков все же вмешаться в братоубийственную войну.

11 мая 1918 г. превосходящие немецкие войска напали на части 2-го Польского корпуса в Каневе. В ходе боя более 1000 поляков было убито и ранено, еще около 3000 были интернированы. Через 11 дней в районе Бобруйска немцы принудили 1-й Польский корпус сложить оружие, а затем эвакуироваться в Польшу. На этом его

участие в российских событиях было закончено. 8-9 июня 1918 г. австро-венгерские войска разоружили части 3-го Польского корпуса в районе Янова. Некоторое количество чинов 2 и 3-го Польских корпусов смогло избежать интернирования и добраться до Кубани.

В начале июня 1918 г. генерал Ю. Халлер, находившийся в Киеве, отправил к генералу М.В. Алексееву в Екатеринодар польскую делегацию, в состав которой входили полковник Жилинский, подполковник Заяц и майор Бобински. Делегация должна была добиться у Алексеева разрешения на создание польских формирований на территории подконтрольной Добровольческой армии. Генерал Алексеев дал свое согласие на создание польских частей, но при условии их участия в боях с большевиками. После переговоров Жилинский остался при штабе Алексеева, а другие члены делегации вернулись к Халлеру.

15 августа 1918 г. из Киева в Екатеринодар отправилась группа польских офицеров 1-го и 2-го корпусов во главе с подполковником Орликом-Лукошки для формирования польской части.

24 августа 1918 г. генерал Алексеев утвердил временный штат польского отряда в Добровольческой армии:

командир – полковник Ф. Жилинский
начальник штаба – подполковник Орлик-Лукошки
операционный отдел – подполковник Томме
стрелковый батальон – майор Вяспанский
офицерская рота – капитан Путля
артиллерийская батарея – (?)
уланский эскадрон – майор Плисовски⁴.

Местом формирования польского отряда стала станица Пашковская. Сами поляки называли свое подразделение 4-й дивизией стрелцов польских на Кубани.

Большая часть добровольцев прибыла с Украины. К концу сентября в отряде насчитывалось 700 человек. Оружие и боеприпасы были предоставлены Добровольческой армией, остро ощущался недостаток обмундирования. 20 сентября в отряде были введены знаки различия, носившиеся в 1-м Польском корпусе: в качестве кокарды – польский орел с короной, звания определялись по нарукавным шевронам-уголкам.

В конце сентября 1918 г. в польском подразделении на Кубани было около 700 человек. Артиллерийская батарея была развернута в дивизион под командованием подполковника Ройка.

Наступление большевиков вынудило использовать на фронте части отряда. В соответствии с приказом Добровольческой армии от 3 октября 1918 г. на фронт было отправлено 300 польских военнослужащих – 1 стрелковая рота, 1 офицерская и транспортный взвод. Их направили на помощь бывшему командиру 2-го Польского корпуса генералу Станкевичу в район севернее Ставрополя. Командовал этим отрядом полковник Малаховский. В бою под Терновкой 14 октября 1918 г. польский отряд потерял 3 человека убитыми и 50 ранеными⁵. В начале ноября этот отряд был заменен следующим (сходного состава) под командованием майора Вяспанского. Новый отряд принял участие в боях под Ставрополем и Армавиrom. Его операции на фронте продлились до конца ноября 1918 г.

Между тем, в середине октября 1918 г. из Крыма в Екатеринодар прибыл генерал Л. Желиговский, вскоре образовавший т.н. Главный комитет. От лица комитета Желиговский подписал соглашения с новым командующим Добровольческой армии генералом А.И. Деникиным. Основные положения этого соглашения приводятся ниже.

«Принципы, на которых создается филиал польской армии на территории Добровольческой армии:

а) отделение польской армии на территории Добровольческой армии является частью независимой польской армии, сражающейся на французском фронте, и имеющей право на самоопределение союзной армии;

б) главой политической и представительной ветви польской армии на территории Добровольческой армии является Главный политический комитет, состоящий из представителей аккредитованных политических партий;

с) создаваемая польская армия борется с Центральными державами за независимость и целостность польских земель и их побережий;

д) польские войска, созданные и находящиеся на территории Добровольческой армии в операционном плане полностью подчиняются Командованию Добровольческой армии;

е) вся внутренняя жизнь части, численность сформированных войск, униформа, и служебные уставы устанавливаются решением Главного командования польского, назначенного генералом Халлером, находящимся в Пари-

же, командование передается Добровольческой армии добровольцев...»⁶.

Подписанное соглашение стало основанием для развертывания польского отряда в бригаду, а затем и в дивизию следующего состава:

Командир 4-й дивизии стрелков польских – полковник Ф. Зелинский

Начальник штаба – капитан Путель

Пехотная бригада – полковник М. Жимерский

Уланский дивизион – майор К. Плисовский

Дивизион полевой артиллерии – подполковник Ройк

Саперная рота – поручик Г. Багинский

Авиационный отряд – капитан Наркевич

Полевой госпиталь – доктор Й. Хомичевский⁷.

Однако надежды на быстрое формирование и пополнение оказались тщетными – приток добровольцев был минимальным. По этой причине дивизия была преобразована в стрелковую бригаду во главе с полковником С. Малаховским. Прежний командир бригады полковник Жимерский был направлен на Украину. Для увеличения количества добровольцев и новобранцев в Екатеринодаре был образован Главный мобилизационный штаб во главе с полковником Б. Ведзегольским.

22 ноября 1918 г. командование Добровольческой армии решило вывести польскую часть из станицы Пашковской и отправить в Новороссийск по железной дороге. 24 ноября части бригады стали прибывать в Новороссийск и грузиться на транспорт «Саратов» для отправки в Одессу. Перевоска в Одессу имела две основные причины – наступление на город петлюровских войск и наличие в городе крупных сил австро-германских войск (10 000-15 000 человек) не желавших сражаться с петлюровцами⁸.

Отряд майора Вяспанского был отозван с фронта и также переброшен в Новороссийск. Перед его отъездом генерал Станкевич издал приказ, в котором высоко оценил действия поляков и выразил им благодарность за участие в боях с большевиками.

При переброске в Одессу сказались отсутствие у поляков зимней одежды, большинство из них были одеты в лохматые папахи, отчего один из очевидцев назвал их «дикой польской дивизией». Серьезные проблемы часть испытывала и с обувью.

Несмотря на существенные проблемы в деле организации польских частей, в Одессе поляки

вновь начали формирование 4-й дивизии стрелков польских. В это время в составе части находилось 2500 человек⁹. В составе дивизии начали создаваться 3 стрелковых полка, транспортный и артиллерийский дивизионы.

10 декабря 1918 г. в Одессе произошел вооруженный конфликт немцев и поляков, произошла перестрелка, были убитые и раненые. Поляки прибыли для получения немецких автомобилей, передаваемых дивизии в рамках достигнутых договоренностей, но были встречены огнем.

С 4 декабря 1918 г. части дивизии участвовали в боях с петлюровцами под Одессой, 2-й полк дивизии понес существенные потери. К 13 декабря на фронте начался хаос и многие белые части отступили в город. Польские части оказывали ожесточенное сопротивление и отступали к порту г. Одессы, который и стал последним рубежом их обороны. Бои за порт продолжались днем и ночью, огневую поддержку полякам оказывал французский флот. Упорство поляков позволило французам высадить десант в городе и 18 декабря 1918 г. очистить город от петлюровцев.

16 января 1919 г. в Одессу прибыл командующий союзными оккупационными войсками французский бригадный генерал Ф. д'Ансельм, этот момент стал поворотным в судьбе поляков,

т.к. с этой поры они ассоциировались исключительно с союзниками. В рамках развернувшегося сотрудничества д'Ансельм провел смотр польской дивизии 1 февраля 1919 г. С 4 февраля польские части вместе с франко-греческими частями наступали на Тирасполь и Бессарабию, но на этом их взаимодействие с белой армией, переименованной в Вооруженные силы Юга России, закончилось.

Участие польских формирований в Гражданской войне на юге России было недолгим и не принесло особой славы полякам, но нельзя отрицать, что в тяжелейших условиях они сохранили воинскую честь и выполнили свои обязательства перед Добровольческой армией.

Свое сообщение мне хочется закончить словами генерала А.И. Деникина: «Отношение с нашей стороны и военной и гражданской власти к местным полякам – касалось ли дело защиты интересов польских граждан, реэвакуация их, мобилизация призывных классов для польских войск, формирования и обеспечения польской бригады полковника Зелинского – было в высокой степени доброжелательным. Не по расчету, а по сердцу. И я уверен, что поляки, оставившие в 1918-1919 гг. территорию юга, унесли с собою неплохое воспоминание о приютившем их крае...»¹⁰.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1361. Л. 13.

² *Woyno J. Materiały archiwalne do dziejów polskich formacji wojskowych w Rosji (1914–1920)*. URL: <http://docplayer.pl/5761814-Materialy-archiwalne-do-dziejow-polskich-formacji-wojskowych-w-rosji-1914-1920.html> Режим доступа 23.05.2016.

³ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Т. Первый. Выпуск второй. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 134.*

⁴ *Bagiński H. Wojsko Polskie na wschodzie 1914–1920/ Warszawa, 1921. S. 482.*

⁵ *Ibid. S. 484.*

⁶ *Bagiński H. Op. Cit. S. 488.*

⁷ *Ibid. S. 489.*

⁸ *Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski 1905–1918. Warszawa, 1935. S. 374.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Белое движение: начало и конец: Р. Гуль. Ледяной поход (с Корниловым); Ген. А. Деникин. Поход на Москву (Очерки русской смуты); Р. Гуль. Жизнь на фюкса. М., 1990. С. 178.*

*Вячеслав Романович Кривошеев,
Россия, Санкт-Петербург, Военная академия
материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулёва,
заведующий музеем истории академии
почетный сотрудник академии*

О некоторых аспектах подготовки специалистов тыла и транспорта в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в России 1918–1922 гг.

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 15 января 1918 г. «О создании Рабоче-Крестьянской Красной армии», было положено начало созданию новой армии. В нем были заложены и основы материально-технического обеспечения: Красная армия как общегосударственная организация и все ее военнослужащие брались на полное государственное обеспечение.

В составе Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА создается отдел снабжения, занимавшийся формированием органов и учреждений тылового обеспечения. Вскоре отдел был преобразован во Всероссийский военно-хозяйственный комитет.

Одной из важнейших задач, которая возникла на начальном этапе строительства РККА, была задача подготовки своих, новых кадров, в том числе и кадров тыла. 12 марта 1918 г. Народный комиссариат по военным делам направил во Всероссийский военно-хозяйственный комитет доклад главного интенданта К. Е. Горецкого от 2 (15) февраля 1918 г. о будущем Интендантской

академии и потребовал от комитета предложений о её дальнейшей судьбе¹.

На докладе главного интенданта зам. народного комиссара по военным делам Э. Склянский написал резолюцию: «Товарищу Лазимиру. Представить соображения в Народный комиссариат по военным делам о дальнейшем участии академии: оставить ли ее в военном ведомстве или передать ее кому-либо, например, Высшему совету народного хозяйства. Склянский»².

Всероссийский военно-хозяйственный комитет 15 марта 1918 г. принял решение за № 393 оставить академию как высшее военно-учебное заведение, реорганизовав ее на новых началах³.

В связи с расформированием Главного интендантского управления и передачей его функций Хозяйственному комитету РККА, Интендантская академия также перешла в подчинение комитета и стала называться Военно-хозяйственной академией.

В период гражданской войны обнаружилась острая нужда в административно-хозяйственных работниках. Люди требовались немедлен-

но, и поэтому прежний срок их подготовки не соответствовал моменту. Необходимо было создать краткосрочные курсы и провести через них наибольшее количество работников. На академию была возложена организация таковых⁴. Поэтому 15 марта 1918 г., принимается решение об открытии в Москве при академии курсов подготовки специалистов тыла. Народный комиссар по военным делам утвердил решение Военно-хозяйственного комитета и программу курсов.

Начальником академии был назначен ее прежний начальник – инженер-технолог П.В. Якубинский, военным комиссаром утвержден А.И. Кутнер⁵.

В связи с тем, что Петрограду постоянно угрожало военное нападение, а также с целью приближения центрального государственного аппарата к важнейшим районам страны и облегчения руководства борьбой с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией, правительство в марте 1918 г. переехало в Москву, которая стала столицей Советской Республики. В Москву были переведены и важнейшие военные учреждения, в том числе и вновь организованная Военно-хозяйственная академия РККА.

В Москве академия разместилась на улице Знаменка в доме № 11. Прежде, чем приступить к набору слушателей и проведению занятий, потребовалось некоторое время для устройства академии на новом месте и создания учебной базы.

Приказом народного комиссара по военным делам № 535 от 20 июня 1918 г. формируется Главное военно-хозяйственное управление, утверждается и вводится в действие с 1 июня 1918 г. временный штат Военно-хозяйственной академии и упраздняется Всероссийский военно-хозяйственный комитет и демобилизационный отдел Главного интендантского управления с передачей их дел в Главное военно-хозяйственное управление.

16 октября 1918 г. Реввоенсовет Республики утвердил временный штат Военно-хозяйственной академии. По этому штату в академии положено было иметь 200 слушателей.

В октябре – ноябре 1918 г. в академию начали прибывать первые слушатели. Это были в основном добровольно вступившие в армию и мобилизованные студенты различных учебных заведений, бывшие офицеры старой армии, рабочие

и крестьяне, посланные партией на различные должности в органы тыла, тыловые части и учреждения Красной армии. Среди первого набора слушателей почти половина (40 человек из 97 слушателей) являлись бывшими офицерами различных родов войск старой армии⁶.

Слушателям, ранее занимавшимся на основном курсе бывшей Интендантской академии, было разрешено продолжать занятия и завершить учебу с присвоением звания военного инженера-технолога⁷.

Укомплектование профессорско-преподавательским составом Военно-хозяйственной академии было проведено частично за счет бывших преподавателей Интендантской и других военных академий старой армии, добровольно изъявивших желание отдать свои знания делу подготовки кадров тыла новой армии, и частично за счет призванных по мобилизации военных специалистов, окончивших Интендантскую академию и имевших практический опыт военно-хозяйственной работы.

В условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны требовались ускоренные темпы подготовки новых организаторов тыла и руководителей служб снабжения фронтов, армий, соединений и частей. Срок обучения в академии был установлен восемь месяцев. Учебным планом для слушателей ускоренного курса предусматривалось изучение военной администрации, войскового хозяйства, основ стратегии и тактики, социально-экономических дисциплин, тактики снабжения с решением практических задач интендантского довольствия, устройства складов и других специальных и военных дисциплин⁸.

С 9 декабря 1918 г. открываются занятия на первом ускоренном восьмимесячном курсе снабженцев в помещении высших женских курсов на Девичьем поле⁹. Выпуск слушателей курса был произведен в 1919 г., в том же году было укомплектовано еще два ускоренных курса, которые были выпущены в сентябре 1920 г.¹⁰

Рост численности армии и в связи с этим большая потребность в кадрах, а также сложная обстановка на фронтах гражданской войны не позволили в полном объеме изучить все предметы в соответствии с намеченной программой. Отдельные разделы программы, главным образом, специальных дисциплин (практические

занятия по вещевому довольствию, продовольственному снабжению, хранению вещевого и обозно-хозяйственного имущества и др.), слушатели изучали в вечернее время, в сапожных и портновских мастерских и на складах. По основным механики, высшей математике и иностранным языкам занятия проводились для желающих в вечернее время.

Напряженная работа профессорско-преподавательского состава и слушателей позволила сократить срок обучения с восьми до шести месяцев, и уже в мае 1919 г. академия произвела первый выпуск слушателей ускоренного курса. Воспитанники академии были направлены на различные должности в аппарат Главного начальника снабжения Красной армии, делопроизводителями в центральные военные учреждения, заведующими хозяйством частей, начальниками снабжений бригад и заведующими интендантским снабжением дивизий¹¹.

Создавая новую армию, Советское правительство смело пошло на то, чтобы широко использовать военных специалистов старой армии и флота, контроль за работой которых был возложен на военных комиссаров. Партия и правительство использовали в полной мере и военных специалистов, окончивших Интендантскую академию дореволюционного времени.

Главному военно-хозяйственному управлению Красной армии было предоставлено право отзывать специалистов тыла с любых должностей, занимаемых ими в советских учреждениях. Об огромном значении, которое придавалось организации и налаживанию тылового обеспечения войск, свидетельствует тот факт, что эти вопросы неоднократно рассматривать на заседаниях Центрального комитета партии, Совета Рабоче-Крестьянской обороны Республики, в правительстве.

В марте 1919 г. Совет Рабочей и Крестьянской обороны принимает постановление «О призыве лиц, окончивших Интендантскую (Военно-хозяйственную) академию»¹²:

1. Ввиду недостатка бывших офицеров и бывших военных чиновников, окончивших Интендантскую (Военно-хозяйственную) академию, и нужды в них, предоставить право Главному военно-хозяйственному управлению призывать в мере действительной необходимости бывших офицеров и бывших военных чиновников, окон-

чивших вышеназванную академию, на какой бы службе они ни находились, не считаясь ни с какими нормами, установленными декретами и постановлениями.

2. Все бывшие офицеры и бывшие военные чиновники, окончившие Интендантскую (Военно-хозяйственную) академию, признанные годными для полевой службы или штабной, должны быть готовы в пятидневный срок, по получении предписания, выехать к новому месту назначения. Никакие отговорки иметь место не могут.

Подписали:

Председатель Совета обороны В. Ульянов (Ленин)
Член Совета обороны Э. Складанский
Секретарь Совета обороны Л. Фотиева

3 марта 1919 г.

С целью подготовки в короткий срок кадров для основных звеньев тыла, непосредственно занимающихся обеспечением войск (полк, бригада и дивизия), на Военно-хозяйственную академию была возложена задача организовать пятимесячные ускоренные курсы на 300 человек для подготовки заведующих хозяйством полков, начальников снабжений бригад и дивизий.

В декабре 1919 г. чрезвычайный уполномоченный Совета обороны Республики по снабжению армии и флота и Центральное управление снабжения возложили на академию задачу с одновременной подготовкой слушателей на основном ускоренном восьмимесячном курсе и ускоренных пятимесячных курсах срочно организовать трехмесячные курсы военно-хозяйственных приемщиков из числа мобилизованных студентов для аппарата Чрезвычайного уполномоченного Совета обороны Республики по снабжению армии и флота (Чусоснабарма). Численность курсов приемщиков была установлена 100 человек¹³. В мае 1920 г. академия произвела второй выпуск ускоренного восьмимесячного курса (выпущено 82 человека) и осуществила очередной набор.

В июне 1920 г. в академии обучались 91 человек на восьмимесячных ускоренных курсах, 275 человек на пятимесячных курсах по подготовке заведующих хозяйством полков, начальников снабжений бригад и дивизий и 96 человек на трехмесячных курсах приемщиков.

В октябре 1920 г. на академию была возложена также задача подготовки работников службы

продовольственного снабжения на шестимесячных курсах¹⁴.

Таким образом, академия на ускоренных курсах готовила различных специалистов для работы в тылу действующей армии, в окружных и центральных органах снабжения Красной армии.

Всего было произведено шесть выпусков ускоренных курсов снабженцев и два курса приемщиков, что дало в общем итоге 747 человек.

Кроме того, в мае 1921 г. из организованных шестимесячных курсов было выпущено 200 человек работников по продовольственной части¹⁵.

Комиссия Управления военно-учебных заведений Красной армии, проверявшая академию в июле 1920 г., сделала вывод, что «академия стоит на правильном пути и, несомненно, даст Красной армии полезных работников»¹⁶.

В трудные годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны многие воспитанники бывшей Интендантской и Военно-хозяйственной академии выполняли важные задания по организации работы промышленных предприятий, оказанию помощи народному хозяйству, руководили работой центральных учреждений. Большинство выпускников ускоренных курсов направлялось в действующую армию, они успешно решали задачи обеспечения и снабжения войск в самой сложной боевой обстановке.

После разгрома иностранных интервентов и внутренней контрреволюции экономическое положение страны оставалось тяжелым. Народное хозяйство страны было разрушено двумя последними войнами, длившимися в течение семи лет. Многие промышленные предприятия приостановили производство. Не хватало топлива, металла, сырья, с большими перебоями работал транспорт.

Острота этой проблемы обуславливалась значительным некомплектом и слабым уровнем подготовки командных кадров, в том числе и специалистов военно-хозяйственных служб. Так, например, из всех начальников снабжения корпусов только трое имели высшее образование, среди их помощников 15% имели высшее, остальные среднее и низшее образование. Начальники военно-хозяйственного снабжения дивизий и завхозы полков почти не имели специальной подготовки и практического опыта.

Таким образом, необходимость учета новых экономических условий жизни, значительный некомплект специалистов снабжения, а также их слабая подготовка на фоне возрастающей угрозы очередного вооруженного нападения требовали расширить и повысить качество подготовки квалифицированных командных и инженерных кадров в системе военных училищ и академий.

С окончанием Гражданской войны потребность в ускоренных курсах миновала. Необходимо было перейти к нормальному строительству высшей специальной военной школы. Требовалось научную разработку вопросов как хозяйственных, так и финансовых сосредоточить в одном учреждении, которое бы и объединило в себе и проводило в жизнь доктрины в указанных областях¹⁷.

В тот период наряду с Военно-хозяйственной академией существовала Высшая военно-морская финансово-хозяйственная школа, которая готовила хозяйственных и финансовых работников для флота.

Для достижения единства научной разработки вопросов хозяйственного и финансового характера и объединения в одном учреждении научных сил, приказом РВСР № 2126 от 16 октября 1920 г. Военно-хозяйственная академия была объединена с Высшей военно-морской финансово-хозяйственной школой в одно высшее учебное заведение и стала называться Хозяйственной академией Рабоче-крестьянской Красной армии и флота¹⁸.

По штату, утвержденному 25 октября 1920 г., академия должна была насчитывать 1 500 человек переменного состава. Академия имела три факультета: 1-й – военного снабжения; 2-й – военно-технический и 3-й – военно-экономический¹⁹.

Начальником объединенной академии 11 декабря 1920 г. назначается Николай Александрович Сулейман, имевший большой опыт организации тылового обеспечения в Первой мировой и в гражданской войне, а также опыт преподавания в военной академии.

В академии был установлен трехгодичный срок обучения на трех курсах – младшем, среднем и старшем. Учебным планом отводилось 64% всего времени на лекции и 36% на практические занятия. Выделение слишком большого количества времени на лекции вызывалось

отсутствием должной общеобразовательной подготовки слушателей. Одним из недостатков учебных планов академии, как отмечали начальник Главного военно-хозяйственного управления и представитель Главного управления военно-учебных заведений, являлось то, что слишком большое внимание уделялось технологии и мало военным предметам, необходимым будущим снабженцам.

29 января 1921 г. ВЦИК принимает декрет о разгрузке Москвы. Причиной было сложившееся тяжелое положение с наличием свободных служебных и жилых помещений в столице.

Обеспокоенность передислокацией академии высказали и представители военно-морского флота. Результатом этих действий явилось постановление Совета народных комиссаров от 24 февраля 1921 г., которым отменялось решение комиссии по разгрузке Москвы в отношении академии.

В связи с этим Хозяйственная академия РККА и флота начала свой первый послевоенный учебный год в Москве. Занятия на всех трех факультетах и на подготовительном отделе начались с 15 марта 1921 г.

Однако в мае 1921 г. комиссия по разгрузке Москвы добивается выполнения своего решения. Поэтому в середине мая занятия в академии были временно прерваны в связи с предстоящей передислокацией в Петроград.

В июне 1921 г. происходит загрузка имущества академии и перевозка его в здание бывшей Интендантской академии русской армии на улице Глинки, дом 2.

Штатное расписание академии на новом месте было определено приказом РВСР № 1407 от 5 июля 1921 г. Согласно ему обучение слушателей должно было осуществляться в течение четырех лет на трех факультетах: военных снабжений (550 слушателей), военно-экономическом (400 слушателей) и военно-техническом (400 слушателей).

После передислокации академия испытывала большие трудности в организации учебного процесса, особенно в укомплектовании профессорско-преподавательским составом (из 224 преподавателей академии в Москве осталось 180) и создании учебно-лабораторной базы. Занятия проходили как на собственной, так и на учебной базе других вузов города.

25 июля 1921 г. на объединенном заседании РВСР и ВАВПС под председательством Л. Д. Троцкого принимается решение приступить к разработке положения о Единой военной академии (ЕВА). Уже 22 октября названного года было разработано положение о Единой военной академии и обсуждено на заседании ВАВПС. В нем определялся состав ЕВА, ее назначение и условия функционирования.

ЕВА имела назначение давать высшее общее военное образование, а также высшее специальное образование комсоставу РККА и флота; осуществлять объединение военно-научной мысли, содействуя единому пониманию военных явлений; находясь в курсе всех достижений военного дела как в Республике, так и в иностранных армиях, проводить эти достижения в высшее военное образование, устанавливать методы использования опыта ближайших войн в приложении к высшему военному образованию; озабочиваясь прогрессом в области военной науки, способствовать трудам специалистов по различным вопросам военного дела; издавать военно-научные труды и специальные военно-научные журналы; готовить лиц, могущих занимать преподавательские кафедры по различным военным специальностям во всех высших военно-учебных заведениях.

В проекте ЕВА была заложена идея, призванная добиться единства взглядов на войну, военное дело и подготовку командных кадров. Это было той попыткой, которая должна была преодолеть перегородки, стоящие перед разными видами и родами войск, порождающие однобокость в подготовке военных кадров.

Особая надежда в решении названной задачи возлагалась на институт главных руководителей. ВАВПС планировал руководить военно-учебной деятельностью всех военных академий через институт главных руководителей, на которых лежала обязанность по достижению единства направления работы во всех академиях в области каждой специальности.

Это должен быть компетентный, авторитетный в данной отрасли военного знания человек. Его задача заключалась в том, чтобы направлять деятельность других руководителей (преподавателей) по своему предмету. Чтобы не было субъективизма в подборе главных руководителей, предлагался известный способ –

представление и защита диссертации по предмету соискания.

Институт главных руководителей касался только ведущих дисциплин. Причем, ведущим главным руководителем считался тот, чья дисциплина имела первенствующее значение по сравнению с другими.

Новым шагом вперед по развитию военного образования было осуществление специализации слушателей на базе создания факультетов в академиях. Система факультетов разгружала слушателей от излишней информации и позволяла более углубленно заниматься избранной специальностью.

Первоначально в составе ЕВА Хозяйственная академия, как самостоятельное целое, растворялась и свертывалась в отдельный военно-хозяйственный факультет, состоящий из двух отделов – вещевого и пищевого.

Позже в состав ЕВА вошли, как совершенно самостоятельные военно-учебные и научные учреждения, Военная академия с восточным отделом, Артиллерийская академия, Инженерная академия, Морская академия, Академия Красного воздушного флота, Электротехническая академия, Хозяйственная академия РККА и флота, Военно-медицинская академия.

7 марта 1922 г. приказом по личному составу РВС № 60 начальником Хозяйственной академии РККА и флота назначается Николай Осипович Дейч.

Приказом РВС СССР № 1842 от 4 августа 1922 г. «О введении в действие института главных руководителей» объявлялось «Положение о главных руководителях при военных академиях».

Несколько позже приказом РВС СССР № 2825 от 19 декабря 1922 г. было объявлено «Положение о Единой военной академии». Этим приказом все высшие военные командные школы и военные академии объединялись в Единую военную академию (ЕВА). Начальником ЕВА признавался Главком, он осуществлял управление ЕВА по учебной и научной части посредством состоящего под его председательством Академического военно-педагогического совета, работающего в тесном контакте с главными управлениями Военного и Морского ведомств.

Через полтора года, приказом РВС СССР № 790 от 20 июня 1924 г, эти приказы были отменены. Общее руководство всеми военными академи-

ями сосредоточивалось в Совете по подготовке РККА. В административно-хозяйственном отношении Хозяйственная академия РККА и флота подчинилась начальнику снабжений РККА.

Приказом РВСР от 6 декабря 1922 года № 2723 с 1 октября 1922 г. вводится новый штат академии. В академии остаются два факультета – военных снабжений со 180 слушателями и военнотехнический с 86 слушателями.

Учебный процесс и научные проблемные исследования в эти годы в академии вели известные профессора: Е.В. Тарле, А.А. Незнамов, В.Э. Ден, Н.А. Сулейман, Б.В. Жерве, Л.Г. Гончаров, С.П. Ставицкий, Е.Е. Шведе, В. Е. Егоров и многие другие.

После Октябрьской революции 1917 г. военные академии, за исключением Александровской военно-юридической, стали базами для создания академий Красной армии.

Через несколько месяцев вновь начали раздаваться голоса о создании в Военно-инженерной академии факультетов. Но вследствие развития за период Первой мировой войны как требований к путям сообщения, так и военной электротехники и, наконец, автомобильного дела и авиации, считалось уже, что академия должна делиться на большее число факультетов.

Летом 1918 г. была специальная комиссия из лиц профессорского и административного состава академии. По проекту указанной комиссией Военно-инженерная академия должна была состоять из следующих четырех факультетов: фортификационно-строительного, военных сообщений, электротехнического, автоаэромеханического. Предложения комиссии получили одобрение особой коллегии при Главном военно-инженерном управлении.

Приказом Народного комиссариата по военным делам от 31 марта 1918 г. № 247 утверждается временный штат Военно-инженерной академии, в которой осуществлялась подготовка военных инженеров, в том числе для железнодорожных, дорожных и автомобильных войск.

Летом 1918 г. распоряжением Главного инженерного управления РККА в находящейся в Петрограде Военно-инженерной академии РККА происходит реорганизация.

Таким образом, с 1 сентября 1918 г. в ее составе появляется факультет военных сообщений по подготовке военных инженеров старшего и

высшего командно-технического состава транспортно-технической специальности. Он находился в доме № 4 по улице 3 июля в Петрограде, где размещалась Военно-инженерная академия. Начальником факультета военных сообщений назначается профессор Александр Александрович Саткевич.

Перед факультетом военных сообщений ВИА РККА стояла задача по подготовке военных инженеров для службы ВОСО. Устанавливался трехлетний срок обучения, при этом младший курс был общим для всех факультетов, специализация начиналась со второго курса. Поэтому первые занятия на факультете военных сообщений фактически начались в 1919–1920 учебном году на среднем курсе, насчитывавшем пять слушателей. Занятия проводились в сохранившихся лабораториях и классах инженерной академии.

В начале нового 1919 учебного года в академии происходят некоторые организационные изменения. Академия в административном отношении была разделена на два отдела: строевой (строевой курс и подготовительные классы) и технический (собственно академия). Технический отдел делился не на факультеты, а на отделения. Таким образом, факультет военных сообщений был переименован в военно-дорожное отделение.

В 1920–1921 учебном году отделение военных сообщений состояло из двух курсов: старшего – из пяти и среднего – из 10 слушателей.

Первый выпуск пяти слушателей, окончивших военно-дорожное отделение академии и получивших высшую военно-транспортную подготовку, состоялся 20 октября 1921 г.

С 1 сентября 1922 г. распоряжением Управления военно-учебных заведений РККА военно-дорожное отделение разворачивается в факультет военных сообщений в составе военно-дорожного и автомобильного отделений с четырехлетним сроком обучения.

В связи с увеличением срока обучения, очередного выпуска на факультете по окончании 1921–1922 учебного года не было, и все слушатели старшего курса были переведены на дополнительный курс. Учебные занятия этого года также сочетались с командировками для участия в операциях советских войск. Так, в 1921 г., во время Кронштадтского мятежа, из слушателей-коммунистов академии был сформирован батальон, из которого под Кронштадтом в наступающие части РККА вливалось пополнение командным и политическим составом.

Весной 1922 г. слушатели старшего курса были командированы в Среднюю Азию, в крепость Кушку, где приняли участие в боевых действиях против басмачей.

Хотя от Гражданской войны нас отделяют многие десятилетия, но в современных Вооруженных Силах, могли бы использовать некоторые идеи и подходы к решению задач, применявшиеся в Гражданской войне, когда молодая Красная Армия переживала тяжелейшие годы становления и укрепления. Конструктивный опыт подготовки специалистов тыла и транспорта тех лет мог бы найти применение и в современных условиях, поэтому заслуживает самого пристального изучения.

¹ РГВА. Ф.1. Оп. 1. Д.197. Л. 1

² В 1961–1966 годах, когда изучался вопрос о дне годового праздника академии, был выявлен следующий факт. В разговоре начальника академии генерал-полковника М. И. Миловского с бывшим начальником Военно-хозяйственной академии РККА Н. О. Дейчем, последний заявил, что в декабре 1917 года делегация бывшей Интендантской академии была принята в Смольном В. И. Лениным, которому было заявлено о готовности всего профессорско-преподавательского состава академии служить Советской власти. По указанию В. И. Ленина Интендантская академия была переименована в Военно-хозяйственную академию РККА. Документально подтвердить данный факт невозможно, так как в 1917 году регистрация посетителей В.И. Ленина не велась. – Примеч. авт.

³ РГВА. Ф.1. Оп. 1. Д.197. Л. 1.

⁴ РГВА. Ф. 24702. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

⁵ РГВА. Ф.62. Оп. 1. Д.504. Л. 8. 6 РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 504. Л. 9.

⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 740. Л. 72–73.

⁷ Приказ народного комиссара по военным делам от 26 сентября 1918 года № 896.

- ⁸ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 972. Л. 177–183.
- ⁹ Ф. Вильмут. Академия и коллектив. «Красная академия», 1923. № 6. С. 7.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 24702. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
- ¹¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 740. Л. 72–73.
- ¹² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 год. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1943. С. 149–150.
- ¹³ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 534. Л. 5, 18, 59.
- ¹⁴ Приказ РВСР от 1 октября 1920 года № 2000.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 24702. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1050. Л. 61.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 24702. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
- ¹⁸ ЦГАВМФ СССР. Сборник приказов управляющего делами Народного комиссариата по морским делам и циркуляров начальников учреждений Народного комиссариата по морским делам. Л. 434.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 534. Л. 23.

Оксана Геннадьевна Пуговкина,
Республика Узбекистан, Ташкент,
Институт истории Академии наук
Республики Узбекистан, старший научный
сотрудник, кандидат исторических наук

ОСИПОВСКИЙ МЯТЕЖ В ТАШКЕНТЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОДХОДЫ

26 января 1919 г. в Александровском парке при огромном стечении народа состоялись похороны комиссаров и бойцов, погибших во время уличных боев против мятежников.

Наша газета, 1919 г.

Сегодня, как и тогда трудно понять логику поступков Осипова.

Марат Хасанов. Смертельный гамбит. 1991 г.

К истории Осиповского мятежа в Ташкенте 19–21 января 1919 г. среди исследователей, интересующихся историей Туркестана, вот уже на протяжении почти 100 лет сохраняется постоянный интерес. За эти годы изменились подходы исследователей к сути происходящих событий и их трактовка. В исследовании и описании данного события явно прослеживаются два значительных хронлогических периода: советский и современный. Анализ советской историографии показывает, что сбор материалов по истории Осиповского мятежа начинается с 1923 г., когда в журнале «Красная летопись Туркестана» были опубликованы воспо-

минания родственников погибших комиссаров и участников подавления мятежа¹. В последующие годы эта тема нашла отражение в комплексных работах, посвящённых истории Гражданской войны в Туркестане и Средней Азии и трактовались как «контрреволюционный заговор», «белогвардейский мятеж с целью свержения власти большевиков»².

Рубежными, в освещении событий Осиповского восстания, стали публикации конца XX – начала XXI в. В начале 90-х г. XX в. исследователи вновь обратились к истории Осиповского мятежа и, в первую очередь, это было связано с получением доступа к ранее закрытым архивам³. Современная доступная источниковая база в Узбекистане по истории Осиповского мятежа представлена архивными документами и материалами периодической печати.

Анализ фондов Центрального государственного архива Узбекистана позволяет выявить лишь незначительную часть документов по истории Осиповского мятежа. В этой связи необходимо отметить фонд Р-25 (Совет народных комиссаров ТАССР)⁴, в котором содержатся два дела с одноименным названием – «Материалы о ликвидации Осиповского мятежа»⁵, а также

ряд дел, в которых Осиповский мятеж упоминается в контексте проводимой большевиками политики борьбы с оставшимся «бывшим» белым наследием в Туркестане⁶.

Вопрос об источниках при освещении Осиповского мятежа является одним из актуальных. Именно их открытость и доступность стала определяющей для современных исследователей в осуществлении определенного научного прорыва в изучении и освещении данного вопроса. В этой связи особого внимания заслуживает «открытие» для исследователей в 1989 г. личного фонда Д.И. Манжары⁷.

Дмитрий Иванович Манжара (1885–1937) – видный политический деятель Узбекистана. В разные годы занимал ответственные посты в руководстве республикой: руководитель ЦКРКИ, заместитель председателя ЦИК Узбекской ССР. Позднее о нем будут писать, что «в тяжелые дни белогвардейского мятежа в Ташкенте в январе 1919 г. Манжара был одним из оставшихся в живых большевиков Ташкента, который возглавил трудящихся»⁸. 5 сентября 1937 г. Исполнительное бюро ЦК КПУ постановило снять Д.И. Манжару с занимаемой должности и исключить как «врага народа» из рядов партии и в 1938 г. он был расстрелян⁹.

Его личный фонд представляет для исследователей Осиповского мятежа бесценный материал для изучения: личные воспоминания, написанные в период 1905–1920-х гг.; руководство работой по сбору и написанию истории гражданской войны в Туркестане; 4 тома судебного процесса над участниками январских событий в Ташкенте¹⁰.

Особый интерес для исследователей истории Осиповского мятежа представляют 4 тома материалов судебного процесса. Они позволяют сделать вывод, что участники мятежа, которых судили, не имели прямого отношения к убийству комиссаров и к вооруженному восстанию, в их «идеальных планах» была лишь бескровная смена власти. Со слов Агапова, одного из обвиняемых, он не «допускал мысли, что в это самое восстание разыграется белогвардейский мятеж, что произойдут такие деяния, результаты. Знай, я это – никогда не принял бы участия»¹¹. Другой участник восстания, П. Цветков, в своей заключительной речи сказал, что он «признает себя виновным в том, что вместе с несколькими лица-

ми работал по подготовке переворота, который не приурочивался ни к какой дате, должен был совершиться в благоприятный момент и результатом которого должно было быть частичное или полное изменение власти»¹². Кроме того, в своих показаниях П. Цветков отмечал, что «убийство (имеется в виду расстрел 14 комиссаров – О.П.) произвела толпа, и как я пытался выяснить, главную роль в этом деле играли уголовники, которых выпустили из тюрем»¹³.

Относительно судьбы К. Осипова показания и Агапова, и Цветкова совпадали в том, что сам Осипов был на грани ареста, и, осознавая это, ускорил развитие событий.

Документы из личного фонда Д.И. Манжары позволяют говорить о том, что уже в 1933 г. руководством республики поднимался вопрос об установке памятника погибшим комиссарам и всем, погибшим в годы Гражданской войны¹⁴.

Доступность к материалам личного фонда Д.И. Манжары позволила исследователям дать иную трактовку Осиповскому мятежу в Ташкенте. В 1991 г. отечественный историк Марат Хасанов на основе изучения документов фонда публикует в журнале «Звезда Востока» статью «Смертельный гамбит»¹⁵. М. Хасанов поднял и раскрыл широкий круг ранее не исследуемых и не задаваемых вопросов, что было совершенно новым взглядом на трактовавшиеся ранее события: показан баланс политических сил в крае (большевики эсеры, рабочие и армия), борьба между «старыми» и «новыми» большевиками, вырисованы портреты политических лидеров восстания – Агапова, Цветкова, Осипова, «старых большевиков» – Тоболина, Колесов.

Интерес М. Хасанова вызвала сама фигура К. Осипова, его мотивы и поступки, цели в организации заговора. Он пишет, что современникам трудно понять логику поступков Осипова и это возможно сделать лишь через ряд предположений: «Быть может, как безжалостный стратег он рассчитывал, что повязав сподвижников кровью, отрежет им путь к отступлению, заставив идти до конца... Быть может, переоценив чисто военную сторону переворота, он оказался не готов к бремени политической ответственности, растерялся, и жестокие крайности, в которые он ударился, свидетельствуют об истерике, охватившей его... Быть может, что с первыми выстрелами всякие гуманные интересы отошли на

второй план, и их оттеснили личные обиды и амбиции? А может Осипов исполнял волю «старых коммунистов», подставивших его и бросивших в критический момент? В таком случае, расстрел туркестанских комиссаров выглядит всего лишь гнусным актом мести, осуществленным чужими руками»¹⁶.

В определенной степени, выводы по Осиповскому мятежу, сделанные М. Хасановым еще в 1991 г., были развиты в 2006 г. в коллективной монографии Института истории АН Узбекистана – «Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости»¹⁷. Ее авторы пришли к выводу, что в Ташкенте в конце 1918 – начале 1919 гг. сплелись воедино несколько факторов, ускоривших мятеж и обострившие политическую ситуацию: «красный террор», чистка «бывших», Гражданская война. Отмечалось, что самая серьезная угроза исходила из «среды самой большевистской партии, вернее, от ее руководства. КПТ постоянно сотрясалась от групповой борьбы, склок, вызванных претензионными амбициями теоретически и политически незрелых, а порою просто малограмотных лидеров партии. Вся вторая половина 1918 г., по сути, прошла в КПТ под знаком борьбы между так называемыми «старыми коммунистами» (И.О. Тоболин, Ф.И. Колесов и др.) и «молодыми», группой партийных работников, приехавших из центра»¹⁸.

Изучение документов фонда Д.И. Манжары позволило другому отечественному исследователю – В.А. Германову, открыть заново имя Павла Цветкова¹⁹. В современной исторической науке имя П.П. Цветкова как ориенталиста было совершенно забыто, отсутствовали биографические данные о нем, его наследии, было лишь известно, что он являлся одним из организаторов мятежа. В результате многолетних изысканий в архивах России и Узбекистана, В.А. Германов расширил скудные сведения из биографии П.П. Цветкова, а также дал оценку степени его участия в Осиповском мятеже, а также сути самого события. В. Германов пишет: «Участие Цветкова в событиях, предшествующих путчу и во время его было своеобразным... Накануне готовящегося выступления он организовал издание бюллетеня «Свободная пресса». Вышло около десяти номеров[...], подготовленных и лично отредактированных. Цветков обращался к рабо-

чим, фронтовикам, солдатам Красной Армии, ко всему населению республики с изложением своей концепции народной власти, отличной от диктатуры пролетариата. Резонно заключая, что в России рабочих всего 4% от всего населения, он требовал пропорционального представительства в правительстве Туркестанской республики и для остальных 96%. Выступая против террора вообще, П.П. Цветков квалифицировал расстрел четырнадцати ташкентских комиссаров как просто убийство, совершенное толпой, в свою очередь, спровоцированной некими заинтересованными лицами»²⁰.

В. Германов также придерживается мнения, что январский мятеж 1919 г. в Ташкенте явился результатом внутривластной борьбы между старым и прибывшим политическим руководством и называет его «путчем». Закрытость большинства источников вынуждает автора делать лишь предположительные выводы, к которым пришел и Марат Хасанов: «Подготовкой к восстанию занимались какие-то заинтересованные лица, оставшиеся в тени. Кому-то, кто неудержимо шел к власти, необходимо было осуществить сложную комбинацию: открыть клапан, дабы выпустить пар народного недовольства, столкнуть и устранить от политического руководства людей, принадлежащих к нескольким противостоящим друг другу группировкам, предоставляя им возможность истребить друг друга»²¹.

Значительный источниковый материал по данной теме содержится в «Нашей газете»²². Несмотря на начавшийся мятеж 19 января 1919 г. вышел № 13 газеты, в котором публиковались постановления и распоряжения от 11–16 января 1919 г. В период с 20 по 24 января газета уже не выходила, что, естественно, объяснимо вооруженными событиями в Ташкенте, царившим хаосом, приостановкой работы всех учреждений. Следующий, № 14 газеты, вышел уже после мятежа 25 января 1919 г. с разъяснениями о сути произошедших событий. Последующие номера газеты уже выходили без перерывов. Публикуемые в газете постановления, приказы, распоряжения уже после мятежа позволяют проследить изменение динамики отношения советской власти к бывшим привилегированным слоям общества, к бывшим офицерам, буржуазии, все большей реакции, ограничении

прав и свобод, репрессий. Обращает на себя внимание риторика авторов ряда статей на произошедшие события, которые расцениваются, как «преступная авантюра», «белогвардейское восстание», «наглая попытка»²³, а в качестве участников мятежа указываются «черное офицерство, чиновники, вооружённые младенцы, верные служители и поклонники реакции и буржуазного строя».

Для понимания сути произошедших событий важны те номера газеты, в которых приводятся стенограммы судебного процесса, речи стороны обвинения и защиты, заключительные выступления обвиняемых. В номерах газеты с 6 по 28 марта шло детальное освещение судебного процесса²⁴. Итогом обвинительного приговора стало следующее постановление: «Верховный революционный трибунал предлагает Цветкова, Агапова, Попова взять под стражу. Акимова, Соновского, Чижова, Матулена, Лебедева, Буторина освободить»²⁵.

Прежде в советской историографии этот вид источника и его содержательная сторона даже не рассматривались с целью воссоздания не только объективной исторической картины, но и с целью понимания мотивации поступков участников мятежа. Так, в своей заключительной речи, П.П. Цветкова полно отразил и причины своего участия, и своё мировоззрение: «Факт принадлежности к определённой группе имеет определенное решающее значение. Другое, что является затруднительным в этом деле – это внутренние причины. Судьи могут оправдать даже убийство, если оно совершенно как самое обыкновенное преступление. Но здесь в наличии преступление за идею. Апеллировать можно только к идее. К ней самой. Но это значит продолжать преступление, будучи на суде. Но как можно доказать правильность идеи, тем более несуществующей. Христа же распяли. Чтобы не топить других, я отплываю в сторону. Я дал материал, который послужил обвинению, но он должен послужить и в мою защиту»²⁶.

История Осиповского мятежа в XX веке нашла своё отражение в художественной литературе²⁷. Непосредственно с фигурой Д.И. Манжары и его судьбой связан еще один малоизвестный факт, как события Осиповского мятежа могли бы найти отражение в советском изобразительном искусстве²⁸. Эти данные были получены при из-

учении фонда Союза художников Узбекистана²⁹. В частности, в одном из стенографических отчетов ССХ, датируемых 1937 г., разбирается заявление двух художников Узбекистана Л. Уфимцевой и Мороза «с жалобами на Музей Революции о расторжении договора». Со слов художницы Уфимцевой ситуация выглядела следующим образом: «Мной, вместе с художником Морозом была взята тема «Осиповское восстание» и данная картина должна была быть выполнена к 15-летию Узбекистана, причем, при написании данной картины в качестве консультанта должен был участвовать Д.И. Манжара. Мы с Морозом начали работу, причем договор нами был заключен безденежный. Когда выяснилось, что Манжара – враг народа, то Юденич³⁰ пришел ко мне и взял аннотацию и Музей договор самовольно отменил, а тематику передал Оргкомитету»³¹. Эти факты, в определенной степени, подтверждаются документами из личного фонда Д.И. Манжары. В 1934 г. в республике был разработан план художественного освещения истории Гражданской войны, приуроченный к 15-летию образования республики. В частности, планировалось: создание большой художественной картины – «Борьба за советский Туркестан»; литературного произведения – «Белогвардейское восстание» (Осиповский мятеж, январь 1919 г.); художественного полотна – «Памяти 14 комиссаров»; написание либретто – «Январское восстание» с постановкой в Ташкентском и Московском театрах³². После расторжения контракта с Уфимцевой и Морозом, за создание художественных полотен по истории Осиповского мятежа хотели взяться два художника Узбекистана: Абдуллаев – «Бой на Госпитальной улице» и А. Волков – «Расстрел комиссара», но как показала история, работы так и не были начаты³³. Материалы фонда Союза Художников позволяют сделать вывод, что написанная картина «Осиповский мятеж» впоследствии была уничтожена.

В истории Осиповского мятежа осталось еще много малоисследованных страниц. Своего исследования ждут вопросы участия политических сил Туркестана в Осиповском мятеже, судьба К. Осипова, как-то обойдённая до сих пор вниманием исследователей, разбор и изучение программных установок лидеров восстания, их судьбы, неизученными остались материалы судебного процесса и др.

Современные исследования отличает взвешенный подход к освещению событий Осиповского мятежа, на основе привлечения разнохарактерного источникового материала, открывшихся новых архивных источников и продолжающегося процесса переосмысления исторического прошлого.

-
- ¹ Красная летопись Туркестана. Ташкент, 1923. № 1-2. С. 128-210.
- ² Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. – Т., 1925; Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии 1905-19120 гг. Воспоминания. – Т., 1934; Революция и культура Средней Азии. Сборник первый. – Т., 1934; Саликов Д. В кольце фронтов. Воспоминания // Историк-марксист. № 4. 1941. С. 59-72; Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. – Т., 1957; Зевелев А.И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. – Т.: Государственное издательство Узбекской ССР. 1959; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т.1, май 1918- сентябрь 1919. – Алма-Ата, 1963; История Гражданской войны в Узбекистане. В 2-х томах. – Т.: Наука, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. – Т., 1974; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т.1, май 1918- сентябрь 1919. – Алма-Ата, 1963 и др.
- ³ Голендер Б. Три дня в морозном январе. Документальная повесть // Звезда востока. № 1. 1989. С. 104-117; Революция глазами современников. Сборник статей и воспоминаний. – Т.: Узбекистан, 1991; Хроника событий Гражданской войны в Узбекистане. – Т.: ФАН, 1991.
- ⁴ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА). Р-25 – Совет народных комиссаров Туркестанской Автономной советской социалистической республики. 1279 ед.хранения. 1917-1924.
- ⁵ ЦГА РУз Р-25, оп.1, д.184 – Материалы о ликвидации Осиповского мятежа; д.185 – Материалы о ликвидации белогвардейского мятежа в январе 1919.
- ⁶ ЦГА РУз Р-25, оп.1., д. 83, д.144, д. 96а и др.
- ⁷ ЦГА РУз Р-1747. В 2-х описях. Его фонд сформировался в 1983 г. на основе документов, переданных его родственницей В.В. Манжарой.
- ⁸ Революцией призванные. Т.: Узбекистан, 1987. С. 140.
- ⁹ В отечественной исторической науке отсутствуют публикации, посвященные жизни и деятельности Д.И. Манжары на основе новых источников.
- ¹⁰ ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 13-16. – Судебный процесс над Цветковым, Агаповым и другими участниками Осиповского восстания; д. 4 – Протоколы заседаний секретариата комиссии САБ ЦК ВКП (б) по истории Гражданской войны в Средней Азии; Оп.2. д.14, д.15.
- ¹¹ ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 14. – Судебный процесс над Цветковым, Агаповым и другими участниками Осиповского восстания. Ч.2., л. 9.
- ¹² ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 14, л.43.
- ¹³ ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 14, л.61.
- ¹⁴ ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 2 – О постройке в Ташкенте памятника погибшим в Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. 1933. В 1962 году напротив Северного вокзала в Ташкенте был установлен памятник 14 Туркестанским комиссарам, демонтированный в 90 - е годы XX в.
- ¹⁵ Хасанов М. Смертельный гамбит // Звезда Востока. 1991. № 10. С.122-142.
- ¹⁶ Хасанов М. Смертельный гамбит. С. 142.
- ¹⁷ Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости». – Т.: Шарк, 2000.
- ¹⁸ Туркестан в начале XX века. С. 137.
- ¹⁹ Германов В.А. Полузабытый ориенталист П.П. Цветков: драма жизни, трагедия судьбы научного наследия // Общественное мнение. Права человека. Ташкент, 2008. № 2. С. 135-141.
- ²⁰ Туркестан в начале XX века. С. 137.
- ²¹ Там же.

- ²² «Наша газета» была организована в марте 1917 г. в Ташкенте и первоначально рассматривалась, как печатный орган Советов, в противовес «Туркестанским ведомостям», которые были печатным органом Туркестанского комитета Временного правительства. После октябрьского переворота - это печатный орган большевиков в Туркестане (1917-1924).
- ²³ Наша газета. №14. 25.01.1919. Л. 1.
- ²⁴ Наша газета № 46-48, № 51-59, № 62-64.
- ²⁵ Наша газета. № 62. 1919. Л. 3.
- ²⁶ Наша газета. № 62. 26.03.1919. Л.3.
- ²⁷ Тримасов Л. Ночи без тишины. – Т.:Узбекистан, 1969; Морозов М., Ропский Г., Сидельников О. Приговор приведен в исполнение. –Т.: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1980; Липко В. Избранное в 2-х томах. Том 2. – Т.: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1980; Липко В. Избранное в 2-х томах. Том 2. – Т.:Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1980.
- ²⁸ Автор статьи выражает искреннюю благодарность магистру искусствоведения, с.н.с. Института истории АН РУз М.С. Тухтаевой, любезно предоставившей данную информацию.
- ²⁹ ЦГА РУз. Р-2320, оп.1. д. 26 – Протоколы заседания Оргкомитета Союза светских художников Узбекистана. 12.11. 1937.
- ³⁰ Юденич занимал должность зам.директора Музея революции в Ташкенте.
- ³¹ ЦГА РУз. Р-2320, оп.1. д. 26, л.43.
- ³² ЦГА РУз. Р-1747, оп.1. д. 3 – Переписка о сборе материалов для сборника Гражданская война в Средней Азии. Л. 81, 82, 83, 92.
- ³³ ЦГА РУз. Р-2320, оп. 1, д. 26, л. 52.

Международные аспекты Гражданской войны на Дальнем Востоке по документам РГВА

Тема иностранного вмешательства во внутригосударственные конфликты сопряжена с вопросами о том, при каких обстоятельствах возникают оппозиционные центры власти, имеют ли устойчивую политическую и экономическую платформу, в чем видят задачи дипломатии, что делает исследование предмета актуальным для понимания логики революционных событий. С этой точки зрения особый интерес представляет изучение Гражданской войны на Дальнем Востоке, в которую оказались одновременно вовлечены различные внешние силы. Анализ хранящейся в РГВА документации органов военного управления Красной и Белой армий дает возможность понять, какую роль, по оценкам русского командования, сыграли в противостоянии интервенты, интернационалисты, подданные соседних стран.

Информативным источником являются материалы белогвардейских специальных служб за 1918-1919 гг. о деятельности союзников. В документах военно-статистического отделения Приамурского военного округа отложились доклады драгоманов, которые из бесед с иностранцами узнавали о численности, передислокации, снаб-

жении японских, американских, чехословацких, китайских войск на русской территории, о взаимоотношениях между их штабами¹.

Отслеживалась инвестиционная активность японцев на Дальнем Востоке, где помимо крупных сделок по приобретению концессий на ископаемые, рыбные, лесные ресурсы, скупалась недвижимость: товарный пассаж Второва и электрическая станция в Чите, мукомольни И.В. Кулаева в Никольск-Уссурийске. Сообщалось, что большую выручку благодаря дороговизне и дефициту товаров массового потребления приносили филиалы магазина «Восходящее солнце» в Забайкалье. Стремительно росло число смешанных товариществ и паевых обществ. Состоявшие в них русские предприниматели лоббировали интересы своих японских покровителей среди сельских, инородческих объединений для получения доверенностей на разработку копей, спичечного, бумажного, мыловаренного производства. Аналогичным способом добывались разрешения на передвижение вне очереди всевозможных грузов, что приводило к конфликтам с американцами, осуществлявшими технический контроль перевозок².

Пристально контрразведка следила за негосударственными организациями. Членов союза «Христианских молодых людей» обвиняли в проведении «митингов крайних социалистов из народных учителей Иманского и Хабаровского уездов», в «распропагандировании» русских. Представителям Американского Красного Креста инкриминировалось укрывательство евреев – выходцев с Дальнего Востока – работавших переводчиками. Считалось, что они пользовались неприкосновенностью дипломатической почты для вывоза «платины с Урала и золота из Иркутска и Забайкалья через Харбин и Владивосток» и финансирования восстаний³. Красноречиво письмо, направленное 18 февраля 1919 г. И.П. Калмыкову великобританским консулом во Владивостоке с требованием вернуть английскому подданному Надан-Синг жалование из захваченных атаманом средств Шведского Красного Креста. В Хабаровске в свою очередь утверждали, что сотрудники этой миссии снабжают деньгами и поддельными паспортами для побегов лагерь военнопленных на Красной речке. Доказательством служил арест в декабре 1918 г. по подозрению в шпионаже трех австрийских офицеров, у которых обнаружили незарегистрированные 15 тыс. 545 руб. «кредитками старого образца и керенками»⁴.

Дополняют картину документы, где зафиксированы случаи вмешательства военного командования США в дела белогвардейских властей. От попыток пресечь массовые реквизиции до роспуска по домам призывников со сборных пунктов Забайкалья⁵. В январе 1919 г. американский гарнизон в Хабаровске разоружил и взял под охрану восставшие против атамана И.П. Калмыкова 3-ю и 4-ю сотни 1-го Уссурийского казачьего полка. Расследовавший инцидент военный прокурор Приамурского военно-окружного суда генерал-майор Старковский отмечал в рапорте, что американцы воспринимали здешние части «как банду», а их полковник «во избежание резни» настаивал на передаче арестованных лично командующему войсками Приамурского военного округа⁶.

Участник хабаровских событий, председатель военно-революционного штаба партизанских отрядов Приамурья Д.И. Бойко-Павлов вспоминал об американцах: «это была только парадная форма. Мы их называли шоколадники, ни одна

экспедиция не проходила, чтобы по пути не встретить их с напитками, бутылками. Как только отряд встречался с трудностями, все боевые способности сразу терялись». Осведомленные о волнениях, они не произвели ни одного выстрела, не пробовали кого-либо задержать, что могло быть связано с желанием ослабить авторитет И.П. Калмыкова, находившегося на службе у Японии⁷.

Источники иностранного происхождения также свидетельствуют о взаимном недоверии. В рапорте, поступившем летом 1919 г. во Второе бюро Генштаба Франции, предательством и преступлением называлось положение на подконтрольных Г.М. Семенову железнодорожных узлах: «Ainsi, de nombreuses locomotives, constamment sous pression, sont immobilisées a Tchita, tandis que les communications entre le front et Vladivostok sont entravées ou empêchés, faute de matériel roulant»⁸.

С иного ракурса ситуацию освещают агентурные сводки Харбинского контрразведывательного отделения за 1919 г., в которые включались сведения пропускных паспортных пунктов об отъезде и возвращении в Россию чиновников, дипломатов, военных. Так, 16 августа из Японии прибыл командир Туземного корпуса генерал-майор барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг, 22 сентября в Токио выехал подполковник Особого маньчжурского отряда Е.В. Грегори «с важным поручением от генерал-майора Семенова к японскому правительству» (вернулся в Харбин 31 октября). Отмечались передвижения по железным дорогам: «25 октября с поездом № 52 со ст. Петухово проследовал во Владивосток санитарный эшелон № 1 Американского Красного креста, в коем находилось 5 раненых русских офицеров и 202 солдата. Эшеленом командовал капитан Шоберн»; «12 ноября через ст. Пограничная с поездом № 104 из Харбина во Владивосток проследовал японский эшелон № 891 в составе 21 вагона с мукой, сопровождаемый 8 солдатами под командой старшего унтер-офицера Ида»; «16 ноября из Владивостока в Верхнеудинск проследовал американский эшелон № 2523 в 28 вагонов, нагруженных керосином, одеждой, мясом и автомобилями в сопровождении 83 солдат под командой лейтенанта Мирженсон»⁹.

Важным направлением разведки стало изучение обстановки в Китае и бывших протекторатах

Российской Империи, где усиление революционных настроений и китайского влияния грозило потерей путей снабжения, не имевших альтернативы по причине загруженности Транссиба. После установления советской власти на Дальнем Востоке работу агентурных сетей за рубежом координировали консульства в Куаньченцы, Цицикаре, Улясутае, Маймачене, анализируя события в мире политики, экономики, военного дела¹⁰. Информационные сводки знакомят с такими сюжетами, как антироссийская деятельность немцев в Мукдене и Тяньцзине, переговоры первых Советов с китайскими провинциальными властями, формирование в полосе отчуждения КВЖД и Маньчжурии белогвардейских отрядов, проникновение большевиков в Монголию и Урянхайский край¹¹. Источником служили официальные документы, слухи, а также местная пресса. В 8,5 долл. (370 руб. романовскими кредитными билетами) обошлась разведывательному отделению штаба Иркутского военного округа полугодовая подписка на газету «Чжан-фу-гун». В мае 1919 г. начальник разведки обратился к вице-консулу в Кяхте В. Лавдовскому с просьбой прокомментировать, правда ли тот был освобожден китайцами из-под большевистского ареста 6 июля 1918 г., как о том писала газета «Гунь-Янь-Бяо», или же Пекин намеревался получить компенсацию за якобы понесенные потери¹².

Ценные сведения о международных аспектах Гражданской войны содержат собранные разведкой народно-революционной армии (НРА) материалы зарубежной периодики за 1919–1921 гг. о забастовках в Японии, о росте цен, сокращении экспорта, банкротстве крупных фирм и закрытии центров обрабатывающей промышленности. Констатировалось, что за годы интервенции японский бизнес потерял прибыльный сибирский рынок. Ухудшились показатели торговли с Китаем и США¹³. Финансовый, индустриальный кризис, как писал социалист Катаяма Сэн в статье «Japan and the coming Imperialist war», подтолкнул парламент к решению о выводе войск из России («International press correspondence» vol. 2, № 22, 21 March, 1922)¹⁴.

В 1920 г. начали поступать сведения о положении в Монголии. В январе в штаб дислоцировавшегося у границы боевого революционного отряда П. Смолина прибыл представитель Булхтайской колонии М.Л. Чураков с просьбой о

защите. Из обращения следовало, что глава монгольских караулов Галда Цыден Бальсир, враждебный к сторонникам народной власти, требовал сдачи оружия и не позволял выезжать в Забайкалье для вступления в НРА. Одновременно начальнику разведотдела штаба главкома НРА Б.Д. Магеру докладывали о выборе советских работников в управу русской фактории в Урге. Ее председатель тов. Чайванов планировал арестовать консула А.А. Орлова и захватить Русско-монгольский банк, где находилось «до 10 млн. руб., принадлежащих русской буржуазии, и до 500 тыс. руб. консульских денег». Кроме того, под давлением управы китайские власти расстреляли сотника Саламаху, который обвинялся в расправе над заключенными Красных казарм¹⁵.

Реальные мотивы и обстоятельства сближения с Монголией, а также особенности подготовки похода против расположившихся за границей белогвардейских частей запечатлены в переговорах представителей РСФСР и ДВР. В ноябре 1920 г. в беседе по прямому проводу с членом РВС Восточного фронта Б.П. Позерном и заместителем председателя секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) Ф.И. Гапоном уполномоченный НКВД в Сибири Я.Д. Янсон определял цель операции как возможность «нажать на Китай», «произвести демонстрацию против Японии» и «уничтожить совершенно семеновцев». С другой стороны, он искал предлог, чтобы затянуть передачу боеприпасов: «Пока надо из монгол на нашей территории создать небольшой военный кадр включая его в какую либо нашу часть. Вы можете им сказать, что ввиду предстоящей экспедиции у вас нет лишнего оружия, но что к моменту выступления Вы получите из Омска»¹⁶.

В феврале 1921 г. военком Троицкосавского пограничного района Нестеров, обсуждая ситуацию с помощником начальника оперативного управления НРА Б.Д. Магер, высказал следующее мнение: «Дабы не быть прикрытием для разбойных шаек китвойск, не поддерживать жалкое поползновение мертвого маймаченского китправительства, могущего сколько угодно существовать, вытягивая из нас продовольствие и другие предметы первой необходимости, считая требованием момента выдвижение своих частей к югу от Маймачена не производить. Врагов этим мы в лице монгол себе не наживем, что в будущей борьбе с Унгерном очень важно»¹⁷.

В это же время Троицкосавский кавалерийский дивизион совершил рейд в Монголию, где захватил для получения информации несколько десятков русских беженцев. Из содержания опросных листов следует, что большинство из них покинуло Россию в 1915–1916 гг. другие дезертировали в 1920 г. из колчаковской армии или НРА и, основав заимки, занялись хлебопашеством¹⁶.

В марте 1921 г. Главком ДВР в разговоре с начальником Троицкосавского пограничного района Катерухиным, на которого возлагались дипломатические функции, отмечал: «по международному положению мы должны соблюдать в этой монгольской авантуре строжайший нейтралитет дружественный китайцам. Образовавшееся монгольское правительство нами признано быть не может и не будет, полагаю, что и Совроссия его не признает. Официальное содействие китвластям не должно идти вразрез тому, что предпринимает представитель Коминтерна. Даже между заданиями Коминтерна и внешней политикой Совроссии есть большая разница». Катерухину поручалось распространить «приказ на монголо-китайском языке» о принятии чрезвычайных мер по охране границы ДВР, поскольку китайские власти ответственность за спокойствие не несли. Для их дискредитации следовало обнародовать «акты о безчинствах», что могло дать основание к образованию дружин самообороны из монголов¹⁹.

В РГВА сохранились отдельные документы об участии в борьбе с белогвардейцами 1-й Китайской революционной дивизии, которая формировалась по поручению Кантона в Гиринской провинции. Ее подразделения, возглавляемые Синдиу, в феврале 1922 г. вели бои против капелевцев по направлению Вяземская-Семягино, заставив их покинуть Иман. В телеграмме главкому ДВР В.К. Блюхеру 10 апреля 1922 г. командир Сводной стрелковой бригады НРА Я.З. Покус отмечал, что Синдиу, «как и каждый комотряда персонально по первому требованию русского красного командования исполняет любое поручение»²⁰. Это, однако, не помешало обвинить последнего в шпионаже против ДВР. В сентябре 1922 г. военный суд при войсках 2-й Приамурской стрелковой дивизии прекратил дело за отсутствием улик, с формулировкой: «Синдиу командует партизанским отрядом на службе У-Пэйфу, работающим в контакте с НРА»²¹.

Документация военных судов и трибуналов – еще один практически не известный источник по истории Гражданской войны. В следственных материалах собраны данные о социальном, возрастном составе осужденных, характере преступлений, варьировании сроков наказаний. На основе их анализа можно составить представление о криминальной обстановке на русском Дальнем Востоке, где жертвами и злоумышленниками нередко становились китайцы²².

Тесно переплелась с историей Гражданской войны на восточной окраине Российской Империи история корейского национального движения, нашедшая отражение в переписке по делу, которое особый отдел ВЧК возбудил в апреле 1922 г. против 35 военнослужащих Интернациональной бригады РККА и 4 гражданских лиц²³. Их обвиняли в нелегальной переброске корейцев на Дальний Восток и в заговоре против комбрига О-ха-мука. Исходя из показаний командира 3-го корейского полка Т.В. Хван-Хаира, завхоза 1-го корейского полка Ф.И. Кима, начальника бригадкомкурсов Ли-чин-чена, бывшие партизанские лидеры испытывали недовольство пассивным положением в РСФСР, тогда как борьба с японцами велась в ДВР. Во многом конфликт спровоцировало соперничество Дальневосточного секретариата Коминтерна и Дальбюро ЦК РКП (б), пытавшихся взять под контроль корейские отряды. В первом случае – для экспорта революции в Корею, что могло вызвать протест Токио и значительно ухудшить положение ДВР, во втором – для вытеснения интервентов.

Как видно из анкет арестованных интернационалистов, антияпонское восстание корейского населения в Северной Маньчжурии произвело широкий резонанс. Те, кто служил до 1920 г. в китайских, японских, белогвардейских войсках (А.В. Колчака, Д.Л. Хорвата, И.П. Калмыкова) или занимался коммерцией и хлебопашеством, прибыли в Советскую Россию. Многие поступили на 1-е советские пехотные курсы в Омске.

Отдельно следует выделить имеющиеся в РГВА оригиналы и переводы документов из переписки с местными китайскими властями, запечатлевшей целый спектр проблем дальневосточного приграничья – от контрабанды зерна и выращивания мака, до участвовавших в 1921–1922 гг. нападений хунхузов, которые уводили в плен русских граждан и вымогали дань с хуторов и станиц.

В марте 1919 г. пограничный комиссар Амурской области Максимов обратился к Хэйхэйскому дао-иню, исполнявшему обязанности Айгунского дипломатического чиновника МИД Китайской Республики, с просьбой расследовать обстоятельства гибели 15 русских граждан, чьи трупы обнаружили у деревни Сяо-хэй-хэ напротив Благовещенска, а также сделать распоряжение о выдаче тел родственникам. В ответе сообщалось, что убитые – большевики, расстрелянные японцами, о чем заявил приглашенный для совместного изучения дела начальник японского поста Сака-тоо. Дао-инь уведомил последнего «в будущем не производить зарытие подобных трупов на китайском берегу»²⁴.

В мае 1919 г. военный прокурор Приамурского военного округа, согласовав детали с китайским консулом во Владивостоке, организовал передачу сражавшихся на стороне большевиков и взятых в плен на Уральском фронте китайских и корейских добровольцев (25 человек) из Шкотовского лагеря в распоряжение Гиринского дипломатического бюро²⁵.

В том же месяце жалобу русскому пограничному комиссару направил заведующий дипломатическим бюро Янь-цзиского Даоинства. Поводом стал инцидент с дезертировавшими из белогвардейских частей китайцами, которые занимались грабежами в районе города Дун-нин. Сформированный по приказу И.П. Калмыкова для их поимки отряд в 200 человек вторгся в местность Дун-дачуань, Ян-шу-гоу-цзы и Син-жан-шэ, где расстрелял 26 землепашцев и сжег несколько домов²⁶.

В январе 1920 г. урегулированием конфликтов занялось командование Восточно-забайкальского партизанского фронта. С.С. Киргизов учредил должность уполномоченного при китайских войсках в Аргуни, которому предписывалось «убеждать китвласти в законности борьбы Красной Армии; собирать заграничные сведения; предупреждать о невозможности ввоза спиртных напитков на русскую территорию; решать – давать или не давать хлеб и сено переведенным в китайское подданство русским людям; как вести себя по отношению к китайцам – задирчиво, воинственно, внушительно, надменно или по-человечески, как знакомые, имеющие право решать известные вопросы»²⁷.

Непросто складывались переговоры о выводе китайских войск, которые заняли Троицкосавск,

Кяхту и Красные казармы по просьбе думы и лично городского головы Н.Д. Смолева. Официальное постановление (13 января 1920 г.) этот шаг оправдывало необходимостью защитить жителей ввиду неспособности гарнизона пресечь произвол семеновцев. После захвата города 18 февраля ревком обратился к китайскому командованию с просьбой покинуть Россию, на что получил отказ, поскольку последнее признавало лишь земскую власть в Верхнеудинске. В феврале-марте 1920 г. командующий юго-западным фронтом Прибайкалья П. Смолин, а также представители ЦИК Совета Прибайкалья И.М. Канунников и Ф.И. Жарков провели несколько встреч с помощником Ургинского сановника в Кяхте Лу, старшим секретарем Нью-ван-бином и чиновником Ли-ван-жу, по данному вопросу²⁸.

Партизанские лидеры старались улаживать проблемы мирно, хотя не каждый из них отличался дипломатичностью. В феврале 1920 г. начальник Аргунско-китайского кордона Ванми-хен выразил возмущение командиру 4-го военного революционного полка П.Н. Журавлеву в связи тем, что русские военные отобрали лошадь у китайского подданного. «Мне кажется, что такая революция ни в одном государстве не бывала, а если вы признаете общенародной революцией, то зачем обираете народ, не говоря своих русских, и китайцы не уходят от ваших красноармейцев. В будущем предлагаю вам принять самые строгие меры к охранению международного нейтралитета, а в противном случае мною будут приняты самые серьезные меры. Мною будет донесено высшему правительству, чтобы увеличить реальные наши силы и граница будет прикрыта окончательно» – говорилось в обращении.

В ответном письме П.Н. Журавлев безапелляционно заявлял: «Ваши документы, удостоверяющие купчую, я считаю подделкой, Вы как начальник стражи прикрываете обман, что указывает на несоответствие Ваше по занимаемой должности. В то время как вы закрываете границу для моих красноармейцев, Вы закрываете ее и для себя, чем меня не пугаете. Если же Вы указываете мне, что неправильно протекает революция, то Вам до революции нет никакого дела. Вы с ней не знакомы и смотрите как баран на новые ворота. Если Вы представитель нейтральной страны, если храните международные

интересы, то почему не воспретите семеновцам в пограничной полосе грабить наше имущество и сжигать наши дома. За брошенное Вами оскорбление моим красноармейцам, что они есть «русские разбойники» Вы будете отвечать, я Ваши слова без внимания не оставлю и заставлю Вас взять их обратно»²⁹.

С образованием ДВР диалог изменил русло. Вторжение Азиатской дивизии в Монголию и взятие ее столицы вынудило главного правителя страны Ли Юаня обратиться за военной помощью к начальнику Троицкосавского погранрайона Катерухину. В письмах за февраль-март 1921 г. он также просил вывезти китайских беженцев. В итоге, охранные листы от Читы получили 7 000 торговцев, 2 500 рабочих, 500 земледельцев, 500 промышленников, 200 слуг, 120 актеров, 5 лекарей, которых переправили в Китай через Верхнеудинск и Маньчжурию³⁰.

Мало изучены источники о судьбе иностранных военнопленных на Дальнем Востоке. Интерес представляют удостоверения на выезд из России, выданные в начале 1920 г. во Владивостоке подданным Германии и офицерам Австро-Венгерской армии. Каждый документ снабжен фотографией обладателя, а резолюции, пометы и подписи отражают основные этапы репатриации³¹.

До и после революций 1917 г. немцы и австрийцы восполняли нехватку специалистов в сельском хозяйстве, промышленности, активно влияясь в жизнь Дальнего Востока. Многие зарабатывали преподаванием языков и наук, служили врачами, токарями, литейщиками снарядов в НРА³². Для военнопленных «братских национальностей» упрощалась процедура перехода в русское подданство. Имелись и иные привилегии. В апреле 1918 г. за разрешением на свободное проживание к коменданту 3-го участка Спасского гарнизона и в Шкотовский волостной совет обратились служившие в турецкой армии греки. К документам прилагалась положительная характеристика заявителей за подписями протоиерея и диакона Шкотовской церкви. Исполнительный комитет Спасского совета крестьянских и рабочих депутатов в просьбе не отказал³³.

В первой половине 1918 г. по условиям Брест-Литовского мирного договора советские власти приступили к отправке солдат бывших вражеских держав в Европу. Свидетелями процесса стали американские инженеры, совершавшие

поездку из Владивостока в Красноярск во главе с полковником русского железнодорожного корпуса Дж. Эмерсоном. Впечатления от общения с немцами и турками изложены в их докладе (Report of the American railway engineers who were in Siberia at the time of the czechoslovak movement which resulted in the overthrow of the Bolshevik and central power war prisoners associated with them)³⁴.

Тяжелая ситуация на железных дорогах приводила к столкновениям немцев и мадьяр с чехословаками. Эти эксцессы активно освещали союзники, склоняя общественное мнение к одобрению интервенции на Дальнем Востоке. Однако с вмешательством Антанты проблема содержания пенитенциариев, обременявших бюджеты контрреволюционных правительств, не исчезла. Положение в застенках было удручающим. Кроме эпидемических заболеваний и ранений, заключенные, размещенные в Иркутском и Приамурском военных округах, как следует из свидетельств о смерти за 1918–1919 гг., страдали от осложнения врожденных недугов, чаще связанных с сердцем (миокардит) и легкими (эмфизема). Среди новоприобретенных диагнозов врачи фиксировали малокровие, туберкулез, ревматизм, тяжелую неврастению, артериосклероз³⁵.

Любопытны основанные на интервью и воспоминаниях статьи о лагерях Сибири и Дальнего Востока из немецких газет 1928–1930 гг., подборки которых хранятся в РГВА (готический шрифт текста и его размер существенно затрудняют перевод). «In russischer Gefangenschaft. Gans Cramer's Bruder erzählt» повествует о побеге из Красноярска через Монголию и Китай (Neue Badische Landeszeitung. Mannheim, № 334, 4 Jul. 1929). «Die Tragodie des Zoltan Vegh. Immer noch Kriegsgefangene» – о судьбе студента Будапештского университета, взятого в плен в 1914 г. и оставшегося жить в Сибири (Colner Tageblatt. Coln. 10 Dez. 1929). Колоритен и образен рассказ Карла Альтенбурга о праздновании рождества, которое американские военные устроили для военнопленных во Владивостоке: «...in der Mitte des Raumes eine riesige Tanne, geschmückt mit Goldflieder und Kerzen; und auf allen Gesichtern Freude, hat doch General Greeves vor einigen Tagen uns unsere baldige Heimkehr persönlich verkündet. Post hat auch fast ein jeder! Vielen anderen Kameraden im Innern Sibiriens geh es schlechter.

Schon treffen die ersten deutsch-amerikanischen Gäste ein, ihre Kameraden mitbringend und Punkt 8 Uhr tritt unser aus 32 tüchtigen östlich-amerikanischen (Militärmusikern) bestehendes Orchester mit guten von der amerikanischen Militärbehörde gelieferten Instrumenten an. Bald sind die Stunden verrinnen und nachdem Kamerad Müller den Gästen für ihre rege Anteilnahme gedankt, nahm bei Kaffee und Pfannkuchen dieser letzte Weihnachten in Sibirien sein Ende, und befriedigt suchte jeder mit dem Gedanken das nächste Weihnachtsfest daheim verleben zu können unter den Klängen des Deutschlandliedes sein Lager auf; und ebenso kehrten die Amerikaner voll von den Eindrücken der Christmasfeier bei den German Prisoners of War in ihre Kasernen zurück»³⁶.

В одном из писем речь идет о поступлении документов в берлинский Архив и музей военнопленных (Archiv und Museum der Kriegsgefangenschaft), который содержит различные материалы по истории Гражданской войны в России: фотографии врачей, медсестер немецкого Красного Креста и узников, которым они помогали, расписки о денежных переводах в лагерь, почтовые открытки.

Резюмируя вышеизложенное можно заключить, что хранящиеся в РГВА источники отражают широкий круг международных аспектов, определявших развитие революционных событий на Дальнем Востоке.

На первый план выходят противоречия в антибольшевистской коалиции. Белогвардейские правительства, располагая слабой промышленной базой и нуждаясь в помощи – от поставок вооружения и продовольствия до закупки сапог и одеял, с опасением наблюдали за военно-экономической экспансией США и Японии. Победы партизан, отсутствие общественной поддержки объяснялись подрывной работой иностранных агентов, что в равной степени свидетельствовало

о специфике разведки и крайне ограниченном понимании сложившейся в России ситуации. Как следствие, эффективного взаимодействия с союзниками наладить не удалось.

Формально нейтральный Китай нарушал существовавшие договоры и добивался уступок от русских властей на Дальнем Востоке, частая смена которых вынуждала занимать выжидательную позицию, не позволяя установить прочные двусторонние отношения. В условиях окончательной дестабилизации границы местное население столкнулось с необходимостью самостоятельно разрешать конфликты, зачастую сопровождавшиеся взаимным насилием. Увеличение объемов контрабанды, усиление бандитизма и миграционной активности наносили не меньший ущерб благосостоянию края, чем боевые действия.

Важной ареной Гражданской войны стало приграничье, куда противоборствовавшие силы отступали в поисках отдыха и провианта. Хаотичная обстановка способствовала росту революционных настроений среди коренных жителей и колонистов, укреплению национально-освободительных движений, которые с переменным успехом использовали в своих целях РСФСР и ДВР. Одним из результатов подобной политики стало образование дружественной Москве Монгольской народной республики.

По-новому предстает фигура военнопленного Первой Мировой – не всегда самоотверженного интернационалиста, каким он запечатлен в документальных публикациях. Источники об устройстве концентрационных лагерей, о повседневной жизни заключенных, резонируют с этой концепцией, дают возможность увидеть Гражданскую войну и быт русской провинции глазами немцев, венгров, южных славян – обычных людей, стремившихся избежать гибели и вернуться на родину.

¹ Исповедников Д.Ю. *Разведка и разведывательная документация штаба Приамурского военного округа (1918-1919)* // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 136-147.

² РГВА. Ф. 39617 (Штаб Сибирской армии). Оп. 1. Д. 294. Л. 1; Ф. 39507 (Управление Приамурского военного округа). Оп. 1. Д. 32. Л. 11-11об.

³ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 63. Л. 4об.-5; Ф. 40218 (Отдел контрразведки Штаба Верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 102. Л. 5-5об.; Ф. 39544 (Отдельная сводная атамана Калмыкова дивизия). Оп. 1. Д. 15. Л. 22-24.

⁴ РГВА. Ф. 39544. Оп. 1. Д. 15, Л. 22-24; Д. 74. Л. 9-9об.

⁵ РГВА. Ф. 39499 (Штаб главнокомандующего Всероссийского правительства). Оп. 1. Д. 119. Л. 14.

- ⁶ РГВА. Ф. 39596 (Войсковое правление Уссурийского казачьего войска). Оп. 1. Д. 4. Л. 30; Ф. 39575 (Канцелярия военного прокурора соединенного Приамурского и военно-морского суда). Оп. 1. Д. 31. Л. 25.
- ⁷ РГВА. Ф. 28361 (Центральный музей РККА). Оп. 1. Д. 285. Л. 27-28.
- ⁸ РГВА. Ф. 1703/к (Франко-польская военная миссия). Оп. 1. Д. 439. Л. 2-3.
- ⁹ РГВА. Ф. 40228 (Харбинское контрразведывательное отделение). Оп. 1. Д. 1. Л. 120об., Л. 147. Л. 178. Л. 193-195.
- ¹⁰ Исповедников Д.Ю. Участие Китая в Гражданской войне в Сибири // Новый исторический вестник. 2011. № 29. С. 74–82; Исповедников Д.Ю. Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918-1919) // Новый исторический вестник. 2012. № 34. С. 48-58.
- ¹¹ РГВА. Ф. 39513 (Управление 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса). Оп. 1. Д. 17. Л. 212; Ф. 39507. Оп. 1. Д. 30. Л. 38-39; Д. 36. Л. 4, 9-9об.; Д. 92. Л. 28-28об.
- ¹² РГВА. Ф. 39515 (Управление Иркутского военного округа). Оп. 1. Д. 139, Л. 22.
- ¹³ РГВА. Ф. 170 (Управление 2-й Амурской армии). Оп. 1. Д. 128. Л. 89, 108, 92; Д. 87. Л. 46; Ф. 25866 (Управление ВСВО). Оп. 1. Д. 7. Л. 252-272, 297.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 33987 (Секретариат Наркома обороны СССР). Оп. 1. Д. 521. Л. 167об.-168.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 28150 (Штаб главкома всех вооруженных сил Прибайкалья). Оп. 2. Д. 2. Л. 45; Д. 16. Л. 19; Д. 1. Л. 111-115.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 185 (Управление 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа). Оп. 1. Д. 38. Л. 68.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 18265 (Штаб войск Троицкосавского пограничного района ДВР). Оп. 1. Д. 9.
- ¹⁸ Там же, Д. 11. Л. 17-49.
- ¹⁹ Там же, Д. 7. Л. 46-48, 102-103.
- ²⁰ РГВА. Ф. 117 (Управление Восточного фронта ДВР). Оп. 1. Д. 12.
- ²¹ РГВА. Ф. 24467 (Революционный военный трибунал 2-й Приамурской стрелковой дивизии). Оп. 2. Д. 464, Л. 18.
- ²² РГВА. Ф. 40262 (Соединенный Приамурский военный и военно-морской суд). Оп. 1. Д. 16.; Ф. 24402 (Революционный военный трибунал 5-й отдельной Краснознаменной армии ДВР). Оп. 2. Д. 929; Ф. 874 (1-й Забайкальский повстанческий корпус). Оп. 1. Д. 16. Л. 95-95об.
- ²³ РГВА. Ф. 32663 (Революционный военный трибунал 5-й армии и ВСВО). Оп. 2. Д. 2662.
- ²⁴ РГВА. Ф. 39575 (Канцелярия военного прокурора соединенного Приамурского и военно-морского суда). Оп. 1. Д. 134. Л. 12-13.
- ²⁵ Там же, Д. 49. Л. 31, 41, 60, 63.
- ²⁶ РГВА. Ф. 39596. Оп. 1. Д. 10. Л. 107.
- ²⁷ РГВА. Ф. 874. Оп. 1. Д. 21. Л. 116-119, 134.
- ²⁸ РГВА. Ф. 37753 (Временный военный Совет Троицкосавского района). Оп. 1. Д. 4. Л. 14, 29, 38-42.
- ²⁹ Там же, Д. 25. Л. 16; Д. 16. Л. 197-198.
- ³⁰ РГВА. Ф. 18265. Оп. 1. Д. 50. Л. 14-15, 82, 108.
- ³¹ РГВА. Ф. 40294 (Штаб командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока ПЗУ). Оп. 1. Д. 9. Л. 27-27об., 66, 103-104, 124-125об., 128-129.
- ³² РГВА. Ф. 19233 (8-й Терапевтический госпиталь Забайкалья главного санитарного управления НРА ДВР). Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6; Ф. 118 (Управление армиями Восточно-Забайкальского фронта). Оп. 1. Д. 8. Л. 21, 39, 59, 73.
- ³³ РГВА. Ф. 31689 (Управление лагеря военнопленных Спасского гарнизона Приморской области). Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 81.
- ³⁴ РГВА. Ф. 1198/к (Документальные материалы по истории создания Чехословацкого корпуса). Оп. 1. Д. 962. Л. 7.
- ³⁵ РГВА. Ф. 39515. Д. 305; Ф. 39499. Оп. 1. Д. 203. Л. 379-381.
- ³⁶ РГВА. Ф. 1468/к (Имперское объединение бывших военнопленных, г. Берлин). Оп. 1. Д. 12. Л. 230; Д. 11. Л. 67, 70, 136; Д. 10. Л. 381.

Андрей Сергеевич Кручинин,
Россия, Москва, ГБУК г. Москвы
«Дом русского зарубежья
им. Александра Солженицына»,
заведующий Отделом
военно-исторического наследия

Сумские гусары в контрреволюционном подполье (1917–1918 гг.)

265 лет на службе Царям и Отечеству

1-й гусарский Сумский Генерала Сеславина полк вел свою историю с середины XVII в. (официальная дата основания – 1651 г.; Рис. 1), когда на южных рубежах Московского Царства стали формироваться своеобразные административные единицы и тактические подразделения – слободские казачьи полки. «...Поселившиеся казаки по рекам Пселу, Суме, Вырге и Ольшавке получили название Сумских слободских казаков. Образовавшийся военный поселок получил название Сумы», – утверждает полковая история¹, а коренной офицер и горячий патриот родного полка Н.А. Никольский в эмиграции специально подчеркивал, что Сумцы и их ровесники – другие слободские полки знаменовали собою рождение «национальной русской конницы, не бунтарской и вольнодумной, а охранительницы Царевых границ от врагов внешних (турок, татар, шведов, поляков и т.д.) и внутренних (казачества), не иноземной (сербские, венгерские и пр. полки), а плоть от плоти и кровь от крови Московского государства»² (впрочем, романтик по натуре, Никольский склонен был даже возводить полковую генеалогию «к вре-

менам Черниговского княжества»³, что выглядит несомненным преувеличением). В 1756 г. Сумской полк был наименован гусарским и затем, за исключением периодов 1783–1796 гг. (когда он был «легко-конным») и 1882–1907 (драгун-

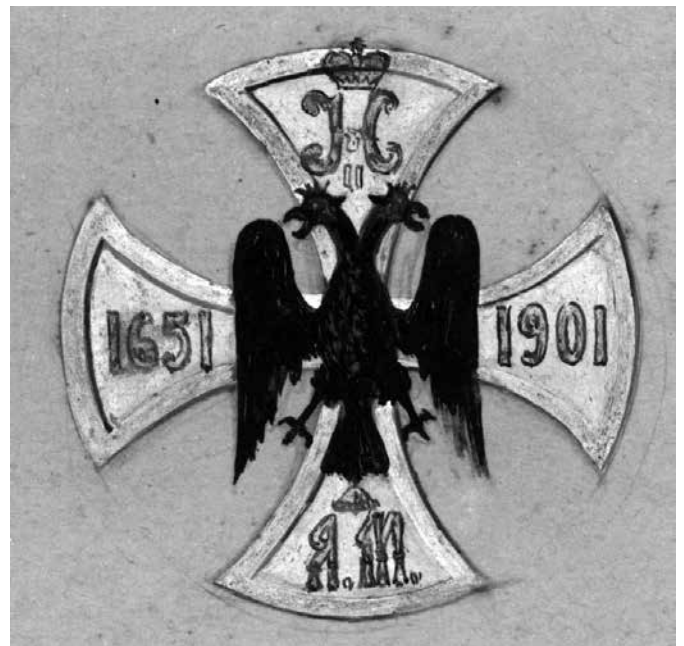

Рис. 1. Нагрудный знак 1-го гусарского Сумского полка, утвержденный в 1908 г. Рисунок из собрания Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ)

ским), основную часть своей истории сохранял как «гусарство», так и имя «Сумского» (лишь при императорах Павле I и Николае I некоторое время именовался по шефам), что для русской армии в общем было скорее счастливым исключением, чем правилом.

Не будет преувеличением сказать, что боевая история Сумцов – это сама военная история Государства Российского, и по праву полковым праздником был «день храбрых» – память Святого Георгия Победоносца (26 ноября по Юлианскому календарю). Полк участвовал в стычках с крымскими татарами и повстанческой армией С.Т. Разина, в Азовском походе и Северной войне, Семилетней войне (в том числе под Гросс-Егерсдорфом), Турецких кампаниях XVIII столетия (в том числе под Очаковым), подавлении польских восстаний XVIII–XIX вв., в Швейцарском походе, Наполеоновских войнах, причем звездным часом его стали Отечественная война и Заграничные походы, в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На Первой мировой войне 1-я кавалерийская дивизия, в состав которой входили Сумские гусары, действовала на Северо-Западном, а затем Северном фронте, где обстановка не благоприятствовала лихим конным схваткам, однако и там ряд офицеров полка был отмечен самыми почетными в русской армии наградами – орденом Святого Георгия (один офицер) и Георгиевским оружием (семеро, в том числе полковой командир полковник П.П. Гротен).

Боевые традиции и верность воинскому долгу были продолжены членами полковой семьи и в наступившее в 1917 г. лихолетье. «Когда произошла революция и началась гражданская война, – писал в дни трехсотлетнего юбилея Сумского полка генерал Б.Н. Говоров, его коренной офицер, – не было такой контрреволюционной организации, где бы не было Сумского гусара, и не было такого фронта, где бы не дрались Сумцы. Сумская кровь обильно лилась как в застенках Чека Москвы и Петрограда, так и на полях Кубани, Кавказа, Таврии, Волги, Сибири и в других местах»⁴. И след Сумских гусар действительно встречается на фронтах Белого движения по всей России.

Начало подполья

С 1876 г. Сумской полк стоял в Москве, чрезвычайно гордясь этим обстоятельством и под-

держивая особый тон «московской гвардии». Неудивительно поэтому, что после развала фронта Мировой войны, в конце 1917 – начале 1918 г., большинство гусарских офицеров потянулись на свои старые квартиры, к семьям и привычной обстановке и окружению. Обстановка, однако, после большевистского переворота, а затем и переезда в Москву Совнаркома и ВЧК, изменилась настолько, что переход к мирной жизни оказывался решительно невозможным. Как вспоминал четыре года спустя полковник К.В. Соколов, «что делать? – было ясно – бороться с большевиками, но как? – вопрос этот был для нас сложный. Решением этого вопроса явилось поступление почти всех однополчан в одну из растущих, как грибы, “гидр контрреволюции”»⁵.

Явная ирония автора не представляет собою чего-либо неожиданного, поскольку именно так виделись в исторической перспективе многочисленные офицерские и интеллигентские организации и кружки, создававшиеся в те месяцы в столицах. «Должен сказать, что к маю 1918 г. я не избег общей участи и состоял в рядах «тайной» офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге имя было легион. Состоя даже в рядах ее «штаба», я прекрасно сознавал всю беспомощность нашего положения, главным образом в силу полного нашего безденежья...» – с тою же иронией вспоминал молодой морской офицер⁶. Своего рода двойственный характер этого скороспелого подполья, сочетавшего искренность порывов и жертвенность самого высокого разряда с неопытностью, недостаточной серьезностью и подчас откровенным легкомыслием, сказался в частности и в попытке спасения группой офицеров-Сумцов Царской семьи, находившейся в то время (январь – февраль 1918 г.) в заключении в Тобольске.

Инициатива исходила от присяжного поверенного Полянского и Епископа Камчатского Нестора (Анисимова), непосредственные же исполнители были набраны в военной среде (впоследствии их нередко относили к организации генерала С.А. Довгирда, но на самом деле эта организация еще не существовала в начале 1918 г. и оформилась уже после возвращения неудачной «тобольской экспедиции» в Москву); из Сумского полка к делу были привлечены ротмистр М.С. Лопухин, штабс-ротмистр К.В. Соколов (Рис. 2) и некоторые другие офицеры.

Рис. 2. Полковник К.В. Соколов в эмиграции. Франция, 1939. Из собрания ДРЗ

т.е. нас. Тут же добавили, что они решили везти Семью не в Троицк, а на север в Обдорск, лежащий на Обской губе. Я вышел из себя, наговорил им дерзостей...» – с возмущением вспоминал Соколов⁷. Одна из следующих групп, под началом Лопухина, точно так же убедилась в невозможности обеспечить пути отступления и увоза Царской семьи при отсутствии денег на организационную работу, – денег же у Полянского не было. С большим риском, подвергаясь то и дело арестам, всем пришлось вернуться в Москву и сосредоточиться на подготовке антибольшевистского выступления в самой столице.

«Конкурирующие» организации

В составленной в начале 1950-х гг. полковой истории утверждалось, что «за малым исключением, все офицеры Сумского полка, бывшие в это время в Мо-

Рис. 3. Генерал-майор Б.Н. Говоров в эмиграции. Кистай, 1930-е гг. Из собрания ДРЗ

В январе 1918 г. в Сибирь и на Урал направилось несколько конспиративных групп, имевших общей задачей сосредоточиться в Тобольске, разоружить охрану и вывезти Императора и его семью в Троицк, якобы находившийся под контролем оренбургских казаков атамана А.И. Дутова (по дороге узнали, что Троицк уже занят красными). Передовая разведывательная группа Соколова, прибыв на место, убедилась в отсутствии там какой-либо организации и подготовки, которая оказалась в руках лиц несерьезных: «Не открыл я еще рта, как они показали свои рисунки, изображавшие людей в одеждах времен Иоанна Грозного, и объяснили, что это будущая форма конвоя Государя, спасшего Его,

скамье», вступили в организацию Довгирда (перечислено 18 человек, в том числе подполковник Б.Н. Говоров и штабс-ротмистр граф Г.С. Борх)⁸, однако воспоминания самого Говорова (Рис. 3) заставляют в этом сильно усомниться, прежде всего исходя из описанной им структуры организации. У Довгирда, начиная с весны 1918 г., «организация стала делиться на десятки, пять десятков сводились в отряд, и каждый рядовой член организации знал лишь свой десяток и начальника отряда»⁹, Говоров же утверждает, что в те же месяцы в Москве он сам «командовал» 8-м полком и всеми летчиками, и Борх был моим помощником»¹⁰. Если исходить из четырехполкового состава русских дивизий, то 8-й полк должен соответствовать 2-й дивизии, а такой номер (и структура) – совсем другой подпольной организации, в которой действительно существовали 1-я и 2-я «пехотные кадровые дивизии»¹¹.

Рис. 4. Вольноопределяющийся (впоследствии прапорщик) 1-го гусарского Сумского полка А.А. Виленкин. Из собрания ДРЗ

Организацией этой был Союз защиты Родины и Свободы (СЗРиС), и понятно, почему старые гусары через тридцать лет предпочли забыть о своем участии в нем: номинальным главою СЗРиС считался Б.В. Савинков, известный в прошлом революционер-террорист. Разумеется, офицерство, тем более кавалеристы, традиционно настроенные консервативно и монархически, не могли не испытывать отторжения от подобных союзников, – но для многих возымели действие и рассуждения, сохраненные памятью другого члена СЗРиС: «Как же мы с ним сойдемся? Ведь мы монархисты!» – «Что делать? Никого нет. Одни удрали, другие спрятались»¹².

В пользу нашего предположения о членстве Говорова и Борха в СЗРиС говорит и то, что большую роль в «савинковской» организации играл прапорщик из вольноопределяющихся Сумского полка А.А. Виленкин (Рис. 4), в мирное время – либеральный петербургский адвокат (по национальности еврей, произведен в офицеры после

Февраля 1917 г.), хорошо известный всем офицерам полка и любимый ими; и то, что именно 2-я дивизия СЗРиС подполковника Н.П. Сахарова не пострадала при разгроме московской организации чекистами (кадры дивизии базировались на Петровское-Разумовское и были как бы на отшибе); и то, что после начавшихся в мае арестов Говоров получил от своего подпольного начальства назначение на Волгу, куда и отправился, – а именно на Верхнюю Волгу от Казани штаб СЗРиС, возглавляемый командированным из Добровольческой армии полковником А.П. Перхуровым, перебрасывал в то время свои кадры для разворачивания открытой борьбы.

Разумеется, полковая дружба не делала различий между организацией Довгирда и СЗРиС, и о делах друг друга Сумцы знали лучше, чем требовала конспирация. Определенная оппозиционность германофильской «довгирдовской» группы по отношению к борьбе, которую начали на Юге России Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев и А.И. Деникин, не послужила препятствием и для встречи Сумских офицеров-«довгирдовцев» с нелегально приехавшим из Добровольческой армии генералом Б.И. Казановичем, после чего Соколов (начальник одного из «отрядов»), штабс-ротмистр В.А. Иванов (начальник «десятка») и поручик Г.В. Крейтер 2-й приняли решение отправиться на Кубань¹³. Несмотря на ожидавшие их испытания, решение все же приходится признать счастливым, поскольку на оставшихся в Москве участников подполья обрушились удары ВЧК.

Ошибки и провалы

Некоторых лиц из «довгирдовского» руководства впоследствии подозревали в передаче сведений об офицерах-подпольщиках своим друзьям-немцам, которые делились затем этими сведениями с большевиками: обвинение настолько серьезное, что видному участнику организации генералу В.Н. фон Дрейеру, бежавшему в Добровольческую армию, пришлось оправдываться перед военным судом, и даже после оправдания по недостатку улик дорога на военную службу для него оказалась закрытой¹⁴. В то же время, как ни парадоксально это звучит, конспирации в подобных кружках не способствовало и отрицательное отношение образованного общества к большевизму: «Многие для обеления себя не сумели бы скрыть [перед знакомы-

ми] истинной цели своей работы, следствием этого неминуемо вся организация была бы раскрыта», – считал офицер-петербуржец¹⁵. Немало промахов делали и сами участники подполья.

Сумцы стремились к активной боевой деятельности и готовились именно к ней: «К чему сводилась наша работа, к «явкам», в указанный час отряды собирались в тех или иных местах, [на] бульварах главным образом. [К] разведке местности, моему отряду было поручено[:] разведка Замоскворечия в случае атаки Кремля и оборона в случае прибытия красных со стороны Павелецкого вокзала», – свидетельствует Соколов¹⁶. Но гусары-фронтовики, храбрые и жертвенные, оказывались чрезвычайно плохо подходящими для конспиративной работы, требовавшей выдержки и терпения.

«Так, например, Лопухин, глава (начальник боевой группы из шести отрядов в организации Довгирда. – А.К.), получил конспиративную квартиру. Около недели тайна соблюдалась, а потом начали собираться у него, где выпивали и даже играли в бридж, и к этому делу Миша относился, как всегда, с пылом своей чистой молодой души», – беспощаден Говоров к младшему однополчанину, герою Мировой войны¹⁷. Столь же откровенен в письмах старому другу и Соколов, стремящийся прежде всего восстанавливать подлинную, неприкрашенную правду («вообще у меня создается впечатление, что то, что пишется тобой по материалам, расходится с моими впечатлениями очевидца», – замечает он Никольскому): «Как связались с Лопухиным? – совершенно не понимаю вопроса, да мы все чуть не ежедневно виделись и водку пили и ходили друг к другу в гости»; «кто там бывал, да все мы, а о чем говорили? – и о делах, и о девочках, и о чем хочешь»; «как называлась организация? – не знаю, по-моему никак»; «видел ли я часто Лопухина до ареста? – как уже написал раньше, встречались мы все чуть ли не ежедневно и у Лопухина, и у Говорова, и у Виленкина, или по шашлычным, как только проноживали, где есть водка»¹⁸.

Сказанное не умаляет подлинных достоинств и боевых качеств Сумцов: тот же Соколов, командуя в Добровольческой Армии сотней Черноморского конного полка Кубанского казачьего войска, с июля по декабрь 1918 г. прошел множество боев, был тяжело ранен и лишился ноги, но, несмотря на это, узнав о формировании ка-

дрового Сумского эскадрона, не усидел в тылу (хотя «получил место в штабе Ставки») и «попросился на фронт [...] ему с радостью дали парную тачанку, и он одно время прекрасно командовал нашим обозом»¹⁹; Говоров в 1919 г. возглавлял кавалерийскую бригаду в войсках адмирала А.В. Колчака, за отличия в боях был произведен в генерал-майоры, проделал с отступающей армией Великий Сибирский поход, а в ноябре 1920 г. руководил одним из последних боев Дальневосточной армии атамана Г.М. Семенова («не буду касаться других боев, где мне пришлось командовать конницей 2-го корпуса, и наконец наступил мой, вероятно, последний бой в жизни, когда с юнкерами охранял 84-й разъезд уже всего в 20-ти верстах от Манджурской границы. Красные подошли со всех сторон, пришлось пробиваться, помню, как я прыгал через трупы Енисейских казаков, но в общем выскочил») ²⁰; Борх, тип «гусара старых времен», ловелас и гуляка, человек несравненного мужества и хладнокровия, на Мировой войне выезжавший на нейтральную полосу между окопами выпить по рюмочке с германскими кавалеристами, способный начать конную атаку с одним браунингом и лишь в крайнем случае бравшийся за шашку, в последнем бою Русской армии барона П.Н. Врангеля в Крыму был во главе Сумского эскадрона убит или застрелен на поле боя, не желая сдаваться в плен²¹... И не стоит сомневаться, что в случае решительного выступления московского подполья все эти офицеры и их однополчане достойно выполнили бы свой долг в открытом бою, но... заговоры и «конспирации» были явно не для них.

Рис. 5. Ротмистр 1-го гусарского Сумского полка в парадной служебной форме периода Первой Мировой и Гражданской войн.

Рисунок полковника Н.А. Никольского, 1920–1930-е гг. Из собрания ДРЗ

В довершение всех бед нашелся предатель и в рядах самой организации Довгирда – Бугский улан (в печатной полковой истории, щадя его однополчан, дипломатично сказано «поручик одного из уланских полков») Гайдамакин. Он был разоблачен и приговорен Лопухиным и Соколовым к смерти, и «Сумцы его убили гирею в Хлебном переулке», – способ несколько бандитский, но вряд ли тогдашняя обстановка баловала разнообразием возможностей²². Правда, это уже не спасло даже Лопухина, арестованного и погибшего в ВЧК, как и некоторые из его однополчан – возможно, схваченные просто как старые сослуживцы (так, нет сведений об участии в подполье бывшего эскадронного командира, подполковника светлейшего князя И.Н. Меншикова-Корейши, погибшего в те же месяцы). Ряд провалов, постигших и СЗРиС, стоил жизни, в числе прочих, Виленкину, стойко державшемуся и мужественно встретившему смерть. Организовать сопротивление в красной столице не удалось, и уцелевшим пришлось бежать на окраины России, где борьба не только продолжалась, но и нарастала. (Рис. 5).

Выполнившие долг

«Мы, друзья, родились в исключительно неудачное и тяжелое время, – писал в 1951 г. генерал Говоров старым соратникам. – Когда предыдущие поколения вплели лавры в лавровый венок полка – нам достался

венец терновый. Бог не судил нам победы ни в Первую Мировую войну, ни в Гражданскую, но тем не менее долг мы свой выполнили до конца.

Существует одна оценка доблести всякой воинской части. Она такова: «Доблесть воинской

части определяется при успехе – количеством взятых трофеев, а при неуспехе – количеством понесенных потерь». Оценка жестокая и даже циничная, но она отчасти справедлива. И если не велико было число взятых нами трофеев, то крови мы, Сумцы последних поколений, пролили столько, сколько, может быть, наши предки не пролили за все время существования полка. [...]

И ценой этой крови мы поддержали честь полка и донесли ее незапятнанной до сегодняшнего юбилея. Мы не посрамили своих предков и оставим добрую память нашему потомству»²³.

-
- ¹ *Сумские гусары, 1651–1951 / [Под ред. Г.А. Шведа]. Буэнос-Айрес, 1954. С. 23.*
- ² *Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ). Архив-музей. Ф. 107. Никольский Н.А. Кто мы? Опыт исследования традиций Сумского гусарского полка. Рукопись. Л. 11 об. Архивный фонд в настоящее время находится в стадии обработки, поэтому при ссылках на неопубликованные документы из его состава указываются заголовки документа и номера листов или страниц (если есть).*
- ³ *Никольский Н.А. Сумские гусары // Часовой. № 226. Брюссель, декабрь 1938. С. 12.*
- ⁴ *Сумские гусары, 1651–1951. С. 316.*
- ⁵ *Соколов К.В. Попытка освобождения Царской Семьи (Декабрь 1917 г. – Февраль 1918 г.) // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. [Т.] 17. Берлин, 1926. С. 280.*
- ⁶ *Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое Дело: Летопись Белой Борьбы. [Кн.] 4. [Берлин]: Медный Всадник, [1928]. С. 14*
- ⁷ *Соколов К.В. Указ. соч. С. 286.*
- ⁸ *Сумские гусары, 1651–1951. С. 267.*
- ⁹ *ДРЗ. Архив-музей. Ф. 107. Трубецкой А.Е. Попытка освобождения Государя Императора Николая II и Царской Семьи в январе – феврале 1918 года. Машинопись. Без нумерации листов.*
- ¹⁰ *Там же. Ф. 107. Воспоминания Генерал-Майора Говорова (из писем ротмистру Снежкову). Машинопись. С. 2.*
- ¹¹ *Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М.: Русский путь, 1998. С. 158, 159. (Всероссийская мемуарная библиотека: серия «Наше недавнее»; 3).*
- ¹² *Там же. С. 59.*
- ¹³ *ДРЗ. Архив-музей. Ф. 107. Анонимный очерк «Сумцы в 1-м Черноморском Кубанского Казачьего Войска полку». Машинопись. Без нумерации листов.*
- ¹⁴ *Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. С. 52–53. (Историческая серия, XIX–XX век).*
- ¹⁵ *Гершельман А.С. В рядах добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруженная борьба с III-им Интернационалом, 1919 год. [Ч.] 1. М., 1997. С. 60. (Военно-историческая библиотека «Военной Были»; № 3 (20)-I).*
- ¹⁶ *ДРЗ. Архив-музей. Ф. 107. Письмо К.В. Соколова – Ф.К. Воду от 7 апреля 1952 г. Машинопись. Л. 1.*
- ¹⁷ *Там же. Ф. 107. Воспоминания Генерал-Майора Говорова. С. 1.*
- ¹⁸ *Там же. Ф. 107. Письмо К.В. Соколова – Н.А. Никольскому от 5 июня 1939 г. Машинопись. Л. 1 об.–2.*
- ¹⁹ *Там же. Ф. 107. Сумцы в 1-м Черноморском [...] полку; Секалов В.И. Воспоминания о гражданской войне, 1918–1920 гг. Рукопись. С. 97.*
- ²⁰ *Там же. Ф. 107. Воспоминания Генерал-Майора Говорова. С. 8.*
- ²¹ *Там же. Ф. 107. Секалов В.И. Указ. соч. С. 106–108; Сумские гусары, 1651–1951. С. 307–308.*
- ²² *Сумские гусары, 1651–1951. С. 268; Никольский Н.А. Сумские гусары // Старое Время. Београд, 1923. № 12, 24 (11) декабря. С. 3.*
- ²³ *Сумские гусары, 1651–1951. С. 316.*

Валерий Борисович Перхавко,
Россия, Москва, Институт российской
истории Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Судьба памятников русской старины в годы Гражданской войны

В период братоубийственной Гражданской войны 1917–1922 гг. мыслящие люди из противоборствующих лагерей думали не только о будущем России, которое по-разному представляли, но и вспоминали об ее прошлом и заботились о сохранении историко-культурного наследия. Генерал-лейтенант А.П. Богаевский (1872–1934), атаман Войска Донского, оказавшись в 1920 г. перед эмиграцией в Крыму, интересовался реликвиями русской воинской славы Севастополя, в обороне которого в период Крымской войны участвовал его отец. 30 марта 1920 г. он сделал запись в дневнике: «Здесь, на священной земле Севастополя, обильно политой кровью доблестных его защитников в 1854/5 г., со всех сторон видишь памятники славной старины этого незабвенного года... Какие чудо-богатыри духа были тогда!»¹. Рассмотрим, прежде всего, в каком же состоянии находилось дело охраны памятников русской старины накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны.

Накануне революций 1917 г.

В начале XX в. возраст объекта – кандидата для внесения в список подлежащих охране памятников старины определялся 100–150 годами².

Тогда же стало широко применяться словосочетание «памятники искусства и старины», которые подразделялись на движимые («вещные», «вещевые») и недвижимые объекты (памятники археологии, архитектуры и монументальной скульптуры). Тогда же на фоне господствовавших представлений о не менее, чем 100-летнем или даже 150-летнем возрасте объекта, имеющего право на статус памятника, зародилось понятие «памятники новейшего времени»³.

Охране подлежали не только памятники старины – немые свидетели истории, но также российская национальная символика и возведенные по решению властей памятные монументы и знаки. Согласно Уставу о наказаниях от 20 ноября 1864 г., за повреждение гербов и «искажение публичных памятников» мировые судьи могли подвергать виновных месячному аресту либо штрафу в размере 100 рублей⁴.

В Москве был учрежден Российский исторический музей (ныне Государственный исторический музей). Во многих губерниях создавались церковно-археологические музеи и историко-архивные комиссии. Формировались полковые музейные собрания. Широкое распространение получило частное коллекционирование.

С 1909 г. в Петербурге действовало Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины⁵. Тем не менее, в стране не было единого государственного органа, ведавшего историко-культурным наследием. Им занимались и Министерство внутренних дел, и Министерство императорского двора, и императорская Археологическая комиссия, и Петербургское и Московское археологические общества.

В центре и на местах нередко приходилось сталкиваться с фактами пренебрежительного отношения к историко-культурному наследию. Совершив летом 1903 г. научно-ознакомительную поездку в Коломну, действительный член Санкт-Петербургского Археологического института М.А. Ратманов, с сожалением отметил в дневнике: «Да, гибнет наша родная старина и гибнет особенно потому, что хранящие... усиленно ее уничтожают, лишь бы не иметь неприятностей за небрежное ее хранение»⁶.

29 октября 1911 г. министр внутренних дел А.А. Макаров внес на рассмотрение Государственной думы проект «Положения об охране древностей». Статья 1 законопроекта определяла границы его воздействия памятниками «зодчества, ваяния, живописи и иного искусства, равно как первобытной древности», а также актами и рукописями, которые, в соответствии с данным Положением будут «признаны имеющими значение источников познания и любви к отечественной истории»⁷.

Правительственный законопроект 1911 г. подвергся широкому общественному обсуждению, однако из-за отсутствия консенсуса так и не был принят⁸. Участники Всероссийского съезда художников подчеркнув историко-художественное значение реликвий, предложили в 1911–1912 гг. следующую формулировку статьи 1 законопроекта: «Подлежат охране те памятники старины и произведения зодчества, живописи, ваяния, прикладного искусства, равно как и памятники первобытной древности, древней письменности и печати, которые на основании сего положения будут признаны имеющие значение для отечественной истории, наук и искусства»⁹. Московское археологическое общество считало необходимым определить верхнюю хронологическую границу памятников старины серединой XIX в. и подразделить их на четыре группы: а) художественные; б) археологические; в) исторические; г) бытовые¹⁰.

Повышению интереса к отечественному наследию во многом способствовало широкое празднование в 1909, 1912–1913 гг. ряда юбилейных исторических дат: 300-летия освобождения Москвы от иноземных интервентов в 1612 г., 300-летия Дома Романовых, 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны 1812 г. До Первой мировой войны в русском обществе еще не сформировалось убеждение о необходимости сохранения на государственном уровне, наряду с памятниками старины и архивными документами, материальных свидетельств современной эпохи. Осознание важности расширения верхней хронологической границы памятников истории произошло в связи с эпохальными военными событиями 1914–1915 гг.

22 июня 1916 г. приказом по Военному министерству было утверждено «Положение о Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства». Артиллерийский исторический музей и Военно-морской музей в Петрограде уже в 1914–1915 гг. стали поступать военные трофеи и прочие реликвии Первой мировой войны, именовавшейся тогда Великой и даже Отечественной войной. В столице России еще до Февральской революции 1917 г. планировалось создать Центральный военно-исторический музей и Музей Великой войны.

В годы Гражданской войны

Октябрьская революция 1917 г. и начавшаяся вскоре Гражданская война не могли не отразиться на судьбе памятников русской старины, часть из которых была уничтожена и расхищена.

Обратим внимание, прежде всего, на недвижимые памятники истории и культуры, пострадавшие от военных действий. В процессе установления советской власти в Москве большевистские отряды 1–2 ноября 1917 г. с шести точек (от храма Христа Спасителя, со Швивой горки, с Воробьевых гор, Калужской заставы, Кудринской площади и Никольской улицы) подвергли артиллерийскому обстрелу Московский Кремль, в котором оказались юнкера. Надо сказать, что в Кремле – национальной святыне России находились не только Оружейная палата, старинные соборы, дворцы, но и музейные коллекции (Эрмитажа, Аничкова дворца, Александрово-Невской лавры), вывезенные сентя-

бре–октябре 1917 г. из Петрограда и оказавшиеся в опасности. Один из снарядов пробил главу Успенского собора, получили повреждения южное крыльцо Благовещенского собора, алтарь Архангельского собора, фасад Чудова монастыря, Николаевский дворец, Беклемишевская, Никольская, Спасская и Тайницкая башни, храм Василия Блаженного. Узнав о разрушениях, нарком просвещения А.В. Луначарский даже подал заявление об отставке. «Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется», – с возмущением писал он 2 ноября 1917 г.¹¹ И уже на следующий день на заседании Совнаркома Ленин дал ответ на заявление Луначарского, оставшегося на своем посту: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом»¹². Высказался по данному поводу и Н.И. Бухарин: «Смешно думать, что социалистическая революция может пройти также безболезненно, как какой-либо народный праздник»¹³. Как видим, фанатизм революционеров, ниспровергающих в борьбе за «светлое будущее» старый мир, не знает границ. Главное для них – не судьба историко-культурного наследия, а стремление захватить и удержать власть любой ценой. 12 марта 1918 г. Московский Кремль вновь стал правительственной резиденцией, и уже с лета того же года в нем развернулись ремонтно-восстановительные работы на поврежденных памятниках архитектуры¹⁴.

6 июля 1918 г. антибольшевистский Союз защиты Родины и свободы, возглавляемый Б.В. Савинковым, поднял восстание в Ярославле, продолжавшееся по 21 июля. Состав участников Ярославского восстания, военным руководителем которого являлся полковник А.П. Перхуров, отражал широкий спектр политических сил: от социалистов до кадетов и монархистов. Советские войска (1-й советский полк и др.), первоначально дислоцировавшиеся в районе р. Которосли, а затем окружившие город, имели численный и вооруженный перевес, который использовали для подавления восстания. Повстанцы сосредоточи-

лись в историческом центре старинного русского города, славившегося архитектурными постройками XVII–XIX вв. Социал-демократ С.А. Суворов, избранный на первых всеобщих, «демократических» выборах 30 июля 1917 г. городским головой Ярославля, сложил полномочия и погиб в ходе восстания. Вызвавшись в качестве парламентаря отнести в расположение красных войск письмо от штаба повстанцев с призывом не разрушать город, он был застрелен при подходе к позициям красных. Советская артиллерия, насчитывавшая до 10 батарей, систематически обстреливала исторический центр города из 76-мм пушек. Красные использовали для подавления восстания также три бронепоезда и авиацию. Только за два вылета с аэропланов было сброшено 12 пудов динамитных бомб¹⁵.

В результате в значительной степени пострадал ряд памятников архитектуры XVII–XIX вв.: Афанасиевский и Спасо-Преображенский монастыри, колокольня Успенского монастыря, церковь Никола Рубленый, церковь Покрова Богородицы на Борисоглебской улице, Гостиный двор. Сгорело здание Демидовского лицея с ценнейшей библиотекой¹⁶. В Ярославль осенью 1917 г. перевезли на баржах из Петрограда коллекции Артиллерийского исторического музея (АИМ), в котором хранились военные и художественные ценности, связанные с историей всех родов сухопутных войск России. Они находились в Спасском монастыре, где в результате артиллерийского обстрела возник сильный пожар. Сгорели 55 ящиков с ценным музейным имуществом: всего около 2000 знамен (в том числе стрелецкие); трофеи, собранные в ходе Первой мировой войны; 300 экземпляров старинного огнестрельного и холодного оружия. На баржах были повреждены 54 ценных орудия, в воде погиб архив 2-й половины XVIII в. и частично – 1-й половины XIX в. После подавления восстания выяснилось, что в реставрации и ремонте нуждаются около 40 архитектурных объектов, для чего в Ярославле были созданы реставрационные мастерские¹⁷.

Гораздо больше было разгромлено в годы Гражданской войны старинных дворянских усадеб, являвшихся очагами русской культуры. В разных губерниях Центральной России погибли от 4 до 10 процентов провинциальных усадеб. «Много было тогда разрушено наших родных

гнезд, много пропало бесценных культурных сокровищ, – сетовал С.Е. Трубецкой. – Морально удары эти переживались еще куда тяжелее, чем материально»¹⁸.

На основе декрета от 20 января 1918 г. об отделении церкви от государства большевистскими властями закрывались храмы и монастыри. Согласно декрету от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики» большевистскими властями сносились произведения монументальной скульптуры, воздвигнутые «в честь царей и их слуг», которые не представляли «интереса ни с исторической, ни художественной стороны». Так, в Москве снесли памятники генералу М.Д. Скобелеву, императорам Александру II и Александру III.

Расхищения историко-культурных ценностей имели место и в районах, находившихся под контролем антибольшевистских сил. Ценным собранием реликвий (и не только культового характера) обладал Соловецкий монастырь на Белом море. Летом 1918 г. на Соловках молебном и колокольным звоном монахи приветствовали славяно-британский легион полковника Торнхилла. Отбывая из Соловецкого монастыря, англичане захватили с собой из Преображенского собора серебряные венцы с икон и ризы с драгоценными камнями. Осенью 1919 г. вместе с эвакуировавшимися из России интервентами бежала группа соловецких монахов, увезших часть монастырских ценностей¹⁹.

Наряду с отрицательными последствиями разрушительной стихии, связанной с анархизмом, хаосом, безвластьем, бескультурьем, в годы Гражданской войны и белыми, и красными велась созидательная работа, направленная на сохранение памятников старины.

Причем наиболее активную и планомерную работу по сохранению исторических реликвий на общегосударственном уровне проводили органы большевистской власти. В первых документах советских органов власти, посвященных сохранению историко-культурного наследия страны, фигурировало понятие «памятники искусства и старины»²⁰. Музейные коллекции именовались «культурными ценностями», «художественными и историко-культурными ценностями»²¹.

Национализацией и сохранением частных коллекций, конфискацией церковных ценностей занимался Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Музейный отдел),

созданный в составе Наркомпроса 28 мая 1918 г. С момента создания и по 1927 г. им руководила (и довольно успешно) Н.И. Троцкая²². Большую роль в деле сохранения историко-культурного наследия сыграли декреты СНК от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и от 5 октября 1918 г. «О регистрации, прием на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В соответствии с этими документами национализировались крупные коллекции и на их основе создавались государственные историко-художественные музеи. Владельцам других коллекций выдавались охранные грамоты. Проводилась регистрация и инвентаризация памятников архитектуры, на которые заполнялись учетные карточки. Только в Москве в 1918–1919 гг. было зарегистрировано 162 архитектурных объекта, подлежащих государственной охране.

Создавались новые мемориальные памятники и памятные знаки, открывались новые музеи. Только в годы Гражданской войны советскими органами власти было открыто свыше 70 художественных и краеведческих музеев. Эмиссары Музейного отдела Наркомпроса к июлю 1919 г. обследовали 215 помещичьих усадеб, взяли на учет тысячи движимых («вещных») памятников русской старины.

У белых в силу политической разобщенности и отсутствия единого властного центра, кратковременности пребывания у власти на освобожденной от красных территории было гораздо меньше материальных и организационных возможностей. Сохранением военно-исторических реликвий в стане белых занимались на уровне отдельных полков и казачьих войск.

По приказу командира лейб-гвардии Казачьего полка, генерала А.М. Грекова после февраля 1917 г. из Петрограда в Новочеркасск были переправлены собрания полкового музея. Они, в частности, включали: портреты 27 полковых командиров (в том числе одного из героев Отечественной войны 1812 г. генерала, графа В.В. Орлова-Денисова); комплекты и отдельные части униформы полка (к примеру, мундир с заплаткой простого казака образца 1814 г.); российские ордена, медали, штандарты и почётные серебряные трубы; гравюры с батальными сценами, в

том числе сражения под Фер-Шампенуа 13 марта 1814 г.; горка картечи, собранной на Бородинском поле; старинная полковая посуда; фотографии; документы полковой канцелярии. После поражения белых через Новороссийск, Стамбул, остров Лемнос и Белград эти коллекции попали во Францию, где по инициативе и на средства эмигрантов, членов Объединения лейб-казаков, Музей лейб-гвардии Казачьего полка в 1929 г. был вновь открыт первоначально в г. Аньере, а затем в Курбевуа (пригороде Парижа).

Такова же судьба Музея лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества Государя-наследника цесаревича полка. В 1917 г. его коллекции были переправлены в Таганрог, откуда – в Новороссийск. Экспозиция и архив музея включали императорские грамоты, документы полковой канцелярии с подписями А.В. Суворова, М.И. Платова, других военачальников, мундиры августейших шефов и исторические формы полка, штандарты, походные иконы, портреты шефов и полковых командиров, гравюры, фотографии, редкие книги. В Новороссийской катастрофе при спешной эвакуации в марте 1920 г. под ударами наступавшей Красной Армии уцелело всего лишь семь ящиков с имуществом полкового собрания и музея, для перевозки которого ранее требовалось восемь вагонов. Сохранившаяся чудом часть реликвий пропутешествовала через Константинополь, Египет, Болгарию, Сербию во Францию, где музей был возрожден в 1931 г. русскими эмигрантами – членами Общества атаманцев первоначально в помещении полкового собрания в Сен-Клу, а с 1932 г. в Аньере.

В Париже после Гражданской войны оказались также материалы по истории лейб-гвардии Конного полка, собранные флигель-адъютантом, полковником В.Ф. Козляниновым: портреты российских императоров и императриц, коллекция форм конногвардейцев до 1914 г., образцы холодного оружия и офицерской амуниции; батальные гравюры; акварели с изображениями полковых штандартов; кирасы и каски; серебряное паникадило из полкового Благовещенского собора в Петербурге; фотографии; рукописные документы²³.

Из России были вывезены в 1920 г. казаками реликвии Войска Донского (коллекции Донского музея и архива) и регалии Кубанского казачьего войска (знамена, штандарты, иконы, грамоты российских императоров, парадные мундиры и др.)²⁴. Они странствовали по многим странам: от Турции и Югославии – до Чехословакии и США. На протяжении многих лет вывезенные за границу военно-исторические коллекции бережно сохранялись подвижниками-эмигрантами за счет собственных добровольных пожертвований. Впоследствии (после 1945 г.) большинство из этих раритетов были в разное время возвращены на Родину.

Революции и гражданские войны, как правило, носят разрушительный характер. Военные действия противоборствующих сторон сопровождаются не только массовыми человеческими жертвами, но и значительным материальным и культурным ущербом. Не стали исключением и события 1917–1922 гг. Гражданской войны в России, оказавшие влияние на судьбу историко-культурного наследия страны. Но надо отдать должное тем представителям российской интеллигенции (в том числе военной), кто в экстремальных условиях Гражданской войны, оказавшись в разных политических лагерях, заботился о сохранении памятников русской старины для потомков.

Как это не покажется парадоксальным, в годы Гражданской войны советская власть больше уделяла внимания и средств сохранению памятников искусства и старины, чем в 1920–1930-е гг. С переходом к нэпу резко снизились ассигнования на охрану памятников, в большинстве своем переданных в ведение губернских властей. Сократились до минимума штаты Наркомпроса и губернских музейных отделов, ведавших памятниками искусства и старины. В рамках компании по сбору средств для борьбы с голодом и оказанию помощи голодающим в 1921–1922 гг. власти активно занимались конфискацией церковных ценностей. Чуть позже, в конце 1920 – первой половине 1930-х гг., было разрушено гораздо больше памятников архитектуры, чем во время Гражданской войны.

¹ «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник последнего донского атамана А.П. Богаевского // Источник. 1993. № 3. С. 13, 16–17.

² Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. М., 1978. № 30. С. 55.

- ³ *Материалы по вопросу о сохранении древних памятников. М., 1911. С. 46.*
- ⁴ *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1889. Т. 15. С. 209. Ст. 33.*
- ⁵ *Бертенсон С.Л. На страже искусства старины // Новый журнал. 1943. № 6. С. 317–324.*
- ⁶ *Мазуров А.Б. Начало археологического изучения Коломны // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2007. № 1 (2). С. 146.*
- ⁷ *Сборник материалов, относящихся до архивной части в России, Пг., 1916. Т. 1. С. 578–579; Цитируется по перепечатанному архивному подлиннику: Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. № 87. С. 254–255.*
- ⁸ *Законопроект об охране памятников // Старые годы. 1912. Март. С. 49–50.*
- ⁹ *Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. № 88. С. 267–269.*
- ¹⁰ *Там же. № 89. С. 279.*
- ¹¹ *В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 46.*
- ¹² *Там же. С. 211–212.*
- ¹³ *Московский листок. 1917. 9 ноября.*
- ¹⁴ *Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1920 гг. М., 1985; Введенская Л.И. Первые мероприятия Советской власти по реставрации памятников Московского Кремля (1917–1920 годы) // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. С. 119–124.*
- ¹⁵ *Ярославское восстание. Июль 1918: Материалы научной конференции «К 80-летию июльского 1918 г. восстания в Ярославле: мифы и реальность», 23 июля 1998 г. М., 1998; Ярославское восстание. 1918 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007; Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 г. в контексте Гражданской войны в России. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 2010.*
- ¹⁶ *Ярославский край в документах и материалах (1917–1977). Ярославль, 1977. С. 14–16.*
- ¹⁷ *Рязанцев Н.П. Общество и власть в деле охраны памятников. По материалам Ярославской губернии 1918–1943 гг. // Ярославский архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1996; Личак Н. А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья в 1917–1930 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 2003.*
- ¹⁸ *Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 63–64.*
- ¹⁹ *Богуславский Г.А. Острова Соловецкие. Архангельск, 1978. С. 86; Соловецкие острова / Сост. А.И. Фролов. М., 1985. С. 28; Соловецкий монастырь и судьба его наследия. Архангельск, 2011.*
- ²⁰ *Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М., 2015. С. 48.*
- ²¹ *Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). Мн., 1972. С. 17–39.*
- ²² *Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 3–25; Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. М., 1989.*
- ²³ *Муромцева Л.П. Военно-исторические музеи российской эмиграции во Франции // И.С. Шмелев и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелевские чтения, 15–19 сентября 2010 г. Алушта, 2011. С. 436–444; Она же. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 50–64.*
- ²⁴ *Муромцева Л.П. Зарубежные странствия казачьих реликвий // И.С. Шмелев и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения, 14–17 сентября 2005 г. Симферополь, 2007. С. 149–161.*

*Александр Дмитриевич Силаев,
Россия, Москва, Российский
государственный военный архив,
главный специалист отдела использования
и публикации архивных документов.*

К вопросу о конвоировании бывшего императора и его семьи из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 г.

Гибель царской семьи вызвала волну откликов во всём мире, налеты которой не ослабевают с течением времени.

Несколько особняком в рассматриваемый период стоит миссия комиссара Яковлева (Рис. 1). Она мало связана с основными событиями, происходившими в доме Ипатьева и их международным эхом, но содержит ряд любопытных материалов и размышлений, мимо которых пройти нельзя.

*Рис. 1. Мячин
Костантин Алексеевич*

Кто такой Яковлев, чью волю, он исполнял, какие цели преследовал? Эти вопросы, начиная со следователя Соколова, не давали покоя всем, кто пытался распутать тугой узел романовской трагедии.

В Советском Союзе долгие годы изучением уральской трагедии не занимались.

Особенно «урожайным» оказался 1991 г., когда в центральных¹ и местных² издательствах вышла в свет серия книг о царской семье. К ним добавлялись ещё не опубликованные фрагменты воспоминаний Я. Юровского, В. Яковлева, П. Ермакова, а также некоторые архивные документы и комментарии современных историков. К сожалению, принципиально новых данных и выводов они не несли.

Ответить на вопрос: «Кто такой комиссар Василий Васильевич Яковлев и в чём смысл его миссии был?» пытались, как и следователь по убийству царской семьи Н.А. Соколов³, так и зарубежные, советские и современные авторы⁴.

Попытаемся разобраться и мы в миссии комиссара Яковлева на основании закрытых ранее документов.

Между тем сегодня необходим не только анализ нового архивного материала, но и свежий взгляд на те трагические события.

Среди приведённых источников большая часть публикуется впервые, и мы считаем, что это позволит объективно интерпретировать одно из событий, имеющих важное значение

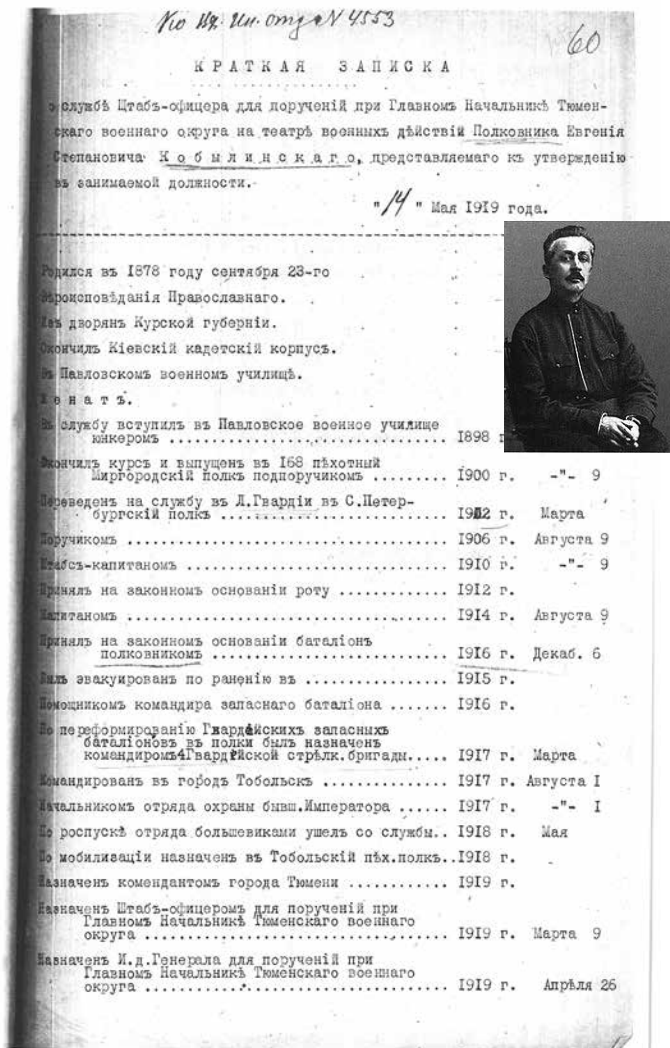

Рис. 2. Кобылинский Евгений Степанович.
Краткая записка о службе полковника
Е.С. Кобылинского

для российской истории, – перевозку Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

К августу 1917 г. у Временного правительства возникли сложности с содержанием царской семьи под боком у неспокойного революционизированного Петрограда. Тобольск был тихим, спокойным местом, и Александр Фёдорович Керенский, отправляя туда царя, в сущности, хотел его там укрыть от расправы, которая грозила бывшему царю в столице.

24 сентября 1917 г. именно Керенскому на секретном заседании Временного правительства, где присутствовали четыре министра: князь Г. Львов, М. Терещенко, Н. Некрасов и А. Керенский⁵, было поручено подыскать место для переселения царской семьи.

Керенский выбрал Тобольск, аргументируя свой выбор тем, что «немыслимо было увести

их на Юг через всю рабоче-крестьянскую Россию»⁶. По утверждению последнего, остальные члены временного правительства «не знали ни о сроке, ни о направлении».

Романовых сопровождал отряд особого назначения из офицеров и солдат царскосельских гвардейских полков (более 300 человек) под командованием полковника Е.С. Кобылинского⁷ (Рис. 2). Этот отряд и остался с ними для охраны в Тобольске.

30 ноября 1917 г. Совнарком обсуждал вопрос о переводе Николая II в Кронштадт. В Петрограде продолжали циркулировать слухи о побеге бывшего царя.

Эти слухи тревожили Совнарком. Октябрьский переворот ещё острее поставил вопрос о судьбе бывшего императора.

Ещё в конце 1917 – начале 1918 г. выдвигались предложения о предании суду бывшего императора. В этом направлении делались и конкретные шаги.

После прихода большевиков к власти, в начале 1918 г., в советском правительстве обсуждалось предложение провести открытый судебный процесс над бывшим императором Николаем II.

В жизни царской семьи наступают большие перемены в худшую сторону. Большевики ещё более ухудшили денежный вопрос. Это было самой первой их мерой.

В Москве и Петрограде большевики понимали, что при слабости советской власти в Тобольске могут произойти неожиданности. Чтобы взять ситуацию под контроль, туда срочно посылаются красногвардейские отряды. В Тобольске появляются красногвардейцы и представители Советов из Омска, Тюмени и Екатеринбурга. Но между ними возникли трения, так как каждый претендовал на захват царской семьи.

В конце марта 1918 г. в Москву был послан делегат от «отряда особого назначения» большевик Пётр Лукин (иногда значится как Пётр Лупин). Делегат отряда выступил на заседании Президиума ВЦИК 1 апреля 1918 г.⁸

1 апреля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) РСФСР принял решение перевести царскую семью в Москву.

2 апреля 1918 г. появилось обращение председателя ВЦИК Я.М. Свердлова к Комиссару по военным делам Л.Д. Троцкому на основании постановления президиума ЦИК от 1 апреля

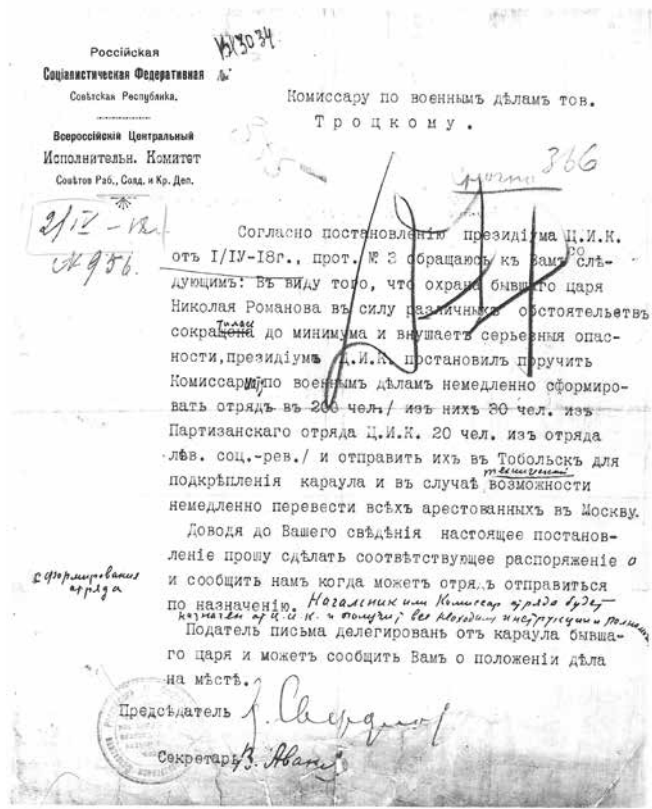

Рис. 3. Письмо Председателя ЦИК Я.М. Свердлова Комиссару по военным делам Л.Д. Троцкому. РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 38. Л. 366.

1918 г. с предложением немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 чел. из партизанского отряда ЦИК, 20 чел. из отряда левых социал-революционеров) и отправить их в Tobolsk для подкрепления караула и в случае технической возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву, так как в силу различных обстоятельств охрана бывшего царя Николая Романова сократилась до минимума, и внушает серьёзные опасности.

В этом же обращении была просьба сообщить о том, когда отряд может отправиться по назначению во главе с начальником или комиссаром отряда, который будет назначен ЦИК с необходимыми инструкциями и полномочиями (Рис. 3)⁹.

Возглавить эту секретную и ответственную операцию ВЦИК и Совнарком поручают Василию Яковлеву (Константину Алексеевичу Мянину). Яковлеву, находившемуся в тот момент в Петрограде, вручают телеграмму Свердлова с

просьбой срочно прибыть в Москву, и он прибывает. Яковлеву было поручено доставить бывшего царя из Tobolska в Екатеринбург¹⁰.

Свердлов обрисовал сложное положение, возникшее в Tobolske: «После Октябрьского переворота советская власть в Tobolske установилась совсем недавно – месяц назад.

Мы, большевики, в правительстве никогда не забываем о Tobolske и придаём наиважнейшее значение извлечению царской семьи из Tobolska без особого шума.

Но там сложилась нездоровая атмосфера, потому что чекистские военные отряды наперебой стремятся оторвать царскую семью от охраны, но по своей собственной инициативе, без всяких полномочий и указаний со стороны правительства Советской России.

[...]

Яковлев зафиксировал: На мой вопрос, почему уральцы не совершают перевозку [сами], он [Свердлов] ответил, что они испортили всё дело своей бестактностью и теперь, кто бы от них ни приехал, это только вызовет в охране озлобление и недовольство. Нужно нейтральное лицо, не связанное с Екатеринбургом¹¹.

Этим лицом выпало стать Яковлеву. И не только потому, что он нейтральное лицо, но и потому что он обладал рядом качеств, благодаря которым ему поручили вывезти царскую семью из Tobolska, по маршруту, который окажется для неё последним.

Свердлов и Яковлев договорились, что во время переговоров, при перевозке и в телеграммах семью будут именовать «грузом», и что груз должен быть доставлен к месту назначения обязательно живым.

В записках Яковлева отсутствует причина вывоза царской семьи из Tobolska. Может, Свердлов ему этого не раскрыл, но, вероятнее всего, Яковлев вынужден был умолчать об этом.

В это время советское правительство переехало из Петрограда в Москву из-за опасности, что Петроград может быть захвачен немецкими войсками. Не исключалась возможность при определённых условиях и сдачи Москвы. На это случай правительством был предусмотрен эвакуационный план, который предполагал следующий переезд правительства на ... Урал, в наиболее надёжную область. Именно туда были свезены арестованные члены императорской семьи.

Рис. 4. Белобородов Александр Григорьевич

Следует отметить, что 6 апреля 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК ещё раз рассматривался вопрос «о бывшем царе Николае Романове».

Президиум ВЦИК вынес решение: «В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снести по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления

отряду, охраняющему Николая Романова и о переводе всех арестованных на Урал.

Сообщить СНК о настоящем постановлении и просить о срочном исполнении настоящего постановления»¹².

Причину изменения решения о переводе царской семьи в Екатеринбург раскрывают следующие строки из рукописных воспоминаний председателя Уральского облисполкома А.Г. Белобородова (Рис. 4)¹³: «Мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется (при организации соответствующих условий надзора и охраны) возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас вырвать, у нас остаётся тысяча возможностей его ликвидации в процессе отправки»¹⁴.

Тобольская операция захватила Яковлева: этому было отдано всё – он готовился тщательно и быстро.

Василий Яковлев немедленно выезжает в Уфу, где быстро и со знанием дела собирает отряд. Он собирает для операции около 100 человек (из них 15 кавалеристов)¹⁵, которых лично знает по боевым вылазкам во времена революции 1905 года. Берёт только тех, кому доверяет безоговорочно.

Во главе отряда поставлен Д.М. Чудинов, кавалерию возглавляет Г.И. Зенцов, со старшим братом которого Мячин-Яковлев когда-то «брал» миасское золото.

Заодно заручается поддержкой своего друга – известного на Урале боевика П.В. Гузакова. При

отряде свой телеграфист. В Тобольск Яковлев отправляется через Екатеринбург.

Здесь, на вокзале, он встречается с Голощёкиным и Дидковским, которые показывают свои мандаты с прописанными в них полномочиями и записку, где конечным местом доставки Романова («груза», как их называли в переписке) обозначен Екатеринбург, а не Москва как первоначально¹⁶.

Мандаты Яковлева действительно серьёзные.

Руководителями партии и правительства предписано всем гражданам и организациям под угрозой расстрела на месте оказывать Яковлеву всяческое содействие. В полномочиях говорится, что «груз» обязательно должен быть доставлен живым.

Неподалёку от Тюмени он встретил идущий из Тобольска екатеринбургский отряд Авдеева и подчинил его себе. Потом в верстах в 80-90 от Тюмени встретил второй екатеринбургский отряд пехоты (этот отряд в отличие от Авдеева шёл к Тобольску) – отряд Бусяцкого. И этот отряд вынужден был подчиниться Яковлеву¹⁷.

22 апреля 1918 г., в день рождения В.И. Ленина, пополнившийся отряд Яковлева вошёл в Тобольск, где встретил ещё один отряд из Екатеринбурга – отряд Заславского¹⁸.

В итоге, Яковлев быстро договаривается с полковником Кобылинским, деньги выплачены, отношения налажены, охрана соглашается на переезд бывшего царя из Тобольска. Яковлев предлагает совместную охрану в дороге.

Для Яковлева это выгодно, отряд его усилится солдатами-фронтовиками. Бывшего царя начинают готовить к отъезду.

Венценосная пара берёт с собой дочь Марию, и первый эшелон – в простых сибирских телегах – трогается. Надо спешить: река вот-вот должна вскрыться. Грузятся.

В записках судебного следователя Н.А. Соколова по воспоминаниям свидетелей допрошенных им вот как описывается эта ситуация:

«26 апреля за 3 ½ часа утра к подъезду губернаторского дома были поданы экипажи. То были сибирские «кошевы» – тележки на длинных дрожинах, без рессор, все парные, кроме одной троечной.

В неё села Государыня с Великой Княжной Марией Николаевной. Она хотела, чтобы с ними сел Государь. Яковлев запротестовал и поместился с Государем сам.

В остальных экипажах были Боткин, Долгоруков, Чемодуров, Иван Седнёв и Демидова.

Спереди и сзади ехали солдаты отряда Яковлева и восемь солдат тобольского отряда с двумя пулемётами.

Яковлев совершил при отъезде ошибку: он не взял с собой весь свой отряд, оставив большую часть его в Тобольске, куда он надеялся скоро вернуться. Он видимо больше не выдерживал своей роли и считал свою цель слишком рано достигнутой.

[...]»¹⁹.

Перед отъездом к Яковлеву подошел Заславский и намекнул, чтобы тот не садился рядом с Николаем, т.к. планируют его шлёпнуть по дороге. Яковлев Заславскому на это ответил – мне приказано доставить «груз» живым, и я доставлю. Тот говорит: ну, смотри...

Поведение Яковлева, не желавшего «убрать» бывшего царя, уральцам не нравится.

Тайно от Яковлева они собирают секретное совещание. На этом совещании Заславский предлагает выставить у села Ивлева, где Яковлев собирается сделать первый ночлег, засаду. «На всякий случай». Так уральцы писали в своих мемуарах²⁰.

Яковлеву настроения уральцев совсем не нравятся. Волчьим чутьём боевика чует подвох. Из отряда Заславского к нему перебегает боец Александр Неволин, и он рассказывает, что уральцы приняли секретное решение уничтожить не только Николая, но и весь отряд Яковлева, если тот не отдаст царя на расправу.

Неволин не может скрыть своего удивления: бывшего царя ему не жалко, но как это свои будут убивать своих?

Свои, то есть уральцы, объяснили: у Яковлева девять пулемётов, а настоящих пулемётчиков только двое. Надо на семь пулемётчиков дать ему пулемётчиков-уральцев, и они в суматохе откроют огонь по бойцам Яковлева. А инсценируют это так, будто на обоз напала неизвестная местная банда и уральцы ни при чём. Узнав от Неволина об этих планах, Яковлев решает положиться на свой опыт боевика-террориста: он так размечает путь, так в восемь смен организует переброс «груза» с телеги на телегу, что, опережая возможные засады уральцев, добегаёт триста вёрст до Тюмени за двое суток²¹.

По дороге в селе Покровском – остановка. По-

сле недолгого прощания с родственниками Распутина снова гонка по опасной тряской дороге, быстрая смена коней и экипажей, переправа по ненадёжному льду. Наконец, последняя для бывшего царя сумасшедшая скачка по весенней распутице заканчивается. Яковлев успевает использовать последний шанс. Река Тобол вскрывается ото льда на следующий день после приезда Николая в Тюмень. В 35 верстах от города телеги встречает председатель Тюменского горисполкома. Твёрдый путь. А там – железная дорога.

И там Яковлеву сообщают, что готовится крушение поезда. Он принимает ответные шаги: сев с «грузом» в литерный поезд, объявляет, что едет в Екатеринбург, а сам на 18-м разъезде разворачивает состав на Омск. Из Омска надеется прорваться в свой родной Симский округ, где он и царь, и бог²².

Узнав о покушениях на «груз», Свердлов сам и даёт указания Яковлеву ехать на Омск.

У того постоянная телеграфная связь с Кремлём. Свой телеграфист! Но свои телеграфисты есть и у его противников. Есть при отряде Яковлева и осведомитель из Екатеринбурга – Авдеев, который тайно сообщает об изменении планов кремлёвского комиссара в Екатеринбург.

Узнав о том, что поезд повернул на восток, уральцы выносят резолюцию: Яковлев – контрреволюционер, и на кого бы он ни ссылался, какие бы документы не предъявлял, – с ним, Яковлевым, надо кончать. А заодно и с бывшим царём. Так что на подъезде к Омску состав Яковлева натывается на вооружённый заслон...

Яковлев не теряет и требует встречи с председателем Омского совета Косаревым (Рис. 5)²³, своим старым другом, однокашником по школе на Капри²⁴. Они вместе запрашивают Свердлова: что делать? Свердлов посылает телеграмму из Москвы своему посланцу в Омск 29 апреля 1918 г. телеграмму следующего содержания:

«Немедленно двигай обратно [в] Тюмень. С уральцами сговорились. Приняли меры – дали гарантии личной ответственностью областников. Передай весь груз [в] Тюмени представителю Уральского Областкама. Так необходимо... Ты выполнил самое главное. Уверен в точном исполнении всех указаний. Привет Свердлов»²⁵.

На что Яковлев отвечает: меня-то не тронут, а «груз» наверняка пустят в расход... Свердлов

Имя и отчество.	Косарев Владимир Михайлович	
Родился, какой местности уроженец или губерния, уезд, власть и т. д.	Июль 1891 г. Екатеринбург уезд, Екатеринбург уезда.	
Имя и фамилия родителей или других близких родственников.	Матери нет	
Место проживания: Россия до поступления на военную службу; Россия родиней: Октябрьской революции, настоящее время.	Работал - Актюбинск Октябрьской революции, настоящее время - нет	
Служил ли в рядах (указав место, год и где служил).	а) нет, б) среднее, в) высшее,	нет
	а) нет, б) среднее, в) высшее,	нет
	а) нет, б) среднее, в) высшее,	нахимовские заграничные 6 1913.
Наложено ли военное или военно-политическое наказание (указав, каким и за что), где и когда.	нет	
Какие владения или ранее имевшиеся владения (указав, каковы и за что), а также какие владения (указав, каковы и за что) или какие владения (указав, каковы и за что) имелись в настоящее время (указав, каковы и за что).	нет	

1) С какого времени состоит членом или кандидатом РИИ.	Март 1918 г.
2) Какой организации и на каком посту или должности служил.	Иркутской армии.
3) Принимал ли и другим партиям, в каком качестве и с какого времени и по какому.	нет
4) Какую партийную и политическую работу вел до Октябрьской революции.	Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Заведующий Иркутской организацией РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г.
5) Какую партийную и политическую работу вел с Октябрьской до Октябрьской революции.	Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г. Член Иркутской организации РИИ с 1918 г.
6) Подвергался ли наказаниям за политическую работу, когда и кем.	В 1918 г. - 2 мес. в тюрьме в Иркутске за политическую работу. В 1919 г. - 2 мес. в тюрьме в Иркутске за политическую работу. В 1920 г. - 2 мес. в тюрьме в Иркутске за политическую работу. В 1921 г. - 2 мес. в тюрьме в Иркутске за политическую работу.
7) Какие аресты, ссылки и другие наказания получал в настоящее время.	нет
8) Подвергался ли суровым наказаниям, когда, кем и за что.	нет
VII. Семейное положение: Ходил ли записан; имя и время рождения детей; имя, отчество, фамилия и возраст лиц, находящихся на иждивении.	Жена: Дарья Яковлевна 29 лет. Имя: Владимир, род. 1917-20 г. Сестра: Мария, род. 1918 г.
VIII. Состояние здоровья и в каком году служил в рядах (указав, каковы и за что), а также какие владения (указав, каковы и за что) или какие владения (указав, каковы и за что) имелись в настоящее время (указав, каковы и за что).	Ревматизм сердца, артритический ревматизм сердца - последствиями перенесенной Крайневской болезни от 1917, 1918, 1919, 1920, 1921, 1922 г.

Рис. 5. Косарев Владимир Михайлович. Из личного дела В.М. Косарева

повторяет: уральцы обещали «груз» доставить в сохранности, поворачивай в Екатеринбург...

Яковлев торопился. Он не допускал ни малейшего промедления, никаких остановок. Когда подъезжали к станции, сейчас же перепрягали лошадей и мчались дальше. Путь был плохой, была распутица. Во многих местах весенняя вода покрывала мосты. Узники шли в таких местах пешком.

Боткин не выдержал бешеной езды и заболел. Только тогда Яковлев допустил остановку на несколько часов.

Прибыв в Тюмень 27 апреля вечером, он без всякого промедления повёз узников в специальном поезде на запад, т.е. к Екатеринбургу.

Дорогой он известился, что Екатеринбург его не пропустит далее и задержит.

Он кинулся назад в Тюмень и отсюда поехал на восток, т.е. к Омску. Но до Омска ему не удалось доехать. На станции Куломзино, ближайший к Омску, его поезд был остановлен и окружён силами красных.

Яковлеву было заявлено, что Екатеринбург объявил его вне закона за то, что он пытается

увезти Царя за границу, о чём Екатеринбург известил Омск. Отцепив паровоз, Яковлев поехал в Омск, говорит оттуда по прямому проводу с Ци-Ком и получил приказание ехать в Екатеринбург.

Как только он прибыл туда, его поезд был оцеплен большим отрядом красноармейцев, сильно вооружённых.

Он отправился в совдеп, пытался бороться, но безуспешно. Вернулся он в поезд «расстроенный» и предложил солдатам тобольского отряда поехать с ним в Москву и свидетельствовать о происшедшем.

Тотчас же эти солдаты были поодиночке разоружены и посажены, в какой-то погреб. Их выпустили через несколько дней.

30 апреля после бурных обсуждений, длившихся несколько часов в областном Совете, Яковлев получил на официальном бланке следующую резолюцию, подписанную А.Г. Белобородовым:

«Заслушав объяснения т. Яковлева и тт. Гузкова, Авдеева и Заславского, областной Совет на основании этих сообщений, считает действия т. Яковлева вызванными его нервозностью, подо-

зрения и рисующиеся ему заговоры более всего продуктом его преувеличенных опасений и непониманием возложенной на него миссии.

Что касается обвинения т. Яковлева в контрреволюционности измене революции, то областной Совет решительно такое обвинение с тов. Яковлева снимает»²⁶.

Однако чрезвычайный комиссар Яковлев был оскорблён подозрением его участия в контрреволюционном заговоре, отказался от проведения дальнейшей операции по перевозке остальных членов царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и уехал в Москву.

Яковлев уехал в Москву. Оттуда он прислал своему телеграфисту: «Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю».

[...]».

30 апреля 1918 г. Романовы помещены в дом горного инженера Н.И. Ипатьева, где они будут жить свои последние 78 дней²⁷.

Добавим, что остальные Романовы – сын Алексей и 3 дочери – были доставлены в Екатеринбург в 20-х числах мая под охраной другого отряда во главе с П. Хохряковым²⁸.

Трагический финал судьбы Романовых хорошо известен: в середине июля 1918 г.

Итак, первая загадка перевозки: если «старый маршрут», установленный ещё Свердловым в Москве и подтверждённый Яковлеву в Тюмени, лежал через Омск, то он никак не мог иметь конечным пунктом Екатеринбург. Куда же вёз Романовых Яковлев?

Сегодня на это однозначно ответить нельзя, ясно только одно, что усилиями уральцев «старый маршрут» был изменён, и Яковлев вынужден был доставить Романовых в Екатеринбург.

Вместе с тем могли быть и другие варианты. В той сложной игре, которую вело правительство Ленина весной – летом 1918 г., Романовы были особой картой. Они были ею как в международном плане (если взять его в самом широком смысле в отношениях РСФСР с державами Оси и Антантой), так и в плане определённых обязательств (выдвинутых не только условиями брестских отношений) перед немецким правительством.

Тема эта требует дальнейшей глубокой, основанной на новых документах, разработки. По сути дела, чрезвычайный комиссар Яковлев,

выполнив установку Свердлова, сорвал планы уральцев уничтожить Романовых. Но Свердлову совсем не хотелось представить дело таким образом, что вокруг Романовых не было никаких реальных попыток к их освобождению. Создаётся впечатление, что Свердлову (он выражал точку зрения ЦК партии) постоянно требовалось искусственно создавать ситуацию о бесконечных монархических заговорах с целью освобождения Романовых.

Итак, Яковлев выполнил поручение ВЦИКа и Совнаркома. Сдав «груз», Яковлев возвращается в Москву и отчитывается о поездке перед Лениным и Свердловым. Никаких замечаний нет.

16 мая в газете «Известия ВЦИК» появляется статья «К переводу бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург»²⁹, которая полностью восстановила репутацию Яковлева.

В начале мая 1918 г. Я.М. Свердлов, выступая на заседании ВЦИКа и излагая причины, вынудившие перевезти Романовых на Урал, говорил: «Нами был отправлен отсюда специальный комиссар со специальным отрядом для приведения в исполнение нашего решения, и приблизительно недели через полторы тому назад это решение было приведено к исполнению.

Николай Романов ныне находится в Екатеринбурге вместе с женой и одной из дочерей»³⁰.

Ну, а Яковлев? Какова была его дальнейшая судьба? В мае 1918 г. он – командующий Самаро-Оренбургским (иногда его называют Урало-Оренбургским) фронтом, сформировавшимся для борьбы с дутовским мятежом. Практически, однако, этот фронт так и не образовался. Вскоре после прибытия Яковлева в Самару произошли события, резко изменившие обстановку в стране. На всём протяжении огромной Транссибирской магистрали – от Волги до Дальнего Востока – вспыхнул антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. В конце июня Яковлев был назначен командующим формируемой в Уфе 2-й армии, затем его отозвали в штаб фронта, потом назначили комиссаром 2-й армии. Положение усугублялось организационной неразберихой, нередкими изменениями бывших офицеров, призванных в Красной Армии. Неудачи, поражения, измены создали тяжёлую, нервную атмосферу, в которой стали проявляться такие качества Яковлева, как «командирство». Склонность к безапелляционным решениям и т.п. У него воз-

никли столкновения с прибывшими сюда Н. Подвойским, П. Кобзевым, А. Благонравовым и др. Уфа пала. Яковлев вместе с другими партийными и советскими работниками эвакуировался в Сарапул. Затем через фронтовую полосу он нелегально перебрался в Уфу.

Яковлев, опасаясь ареста со стороны колчаковцев, был вынужден под чужим именем бежать в Харбин. Через 10 лет после своего опрометчивого шага он подал просьбу И.В. Сталину и В.Р. Менжинскому о разрешении вернуться в Россию.

Известно, что ему разрешили вернуться. Затем судили, приговорили к смертной казни, которую заменили концлагерем.

Он сидел на Соловках, трудился на строительстве Беломорканала, даже досрочно был осво-

бождён с восстановлением в правах. В феврале 1938 г. снова попадает на Лубянку. 16 сентября 1938 г. приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян.

Послушаем напоследок голос его из далёкого тридцать первого года, с Соловков. Зов надежды, обращённый в будущее, к нам с вами:

«Найдётся же со временем беспристрастный историк, который вынесет на свет это трагическое дело, едва ли по своей ужасной сути имеющее прецедент даже в нашей величайшей революции, и предаст его на суд нового поколения, которое сможет уже более спокойно и объективно отнестись к старому ветерану двух революций»³¹.

¹ См.: *Корона и эшафот. Исторические очерки*. М., 1991 и др.

² См.: *Убийство царской семьи Романовых*. Свердловск, 1991 и др.

³ См.: *Убийство царской семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова*. Б.м., издание Спасо-Преображенского монастыря, 1998.

⁴ См.: Summers A., Mangold T. *Le dossier Romanov*. Paris, 1980; Иоффе Г. *Революция и судьба Романовых*. М., 1992; Буранов Ю., Хрусталёв В. *гибель императорского дома*. М., 1992; Авдонин А.Н. *В терновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995 и др.

⁵ См.: Хрусталёв В. *Николай II. Арестован и сослан буржуазными вождями. Отвержен британским правительством. Расстрелян большевиками* // *Международная жизнь*. 1996. № 2. С. 74.

⁶ См.: *Охота на венценосца / Беседа старшего прокурора-криминалиста Генпрокуратуры Владимира Соловьёва со Львом Аннинским* // *Родина*. 2005. № 1. С. 60.

⁷ См.: Авдонин А.Н. *В терновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 17; РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 121. Л. 60-60 об.

⁸ См.: Хрусталев В.М. *Романовы. Последние дни Великой династии*. М.: АСТ, 2013. С. 401-402.

⁹ См.: РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 38. Л. 366.

¹⁰ См.: *Охота на венценосца / Беседа старшего прокурора-криминалиста Генпрокуратуры Владимира Соловьёва со Львом Аннинским* // *Родина*. 2005. № 2. С. 28.

¹¹ См.: *Там же*. С. 17-18.

¹² См.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. д. 36. Л. 29-31

¹³ См.: РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 25957. Л. 1-1 об.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 56. Л. 2.

¹⁵ См.: *Охота на венценосца / Беседа старшего прокурора-криминалиста Генпрокуратуры Владимира Соловьёва со Львом Аннинским* // *Родина*. 2005. № 2. С. 28.

¹⁶ См.: *Там же*. С. 28.

¹⁷ См.: *Там же*. С. 28.

¹⁸ См.: *Там же*. С. 28.

¹⁹ См.: *Убийство царской семьи: Из записок судебного следователя Н.А. Соколова*. Б.м. Издание Спасо-Преображенского монастыря, 1998. С. 66.

²⁰ См.: *Охота на венценосца / Беседа старшего прокурора-криминалиста Генпрокуратуры Владимира Соловьёва со Львом Аннинским* // *Родина*. 2005. № 2. С. 29.

- ²¹ См.: Там же. С. 29.
- ²² См.: Там же. С. 29.
- ²³ См.: РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 194-276. Л. 1-19 об.
- ²⁴ См.: Охота на венценосца / Беседа старшего прокурора-криминалиста Генпрокуратуры Владимира Соловьева со Львом Аннинским // Родина. 2005. № 2. С. 29.
- ²⁵ См.: Там же. С. 29.
- ²⁶ См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 118.
- ²⁷ См.: Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи // Источник. 1994. № 5. С. 70-76
- ²⁸ См.: Вступительная статья Г.З. Иоффе / В. Яковлев Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 164.
- ²⁹ См.: Хрусталева В.М. Романовы. Последние дни Великой династии. М.: АСТ, 2013. С. 522.
- ³⁰ См.: Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. С. 196.
- ³¹ См.: Моисеев А. Баллада о потерянном имени // Рифей, 1990: Урал. Краевед сб. Челябинск: Юж.-Урал кн изд-во, 1990 – 272 с. С. 204.

*Евгений Петрович Абрамов,
Россия, Санкт-Петербург, Военно-медицинская
академия им. С.М. Кирова, профессор
кафедры оперативно-тактической подготовки,
доктор исторических наук*

Советская морская пехота на фронтах Гражданской войны 1917–1922 гг.

Зарождение советской морской пехоты связано с Гражданской войной и военной интервенцией 1917–1922 гг. Уже в октябре 1917 г. в Петрограде моряки Балтийского флота участвовали в захвате вокзалов, мостов, телеграфа.

Кроме того, отряды моряков прикрывали подступы к Петрограду, не допуская подхода и ввода в город контрреволюционных войск. Так, отряд моряков линейного корабля «Заря свободы» оборонял город со стороны Гатчины, а отряд моряков из Гельсингфорса (1500 человек) прикрывал подходы к Петрограду с севера. Моряки одними из первых выступили на фронт для защиты Петрограда от войск Керенского и Краснова¹.

2 ноября в Москву, где шла ожесточенная борьба за власть, выехали матросы Балтийского флота и красногвардейцы под общим командованием К.С. Еремеева. На другой день в Москву прибыл второй отряд моряков в составе 2000 человек.

Во второй половине ноября 1917 г. отряд, сформированный из гельсингфорсских моряков и солдат Литовского полка под командованием мичмана С.Д. Павлова, сопровождал члена коллегии народного комиссариата по военным делам Н. В. Крыленко в Ставку Верховного Главнокомандования².

Следует отметить, что в годы Гражданской войны и военной интервенции в составе 30 флотилий РККФ и 14 армий РККА сражались: одна морская экспедиционная дивизия, три морские бригады, 8 морских полков, 17 морских батальонов, включая лыжный батальон моряков и 3-й отдельный батальон морской пехоты, 131 морской отряд и 11 рот общей численностью 75 тыс. человек³.

Необходимо отметить, что формирования морской пехоты имелись и в составе белогвардейских флотилий. Так, на сухопутном фронте на Каме действовала отдельная бригада морских стрелков четырехбатальонного состава под командованием контр-адмирала Г.К. Старка⁴. В Севастополе дислоцировались Черноморский отдельный десантный стрелковый батальон (400 штыков) и Черноморская отдельная десантная стрелковая рота⁵.

В конце 1917 и в 1918 гг. морские отряды действовали практически на всей территории страны. Так, отряд балтийских моряков во главе с Ю.А. Дрылевским (500 чел.) оказывал помощь местным партийным организациям в установлении Советской власти в Вятке и Вологде. С такой же задачей в Туле, Калуге, Белгороде, Харькове и

в других городах действовал отряд моряков под командованием Н.А. Ховрина и А.Г. Железнякова⁶, а на юге страны – отряд моряков-черноморцев А.В. Мокроусова.

В ноябре 1917 г. под Оренбург для борьбы с Дутовым был направлен усиленный солдатами 17-го Сибирского полка отряд моряков, возглавляемый С.Д. Павловым, вернувшийся в Петроград после ликвидации Ставки. В январе 1918 г. 2000 матросов направляются для военных действий против буржуазной Рады. Прибывшие на Украину моряки вошли в состав 1-го Минского революционного отряда Р.И. Берзина, который успешно действовал против войск Украинской Рады и Каледина⁷.

Отряды морской пехоты принимали активное участие в тяжелых оборонительных боях под Нарвой, Псковом и Ревелем. Так, на Ревельском направлении вел боевые действия добровольческий отряд морской пехоты, сформированный из личного состава морской десантной бригады.

10 августа по указанию оперативного отдела Наркомата по военным делам из Петрограда на фронт были отправлены три отряда матросов, кронштадтских рабочих и красноармейцев общей численностью в 3 тыс. чел. (1300 – в Пермь, 1000 – в Вологду и 700 – в Нижний Новгород)⁸.

В это же время на Кузино-Сергинском участке Восточного фронта действовал 1-й экспедиционный отряд моряков Балтийского флота. В первых числах сентября после получения пополнения на базе отряда была сформирована бригада в составе 1-го и 2-го Камских полков, двух артиллерийских батарей и конного эскадрона⁹.

На Севере вел боевые действия 2-й Балтийский экспедиционный отряд. 7 августа 1918 г. он прибыл на ст. Обозерскую, а на следующий день вступил в бой. Противник предпринял попытку перейти в наступление, которое было отражено с большими для него потерями. 11 августа интервенты и белогвардейцы были отброшены на 20 верст.

В течение всего августа отряд, не имея своей авиации и зенитных орудий, вел тяжелые бои с превосходящими силами противника в сложных условиях лесисто-болотистой местности.

3 августа 1918 г. из Петрограда на Южный фронт был отправлен 3-й экспедиционный отряд моряков Балтийского флота. Отряд сыграл важную роль в формировании и подготовке ко-

манд бронепоездов, пехотных частей и артиллерийской батареи, а также их боевому применению на Южном фронте¹⁰.

4-й экспедиционный отряд был сформирован в Кронштадте из числа экипажей кораблей. 20 августа 1918 г. он начал боевые действия на Северном фронте одновременно на обоих берегах Северной Двины. Несмотря на значительное превосходство противника в живой силе и боевой технике моряки отбросили его на 200 км к населенному пункту Чамово¹¹.

В ходе Гражданской войны на Восточный фронт был направлен 1-й морской Кронштадтский полк в составе двух стрелковых батальонов, шести команд: пулеметной (12 пулеметов), разведывательной, саперной, подрывной, нестроевой, санитарной и службы связи общей численностью 2177 чел. 10 ноября 1918 г. выехавший из Петрограда полк прибыл в г. Кунгур, где перешел в подчинение начальника 4-й Уральской (с 11.11.30-й стрелковой) дивизии В.К. Блюхера¹². С 2 по 13 декабря полк вел боевые действия в составе 30-й стрелковой дивизии¹³.

В это же время на Севере в составе 6-й армии действовал отряд моряков Северо-Двинской военной флотилии в количестве 192 чел. В Вельско-Шенкурском районе сражался 1-й отдельный морской пехотный батальон, насчитывавший 327 чел.¹⁴ Здесь же в составе войск 7-й армии вели боевые действия два отряда моряков Балтийского флота общей численностью более 670 чел.¹⁵

На различных фронтах Гражданской войны на Украине, на Дону и в Крыму действовали и моряки Черноморского флота. Вместе с войсками Красной Армии они обороняли Ростов, Николаев, Херсон, Севастополь и др. города. Несколько сот моряков Черноморского флота участвовало в боях на дальних подступах к Царицыну. На юге в составе 8-й и 9-й армий, также действовали отряды моряков Балтийского и Черноморского флотов. Сражаясь в годы войны на разных театрах военных действий, моряки проявили высокие морально-боевые качества, стойкость, мужество и волю к победе.

Активное участие формирования морской пехоты приняли в обороне Петрограда. Так, для отражения наступления войск Юденича на город только в мае и июле 1918 г. из моряков Балтийского флота было сформировано три отряда

общей численностью свыше 2,5 тыс. чел. и сводный отряд (500 чел.) из числа курсантов курсов комсостава флота и учебного отряда подводного плавания¹⁶.

Во время второго наступления войск Юденича на Петроград в период с 13 по 26 октября 1919 г. Балтийский флот направил на фронт семь отрядов и две маршевые роты общей численностью около 7 тыс. чел.

16 октября, в связи с угрозой прорыва противником фронта, РВС Балтийского флота приказал начать массовое формирование сухопутных отрядов моряков, направив для их укомплектования экипажи боевых кораблей. Через два дня для усиления обороны форта Краснофлотский прибыл 1-й отдельный Петроградский батальон моряков (484 чел.), сформированный из личного состава линкоров «Гангут», «Полтава», эсминцев «Победитель», «Самсон» и Шлиссельбургской морской базы.

20 октября туда же прибыл 3-й отдельный Петроградский батальон моряков (636 чел.), а затем 1-я (142 чел.), 2-я (205 чел.) маршевые роты моряков и 2-й отдельный Кронштадтский батальон моряков (620 чел.)¹⁷.

Другой особенностью боевого применения морской пехоты в годы Гражданской войны явилось использование значительного ее количества в составе соединений сухопутных войск РККА. В составе только одной стрелковой дивизии 7-й армии, действовавшей на главном Нарвском направлении сражались 4,5 тыс. моряков¹⁸.

27 октября морские части отразили наступление белогвардейцев на форт Передовой, а на следующий день 2-й и 3-й экспедиционные отряды моряков, действовавшие в составе 2-й бригады 6-й стрелковой дивизии, при огневой поддержке береговой артиллерии фортов Краснофлотского и Передового нанесли контрудар на участке Шепелево, Усть-Рудицы и после ожесточенных боев отбросили противника к крепости Копорье.

Маневренный характер Гражданской войны в России, недостаточная насыщенность войск транспортными и переправочными средствами определили важное значение десантов как одной из форм обходного маневра при прорыве обороны противника в ходе наступательных операций, а также показали эффективность использования морской пехоты при действиях в каче-

стве передовых отрядов при высадке десантов, форсировании водных преград и для решения других задач. Поэтому основной задачей флотов и флотилий противоборствующих сторон в годы Гражданской войны являлось содействие приморским (приозерным, приречным) флангам сухопутных войск огнем корабельной и береговой артиллерии, а также высадкой десантов¹⁹. Необходимость высадки тактических десантов потребовала создания специально подготовленных отрядов и частей.

Эти отряды и части комплектовались в начале Гражданской войны, как правило, на добровольной основе, отличались высокими морально-боевыми и использовались в обороне на наиболее важных участках фронта, а в наступлении – на направлении главного удара. Они же решали основные задачи в десантных операциях.

Первая в РККФ штатная часть – особый отряд моряков (командир – А.А. Грицай), была сформирована 5 сентября 1918 г. в составе Волжской военной флотилии. По утвержденному в январе 1919 г. РВС республики штату десантный отряд флотилии (командир И.К. Кожанов) включал штаб, три стрелковые роты, артиллерийскую батарею в составе двух огневых взводов 76 мм и 37 мм орудий, а также команды: пулеметную, подрывную, конной разведки, связи, нестроевую и санитарную (всего 853 чел.)²⁰. Решительные действия десантных отрядов, возглавляемых К. И. Душеновым и И.К. Кожановым, на берегах рек Камы и Вятки обеспечили успешное проведение наступательных операций войсками 2-й армии²¹.

Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С.С. Каменев, оценивая действия морской пехоты в наступательной операции этой армии, отметил, что «высаженный т. Кожановым десант моряков сыграл решающую роль в переходе 2-й армии в наступление». Следует подчеркнуть, что в годы Гражданской войны высаживались в основном тактические десанты, некоторые из которых являлись важной составной частью ряда наступательных операций как это было, например, при проведении силами войск Межозерного боевого участка и Онежской военной флотилии Видлицкой и Лижемской наступательных операций²². В ноябре 1918 г., когда началось изгнание германских войск с захваченных ими территории советской России, РВС 7-й армии, которому оперативно подчинялся Балтий-

ский флот, поставил перед флотом задачу обеспечить наступление 6-й стрелковой дивизии с моря огнем корабельной артиллерии и высадкой морского десанта²³. В 10.20 28 ноября транспорта в сопровождении эсминца «Меткий» вошли в устье Наровы и после получасовой артиллерийской подготовки высадили десант. Не встретив на берегу сопротивления со стороны германских войск, десант при огневой поддержке крейсера «Олег» соединился с частями 6-й сд и к вечеру 29 ноября овладел Нарвой. Таким образом, действия морского десанта Балтийского флота в устье Наровы оказали существенную помощь войскам 7-й армии в освобождении г. Нарва²⁴.

В целях разгрома главных сил Сибирской армии А.В. Колчака (54,3 тыс. штыков, 3,7 тыс. сабель, 111 орудий, 572 пулеметов) и освобождения Ижевско-Воткинского военно-промышленного района командование Восточного фронта разработало план Сарапуло-Воткинской наступательной операции, осуществляемой войсками 2-й и 3-й армий при содействии сил Волжской военной флотилии, частей 5-й армии и правого крыла 3-й армии (41,2 тыс. штыков, 5,1 тыс. сабель, 189 орудий, 1006 пулеметов) в направлении на Ижевск и Воткинский завод.

22 мая 1919 г. командующий 2-й армией В.И. Шорин поставил перед оперативно подчиненной ему Волжской военной флотилией боевую задачу: обеспечить переправу войск армии через реку Вятку огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов, поддержать их наступление, а также не допустить прорыва флотилии белых в реку Вятку.

В соответствии с планом операции в 3.00 24 мая десантный отряд в количестве 600 моряков под командованием И.К. Кожанова на двух пароходах в сопровождении дивизиона канонерских лодок, одного сторожевого корабля и двух посыльных судов вышел из устья Вятки, скрытно подошел к Котловке и после непродолжительной артиллерийской подготовки высадился на берег. После этого, преодолевая при поддержке корабельной артиллерии ожесточенное сопротивление противника, десант сумел пробиться к деревне Мурзиха, отразил атаки лучших частей противника и выполнил поставленную задачу²⁵.

Весной 1919 г. с овладением Олонецкой добровольческой армией, действующей с территории Финляндии, побережьем Ладоги обстановка

к северу от Петрограда значительно осложнилась. В этих условиях Онежская военная флотилия РККФ провела совместно с сухопутными войсками несколько оставивших заметный след в истории военно-морского искусства операций.

В Видлицкой операции по замыслу начальника 1-й стрелковой дивизии, предусматривалось нанесение главного удара основными силами дивизии с фронта с одновременной высадкой десанта в тылу противника с целью овладения его тыловой базой в поселке Видлица. Для участия в операции были сформированы два десантных отряда общей численностью 650 чел.²⁶

В результате успешно проведенной Видлицкой операции была разгромлена Олонецкая добровольческая армия, а ее остатки отброшены к государственной границе.

Оценивая боевую деятельность морской пехоты в 1919 г., следует отметить, что в этот период наибольшее развитие получили десантные действия.

Наряду с формированием отрядов, десантных батальонов и полков в ходе Гражданской войны создавались и соединения морской пехоты. Первая попытка формирования специального соединения морской пехоты в составе РККФ была предпринята 16 мая 1918 г., когда Военный совет Северного участка отрядов завесы и командование флота Балтийского моря приняли решение о создании отдельной морской бригады в составе четырех пехотных батальонов, артиллерийского полка и минного подразделения²⁷. Однако вследствие ряда причин и, прежде всего из-за нехватки кадров, сформировать ее не удалось.

Такое соединение, но уже на качественно новом уровне было создано через два года на основании принятого 12 августа 1920 г. решения командующего морскими силами Республики А.В. Немитца о формировании морской экспедиционной дивизии морских сил Черноморского и Азовского морей²⁸. Дивизия включала четыре полка морской пехоты двухбатальонного состава, кавалерийский полк, артиллерийскую бригаду в составе трех батарей, инженерный батальон и насчитывала около 5 тыс. чел.²⁹

Особого внимания заслуживает сам факт использования в оперативном приказе №1 по морской экспедиционной дивизии от 12 августа 1920 г. термина «морская пехота»³⁰.

К началу мая 1920 г. войска Туркестанского

фронта и Кавказского фронта совместно с Волжско-Каспийской флотилией (с 5.07. 1920 г. – Каспийский флот)³¹ имели задачу очистить принадлежавшее России побережье Каспийского моря от интервентов и белогвардейцев. В это время объединенный англо-белогвардейский флот укрылся в иранском порту Энзели.

Замыслом операции предусматривался захват порта и города Энзели комбинированным ударом с моря и суши. При этом главный удар наносился с моря. Для действий в составе десанта были выделены 1-й, 2-й и 3-й десантные отряды под командованием И.К. Кожанова общей численностью около 2 тыс. чел.

Утром 18 мая 1920 г. после артиллерийской подготовки была произведена высадка десанта в районе Кивру (в 12 км восточнее порта). Действуя на берегу при поддержке корабельной артиллерии, десант перерезал пути отхода англичанам из Энзели в Решт и начал развивать наступление на город. Одновременно из Ленкорани вдоль побережья на Энзели наступал кавалерийский дивизион десантных отрядов Волжско-Каспийской военной флотилии под командованием Калмыкова В сложившейся неблагоприятной для противника обстановке он преградил сопротивление.

Блестяще завершенная Энзелийская десантная операция явилась одной из немногих в период Гражданской войны самостоятельных операций флота. Некоторые высаживаемые обеими противоборствующими сторонами крупные тактические десанты, готовились и проводились как десантные операции.

В июне 1920 г. 13-я армия РККА, удерживая Перекопский и Чонгарский перешейки, закрыла выходы из Крыма в Северную Таврию. В сложившейся обстановке командование белой армии в Крыму приняло решение, сковав войска 13-й армии атаками Перекопа и Чонгара с фронта, нанести ей удар во фланг с моря.

Замыслом операции предусматривалось нанесение плавного удара 1-м армейским корпусом через Перекопский перешеек, форсирование 3-м армейским корпусом Чонгара, а также высадка морских десантов на побережье Азовского моря в качестве вспомогательного удара³².

Для высадки в районе Кирилловки в качестве морского десанта выделялся 2-й армейский корпус. Командующим десантной операцией был

назначен командир корпуса генерал-лейтенант Я.А. Слащев.

Наступление армии Врангеля из Крыма в Северную Таврию началось высадкой в 4.00 6 июня 2-го армейского корпуса генерала Слащева в районе расположенной восточнее Геническа деревни Кирилловки, что явилось полной неожиданностью для командования 13-й армии РККА, Тем не менее, десантные войска, вследствие плохой погоды и необученности, испытали значительные трудности при высадке. За целый день удалось высадить всего около 800 кавалеристов, 200 солдат и 4 орудия³³.

Высаженный на берег первый эшелон десанта, не дожидаясь высадки всего корпуса, начал развивать наступление и после 70-километрового перехода овладел станцией Акимовка, перерезав единственную обеспечивавшую снабжение войск Красной Армии коммуникацию. 9 июня корпус Слащева, имея трехкратное превосходство в силах, занял Мелитополь³⁴.

6 июля 1920 г. началось наступление главных сил Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля со стороны Перекопского перешейка, в результате которого войска Красной Армии вынуждены были отойти к Каховке³⁵.

В сложившейся обстановке Врангель принял решение высадить несколько морских десантов на северном и восточном побережьях Азовского и Черного морей с целью поднять восстание на Дону и Кубани, открыть на Северном Кавказе новый фронт борьбы против Советской Республики и, тем самым, значительно расширить социальную и экономическую базу Белого движения. Попытка Врангеля поднять восстание казачества на Дону провалилась.

14-24 августа 1920 г. с целью поднятия восстания казаков на Кубани врангелевский флот высадил морской десант из состава войск Русской армии под общим командованием генерал-лейтенанта С.Г. Улагая.

Замыслом П.Н. Врангеля определялась высадка десантов в трех пунктах: отряд Улагая – в районе Ахтари (Приморско-Ахтарск); отряд генерал-майора А.Н. Черепова – южнее Анапы и отряд генерал-майора П.Г. Харламова – в районе Тамани. В ночь на 14 августа десант Улагая беспрепятственно высадился на кубанском берегу и занял Ахтари. К исходу 18 августа врангелевские войска овладели станицами Брюховецкая и

Тимашевская, расширив захваченный плацдарм до 80 км по фронту и свыше 100 км в глубину.

17 августа в районе Абрау-Дюрсо высадились группа Черепова, а ночью 24 августа на Тамани – группа Харламова. Таким образом, создавалась реальная угроза прорыва врангелевских войск к Екатеринодару.

В этой обстановке командование Красной Армии приняло решение: нанесением ударов с трех направлений, высадкой морского и речного десантов на фланге и в тылу противника разгромить его высадившиеся войска.

22 августа 1920 г. войска Красной Армии перешли в наступление одновременно с севера, востока и юга. Вечером 24 августа высадкой оперативного морского десанта в составе 1-й морской экспедиционной дивизии началась проводимая Азовской военной флотилией контрдесантная операция³⁶.

24-25 августа 1920 г. части 1-й Морской экспедиционной дивизии были высажены в районе Ахтарского маяка (близ станицы Камышеватовская).

После высадки части морской экспедиционной дивизии начали развивать наступление в юго-восточном направлении вдоль побережья Азовского моря с целью нанесения удара во фланг группировки Улагая, затем части дивизии овладели Ахтари, создав серьезную угрозу тылу войск генерала Улагая, чем в значительной степени способствовали их разгрому.

Подготовка и успешное проведение войсками Красной Армии Камышеватской контрдесантной операции с высадкой Морской экспедиционной дивизии в очередной раз показала необходимость иметь в составе флота специально подготовленные соединения для действий в составе высаживаемых для решения оперативных задач десантов.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы о зарождении и развитии советской морской пехоты в годы Гражданской войны и военной интервенции.

Во-первых. Использование формирований моряков на сухопутных фронтах, как это повто-

рилось и в годы Великой Отечественной войны, явилось одной из форм совместных действий армии и флота.

Во-вторых. Морские части и соединения сыграли значительную роль в военных действиях на сухопутных фронтах Гражданской войны.

В ходе войны был сформирован и успешно действовал 3-й отдельный батальон морской пехоты. Этот факт подтверждает зарождение советской морской пехоты уже в годы Гражданской войны.

В-третьих. Во время Гражданской войны действовали как временно откомандированные с флотов отдельные экспедиционные части и соединения, так и формирования моряков, организационно входившие в состав частей и соединений Красной Армии.

В-четвертых. Отправляемые на фронт морские части и соединения, комплектовавшиеся в основном на добровольной основе, отличались высокими морально-боевыми качествами. Они направлялись командованием Красной Армии на особо важные участки обороны, а в наступлении использовались на направлении главного удара.

За мужество и героизм, проявленные на фронтах Гражданской войны, более 70 моряков были удостоены высшей в то время награды ордена Красного Знамени, в том числе восемь человек были награждены двумя, а один, ставший в годы войны командиром стрелковой дивизии П.Е. Дыбенко – тремя орденами.

В-пятых. В годы Гражданской войны получили широкий размах десантные действия противоборствующих сторон. Красная Армия и морские силы Республики провели контрдесантную и десантную операцию и высадили более 30 тактических и значительное количество диверсионных десантов.

В-шестых. Опыт развития и боевого применения морских частей и соединений на сухопутных фронтах Гражданской войны был использован, к сожалению, далеко не в полной мере, в годы Великой Отечественной войны.

¹ Камалов Х.Х. *Участие морской пехоты в защите завоеваний Октябрьской революции и социализма. Л., Изд-во Ленингр. универ., 1975. С. 16.*

² РГА ВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 273. Л. 22, 36 – 41.

³ Камалов Х.Х. *Морская пехота в боях за Родину. Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.: Воениздат, 1983. С. 20.*

- ⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 708. Л. 101-105; РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 228. Л. 23.
- ⁵ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 105. Л. 23.
- ⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 110. Л. 152; Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 149. Л. 12.
- ⁷ Камалов Х.Х. *Морская пехота в боях за Родину*. С. 11.
- ⁸ РГВА Ф.3. Оп. 1. Д. 33. Л. 349.
- ⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 12. Л. 297-298.
- ¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 8. Л. 14; Д. 12. Л. 23, 29.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 12. Л. 255-256.
- ¹² РГВА. Ф. 4812. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-69; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 115. Л. 62.
- ¹³ Камалов Х.Х. *Участие морской пехоты в защите завоеваний Октябрьской революции и социализма*. С.20.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 5. Л. 119; Ф. 190. Оп. 3. Д. 32. Л. 9; РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 312. Л. 71.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 16.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 336. Л. 20-41, 46, 49, 95, 108, 133.
- ¹⁸ Камалов Х. Х. *Морская пехота в боях за Родину*. С.17.
- ¹⁹ *История флота государства Российского* / В.А. Золотарев [и др.]. М.: Тера, 1996. Т. 1. С. 313; Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. *Три века Российского флота* / Б.И. Родионов [и др.]. СПб.: LOGOS, 1996. Т. 1. С. 244.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 247. Л. 5.
- ²¹ Камалов Х.Х. *Участие морской пехоты в защите завоеваний Октябрьской революции и социализма*. С. 23.
- ²² Камалов Х.Х. *Морская пехота в боях за Родину*. С. 18.
- ²³ *Три века Российского флота*. Т. 2. С. 169.
- ²⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 54; Ф. 104. Оп. 4. Д. 2492. Л. 167; РГА ВМФ. Р-96. Оп. 1. Д. 14. Л. 33, 37.
- ²⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 706. Л. 32, 41, 44-47, 51, 77-83; Д. 708. Л. 50, 65; Д. 709. Л. 10; Ф. 169. Оп. 1. Д. 176. Л. 58-60.
- ²⁶ Там же. Ф. 104. Оп. 4. Д. 104. Л. 4; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 281, 298.
- ²⁷ Там же. С. 232.
- ²⁸ *О формировании Морской экспедиционной дивизии морских сил Черноморского и Азовского морей: Приказ Командующего Морскими Силами Республики от 12 августа 1920 № 2128* // РГВА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *О формировании Морской экспедиционной дивизии морских сил Черноморского и Азовского морей: Приказ Командующего Морскими Силами Республики от 12 августа 1920 № 2128* // РГВА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ³¹ *О переименовании Волжско-Каспийской военной флотилии в Каспийский флот: Приказ командующего Морскими Силами Республики от 5 июля 1920 № 317* // *Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941*. С. 371.
- ³² *История флота государства Российского*. Т. 1. С. 406.
- ³³ Слащев-Крымский Я.А. *Указ*. соч. С. 151.
- ³⁴ *История флота государства Российского*. Т. 1. С. 408.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917 – 1941*. С. 220-221.

*Роман Михайлович Шепарёв,
Россия, Москва, Государственный
центральный музей современной истории
России, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук.*

Раритетное оружие Гражданской войны 1918-1920-х гг. в коллекции ГЦМСИР

Оружие Гражданской войны в России 1918–1920 гг. – уникальное явление в истории страны. Прежде всего, стоит отметить, что во время этой войны нашло применение практически все оружие, которое сохранилось в России, как в арсеналах ГАУ, так и в частном владении. Немалое влияние на оружие Гражданской войны оказало участие России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Безусловно, основную часть составило оружие русской армии, а также оружие, как союзников, так и противников России в Первой мировой войне. Затем, принимая во внимание партизанское движение на территории страны, большая часть охотничьего и гражданского оружия стало широко применяться в Гражданской войне. Наконец, уникальные экземпляры как дульнозарядного, так и холодного оружия прошлых эпох нашли применение на фронтах Гражданской войны в России.

Определенное количество оружия было поставлено частям Белой армии правительствами Англии, Франции, США, Японии.

Коллекция ГЦМСИР включает в себя представителей всех перечисленных групп оружия.

Нельзя не остановиться на шестидюймовом орудии, украшающем фасад здания музея¹.

Рис.1 шестидюймовом орудии, украшающем фасад здания музея.

Рис.1. Во время Первой мировой войны Франция, как союзник, поставляла в Россию свое оружие. В коллекции музея, кроме указанного орудия, находятся винтовки системы Лебеля, Гра, пулеметы Гочкиса, Шоша. Пушка, стоящая у входа в музей, имеет прекрасную легенду. С точки зрения военных, это было безнадежно устаревшее к 1915 г. вооружение, так как год выпуска ее – 1877 г. Механизм пушки – ровесник оружия, использованного в русско-турецкой во-

йне 1877–1878 гг. Такие пушки использовались и в англо-бурской войне 1899 г., они имели название «Длинный Том» и успешно использовались бурами против англичан. Орудие было выпущено во Франции на фирме Шнейдер-Крезю. Механизм орудия ко времени Первой мировой войны уже можно было рассматривать как музейную ценность, так как зарядание производилось без применения гильз². В казнозарядном огнестрельном оружии середины XIX в. применялись затворы с каучуковым уплотнением, как на винтовках системы Карле, Шаспо и др. Рассматриваемая пушка имеет цилиндрический (поршневого) затвор, снабженный уплотнением системы Де Банжа, изготовленным из просаленного асбеста. Стрельба из нее складывалась из нескольких операций. В открытый казенник вставлялся конический снаряд, проталкивался вперед, в крайнее переднее положение специальным досылателем. Затем в казенник вставлялись картузы (специальные мешочки) с дымным порохом. Количество картузов варьировалось в зависимости от расстояния, на которое требовалось произвести выстрел. При закрытии затвора, асбестовое уплотнение дополнительно герметически перекрывало казенник. В затворе находится запальный канал, через который происходило воспламенение порохового заряда, также допускалось и применение ударного капсюльного механизма, который разбивал капсюль и производил выстрел. Накатный механизм предусмотрен не был. Лафет орудия снабжен специальными приспособлениями, которые позволяли фиксировать его с помощью тросов и вкапываемых в грунт кольев. Поэтому при выстреле пушка подпрыгивала, тросы не позволяли ей откатиться назад, при этом станина лафета и массивные деревянные колеса работали на излом. Казенник ствола имел дополнительное уплотнение в виде массивного цилиндрического банджа, в

который был вставлен ствол. Дальность стрельбы была равна 10 км, из пушки было возможно выпустить 1 снаряд в 2 минуты.

Такие пушки автоматически стали оружием Гражданской войны в России в 1918–1920 гг. Установление Советской власти в Москве сопровождалось уличными боями, Кремль несколько раз переходил из рук в руки, штаб командующего Московским гарнизоном К.И. Рябцева подвергался артиллерийским обстрелам. Рассматриваемая пушка во время революционных событий в Москве в октябре-ноябре 1917 г. была на вооружении войск Московского гарнизона, была захвачена как трофей отрядом Красной Гвардии Лефортова³. Именно из нее красногвардейцы Лефортова обстреливали Кремль. Обстрелы производились и из других районов Москвы, в том числе из Замоскворечья. Руководил обстрелами Кремля член Московского Военно-революционного комитета ученый-астроном П.К. Штернберг⁴. Для того, чтобы производить меньшие разрушения, он сделал математические расчеты выстрелов пушек. Тем не менее, после боев в Москве октября-ноября 1917 г. Никольская башня, стены Кремля получили серьезные разрушения, в течение 1920-х годов пришлось их устранять.

В 1927 г. орудие было передано в музей Революции из арсенала Главного артиллерийского управления.

Уникальна германская винтовка системы Маузер образца 1871 г.⁵ Еще один образец сильно устаревшего оружия Первой мировой и Гражданской войн. Уникальность винтовки заключается в том, что это – сохранившийся образец практически первого распространенного длинноствольного оружия прославленной и всемирно известной германской фирмы. Рис. 2. Рис. 3.

Винтовка под металлический патрон, однозарядная, с продольно скользящим затвором.

Рис. 2, 3. Уникальная германская винтовка системы Маузер образца 1871 г.

Рис.4. 3-х линейная винтовка образца 1891 г., изготовленная на Тульском оружейном заводе

Изготовлена была для прусской армии на заводе в г. Штейер, Австро-Венгрия, в 1874 г. Об этом свидетельствует рельефное изображение вензеля императора Фридриха-Вильгельма – буквы FW под короной. К 1914 г. таким оружием могли быть вооружены разве что вспомогательные войска германской армии – ландштурм. Тем не менее, винтовка оказалась в коллекции ГЦМСИР. В музей винтовка была передана в 1929 г. из Ленинградского Артиллерийского музея. Этот факт говорит о том, что винтовка участвовала или в Гражданской войне, став трофеем красных партизан на Украине, захваченным в 1918 г. у германских войск, среди которых были части ландштурма, или став трофеем русских войск в Первой мировой войне, применялась в революционных событиях 1917 г.

Классическим примером вооружения Красной Армии в Гражданской войне может служить 3-х линейная винтовка образца 1891 г., изготовленная на Тульском оружейном заводе. Рис.4. Винтовка поступила в музей из Тульского государственного музея оружия в 1953 г. Она была изготовлена непосредственно для вооружения РККА в 1919 г.⁶ Если внимательно рассмотреть винтовку, можно обнаружить, что ее детали обработаны грубо, с низким классом точности. Тем не менее, механизм работает отлично. Это доказывает технологичность русского оружия, дешевизну выпуска, безусловную удачу С.И. Мосина. Такие винтовки применялись в русской армии и РККА до конца Великой Отечественной войны.

На вооружении обеих противоборствующих сторон в Гражданской войне состояло огромное количество короткоствольного оружия. Основным видом короткоствольного оружия Первой

Рис. 5. Пистолет системы Маузер образца 1896 г.

мировой и Гражданской войн был револьвер системы Наган образца 1895 г., принятый на вооружение в русской армии. Самозарядного оружия в те годы Россия не производила, а пользовалась иностранными разработками. Поэтому в Гражданской войне применялось немалое количество самозарядных пистолетов ряда стран мира. В коллекции ГЦМСИР отложилось большое количество пистолетов, производства Германии, США, Бельгии, Англии.

На первое место можно поставить самозарядный пистолет системы Маузер образца 1896 г. Эта конструкция, разработанная к 1896 г. главным инженером фирмы Маузер Ф. Фидерле в г. Оберндорфе (Германия), нашла огромный спрос среди граждан ряда стран мира. Пистолеты Маузера использовались как в евроазиатских, так и в латиноамериканских странах. После 1896 г. появились многие модели этого пистолета: модели 1898г., 1912 г., 1920 г., 1926 г., 1932 г. Несмотря на немалый ассортимент этих пистолетов, в армии Германии он принят не был из-за своего большого веса, неудобства в использовании и в уходе, а также дороговизны. Пистолет в оружейных магазинах России стоил 40 рублей золотом. Поэтому он не стал армейским оружием в германской армии, а стал самым большим и дорогим гражданским пистолетом, оружием охотников и путешественников. В русской армии он стал использоваться как армейское самозарядное оружие, фирма Маузер перед войной выпускала эти пистолеты специально для России. Один из таких пистолетов использовался красными партизанами Сибири во время Гражданской войны⁷. Пистолет имеет надпись: «... fur Russland». Рис.5. В коллекции музея имеет-

Рис. 6. Пистолет Маузер модели 1912 г., наградное оружие участника Гражданской войны М.Е. Бебуришвили

ся пистолет Маузер модели 1912 г., наградное оружие участника Гражданской войны М.Е. Бебуришвили, в 1918–1920 гг. – комиссара кавалерийского полка отдельной Кавказской Краснознаменной кавалерийской дивизии 10-й армии, с 1920 г. заместителя начальника Военного отдела Московского областного совета Осоавиахима. На рамке пистолета дарственная надпись: «За активную работу в деле подготовки конников-металлистов. Воен. Бюро МОК ВСРМ»⁸. Кроме того, рукоять пистолета украшена серебряными накладками с растительным узором. Рис.6. Сохранность пистолета, к сожалению, не лучшая. В результате интенсивной эксплуатации некоторые детали механизма изношены, плохо работает спусковой механизм. Очевидно, владелец был большим любителем стрельбы, по состоянию деталей видно, что пистолет неоднократно ремонтировали.

Другой пистолет Маузер модели 1912 г.⁹ принадлежал С.М. Андрееву, в 1918 – 30 гг. – начальнику Частей особого назначения, участнику подавления Кронштадтского восстания в 1921 г. Этот пистолет имеет исправный механизм, сохранность его отличная.

Наибольшей уникальностью обладает холодное оружие, отложившееся в коллекции музея. В качестве примера нельзя не отметить 3 шашки, принадлежащие участникам Гражданской войны. Каждая из них имеет свою, только им присущую уникальность.

Начать целесообразно с казачьей шашки произвольного образца, наградного оружия Е.И. Горячева, участника Гражданской войны, командира особой бригады Первой конной армии. Горячев был награжден в 1928 г. от имени командно-политического состава конно-артиллерийского дивизиона Первой конной. Шашка имеет клинок испанского производства, изготовленный в Толедо в 1865 г. Рис.7. Эфес и ножны изготовлены в мастерских Первой конной армии. Эфес состоит из нижней оковки, черной рукояти с косыми канавками и головки, раздвоенной вверху, с отверстием для темляка. Ножны черные, прибор состоит из устья с верхней обоймицей, нижней обоймицы и наконечника. На правой голомении клинка наведено золотом: «FABRICA DE TOLEDO», на левой: «AND DE 1865». Головка эфеса украшена пятиконечной звездой, изображением серпа и молота в обрамлении листьев. Слева на устье гравированная надпись: «Лихому рубаче комбригу особой тов. Горячеву от комполитсостава конардива 1920–1928 гг.». Шашка была подарена музею из семьи умершего Е.И. Горячева в 1956 г.

Вторая шашка принадлежала участнику Гражданской войны, писателю – интернационалисту Матэ Залке. Это кавказская шашка, украшена чеканным растительным рельефным орнаментом с чернью, эфес и ножны цельнометаллические, из серебра. Уникальность шашки заключается в том, что кавказский мастер использовал клинок, изготовленный в Венгрии. Рис.8. На клинке гравированное изображение гусара и надпись:

Рис. 7. Наградное оружие Е.И. Горячева, участника Гражданской войны, командира особой бригады Первой конной армии

Рис. 8. Кавказская шашка принадлежала участнику Гражданской войны, писателю – интернационалисту Матэ Залке.

«VIVAT HUSSAR»¹⁰. Использование клинков западного производства на Кавказе не является редкостью, мастера часто используют и германские клинки.

Третья шашка принадлежала И.И. Долгих. Это – человек с уникальной биографией. Считаю необходимым привести ее подробнее. До 1926 г. – командир 3-го батальона частей Особого назначения Бийского гарнизона Алтайской губернии. Награжден орденом Боевого Красного Знамени за ликвидацию повстанческого движения на Алтае. 1926–1928 гг. – начальник тюрьмы г. Барнаул. С 1931 по 1935 гг. – начальник отдела труд- и спецпоселений СибЛАГа ОГПУ, 1935–1938 гг. – начальник отдела трудпоселений управления НКВД. С 31 января 1951 г. по 5 октября 1954 г. – начальник ГУЛАГ. В 1956 г. уволен из органов МВД. Оружие И.И. Долгих – это – строевая казачья шашка нижних чинов образца 1881 г.¹¹ Имеет клинок незначительной кривизны, трехдольный (один дол широкий, два узких у обуха), на конце заострен, имеется елмань (85 мм). Эфес состоит из нижней оковки, черной рукояти с косыми желобками и головки с отверстием для темляка, раздвоенной сверху. Ножны черные, прибор состоит из устья с верхней обой-

мицей, нижней обоймицы и наконечника. На нижней обоймице треугольная скоба для пасового ремня. Обе голомни и обух клинка украшены травленным растительным орнаментом. На правой голомни гравированная надпись: «От комсостава и красноармейцев 3-го Бийского б-на». На левой голомни: «Тов. Долгих 1922 год в память Алтая». Здесь же гравированное изображение трех кавалеристов на привале с тремя пасущимися лошадьми (ближе к пяте) и одиночного всадника (в середине голомни). Рис.9.

Была взята как трофей у белогвардейского полковника Талаева в с. Катанда. (Алтай) 10 апреля 1922 г. Преподнесена И.И. Долгих, командиру 3-го Бийского батальона ЧОН по случаю празднования 5-й годовщины Октябрьской революции, 1922 г. В 1955 г. И.И. Долгих подарил шашку музею.

Оружием красных партизан и повстанцев против Советской власти стали штыки, тесаки, сабли, снятые с вооружения в армии и сохранившиеся в частном владении. Так, повстанцы против Советской власти в южных районах России, использовали саблю легкокавалерийскую образца 1809 г.¹² Сабля имеет самодельный эфес, состоит из широкой гарды в виде дужки черного цвета и

Рис. 9. строевая казачья шашка нижних чинов образца 1881 г. И.И. Долгих

Рис. 10. Тесак морской артиллерии образца 1856 г.

круглого сечения коричневой рукояти. Головка и оковки отсутствуют. На обухе клинка – чеканная надпись: «Литовского уланского полка № 11». Сабля стала трофеем Частей особого назначения в 1919 г. в бою на р. Терек.

Тесак морской артиллерии образца 1856 г. также использовался красными партизанами в боях с частями Белой армии (Рис.10). Красногвардейцы г. Петрограда в 1917 г. использовали в качестве вооружения чиновничью шпагу образца 1855 г.¹³

Раритетным является морской командирский кортик образца 1919 г. Рис.11, Рис.12. Это – немного переделанный русский морской офицерский кортик образца 1803 г.¹⁴ Клинок имеет традиционную четырехгранную конфигурацию, эфес практически не отличается от эфесов русских кортиков дореволюционного производства. Отличие состоит в рельефном изображении серпа и молота в обрамлении лавровых ветвей на верхней оковке эфеса¹⁵.

Кортик принадлежал контр-адмиралу С.В. Кудрявцеву, начальнику штаба Ладужской военной флотилии, командиру бригады шхерных кораблей Краснознаменного Балтийского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1974 г. кортик был подарен музею С.В. Кудрявцевым.

Одно из последних поступлений в музей – это офицерская драгунская шашка образца 1909 г. Рис. 13. Уникальность ее заключается в том, что это подарочное оружие офицера Белой армии. Шашка изготовлена на фабрике Завьяловых в селе Ворсма Нижегородской губернии. Она имеет на левой голомении клинка вызолоченную надпись: «Поручику Сергееву В.Н. от чинов 2-й мортирной батареи. Омск. 1919 г»¹⁶.

К сожалению, шашка сохранилась разломанной пополам. Факт разлома шашки можно трактовать как акт гражданской казни владельца. По-

Рис. 11, 12. командирский кортик образца 1919 г.

Рис. 13. офицерская драгунская шашка образца 1909 г.

добное было возможно, если владелец оружия переходил на сторону РККА, а затем попадал в плен к белым. Но в настоящем случае версия гражданской казни отпадает, так как известно от дарителей, что шашка сломана в результате небрежного обращения. Оружие поступило в музей в 2014 г. от генерального директора военного антикварного магазина ООО Лейбштандарт Д.А. Бушмакова. Пожалуй, это единственный образец оружия, который непосредственно несет информацию о противнике РККА во время

Гражданской войны. Если бы шашка была трофеем РККА, то новый владелец постарался бы убрать дарственную надпись, хотя бы частично (убрал бы год дарения).

Таким образом, те немногие примеры, приведенные в настоящем обзоре, ярко отражают факты истории Гражданской войны в России в 1918–1920-х гг. Долг историков и всех, кто имеет отношение к культуре и науке нашей страны, всемерно беречь, умножать и изучать сохранившиеся источники по истории нашей страны.

¹ ГИК 33876.

² *Иллюстрированная история оружия / Пер. с англ. Минск.2000. С. 178.*

³ В.А. Кондратьев. *Московский военно-революционный комитет. Сборник документов. М., 1968. С. 129.*

⁴ В.А. Кондратьев. *Московский Военно-революционный комитет. Сборник документов. М.,1968. С.10.*

⁵ ГИК 5169/1-2а.

⁶ ГИК 30228.

⁷ ГИК 38976/4а.

⁸ ГИК 32119/23.

⁹ ГИК 35655/1.

¹⁰ ГИК 30117/1.

¹¹ ГИК 30652/1.

¹² ГИК 7491/16.

¹³ ГИК 1260.

¹⁴ Кулинский А.Н. *Русское холодное оружие XVIII – XX вв. СПб., 2001. Т. 1. С. 200.*

¹⁵ ГИК 39689/357.

¹⁶ ГИК 47609.

*Леонид Давыдович Сабуров,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
главный научный сотрудник музея,
доктор исторических наук*

Поезд Председателя Революционного Военного Совета Республики Л.Д. Троцкого на фронтах Гражданской войны 1917–1922 гг.

Мы проводим конференцию в канун столетия Гражданской войны. «Полагаю, что 100 лет – вполне достаточный срок, чтобы воспринимать те события не как повод для раскола общества, а как историческую данность, как факт биографии нашего государства»¹.

Диалектика того времени такова, что, по существу в Октябрьской революции, в Гражданской войне Л.Д. Троцкий был вторым человеком после В.И. Ленина. Он выделял Л.Д. Троцкого за жесткость и неуклонность в проведении принятых решений партии и хорошие администраторские качества. И наконец, важное обстоятельство – Л.Д. Троцкий, обладая вулканической энергией, решительностью, все больше становился и пламенным трибуном революции. Его знали и в партии, и в массах. Митинговый период в то время не кончился, а кто мог блестяще выступить перед людьми, зажечь их? В.И. Ленин не ошибся в своем выборе. Л.Д. Троцкий смог возглавить этот самый сложный участок – защиту революции – и справился с партийным заданием.

Это был военный дилетант. Но компенсировал этот недостаток организаторской стороной дела, волей, умением вдохновлять бойцов. Троцкий буквально метался по фронтам на своем штабном бронепоезде. Иногда его бронепоезд шел в сопровождении одного, а то и двух таких же составов. В поезде выпускалась газета, печатались его приказы, поддерживалась связь с Москвой и фронтами. Это был штаб на колесах.

Л.Д. Троцкий руководил действиями Красной армии на многих фронтах Гражданской войны, оказывал содействие Главному командованию в организации и реорганизации управлений фронтов и армий, концентрации сил на главных направлениях, обеспечении войск материальными средствами. Если В.И. Ленина солдаты называли «вождем мирового пролетариата, то Л.Д. Троцкого – вождем Красной армии»².

Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) от 13 марта 1918 г. он был назначен наркомом по военным делам, 28 марта – председателем Высшего военного совета, в апреле – на-

родным комиссаром по морским делам. В должности наркомвоенмора Л.Д. Троцкий «нащупал свою настоящую профессию: ...неумолимая логика (принявшая форму военной дисциплины), железная решительность и непреклонная воля, не останавливавшаяся ни перед какими соображениями гуманности, ненасытное честолюбие и безразмерная самоуверенность, специфическое ораторское искусство»³.

Постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 г. Советская Республика была объявлена военным лагерем, одновременно создавался Революционный Военный Совет Республики (РВСР), поставленный во главе всех фронтов и военных учреждений, учреждалась должность Главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики, входящими в состав действующей армии. Л.Д. Троцкий назначается Председателем РВСР. По его указанию «в ночь с 7 на 8 августа 1918 г. в Москве на Московско-Казанской железной дороге сформирован поезд, а утром 8-го августа он уже отправился по направлению к Казани, где создан фронт против чехословаков»⁴.

Учитывая необходимость поставки радио и телеграфного оборудования, полиграфической и другой техники, подбора квалифицированного технического состава, полагаю, что идея создания такого поезда возникла у Л.Д. гораздо раньше до её практического воплощения.

В Положении о поезде Председателя Революционного Военного Совета Республики (РВСР) записано:

«1. Поезд Председателя РВСР находится в непосредственном подчинении Председателя РВСР и имеет своим назначением:

- а) передвижение Председателя РВСР;
- б) переброску на места специального кадра работников по назначению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и РВСР.

2. Поезд Председателя РВСР по важности возлагаемых на него заданий и особой ответственности за выполнение таковых приравнивается к стрелковой дивизии.

3. Поезд в отношении внутренней структуры состоит из: управления поезда, в состав которого входят канцелярия начальника поезда, комендатура и хозяйственная часть; команды связи; санитарной части; типографии; библиотеки; технической части. В отношении же технического

оборудования – из двух литерных подвижных составов»⁵.

Во главе поезда стоит начальник поезда, назначаемый Председателем РВСР и утверждаемый в должности установленным порядком. Начальник поезда пользуется правами начальника стрелковой дивизии.

«Команда связи имеет своим назначением:

а) организацию телефонной и телеграфной связи поезда с секретариатом Председателя РВСР и другими учреждениями как на стоянках в Москве, так и в поездках по фронту; прием, отправку телефонограмм, телеграмм и пакетов, прием радиogramм;

б) выполнение распоряжений Председателя РВСР, вызов лиц, оповещение о имеющих быть митингах, совещаниях и т.п.»⁶.

«Типография имеет своим назначением выполнение всех печатных работ по заданиям Председателя РВСР и печатание газеты «В пути». Во главе типографии стоит заведующий. Он непосредственно подчиняется начальнику поезда и в служебном отношении пользуется правами заведующего типографией при политотделе армии»⁷.

Схема подвижных составов Председателя РВСР «лит. Д» включала 13 вагонов, 46 осей, 93 места. Из них классных вагонов – 5, специальных – 3, ледник -1, цистерн – 2, товарных крытых – 2⁸.

Схема подвижных составов «лит. Т» включала 13 вагонов, 50 осей, мест 122. Из них классных вагонов – 8, специальных – 2, ледников – 1, цистерн – 1, товарных крытых вагонов – 1. В этом подвижном составе находилась типография⁹.

Штат поезда Председателя РВСР:

Начальник поезда (по одному на каждый состав).

Управление поезда: канцелярия начальника поезда – 5, комендатура поезда – 4.

Команда охраны – 74. Из них: начальник пулеметной команды – 1, командиров взводов – 2, командиров отделений – 6, красноармейцев – 50, пулеметчиков – 15.

Хозяйственная часть – 62. Из них: канцелярия по хозяйственной части – 10; склады, столовая, кухня, баня и прачечная поезда – 32, база хозяйственной части – 15, обоз базы – 5).

Личная канцелярия Председателя РВСР – 8.

Команда связи – 28. Из них: начальник связи – 1, уполномоченных – 6, делопроизводитель

младший -1, письмоводителей – 2, механик телефонист 1 разряда – 1, механик телефонист 2 разряда – 1, телефонистов – 3, механики телеграфисты 1 разряда – 12, телеграфисты – 4, начальник радиостанции – 1, радиотелеграфистов – 4, переводчиков – 2. Основное имущество радиостанции включало: приемник морского образца ПВ на 15 000 м – 2 комплекта, усилители 9-ти кратные французского типа VIII-9 и VIII-11 – 2 комплекта, генератор незатухающих колебаний французского образца № 113 – 1 комплект, генератор незатухающих колебаний русского образца – 1 комплект, генератор незатухающих колебаний «модель 2-й радиобазы» – 1 комплект, усилитель «Тритер» французского образца – 1 комплект, усилители русского образца – 3 комплекта, приемник РОБу и Т на 12 000 м, кавалерийская передаточная станция, приемник морского типа 1918 г. ПР на 12 000 м¹⁰. Данное радиооборудование (ДВ) позволяло успешно выполнять поставленные перед командой поезда задачи по радиовещанию, радиотелефонной и радиотелеграфной связи на большие расстояния.

Радиостанция поезда поддерживала связь с 13 станциями мира – среди них: Лион (Франция), Эйфель (Германия), Науэн (Германия) и др. Эта связь давала возможность быть в курсе событий в мире. Полученная информация использовалась Л.Д. Троцким в его статьях, в выступлениях перед красноармейцами и населением.

Санитарная часть – 6¹¹.

Типография – 17. Из них: заведующий – 1, ментранпаж – 1, наборщиков – 11, печатников – 2, рабочих – 2. В типографии с большой быстротой отпечатывались приказы, воззвания т. Л.Д. Троцкого, печаталась газета «В пути»¹².

Агитационный отдел – 17. Из них: заведующий – 1, библиотекарь – 1, помощник библиотекаря – 1, редактор газеты – 1, помощник редактора – 1, заведующий литературным складом – 1, помощник заведующего литературным складом – 1, переплетчик – 1, разносчик литературы и газет – 1, заведующий клубом – 1, помощник заведующего клубом – 1, инструктор театральной секции – 1, инструктор музыкальной секции – 1, инструктор спортивной секции – 1, буфетчик – 1, уборщица – 1.

Агитационный отдел имел следующие задачи: «руководство культурно-просветительной работой поезда, обслуживание произведения

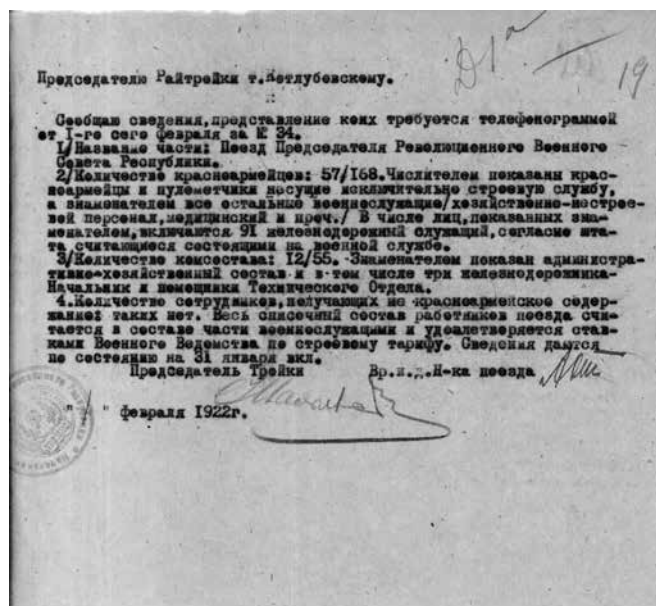

Рис. 1. Сведения о численности личного состава бронепоезда тов. Троцкого. РГВА. Ф.4. Оп. 7. Д. 81. Л. 19.

ми печати, как частей войск на фронте по указаниям и распоряжениям Председателя РВСР, так и личного состава поезда; постановку спектаклей, устройство концертов, лекций и митингов на местах стоянки поезда. Функции агитотдела поезда осуществляются: а) его секциями: театральной, музыкальной и спортивной б) издательством газеты «В пути», библиотекой и литературным складом»¹³.

В 1922 г. агитационный отдел исключен из штата в связи с сокращением.

Техническая часть – 66. Из них: заведующий – 1, помощников заведующего – 2, старший делопроизводитель – 1, паровозных машинистов – 9, помощников паровозных машинистов – 9, паровозных слесарей – 2, службы движения – 9, вагонных слесарей – 4, смазчиков – 6, проводников – 26, машинистов электростанций – 2, электротехников – 4.

Штат поезда включал: всего людей – 297, лошадей – 10, повозок хозяйственных парных – 3, экипаж парный – 1, экипаж одиночный – 1¹⁴. Весь списочный состав работников поезда считался в составе части военнослужащими¹⁵. Рис 1.

Для поддержания постоянной связи со штабами фронтов и армий имелись и автомобили, на которых Л.Д. Троцкий совершал свои многочисленные поездки в части. К примеру, совершенная им за один день (21 сентября 1918 г.)

поездка на автомобилях по частям 4-й армии Восточного фронта равнялась около 200 вёрст¹⁶.

К концу лета 1918 г. Советская власть сохранилась в основном в центральных районах России и на части территории Туркестана. В условиях почти полного окружения требовалось правильно определить, на каком театре военных действий необходимо сосредоточить основные усилия Советской России. Нарком по военным делам Л.Д. Троцкий, исходя из анализа обстановки военными специалистами Высшего Военного Совета, предложил проект постановления, которое 29 июня 1918 г. было принято на заседании ЦК РКП(б). В постановлении отмечалось, что вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале.

Анализируя непродолжительное по времени, но важное по значению, пребывание Л.Д. Троцкого на Восточном фронте осенью 1918 г. в наиболее сложный период, считается, что Наркомвоенмор немало успел сделать для централизации командования и управления разрозненными отрядами, в наведении революционной дисциплины, налаживании материально-технического снабжения.

Изучение архивных документов показывает громадный авторитет Л.Д. Троцкого в этот период. Высокую оценку его вклада в победу на Восточном фронте давал В.И. Ленин и другие видные деятели партии. Проявленные Л.Д. Троцким на Восточном фронте решительность, смелость в принятии решений, их реализации, суровые меры к отступающим войскам, к командному и комиссарскому составу, достигнутый при этом успех определяли в последующем его направление В.И. Лениным и ЦК РКП(б) на наиболее ответственные и опасные участки фронтов¹⁷.

В вагоне Л.Д. Троцкого проходили заседания. Тут разбирались продовольственные, железнодорожные и военные вопросы. В первый же день Л.Д. Троцкий в поезде организует Революционный трибунал в составе С.И. Гусева, П.Г. Смиловича и еще одного специалиста¹⁸.

По дороге при обгоне воинских эшелонов,двигающихся на фронт, Л.Д. Троцкий вызывал к себе командиров и комиссаров, беседовал с ними. Тем временем политотдел поезда знакомился с состоянием эшелона, раздавал литературу, иногда устраивал митинги.

Целесообразно отметить, что за годы войны была создана оправдавшая себя система стра-

тегического руководства армией и флотом: Реввоенсовет Республики – Главное командование Красной Армии – Полевой штаб Реввоенсовета Республики, которые через систему военно-политических органов и военных комиссаров осуществляли строгий контроль над военными специалистами.

В бронепоезде Л.Д. Троцкий также проводил заседания Реввоенсовета Республики, совещания с заведующими политотделов фронтов: Казань – 1918 г.¹⁹, 1919 г. Харьков – 1919 г.²⁰, Арзамас – 1919 г.²¹ и др.

Своеобразие участия Л.Д. Троцкого в определении стратегических планов Республики Советов заключалось в том, что он, выражал линию ЦК РКП(б), формулировал политический аспект операций. В вопросах же часто военного характера, понимая недостаточную некомпетентность, Л.Д. Троцкий, как правило, не высказывал своего особого мнения, а становился на сторону того или иного военного специалиста, командующего.

Эффективным использованием военных специалистов, личным присутствием, специфическим обращением к классовому чувству рабочих и крестьян, революционной совести, суровыми карательными мерами Л.Д. Троцкий обеспечивал победы на решающих участках вооруженной борьбы. Он был один из основных организаторов РККА, проводником политики Ленина и ЦК ВКП(б) в ее рядах. По ряду вопросов у него были расхождения, и часто серьезные, со И.В. Сталиным, С.С. Каменевым, С.И. Гусевым, И.Т. Смилкой, К.Е. Ворошиловым. Но в основном у председателя РВСР не было принципиального расхождения с общей линией ЦК по военным вопросам, строительству и укреплению Красной Армии.

Боевые заслуги отряда поезда в Гражданской войне отмечены орденом Красного Знамени²². «Отряду поезда пришлось принимать участие в боях на Восточном фронте, а также на Южном и Западном фронтах»²³. В Свяжске большая часть команды мужественно сражалась против чехословаков и белогвардейцев²⁴.

На Южном фронте (Балашовский участок) команда поезда под командованием начальника поезда тов. Ухенберга с энергией и мужеством защищала вверенные ей позиции и поддерживала дух соседних частей. «Под Лискамаи Воронежской губернии команда под руководством Петерсона с успехом выполнила данное ей от-

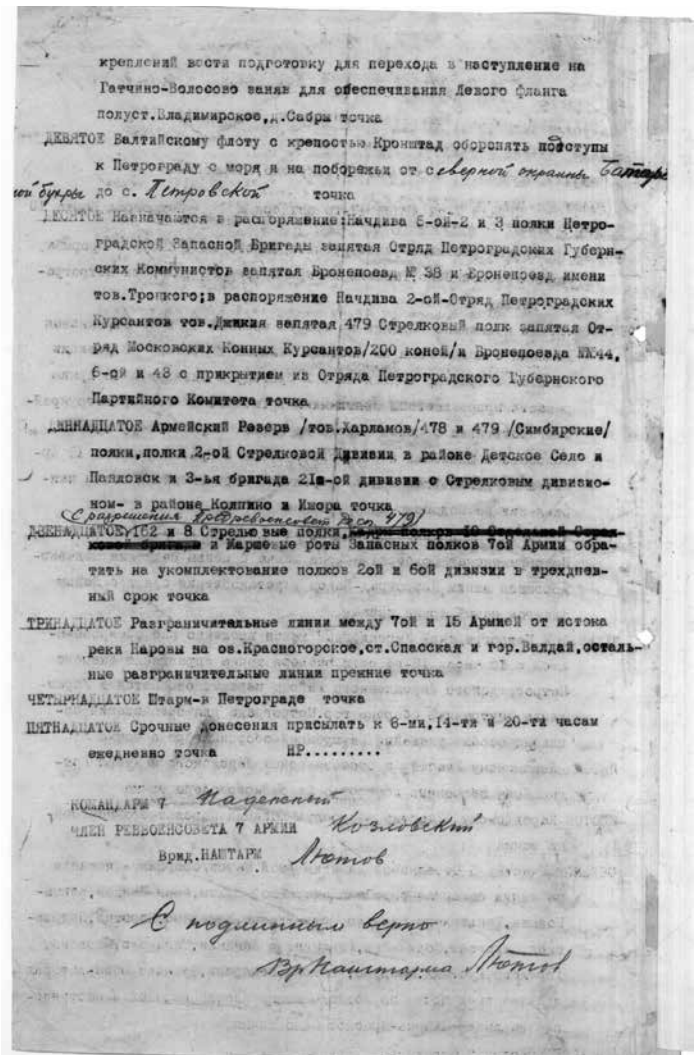
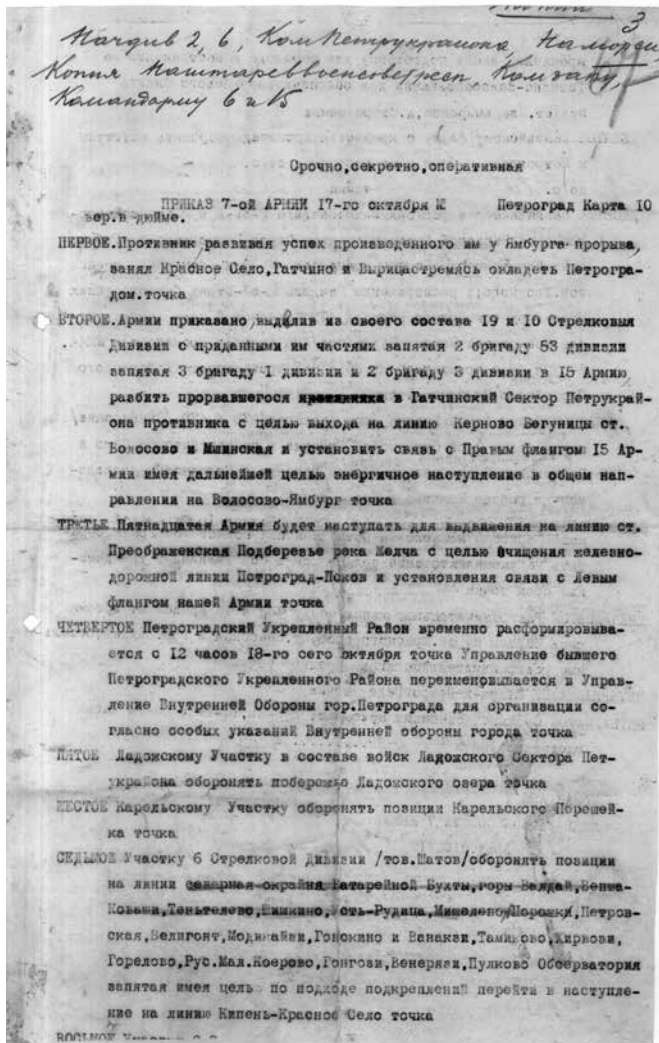

Рис. 2(1) и Рис. 2(2). Приказ 7-й армии от 17 октября 1919 г. Участие бронепоезда имени тов. Троцкого в обороне Петрограда. РГВА. Ф.4. Оп. 7. Д. 10. ЛЛ. 3, 3 об.

ответственное задание и вызвала своим поведением восторженную оценку члена РВС Воронежской армии тов. Якира. Перед лицом всей Красной Армии выражаю команде поезда благодарность и привет»²⁵.

Отряд поезда выделялся при подавлении осенью 1919 г. лево-эсеровского восстания в Тамбовской губернии и под Петроградом при наступлении Н.Н. Юденича (об этом повествует приказ 7-й армии от 17 октября 1919 г., который подписали по согласованию с Л.Д. Троцким, командарм 7-й армии Надепский и член РВС 7-й армии Козловский, врид начальника штаба армии Лютов²⁶). Рис. 2. На Северо-западном направлении части Северо-Западной Армии 12 октября 1919 г. снова захватили Ямбург и стали продвигаться на Петроград. В этой тяжелой обстановке все работники и красноармейцы поезда понимали всю важность защиты пролетарского Питера²⁷.

Войска Северо-Западного фронта в ходе упорных боев остановили наступление Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. 21 октября начали наступление части 7-й армии, а 25 октября части 15-й армии, которые нанесли поражение войскам Н.Н. Юденича, овладели Гдовом (7 ноября), Ямбургом (15 ноября) и к концу 1919 г. оттеснили Северо-Западную армию к границе. Остатки этой армии перешли на территорию Эстонии, где были разоружены и интернированы.

О некоторых характерных чертах, особенностях Л.Д. Троцкого дает основания судить даже одна только поездка председателя РВСП Л.Д. Троцкого в районы боевых действий под Саратовом и Самару²⁸. Описание, причем очень подробное, этой поездки сделал на 10 страницах адъютант командующего 4-й армией Восточного фронта.

Куда бы ни приезжал председатель РВСР, его встречали с оркестром, «Марсельезой», криками «Ура!». И везде стояли шпалерами войска. Причем в строю были люди и в сапогах, и в лаптях, и босиком. Один, пишет он, стоял даже в черном цилиндре²⁹. То есть его встречала пестрая масса, вооруженная толпа. Троцкий хотел и использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть значимость новой центральной власти, значимость верховного военного командования, уверенность в триумфе революции. В то время это было немаловажно.

Где бы он ни появлялся, везде проводил митинги по 20 – 30 минут. Были они и под Самарой. Выступления Л.Д. Троцкого отличались неординарностью, взрывом эмоциональности и – главное – доходчивостью.

Л.Д. Троцкий, чтобы подчеркнуть свою особую значимость, возил с собой мешки с ничего не стоящими деньгами. Старался прилюдно как-то выделять, награждать красноармейцев, отличившихся в бою. Вот и после взятия Самары он в 1-м Николаевском полку приказал всему личному составу выдать из мешков по 250 рублей³⁰. Конечно, на эти деньги тогда можно было купить, скажем, пачку махорки. Но важна не сумма денег, а сам факт раздачи их от его имени! Уж это-то председатель РВСР, как тонкий психолог, понимал лучше многих. Деньги розданы. Л.Д. Троцкий тут же спрашивает опять принародно командира полка:

– Кто особо отличился? Назовите фамилии двадцати человек...

Когда фамилии названы, приказывает:

– Вывести этих людей из строя.

В волнении замерли ряды красноармейцев. Председатель РВСР идет к тем, кто вышел из строя. Каждому лично вручает серебряный портсигар³¹. В свое время их изъяли с царских складов несколько тысяч. Часть из них Л.Д. Троцкий возит с собой в бронепоезде. Вручает одному, второму, десятому... восемнадцатому... Больше с собой нет. А вышли из строя двадцать человек. Троцкий, не раздумывая, снимает свои часы – девятнадцатому, вынимает из кобуры свой браунинг – двадцатому³². Это вызывает восторг бойцов, преклонение массы перед ним. Авторитет его как политического вождя и военного лидера еще более вырастает на глазах у собравшихся на митинг.

Л.Д. Троцкий не только раздавал деньги, портсигары и браунинги, но и сурово карал тех, кто не выполнял приказ или... не хотел умирать за революцию. Даже одни из его главных биографов, троцкист Дойчер, в общем-то восхищаясь своим кумиром, признавал: «Лев Троцкий был жестокий человек».

Этого не скрывал не только И. Дойчер, но и сам Л. Д. Троцкий в своей автобиографии «Моя жизнь», изданной еще при его жизни. Так вот: он был убежден и считал, что «каждый солдат, который находится на фронте, должен знать, что впереди его может ждать смерть с почетом, а сзади – неизбежна смерть с позором».

Приведу выдержки из приказов Председателя Реввоенсовета Республики. «Солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии не трусы и негодяи... Если они отступают или худо сражаются, то виноваты командиры и комиссары. Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым командир. Мужественные, храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты. Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули»³³.

Это не было простой угрозой. По приказу Троцкого расстреливали комиссаров, командиров, красноармейцев, оставивших позиции без приказа, проявивших малодушие и отсутствие стойкости. Так, во время поездки в 4-й Николаевский полк, ему доложили, что в части дезертировало 25 красноармейцев. Призвали их из соседних сел. Красноармейцами-то побыли всего несколько дней. Арестовали, вернули. Троцкий приказал: «Немедленно в 24 часа образовать Революционный Военный Трибунал и передать всех арестованных трибуналу. Всех лиц, уличенных в дезертирстве, расстрелять на месте»³⁴. Получалось: в одном полку раздает награды, а в другом по его же приказу расстреливают полуграмотных мужиков, которые еще толком-то и не сообразили: почему их призвали в Красную Армию, да и вообще что происходит в стране? Таким противоречивым было поведение трибуна революции.

И в то же время подлинные документы подтверждают: Л.Д. Троцкий искренне сожалел о гибели революционеров-товарищей по фронту, стремился увековечить их память, не забыть семьи. Об этом свидетельствует телеграмма-обра-

щение «Памяти Николая Георгиевича Маркина». Она связаны с гибелью в октябре 1918 г. комиссара Волжской военной флотилии большевика Н. Г. Маркина³⁵.

В то же время Л.Д. Троцкий оказался тем, кто первым в Гражданскую войну создал заградотряды. По его приказу «наиболее стойкие бойцы и командиры, объединенные в революционные отряды заграждений», расстреливали отступающих рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели еще в 18-м и 19-м годах XX в. Подтверждением этого является приказ Председателя РВСР по войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65 от 24 ноября 1918 г.: «Краснов и стоящие за его спиной иностранные капиталисты бросили на Воронежский фронт сотни своих наемных агентов, которые пробрались под разными видами в красноармейские части и ведут там подлую работу, разлагая и подговаривая к дезертирству...

В то время как на всех других фронтах, во всех других армиях войска гонят неприятеля и продвигаются вперед, на Воронежском фронте происходят нередко бессмысленные, преступные отступления и развал целых полков.

Объявляю, что отныне этому будет положен конец при помощи беспощадных мер.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет полк, будет расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку, или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всей прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные Советы и комитеты бедноты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут повергнуты сожжению»³⁶.

Работая в поезде, на железнодорожных станциях, Л.Д. Троцкий принимал энергичные меры по налаживанию работы транспорта в военных условиях, железнодорожной администрации. «Всякие требования военного характера к железнодорожной администрации должны предъявляться не иначе, как через посредство военных представителей, комендантов станций или начальников обороны по принадлежности»³⁷.

«Почти на каждой станции приходили в поезд люди с жалобами на медленное следование эшелонов, на задержки и прочее. Тут же разбирались дела, составлялись протоколы, посылались телеграммы о привлечении виновных к ответственности. На каждой станции вызывался в поезд представитель на железной дороге»³⁸.

10 августа Л.Д. Троцкий прибыл на станцию Свияжск, а через неделю ему докладывали о проделанной работе и состоянии дел:

«17 августа 1919 г. на станцию Свияжск прибыло крытых вагонов 48, платформ 18, цистерн 1, классных вагонов 7. Отправлено крытых вагонов 99, платформ 15, классных вагонов 15.

О постройке тупиков. С 4-го пути один тупик сделан. С 6-го пути один тупик не закончен.

О постройке барачков. 2 больших барачка закончены. Приступили к постройке жилых барачков и привезен материал.

Санитарный надзор. В смысле сохранения чистоты и порядка на станции сделано:

1. 30 ящиков, которые будут подставляться к приходящим и находящимся на путях пассажирским составам, и будут очищаться не менее 3 раз в день.

2. Намечены 3 места для постройки ретиродов и 3 больших ящиков для мусора. 18 августа будет приступлено к постройке последних»³⁹.

Суровые меры были приняты им при обороне Петрограда. Так приказом Председателя Реввоенсовета Республики № 157 от 20 октября 1919 г. «Начальник военных сообщений 7-й армии Аратов за преступно-небрежную работу управления военных сообщений отстраняется от должности с назначением над ним служебного расследования для предания Революционному Военному Трибуналу»⁴⁰.

В проведении партийно-политической работы и ее оценки Л.Д. Троцкий предпочтение отдавал агитации и пропаганде, просветительству. В условиях, когда большинство личного состава

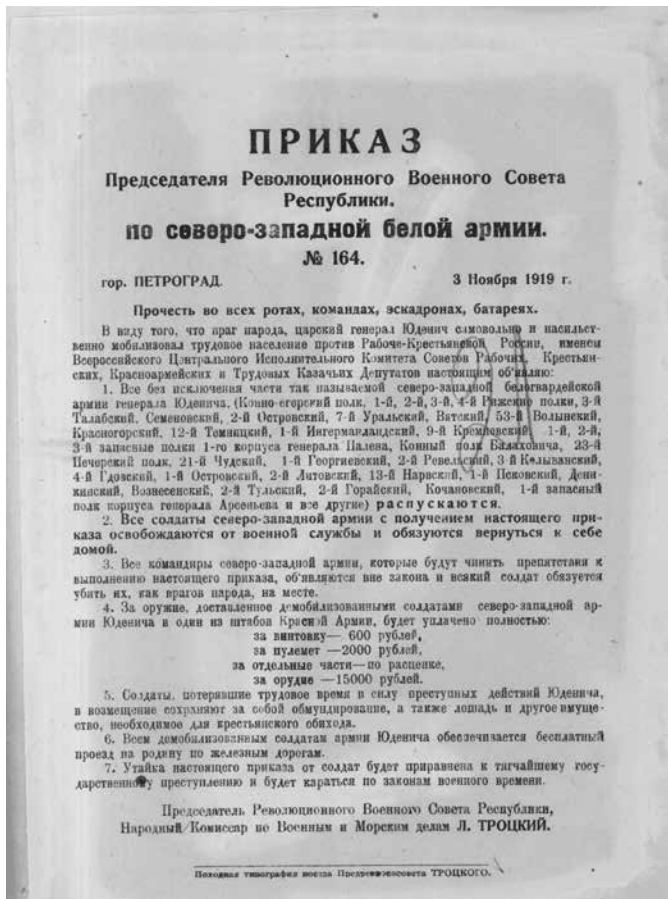

Рис. 3. Приказ 7-й армии от 17 октября 1919 г. Участие бронепоезда имени тов. Троцкого в обороне Петрограда. РГВА. Ф.4. Оп. 7. Д. 40. Л. 21.

Красной Армия было неграмотным, эффективно влиять на него можно было, прежде всего, с помощью агитации, пропаганды и культурно-просветительной работы.

«Большое значение имела организованная в поезде в двух вагонах походная типография, в которой с большой быстротой отпечатывались приказы, воззвания тов. Троцкого, печаталась газета «В ПУТИ»⁴¹. Сейчас трудно установить количество выпущенных номеров газеты «В пути». Но по далеко не полным данным за 1918–1921 гг. было издано не менее 500 номеров, тиражом приблизительно 4,5 тыс. экземпляров.

Число публикаций Троцкого указывает, что он активно использовал поездную газету как рупор для пропаганды своих взглядов по широкому кругу проблем. Её изучение позволило выделить основные тематические направления материалов Л.Д. Троцкого и других авторов. В их числе пропаганда идей мировой революции, освещение коммунистического движения и борьбы рабочего класса в зарубежных странах, обстановки

Рис. 4. Листовка. Преодолеть боязнь танков. РГВА. Ф.4. Оп. 7. Д. 40. Л. 12.

на фронтах, проблем и задач защиты революционных завоеваний, становления и укрепления Красной армии, использования опыта военных специалистов царской армии, подготовки военных кадров, роли науки в военном строительстве, партийно-политической работы, укрепления воинской дисциплины.

Начальник бронепоезда Л.Д. Троцкого в 1919-1920 гг. Р.А. Петерсон, подробно описавший пропагандистскую работу аппарата поезда Л.Д. Троцкого, вспоминал, что газета «В пути» распространялась по штабам армий, дивизий, бригад, полков и «раздавалась также непосредственно красноармейцам во вокзалах, перепечатывалась в армейской, местной прессе и распространялась... по всей линии следования поезда. Это рассеивало нарочно распускаемые нелепые слухи о наступлении врага и другие небывлицы, и укрепляло наш тыл»⁴².

Наркомвоенмор использовал газету «В пути» и как средство дезинформации противника, психологического давления на него. Например,

через газету был пущен слух, будто вместе с войсками Красной армии на Казань наступают немецкие части. Это вызвало панику в городе. Из Казани началось бегство зажиточных горожан, на местном пороховом заводе вспыхнули волнения. 26 августа 1919 года Троцкий опубликовал в газете воззвание к тем, кто находился в городе: «Казань окружена со всех сторон. Переходите все на сторону советских войск!». 3 сентября в Казани вспыхнуло восстание рабочих против белогвардейцев. Оно, хотя и было подавлено, ослабило дух противника. Получив телеграмму В.И. Ленина с требованием «железом истребить Казань», нарком опубликовал в газете «В пути» обращение к жителям, в котором просил мирное население покинуть город до начала штурма⁴³.

Наряду со свежими номерами поездной газеты политотдел поезда распространял среди красноармейцев, рабочих и крестьян значительные количества других изданий, листовок, воззваний, которые шли нарасхват.

К примеру – приказ Председателя Реввоенсовета Республики № 164 от 3 ноября 1919 г. «Ввиду того, что враг народа царский генерал Юденич самовольно и насильственно мобилизовал трудовое население против РККА, именем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета объявляю: Все без исключения военнослужащие Северо-Западной армии освобождаются от военной службы и обязуются вернуться к себе домой. За сданное оружие будет оплачено полностью, за винтовку 600 руб., за пулемет – 2000 руб., за орудие – 15 000 руб.⁴⁴». Рис. 3.

А чего стоит «агитация» дрогнувших бойцов 7-й армии красных не бежать от танков Северо-Западной армии Н.Н. Юденича во время обороны Петрограда в 1919 г. Тогда Предреввоенсовета умело использовал неосведомленность запаниковавших красноармейцев, убедив их, что «танки Юденича сделаны из крашеного дерева»⁴⁵ (листовка «Преодолеть боязнь танков»). Рис. 4.

Листовка «Великая Победа». 25 октября 1919 г. «Буденный разгромил Мамонтова и Шкура. Корпус Буденного – первое крупное кавалерийское соединение Красной Армии. Другим кавалерийским корпусом на Южном фронте командует герой Думенко»⁴⁶. Рис. 5.

В самый критический период Гражданской войны (лето-осень 1919 г.) Л.Д. Троцкий верил

в победу. Именно в это время он впервые высказал мысль о создании музея Красной Армии. Об этом говорит приказ Председателя РВСР по Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красному Флоту № 136 от 2 августа 1919 г.: «5 августа 1918 г. возникла под стенами захваченной белыми Казани небольшая группа красных войск. 10 августа эта группа была приказом названа 5-й армией. В борьбе с чехо-словаками, как и в борьбе с Колчаком, 5-я армия занимала и занимает одно из первых мест.

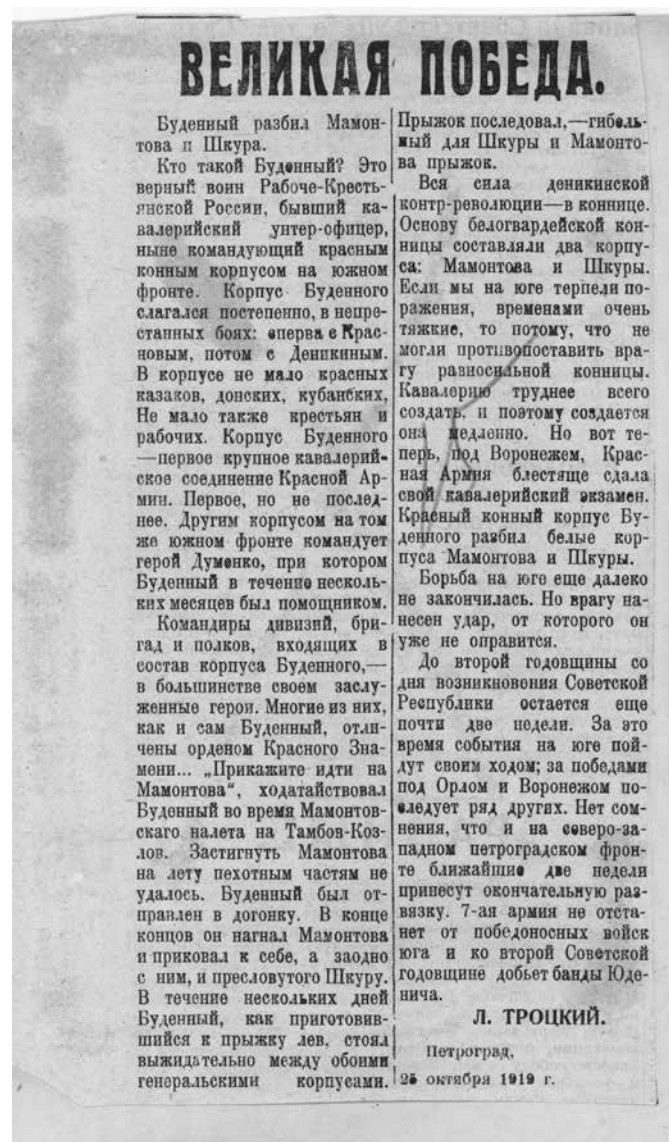

Рис. 5. Листовка Председателя Революционного Военного Совета Республики Л.Д. Троцкого. «Великая Победа. Буденный разбил Мамонтова и Шкура. Корпус Буденного – первое крупное кавалерийское соединение в Красной Армии. Другим корпусом на том же Южном фронте командует герой Думенко. РГВА. Ф.4. Оп. 7. Д. 40. Л. 15.

Приветствую 5-ю армию в годовщину её рождения, считаю своим долгом вручить армии почетное знамя, полученное мною из рук Московского совета для доблестной части. На знамени этом укреплен орден Красного Знамени, который отныне будет отличать 5-ю армию в целом.

При расформировании 5-й армии, после окончательной победы над врагами её почетное знамя займет места в музее Красной Армии в ка-

честве священной революционной реликвии»⁴⁷.

Приказом Председателя Революционного Совета Республики № 2207 от 23 декабря 1919 г., который подписал его заместитель Э.М. Склянский, была учреждена постоянная выставка-музей «Жизнь Красной Армии и Флота»⁴⁸.

Таким образом, бронепоезд Л.Д. Троцкого явился важным техническим средством управления Красной Армией в годы Гражданской войны.

¹ Выступление С. Нарышкина перед историками в Тюмени 4 марта 2016 г. // rushistory.org...naryshkina...istorikami.html.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 35. Л. 8.

³ Г. А. Зив Троцкий. «Характеристика (По личным воспоминаниям)». 1921. Нью-Йорк: Народопривство. С. 12

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 35. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 131.

⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 131 об.

⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 132.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 138.

⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 139.

¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 15. Л. 3.

¹¹ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 124.

¹² Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 126.

¹⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 124 об.

¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 7. Д. 81. Л. 19.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 491. С. 383.

¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 35. Л. 116.

¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2. ЛЛ. 84-85; Ф. 4. Оп. 18. Д. 1. ЛЛ. 19-21.

²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 18. ЛЛ. 141-146.

²¹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1. Л. 19-21.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. Л. 8.

²³ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. Л. 4.

²⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. ЛЛ. 38, 116.

²⁵ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 8. Л. 36.

²⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 10. Л. 3.

²⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. Л. 3.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 1-10.

²⁹ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

³⁰ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

³¹ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

³² Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

³³ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 507. Л. 24.

³⁴ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

³⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 76.

³⁶ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 8. Л. 33.

³⁷ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

³⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 35. Л. 116.

³⁹ Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 12. ЛЛ, 80-81.

⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 40. Л. 7.

⁴¹ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. Л. 4.

⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 35. Л. 4.

⁴³ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 18. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 40. Л. 21.

⁴⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 40. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 7. Д. 40. Л. 14.

⁴⁷ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 8. Л. 114.

⁴⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 763.

*Елена Николаевна Наземцева,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Военные и политические вопросы в советско-китайских отношениях на завершающем этапе Гражданской войны в России

Революция и Гражданская война серьезно ослабили российские позиции на Дальнем Востоке. Китайская сторона стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах и восстановить свою власть в приграничных с Россией областях. Особое внимание уделялось Маньчжурии (для восстановления суверенитета в полосе отчуждения КВЖД), Внутренней Монголии и Синьцзяну.

Как дальновидный дипломат и политик, бывший царский посланник в Китае – Н.А. Кудашев понимал, что китайское руководство не преминет воспользоваться смутой в России и укрепить свое положение в приграничных регионах и в особенности – в Маньчжурии: «Дорога, в сущности говоря, русская, хотя деньги и акции большей частью находились в Государственном банке, и только часть находилась в Русско-Китайском, а потом в Русско-Азиатском банке. В ней заинтересованы непосредственно русские и французы. Но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать дорогу. Придется вести борьбу»¹. Он оказался прав.

Приход к власти в России РСДРП(б) нарушил связь Управления дороги с его высшим распорядительным органом – Правлением, которое фактически перестало существовать. Это привело к тому, что все вопросы, по управлению делами оставались неразрешенными. Кроме того, в русских ополченских частях, расположенных в полосе отчуждения, под влиянием советской пропаганды начались волнения, угрожавшие нормальной деятельности дороги. 12 декабря 1917 г. китайские власти обезоружили русские дружины и предприняли ряд мер, к сохранению в Харбине и полосе отчуждения порядка. Это было первым этапом усиления на дороге китайского влияния.

Позиции китайской стороны на дороге усилились после проведенного Председателем Правления Общества КВЖД 27 апреля 1918 г. чрезвычайного Общего Собрания. На нем были предъявлены удостоверения Российского Агента Министра Финансов в Китае о принадлежности всех акций Общества Русско-Азиатскому банку, избрано новое Правление, в которое вошли

следующие лица: Э.Г. Крживошевский, А.И. Путилов, Д.Л. Хорват, А.В. Колчак, Л.А. Устругов, граф В.С. Езерский, Н.А. Коновалов, З.В. Слаута и китаец Ян Шицин, учреждена должность Директора-Распорядителя с совмещением в одном лице должности Товарища Председателя. Позднее – актом от 14 марта 1919 г. общее наблюдение за железными дорогами, в том числе и за КВЖД было вверено Особому Межсоюзному Комитету.

Образование Всероссийского Правительства в Омске временно приостановило усиление китайских позиций на КВЖД. Однако его последующее падение и начало в марте 1920 г. очередных волнений рабочих и служащих а также заключение 2 октября 1920 г. Русско-Азиатским банком с китайским правительством дополнительного соглашения дали возможность китайскому правительству усилить свое влияние на дороге.

Таким образом, постепенно «власть по управлению дорогой фактически перешла в руки китайцев, осуществлявших таковую временно не в порядке какого-либо договора, а в порядке фактического властвования»².

Чтобы предотвратить дальнейшее усиление Китая в приграничных регионах и сохранить доминирующие российские позиции в ключевых для России районах Китая бывшие российские консулы, прежде всего, разумеется, Н.А. Кудашев, активно включились в борьбу с советской властью.

В то же время в сложившейся на Дальнем Востоке обстановке установление советско-китайских отношений могло бы стать решающим фактором, способным помешать интервенции Антанты, а также усилению китайских позиций. Кроме того, в этот период руководство Советской России, учитывая полуколониальный статус Китая и острое соперничество иностранных держав за свое преобладание в регионе, было заинтересовано в распространении революционных настроений в стране в надежде на осуществление мировой социалистической революции³. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Китай находился в центре внимания советского руководства и в силу традиционных геополитических соображений, однако этот аспект все же не являлся первостепенным. В результате «дальневосточная» линия советской внешней политики не отличалась последовательностью, что опять же было выгодно китайскому руководству.

Советское правительство стремилось установить официальные контакты с правительством Китая и его представительствами как в Петрограде, так и в Пекине. Уже в ноябре 1917 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР Л.Д. Троцкий пытался вести переговоры с главой китайской миссии в Петрограде Лю Цзинжэнем о заключении китайско-советского договора на основе равенства, об аннулировании договоров, причинивших ущерб суверенитету Китая, и установлении дружественных отношений между двумя странами⁴. При этом накоминдел заявил об отказе от прав экстерриториальности русских граждан в Китае, а также о восстановлении прав Китая на территории, по которой проходит КВЖД.

Это означало новую конфигурацию связей в соответствии с новым соотношением внешних и внутренних факторов⁵. Но прежде всего это удовлетворяло китайское руководство.

Однако следует отметить, что объявление договоров, заключенных прежним правительством России и Китая, не имеющими силы, отнюдь не означало полного их перечеркивания⁶. Советское правительство надеялось на ответные ходы китайского руководства: отказ от сотрудничества со странами Антанты и царскими дипломатами, а также на то, что общность классовых интересов послужит основой для строительства межгосударственных отношений, учитывая необходимость борьбы китайского народа против «иностранных угнетателей». С точки зрения международного права эти предложения рассматривались скорее как «декларации о намерениях»⁷.

Но нажим держав Антанты и умелая политика бывших царских дипломатов и в особенности – Кудашева – все же сыграли свою роль: уже 16 декабря 1917 г. китайское руководство открыто заявило о своей поддержке Антанты. Кудашев в это время писал, что «политика пекинского правительства в отношении Советской России была неровной. Оно опасалось влияния русской революции на движение в Южном Китае и зависело от союзников»⁸.

Причины этого объясняли японские наблюдатели: в политике китайского правительства по отношению к советской власти в России с самого начала имелось два течения: прогрессивное и умеренное. Представители прогрессивного течения настаивали на сближении с рабоче-кре-

стьянской Россией, а представители второго течения советовали начать переговоры с последней только после того, как определится позиция союзников. Лидером первых являлся управляющий департаментом внешних сношений Янь, а лидером вторых – управляющий департаментом внутренних дел – Чжан⁹.

Кроме того, на китайскую сторону оказывал давление бывший камергер царского двора Г.А. Казаков, а также правление Русско-Азиатского банка. Несмотря на то, что положение последнего в эти годы было весьма шатким. Собственность банка на территории страны была национализирована во время Гражданской войны, а судьба его главного актива за границей – КВЖД стала одной из важнейших проблем международных отношений 1920-х–1930-х гг.¹⁰

В конце концов, нажим на пекинское правительство привел к срыву советско-китайских переговоров. Китайский посланник покинул Советскую Россию.

Тогда советское руководство попыталось активизировать свои действия в надежде на налаживание контактов с китайским руководством: СНК РСФСР 25 июля 1919 г. обратился с Декларацией к народу и правительствам Южного и Северного Китая, в которой отмечалось, что правительство РСФСР, как только взяло в октябре 1917 г. власть в свои руки, «объявило уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками», а также подтверждался отказ от прав экстерриториальности и от концессий в Китае. Эта декларация была подтверждена в ноте НКВД от 27 сентября 1920 г., врученной главе военно-дипломатической миссии Китая – Чжан Сылиню, прибывшему из Пекина в Москву¹¹.

Ликвидация особых прав и привилегий иностранных держав на территории Китая имела особую важность. Именно это явилось требованием массового «Движения 4 мая» 1919 г., выражением протеста против несправедливого и по отношению к Китаю Версальского мира¹².

Кроме того, состоялось формальное свидание китайского руководства с представителем Верхнеудинского правительства – И.Л. Юриным¹³. Последний по согласованию с НКВД РСФСР был направлен в Китай в июне 1920 г. с дипломатической миссией. Он предложил установить консульские отношения между Китаем и

ДВР, заключить торговый договор и решить проблему КВЖД. Однако его миссия рассматривалась в Пекине только как торговая. Юрину было представлено три условия, на которых Китай желал бы начать торговые отношения с Россией: 1) уничтожение особых прав (экстерриториальности – *Е.Н.*) в Маньчжурии, которые имела Россия до революции, 2) уничтожение договора о сухопутной торговле, заключенного Россией и Китаем в 1881 г., 3) заключение временного торгового договора¹⁴. Политическое же сотрудничество, касающееся урегулирования отношений с Россией, пока отодвигалось «до победы в Северном походе»¹⁵.

В это же время Советская Россия налаживает отношения с китайскими провинциями в Средней Азии, в частности, с Синьцзяном. Политика официальных властей провинции, которых представлял губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь, в отношении Советской России существенно отличалась от политики центрального правительства Китая, так как губернатор был достаточно независим в своих действиях. Позиции же западных стран в этом уголке Китая были слабы. После Октябрьской революции Ян Цзэнсинь занял нейтральную позицию относительно всех сил, боровшихся в этот период в России, и закрыл границу между Синьцзяном и Средней Азией. Но уже в 1920 г. были возобновлены торговые контакты между сторонами. Именно торговля стала решающим фактором стабилизации ситуации в регионе и налаживания отношений между Советской Россией и Синьцзяном¹⁶.

В конце концов, китайское руководство постепенно меняет свое отношение к новой власти в России. Первые шаги предприняты в отношении бывшей царской дипломатической миссии, которая была лишена всех дипломатических привилегий: 23 сентября 1920 г. был издан Декрет президента китайской республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имеющимися в стране российскими дипломатическими представительствами. Согласно этому акту Китай принимал на себя все права Русского Правительства по отношению к русским гражданам и русским предприятиям, находящимся в пределах Китайской Республики. Кроме того, этим актом китайское правительство приняло на себя и все права и обязанности обоих правительств в отношении КВЖД.

Советское руководство в ответ на это в «Обращении Правительства РСФСР к Правительству Китайской республики» снова заявило об отказе России от прав экстерриториальности. После этого все лица российского происхождения, проживающие на территории Китая, перешли под юрисдикцию пекинского правительства.

Отказ от прав экстерриториальности имел ряд негативных последствий. По мнению выдающегося русского ученого-юриста М.Я. Пергаменты, находившегося в это время в Китае, из-за неразвитости китайского законодательства, судопроизводства и произвола при отправлении правосудия Китай не являлся страной, «в которой закон уважается всего менее, а гражданин, его личность и его имущество защищены всего слабее»¹⁷. Он также считал, что именно благодаря экстерриториальности и последующему за этим сближению Китая с Европой и Америкой «Китай пробудился от своего многовекового летаргического сна» и был на пути к достижению высокой роли в мировой экономике и политике¹⁸.

Вопрос об отмене прав экстерриториальности для русских граждан всколыхнул весь дипкорпус в Китае. Его представители протестовали против этого, объясняя это тем, что поскольку иностранные державы не приняли советскую власть, лишение прав россиян не могло быть ими признано. Более того, иностранный дипкорпус соглашался сохранить за консулами бывшей Российской империи прежние права и обязанности, признавая их представителями русских подданных и надеялся, что сами консулы не закроют консульства и будут придерживаться именно такой политики. Деятельность же советских представителей, уже находившихся в этот момент в Китае, предлагалось игнорировать или противодействовать им: «учитывая важность мирного сосуществования для всех держав в Китае, нам надо всеми силами противодействовать деятельности Юрина-Дзевалтовского. Исходя из интересов русских, мы считаем, что необходимо приложить усилия, чтобы ограничить влияние здесь российской большевистской партии»¹⁹.

Такая позиция дипкорпуса объяснялась опасением иностранных представителей возможности требования китайским руководством отмены экстерриториальности для своих граждан.

Между тем, отмена экстерриториальности была весьма выгодна Японии, так как она пре-

следовала цель пересмотреть договоры Китая с европейскими государствами, в том числе и советско-китайский договор относительно КВЖД в свою пользу. Китай же, допуская ранее права экстерриториальности, концессии и другие преимущества иностранцев на своей территории, являлся препятствием на пути реализации целей японского господства в Азии²⁰. С другой стороны, Китай сам имел свои цели, одной из первых в этом отношении было стремление к возвращению КВЖД и лишь временное усиление антибольшевистского лагеря приостановило этот процесс²¹.

Безусловно, отказ от прав экстерриториальности являлся актом не столько правовым, сколько «темпераментным» и носил характер скорее идеальный, чем реальный. Тем не менее, цель была достигнута. В 1922 г. в Китай прибыла официальная российская миссия. В Пекине её возглавил бывший вице-консул в Шанхае – А.Н. Вознесенский²². В сентябре 1923 г. посольство возглавил Л.М. Карахан.

Собственно военный аспект советско-китайских отношений в этот период касался ликвидации вооруженных формирований остатков Белой армии, отступивших в Китай и Монголию.

Наиболее значимыми они были на северо-западе Китая – в Синьцзяне. Здесь оказалось около 50 тыс. русских беженцев. Сюда отступили остатки Оренбургской, Семиреченской армий под командованием Б.В. Анненкова, А.И. Дутова и А.С. Бакича. Длительное время после перехода границы в 1920 г. отступившие военные части, сохраняли свою организацию и сразу же начали подготовку к новым боям. Однако в ходе совместных военных операций советских и китайских войск, проведенных на территории Синьцзяна и Монголии в 1921-1922 гг., они были уничтожены.

Военный аспект, касающийся Монголии в советско-китайских отношениях, следует рассматривать в двух плоскостях: советское военное присутствие на территории страны и присутствие на территории страны частей бывшей Белой армии.

Китай не мог примириться с потерей Монголии, поскольку считал её своей территорией и надеялся, что она будет возвращена ему если не в результате мирных переговоров, в которые он потерял веру, то в результате боевых действий.

Для достижения этой цели в Монголии велась «надлежащая работа»²³. Не последняя роль в ней отводилась русским эмигрантам.

В советских дипломатических документах присутствие частей Красной армии в Монголии обосновывалось следующим образом. Отступившие в начале 1921 г. на территорию Монголии разбитые белогвардейские армии, объединились с «враждебными Советскому Правительству элементами» и создали базу для новых нападений на территорию СССР. Неоднократные обращения советского руководства к китайскому правительству с просьбой ликвидировать остатки вооруженных формирований атамана Семёнова, барона Унгерна и др. не привели к положительным результатам. По мнению советских властей китайское правительство оставалось безучастным²⁴.

В результате «в интересах безопасности своих границ» СССР ввёл на территорию Монголии части Красной армии, которые ликвидировали белогвардейские отряды. После этого красноармейские части продолжали оставаться на территории Монголии «в интересах сохранения порядка и в целях недопущения организации белых банд как новой угрозы безопасности СССР»²⁵. При этом численность дислоцировавшихся на территории Монголии красноармейских частей постепенно сокращалась. Однако долгое время вопрос о пребывании Красной армии на территории Монголии не был разрешён. Советские дипломаты обосновывали это отсутствием официальных дипломатических отношений между двумя государствами. Ситуация

получила разрешение лишь после заключения советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. и установления дипломатических отношений. Было принято решение о том, что вопрос о выводе войск из Внешней Монголии, сроках вывода, мерах, которые должны были быть предприняты в интересах безопасности границ, будет рассмотрен на специальной конференции. Она должна была начать работу через месяц после подписания договора. После этого советское руководство обязалось вывести свои войска из Внешней Монголии. Однако советское правительство приняло решение о выводе войск до начала работы конференции²⁶.

Безусловно, вступление красноармейских частей на территорию Монголии, как отмечал китайский министр иностранных дел, «вызвало самое сильное недоразумение у китайского народа». Однако уверение советской стороны об отсутствии каких-либо захватнических целей сгладило ситуацию. Полная же эвакуация войск после завершения операций способствовала налаживанию отношений и временной стабилизации обстановки. В то же время, подчёркивалось, что отношения Китая с Монголией являются исключительно внутренним вопросом Китая²⁷.

Таким образом, на завершающем этапе Гражданской войны в России возникшие в советско-китайских отношениях военные и политические вопросы существенно осложняли международную ситуацию в регионе. В то же время в ходе их решения создались предпосылки для налаживания взаимовыгодных отношений между двумя странами.

¹ Кудашев Р.Х. Князь Кудашев – посол России. История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6-7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 230.

² Кайсаров В.Д. Правовое положение КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. Харбин, № 21-22. С. 6.

³ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004. С. 428.

⁴ Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 186.

⁵ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 430.

⁶ Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 188.

⁷ Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 431.

⁸ Цит. По: Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в 1918-1920 гг. М., 1964. С. 330.

⁹ Цюо Симбун Япония о России // Голос Японии. 1920. № 27. Токио. С. 4.

¹⁰ Лебедев С.К. К вопросу о судьбе Русско-Азиатского банка в конце 1920-х гг. // Санкт-Петербург – Китай. Три века контактов. СПб., 2006. С. 229.

- ¹¹ *Границы Китая: история формирования / Под общ. Ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 187.*
- ¹² *Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001. С. 13.*
- ¹³ *Цюо Симбун Указ. соч. С. 4.*
- ¹⁴ *Там же.*
- ¹⁵ *Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941-1945. М., 1999. С. 19.*
- ¹⁶ *Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 451.*
- ¹⁷ *Пергамент М.Я. Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8-10. С. 7.*
- ¹⁸ *Там же. С. 8.*
- ¹⁹ *Цит. По: Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 136.*
- ²⁰ *Малышенко Г.И. Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920-1930-е гг.) // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7. С. 55.*
- ²¹ *Цюо Симбун Указ. соч. С. 3-4.*
- ²² *Хейфец А.Н. Указ. соч. С. 317.*
- ²³ *Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 29.*
- ²⁴ *Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 22. П. 169. Д. 100. Л. 98.*
- ²⁵ *Там же.*
- ²⁶ *Там же.*
- ²⁷ *Там же. Л. 110.*

*Виктор Владимирович Чертов,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, начальник отдела*

Военно-морские аспекты истории Гражданской войны в исследованиях и воспоминаниях представителей русской военной эмиграции

Участие флота в Гражданской войне (а под понятием «флот» я предполагаю понимать как морские силы, так и речные и озерные флотилии) было достаточно активным как на стороне Красной Армии, так и на стороне Белых армий.

Боевым действиям флотов и флотилий посвящено большое количество выпущенных за рубежом исследовательских работ и воспоминаний, которым присущ ряд особенностей. Прежде всего, представителям русского зарубежья приходилось писать о событиях и боевых действиях Гражданской войны, опираясь в основном на собственные воспоминания. Лишь немногие авторы предприняли научный исторический анализ прошедших событий, да и эти работы находятся, как правило, на стыке мемуарного и исследовательского жанров. По ширине охвата освещаемых проблем и сюжетов эмигрантскую военно-морскую литературу о Гражданской войне можно с некоторой долей условности можно разделить на две категории:

первая – описания действий конкретных кораблей и соединений, на которых служили авторы (Н.А. Монастырев, Б.В. Карпов и др.)¹, вторая – попытки исторического обзора борьбы на морях, реках и озерах в целом (Г.К. Граф, Н. Кадесников, П. Варнек и др.)².

Представители военно-морской эмиграции публиковали свои работы как в виде достаточно объемных изданий, выходявших, к примеру, в серии «Русской морской зарубежной библиотеки», так и в виде статей в журналах – и «профильных» морских («Морские записки», «Морской журнал» и пр.), и «общевоеенных» («Часовой», «Военная быль» и пр.).

Но проведя такое деление, можно с уверенностью отметить, что у подавляющего большинства авторов наблюдаются сходные выводы о роли белого флота в Гражданской войне.

Несмотря на то, что в ходе Гражданской войны не было крупных морских сражений и боев, флоты, речные и озерные флотилии сыграли большую роль в обеспечении боевых действий

белых армий. Это было обусловлено тем, что большинство военных кампаний проходило или на приморских театрах военных действий (например, на севере и юге России), или на театрах, изобилующими реками и озерами (к примеру, северо-запад России или Сибирь).

Сыграл свою роль и маневренный характер военных действий Гражданской войны. Как известно, в начале XX в. было два самых эффективных и быстрых способа переброски войск и тяжелого вооружения – железнодорожный и водный. А при удалении войск от сухопутных транспортных узлов и дорожной сети, водные коммуникации вообще оставались единственным транспортным средством не только для перемещения войск, но и для их снабжения.

Исходя из этих причин, создание флотов и флотилий было одной из первоочередных задач руководителей белых армий.

В ходе Гражданской войны были созданы один флот и три морских флотилии, а также около 15 флотилий, отрядов и других формирований кораблей и вспомогательных судов, которые формировались как на основе действующих соединений бывшего российского флота (например, Черноморский флот и Чудская флотилия), так и создавались вновь, исходя из текущей обстановки. Ввиду ограниченного количества боевых кораблей специальной постройки, получило широкое распространение применение мобилизованных и реквизированных гражданских судов, на которые в спешном порядке устанавливались орудия и пулеметы. Конечно, данные суда имели низкие тактико-технические характеристики и примитивные средства связи и навигации, но все-таки справлялись с поставленными задачами по переброске войск и их поддержке при высадке. Хотя эти корабли, во-первых, не могли развить полных ходов из-за плохой подготовки машинных команд. Во-вторых, не могли в полном объеме использовать артиллерию. Т.е. корабль был как бы плавучей батареей – перемещался в заданное место и там обычно стоя на якоре или, находясь без хода, вел боевые действия.

Личный состав флотов и флотилий представлял собой компиляцию из кадровых морских офицеров и матросов российского военно-морского флота, а также личного состава торгового флота. Слабостью белого флота был излишек ко-

мандных кадров, но недостаток офицеров нужных специальностей и нужных качеств. Но было много людей, и из этого офицерского состава можно было выбрать. И практически полное отсутствие матросов. Слабость всех формирований Белого флота именно в этом и заключена. Были единицы старых матросов, которые остались служить на кораблях Белого флота, но их было мало. Основную массу экипажей (до 80 – 90 %) составляли казаки, студенты, гимназисты, реалисты, но иногда сажали кадетов созданных морских корпусов и гардемарин.

Что касается управления флотами и флотилиями, то они находились в подчинении у командования белыми армиями, которые ставили им задачи на операции и боевые действия. А для организации руководства флотилиями, в управлениях белых армий создавались военно-морские отделы, управления и морские штабы.

Но предпринимаемые попытки создать единое Морское министерство не увенчались успехом не только из-за географической удаленности белых армий друг от друга, но и, что наиболее важно, – в организации действий флотов и флотилий только в интересах обеспечения боевых действий своих армий, командованию которых они подчинялись.

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить главные задачи морских, озерных и речных сил. Они заключались:

– в содействии приморским или приречным флангам сухопутных войск в наступлении и обороне (в оказании огневой поддержки сухопутным войскам, высадке своих десантов и отражении десантов противника, осуществлении перевозок войск, оружия и боеприпасов, продовольствия)

– в борьбе с военно-морскими и речными силами красных, в том числе в ведении минно-заградительных действий.

В конечном итоге важную роль корабли и суда сыграли и в происходившей в 1920–1922 гг. эвакуации частей Белых армий. Только один Черноморский флот после падения последнего оплота Белого движения на Юге России – полуострова Крым – вывез около 150 тысяч человек.

Вот как оценил роль белого флота в Гражданской войне на Юге России Н. Кадесников: «Значение же нашего флота в Азовском море было гораздо больше, чем оборонительное, так как

все надежды на будущее возлагались на выход из Крыма, как в Мелитопольском, так и в Кубанском направлении. Выход из Крыма без помощи десантных операций вообще был невозможен. За все время Белой борьбы Черноморско-Азовский флот успешно выполнял все оперативные задания, поставленные ему Главкомандующим, вплоть до полной эвакуации Крыма»³.

В течение всего срока своего существования белому флоту неоднократно приходилось взаимодействовать и с иностранными военноморскими силами. Но назвать успешным такое взаимодействие трудно. На протяжении всей Гражданской войны интервенты избегали прямых боевых столкновений с регулярной Красной Армией и ее флотом. Одним из известных фактов реальных действий на море можно назвать события на Балтийском море в 1919 г., когда британские торпедные катера дважды нападали на главную базу Балтфлота – Кронштадт. В остальных случаях и американские, и английские, и французский и японские флоты, как правило, ограничивались демонстрацией силы, поставками оружия и материальных средств. Как писал начальник Онежской озерной флотилии капитана 1-го ранга А.Д. Кира-Динжан, «сотрудничество английской флотилии с нашей (...) приносило лишь вред нашему делу в боевом отношении»⁴.

Необходимо упомянуть, что помимо корабельных соединений в Гражданской войне в России принимали участие и морские части, действовавшие на сухопутном фронте. Они начали формироваться раньше, чем собственно морские части и соединения. В начале Гражданской войны морские офицеры и нижние чины вливались в состав стрелковых частей, частей самообороны. Там, где это было возможно, создавались более крупные соединения, состоящие преимущественно из моряков. Наиболее известными и активно воевавшими формированиями считаются «Отдельная бригада морских стрелков» и «Отдельный морской учебный батальон вооруженных сил Всероссийского правительства Колчака». Однако бригада являлась морской только по названию и подчиненности Морскому министерству, но действовала как самостоятельная сухопутная часть, и время от времени — совместно с флотилией. Такое же положение было и в других белых армиях.

Особые условия Гражданской войны благоприятствовали применению еще одного рода оружия – бронепоездов. В рядах белых армий на протяжении всей Гражданской войны действовало от 47 до 79 бронепоездов, всего же общее количество приближается к 120. По мнению исследователей, белые бронепоезда были более примитивны, уступали в бронировании и вооружении. Но есть один фактор, который обусловил их более эффективное использование, – «морские» экипажи, степень подготовки которых к службе на бронепоездах была гораздо выше, чем у сухопутных команд. Это было связано с тем, что на бронепоездах (особенно тяжелых) стояли морские орудия, кроме того, моряки были более привычны к условиям пребывания в замкнутом пространстве и более дисциплинированы. В целом боевая подготовка экипажей белых бронепоездов была выше, чем у красных. Это объяснялось тем, что на белых бронепоездах служило большое количество офицеров и кадровых военных, хорошо подготовленных и часто имевших богатый боевой опыт. Характеристику действиям «морских» бронепоездов дал участник Белого движения на Северо-Западе старший лейтенант Л.В. Камчатов: «По единодушному отзыву всех сухопутных начальников, эти примитивные бронепоезда принесли весьма существенную пользу во время боевых операций. Им приходилось сражаться со значительно превосходившим их противником, но несмотря на это действия их были всегда успешными и оказывали большую помощь пехотным частям, удерживая линию железной дороги и прикрывая отход»⁵.

Подводя итог своему выступлению, мне хотелось бы процитировать характеристику действиям флота, которую дал известный русский эмигрант, историк флота П.А. Варнек: «Нельзя отрицать того, что десятимесячная оборона Крыма оказалась возможной лишь при условии господства в море белого флота. Благодаря флоту были перевезены в Крым десятки тысяч войск. В дальнейшем флот произвел несколько армейских десантов, а его демонстрации вражеских берегов оттягивали силы красных от главного фронта. Владая морем, флот обеспечивал спокойствие и безопасность крымских берегов и беспрепятственную доставку в Крым снабжения и продовольствия, которые почти полностью шли морским путем»⁶.

Можно с уверенностью сказать, что точно такую же характеристику можно было бы дать каждому из почти двух десятков военно-морских формирований Белого движения. Подтверждение тому – слова капитана 2-го ранга Б.В. Карпова: «Морские офицеры имеют возможность честно и прямо глядеть в глаза России, и могут смело сказать, что флот, в мере предоставлявшихся ему возможностей, свой долг выполнил до конца»⁷.

-
- ¹ *Монастырев Н. А. Гибель царского флота: Пер. с нем. СПб.: ОБЛИК, 1995. Карпов Б.В. Краткий очерк действий Белого флота в Азовском море в 1920 году. Бесплатное приложение к № 12 «Морского Журнала» за декабрь 1929 года. 30 с.*
- ² *Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / Предисл. и комментарии В. Ю. Грибовского. СПб.: Гангут, 1997. Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917-1922 гг. Нью-Йорк. Изд-во автора. 1965г. 108,[4]с.+бл.илл.*
- ³ *Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917-1922 гг. Нью-Йорк. Изд-во автора. 1965г. 108,[4]с.+бл.илл.*
- ⁴ *Кира-Динжан А.Д. «Воспоминания начальника Онежской флотилии»; рукопись.*
- ⁵ *Камчатов Л.В. Русский флот на Северо-Западе России в 1918 – 1920 гг. // Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923 гг.: Избранные страницы / Сост. В. В. Лобыцын. М., 2003. С. 205*
- ⁶ *П. Варнек. Действия флота в Северо-Западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. № 108-109. Январь-март 1971 г.*
- ⁷ *Кононов И.А. Действия моряков в начале добровольческого движения // Морской журнал. № 21. Сентябрь 1929.*

*Алексей Николаевич Грищенко,
Россия, Новочеркасск, Инженерно-
мелиоративный институт имени А.К. Кортунова –
филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный
аграрный университет», доцент кафедры истории и
социальных технологий, кандидат исторических наук*

Где и когда погиб махновский атаман Брова?

В годы Гражданской войны возглавлявшееся Н.И. Махно повстанческое движение являлось одним из самых многочисленных и масштабных проявлений крестьянского вооруженного протеста. Наряду со знаменитым «батькой» Махно в историю крестьянского повстанчества вошли его боевые соратники – командиры армейских частей, атаманы действовавших на территории Донбасса и сопредельных территорий повстанческих отрядов¹.

Одним из командиров махновской повстанческой армии был Брова. Он не принадлежал к числу самых заметных фигур в махновском движении, не являлся ближайшим сподвижником Н.И. Махно. Тем не менее, он оставил след не только в истории махновского повстанчества, но и являлся ближайшим соратником известного повстанческого командира Г.С. Маслакова.

Кто такой Брова, что о нем известно? Где, когда и при каких обстоятельствах его настигла смерть? Сведения об этом человеке весьма скудны. Достоверно не известно даже его имя. Иногда его называют Михаилом, но это непроверенные сведения. Во всех источниках он упоминается без имени-отчества. Начальник штаба махновской армии В.Ф. Белаш упоминал, что возглав-

лявшаяся Г.С. Маслаковым «Кавказская армия» к сентябрю 1921 г. после многочисленных боев с 1-й Конной армией и другими красноармейскими частями выдохлась, и, разбившись на 10 отрядов, укрывалась в горах. Но после объявленной амнистии из армии «самотеком» побежали повстанцы стремившиеся искупить свою вину перед советской властью. «В конце сентября или начале октября (1921 г. – А.Г.), амнистированные повстанцы, вернувшись в армию, убили Маслакова, а чуть позже убили и Брову». В примечаниях к книге приведены краткие биографические сведения о Брова: «Брова – уроженец с. Ново-григорьевки. С малых лет работал слесарем на ст. Авдеевка. Анархо-коммунист с 1904 г. В махновщине с 1918 г. Член махновских съездов и член Реввоенсоветов всех созывов. Убит на Кавказе»². Опубликованные в 1993 г. в книге А.В. и В.Ф. Белаша сведения о месте и времени гибели Брова в своем первоизданном виде вошли в сборники документов и материалов, в которых уточнялось, что он был убит «в горах Кавказа»³. Из сборников документов некритически воспринятая информация попала на страницы работ по истории повстанческого движения казачества и крестьянства⁴. По мнению В.А. Савченко головы

убитых амнистированными повстанцами Маслакова и Брова «были предъявлены как доказательства лояльности»⁵.

Авторы посвященного Н.И. Махно и махновскому движению интернет-ресурса <http://www.makhno.ru> «Официальный сайт Нестора Ивановича Махно» в именном указателе сообщают о Брова следующее: «Брова (? – 1921). Анархист. Из крестьян с. Новогригорьевка Екатеринославской губ. С раннего детства работал слесарем на станции Авдеевка Юзовского у. Анархист-коммунист с 1904, участник Революции 1905-07. К 1917-18 матрос, участник 1-й мировой войны 1914-18. В июне 1918 организовал в Александровском у. Дибривский повстанческий отряд – один из первых партизанских анархических отрядов. Вел борьбу против германских оккупантов и гетманской власти. В августе 1918 тяжело ранен в бою, командование отрядом передал Федору Щусю. С осени 1918 участник махновского движения, бессменный член Военно-революционного совета (ВРС) повстанцев; боевой командир Революционной Повстанческой Армии Украины (РПАУ) в осенне-зимнюю кампанию 1919 (против денкинцев). В начале января 1920 во главе группы анархистов (300-400 чел.) начал партизанскую борьбу против красных в Новомосковском у. Екатеринославской губ. В середине февраля арестован чекистами во время подпольного совещания командиров махновских отрядов, действовавших в уезде. Содержался в Екатеринославской тюрьме, откуда в апреле 1920 бежал и возобновил партизанскую борьбу. К лету 1920 установил связь с командованием РПАУ, назначен представителем Совета революционных повстанцев в Новомосковском у., где руководил партизанским движением летом-осенью 1920. После заключения последнего военно-политического соглашения РПАУ с советскими властями (октябрь 1920) отряд Б. выступил на врангелевский фронт, но уже 16.11.1920 СРП вернул его в район Новомосковска для формирования новых махновских частей. К декабрю Б. организовал отряд в 400 сабель и 300 штыков, во главе которого после разрыва красными союза вновь вел партизанскую войну (в Криворожском, Павлоградском и Новомосковском уездах). Несколько раз сумел вырваться из окружения, в зимних боях практически полностью уничтожил преследовавшую его 4-ю кавдивизию красных (часть красноар-

мейцев перешла к махновцам). В конце января 1921 с группой Б. соединился отряд Г.С. Маслакова (бывший командир бригады 1-й Конной армии, с частью своих войск перешедший к РПАУ), который принял командование объединенным отрядом, а Б. стал начальником штаба. 16.2.1921 Б. и Маслаков добились решения СРП РПАУ о выделении их в самостоятельную Кавказскую повстанческую армию, и направились на Кубань и Северный Кавказ. В 1-й половине 1921 армия очистила от красных многие горные районы и села, совершала налеты на небольшие города (программа повстанцев идентична махновской). Армия пользовалась поддержкой населения и ее численность быстро увеличивалась (по данным В.Ф. Белаша, в феврале 1921 – около 1000 чел., к лету 1921 – до 10 тыс. чел.). В августе 1921 красные, сосредоточив значительные силы, широко используя взятие заложников и массовые расстрелы, сумели нанести армии ряд тяжелых поражений. Армия распалась на несколько небольших изолированных отрядов, во главе одного из них находится Б. Осенью 1921 Б. убит проникшими в отряд агентами ЧК⁶».

Таким образом, в российской и украинской историографии утвердилось мнение о гибели атамана Брова в кавказских горах осенью 1921 г. от рук то ли амнистированных властью мятежников, то ли чекистских агентов. Впрочем, бывшие повстанцы вполне могли быть завербованы ЧК и засланы в отряд для ликвидации командира.

Обнаруженные и изученные документы заставляют усомниться в истинности приведенной версии о времени, месте и обстоятельствах гибели махновского атамана Брова. С этой целью автор попытался проследить жизненный путь Брова с момента его присоединения к повстанческому отряду мятежного комбрига 1-й Конной армии Г.С. Маслакова до гибели.

В ночь с 8 на 9 февраля 1921 г. в расположении 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии произошел мятеж⁷. Он начался с того, что командир 1-й бригады Г.С. Маслаков от имени начдива 4-й дивизии отдал приказ своей бригаде выступить в Донскую область для борьбы с «противниками советской власти». С ним выступили 1, 3 и 5 эскадроны и пулеметная команда 19 кавалерийского полка. Но многие конармейцы отказались выполнить приказ на том основании, что он исходил не от начальника дивизии⁸. Покинувший

расположение дивизии мятежный отряд призвал к восстанию против советской власти население хутора Кочережского и села Хандолеевки, после чего Маслаков объявил себя партизаном и сторонником Н.И. Махно⁹. Восставшая группа Маслакова численностью в 300 сабель при 18 пулеметах¹⁰ в 20 км от Павлодара присоединилась к отряду под командованием Брова¹¹. По воспоминаниям самого Махно, после присоединения Маслакова к повстанческой армии борьба с советской властью приняла более ожесточенный характер. В связи с этим Махно предпринял попытку расширить ареал антибольшевистской борьбы, для чего «Брова и Маслак были выделены мной из армии, ... в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань»¹². Функции в отряде были разделены: Маслаков являлся командиром, а Брова возглавил штаб и считался «идеологом» маслаковцев¹³. Появление отряда Г.С. Маслакова в Донской области зафиксировано 18–19 февраля. Через слободу Ряженая 18 февраля проследовала «правильно военнорганизованная банда во главе Маслакова» в 300 сабель и около 50 пулеметов. На следующий день поселок Платово-Ивановский Больше-Крепинской волости миновал отряд в количестве 500 человек, вооруженных шашками, наганами и винтовками при 15 тачанках с пулеметами. Отряд именовал себя «Особым Буденовским полком», при общении бойцов слово «товарищ» заменялось на «брат», а своего командира они называли «Дедушкой». Этот отряд 20 февраля проследовал в направлении Новочеркасска¹⁴. К концу февраля численность повстанцев значительно увеличилась, причем не только за счет местных жителей, но и перешедших на сторону повстанцев милиционеров и красноармейцев. В начале марта отряд Г.С. Маслаков насчитывал не менее 1400 бойцов и находился в опасной близости от Новочеркасска¹⁵.

Успешному пополнению повстанческого отряда способствовала агитационно-пропагандистская работа как в рядах пленных, так и среди местного населения. При занятии маслаковцами хуторов их жителей, как правило, собирали на митинг, первым выступал сам Маслаков. Но плохо разбираясь в политических вопросах и не обладая красноречием, он говорил сравнительно мало, главным образом о цели своего похода против продрозверстки, касался больше «опера-

тивной стороны». Брова, выступавший следом за командиром, по сообщению очевидцев, «развивает мысль и держит непрерывную речь в течении 2-х часов и более». На митинге в Мартыновке, где присутствовало большое количество народа, Маслаков провел параллель с жизнью до гражданской войны и современным положением деревни. Бывший комбриг, в частности, отметил, что даже в бытность свою батраком и объездчиком, когда он «много пил водки, пропивал вещи», то и тогда не был в таком плачевном состоянии, в каковом пребывала разоренная деревня. Касаясь причин приведших его к мятежу, он заявил «иду в бой за народ», а подвигли его на этот поступок многочисленные жалобы бойцов-конармейцев на творимый в станицах грабеж в виде продрозверстки, касавшийся их родителей. Эти бойцы, по словам Маслакова, просили его помочь, «навести порядок», что он и сделал. В его речи присутствовали и совершенно нелепые утверждения о якобы изобретенной властью разверстке на «собак и воробьев» по несколько пудов на хутор, и о «неделе любви», по итогам которой на женщину не нашедшую ухажера накладывался налог в несколько тысяч. В заключении делался закономерный вывод об умышленно творимых властью издевательствах над крестьянством. По заявлению оратора, представители власти, заведомо зная об отсутствии хлеба, тем не менее, подвергают аресту крестьян и в станице Великокняжеской Сальского округа, якобы, такими заключенными «перегружены сорок семь подвалов», и он, Григорий Маслаков, явился для освобождения несчастных. Мало-связанная и сумбурная, но доступная и понятная речь Маслакова, красного комбрига-орденоносца поднявшего оружие против большевистского произвола и жестокостей, против непомерной и немыслимой продрозверстки – беззастенчивого грабежа донских крестьян и казаков, безусловно, находила живой отклик в сердцах слушателей. Во время его речи «некоторые женщины плакали». Его сменял Брова, слова которого носили более цельный и логичный характер, его речь была действительно агитационным призывом. Он говорил на украинском языке и его слова сводились к тому, что его, Брова, считают бандитом, а он все время борется «за народ». Заявляя о себе как о представителе Украины в отряде Маслакова, он призывал к объединению Украины с

Донской областью и созданию на этой территории «свободных съездов и советов», собственных правлений. «Вы, – призывал он слушателей, – должны сами объединиться и быть готовыми выступить с нами против неправды, пойти на Ростов, взять Новочеркасск и так далее, тогда будут видны наши плоды». Он, помимо прочего, говорил о скором соединении с А.С. Антоновым. Традиционно упоминал о проводимой разверстке и «неправильных действиях» власти¹⁶.

В первых числах марта 1921 года отряды маслаковцев с целью расширения ареала антибольшевистской борьбы стали проникать из 1-го Донского округа в станицы и хутора Сальского округа, где заняли слободу Мартыновскую. Конечной их целью являлось овладение Великокняжеской – окружной станицей Сальского округа¹⁷. Основные силы отряда во главе с Маслаковым и Брова 6 марта оставили Малую Орловку, перешли границу Сальского округа и двинулись в направлении окружной станицы. В отряде находились донские и кубанские казаки, «донские хохлы и небольшой отряд великорусов». Настроение бойцов было бодрым и воинственным. Отряд насчитывал около 1500 штыков и сабель при 20 пулеметах и 2 орудиях. Угроза овладения Маслаковым Великокняжеской заставила красноармейское командование выступить навстречу противнику. В результате боя 7 марта в районе Платовской, у Ельмута, маслаковцы потерпели серьезное поражение. При незначительных потерях среди советских частей повстанцы потеряли 70 человек пленными, 5 пулеметов, 40 лошадей и часть обоза. Потерпев поражение и уходя от преследования, Маслаков резко изменил свой маршрут: отряд двумя колоннами организованно отступил на север, в направлении станиц Верхне-Серебряковка – Романовка¹⁸. В результате боя 10 марта в районе станции Ремонтное и хутора Барабанщикова отряд Маслакова потерпел сокрушительное поражение. Только пленными маслаковцы потеряли свыше 1000 человек, лишились всего обоза с продовольствием и боеприпасами и силой не более 400 сабель при 15 пулеметах и 2 орудиях, перейдя через линию железной дороги, отступили в направлении станицы Ильинка. Следствием военного поражения и понесенных потерь стало недовольство, рядовые бойцы высказывали недоверие командиру. В результате раскола в ночь на 16 марта 1921 г.

у станицы Валувки Сальского округа от отряда отделилась группа в 65 человек во главе с Брова с намерением прорваться на территорию Украины. Раскол отряда способствовал его ослаблению и фактической ликвидации. Оставшиеся с Маслаковым бойцы 17 марта бежали из Донской области¹⁹.

Вопреки намерению возглавляемый Брова отряд не покинул пределы Сальского округа, продолжая борьбу, он совершал нападения на населенные пункты. Так, в ночь с 19 на 20 марта в результате налета на село Башанта в районе Торговой отряд разоружил кавалерийскую сотню местного комиссариата, 22 марта в ходе нападения на станицу Санитарную был расстрелян один советский работник²⁰. По сведения донских чекистов, отряд Брова насчитывал 100 человек вооруженных шашками, револьверами при 2 пулеметах. При нападении на хутор Новоселовка Манычско-Грузской волости в ночь с 6 на 7 апреля повстанцы отбили у милиции 2 пулемета и около 40 лошадей. Часть милиции и отряда караульной сотни попала в плен. К 12 апреля отряд Брова занимал хутора Прасковейский, Мокрый Гашун и Манычско-Грузскую волость. После оставления захваченных хуторов отряд направился на станицу Бурульскую, намереваясь перейти железную дорогу. Во время боя повстанцев с отрядом окружной милиции 30 конных милиционеров добровольно перешли на сторону Брова. 19 апреля его отряд направился к хутору Крутик в район станицы Великокняжеской²¹. В районе Зимовников отряд расстрелял двух милиционеров и председателя совета хутора Погорелова, а в хуторе Обливском зарубил завхоза детского приюта²². К 20 апреля отряд насчитывал уже 170 сабель при 2-х пулеметах, а в командном составе было «офицерство». Согласно данным разведки на 23 апреля Брова занимал ряд зимовников на границе со Ставропольской губернией²³.

Но, несмотря на военные успехи и рост численности отряда, по данным армейской разведки, внутри него имело место «полное разложение» и раздоры между махновцами и маслаковцами по причине «неправильного дележа награбленного». Сторонники Маслакова намеревались разоружить махновцев, что и способствовало постоянному перемещению отряда²⁴. Не исключено, что в повстанческий отряд

под видом добровольцев проникли агенты армейской разведки или чекисты, которые могли еще более нагнетать противоречия. Во всяком случае, 18 апреля в докладе начальника милиции Сальского округа отмечалось: «о каждом движении Бровы мы знаем. За ним следит штаб Кавфронта. Сегодня сделаем распоряжение командвойск Донобласти устроить ликвидацию этой банды»²⁵. Осведомленность власти о движении отряда делала его уязвимым для преследователей, отряд лишался важного преимущества – скрытности перемещений и внезапности нападений.

Брова, пытаясь устранить противоречия между бойцами и в надежде укрепить свой авторитет, предпринял попытку овладеть хутором Мокрый Гашун: 27 апреля группа в 70 сабель при 3 пулеметах вела безуспешный бой за населенный пункт. В результате 4 бойца было убито, 9 тяжело ранено, отряд отступил в район хуторов Погорелов и станицы Зимовники²⁶. После боя отряд Брова вел разведку расположения красноармейских частей в Зимовниках и совершил нападения на артель «Звезда», в которой захватила 3 лошадей с тачанкой и 15 пудов семенного хлеба. Согласно данным разведки «бандиты пользуются сочувствием населения»²⁷. Отряд Брова ежедневно увеличивался, люди присоединялись в одиночку и мелкими группами. Но в то же время от него откалывались группы недовольных командиром, которые стремились прекратить борьбу и перейти на сторону власти²⁸. Развязка затянувшегося внутри отряда конфликта произошла 3 мая, в этот день случился полный раскол – бойцы обвинили командира в «неправильном руководстве» боем под Мокрым Гашуном. Часть бойцов выказала намерение прекратить борьбу и сдаться советским частям, другие решили уйти в астраханские степи и присоединиться к Маслакову. Как боевое подразделение повстанческий отряд прекратил существование. «Банда патронов не имеет, пулеметы испорчены, боеспособности не представляет»²⁹. По данным донских чекистов в тот же день близ

села Новоселовка Брова был убит «подчиненными ему бандитами», а на его место был избран Лященко, житель хутора Погорелова Мокро-Гашунской волости (в действительности нового вожака повстанцев звали Иван Ляшко – А.Г.)³⁰. На следующий день отряд Брова распался на группы по 10-15 человек, которые скрывались в балках и уклонялись от боев с красноармейскими частями. Согласно разведанным бывшие бойцы определенно желали сдаться власти, но всерьез опасались репрессий³¹. Тем не менее, в апреле не менее 50 человек из отряда Бровы сложили оружие³². Думается, не последнюю роль в падении боеспособности бойцов сыграло известие об отмене продразверстки и введении продналога. 8 мая 1921 года по постановлению руководства Сальского округа скрывавшиеся с Ляшко бывшие маслаковцы «как искупившие свою вину убийством бандита Бровы» и арестом его сподвижников получили амнистию при условии их добровольной сдачи и выдачи «злостных бандитов бровинцев»³³.

Изученные документы позволяют утверждать, что анархист и махновский атаман Брова волею судьбы ставший соратником выступившего против большевиков красного командира Г.С. Маслакова разделил судьбу большинства крестьянских вожаков заключительного этапа Гражданской войны. Но смерть нашла Брова не в кавказских горах осенью 1921 г., а на донской земле 3 мая 1921 г. Он погиб не в бою с противником, а был убит своими соратниками желавшими, очевидно, таким способом заслужить амнистию от власти и сложить оружие. В условиях падения боеспособности и разложения отряда Брова, утративший авторитет как командир, но не желавший сдаваться большевикам, стал заложником создавшейся ситуации и был фактически обречен. Что же касается головы махновского атамана якобы предъявленной его убийцами в качестве доказательства лояльности, то подобная информация в доступных источниках не обнаружена, и это, надо полагать, не более чем легенда.

¹ Савченко В.А. Анархо-махновские атаманы мятежного Донбасса в 1920-1922 гг. // «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. / Под ред. А.В. Посадского. М., 2015. С. 420-439.

² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев, 1993. С. 574, 591.

- ³ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918-1922 гг. М., 2000. С. 785; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 887.
- ⁴ Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Белая гвардия. № 8. Казачество России в белом движении. М., 2005. С. 121; Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.). М., 2010. С. 531.
- ⁵ Савченко В.А. Махно. Харьков, 2005. С. 379.
- ⁶ <http://www.makhno.ru/makhno/index.php#Б> (составители именного указателя А. Дубовик, Ю. Кравец, А. Белаш).
- ⁷ Подробнее о Г.С. Маслакове и его повстанческом отряде: Грищенко А.Н. Григорий Маслаков: от конармейского комбрига до повстанческого командира // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 125-138; он же «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов. М., 2014. С. 168-200.
- ⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 3. М., 1973. С. 201.
- ⁹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 1. С. 796.
- ¹⁰ Степаненко Б.И. Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920-мае 1921 года и ее разгром // История СССР. 1986. № 6. С. 128.
- ¹¹ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921-1923 гг.). Ч.1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964. С. 273.
- ¹² Цит. по: Аршинов П.А. История махновского движения (1918-1921 гг.). Запорожье, 1995. С. 185.
- ¹³ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 1. С. 785.
- ¹⁴ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области Ф. 922, Оп. 4, Д. 14, Л. 147.
- ¹⁵ Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. р-1174, Оп. 1, Д. 137, Л. 55.
- ¹⁶ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 12, Оп. 5, Д. 155, Л. 25-25об.
- ¹⁷ ГАРО Ф. р-1174, Оп. 1, Д. 69, Л. 23; ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1 Д. 125. Л. 51об, 53об.
- ¹⁸ ГАРО Ф. р-1174, Оп. 1, Д. 69, Л. 26; Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга России и ее разгром (март 1920-1922 гг.). Ульяновск, 1977. С. 99-100.
- ¹⁹ Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией в бывших казачьих... С. 100-101; он же Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке... С. 133.
- ²⁰ ГАРО Ф. р-1174, Оп. 1. Д. 69, Л. 43.
- ²¹ ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5 Д. 155. Л. 28; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ- НКВД... С. 417.
- ²² ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1 Д. 125, Л. 96об-97.
- ²³ ГАРО Ф. р-1174. Оп. 1. Д. 69. Л. 44.
- ²⁴ ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1, Д. 125, Л. 99об-100об.
- ²⁵ ГАРО Ф. р-97. Оп. 1. Д. 653. Л. 42об.
- ²⁶ ГАРО Ф. р-1174. Оп. 1, Д. 69. Л. 52.
- ²⁷ ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1, Д. 125. Л. 110-111.
- ²⁸ ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 155. Л. 28об.
- ²⁹ ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1. Д. 125. Л. 114об-115об.
- ³⁰ РГАСПИ Ф. 65. Оп. 1. Д. 131. Л. 11.
- ³¹ ГАРО Ф. р-3441. Оп. 1. Д. 125. Л. 116-116об.
- ³² Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР... С. 155.
- ³³ ЦДНИРО Ф. 12. Оп. 5. Д. 156. Л. 71.

*Алексей Юрьевич Безугольный,
Россия, Москва, Научно-исследовательский
институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской
Федерации, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») в революционных событиях и Корниловском мятеже 1917 г.

Кавказская туземная конная дивизия, более известная в истории как «Дикая» дивизия была сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 г. на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами. Дивизия включала в себя шесть полков четырехсотенного состава: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский (из жителей Азербайджана), Черкесский и Ингушский.

Особенности формирования соединения и менталитет его личного состава оказали значительное влияние дисциплинарную практику в частях и морально-психологическое состояние всадников (именно так назывались рядовые бойцы дивизии).

Туземную дивизию возглавил родной брат императора великий князь Михаил Александрович, поэтому служба в ее рядах сразу стала привлекательной для представителей высшей российской знати. Здесь были грузинские князья Багратион, Чавчавадзе, Дадиани, Орбелиани, горские султаны: Бекович-Черкасский, Хагандоков, ханы Эриванские, ханы Шамхалы-Тарков-

ские, польский князь Радзивилл, представители старинных русских фамилий князя Гагарин, Святополк-Мирский, графы Келлер, Воронцов-Дашков, Толстой, Лодыженский, Половцев, Старосельский; принцы Наполеон-Мюрат, Альбрехт, барон Врангель, персидский принц Фазула Мирза Каджар и другие.

В полках дивизии поддерживалась иерархическая структура, сходная со структурой большой позднеродовой семьи, свойственной всем горским народам. Многие всадники были близкими или дальними родственниками. По свидетельству молодого офицера Ингушского полка А.П. Маркова, представители семьи Мальсаговых в этом полку были «столь многочисленны, что при сформировании полка на Кавказе был даже проект создать из представителей этой фамилии отдельную сотню»¹. Несомненно, родство многих всадников способствовало укреплению дисциплины в полку. Некоторые иногда «отлучались» на Кавказ, но с обязательной заменой себя братом, племянником и проч.² Число желающих служить в дивизии всегда превышало штатные возможности полков³.

Внутренний распорядок в дивизии значительно отличался от распорядка кадровых частей, по мере возможности поддерживались традиционные для горских обществ отношения. Здесь не существовало обращения на «вы», офицеров не почитали за господ, уважение всадников они должны были заслужить храбростью на поле боя. Честь отдавалась только офицерам своего полка, реже – дивизии, из-за чего нередко случались «истории».

В силу национально-исторических особенностей грабеж во время войны считался среди всадников воинской доблестью и его жертвами очень часто становились мирные галицийские крестьяне. Прятавшихся при появлении полков местных жителей, всадники «проводжали пристальными и неприветливыми взглядами, как явно ускользающую от них добычу»⁴. Начальнику дивизии князю Багратиону непрерывно поступали жалобы «на насилия, чинимые нижними чинами дивизии»⁵. В конце 1915 г. обыск в еврейском местечке Улашковицы вылился в массовые погромы, грабежи и изнасилования местного населения. С пленными австрийцами поначалу расправлялись изуверским способом – рубили им головы⁶. В отчетном докладе начальника штаба дивизии в октябре 1916 г. сообщалось: «Мало врагов было взято в плен, но много зарублено»⁷.

Все это способствовало формированию весьма своеобразного имиджа дивизии, в сознании местного населения даже сформировался стереотип, в соответствии с которым любой грабитель и насильник обозначался термином «черкес», хотя кавказскую форму носили и казаки⁸. Преодолеть это предубеждение офицерам дивизии было очень сложно, напротив, слава о необычно жестоком и храбром диком войске быстро распространялась по стране и культивировалась журналистами.

По мере возможности в полках поддерживалась строгая дисциплина. Самым суровым наказанием для всадников было исключение из списков полка «за неисправимо дурное поведение» и «водворение» провинившихся по месту жительства. При этом в их родных аулах объявлялось об их позорном изгнании из полка⁹. Для всадников оказались совершенно неприемлемы формы наказания, использовавшиеся в русской армии. Известен, например, случай, когда один

татарский (азербайджанский) всадник застрелился сразу же после попытки его публичной порки, даже не смотря на то, что порка была отменена¹⁰.

С декабря 1914 г. дивизия находилась на Юго-Западном фронте и хорошо зарекомендовала себя в боях, о чем говорилось в приказах вышестоящего начальства¹¹. Прибыв на фронт, горское соединение в полной мере сохранило свой неповторимый кавказский колорит, изумляя и русских боевых товарищей, и войска противника совершенно невообразимыми одеждами, манерой держаться в седле, носить винтовку, вести бой и т.д. Как отмечала в феврале 1916 г. газета «Терские ведомости», всадники поражают всякого, первый раз сталкивающегося с ними. Их своеобразные взгляды на войну, их легендарная храбрость, доходящая до чисто легендарных пределов, и весь колорит этой своеобразной воинской части, состоящей из представителей всех народов Кавказа, не могут быть никогда забыты»¹².

За годы войны через ряды «Дикой» дивизии прошло около 7000 горцев. Известно, что к марту 1916 г. дивизия потеряла убитыми и умершими от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов. Ранеными числились 144 офицера и 1438 всадников¹³. Дивизия приняла участие в знаменитом Брусиловском прорыве летом 1916 г., правда не сумела там серьезно отличиться. Причиной тому стала общая установка командования 9-й армией на использование кавалерии в виде армейского резерва, а не как эшелон развития успеха, вследствие чего вся армейская конница была рассеяна по-бригадно по всему фронту и существенного влияния на ход боев не оказала¹⁴. После летнего наступления дивизия была занята позиционными боями и разведкой, а с января 1917 г. находилась на спокойном участке фронта и в боевых действиях больше участия не принимала. Вскоре она была выведена на отдых и мировая война для нее закончилась.

Материалы осмотров полков в феврале 1917 г. показали, что соединение вышло на отдых в полном порядке, представляя собой крепкую боевую единицу¹⁵. В этот период командование дивизии (начальник Н.И. Багратион, начальник штаба П.А. Половцев) вынашивали даже планы развертывания дивизии в Туземный корпус, имея ввиду присоединение к ней других имевшихся в русской армии мусульман-

ских кавалерийских частей – 1-го Дагестанского, Осетинского, Крымско-Татарского и Туркменского полков. Багратион и Половцев ездили с этим предложением в Ставку, доказывая, что «горцы такой чудный боевой материал» и даже склонили к этому решению императора, однако не нашли поддержки у Главного штаба¹⁶.

Февральскую революцию всадники «Дикой» дивизии встретили с растерянностью. После Николая II от престола отрекся недавний начальник дивизии великий князь Михаил Александрович. По наблюдениям современников, «всадники, с присущей горцам Кавказа мудростью, ко всем «достижениям революции» отнеслись с угрюмым недоверием»¹⁷. «Тщетно пытались полковые и сотенные командиры втолковать своим «туземцам», что такое случилось... «Туземцы» многого не понимали и, прежде всего, не понимали, как это можно быть «без царя». Слова «Временное правительство» ничего не говорили этим лихим наездникам с Кавказа и решительно никаких образов не будили в их восточном воображении»¹⁸. Революционные новообразования в виде дивизионных, полковых и проч. комитетов затронули и Туземную дивизию. Однако здесь в их «устройстве» самое деятельное участие принял старший командный состав полков и дивизии, а дивизионный комитет возглавил командир Черкесского полка Султан Крым-Гирей. В дивизии сохранилось чиновничество. Самым революционным очагом в дивизии стала команда матросов-пулеметчиков Балтийского флота, приписанная к соединению еще до революции. В сравнении с ними «туземцы выглядели гораздо тактичнее и сдержаннее»¹⁹. Так что, уже в начале апреля П.А. Половцев мог с облегчением объявить, что в его родной Татарский полк «выходит из горнила революции в полном порядке»²⁰. Аналогичная ситуация была и в других полках. Историк О.Л. Опрышко объясняет сохранение дисциплины в дивизии особой атмосферой, не характерной для прочих частей русской армии: добровольным характером службы и кровными и земляческими узами, которые скрепляли воинский коллектив²¹.

В марте-апреле дивизия даже усилила свой состав за счет прибытия Осетинской пешей бригады (3 батальона и 3 пеших сотни), сформированной в конце 1916 г. и полка «кадра запаса» – запасной части дивизии, дислоцировавшейся прежде

на Северном Кавказе. В преддверии июньского 1917 г. наступления войск Юго-Западного фронта дивизии устроил смотр недавно принявший 8-ю армию генерал Л. Г. Корнилов. Армия, по его собственным словам, находилась «в состоянии почти полного разложения... Многие генералы и значительная часть командиров полков под давлением комитетов были удалены от занимаемых ими должностей. За исключением немногих частей, братание процветало...»²². «Дикая дивизия» оказалась среди частей, сохранивших воинский вид. Произведя 12 июня смотр дивизии, Корнилов признался, что был счастлив видеть ее «в таком изумительном порядке». Багратиону он сообщил, что «наконец дышал военным воздухом»²³. В начавшемся 25 июня наступлении 8-я армия действовала вполне успешно, однако операция Юго-Западного фронта провалилась после первых контрударов немецких и австрийских войск. Началось паническое отступление, подгоняемое пораженческой агитацией большевистских агитаторов, вначале частей 11-й армии, а затем и всего Юго-Западного фронта. Только что прибывший на фронт генерал П.Н. Врангель наблюдал как «демократизированная армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу»²⁴. «Дикая дивизия» по личной просьбе генерала Корнилова прикрывала отход русских войск и участвовала в контратаках. Генерал Багратион отмечал: «В этом хаотическом отходе... ярко выявилось значение дисциплины в полках Туземной конной дивизии, стройное движение которой вносило успокоение в панические элементы нестроевых и обозов, к которым примыкали дезертиры пехоты XII корпуса с позиций»²⁵.

Нетипичная для того времени организованность дивизии уже давно снискала ей славу «контрреволюционной», что в равной мере беспокоило и Временное правительство и советскую власть. Во время отступления войск Юго-Западного фронта этот образ укрепился, благодаря тому, что сотни дивизии брали на себя охрану штабов от возможных покушений дезертиров. По словам Багратиона, «одно присутствие... кавказцев обуздывает преступное намерение дезертиров, а если понадобится, то сотни явятся по тревоге»²⁶.

В июле – августе положение на фронте быстро ухудшалось. Вслед за разгромом Юго-Западного фронта без сопротивления была оставлена Рига и начали беспорядочное отступление части Северного фронта. Над Петроградом нависла реальная угроза захвата врагом. Правительство приняло решение о формировании Особой Петроградской армии. В офицерско-генеральских и правых кругах российского общества зрело убеждение, что восстановить порядок в армии и стране и остановить противника невозможно, не ликвидировав Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Лидером этого движения стал верховный главнокомандующий российской армией генерал Корнилов. Действуя в тесной связи с представителями Временного правительства и с их согласия (верховный комиссар при Ставке М. М. Филоненко и главноуправляющий военного министерства Б. В. Савинков), Корнилов в конце августа приступил к сосредоточению войск в окрестностях Петрограда по просьбе самого Керенского, опасавшегося выступления большевиков. Ближайшей его целью являлся разгон Петросовета (а, в случае сопротивления, и Временного правительства), объявление временной диктатуры и осадного положения в столице.

Не без оснований опасаясь своего смещения, 27 августа А.Ф. Керенский отстранил Корнилова от должности верховного главнокомандующего, после чего последний своим войскам двинуться на Петроград. Днем 28 августа в Ставке в Могилеве господствовало бодрое и уверенное настроение. Прибывшему сюда генералу Краснову сказали: «Никто Керенского защищать не будет. Это прогулка. Все подготовлено»²⁷. Сами защитники столицы позднее признавали: «Поведение войск Петрограда было ниже какой-либо критики, и революция под Петроградом в случае столкновения нашла бы таких же защитников, как и отечество под Тарнополем» (имелся ввиду июльский разгром Юго-Западного фронта)²⁸.

В качестве ударной силы Корнилов выбрал 3-й конный корпус казаков под командованием генерал-лейтенанта А.М. Крымова и Туземную дивизию, «как части, способные устоять от разлагающего влияния Петроградского Совета...»²⁹. Еще 10 августа по приказу нового Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова «Дикая дивизия» начала пере-

броску на Северный фронт, в район станции Дно. Характерно, что слухи о переброске дивизии в Петроград для «наведения порядка», носились уже давно и ее офицерам приходилось периодически выступать в прессе с опровержениями. По данным А.П. Маркова, переброска дивизии в Петроград планировалась еще в декабре 1916 г. – царское правительство рассчитывало ею «укрепить гарнизон» столицы, не полагаясь более на распропагандированные запасные пехотные части³⁰. По утверждению первого историографа дивизии Н.Н. Брешко-Брешковского реакционные и монархические настроения преобладали в офицерской среде. В уста главного героя своего романа-хроники он вкладывает такое характерное восклицание: «Кто может оказать нам сопротивление? Кто? Эти разложившиеся банды трусов, не бывавших в огне...? Только бы нам дойти, физически дойти до Петрограда, а уж успех вне всяких сомнений!... Встанут все военные училища, встанет все лучшее, все то, что жаждет только сигнала к освобождению от шайки международных преступников, засевших в Смольном!...»³¹

Приказом генерала Корнилова от 21 августа дивизия развертывалась в Кавказский туземный конный корпус – решение весьма спорное (на тот момент в составе дивизии насчитывалось лишь 1350 шашек при большой нехватке оружия³²) и несвоевременное ввиду предстоявших перед ним задач. Корпус должен был состоять из двух дивизий двухбригадного состава. Пользуясь своими полномочиями главнокомандующего всеми вооруженными силами, Корнилов перебрасывал для этих целей из других соединений 1-й Дагестанский и Осетинский конные полки с развертыванием последнего в два полка. Начальником корпуса был назначен генерал Багратион. 1-ю дивизию возглавил генерал-майор А.В. Гагарин, 2-ю – генерал-лейтенант Хоранов.

26 августа генерал Корнилов, находясь в могилевской Ставке, приказал войскам выступить на Петроград. Туземный корпус к этому времени еще не закончил сосредоточение на станции Дно, поэтому на Петроград двинулись лишь отдельные его части (полностью Ингушский полк и три эшелона Черкесского).

Временное правительство предприняло экстренные меры для задержания двигавшихся с юга эшелонов. Во многих местах были разру-

шены железнодорожные пути и телеграфные линии, организованы заторы на станциях и переездах и порча паровозов. Замешательство, вызванное 28 августа задержкой в движении, использовали многочисленные агитаторы.

Части «Дикой дивизии» не имели связи ни с руководителем операции генералом Крымовым, застрявшим на ст. Луга, ни с начальником дивизии Багратионом, так и не выдвинувшимся со своим штабом со ст. Дно. Утром 29 августа к командиру Черкесского полка полковнику Султану Крым-Гирею прибыла делегация агитаторов ВЦИК и исполкома Всероссийского мусульманского совета из числа уроженцев Кавказа – его председатель Ахмет Цаликов, Айтек Намитоков и др. Мусульманские политики твердо стояли на стороне правительства, поскольку в корниловском выступлении усмотрели угрозу реставрации монархии и, следовательно, опасность национальному движению на Северном Кавказе. Они призвали земляков ни в коем случае не вмешиваться «во внутренние раздоры России». Аудитория, представшая перед делегатами, делилась на две части: русские офицеры (а они составляли подавляющее большинство командного состава в туземных эшелонах) поголовно стояли за Корнилова, а мусульманские всадники, по ощущениям выступавших, совершенно не понимали смысла разыгравшихся событий³³. По свидетельствам участников делегации, младшие офицеры и всадники находились «в полном неведении» относительно целей своего движения и «были сильно удручены и подавлены той ролью, которую им хочет навязать генерал Корнилов»³⁴. В полках дивизии началось замешательство. Доминирующим настроением всадников было нежелание вмешиваться в междоусобную борьбу и воевать против русских. Полковник Султан Крым-Гирей взял инициативу переговоров на себя, находясь, по существу, в одиночестве среди прокорниловски настроенных офицеров. В первый день переговоров 29 августа им удалось взять верх и начальник эшелона князь Гагарин заставил делегацию удалиться³⁵. Он планировал походным порядком к исходу дня достичь Царского Села³⁶.

Ключевое значение имели переговоры утром 30 августа на станции Вырица, в которых участвовали генерал Багратион, мусульманские представители, депутаты Петросовета, члены

полковых и дивизионных комитетов, командиры полков, многие офицеры. Из Владикавказа пришла телеграмма ЦК Союза объединенных горцев Кавказа, запрещавшего «под страхом проклятия ваших матерей и детей принимать участие во внутренней войне, учиняемой с неизвестными нам вам целями»³⁷.

Было принято решение ни в коем случае не участвовать в походе «против русских» и избрана делегация к Керенскому, состоявшая из 68 человек во главе с полковником Султаном Крым-Гиреем. 1 сентября делегация была принята Временным правительством и заверила последнее в своем полном подчинении. Багратион, слывший безвольным начальником, занял пассивную позицию в происходивших событиях, предпочтя плыть по течению.

Он был смещен правительством, так же как Гагарин и начальник штаба корпуса В. Гатовский. Корпусу была обещана немедленная отправка на Кавказ на отдых и доукомплектование. В командование («как демократ») вступил бывший начальник штаба Туземной дивизии генерал-лейтенант Половцев, уже успевший побывать в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

Полки Туземной дивизии отказались участвовать в мятеже, однако и большевистская пропаганда в ней не пустила глубоких корней. В сентябре 1917 г. ряд офицеров полка выступили в прессе, а также на 2-м Общегорском съезде во Владикавказе с заявлением о том, что до конца не знали целей своего движения на Петербург.

В условиях, когда Гражданская война была уже близка, мотив межнационального столкновения, связанный с использованием в выступлении Корнилова Туземной дивизии особенно смущал участников конфликта, стал жупелом, придававшим надвигающимся событиям зловещий оттенок. В среде заговорщиков было распространено мнение, обывательское в своей основе, что «кавказским горцам все равно кого резать»³⁸. Б.В. Савинков (по просьбе Керенского) еще до разрыва правительства с Корниловым 24 августа просил его заменить Кавказскую дивизию регулярной кавалерией, так как «неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам»³⁹. Керенский в публичном приказе от 28 августа персонифицировал силы реакции в лице именно «Дикой дивизии»: «Он (Корнилов)

говорит, что стоит за свободу, [а] посылает на Петроград туземную дивизию»⁴⁰. Три остальных конных дивизии генерала Крымова им не были упомянуты. Петроград, по выражению историка Г.З. Иоффе, от этой вести «оцепенел», не зная чего ожидать от «горских головорезов»⁴¹.

Мусульманские переговорщики, агитировавшие в полках 28 – 31 августа, против своей воли вынуждены были эксплуатировать национально-исламскую тематику, чтобы вбить клин между рядовыми горцам и реакционно настроенным офицерством, в значительной мере инородном всадникам. По словам А.П. Маркова Ингушский полк вынуждены были покинуть Грузии, Кабардинский – осетины⁴². В Татарском полку также сложилась «несимпатичная обстановка»: распространились панисламистские тенденции⁴³. Очевидно, здесь находилась та

болевая точка, нажатие на которую быстро деморализовало кавказских конников. Для сравнения можно напомнить, что социалистическая пропаганда радикально настроенных моряков пулеметной команды после Февральской революции не оказывала на всадников почти никакого влияния.

Принявший корпус в первых числах сентября генерал Половцев застал на станции Дно картину нетерпеливого ожидания: «Настроение такое, что если не дадут эшелоны, то всадники пойдут походным порядком через всю Россию и она этот поход не скоро забудет»⁴⁴.

В октябре 1917 г. части Кавказского Туземного конного корпуса прибыл на Северный Кавказ в районы их формирования и волей-неволей стали участниками революционного процесса и Гражданской войны в регионе.

¹ Марков А. П. В Ингушском конном полку. М., 1997. С. 25.

² Там же. С. 42.

³ РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 113. ЛЛ. 87, 90, 93, 437.

⁴ Марков А. П. Указ. соч. С. 28.

⁵ РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 96. Л. 728.

⁶ Марков А. П. Указ. соч. С. 51.

⁷ РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 173. Л. 60б.

⁸ Там же. Д. 98. Л. 95-96, 100, 142.

⁹ Там же. Д. 96. Л. 547.

¹⁰ Там же. Д. 6. ЛЛ. 464 – 478.

¹¹ Там же. Д. 173. ЛЛ. 13 – 31.

¹² Терские ведомости. 16 февраля 1916 г.

¹³ Опрышко О. Л. Кавказская конная дивизия, 1914 – 1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 240.

¹⁴ Литвинов А. И. Майский прорыв IX армии в 1916 г. Петроград, 1923. С. 63 – 71.

¹⁵ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 310 – 312.

¹⁶ Половцев П. А. Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.) Париж, 1922. С. 13.

¹⁷ Марков А. П. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия. М., 1991. С. 211.

¹⁹ Половцев П. А. Указ. соч. С. 56.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 318.

- ²² *Генерал Л. Г. Корнилов перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства. Публ. Г. З. Иоффе // Кентавр. 1995. № 5. С. 107.*
- ²³ *Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 344 – 345.*
- ²⁴ *Врангель П. Н. Записки. М., 2001. С. 36.*
- ²⁵ *Цит. по: Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 368.*
- ²⁶ *Цит. по: там же. С. 369.*
- ²⁷ *Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. М., 1991. С. 144.*
- ²⁸ *Цит. по: Мартынов Е. И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 388.*
- ²⁹ *Генерал Л. Г. Корнилов... С. 106.*
- ³⁰ *Марков А. П. Указ. соч. С. 19.*
- ³¹ *Брешко-Брешковский Н. Н. Указ. Соч. С. 236.*
- ³² *Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 350.*
- ³³ *Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция. (Весна 1917 г. – лето 1918 г.) М., 2004. С. 325.*
- ³⁴ *Корниловские дни. Бюллетени Временного Военного Комитета при ЦИК С.Р. и С.Д. с 28 августа по 4 сентября 1917 г. Петроград, 1917. Бюллетень за 29 августа № 7. С. 37 – 38.*
- ³⁵ *Там же. Бюллетень за 29 августа № 1. С. 14 – 15.*
- ³⁶ *Там же. Бюллетень за 29 августа № 5. С. 28.*
- ³⁷ *Там же. Бюллетень за 29 августа № 9. С. 48 – 49.*
- ³⁸ *Мартынов Е. И. Указ. соч.. С. 333.*
- ³⁹ *Генерал Л. Г. Корнилов... С. 101.*
- ⁴⁰ *Мартынов И. Е. Указ. соч. С. 376.*
- ⁴¹ *Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 134.*
- ⁴² *Марков А. П. Указ. соч. С. 38 – 39.*
- ⁴³ *Половцев П. А. Указ. соч. С. 189.*
- ⁴⁴ *Там же. С. 190.*

*Владимир Николаевич Прямыцын,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела,
кандидат военных наук*

Гидрометеорологическое обеспечение боевых действий в годы Гражданской войны в России

В начале XX в. Россию по праву можно было отнести к числу передовых метеорологических держав. К вступлению в Первую мировую войну страна подошла, располагая своей сетью наблюдательных станций и обсерваторий, системой подготовки кадров. Ученые, трудившиеся в головном учреждении отечественной метеорологии – Николаевской Главной физической обсерватории (ГФО), занимались фундаментальными и прикладными исследованиями, вели методическую работу. Энергичный руководитель Обсерватории академик князь Борис Борисович Голицын претворял в жизнь амбициозный план реформирования и расширения отечественной метеорологии, реализации которого помешала мировая война¹.

С открытием боевых действий из учреждений Военного ведомства в Главную физическую обсерваторию стали поступать запросы на предоставление всевозможных данных. Директор ГФО Б.Б. Голицын предложил Николаю II «ввести на время войны всю метеорологическую службу в военное ведомство, учредив для этого особую организацию». Так на рубеже 1915 и 1916 гг.

появилось Главное военно-метеорологическое управление (ГВМУ), работавшее на базе Главной физической обсерватории, а также военно-метеорологические отделения при штабах армий и военно-метеорологические станции при авиационных ротах².

Согласно Положению, ГВМУ, которое сокращенно называли Главметом, являлось одним из органов полевого управления действующей армии и имело своей задачей «обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд». Главмет создавался при ГФО, поэтому все его должностные лица были назначены из числа сотрудников Обсерватории, с совмещением новых военных и прежних гражданских обязанностей. В штате ГВМУ было всего 12 сотрудников, получивших с назначением на должности статус военных чиновников. В руках этих людей оказалось «все дело по военной метеорологии»³.

Руководить новым органом полевого управления был назначен тайный советник академик князь Б.Б. Голицын. Руководство структурными

подразделениями ГВМУ поручили начальникам соответствующих структурных подразделений ГФО: отдел службы предсказания погоды и местных военно-метеорологических органов возглавил коллежский советник Измаил Семенов-Тян-Шанский, заведывающим отделом научной разработки методов предсказаний погоды стал надворный советник Борис Мультановский, инструментальный отдел возглавил надворный советник Владимир Попов⁴. Все трое были известными учеными-метеорологами.

В годы Первой мировой войны военные метеорологи России проделали колоссальную работу. Были разработаны климатические описания для районов действия каждого из фронтов и флотов, созданы, укомплектованы и направлены в действующую армию десятки военно-метеорологических подразделений, налажена система сбора и распространения метеорологической информации, разработаны руководящие документы и учебные пособия по вопросам военно-метеорологического дела. Генерал-лейтенант А.Н. Крылов, возглавивший Главмет после смерти Б.Б. Голицына (4 мая 1916 г.), охарактеризовал самоотверженную работу военных метеорологов, как «патриотический подвиг»⁵.

В середине февраля 1917 г. пост начальника ГВМУ занял коллежский советник И.П. Семенов-Тян-Шанский⁶. Он стоял у истоков военно-метеорологического дела в России, и в силу этого был прекрасно знаком с его сильными и слабыми сторонами. В связи с расширением боевых действий и многократно возросшей потребностью в гидрометеорологической информации, в марте 1917 г. он перевел Главмет на новые штаты, в большей степени отвечающие запросам действующей армии на гидрометеорологическое обеспечение⁷. Следующим этапом реформирования отечественной военной метеорологии Семенов-Тян-Шанский полагал реорганизацию подчиненных подразделений в войсках, но реализации этих планов помешали революционные события и выход России из войны⁸.

Советская власть объявила о начале строительства вооруженных сил «нового типа». Однако, было очевидно, что при их создании будет широко использован опыт Первой мировой войны⁹. Анализ этого опыта свидетельствовал о необходимости метеорологического обеспечения. По этой причине 16 марта 1918 г. Главное во-

енно-метеорологическое управление приказом Наркомвоендел № 214 от 16 марта 1918 г. было принято в состав Народного комиссариата по военным делам¹⁰ (приложение 1).

В Главмете, как и в Главной физической обсерватории трудились ученые, замены которым не было. Советская власть осознавала, что армию «нового типа» придется строить со старыми кадрами. В.И. Ленин характеризовал это положение так: «необходимо поставить капиталистов на новую государственную службу. Без руководящих указаний людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Их знания, их опыт и труд нам нужны»¹¹.

В большинстве военные чины Главмета приняли революцию и продолжили свою деятельность под красными знаменами. По своей сути они являлись скорее учеными Главной физической обсерватории, чем белыми офицерами, поэтому сохранили верность своей Альма-матер. Смена власти не сказалась на содержании их работы, ведь война продолжалась. Воспользовавшись междоусобицей, немцы усилили наступление и стремительно приближались к Петрограду. Когда враг вышел на подступы к Пскову и Таллинну, было принято решение об эвакуации важнейших военных учреждений Петрограда в тыловые районы¹².

В числе прочих, было переведено в Москву и ГВМУ. Так Главмет оказался оторван от Главной физической обсерватории. 18 сентября 1918 г. решением Военно-законодательного совета Главное военно-метеорологическое управление было преобразовано в Военно-метеорологический отдел¹³. Как воинская организация, осуществляющая обеспечение боевых действий, Военно-метеорологический отдел, наряду с Главным артиллерийским управлением, Главным военно-инженерным управлением, Главным военно-хозяйственным управлением и другими органами был включен в состав Центрального управления снабжения (ЦУС) Красной армии¹⁴.

Вооруженное противостояние Гражданской войны охватило огромное пространство, которое характеризовалось отсутствием сплошной линии фронта, активными и решительными действиями войск на отдельных операционных направлениях. Вооруженные силы Республики Советов были сгруппированы в 5 фронтов и 1

отдельную армию. Они насчитывали 382 000 штыков и сабель, 6 561 пулемет и 1697 артиллерийских орудий, оказывая противодействие 511 000 штыков и сабель¹⁵. Созданное в мае 1918 г. Главное управление Рабоче-Крестьянского Военно-воздушного флота и окружные управления к сентябрю 1918 г. сформировали по единым штатам 61 авиационный отряд общей численностью 260 исправных самолетов различных типов¹⁶.

Черноморский флот, чтобы не попал в руки немцев, был затоплен. Военные корабли на Белом море, Тихом океане и в Каспийском море оказались в распоряжении белогвардейцев и интервентов. Из всех сил Балтийского флота, перешедших из Гельсингфорса в Петроград, Реввоенсовет Республики принял решение сформировать Действующий отряд в составе линкора «Петропавловск», броненосца «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», 4 эскадренных миноносцев и 6 подводных лодок¹⁷. Гражданская война обошла морские театры стороной, зато речные и озерные флотилии приняли в боевых действиях самое активное участие. Были созданы Волжская, Северо-Двинская, Онежская, Ладожская и Волхов-Ильменская флотилии¹⁸.

Таким образом, перед военными метеорологами Республики Советов стояла задача по обеспечению значительного количества сил на обширной территории. Несмотря на «разжалование» Главного военно-метеорологического управления в Военно-метеорологический отдел, новая структура сохранила за собой права главного управления военного ведомства. Она унаследовала и условное наименование «Главмет», присвоенное Почтово-телеграфной и этапно-транспортной частью Главного управления военных сообщений для удобства переписки¹⁹.

Согласно Положению, которое было утверждено приказом Чрезвычайно уполномоченного совета по снабжению армии 14 июля 1919 г., на Главмет возлагались обязанности по руководству сетью наблюдательных станций, обучению метеорологических кадров, подготовке необходимых карт и бюллетеней, составлению пособий, снабжению войск метеорологическим и аэронавигационным имуществом, а также «инструктированию авиачастей при производстве воздушных операций в смысле указания наибо-

лее удачных в метеорологическом отношении моментов для них, в той же части инструктированию газовых команд по операциям с удушливыми газами, в предупреждение войсковых частей о наступлении благоприятных моментов для его газовых атак»²⁰.

По штату в Военно-метеорологическом отделе было предусмотрено 26 должностей (приложение 2), которые укомплектовали, преимущественно бывшими чинами военно-метеорологических органов дореволюционной армии под руководством все того же И.П. Семенова-Тян-Шанского²¹. Штат головного учреждения советской военной метеорологии оказался практически вдвое шире штата царского Главмета²², однако, он был укомплектован не более чем на треть. Между тем, работы у военных метеорологов заметно прибавилось, ведь они лишились соседства с крупнейшим центром метеорологической науки – Главной физической обсерваторией.

Создавая новую военно-метеорологическую структуру, И.П. Семенов-Тян-Шанский понимал, что помощи извне ждать не следует, и что советские военные метеорологи могут рассчитывать лишь на то наследие предшественников, что уцелело со времени Первой мировой войны. Из всех метеорологических производственных мощностей в руках Красных оказались лишь несколько мелких петроградских мастерских, изготовлявших метеорологические приборы, и мастерские Главной физической обсерватории, осуществлявшие еще и ремонт с поверкой²³. Поэтому, первым делом Главмет предпринял энергичные меры по сбору и постановке на учет всего гидрометеорологического имущества, оставшегося на территории, подконтрольной Советской власти. Вот фрагмент одного из приказов по Военно-метеорологическому отделу ЦУС (№ 66 от 27 мая 1919 г.), характеризующих эту работу: «Инспектора отдела Г.В. Киселева полагать убывшим в командировку в Слуцк за метеорологическими приборами, сданными на хранение в мужскую гимназию демобилизованным военно-метеорологическим отделением при штабе 2 армии, а аэролога А.А. Кулакова в город Саратов для учета метеорологического и аэронавигационного имущества, находящегося на складах авиационных и воздухоплавательных частей»²⁴.

Для хранения, ремонта и поверки всего аэронавигационного имущества Красной армии при Главмете был создан Парк-склад. В составе этого учреждения были предусмотрены административно-хозяйственная часть, поверочно-исполнительная лаборатория, мастерские и склад (приложение 3). Начальнику предписывалось отпускать аэронавигационное имущество²⁵ в войска по нарядам Военно-метеорологического отдела ЦУС. Сложность ситуации со снабжением Красной армии метеорологическими приборами и имуществом характеризует один из пунктов Положения о Парк-складе: «при наличии свободного оборудования производить некоторые предметы и части для пополнения складов»²⁶.

Кроме того, мировая война, революция и междоусобица нанесли сокрушительный удар по сети метеорологических станций, на которую в своей работе опирались военные метеорологи. Если в 1914 г. наблюдательная сеть России насчитывала около 1400 станций и 1500 постов, то в 1920 г. работали всего 200 станций и 125 постов²⁷. Наблюдения в этих пунктах, как и прежде, велись трижды в сутки в 7, 13 и 21 час, но большая часть этих станций размещалась в Азиатской части страны, и не освещала синоптического положения в районах боевых действий. Те же станции, которые продолжили работу в Европейской части страны, оказались по разные противоборствующие стороны. В результате, к 1919 г. в адрес Главной физической обсерватории ежедневно поступали синоптические телеграммы всего от 11 станций²⁸.

В таких условиях военные метеорологи Красной армии для обеспечения боевых действий на фронтах Гражданской войны вынуждены были создать свою собственную сеть станций. 30 сентября 1920 г. был издан приказ Чрезвычайного Уполномоченного Совета Рабоче-Крестьянской обороны по снабжению Красной армии и Красного флота, об учреждении Положения об Аэрологической сети Военно-метеорологического отдела ЦУС и штатов 10 станций с расположением в городах: Архангельск, Екатеринодар, Екатеринбург, Казань, Киев, Курск, Москва, Петроград (Павловск), Саратов и Томск²⁹. Аэрологическая станция, расположенная в Москве, объявлялась Центральной (приложение 4). Для укомплектования каждой та-

кой станции было предусмотрено 4 должности (заведующий, помощник и 2 служителя). Этими скромными силами предписывалось вести аэрологические наблюдения, обрабатывать их результаты и передавать в Главмет, на основе своих наблюдений и данных Главмета готовить материалы, которые сообщать военным частям по требованию³⁰.

Как и в Первую мировую, в Гражданскую войну сотрудники Главмета много работали на передовой. В донесении ЦУС от 9 июля 1920 г. говорилось: «В штатах ЦУСа имеются следующие должности, несение которых вызывает частые разъезды лиц, занимающих эти должности: ... Военно-метеорологического отдела инспектора, ученые-специалисты и заведующий Инструментальным отделением»³¹.

Первые потери Красной армии и флота в годы Гражданской войны, вызванные неблагоприятным воздействием погодных условий, датированы мартом-апрелем 1918 г. Из-за стремительного наступления немцев возникла острая необходимость перевести силы флота из портов Финляндии в Кронштадт. Сплошной лед и туманы вынудили корабли и суда двигаться малой скоростью и только в светлое время суток. Несмотря на все меры предосторожности и помощь ледоколов, повреждения на переходе получил 21 эсминец, все подводные лодки, минный заградитель, 5 сторожевых судов и тральщиков, посыльное судно, 2 яхты, транспорт-мастерская, 6 транспортов³².

В дальнейшем погода не раз вносила корректуры в планы ведения боевых действий Красной армии. Примером может служить взаимодействие 6-й Отдельной армии и Северо-Двинской военно-речной флотилии в сентябре-октябре 1919 г. Флотилия поддерживала действия армии огнем плавучих батарей, но из-за сильного снегопада и появления на реке льда 17 октября командующий флотилией отдал приказ о переходе кораблей в базы. 18 октября силы флотилии снялись с фронта, а 23 октября прибыли в пункт зимовки Котлас. 6-я Отдельная армия лишилась артиллерийской поддержки³³.

Трагический случай, связанный с отсутствием гидрометеорологического обеспечения, произошёл во время десантной операции по захвату острова Чечень на Каспийском море. Время выхода десантных сил было назначено без уче-

та складывающейся гидрометеорологической обстановки, в результате чего ночью 9 апреля 1920 г. отряд кораблей в составе вспомогательных крейсеров «Пролетарий» и «Каспий» и парохода «Константин Кауфман» с десантным отрядом на борту попал в жестокий шторм. На крейсере «Каспий» от воздействия штормовых волн утром 9 апреля разошлись листы наружной обшивки корпуса, и корабль затонул. Погибли 54 человека, в том числе и командир десанта В.А. Арский³⁴.

Все же, в годы Гражданской войны, как и в годы Первой мировой, основными потребителями метеорологической информации были авиационные подразделения. Несмотря на все усилия Военно-метеорологического отдела, его деятельность удостоилась низкой оценки со стороны исследователей истории авиации. В ряде работ авторы указывают, что «метеослужба фактически отсутствовала», отчасти связывая с этим неудачи Воздушного флота Республики в боях против уступающей числом авиации Деникина³⁵.

Сколь ни сложно было наладить гидрометеорологическое обеспечение в Красной армии, а в стане ее противников ситуация была гораздо тяжелее. Обособленность фронтов не позволила им создать систему гидрометеорологического обеспечения. Как и в Красной армии, основным потребителем метеорологической информации в белых армиях была авиация. На различных фронтах она располагала около 450 самолетами. Руководители белого движения признавали, что в вопросах снабжения и обеспечения им приходится рассчитывать либо на то, что досталось от царской армии, либо на то, что удастся захватить у противника, либо на помощь союзников³⁶.

Ни первое, ни второе, ни третье не оставляло белым авиаторам надежд на метеорологическое обеспечение, столь необходимое при полетах самолетов тех времен. Содействие же союзников в вопросах метеорологического обеспечения порой оборачивалось откровенным вредом. Вопиющий случай пренебрежения союзников к интересам метеорологического обеспечения произошел на Северном фронте. В начале марта 1919 г. из Англии в Архангельск прибыл транспорт, доставивший новые самолеты для укомплектования Славяно-Британского

авиационного корпуса, а также нового командира этого объединения. 5 марта полковник Ван дер Спай впервые появился на аэродроме Двинский Березник и, несмотря на разыгравшуюся пургу, приказал старшему унтер-офицеру А.В. Кропинову с летчиком-наблюдателем мичманом Смирновым немедленно вылететь на разведку. Когда ему возразили, что погода нелетная и экипаж рискует разбиться, он надменно ответил: «Для британских пилотов не существует погоды, для них есть только приказ!» А.В. Кропинов пошел на взлет, но на высоте 40 метров мощный порыв ветра опрокинул машину. «Сопвич» скользнул на крыло и врезался в землю. Оба летчика погибли, но, несмотря на это британский полковник приказал поднимать в небо следующий самолет. Взлетел капитан Г.В. Слюсаренко, однако через несколько минут был вынужден вернуться. Тогда Ван дер Спай отправил в полет поручика Л.И. Байдака. Когда третий русский летчик не сумел пробиться через плотный снег, и с большими усилиями вернулся на Двинский Березник, британский полковник отчитал пилотов за «неумение летать» и покинул аэродром³⁷.

Не лучше обстояли дела и в других регионах, контролируемых белыми. К примеру, 18 июля 1919 г., преследуя свои корыстные цели, японцы уничтожили метеорологическую станцию в Анучино. В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. они полностью разрушили станцию в Спасске, а в марте того же года сожгли станцию в Николаевске-на-Амуре. В июне 1920 г. со станции Александровск-на-Сахалине японцы изъяли все метеорологические приборы и материалы наблюдений, не позволив выслать во Владивосток даже дубликат архива. Японская интервенция нарушила работу связи, прекратив в Приморье процесс сбора и распространения метеорологической информации, и лишив дальневосточных метеорологов сообщения со своими коллегами из других регионов России³⁸.

На территориях, подконтрольных белым армиям оставалось значительное количество станций и обсерваторий, среди которых были и крупные. Однако в условиях нарушения связи, централизованного руководства и снабжения, утраты части приборов, архивов и персонала, их деятельность ограничивалась лишь производством метеорологических наблюдений. От-

сутствие гидрометеорологического обеспечения дорого обошлось белогвардейцам. В частности, армии П.Н. Врангеля пришлось столкнуться со сложными гидрометеорологическими условиями при эвакуации 157 кораблей и судов Черноморского флота в Бизерту. На переходе к Босфору в Черном море во время шторма погиб эсминец «Живой»³⁹.

Удивительно, что на таком неблагоприятном фоне ученые-гидрометеорологи продолжали самоотверженно работать. Главной физической обсерватории, с которой в годы Гражданской войны были практически полностью сняты обязанности по обеспечению боевых действий, в сложных условиях междоусобного противостояния и экономической разрухи удавалось вести фундаментальные исследования. В 1919 г. здесь был организован отдел климатологии⁴⁰ и отделение экспериментальной геофизики⁴¹, а в 1920 г. создан отдел, задачей которого стало теоретическое изучение закономерностей атмосферных процессов на основе общих законов физики. На протяжении всей Гражданской войны в Обсерватории успешно трудились такие крупные ученые, как Б.П. Мультановский, В.Ю. Визе, В.Н. Оболенский⁴². Не будет преувеличением сказать, что целый ряд направлений отечественной метеорологической науки (долгосрочное прогнозирование, аэрология, метод мировой погоды, активные воздействия на атмосферные процессы, динамическая метеорология, исследования атмосферного электричества) зародился или получил мощный импульс развития именно в годы Гражданской войны. В эти годы отечественными учеными были написаны фундаментальные труды, получившие признание во всем мире.

О том, с какими трудностями приходилось сталкиваться ученым в те страшные годы, красноречиво говорит пример Альма-матер отечественной аэрологии – Аэрологической обсерватории, находившейся в районе деревни Онтолово. В 1918 г. линия фронта подошла вплотную к этому научному учреждению, и в результате боев его здание было разрушено. Персонал вынужден был спасаться бегством. Лишь в конце 1919 г. небольшая группа сотрудников Аэрологической обсерватории с остатками спасенного оборудования и аэрологического архива собралась в Павловске, где на базе змейковой станции принялась создавать Обсерваторию за-

ново. Восстановление Обсерватории и руководство ее работой было поручено П.А. Молчанову, благодаря усилиям которого уже в начале 1920 г. удалось наладить систематические аэрологические наблюдения⁴³.

21 июня 1921 г. В.И. Ленин подписал Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об организации метеорологической службы РСФСР»⁴⁴. Далее последовал Декрет от 13 октября 1921 г. «О передаче Военно-метеорологического отдела из ведения народного комиссариата по военным делам в ведение народного комиссариата просвещения». Главмет, шесть лет, исправно осуществлявший метеорологическое обеспечение сначала российской, а затем Красной армии, был преобразован в Отдел военной метеорологии Главной физической обсерватории, вернувшись туда, где был когда-то создан⁴⁵.

Подводя итог деятельности отечественных военных метеорологов в годы Гражданской войны, можно сделать следующие выводы:

- боевые действия в годы Гражданской войны носили достаточно масштабный характер, и велись с использованием всех родов сил, из которых наибольшую потребность в метеорологическом обеспечении испытывала авиация;
- каждая из противоборствующих сторон активно пользовалась наследием военно-метеорологической системы Российской Империи, причем подавляющее большинство ресурсов этой системы оказалось в руках Красной армии;
- Красная армия создала свою военно-метеорологическую структуру, но ее деятельность не отличалась высокой эффективностью. Белым армиям не удалось организовать метеорологического обеспечения своих войск;
- Гражданская война нанесла отечественной метеорологии значительный ущерб, но, несмотря на сложности, связанные с войной и разрухой, в этот период метеорологам удалось не только сохранить преемственность, но даже расширить научную деятельность и вести фундаментальные исследования.

Опыт гидрометеорологического обеспечения в годы Гражданской войны, являясь дальнейшим развитием опыта обеспечения в годы Первой мировой войны, лег в основу создания системы гидрометеорологического обеспечения боевых действий в Вооруженных силах СССР.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Приложение 1.

СТРУКТУРА Народного комиссариата по военным делам 1919 г.

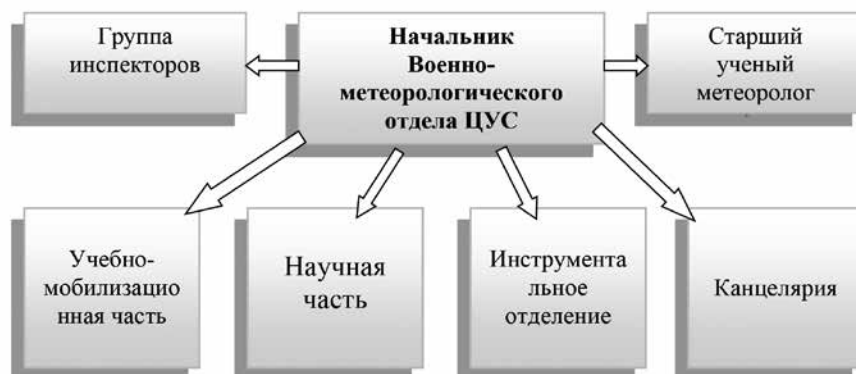
Составлено автором по источникам:

Сборник документов гражданской войны (1918-1920 гг.). – М. ВПА. 1988 г. С. 65.

РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. ЛЛ. 7, 437, 437 об.

Приложение 2.

СТРУКТУРА Военно-метеорологического отдела ЦУС (в соответствии со штатом 1917 г.)

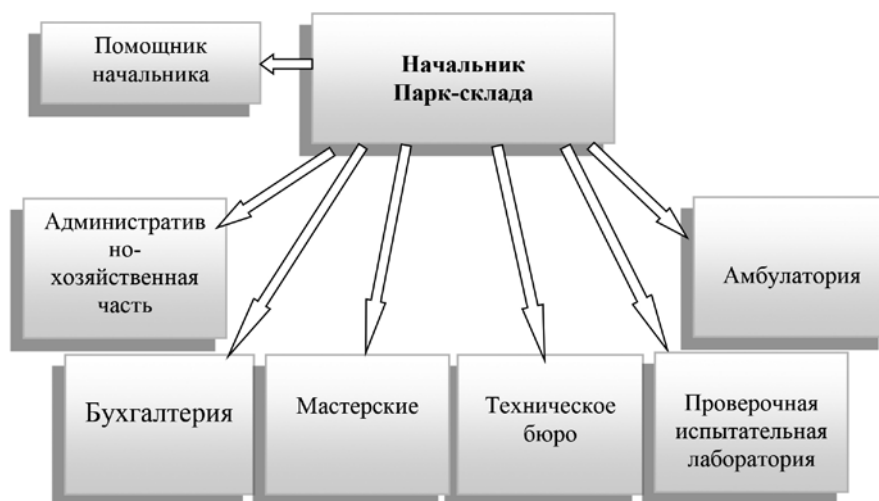

Составлено автором по источникам:

РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. ЛЛ. 7, 437, 437 об.

СТРУКТУРА
Парк-склада при Военно-метеорологическом отделе ЦУС
 (в соответствии со штатом 1919 г.)

Составлено автором по источникам:
 РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. ЛЛ. 7, 437 об., 438, 526, 527

СТРУКТУРА
Военно-метеорологических органов РККА в годы Гражданской войны
 на 30 сентября 1920 г.

Составлено автором по источникам:
 РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. ЛЛ. 429, 433, 433 об., Л. 7, 437, 438 об.

- ¹ Бudyко М.И. Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова после Великой Октябрьской Социалистической революции. // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 4.
- ² РГВИА Ф. 836. Оп. 1. Д. 6.Л.Л. 1, 4, 4 об.
- ³ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 172 – 174.
- ⁴ РГВИА Ф. 836. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 1, 1 об.
- ⁵ Рубинштейн Е.С. Задачи и методы климатического картографирования. // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 121.
- ⁶ РГВИА. Ф. 836. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 20.
- ⁷ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 171, 171 об.
- ⁸ Никандров В.Я. Первые шаги метеорологического дела в СССР. // Метеорология и гидрология. 1970 г. № 4. С. 13.
- ⁹ Гражданская война в СССР. – М.: Воениздат. 1980. С. 91
- ¹⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917. Т. 4. С. 185.
- ¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 311.
- ¹² Кляцкин С.М. На защите октября. СС. 45 – 140.
- ¹³ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 170, 170 об.
- ¹⁴ Гражданская война в СССР. – М.: Воениздат. 1980. С. 178.
- ¹⁵ Директивы Главного командования Красной армии (1917-1920 гг.). СС. 153 – 169
- ¹⁶ 50 лет Вооруженных Сил СССР. – М. Воениздат. 1968. С. 46.
- ¹⁷ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М. 1932. СС. 140 – 141.
- ¹⁸ Гражданская война в СССР. – М.: Воениздат. 1980. С. 177, 203.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1 Д. 181. Л. 13.
- ²⁰ РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 551 об – 554.
- ²¹ РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 2
- ²² РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 7, 437, 437 об
- ²³ Стернзат М.С. Разработка метеорологических приборов. // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 153.
- ²⁴ РГВА. Ф. 46. Оп. 12. Д. 1. Л. 6 об
- ²⁵ В начале XX века метеорологическое и штурманское дело в авиации были объединены одним понятием «аэронавигация», поэтому под «аэронавигационным имуществом» следует понимать материальную часть метеорологической и штурманской службы.
- ²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 527.
- ²⁷ Русин Н.П., Беспалов Д.П. Метеорологическая сеть и методы наблюдений. // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 145.
- ²⁸ Покровская Т.В., Есакова Н.П. Прогнозы погоды и синоптико-климатологические исследования. // Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти. – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 29.
- ²⁹ РГВА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 8. Л. 429
- ³⁰ Там же. ЛЛ. 431, 433 433 об.
- ³¹ Там же. Л. 272.
- ³² РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 174. ЛЛ. 1 – 12.
- ³³ РГА ВМФ. Ф. р-1, Оп. 3. Д. 27. ЛЛ. 129, 132.
- ³⁴ Там же. Д. 210. ЛЛ. 42 – 43.
- ³⁵ Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. – М.: Эксмо, Яуза. 2008. С. 252.

- ³⁶ Доронины Ю. *Авиация белых армий в России в годы Гражданской войны и послевоенные годы.* // *Авиация и космонавтика.* 2000. № 3. С. 11.
- ³⁷ Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. *Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне.* – М.: Эксмо, Яуза. 2008. С. 152.
- ³⁸ Кобылинский Л.В. *История создания и развития гидрометеорологической службы России на Тихом океане.* – СПб.: ЦКФ ВМФ. 2004. С. 85.
- ³⁹ Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П. *Катастрофы в черном море. Национальная академия наук Украины.* 1994. С. 111.
- ⁴⁰ Рубинштейн Е.С. *Задачи и методы климатического картографирования.* // *Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти.* – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 121.
- ⁴¹ Никандров В.Я. *Активные воздействия на облака и туманы.* // *Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти.* – Л.: Гидрометиздат. 1967. С. 251.
- ⁴² Покровская Т.В., Есакова Н.П. *Прогнозы погоды и синоптико-климатологические исследования.* // *Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти.* – Л.: Гидрометиздат. 1967. СС. 30 – 33.
- ⁴³ Воронцов П.А., Селезнева Е.С. *Аэрологические исследования.* // *Главная Геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова за 50 лет Советской власти.* – Л.: Гидрометиздат. 1967. СС. 111 – 112.
- ⁴⁴ *Собрание законов, 1921. № 51. С. 289.*
- ⁴⁵ Никандров В.Я. *Первые шаги метеорологического дела в СССР.* // *Метеорология и гидрология.* 1970 г. № 4. С. 13.

*Сергей Евгеньевич Виноградов,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных
Сил Российской Федерации, старший научный
сотрудник научно-экспозиционного отдела,
кандидат исторических наук*

Линейные корабли «Петропавловск» и «Севастополь» в Кронштадском вооруженном восстании 1921 г.

События в Кронштадте, развернувшиеся в марте 1921 г., не раз привлекали внимание историков. Вооружённое восстание полуголодных матросов и солдат, или, как его было принято именовать в советской историографии, «мятеж», потрясло до основания большевистскую власть в России. Оно вынудило В.И. Ленина и его правительство перейти к новой экономической политике, поступившись устоями военного коммунизма. 2 марта 1921 г. в Кронштадте победило бескровное антиправительственное восстание, лейтмотивом которого стал лозунг «Власть Советам, а не партиям!». В данном сообщении приводятся результаты исследования об участии в восстании двух сильнейших кораблей Балтийского флота, волей судьбы оказавшихся в этот момент в Кронштадте.

Линейные корабли (линкоры) «Петропавловск» и «Севастополь» относились к типу дредноутов типа «Севастополь», построенных на казённых верфях в Петербурге в 1909–1914 гг. Вся серия состояла из 4 единиц, но ещё два корабля («Гангут» и «Полтава») на момент начала восстания находились в ремонте (с октября 1920 г.)

в Петрограде и реальной боевой силы не представляли¹. Таким образом, дислоцировавшиеся в Средней гавани Кронштадта два линкора являлись сильнейшими на тот момент боевыми единицами красного Балтийского флота. Основная ударная сила каждого из кораблей была представлена 12 12-дюймовыми (304,8 мм) орудиями, которые могли посылать снаряды весом около полутонны (470,6 кг) на дистанцию до 127 кабельтовых (23240 м). Внушительную силу в предстоящей борьбе представляли и 32 120-мм орудия линкоров (по 16 на каждом).

Несмотря на то, что многие бывшие корабли Балтийского флота были летом 1918 г. переведены в Петроград, в Кронштадте оставались основные силы бывшего царского Балтийского флота, в том числе, тяжёлые корабли – линкоры и крейсера, большинство из которых находились в состоянии долговременного хранения, со снятыми экипажами и боезапасом. Однако на обоих дредноутах имелся полный штат экипажа («Севастополь» – 1020 чел., флагманский «Петропавловск» – 1257 чел.) и необходимый боезапас (1201 и 845 12-дм снарядов, соответственно 100

и 75%)². Корабли поддерживались в состоянии, позволяющем им решать основные боевые задачи. Организационно оба они были сведены в 1-ю бригаду тяжёлых кораблей Балтфлота, начальником которой состоял «военмор» («военный моряк»), бывший контр-адмирал С.Н. Дмитриев.

«Севастополь» стоял ошвартованный правым бортом к внутренней стороне стенки Средней гавани, «Петропавловск» – между ним и «рогаткой» Петровского дока. Сообщение между кораблями поддерживалось по сходням, переброшенным с их кормовых срезов на заведённые между ними и стенкой дока угольные баржи³. Командовали линкорами сравнительно молодые бывшие лейтенанты царского флота: «Севастополем» Б.А. Карпинский, «Петропавловском» – Б.И. Христофоров. Большой проблемой оставался топливный голод, вообще душивший в то время страну. На «Петропавловске» имелось всего 600 т угля (вместо штатных 1015 т), на «Севастополе» угля не было вовсе, энергией он питался от «Петропавловска», который сжигал для обогрева и выработки электричества, до 40 т угля в сутки.

Почти полтора месяца до этого моряки обоих линкоров волновались вследствие идущих из дома вестей об ужасах большевистской политики подрыва, расправах продотрядов над крестьянами, сопровождавшими изымание, порой подчистую, зерна и скота и чекистского террора над недовольными. В феврале ситуация усугубилась голодными забастовками рабочих Петрограда и ответными арестами.

28 февраля на «Петропавловске» общим собранием команды была принята известная антибольшевистская резолюция из 12 пунктов, главным из которых была ликвидация коммунистической монополии на власть и проведение свободных перевыборов в Советы. 1 марта она была поддержана общим собранием «Севастополя» и других кораблей, и в тот же день – собранием гарнизона на Якорной площади. На линкорах было упразднено верховенство большевистских комиссаров и избраны судовые комитеты, взявшие в свои руки всю полноту власти на кораблях. Центральный орган восстания – Временный революционный комитет возглавил матрос «Петропавловска» С.П. Петриченко. Комсостав на линкорах, примкнувший к восставшим, фактически остался в роли технически-исполни-

тельного органа, подотчётного их матросским комитетам⁴.

Таким образом, «Петропавловск» и «Севастополь» были с самого начала локомотивом восстания (первый – и его штабом), основным боевым ресурсом и движущей силой. Моряки обоих линкоров, которых подпитывал дух революционной кронштадтской вольницы 1917 г., своим актом открытого неповиновения большевистской деспотии пытались вернуть в Россию многопартийное демократическое народовластие; о возвращении к старорежимным порядкам, в чём их немедленно обвинила коммунистическая пропаганда, не было и речи.

Большевистское руководство, сразу и полностью осознав исходящую из Кронштадта угрозу своей монополии на власть, не собиралось идти ни на какие переговоры. Предсовнарком В.И. Ленин заявил проходившему в Москве X съезду партии о необходимости немедленного подавления восстания «любой ценой». К Кронштадту стали стягиваться надёжные части – преимущественно красные курсанты, подразделения ВЧК и интербригады; боеспособность прочих войск оставалась сомнительной.

В техническом отношении у большевиков было не так много средств, способных уравновесить оба мятежных дредноута. Единственный аналогичный противовес – два остальных линкора серии, «Гангут» и «Полтава», стояли в ремонте в Петрограде неготовые к бою. Стрелять по Кронштадту они теоретически могли только из кормовых башен, зарядание орудий производилось исключительно вручную, общая боеготовность оценивалась не менее чем в полтора месяца. Гораздо большую опасность представлял форт «Краснофлотский» (б. Алексеевский, или «Красная Горка») к западу от Кронштадта, на вооружении которого находилось 8 12 дм орудий, аналогичных находившимся на линкорах. Их дальность стрельбы была идентичной дальности действия крупнокалиберной артиллерии дредноутов, поэтому основная часть противоборства тяжёлых боевых средств обеих сторон свелась к дуэли между «Краснофлотским» и линкорами в Кронштадте.

Для штурма Кронштадта большевистскими руководителями были стянуты внушительные силы. Наркомвоенмор Л.Д. Троцкий срочно воссоздал 7-ю армию (свыше 45 тыс. штыков),

усилив её бронепоездами и авиаотрядами. Командующим был назначен М.Н. Тухачевский, незадолго до этого потерпевший поражение под Варшавой, ускорившее подписание невыгодного мира с возрождённой Польшей. На подготовку к штурму отвели 3 дня.

Бывший член Кронштадтского временного Ревкома И.Е. Орешин вспоминал: «В 6 часов 45 мин. вечера 7 марта, почти через неделю после свержения большевистской власти в Кронштадте, батареи правительственных сил с Севера – от Сестрорецка и Лисьего Носа первые открыли огонь по Кронштадту и его фортам. Ответный огонь фортов быстро привёл батареи красных к молчанию. Вслед за этим открыл огонь форт «Краснофлотский» из орудий по фортам, гавани и самому Кронштадту»⁵. В связи с предельной дистанцией ведения огня – около 130 км (почти 24 км) орудия стреляли с большим рассеянием, фактически не прицельно. Повстанцы с линкора «Севастополь» отвечали; так началась 10-дневная борьба батарей тяжёлых орудий, исход которой могло решить одно удачное попадание.

Осознавая тяжесть предстоящей вооружённой борьбы с правительственными войсками, силы которых были практически исчерпаемы, в Кронштадте рассчитывали продержаться хотя бы до таяния льда, что позволяло отделиться от «материка» широким водным пространством и дожидаться широкого, как полагали матросы, восстания рабочих в Петрограде. Поэтому были предприняты меры к догрузке на линкоры имевшихся скудных запасов топлива. На 1 марта оба корабля имели топлива (и нефти, и угля) до 10 – 12 марта. 8 марта начальнику бригады линкоров С.Н. Дмитриеву удалось с помощью портовых ледоколов организовать подход к линкорам баржи с жидким топливом и дредноуты приняли топлива ещё дней на 15 – 18⁶.

За два дня 7 и 8 марта по Кронштадту и рейду с мятежными линкорами было выпущено свыше 5000 снарядов (преимущественно из полевых 76-мм орудий). Линкоры отвечали по Краснофлотскому 12-дм калибром, а 120-мм орудиями обстреливали скопления большевистских войск на берегах Финского залива, нанося им чувствительные потери. «Петропавловск» бил из первых четырёх орудий левого борта по северному берегу Финского залива в районе Лисьего Носа и станции Горская, городу Сестрорецк, затем по

штурмовавшим Кронштадт с севера красным частям. «Севастополь» также стрелял 12-дм калибром по Краснофлотскому, всеми 120-мм орудиями правого борта – по красным войскам на южном берегу, а первыми двумя носовыми – по тем же целям на северной стороне, что и собрат.

Штурм, начатый в ночь на 8 марта по приказу Л.Д. Троцкого, уверенного, что мятежники выкинут белый флаг при первом же выстреле, провалился. Ураганный огонь с линкоров и фортов наносил атаковавшим по льду красным ужасающие потери. В полыньи от разрывов снарядов проваливались целые взводы, шансы на выживание в ледяной воде были мизерными; многие части отказывались идти в атаку.

Первый крупный штурм был отбит. С этого момента артиллерия красных не прекращала обстрела Кронштадта ни днём, ни ночью, ведя так называемый «беспокоящий огонь». Начала полёты красная авиация, когда это позволяла низкая мартовская облачность с редкими разводами и прояснениями. В полётной сводке осаждавших от 10 марта значится, что «красвоенлёт» Шмидт с высоты 400–500 метров сбросил бомбы на «Петропавловск», зафиксировав одно попадание в корму 10-фунтовой бомбы. Аэропланы бросали бомбы и обстреливали корабли из пулемётов, линкоры отвечали зенитным огнём⁷.

Пик восстания пришёлся на 9–10 марта, когда после отражения первого штурма был силён энтузиазм и боевой дух вставших во главе восстания матросов, жила надежда на поддержку извне, а в Кронштадт прибыла миссия американского Красного креста во главе с бывшим капитаном 1 ранга Российского флота и командиром «Севастополя» (04.1917–05.1918 гг.) П.В. Вилькеном. Он посетил «Севастополь», часто бывал в штабе восстания, подолгу беседуя о военных аспектах происходящего. 13 марта в Ревкоме обсуждался вопрос о дальнейшей тактике восставших в связи с трудным положением осаждённого Кронштадта. Было констатировано, что петроградские рабочие не откликаются на призывы кронштадтцев о помощи, что запасы продовольствия совершенно истощаются к 21 марта, кольцо осады сжимается вокруг крепости все сильнее и для спасения нужно решиться на какие-нибудь активные и энергичные действия ... «настроение мятежников, поднявшееся было с приездом барона Вилькена, быстро падало...»⁸.

Тем временем большевистские власти активизировались в преддверии решительного штурма Кронштадта. 7-я армия пополнялась надёжными частями, усиленными фронтовиками-коммунистами. Укреплялся тыл: в Петрограде было введено военное положение, рабочим произвели выдачи хлеба и «мануфактуры», из района города на юг, в Чёрное и Азовское моря, было отслано несколько эшелонов (около 8 тыс. чел.) из 32 тыс. военных моряков, которых власти подозревали в сочувствии восставшим⁹.

Форт «Краснофлотский» 11 марта докладывал о трудностях контрбатареинной борьбы с находившимися в Кронштадте линкорами: «Аэростат [корректировщик] повреждён ... Из-за расстрела пушек, различия партий порохов часть снарядов не долетает до цели». 12 марта: «Комфлот И.К. Кожанов находится на Краснофлотском ... главный минёр доложил по прямому проводу из Петрограда план устройства на льду залива у Толбухина маяка минных заграждений, чтобы не допустить внезапного нападения со стороны моря и ухода линкоров из Кронштадта. Получили согласие на это Тухачевского. Начали готовить специальную минную партию».

Вечером 16 марта произошло событие, сильно поколебавшее боевой дух команд дредноутов. В «Севастополь» с «Краснофлотского» попал 12-дм снаряд. Попадание пришлось по правому борту рядом с третьей башней (67-й шпангоут). Снаряд разорвался в момент прохождения верхней броневой палубы (50 мм), следующая под ним средняя палуба толщиной 37 мм была вмята и пробита осколками снаряда и обломками брони верхней палубы. Одним этим снарядом 14 человек было убито и 36 ранено – всего 50, т.е. около 5% численности экипажа.¹⁰ Этот чувствительный удар, хотя и являлся по сути случайным, произвёл на матросов сильное впечатление: наряду с крушением надежд на поддержку восстания рабочими Петрограда, голод и постоянные перекрёстные обстрелы красных с обоих берегов, восставшим была зримо явлена неумолимо приближавшаяся развязка. М.Н. Тухачевский ликовал: «Артсостязание показало наше превосходство, есть хорошее попадание в «Севастополь»¹¹.

В 3 часа ночи 17 марта начался генеральный штурм Кронштадта. Корабли и форты встретили атакующих ураганным огнём. Не считаясь с по-

терями, густые цепи красных вышли на лёд. Впереди шли наиболее надёжные и боеспособные войска, усиленные группами коммунистов, за ними – красные курсанты и в третьей волне – части ВЧК, готовые в любой момент вразумить заколебавшихся.

К полудню 17 марта «Кронштадт буквально весь оказался облеплен коммунистическими войсками. Не было места, куда бы они не проникли...»¹². В условиях подавляющего превосходства противника, в практически полном окружении, без надежды на успех, штаб восстания принял решение «отступить на форты Красноармейский и Тотлебен с тем, чтобы под прикрытием последних отступить на финляндский берег. Вечером того же дня соответствующее приказание штаба было получено на «Севастополе» и «Петропавловске».¹³ Штаб с ведома Ревкома приказал вывести из строя орудия на кораблях при помощи взрыва замков, а сами линкоры затопить. Однако заколебавшиеся команды кораблей, на которых вновь активизировались коммунисты (на «Севастополе» ни один не был арестован), при том, что большинство матросов уже не помышляло об активном сопротивлении и мыслило категориями сдачи, стремясь ничем не раздражать победителей, не дали исполнить это приказание.

Коммунисты на дредноутах быстро использовали замешательство и нерешительность команд и перехватили инициативу. Лишь небольшая часть команды «Петропавловска» (в основном артиллеристы, которым пощады от красных ждать не приходилось) во главе с командиром Б.И. Христофоровым успела покинуть корабль и уйти в сторону финского берега. Команды обоих кораблей почти в полном составе остались на местах. Ранним утром 18 марта отряды красных курсантов заняли оба дредноута.

В тот же день М.Н. Тухачевский доносил в Москву: «Бунт на «Петропавловске» и «Севастополе» оправдался, и моряки ещё ночью помогли нам занять город. Старые матросы и коммунисты броненосцев арестовали комсостав и сдались нам ... в общем полагаю, что наша гастроль здесь закончена, разрешите возвратиться во свояси»¹⁴. Бравурный тон командарма понятен: ему удалось реабилитироваться за неудачу под Варшавой и освободить большевистское руководство в Кремле от страха за свою монополию

на власть, в то время как два главных приза – линейные корабли – целыми и невредимыми попали в руки умиротворителей.

После осмотра дредноутов выяснилось, что их механизмы и котлы находятся в удовлетворительном состоянии. На «Севастополе» требовалось заменить около 35 кв. м палубы, повреждённой при попадании тяжёлого снаряда 16 марта. После поражения восстания, вследствие ухода комсостава «Петропавловска» и, отчасти, с «Севастополя» в Финляндию, последующего ареста оставшихся командиров на «Севастополе», линкоры оказались практически без командования и без специалистов (их недосчитывалось до 1000 чел.). Профильтровав матросов дредноутов, победители констатировали, что «в настоящее время [на 1 апреля 1921 г.] на «Севастополе» и «Петропавловске» имеются только командиры [новые, назначенные 29 марта], по 1 механику и по 600 человек команды и один механик вновь назначенный, команда же старого состава»¹⁵. Как следствие, предполагалось «укомплектовать комсоставом только «Севастополь», «Петропавловск» же считать как находящийся в резерве»¹⁶.

Согласно акту технического состояния обоих линкоров, на «Петропавловске» вся его 12-дм артиллерия была выведена из строя по причине полного расстрела стволов, все станки орудий оказались исправны, кроме двух, которые требовали капитального ремонта; с 6 по 17 марта корабль израсходовал 394 12-дм снаряда. Из 16 120-мм орудий 12 были исправны, у 4 имелось значительное выгорание, все станки требовали ремонта; корабль сделал 940 выстрелов. У всех 12-дм орудий «Севастополя» имелось сильное выгорание, 10 станков оказались исправны, 2 станка требовали текущего ремонта; корабль сделал 375 выстрелов. У 10 120-мм орудий имелось значительное выгорание канала, все станки исправны; сделано выстрелов 875¹⁷.

Сразу после Кронштадтского восстания линкоры были переименованы. «Петропавловск»

стал «Маратом», «Севастополь» – «Парижской коммуной» (приказ по флоту от 31.03.1921 г.)¹⁸. «Франкообразные» наименования объясняются празднованием большевиками в марте 1921 г. 50-летия Парижской коммуны, которое было проведено с большой помпой (заседания, митинги, уличные шествия, политкарнавалы) и сопровождалось газетной шумихой, призванной отвлечь внимание широких масс от только что утопленного в крови Кронштадтского восстания. Оба линкора были отбуксированы к заводам в Петроград, где на бывшем «Петропавловске» из башен вынули все расстрелянные 12-дм орудия, половина которых к зиме была заменена новыми. На бывшем «Севастополе» заменили 10 120-мм орудий¹⁹.

Оценивая участие линейных кораблей в Кронштадтском вооружённом восстании 2 – 17 марта 1921 г., следует отметить, что как при его завязке, так и в процессе контрбатареинной борьбы с фортом «Краснофлотский», отражении штурмов 8 и 17 марта, а также повседневной боевой работе корабли оставались краеугольным камнем обороны восставших, их основной силой. Оба дредноута внесли существенный вклад в борьбу восставших матросов, выпустив в сумме 769 12-дм и 1815 120-мм снарядов (соответственно 38 и 25% наличного на 3 марта боезапаса), что соответствовало уровню крупной операции. При этом в документах победителей отмечалась эффективность «судовой артиллерии <линкоров> ... которая принесла неисчислимый вред Рабоче-крестьянской Республике, отняв у неё убитыми и ранеными несколько тысяч честных красных бойцов...»²⁰.

Остаётся добавить, что прошедшие после подавления Кронштадтского восстания необходимый ремонт, а в 30-е гг. XX в. и обширную модернизацию, оба линкора долгие оставались основой РККФ, внося свой вклад в борьбу на море во время Великой Отечественной войны и пойдя на слом только в 50-е гг. XX в.

¹ РГАЭ, ф. 2097, Оп. 3, Д. 128, Л. 162.

² РГАВМФ, ф. р-1, Оп. 3, Д. 914, Л. 24.

³ РГАВМФ, ф. р-1, Оп. 3, Д. 891, Л. 2.

⁴ РГАЭ. ф. 3429. Оп. 6. Д. 1. Л. 56 – 57.

- ⁵ Орешин И.Е. *Кронштадт и его значение*. С. 72.
- ⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 1. Л. 60.
- ⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 530. Л. 219.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 1. Л. 62.
- ⁹ РГВА, Ф. 7, Оп. 2, Д. 530, Л. 107.
- ¹⁰ Эврич П. *Восстание в Кронштадте, 1921 год*. – М: Центрполиграф. 2007. СС. 196, 197.
- ¹¹ Командарм-7 Тухачевский – Главковерху Каменеву // РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 530. Л. 46.
- ¹² Орешин И.Е. *Указ. соч.* С. 74.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 1. Л. 62.
- ¹⁴ Командарм-7 Тухачевский – Главковерху Каменеву // РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 530. Л. 47.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 454. Л. 6.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ РГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 914. Л. 24.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 113. Л. 407.
- ¹⁹ РГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1101. Л. 25.
- ²⁰ Приговор Сессии окружного Реввоен трибунала от 20.03.1921 г. // *Кронштадтский мятеж*. – Л. 1931. СС. 247 – 249.

*Андрей Михайлович Егоров,
Россия, Псков, Псковский филиал
Академии ФСИН России, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
полковник внутренней службы*

Гражданская война и контрабандизм на северо-западе Советской России в начале 1920-х гг.

Чрезвычайные социальные потрясения, революция, распад Российской империи и тяжелые последствия жестокой гражданской войны негативно отразились на переговорах о территориальном размежевании между молодой Советской Россией и новыми прибалтийскими республиками. Перемещение государственного рубежа на территорию Псковщины неизбежно сопровождалось возникновением традиционных для пограничного региона проблем, одной из которых является контрабандизм. Однако его масштабы на Северо-Западе в начале 1920-х годов прошлого века придали этому явлению небывало острый характер и чрезвычайный политический резонанс.

Указанный период характеризовался тяжелым социально-экономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж новой власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок промышленности и сельского хозяйства в результате первой мировой и гражданской войн, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порож-

дали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и контрабандной торговли, которая в пограничных районах превращалась в устойчивый криминальный бизнес¹.

Обычным явлением для России первой половины 20-х гг. XX в. являлось так называемое «мешочничество». Ежегодно массы горожан устремлялись в сельскую округу, на Украину и Кубань, в Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально большинство из них гнал в дорогу голод и желание выменять на имеющиеся вещи продукты питания. Это движение было хорошо известно и на Северо-Западе России.

Однако здесь это движение не всегда сопровождалось обычным обменом вещей на продукты питания. Многих приезжих привлекала возможность заполучить импортные товары. Их притягивала граница, и местные жители довольно быстро осознали выгоду своего положения. Следует особо учесть, что приграничное население довольно сильно пострадало в результате боевых действий 1918–1920 гг. На

Изборском направлении, например, была выжжена значительная часть деревень. Но уже к 1923 г. здесь выросли фактически новые поселки с домами на каменных фундаментах и хозяйственными постройками из плитняка². Их хозяева даже не отрицали, что средства на строительство зачастую добывались ими благодаря занятию контрабандой.

Подавлению контрабандистского промысла в среде местного населения препятствовали жестокий товарный дефицит, а также отсутствие постоянных источников дохода у крестьян и безработица горожан. Люди, пытавшиеся выехать в поисках работы в крупные города России, часто возвращались назад ни с чем. Не легче оказалось вести и натуральное хозяйство. Сами пограничники отмечали в своих письмах: «Мужика обчистили как липку... Рыбаки отказываются ехать ловить... Нет ни одежды, ни обуви, а на озере плохо без этого работать». Переписка, изымавшаяся Особым отделом, содержала характерные замечания: «Только дали на два года по фунту соли, да по шесть фунтов керосина. А ситца не дают и давать не думают... Если можно, то поживи, Вася, в Германии»³.

Попытки советских властей создать административные преграды и запретить свободный доступ к пограничному рубежу вызывали порой резкое неприятие местного населения. Установленная в 1920 г. у граница нарушила привычный уклад, в частности, псковской деревни. Вчерашние соседи, родственники неожиданно для себя оказались гражданами разных государств. Естественно, людям трудно было привыкнуть к своему новому статусу, а тем более разорвать устоявшиеся традиционные связи. Официальные увещевания оставались малодейственными. В письмах красноармейцев тех лет можно встретить характерные свидетельства по данному поводу: «Настроение крестьян очень плохое, если что скажешь им, то чуть в глаза не плюют, так что, когда и политруки приходят, то нисколько не слушают, так что и жизнь плохая»⁴.

Жесткие административные методы воздействия, вроде круговой поруки или отселения наиболее злостных нарушителей режима из пограничной полосы, давали порой нежелательный для властей побочный эффект. «В деревне крестьяне очень скверные ... По деревне идешь – закрывают двери», – такими и подобными им вы-

ражениями пестрели письма красноармейцев, дислоцировавшихся в пограничных районах⁵. Массовый контрабандизм являлся своеобразным барометром, который чутко реагировал на экономическое положение населения. В связи с этим начальник Псковского ОГПУ Невернов еще в середине 1920-х гг. считал, что окончательно закрыть границу на замок и ликвидировать промысловый контрабандизм можно лишь при условии развития производства и снижения цен на товары внутри страны⁶.

Контрабандные операции осуществлялись с широким размахом на всем протяжении северо-западной границы, начиная от Мурманского края и заканчивая прибалтийским участком. На Севере контрабанда перемещалась командами и владельцами русских парусных судов, иностранными моряками, кочующими племенами самоедов и лопарей⁷. Но ее ассортимент здесь был достаточно ограничен, а объем относительно невелик. Зато южнее контрабандизм приобрел все более организованные формы и значительные масштабы. Порой в него вовлекались ответственные должностные лица. В качестве канала нелегального товарообмена ими активно использовался железнодорожный транспорт. Себежская администрация, например, намеренно отправляла в Латвию бракованный подвижной состав. За границей такие вагоны не принимались, печатавались и перегонялись обратно. По существовавшим правилам отбракованный состав не проходил специального таможенного досмотра. Поэтому перед отправкой назад в него закладывался контрабандный груз⁸. Разумеется, совершать подобные манипуляции можно было только по предварительному сговору с зарубежными коллегами.

Однако контрабандизм первой половины 1920-х гг. представлял собой угрозу не только экономическим интересам страны. Зачастую он был тесно связан с преступлениями против порядка государственного управления и прямо нарушал основы пограничного режима на Северо-Западе.

Достаточно опасные группировки контрабандистов, занимавшихся переправкой в Россию нелегального спирта, базировались на южном побережье Финского залива. Особенно дерзко они действовали в Сойкинской, Кирновской и других волостях Кингисеппского уезда. По свидетель-

ствам очевидцев, с деревьев на берегу залива местные контрабандисты подавали условные сигналы в направлении Финляндии или Эстонии, после чего в советские территориальные воды входили быстроходные иностранные катера. Приближаясь к берегу, они обстреливали пограничные посты и выбрасывали в воду порой сотни бидонов со спиртом⁹. Окрестные жители вылавливали их, прятали в лесах, а затем составляли целые караваны и под усиленной охраной отправляли в тыл. При этом задержанные контрабандисты были так уверены в силе своих организаций, что очень редко соглашались выдавать сообщников.

Наиболее привлекательными для контрабандистов были пограничные районы, приближенные к крупным потребительским центрам – прежде всего к Петрограду и Москве. Поэтому идеальным коридором для транзита контрабанды на северо-западе страны оказалась почти равноудаленная от обеих столиц Псковская губерния. По сведениям ОГПУ, в данный промысел была вовлечена значительная часть населения Псковского, Островского, Опочецкого и Себежского уездов¹⁰.

В этот период отчетливо проявилась тенденция к профессионализации псковских контрабандистов. Контрабандисты-одиночки, пытавшиеся таким образом удовлетворить свои личные потребительские запросы, довольно быстро трансформировались в «промысловиков», зачастую объединяясь в устойчивые преступные группы. Они работали по найму, получая за доставку контрабандного товара от 10 до 25 % его стоимости – в зависимости от объема партии, расстояния ее доставки и степени участия отдельных сообщников¹¹. Существовали и сплоченные команды, которые не только ходили за границу, но и доставляли товар к месту сбыта в крупные города России, где самостоятельно его реализовывали.

Первоначально эффективной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали вооруженность и хорошая организованность последних. Для нейтрализации действий пограничной охраны контрабандисты устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные пункты и даже засады¹². Малочисленные дозоры красноармейцев не всегда могли совладать с такими сообществами.

Порой контрабандисты курсировали в районе границы совершенно открыто. Начальник таможенного поста № 27 на острове Талабск (Залита) в Псковском озере, например, отмечал зимой движение по льду на участке его ответственности целых обозов в несколько саней, сопровождаемых вооруженными людьми¹³.

Контрабандный промысел на Псковщине оказался очень рентабельным. Поэтому переход государственной границы носил массовый характер. Особенно заметно это было на псковско-эстонском рубеже, обозначенном проволочными заграждениями шириною в три кола. Вся колючая проволока здесь, начиная от стыка с латвийской границей и вплоть до Псковского озера, была увешена клочьями льна, оставшимися при протаскивании его местными жителями через заграждения¹⁴. Проведенная Псковским губернским отделом ГПУ весной 1923 г. проверка констатировала, что граница фактически открыта как для контрабандизма, так и для шпионажа¹⁵.

Аналогичная ситуация в данный период сложилась и в районе Псковско-Чудского водоема. В период навигации контрабандистские рейсы здесь осуществлялись в основном силами местных рыбаков, которые прятали товар в прибрежных камышах. Зимой на лед выходили жители более удаленных от границы волостей и уездов. Иногда появлялись «представители» соседних губерний. Наиболее частыми гостями такого рода являлись выходцы из Лужского уезда Петроградской губернии.

Чаще всего маршрут контрабандистов лежал между устьем реки Великой и Талабскими островами. Сборными пунктами для них на восточном берегу Псковского озера служили деревни Абижа, Жидилов Бор, Черново, Ершово¹⁶. На побережье Псковско-Чудского озера в пределах Гдовского таможенного участка контрабандисты двигались, как правило, через деревни Рудница, Самолва, Мтешь, Теребище, Балсово и Немолва, а затем переправлялись на эстонский берег через узкий пролив, именуемый Теплым озером. Севернее Гдова они концентрировались в районе деревень Писковицы, Локоть, Орел¹⁷.

От побережья Псковского озера контрабанду доставляли к железнодорожным станциям или шоссейным дорогам на линии Псков – Петроград или Псков – Бологое. От Чудского озера она шла в направлении Кингисеппа (бывшего Ямбурга)¹⁸.

Активность контрабандистов поощрялись прибалтийскими правительствами, за которыми стояли влиятельные деловые и политические круги западных стран, прежде всего Великобритании. В январе 1920 г. на Верховном Совете союзников английский премьер-министр Ллойд Джордж заявил, что страны Антанты готовы торговать с русским народом, но не с советским государством¹⁹. Это же самое он повторил в феврале на заседании парламента, предлагая «спасти» Россию с помощью торговли – раз не удалось «восстановить» ее силой. Предлагаемая торговля должна была способствовать стихийному установлению рыночных отношений и стимулировать вовлеченных в них социальных групп советской власти. Объясняя эту идею, заведующий отделом Североевропейским отделом МИД Великобритании Д. Грегори высказывал надежду, что таким образом удастся подорвать «экстремистские формы» большевизма изнутри²⁰. Данная миссия возлагалась на филиалы западных фирм в Прибалтике.

В начале 1920-х гг. контрабандная торговля на время была легализована Эстонией и Латвией посредством учреждения так называемых «транзитных лавок», которые располагались буквально в нескольких шагах от пограничного рубежа и функционировали по колониальному принципу: т.е. промышленные товары менялись в них на сырье по весу. Будучи лично заинтересованными в прозрачности границы, лавочники часто организовывали провокации и являлись подстрекателями неоднократных обстрелов войсковых нарядов местными контрабандистами.

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка на северо-западной границе, особенно на ее псковском участке, создавала благоприятные условия для активной деятельности различных антисоветских элементов. Сказывалась и близость Прибалтики, являвшейся частью так называемого «санитарного кордона». Политикам Запада она мыслилась в качестве барьера, препятствующего распространению коммунистических идей. Но особенно беспокоило Москву то обстоятельство, что на территории Эстонии и Латвии образовались русские контрреволюционные и оппозиционные центры, обладавшие связью с населением по другую сторону северо-западной границы. В их составе было достаточно много выходцев из Псковской

губернии. Люди, ушедшие оттуда в Прибалтику с белыми и оставшиеся после гражданской войны на Псковщине, иногда были связаны родственными узами, являлись хорошими знакомыми, соседями, подчас с детства знавшими друг друга. Время от времени они обменивались информацией посредством писем, а иногда и личных встреч – легче всего это удавалось делать рыбакам на Псковско-Чудском озере²¹.

Подобные контакты не могли не оказывать определенного влияния на политические умонастроения Псковского края. В пограничных уездах циркулировали слухи о непрочности советской власти, о близкой войне, о походе английской эскадры на Кронштадт, об отделении Украины и т.п. Сводки ОГПУ с тревогой отмечали упорно повторяемый слух о том, что скорая война свергнет советскую власть. Нехватка хлеба объяснялась его отправкой за рубеж для подкупа соседних государств с целью предотвратить вооруженное свержение ими большевистского правительства. В ряде мест слышалось восхваление порядков соседних буржуазных стран. Особый упор при этом делался на дешевизне товаров²².

Одним из источников антисоветских слухов являлись лица из числа ушедших в Прибалтику, которые иногда тайно наведывались в родные края. Ночные гости из-за кордона не всегда ограничивались только устной агитацией, но и она воспринималась советскими властями чрезвычайно болезненно.

Особую опасность представляли диверсионные группы, действовавшие по заданию так называемого «Союза защиты родины и свободы», во главе которых стоял эсер Савинков. В период с 1921 по 1924 гг. в одной Псковской губернии они осуществили целую череду актов саботажа, которые сковывали работу советских и партийных ячеек. Ставка на привлечение для борьбы с нарушителями демобилизованных красноармейцев иногда не срабатывала. Позволим себе всего одну цитату из письма демобилизуемого пограничника: «Ты пишешь, чтобы я привез наган, нам ведь не так просто взять. Надо тогда записаться в партию – тогда и дадут, а в партию записываться страшно...»²³. В Великолукском, Холмском, Псковском и Порховском уездах савинковцы пользовались поддержкой некоторых кругов местных крестьян. Периодически они появлялись в районе Новоржева, Опочки и пр.

Борьбу с различного рода нарушителями границы серьезно затрудняло отсутствие развитой пограничной инфраструктуры. Пограничные кордоны располагались далеко друг от друга. Связь часто нарушалась или вовсе отсутствовала. Государственный рубеж был слабо обозначен на местности. Планомерная расчистка пограничной полосы шириной в 150 сажений начала проводиться лишь с 1925 г. Военнослужащие были расквартированы по крестьянским избам и в силу материальной необеспеченности иногда попадали под влияние хозяев.

Сводки Особого отдела, изучавшего настроение пограничников, пестрели выдержками из их писем типа: «У нас солдаты ходят и просят милостыню...»; «десятый день живем подаванием от хозяина, а своего нет»; «видно, что забыли наши товарищи, что мы защитники пролетариата»; «...голодно. Надоела эта проклятая служба»; «...пришлите мне чего-нибудь съестного, а то гибель своей жизни. Если это продолжится долго, то я убегу дезертиром в Москву работать, как работал раньше»²⁴.

Впрочем, встречались и другие письма: «Жить весело. Если пропустишь спекулянта, он тебе даст и соли, и свинины, и мяса...» Некоторые военнослужащие открыто признавались в том, что разжились на границе продуктами, одеждой, сапогами и т.п. Но уже в пяти верстах от нее витали совершенно иные настроения: «На позиции можно хоть пограбить, а в тылу плохо. Наверное, пропадем как мухи от голода и холода»²⁵. Как следствие – страдала дисциплина пограничников. Иногда отмечались случаи дезертирства или самовольного ухода дозорных с постов. Пользуясь редкой цепью погранохраны или попустительством с ее стороны, нарушители почти открыто пересекали границу даже в дневное время.

Тем не менее, система пограничного контроля постепенно совершенствовалась. Некоторое время охрана государственной границы осуществлялась строевыми частями Красной Армии. Но уже в середине 1923 г. формируются подразделения пограничной охраны губернских представителей ГПУ. А в 1924 г. эти органы и войска объединяются в единый аппарат погранохраны ОГПУ.

Данная реорганизация положительно сказалась на укреплении пограничного режима. В

Псковской губернии первые пограничные городки начали закладываться в 1923 г. Однако еще в 1926 г. на 37 застав и 8 комендатур Себежского, Островского и Псковского погранотрядов приходилось всего 17 готовых к эксплуатации зданий²⁶. В условиях подобной неустроенности закрыть границу без содействия со стороны гражданского населения было довольно сложно.

К середине 1920-х гг. по инициативе государства все настойчивее начали предприниматься шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и пограничными властями. В июле 1925 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина прошло заседание специальной комиссии, на котором было принято принципиальное решение о необходимости интенсивного социально-экономического развития приграничных районов страны. Контролировать выполнение поставленной задачи на Северо-Западе России, Украине и в Белоруссии было поручено Я.В. Полуянову. В интересующем нас регионе соответствующую работу координировало Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б).

Для детального обследования пограничных районов при нем была создана специальная комиссия в составе: Русанова, Москвина, Мессинга, Струппе (секретарь Псковского губкома), Ярвисало, Саакова и Кондратьева²⁷. Вопросы борьбы с контрабандой и бандитизмом в этой комиссии курировал начальник полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе С.А. Мессинг.

К началу августа 1925 г. губернские комитеты партии, в том числе и псковский, обязаны были передать туда перечень неотложных мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного состояния пограничных уездов. Среди указанных мер особое внимание первоначально отводилось оказанию семенной и продовольственной помощи гражданскому населению, снижению его налогообложения, увеличению средств райсоюзов всех видов кооперации, стимулированию мелкой торговли, интенсивному казарменному и дорожному строительству в приграничной полосе, а также развертыванию там сети просветительских учреждений.

Согласно ПП ОГПУ в ЛВО № 173 и последовавшему за ним распоряжению Псковского губернского отдела ОГПУ № 261 начальники по-

гранотрядов были обязаны не только вести разъяснительную работу среди местных крестьян, но и оказывать им посильную материальную помощь. С этой целью осенью 1925 г. в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом: «Погранохрана лицом к деревне»²⁸.

В целом социальная поддержка гражданского населения положительно сказывалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 г. Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20–25 % задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных должно было давать негласное сотрудничество.

Однако подобные доверительные отношения складывались все же не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой приграничной полосой продолжали процветать «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента». Не изменилось и отношение многих крестьян к контрабандизму. Человек, отозвав-

шийся отрицательно о контрабандистах, терял в их среде всякое доверие. Его автоматически причисляли к «агентам», «сыщикам», «тайникам» и «вредили при всяком удобном случае»²⁹. Такое различие в настроениях населения официальные лица объясняли нехваткой ресурсов для устройства «полной советской общественности» за пределами пограничной полосы³⁰.

Действительно, в силу ограниченности средств на местах, усиленное снабжение пограничных районов хлебом, промышленными товарами, строительным лесом и многими другими материалами шло за счет урезания запросов внутренних районов Псковского края. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов и других финансовых льгот. Административно-хозяйственная поддержка такого рода, конечно, не была рассчитана на быструю социальную регенерацию приграничных уездов в целом. Не случайно после переноса государственной границы далеко на запад и перехода Псковского края в разряд «тылового», они сами надолго превратились в неперспективную глубинку.

¹ Иванов В.А. *Хозяйственно-экономическая ситуация на Северо-Западе России во второй половине 20-х годов: проблемы борьбы с контрабандой* // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 1 (1), 1996. С. 62.

² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 66.

³ Там же. Д. 213. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 9-22.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

⁷ Там же. Д. 38. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Д. 101. Л. 34.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 35.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р1125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 33.

- ¹⁹ Почс К.Я. «Санитарный кордон» : прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921-1929 гг.). Рига, 1985. С. 34.
- ²⁰ Там же. С. 37.
- ²¹ ГАПО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 228. Л. 11.
- ²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 322.
- ²³ Там же. Л. 21.
- ²⁴ Там же. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Д. 304. Л. 45.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 213. Л. 88.
- ²⁷ См. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 43.
- ²⁸ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 394. Л. 470.
- ²⁹ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.
- ³⁰ Там же.

*Алексей Владленович Булыгин,
Россия, Монино, Филиал ФГБУ «ЦМВС РФ»
Минобороны России «Центральный музей
Военно-воздушных Сил», научный сотрудник,
кандидат экономических наук, доцент*

Авиация в годы Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

В тревогах дней нынешних, в тумане идеалов, царящих сегодня, – тема гражданской войны – это неизлечимая, незаживающая рана, которая совсем недавно стала-таки затягиваться, стираться и теряться в сердцах людей. Сегодня заботы и стремления оказались у всех настолько разными, что обществу не до «отягощения памяти» своей историей. Вот почему недостаточное и одностороннее знание истории гражданской войны в России и подлинных мотивов, которые двигали всем участвовавшими в ней сторонами, может в очередной раз обернуться крупными бедами для страны.

Важность этой темы следует подчеркнуть словами публициста, писателя, философа Александра Ивановича Герцена (1812–1870): «Изучение истории подобно восхождению на возвышенность, с которой виден не только пройденный путь, но и дорога в будущее» ...

Гражданская война – это величайшая трагедия России. В этой войне каждый отстаивал свое понимание справедливости. Невольно втянут в эти события был личный состав воздушного флота русской армии. Часть его участвовала во внутрироссийских распрях как на стороне красного, так и белого движения, причем неоднократно

меняя свои воззрения и переходя на другую сторону...

Накануне Октябрьской революции воздушный флот России представлял собой внушительную силу.

В него входило свыше 300 различных частей, в том числе 14 авиационных дивизионов, 91 авиотряд (44 корпусных, 4 артиллерийских, 4 крепостных, 12 армейских, 24 истребительных и 3 штабных), Эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец» (4 боевых отряда), 87 воздухоплавательных отрядов, 32 гидроотряда, 11 авиационных и воздухоплавательных школ, дивизион корабельной авиации, а также многочисленные поезда-мастерские, авиабазы, авиапарки, воздухоплавательные парки и т.д. В этих частях насчитывалось до 35000 солдат и офицеров и около 1500 аэропланов различных типов.

Руководство воздушным флотом распределялось между тремя центральными органами. Авиацией внутренних военных округов, учебными заведениями, организацией снабжения фронтовых частей и закупкой авиатехники ведало Управление воздушного флота (Увофлот), подчинявшееся военному министру. После Февральской революции во главе Увофлота стоял

профессор Николаевской военно-инженерной академии генерал-майор Д.В. Яковлев.

15–19 ноября 1917 г. совместная комиссия Бюро и Авиасовета провела радикальную чистку Увофлота. Из его аппарата уволили свыше 50 «политически неблагонадежных» офицеров и специалистов.

Пока в центральных авиационных штабах кипели «страсти по власти», фронтовые отряды жили своей, безмерно далекой от этой суеты жизнью. А если точнее, они доживали последние дни. Сразу после революции большинство пилотов надеялось, что «этот бардак» продлится неделю, ну от силы – две. А потому они по мере сил продолжали выполнять свой воинский долг. Несмотря на растущую волну дезертирства и обвальное падение дисциплины среди нижних чинов, многие авиаторы по-прежнему совершали боевые вылеты и даже сбивали вражеские самолеты.

Уже на второй день после Октябрьского восстания В.И. Ленин ставит задание об использовании авиации, а на четвертый день в Смольном организуется первая революционная ячейка управления авиацией – Бюро комиссаров авиации и воздухоплавания. Штаб Бюро немедленно приступил к организации охраны авиационного имущества, формированию в Петрограде авиационных отрядов и отбору для них надежных кадров.

В декабре 1917 г. по указанию В.И. Ленина создается Всероссийская коллегия по управлению воздушным флотом республики. Это был централизованный орган коллегиального руководства, принятого в то время во всей армии. Коллегия объединяла все отрасли воздушного дела и осуществляла руководство авиационными предприятиями. Ей была подчинена

28 октября 1917 г. по указанию В.И. Ленина был сформирован первый социалистический авиаотряд. В течение ноября и декабря 1917 г. в Петрограде было сформировано еще пять авиаотрядов. Далее формирование авиационных частей пошло быстрыми темпами. К началу мая 1918 г. в распоряжении республики по подсчетам Военно-хозяйственного совета имелось всего около 1000 самолетов, в большинстве своем иностранных марок. Из них в строю находилось 300 аппаратов, остальные – на различных складах и заводах. Двигатели на самолетах были изношены.

В марте 1918 г. на Центральном московском аэродроме начала работать «летучая лаборатория», проводившая исследования, направленные на улучшение качеств самолетов и двигателей.

В мае того же 1918 г. по указанию Ленина учреждается Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота (Главвоздухофлот), которое руководит военными воздушными силами страны.

А уже осенью 1918 г. Ленин поддерживает инициативу Николая Егоровича Жуковского о создании Центрального аэрогидродинамического института – знаменитого впоследствии ЦАГИ, возглавившего в стране авиационную науку.

В декабре 1918 г. основан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), ставший впоследствии крупнейшим в мире центром авиационной науки. Его возглавил выдающийся русский ученый Николай Егорович Жуковский.

В 1919 г. открыл двери для трудящихся авиационный техникум, вскоре реорганизованный в Институт инженеров Красного воздушного флота, а в 1922 г. в Военно-воздушную инженерную академию, вырастившую целую плеяду ученых и конструкторов.

21 сентября 1920 г. создается научно-опытный аэродром для испытаний новой авиационной техники.

Советское правительство и лично В. И. Ленин большое внимание уделяли Военно-воздушным силам. Только за 1918-1919 гг. Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным написано более 200 документов по вопросам авиации.

С большими трудностями решалась проблема укомплектования авиационных частей летными кадрами. Добровольческий принцип комплектования позволил привлечь в Красный Воздушный Флот силы старого воздушного флота России. Это были летчики-солдаты, мотористы и небольшое число бывших офицеров (летчиков, летчиков-наблюдателей и воздухоплателей). К концу 1918 г. в Воздушном Флоте страны было 269 летчиков и 59 летчиков-наблюдателей.

Владимир Ильич Ленин много раз давал конкретные указания о боевом применении авиации. В 1919 г. белогвардейская конница Мамонтова, совершив прорыв Южного фронта, создала угрозу для Москвы. По инициативе Ленина была

создана авиагруппа особого назначения – сильный авиационный кулак, нанесший вражеской кавалерии ряд чувствительных ударов. Широко известна относящаяся к этому времени записка Владимира Ильича Троцкому и Склянскому о штурмовке вражеской конницы с бреющего полета. Именно штурмовка колонн белой кавалерии сыграла большую роль в борьбе с мамонтовским корпусом. Не менее ценными были и разведывательные полеты красных летчиков, следивших за каждым шагом белогвардейских частей.

Весной 1918 г. из остатков авиаотрядов старой армии, расквартированных в разных городах России, началось создание (пока еще на добровольной основе) новых боевых отрядов красной авиации. Эти отряды получали названия по местам первичной дислокации: «Смоленские», «Орловские». «Тульские», «Калужские», «Московские» и т.д. Другие авиачасти (прежде всего те, которым удалось в значительной мере сохранить свой состав) поначалу носили прежние обозначения, унаследованные с дореволюционных времен (5-й, 12-й и 15-й истребительные, 1-й, 8-й, 11-й, 12-й, 18-й и 22-й корпусные и некоторые другие отряды).

Рабоче-Крестьянский Красный Воздушный Флот (РККВФ) состоял из авиационных и воздухоплавательных отрядов, которые являлись основной тактической и организационной единицей (частью).

Приказом Л.Д. Троцкого от 15 мая 1918 г. был установлен штатный состав авиаотряда: 6 самолетов, 4 автомобиля, 5 повозок и 113 человек личного состава. На практике же эти цифры сильно варьировались, причем, как правило – в меньшую сторону. На фронтах Гражданской войны нередко встречались отряды с тремя-четырьмя, а порой и всего с одним самолетом. Из нескольких авиаотрядов с лета 1918 г. могли формироваться авиационные группы – временные оперативные соединения, предназначенные для концентрации авиасил под единым руководством на отдельных направлениях.

В группу входило от 2-3 до 10 авиаотрядов. В апреле была создана Балтийская воздушная бригада – первое соединение морской авиации в составе восьми гидроотрядов, сведенных в три гидродивизиона.

Решающим шагом в формировании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и Рабо-

че-Крестьянского Красного Воздушного Флота (РККВФ) стало введение указом ВЦИК от 29 мая 1918 г. всеобщей воинской повинности.

Так, если весной 1918 г. в составе Северного фронта было 6-7, то летом 1920 г. в составе Западного фронта – 29 авиаотрядов.

В 1918–1920 гг. в целях массированного применения сил и средств РККВФ на главном направлении боевых действий войск фронтов и армий авиаотряды сводились в авиационные группы (2-10 авиаотрядов в каждой).

Так, в сентябре 1918 г. в составе Восточного фронта действовали 4 авиагруппы, а в составе Южного фронта осенью 1920 г. – две авиагруппы. К концу 1920 г. в Красной Армии было 16 авиагрупп, которыми командовали: Ю. А. Братолюбов, А. Т. Кожевников, С. Я. Корф, И. У. Павлов, И. И. Петрожицкий, И. К. Спатарель, М. П. Строев и др.

Самолеты «Илья Муромец» сводились в авиационный дивизион, который подчинялся главному командованию Красной Армии.

В воздухоплавательном отряде имелся один привязной аэростат. В августе 1919 г. в Красной Армии имелось 67 авиационных и 28 воздухоплавательных отрядов, дивизион самолетов «Илья Муромец», авиагруппа особого назначения.

Снабженческой и ремонтной базой авиации фронта был авиапарк (мастерские, склад, гараж, другие подразделения), а армейской – авиапоезда-мастерские (до 30 вагонов).

Самолетный парк Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота пополнялся главным образом за счет ремонта и строительства самолетов и двигателей на советских авиапредприятиях, а также частично за счет трофейных самолетов.

На вооружении Красного Воздушного Флота имелись самолеты «Ньюпор», «Фарман» (Рис.1), «Сопвич» (Рис.2), «Вуазен» (Рис.3), «Илья Муромец» (Рис.4), «Лебедь-12», летающие лодки М-5 и М-9 и др. Их тактико-технические данные отличались большим разнообразием. Максимальные скорости полета самолетов находились в пределах 115–200 км/ч, практический потолок 4000–5000 м, вооружение, как правило, 1–2 пулемета.

Ведение маневренных военных действий на огромных по размеру ТВД требовало строительства самолетов-бомбардировщиков, имевших большой радиус действия, а также разведчиков. Самолеты были деревянной конструкции с по-

Рис. 1. Фарман

Рис. 2. Сопвич

лотняной обшивкой, открытой кабиной и неубирающимся шасси.

Всего на вооружении авиации было до 40 образцов самолетов, что крайне затрудняло их ремонт, снабжение запчастями и горюче-смазочными материалами, организацию боевых действий авиационных частей.

В числе множества важнейших и сложных задач, которые с первых же дней организации белого движения встали перед его военно-политическим руководством, было создание воздушного флота. Деятельное участие в его создании приняли и наиболее видные представители авиации старой русской армии: А.А. Казаков, В.М. Ткачев, С.А. Бойно-Родзевич и др.

Военное руководство белых рассматривало авиацию не только как величайшее достижение научно-технического прогресса, а прежде всего как средство решения боевых задач в интересах сухопутных войск. Воздушный флот белых армий создавался в боевой обстановке.

Организационная структура авиационных частей была типичной для того времени, исходя из опыта Первой мировой войны: ее основу составляли авиаотряды (по 4–8 самолетов в каждом). Они, в свою очередь, сводились в авиадивизионы – по 2–3 отряда.

Таким образом, начав Гражданскую войну в составе нескольких десятков самолетов в качестве средства воздушной разведки и связи, к середине 1919 г. авиационные силы белого движения превратились в реальную силу (см. таблицу №1), помогавшую сухопутным войскам на всех фронтах в решении поставленных перед ними задач.

Воздушный флот белых армий пользовался услугами иностранных государств не только в материальном плане. Не ограничиваясь посылкой вооружения и снаряжения, союзники направляли в Россию свои авиационные миссии, действовавшие в качестве советников, инструкторов, летчиков. Две авиачасти Королевских Британских воздушных сил поддерживали Добровольческую армию на Южном фронте, четыре английских авиационных отряда принимали участие в боевых действиях на Северном фронте, один авиаотряд французских летчиков и один чешский отряд воевали на Восточном фронте.

Державы Антанты также оказывали помощь в подготовке летного состава. Так, в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича были летчики после реэвакуации из германского плена, прошедшие переучивание в Англии. Задачи по переподготовке летчиков в армии А.В. Колчака выполняли французские инструкторы.

Однако, в условиях гражданской войны командованию белых армий не удалось наладить надежную систему в подготовке авиационных кадров, прежде всего по причинам слабой организации, отсутствия слаженных действий и недостаточного материального снабжения.

Воздушному флоту белых армий пришлось решать поставленные задачи в условиях противодействия авиации РККА. Она состояла к 1 января 1920 г. из 69 авиационных отрядов. В полосе одного фронта действовало от 6 до 29 авиаотрядов (от 35 до 180 самолетов) советского Военно-воздушного флота. Соотношение сил авиации в большинстве случаев всегда было в пользу Красной армии (см. таблицу №2). Объяснялось это

Рис. 3. Вуазен

Рис. 4. Илья Муромец

прежде всего преимуществом централизованного руководства РККВФ и возможностью командования РККА распределить авиационные отряды в соответствии с условиями боевой обстановки, перебазировав их с одного фронта на другой.

В то же время руководство белой авиацией было децентрализовано, плохо скоординировано.

Борьба за господство в воздухе, по опыту мировой войны, велась только путем уничтожения самолетов противника в воздушных боях. Всего за годы гражданской войны был произведен 131 воздушный бой между красными и белыми летчиками (см. таблицу № 3). Незначительное напряжение воздушных боев объясняется тем, что обе стороны располагали небольшим составом авиации, не имели службы воздушного наблюдения, оповещения о самолетах (ВНСО) и радиосвязи с самолетами. В результате этих боев белая авиация на всех фронтах потеряла 20 самолетов (один в 1918 г., семь в 1919 г., 12 в 1920 г.), а сбила только два. Такую статистику советская историография объясняет тем, что во многих случаях белые летчики стремились уклониться от воздушного боя.

По мнению многих авторов, малое число сбитых советских самолетов никак нельзя объяснить отсутствием профессионализма и, тем более, трусостью. Скорее всего из этого следует только один вывод – они не хотели уничтожать друг друга в небе родного Отечества. По-видимому, фактор профессиональной солидарности, корпоративность общих интересов, порой таких далеких от политики, не позволяли им переступить невидимую нравственную черту.

С течением времени, скорее в силу объективных, чем субъективных причин, белое движение пришло в упадок и несмотря на громкие победы летом и осенью 1919 г. на всех фронтах, и в 1920 г. в Крыму, в конечном итоге потерпело катастрофу, а успешные действия авиации на всех фронтах лишь оттягивали общий конец антибольшевистского движения.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Рабоче-Крестьянский Красный Воздушный Флот решал следующие задачи:

1. ведение воздушной разведки;
2. поддержка войск;
3. поддержание связи между штабами, с войсками и партизанами в тылу врага;
4. корректирование артиллерийского огня;
5. борьба за господство в воздухе;
6. разбрасывание агитационной литературы.

Воздушная разведка велась в интересах общевойскового и авиационного командования всеми типами самолетов. Их радиус действия позволял вести ближнюю (на глубину до 40 км) и дальнюю (до 100 км и более) разведку.

Объектами дальней воздушной разведки были железнодорожные станции, узлы дорог, порты, переправы, а ближней – войска на марше и в районах сосредоточения, артиллерийские позиции, штабы, аэродромы, склады противника. Основным способом воздушной разведки было визуальное наблюдение с докладом результатов после посадки самолета.

Сравнительно успешно советские летчики вели одиночные и групповые боевые действия по вражеской коннице, применяли авиабомбы, пулеметный огонь и металлические стрелы.

В годы войны принимались меры по улучшению взаимодействия авиации с войсками фронта, армии. Иногда разрабатывались планы, инструкции, указания и другие документы по взаимодействию авиации с сухопутными войсками. Например, в 1920 г. в 16-й армии Западного фронта было издано «Краткое наставление войскам и авиаотрядам при выполнении совместных боевых задач».

О возрастающей роли авиации в успешном решении задач войсками фронтов в операциях говорит телеграмма командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе Главкому в 1920 г.: «Без поддержки авиации наша пехота... будет нести огромные потери».

Корректирование огня артиллерии с самолетов, которые не имели радио- и аэрофотоаппаратуру, производилось редко. Эта задача выполнялась преимущественно с привязных аэростатов, на которых находился наблюдатель, поддерживающий телефонную связь с артиллеристами.

В проекте «Наставления по применению авиации на войне Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (1919 г.) указывалось: «В современной войне будет иметь перевес тот, кто господствует в воздухе». В этом документе подчеркивалась необходимость уничтожения любого самолета противника, замеченного над нашим расположением, решительными действиями советских истребителей. В борьбе за господство в воздухе участвовали зенитные средства войск и авиация, которой принадлежала решающая роль.

Командование фронтов и армий приобрело опыт руководства подготовкой и ведением фронтовых и армейских операций, которые имели ряд особенностей по сравнению с первой мировой войной.

В ходе гражданской войны зародился Красный Воздушный Флот, важнейшими принципами боевого применения которого были:

- 1) массирование сил и средств авиационных частей на главных направлениях боевых действий войск фронтов и армий;
- 2) внезапность действий по противнику;
- 3) централизация управления;
- 4) взаимодействие авиации с сухопутными войсками;
- 5) экономия сил и средств Красного Воздушного Флота.

В годы Первой мировой войны, не смотря на трудные условия, в которые была поставлена русская авиация, она внесла весомый вклад в борьбу с врагом. Воздушным флотом России была отработана практика боя парами истребителями, освоены групповые полёты истребителей и бомбардировщиков, а также ведение глубокой разведки тыла противника. Авиация стала весомым фактором успеха любой военной операции. Слаженная работа авиации и артиллерии обеспечивала успех многих сражений. Стремясь к господству в воздухе, русские лётчики удачно стали применять массированные действия авиации и добились в этом успехов. Важную роль играла в войне русская тяжёлая авиация. Героические подвиги экипажей кораблей «Илья Муромец» славными традициями вписаны в историю отечественной авиации.

За время иностранной военной интервенции и гражданской войны красные летчики совершили около 20 000 самолёто-вылетов, сбросили свыше 94 500 кг бомб, большое количество металлических стрел, 9 000 кг агитационной литературы, сбили 21 самолет противника. Их героизм и воинское мастерство по достоинству оценила Родина.

219 авиаторов были награждены орденом Красного Знамени,

16 летчиков удостоены этого ордена дважды, среди них И. Ф. Воедило, В.Л. Мельников, С.Н. Никитин, А.К. Петренко, С.Я. Корф, Ю.И. Арватов, И.К. Михалюк, а пятеро летчиков: П.Х. Межеруп, Я.Н. Моисеев, И.У. Павлов, С.А. Монастырев, Е.М. Ухин – трижды.

Важнейшими источниками этого всемирно-исторического значения победы были: довольно централизованное руководство Коммунистической партии защитой государства, а также:

1. мужество и героизм советских воинов на фронте и трудящихся масс в тылу;
2. передовое советское военное искусство;
3. новый общественный и государственный строй;
4. справедливый характер войны Советского государства;
5. дружба народов Страны Советов, пролетарский интернационализм;
6. умелое использование Советской властью острых противоречий между империалистическими государствами;

7. отсутствие единства в действиях вооруженных сил белого движения и интервентов.

К концу гражданской войны в составе Красно-го Воздушного Флота имелось 65 авиационных отрядов 6-самолетного состава, 20 гидроотрядов, дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец» и 28 воздухоплавательных отрядов).

Белое движение потерпело поражение в Гражданской войне, а вместе с ним был повержен воздушный флот белогвардейских армий, защищавший его интересы.

Основные уроки, которые можно извлечь из участия в этой войне русских авиаторов:

1. В гражданской войне нет ни победителей, ни

побежденных. Опыт участия в ней личного состава воздушного флота российской армии – серьезное предупреждение тем силам, которые сегодня пытаются ввергнуть Россию в гражданскую войну.

2. Наиболее верным духовным основанием воинской службы, верности воинскому долгу и военной присяге выступают идеи патриотизма, служения Родине и защиты государственных интересов России. Эти качества защитников Родины, передающиеся от одного поколения военнослужащих другому, не могут возникнуть у личного состава уже новых Военно-космических сил сами по себе без знания правды истории.

Литература

1. *Авиация Гражданской войны*. В. Кондратьев, М. Хайрулин. Техника молодежи. 2000.
2. П. Д. Дузъ *История воздухоплавания и авиации в России*. – Машиностроение, 1981.
3. *Гражданская война и военная интервенция в СССР*. Москва «Советская энциклопедия», 1983.
4. *История Военно-воздушных сил Советской Армии*. Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва. 1954.
5. *Авиация. Энциклопедия*. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия ЦАГИ им. профессора Н.Е. Жуковского. Москва 1994.
6. В.Б. Шавров. *История конструкций самолётов в СССР до 1938 г.*
7. Вацетис И.И., Какурин Н.Е., «Гражданская война 1918-1921». Полигон. 1999.
8. «Гражданская война в СССР», Воениздат, Москва, 1986 г.
9. Доронин Ю.П. «Воздушный Флот белых армий России в годы гражданской войны 1918-1920 г.г.», Качинское ВВАУЛ, Волгоград, 1997 г.
10. Коротков И.С. «Боевые действия авиации на Крымском фронте», Военное издательство, Москва. 1938 г.
11. Коротков И.С. «Разгром Врангеля», Воениздат, Москва, 1955 г.
12. Красовский С.А. «Жизнь в авиации», Воениздат, Москва, 1960 г.
13. «Красный воздушный флот», Авиаиздательство, Москва, 1923 г.
14. «Красный Воздушный Флот в Гражданской войне в СССР; материалы военно-исторической конференции, проведенной в ЦДСА 8 декабря 1967 г.
15. *Самолётостроение в СССР 1917 – 1945*. ЦАГИ, Москва, 1992 г.
16. «Хроника действий Волжско-Каспийской военной флотилии за 1918 -1920 г.г.», Горький, 1934 г.

Интернет-источники:

17. <http://topwar.ru/22053-belyy-aviadarm-general-aviacii-vyacheslav-matveevich-tkachev.html> – Белый авиадарм генерал авиации В.М.Ткачев
18. http://www.k2x2.info/transport_i_aviacija/aviacija_i_kosmonavtika_2000_03/p3.php – Авиация белых армий в годы Гражданской войны.
19. <http://topwar.ru/56085-konstantin-akashev-otec-sovetskoj-voennoj-aviacii.html> – Константин Акашев – отец советской военной авиации.
20. <http://aviator.guru/blog/43946085663/Vladimir-Ilich-Lenin-i-aviatsiya?> – Владимир Ильич Ленин и авиация.
21. http://dvinovaje.ru/load/stati_ob_intervencii/ljotchiki_severa_1918_1919_gg_chast_3/7-1-0-40 -Летчики Севера (1918-1919 годы).
22. <http://aviator.guru/blog/43525107129/Zabyityie-geroi-velikoy-voynyi-> Забытые герои Великой войны.

Приложения

Таблица 1.

Соотношение сил авиации на фронтах гражданской войны в 1919–1920 гг.

Фронты	Период	Белая армия	Красная армия	Соотношение
Южный	октябрь 1919	150	180	1:1,2
Восточный	сентябрь 1919	58	100	1:1,7
Северо-Западный	октябрь 1919	12	87	1:7,2
Северный	июнь 1919	35	40	1:1,1
Южный	август 1919	33	45	1:1,4

Таблица 2.

Численность боевых сил русской авиации у белого движения на фронтах гражданской войны

Фронт белого движения	Командующие	Период	авиа отрядов	самолетов	летный состав
Южный ВС ЮР	генерал-майор Кравцевич М.Г.	ноябрь 1919	18	150–160	120–130
Добровольческая армия	генерал-майор Кравцевич М.Г.	ноябрь 1919	10	100–110	80–85
Всевеликое войско Донское	полковник Баранов В.Г.	август 1919	6	45–50	25–30
Кубанское казачье войско	полковник Виташевский Е.И.	ноябрь 1919	2	14–16	15
Восточный	полковник Бойно-Родзиевич С.А.	июнь 1919	15	65	120–125
Северо-Западный	капитан Сергиевский Б.В.	октябрь 1919	3	10	10–12
Северный	полковник Козаков А.А.	май 1919	2	19	18
Южный	генерал-майор Ткачев В.М.	июль 1920	7	38	100–110

Таблица 3.

Воздушные бои между красными и белыми летчиками за годы гражданской войны (1918–1920 гг.)

месяцы	1918	1919	1920	всего
апрель	–	–	28	28
май	–	–	10	10
июнь	–	3	–	3
июль	–	5	–	5
август	–	12	30	42
сентябрь	1	12	13	26
октябрь	3	–	12	15
ноябрь	12	–	–	12
декабрь	1	–	–	1
Итого	17	32	93	131

Развитие воздушной обороны в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции

Воздушная оборона советских войск в период Брест-Литовского мира

Несмотря на грабительские условия Брест-Литовского мира, подписанного Советской Россией со странами Четверного союза 3 марта 1918 г., в тыловые районы страны удалось вывести значительную часть самолетов, аэростатов и зенитной артиллерии. Кроме того, в ряде крупных городов (Москва, Рыбинск, Смоленск, Ярославль) в разобранном виде на складах сохранилось почти 500 самолетов и более 1000 моторов. Еще 250 аэропланов иностранного производства находилось на хранении в Архангельске и Мурманске. К весне 1918 г. в составе авиации Красной армии имелось 38 авиаотрядов (около 40% всей авиации бывшей Российской империи) и порядка 200 противосамолетных батарей.

В связи с сохранявшейся угрозой германского нападения (немецкая авиация на Восточном фронте насчитывала до 1000 аэропланов) была полностью восстановлена воздушная оборона Петрограда. К февралю 1918 г. кроме органов управления в нее входило 13 зенитных батарей,

5 пулеметных взводов и 8 прожекторов. В целях усиления войсковой воздушной обороны в состав каждой пехотной дивизии включили одну зенитную батарею из 4-х орудий. Возобновляется воздушное патрулирование районов соприкосновения с германскими войсками. В целях исключения случаев обстрела своих самолетов в марте 1918 г. водится новая система опознавания (в будущем получившая название «свой – чужой»), позаимствованная у германских авиаторов. Она оказалась достаточно простой и эффективной. При пролете над зоной огня своей зенитной артиллерии летчик производил пуск сигнальных ракет разного цвета в установленной последовательности.

В мае 1918 г. по решению командования РККА создается Управление заведующего формированиями зенитных батарей (Упрзазенформ). Оно должно было в кратчайшие сроки восстановить уже расформированные противосамолетные батареи и создать 20 новых автомобильных и 5 подвижных зенитных батарей. Для решения этой задачи пулеметы Максима с помощью специальных треног устанавливаются на автомобилях (обычных и бронированных).

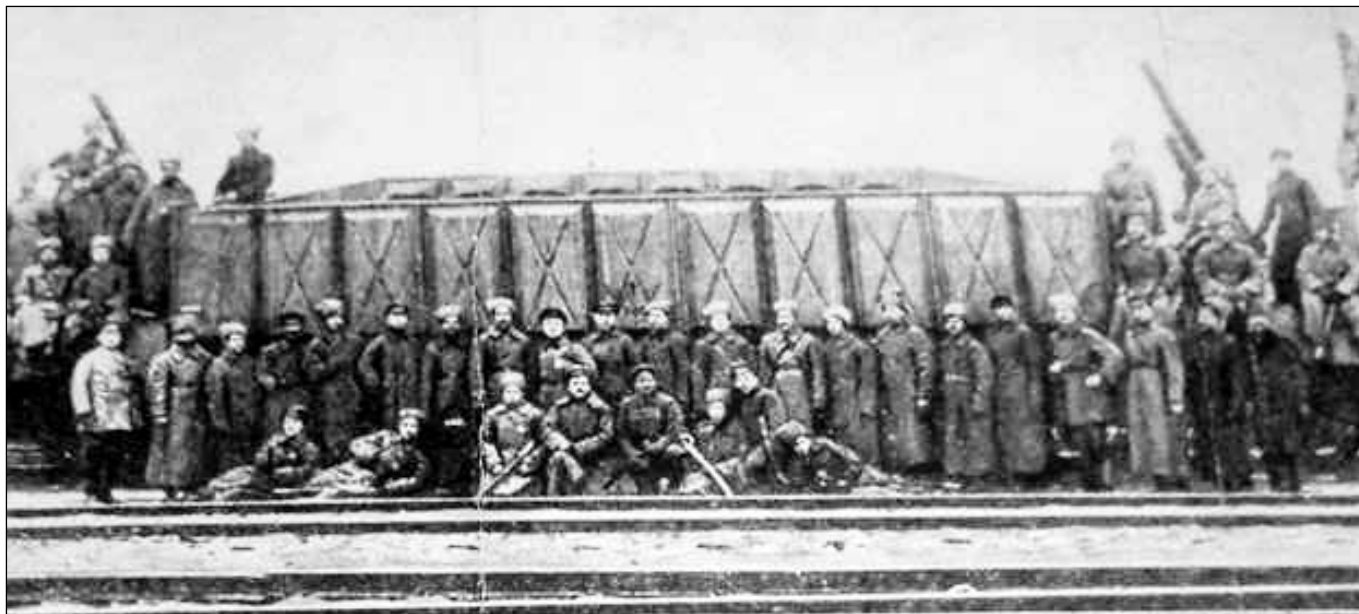

Рис. 1. 2-я противосамолётная батарея перед отправкой в Архангельск.

В связи с переездом советского правительства из Петрограда в Москву вокруг новой столицы заново формируется воздушная оборона. Назначается ее начальник, который возглавил работу созданного при нем Управления. Для организации воздушной обороны выделяется 26 самолетов и 13 противосамолетных батарей из 52 орудий. На расстоянии 100-120 км и 20-40 км от столицы на воздухоопасных направлениях разворачивается два ряда наблюдательных постов, оснащенных телефонной связью.

Для борьбы с дирижаблями и пресечения ночных полетов вражеской авиации создается прожекторная команда, включавшая в себя 6 прожекторных станций (по одной на 2 зенитные батареи).

Впервые при организации воздушной обороны Москвы вводятся зоны действия истребительной авиации и зенитной артиллерии. Зональность позволила разграничить пространственные области по высоте и дальности, определив порядок применения истребителей, противосамолетных орудий и зенитных пулеметов. После поражения Германии в Первой мировой войне и когда угроза немецкого нападения отпала, воздушная оборона столицы с 1 октября 1918 г. по решению Реввоенсовета была расформирована.

20 сентября 1918 г. создается Полевое управление авиации и воздухоплавания действующей армии – Авиадарм (Авиация действующей армии) во многом копировавшее Авиадарм Военного Воздушного Флота царской армии.

Организация воздушной обороны на Севере России

В начале 1918 г. в северных районах Советской России высаживаются английские и французские войска якобы для защиты Архангельска и Мурманска, а также обороны Петрограда от возможного нападения немцев, десантировавшихся в Финляндии. В июле 1918 г. к англичанам и французам присоединяются американцы. Первоначально иностранный экспедиционный корпус ограничивался задачей охраны оружия и военного снаряжения, которое поставлялось для русской армии странами Антанты до октября 1917 г. и находилось на мурманских и архангельских складах. В последующем цели пребывания английских, французских и американских войск изменились и стали носить откровенный характер военного вмешательства.

Для защиты экспедиционного корпуса и кораблей Королевского военно-морского флота от ударов советской авиации англичане формируют славяно-британский авиационный корпус, состоявший из русских летчиков. Организационно англо-белогвардейская авиация была сведена в 2 авиаотряда и насчитывала 32 самолета. В нее входила легкая скорострельная полевая артиллерия на противосамолетных установках и пулеметные команды. При необходимости привлекались пехотинцы, открывавшие ружейный огонь по аэропланам неприятеля. В результате советская авиация прекратила полеты в тыл противника на глубину более 11 км. Летчикам было

дано указание не опускаться ниже 1000–1500 м., чтобы не попасть под огонь с земли.

Рост активности англо-белогвардейской авиации на Севере страны заставил командование Красной армии приступить к созданию воздушной обороны. Корабли советской Северо-Двинской флотилии вооружили зенитными орудиями. В сухопутных частях 76,2-мм полевые орудия установили на самодельные поворотные тумбы. Эти меры дали положительные результаты. Во время одного из налетов англо-белогвардейских самолетов аэроплан противника был сбит зенитным огнем корабельного орудия.

В частях Красной армии разворачивается сеть наблюдательных постов. По команде начальника штаба района из положения дежурства на аэродроме на перехват вражеских аэропланов поднимались советские истребители. Вскоре активность авиации интервентов снизилась до минимума.

Весной 1919 г. англо-белогвардейская авиация пополнилась 42 крылатыми машинами и число налетов на советские войска и объекты в тылу

заметно возросло. Летчики славяно-британского авиационного корпуса смогли разбомбить гидроаэродром на Северной Двине, уничтожив 11 краснорезных гидросамолетов. Был нанесен ряд ударов по советским судам в Онежском озере. Бомбардировке подвергся г. Петрозаводск. Весьма успешно англо-белогвардейские самолеты действовали против сухопутных объектов Красной армии. Помимо обычных бомб на них была сброшена 231 химическая бомба.

Для защиты Петрозаводска от ударов с воздуха советское командование формирует воздушную оборону. Она состояла из зенитных орудий и 4-х гидросамолетов. Из Петрограда срочно перебрасывается железнодорожный зенитный дивизион, вооруженный пушками Лендера-Тарновского.

В начале марта 1920 г. в районе Архангельска и Мурманска Красная армия смогла разгромить основные наземные силы интервентов и белых. Иностраный экспедиционный корпус был эвакуирован по морю. Необходимость в воздушной обороне советского Севера временно отпала.

Рис.2. Атаман Краснов и британский генерал Пуль осматривают донскую авиацию. 1919 г.

Рис.3. Аэроплан в Уфе из состава разведывательного отряда Чехословацкого корпуса под командованием чешского поручика Мелча. 1918 г.

Рис.4. Аэростат, использовавшийся для корректировки артиллерийского огня и для наблюдения за продвижением противника

Рис.5. Зенитные установки на тачанке. 1920 г.

Но на этом участие Англии в боевых действиях на территории РСФСР не закончилось. После поражения Германии в Первой мировой войне (18 ноября 1918 г.) британская эскадра вошла в Финский залив с целью блокировать советский Балтийский флот. Местом базирования англичан стал порт Ревель. Вскоре эскадра пополнилась гидроавиатранспортом – кораблем, несущим гидросамолеты. Возникла угроза авианалетов на Петроград. В сложившейся обстановке советское командование приняло решение восстановить воздушную оборону Петрограда и крепости Кронштадт. Город на Неве защищали 13 зенитных батарей. Для ночной стрельбы им были приданы прожекторные станции. Была развернута сеть наблюдательных постов. Для координации действий войск, входивших в воздушную оборону, создается специальное Управление. В его распоряжение передается 15 истребителей.

В июле – октябре 1919 г. действия английской авиации на Балтике заметно активизировались. Она смогла совершить около 90 налетов на

Кронштадт, во время которых только на корабли Балтийского флота было сброшено более 200 зажигательных бомб. При отражении авиаударов крепостная зенитная артиллерия смогла сбить два английских аэроплана. Столкнувшись с воздушной обороной красных и понеся потери, англичане не рискнули совершать налеты на бывшую столицу Российской империи.

Воздушная оборона на Востоке России

Стремясь подавить восстание белогвардейцев и чехословаков, большевики собрали значительные силы и начали контрнаступление. Народная армия КОМУЧа не смогла удержать Самару и отступила в Казань, где при участии чехословацких офицеров была сформирована воздушная оборона города. Она включала легкие скорострельные полевые орудия, часть из которых разместили на баржах и пароходах. Кроме того, для нужд воздушной обороны задействовали все самолеты, находившиеся на ближайших аэродромах. С помощью чехословацких офицеров было налажено взаимодействие авиации и противосамолетной артиллерии Народной армии.

Благодаря комбинированному удару с суши, Волжской военной флотилии с реки и авиации с воздуха Красная армия сумела взять город. В ходе боев в Поволжье советские войска захватили более 30 исправных и поврежденных аэропланов белых.

После поражения Народной армии в Казани КОМУЧ был ликвидирован. Власть в результате военного переворота перешла к Верховному правителю России и Верховному Главнокомандующему Русской армией адмиралу А.В. Колчаку. Отступившие в Сибирь и на Дальний Восток части Белого движения вскоре сумели оправиться от поражения и преступили к созданию новых авиаотрядов и противосамолетных батарей.

В январе 1919 г. Красная армия подошла к столице уральского казачества Уральску. Ввиду малочисленности зенитной артиллерии и авиации (2 самолета) воздушная оборона города не организовывалась. В основном советская авиация не встретила противодействия, а потому одержала ряд важных побед. Главным достижением красных летчиков стала бомбардировка, приведшая к разгрому штаба командующего Уральской от-

дельной армией генерала Н.А. Савельева.

В марте 1919 г. авиация белых на Восточном фронте насчитывала не более 50 крылатых машин. Красная армия имела в своем распоряжении порядка 100 самолетов. Перевес в воздухе позволил советскому командованию организовать в районе Бугульмы, Белебея и Бугуруслана тщательную воздушную разведку позиций противника и в начале мая 1919 г. нанести сухопутным войскам Колчака серьезное поражение.

В мае 1919 г. упорные бои развернулись за Уфу. Благодаря чешскому авиаотряду и авиаотряду французской миссии белогвардейцы сумели довести количество своих самолетов до 30. Командование Красной армии перебросило в район боевых действий 65 аэропланов. Надо сказать, что обе стороны создали хорошую воздушную оборону. Как советская, так и белогвардейская авиация часто подвергалась обстрелу из зенитных орудий, пулеметов и винтовок. 9 июня советские войска смогли взять Уфу. Под натиском Красной армии белогвардейский фронт развалился. Его авиаотряды и противосамолетная артиллерия были эвакуированы дальше на Восток.

Воздушная оборона во время боевых действий на Юге России

В первые годы советской власти боевые действия развернулись не только на Севере и Востоке страны, но и на Юге. В мае 1918 г. начинается формирование авиации Добровольческой армии. Ее основу составили самолеты, находившиеся в составе отряда полковника Генерального штаба русской армии М.Г. Дроздовского, возвращавшегося с остатками бывшего Румынского фронта на Дон. Вскоре в авиации Добровольческой армии насчитывалось 27 аэропланов и служило 22 летчика. В сентябре и октябре 1918 г. по договоренности между атаманом Всеволодского Войска Донского П.Н. Красновым и гетманом Украины П.П. Скоропадским на Дон эшелонами и были доставлены 45 самолетов, а также запчасти к ним и вооружение.

Готовясь к походу на Москву, штаб ВСЮР запланировал, что в составе каждой армии необходимо иметь армейскую боевую группу из 4-х авиаотрядов (всего 24 самолета), а в армейском корпусе – авиационный дивизион из 3-х отрядов. Для организации воздушной обороны в каждый армейский корпус либо бригаду ар-

Рис.б. Зенитные орудия Красной армии на автомобилях

мейского подчинения предполагалось включить отдельную зенитную батарею из 4-х зенитных орудий, а также истребительный отряд из 6-ти самолетов.

Однако, несмотря на помощь англичан, удалось сформировать лишь 9 авиаотрядов (по три в каждой армии), ремонтный парк и поезда-базы. Были организованы отряды морской авиации в Севастополе, Одессе и на Каспии. Пилотов готовила Севастопольская офицерская школа летчиков. Руководство авиацией, как и в царской армии, возложили на инспектора авиации.

В начале июля 1919 г. по приказу генерал-лейтенанта А.И. Деникина ВСЮР начинают поход на Москву. Постановлением РВС Республики от 22 июля 1919 г. на пути деникинской армии создается Тульский укрепленный район. Для защиты от ударов с воздуха формируется воздушная оборона, в которую вошли авиационный отряд, 2 воздухоплавательных отряда, противосамолетная батарея, железнодорожная зенитная батарея (бронепоезд), зенитный артиллерийский дивизион, прожекторная рота, отделение связи. На воздухоопасных направлениях на расстоянии 20 км от города были развернуты наблюдательные посты.

5 сентября 1919 г. создается Комитет обороны г. Москвы во главе с народным комиссаром внутренних дел РСФСР Ф.Э. Дзержинским, которому в подчинение передается Тульский укрепрайон. После развертывания наблюдательных постов на удалении 100 – 120 км от советской столицы впервые возникает единая система наблюдения и оповещения сразу двух губерний – Московской и Тульской. Воздушная оборона Москвы включала в себя 10 зенитных батарей. Причем на окраинах города были размещены противосамолетные орудия на специальных поворотных рамах на основе легких скорострельных полевых орудий. Центр и вокзалы прикрывали зенитные орудия Лендера-Тарновского, установленные на автомобилях. Истребительная авиация насчитывала около 50 самолетов.

Армия Деникина серьезно готовилась к налетам на Москву. Часть самолетов оснастили дополнительными топливными баками, доведя время нахождения в воздухе до 7 часов. Летчики были обучены бомбометанию из пике с использованием прицельного прибора английской фирмы Aldis.

Рис.7. Плакат. Встреча самолета Донской авиации

Однако советские войска в ходе Орловско-Кромского сражения, проходившего с 11 октября по 18 ноября 1919 г., остановили продвижение деникинцев, а затем сумели оттеснить их на Юг. В результате угроза воздушных атак на Москву отпала. В декабре 1919 г. управление воздушной обороны г. Москвы было упразднено. Половину имевшейся в его распоряжении зенитных батарей реорганизовали в батареи полевой артиллерии и направили на Туркестанский фронт.

Важное место занимают бои за Царицын, развернувшиеся после неудачного похода Деникина на столицу. С 4 сентября 1919 г. советская авиация начинает бомбардировки города. В воздушную оборону белых входило звено из 7 самолетов и авиаотряд из 10 самолетов, а также противосамолетная артиллерия. Стремительное наступление Красной армии привело к освобождению Царицына и воздушная оборона города, так и не справившись со своей задачей, перестала существовать.

Особый интерес представляет воздушная оборона Астрахани, сформированная советскими войсками по указанию члена Реввоенсовета

11-й армии С.М. Кирова. На воздухоопасных направлениях были выставлены посты воздушного наблюдения, в черте города разместили противосамолетные орудия. На аэродроме было организовано дежурство звена истребителей.

В случае прорыва белогвардейской авиации по ней открывался огонь из зенитных орудий и пулеметов. Воздушное пространство было поделено на зоны ответственности истребительной авиации и зенитной артиллерии. Благодаря созданной системе воздушной обороны белогвардейская авиация могла действовать только группами по 3-4 самолета (чтобы противостоять поднятым на перехват советским истребителям) и на высотах более 1500 м, что значительно снижало точность бомбометания и эффективность разведки.

Хорошо продуманная воздушная оборона Астрахани вынудила вмешаться в ход военных действий союзников белых – англичан. В устье Волги они оборудовали плавучие базы для гидросамолетов. Основой послужили два бывших танкера и одна баржа. Еще один английский аэродром для гидросамолетов был организован в Махачкале.

Советское командование направило в Астрахань дополнительное количество истребителей с хорошо подготовленными пилотами. Это сразу же дало свои позитивные результаты. В середине июня 1919 г. был подбит один из английских самолетов, а пилот захвачен в плен. Вскоре был сбит еще один английский аэроплан. В конце августа для усиления воздушной обороны Астрахани формируется специальная противосамолетная батарея из 4 орудий. Еще 2 зенитных орудия были установлены на пароходе, что позволило организовать борьбу с английскими гидропланами в устье Волги.

Поражение Белого движения в целом ряде регионов России привело к тому, что к осени 1919 г. Англия, Франция и США вывели свои части из Архангельска и Мурманска.

К началу 1920 г. интервенты покинули европейскую часть России, а в июле того же года ушли из Закавказья. Единственное место, где английские, американские, итальянские, канадские, китайские, французские и японские войска находились вплоть до 1922 г. – это Дальний Восток.

Уход англичан привел к недостатку запчастей и новых аэропланов в Белой армии, что сразу

же снизило количество самолето-вылетов. Это послужило основанием для расформирования воздушной обороны Астрахани и ряда других советских городов. Нехватка самолетов заметно ослабила воздушную оборону Ростова-на-Дону (штаб Добровольческой армии) и Новочеркаска (столица Всевеликого Войска Донского), по которым советская авиация смогла нанести несколько эффективных бомбовых ударов.

К началу 1920 г. белогвардейские части, воювавшие на Юге России, сосредоточились в Крыму. 3 апреля командование ими принял генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. Сюда же перебазировалась и вся авиация белых. Ее основу составили 8 авиаотрядов и Севастопольская офицерская авиационная школа.

Малочисленная советская авиация не могла оказать серьезного влияния на ход боевых действий. Чтобы компенсировать нехватку аэропланов командование Красной армии вынуждено было снять с других фронтов несколько авиаотрядов и перебросить их в район Крыма. В местах дислокации советских войск была организована войсковая воздушная оборона. Она взяла под охрану штабы, железнодорожные станции, склады с боеприпасами и переправы.

С ростом числа советских самолетов армия генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля также создает свою воздушную оборону. Разворачивается сеть наблюдательных постов. Противосамолетные орудия устанавливаются на бронепоезд. Дополнительные зенитные орудия размещают на железнодорожной зенитной бронеплощадке, которая подчинялась подполковнику В.В. Тарновскому. Для защиты объектов при необходимости применяется «зенитная завеса». Усиливается воздушная оборона кораблей белогвардейского Черноморского флота. На ряде миноносцев, эскадренном броненосце «Ростислав» и баржах размещают противосамолетные орудия. К воздушной обороне врангелевцев подключаются три английских миноносца и один итальянский, имевшие на борту зенитные пушки. На аэродроме Керчи организуется дежурство истребителей. Принятые меры дали положительные результаты. Только в июне врангелевские истребители 40 раз поднимались для перехвата советских аэропланов. С мая по июнь 1920 г. около 60% советских самолетов попали под обстрел зенитных орудий бе-

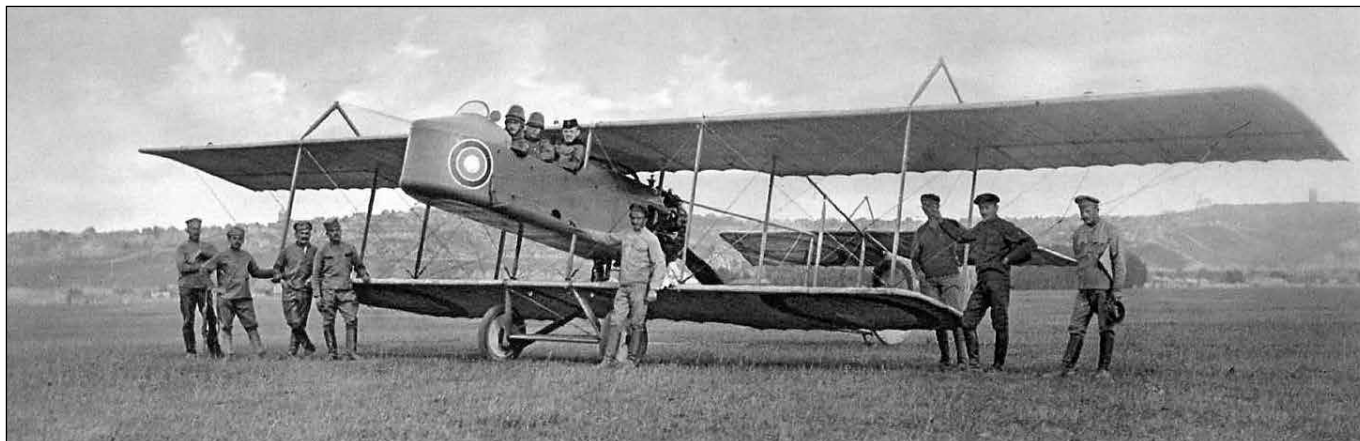

Рис.8. Уфимский аэродром чешско-русского авиаотряда. 1918 г.

лых. С целью предотвращения ударов с воздуха врангелевская авиация провела бомбардировку одного из советских аэродромов. В ней приняли участие 4 самолета. В результате на земле были уничтожены 2 аэроплана и еще несколько повреждено.

Неудачи в воздухе заставили командование Красной армии значительно усилить советскую авиационную группировку, доведя ее численность до 84 крылатых машин, что в два раза превысило число врангелевских самолетов (имелось 42 аэроплана, из которых 22 исправных).

7 ноября 1920 г. началась Перекопско-Чонгарская наступательная операция, которая закончилась установлением советской власти в Крыму. С прекращением военных действий на Юге России расформируется советская воздушная оборона Крыма и прилегающих к нему областей.

Воздушная оборона во время иностранной военной интервенции

В мае 1918 г. отряды белофиннов, возглавляемые генералом от кавалерии К.Г. Маннергеймом, при поддержке немецкого экспедиционного корпуса под командованием генерала Фон дер Гольца смогли подавить революционное выступление рабочих в Финляндии. Преследуя группы финских большевиков, белофинны неоднократно переходили советскую границу. 15 мая 1918 г. Хельсинки официально объявил войну РСФСР. Началась Первая советско-финская война, целью которой был захват Восточной Карелии и Кольского полуострова, а также поход на Петроград и свержение советской власти. Весной 1919 г. белофинны начали новое наступление,

продвинувшись к Ладожскому озеру. Для борьбы с авиацией стран Антанты, помогавшей финнам, из Петрограда было направлено 8 зенитных батарей.

В ходе боев белофинны смогли отвоевать у РСФСР ряд территорий. После подписания 14 октября 1920 г. Тартуского мирного договора между Советской Россией и Финляндией мир в Карелии так и не установился. Белофинны по-прежнему занимались организацией диверсионной деятельности на севере РСФСР.

Командование Красной армии перебросило в Карелию 5-й Казанский авиаотряд и ряд других небольших авиаподразделений. Советские самолеты вели воздушную разведку, периодически наносили бомбовые удары по проникавшим на территорию Советской России диверсионным группам. К 17 февраля 1921 г. наземная операция отрядов белофиннов завершилась победой советских войск. Если сухопутные части Красной армии со своей задачей справились полностью, то результаты боевого применения советской авиации в финской военной кампании оказались неудовлетворительными. В целом ряде документов отмечается, что в условиях северных морозов и лесистой местности авиаотряды не смогли выполнить ни одну из поставленных перед ними боевых задач, кроме воздушной разведки.

В конце 1919 г. тяжелой ситуацией в Советской России воспользовалась Польша. При поддержке стран Антанты она оккупировала часть Белоруссии и Украинской Народной Республики. Против РСФСР выступила армия, насчитывавшая более 700 тыс. человек и имевшая 120 самолетов (часть из них пилотировали американские

летчики). Целью Варшавы было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.

Для организации воздушной обороны советского Западного фронта из состава Тульского укрепрайона передаются 4 подвижные зенитные батареи. Формируется воздушная оборона городов Смоленск, Витебск, Полоцк (защита стратегического моста через р. Западная Двина), а также железнодорожных станций Орша, Могилев, Рогачев и др.

В конце мая – начале июня 1920 г. советский Юго-Западный фронт освободил Украину. В ходе боев впервые для борьбы с американо-польской авиацией были применены зенитные пулеметы, установленные на «тачанках», а также противосамолетные засады. Засадные зенитные батареи размещали на маршрутах полета неприятельских самолетов, благодаря чему только 28 июля 1920 г. было подбито 4 вражеских аэроплана. В конце августа 1920 г. противник потерял еще 7 крылатых машин. В интересах воздушной обороны проводится бомбардировка польских аэродромов. Удары наносят и сухопутные части красных. В результате на земле была уничтожена большая часть американо-польской авиации. Резкое сокращение числа самолетов привело к тому, что 7-я истребительная эскадра имени Т. Костюшко, состоявшая из американских пилотов, прекратила свое существование.

В целях усиления борьбы с польской авиацией в Красной армии издаются указания «О борьбе с самолетами противника». Документ определял, что воздушная оборона должна была организовываться четырьмя основными способами. От командиров соответствующего уровня требовалось привлекать авиаотряды для борьбы с неприятельскими самолетами, создавать зенитно-артиллерийскую оборону, использовать пулеметные команды и пехотные части. Ставилась задача выдвигать зенитные батареи на самолетоопасные направления, а также организовывать воздушную оборону не только для защиты войск, но и для обороны мостов, пересечений важных дорог, а также стратегических объектов в населенных пунктах и городах. Для защиты железнодорожных узлов следовало привлекать бронепоезда, вооруженные зенитными пушками.

Кратковременные успехи Красной армии на польском фронте породили у советского

командования уверенность в скорой победе. В результате часть авиации и противосамолетной артиллерии была переброшена с польского фронта в район Крыма для борьбы с частями Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля.

В связи с несогласованностью действий двух советских фронтов, (Юго-Западного под руководством А.И. Егорова и И.В. Сталина, наступавшего на Львов, и Западного под командованием М.Н. Тухачевского, наступавшего на Варшаву), а также работе польских дешифровальщиков, научившихся расшифровывать радиотелеграммы с приказами командования Красной армии, советские войска потерпели серьезное поражение.

В ходе успешного польского контрнаступления к противнику попало значительное количество легкой полевой артиллерии и пулеметов, использовавшихся Красной армией для борьбы с польской авиацией. Успешное контрнаступление польских войск создало угрозу нанесения авиаударов по Москве. В связи с этим в конце мая 1920 г. восстанавливается воздушная оборона столицы. Формируется 6 зенитных батарей, из которых одна автомобильная. К защите неба над Москвой от низколетящих аэропланов противника привлекается почти 70 пулеметных взводов. Из состава Московской авиашколы выделяется 14 самолетов, на которые возлагаются задачи истребительной авиации.

В октябре 1920 г. между Варшавой и Москвой было заключено перемирие, и дальнейшая необходимость в воздушной обороне столицы отпала.

Воздушная оборона советских войск во время походов в Закавказье, Среднюю Азию и Монголии

Летом 1920 г. неблагоприятная обстановка сложилась в Азербайджане, в котором была установлена советская власть. Английская авиация с территории Персии угрожала бомбардировками г. Баку, а также местам нефтедобычи на Апшеронском полуострове. Воздушная оборона города и близлежащих нефтепромыслов строилась на основе «Плана воздушной обороны Бакинского района». Все охраняемое воздушное пространство было поделено на 5 секторов (боевых участков), в которых размещались на-

блюдательные посты, 7 зенитных батарей (2 из которых подвижные), а также 1 авиаотряд и подразделение связи. Предпринятые советским командованием превентивные меры по укреплению воздушной обороны Бакинского района вынудили английское командование пересмотреть свои планы и отказаться от бомбардировки нефтепромыслов.

После победы Красной армии в Крыму над войсками барона Врангеля часть советской авиации была перебазирована на Северный Кавказ – в Дагестан и Чечню, с целью подавления активизировавшегося там антисоветского и сепаратистского движения. Самолеты Красного Воздушного флота вели воздушную разведку и бомбардировку скоплений живой силы противника. Восставшие ввиду отсутствия необходимого вооружения воздушную оборону не создавали. С января по март 1921 г. мятеж на Северном Кавказе был подавлен, и советская авиация была переброшена в Закавказье.

16 февраля 1921 г. восставшие грузинские большевики при поддержке Красной армии начали боевые действия с целью установления советской власти в Грузии. Уже 25 февраля части 11-й армии без боя вошли в Тбилиси. Несмотря на наличие у грузинского правительства 56 самолетов английского и итальянского производства авиационное командование предпочло уклониться от участия в военном конфликте. Отмечено лишь несколько случаев нанесения ударов грузинской авиации по красноармейцам. В частности, недалеко от Тбилиси 4 самолета попытались атаковать советский бронепоезд, но неудачно, сумев повредить лишь железнодорожные пути. При этом один из грузинских аэропланов был подбит.

Чтобы сорвать поставки иностранного оружия правительственным войскам советская авиация нанесла несколько бомбовых ударов по французским миноносцам, транспортным кораблям и портовым сооружениям. В конце марта 1921 г. советская власть в Грузии победила. Войсковая воздушная оборона частей Красной армии была расформирована.

Летом 1920 г. боевые действия за установление советской власти развернулись в Туркестане. С целью поддержки частей Красной армии в район боевых действий перебрасывается 12 самолетов, из которых создается специальная

авиагруппа. Аэропланы активно использовались для ведения воздушной разведки и бомбардировки. Летчики сбрасывали на противника бомбы, по пехоте велась стрельба из пулеметов. Для корректировки артиллерийского огня применялись воздушные аэростаты из состава 13-го воздухоплавательного отряда. Воздушная оборона у противника отсутствовала. В результате во время штурма Бухары советская авиация сыграла решающую роль. В начале октября 1920 г. столица суверенного Бухарского эмирата была взята частями Красной армии, что привело к провозглашению Бухарской народной советской республики.

В начале февраля 1921 г. войска генерал-майора барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга захватили столицу Монголии г. Урга, а 21 мая начали поход в советское Забайкалье. Для борьбы с белогвардейцами командование Красной армии направило 4 самолета. Они вели разведку, занимались бомбардировкой, разбрасывали листовки. К началу августа части барона Унгерна были разбиты, а сам он в конце августа 1921 г. был пленен и предан суду революционного трибунала. С разгромом отрядов Унгерна заканчивается Гражданская война и иностранная военная интервенция на территорию РСФСР.

С осени 1922 г. начинается новый межвоенный период развития воздушной, а по новой терминологии, принятой решением Реввоенсовета СССР от 31 января 1928 г., «противовоздушной обороны» теперь уже СССР.

Надо отметить, что за время гражданской войны и иностранной военной интервенции советским летчикам пришлось воевать не только с белогвардейскими пилотами, но и с авиаторами из Англии, Германии, Грузии, Италии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Чехословакии, Эстонии, Японии и других стран. Благодаря иностранной военной помощи авиация белых к середине 1919 г. насчитывала примерно 470 аэропланов. Одна лишь Англия передала Белому движению 140, а Франция 60 крылатых машин.

В составе Красной армии к осени 1922 г. имелось примерно 750 самолетов, из которых лишь 10% были исправны. Советская промышленность в военное время смогла произвести не более 560 аэропланов, еще 250 было захвачено у белогвардейцев.

За годы гражданской войны и иностранной военной интервенции советские летчики в воздушных боях сумели сбить 9 самолетов противника и 8 аэростатов. Из них 3 самолета и 2 аэростата потеряла авиация белых, еще 2 самолета и 3 аэростата – англичане. Американско-польская

авиация в воздушных боях лишилась 1 самолета и 3-х аэростатов.

Боевые действия 1918-22 гг. показали решающее значение воздушной обороны не только для защиты войск, но и важных военных и гражданских объектов.

Литература:

1. «Противовоздушная оборона страны (1914–1995 гг.)», Военно-исторический труд, Коллектив авторов, Москва, 1998 г.
2. «100-летие противовоздушной обороны России, 1914–2014», Лашков А.Ю., Голотюк В.Л., «Русские витязи», 2014 г.
3. «100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 годы)», Лашков А.Ю., Голотюк В.Л., «Русские витязи», 2012 г.
4. «Зенитная артиллерия и зенитные ракетные войска противовоздушной обороны». Часть I, «Зенитная артиллерия», Москва, Военное издательство, 1995 г.
5. «История Войск ПВО в документах. Справочный материал». ЛВВПУ ПВО, г. Ленинград, 1983 г.
6. «Защитники неба столицы», Авторский коллектив, Издательство Патриот, 2001 г.
7. «Войска противовоздушной обороны страны», Коллектив авторов, Воениздат, Министерство обороны СССР, Москва, 1959 г.
8. «Очерки истории радиотехнических Войск ПВО. Создание службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) в системе ПВО территории страны 1917 – 1941 гг. (Хронология событий и некоторые справочные данные). Составитель Б.Н. Лошеньков. Музей истории РТВ ПВО, Министерство обороны РФ, 1994 г.
9. «Отчёт по научно-исследовательской работе «Развитие организационной структуры войск противовоздушной обороны, Том I», Военная командная Краснознамённая академия противовоздушной обороны имени маршала Советского Союза Жукова Г.К.», Калинин, 1982 г.
10. «Отечественное воздухоплавание, том I (1906 – 1941 гг.)», Московская федерация воздухоплавания, Москва, 1994 г.
11. «За нами Москва. К 60-летию со дня образования Московского округа ПВО», Москва, «Издательская группа «Граница», 2014 г.
12. «Развитие противовоздушной обороны», Под ред. маршала авиации Г.В. Зимина, Воениздат, Министерство обороны СССР, Москва, 1976 г.
13. «Противовоздушная оборона в России в годы гражданской войны», Лашков А.Ю., журнал «Воздушно-космическая оборона», октябрь, 2013 г.
14. «Защищая небо Родины. История Отечественной ПВО», документальный фильм, Студия «Крылья Советов», 2011 г.

https://www.youtube.com/watch?v=LAcBno_6L_c&list=PLcRxMIXa98X9JFHz0NkKQ-C5AuRXD1yuy

Добровольческая армия и монархическая идея в 1918–1919 гг.

По свидетельству историка и свидетеля гражданской войны Г.В. Вернадского «хотя большинство правительств, созданных белыми, имело отчетливо консервативный характер, несмотря на то, что возникали они в самых разных частях России, придерживались различных политических ориентаций и возглавлялись представителями разнообразных политических группировок, ни одно из них не пыталось восстановить самодержавие»¹.

Антибольшевистское движение было крайне неоднородным как в политическом, так и в социальном отношении. Политически можно выделить три его основные потока. Это «революционная демократия» 1917 г. – эсеры, меньшевики и более мелкие социалистические группы. В центре «либеральная демократия» – сторонники кадетов и других «буржуазных» партий. Программа этой группы предусматривала созыв после победы белых нового Учредительного (Национального) Собрания, где, как ожидалось, большинство уже не будет принадлежать социалистическим партиям. Программа правых кругов предполагала провозглашение кандидата на престол (одного из великих князей) уже в ходе вооруженной борьбы, без Учредительного Собрания. Подоб-

ная политическая неоднородность имела под собой крайне разнородный социальный состав. И действительно, на протяжении гражданской войны в белом лагере находились казачество и интеллигенция, офицерский корпус и буржуазия, помещики и группы крестьян, рабочих. В этой социально разнородной массе был, тем не менее, один слой, несший основную тяжесть борьбы в белом лагере. Это – трехсоттысячный офицерский корпус российской императорской армии, каким он сложился к 1917 г. Его представители сразу заняли основное место в руководстве белым движением, а спустя короткое время полностью оттеснили от него политических лидеров. Поэтому именно этот слой наложил свое непропорционально большое влияние на дальнейшее развитие идеологии белого дела. К началу века офицерский корпус считался одной из главных опор династии Романовых. Почему же тогда по свидетельству философа Г.П. Федотова «Россия не имела своей Вандеи. Ни одно из антибольшевистских движений, возглавляемых монархистами, не решилось поднять открыто монархического знамени»².

Характеризуя эту корпорацию, надо сказать, что даже ее ядро – кадровое офицерство на-

чала века (примерно 40 тысяч чел.) не было замкнутой кастой аристократов – монархистов, каким, например, являлся офицерский корпус Германской империи. По мнению английского историка Джона Гренвилла, «русская армия никогда не была простым бастионом классовых привилегий... двое из каждых пяти офицеров от прапорщика до полковника были выходцами из крестьян и среднего класса. Отцы многих офицеров были крепостными»³. В ходе Первой мировой войны большая часть кадрового офицерства выбыла из строя, в офицеры было произведено свыше 220 тысяч чел. В этом военном офицерстве большинство представляло собой выходцев из средних слоев города и крестьян. Политические симпатии «нового офицерства» были весьма расплывчаты, колеблясь между неясным монархизмом и смутным социализмом. Островом аристократии было офицерство гвардии и отчасти армейской кавалерии.

Генералитет и офицерство не пытались поднять армию против восставшего Петрограда в феврале 1917 г., а высшее командование армии фактически заставило Николая II отречься от престола, саботировав его попытки подавить восстание. По словам русского офицера и философа Ф. А. Степуна февральскую революцию «русское офицерство... приняло без малейших оговорок и сопротивления»⁴. Офицерский корпус 1917 г. в своем большинстве был солидарен с интеллигенцией, верхними и средними слоями города, которые боролись за предоставление им полностью политической власти.

Весной 1917 г. из армии было уволено свыше 150 генералов, многие за монархические убеждения, связи с Двором. Во главе армии стала группа старших офицеров, часть которых вышла из крестьян, простых казаков, открыто декларировавшая свои республиканские, иногда даже социалистические симпатии. Один из представителей этой группы А.И. Деникин, за месяцы революции совершивший стремительный рывок по служебной лестнице от начальника корпуса до начальника штаба Главковерха, а потом командующего фронтом писал, что у него «... было в начале революции искреннее ее приятие и в некоторых отношениях даже ее идеализация». Подобное отношение первоначально разделялось большинством генералитета, занявшего ключевые посты в армии, в результате кадровой

чистки. Однако этот оптимизм в отношении революции стал спадать, когда она перешла от политической к социальной фазе, и когда стал ясно виден процесс распада основных институтов русского общества. Российское офицерство особенно болезненно отнеслось к распаду армии и империи. Глубокий исследователь гражданской смуты генерал Н.Н. Головин позднее писал: «офицерство приняло начало революции без сопротивления, с горячей верой, что Временное правительство доведет войну до победного конца». В результате развала армии и государства в 1917 г. «в настроениях офицерства произошел перелом: отрицательные стороны старого режима забывались, и свергнутая Царская власть превращалась в символ Великой России»⁵.

К лету 1917 г. наиболее решительно настроенная часть генералитета выдвинула идею диктатуры, которую неудачно попытался реализовать в августе Корнилов. Социалистические партии видели в диктатуре военных прямую опасность реакции, восстановления самодержавия. Сами военные, по словам А.И. Деникина, видели в диктатуре «мучительное искание сильной национальной, демократической власти, но не реакцию»⁶. К этому времени Л.Г. Корнилов не вызывал доверия среди монархистов. Сделавший в первые месяцы революции карьеру от командующего корпуса до Главковерха русской армии, в среде монархистов Корнилов считался «революционным генералом», они не могли ему простить арест царской семьи в марте 1917 г. Генерал говорил, что он убежденный республиканец и никогда не поддержит «ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, так как считаю, что династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны»⁷. Под знаменем Учредительного Собрания, а не легитимной монархии начал Корнилов свой поход против Советской власти в феврале 1918 г.

М.В. Алексеев – основатель Добровольческой армии, в советской историографии считался руководителем монархистов в руководстве армии после февраля 1917 г. Так, по мнению Г. З. Иоффе, М.В. Алексеев участвуя в устранении от власти Николая II, «делал ставку на нового царя – Алексея или Михаила» для спасения монархического принципа, а затем после 3 марта 1917 г. стремился к восстановлению монархии, создав для

этой цели, в качестве Верховного главнокомандующего, «Союз офицеров армии и флота» в армии⁸. Однако, при этом никаких доказательств руководства М.В. Алексеевым монархических групп в 1917 г. или связи с подобными группами не приводилось. «Союз офицеров армии и флота» не выдвигал политических целей, а ставил задачей укрепить армию в согласии с Временным правительством. По свидетельству одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова, даже в августе 1917 г. во время выступления Корнилова против Временного правительства, М.В. Алексеев был противником восстановления монархии в России. В.А. Маклаков считал, что в случае победы Корнилова, главной задачей было возвращение государства «к законному порядку ... восстановить монархию, конституцию, народное представительство и управлять в согласии с конституцией». В итоге спора В.А. Маклаков заметил: «Как странно! Мы словно поменялись с вами ролями. Вы, генерал-адъютант, близкий человек к Государю, вы – против монархии! А я, оппозиционер – за!

– Вы правы, – отвечал генерал; – Но именно потому, что я лучше вас знаю монархию, как она есть, – я ее не хочу. Замечание это меня поразило.

– Возможно! – вскрикнул я тут, в свою очередь. – Но уж наших-то общественных деятелей я знаю наверняка лучше вас. А потому – ничего не жду от вашей затеи⁹.

Позиция преемника Корнилова в руководстве белыми силами на юге – генерала Деникина была менее радикальна, однако главное место в определении государственного устройства он отводил не традиции, а воле народа, он считал «одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в своей массе желает той или иной власти». Характерно, что возглавивший в результате военного переворота антибольшевистские силы востока России, адмирал Колчак также декларировал отказ от реставрации, заявлял о желательности демократической формы правления России¹⁰.

Первая политическая декларация Добровольческой армии была обнародована 9 января 1918 г. Добровольческая армия должна была стать «той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной

России. Новая армия должна стоять на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою»¹¹. Как справедливо отмечал участник белого движения и позднее исследователь гражданской войны полковник А.А. Зайцов, «воззвание это, таким образом, становилось на точку зрения непредрешения ни будущей формы правления, ни земельного вопроса. «Мир и земля», провозглашенные большевиками, не нашли в этом воззвании противоядия. Взамен конкретной «цели», по существу дела, воззвание ограничивалось лишь указанием «средства» – создания организованной вооруженной силы. Сама цель оставалась туманной, будучи предоставлена выявлению «державной воли» народа...»¹². Впрочем, эта позиция «непредрешения» руководства Добровольческой армии вполне объяснима сложной обстановкой января 1918 г., когда гражданская война в России только начиналась. Но, к сожалению, и позднее в 1918 и 1919 гг., когда происходили главные битвы гражданской войны, командование Добровольческой армии, как и большинства других белых армий, осталось на платформе «непредрешения».

Политические вопросы оказывали глубокое влияние на внутреннюю жизнь белого движения уже весной 1918 г. Как отмечал участник белого движения на юге России журналист А. Суворин, политические вопросы в Добровольческой армии вышли на первое место после неудачного штурма Екатеринодара и смерти первого командующего генерала Л.Г. Корнилова 31 марта 1918 г. «...в армии, в сущности, было только две партии: «алексеевцы», которых было большинство, – Алексеев почему-то считался монархистом, – и «корниловцы» – демократы, народоуправцы. Из главных полков армии: Офицерский был почти сплошь – монархисты; Корниловский – по преимуществу, народоуправцы... Однако и алексеевцы признавали, что сейчас надо идти за Корниловым, ибо он – яркий боевой талант, такой генерал, который и нужен армии для победы... Все равно нужно, прежде всего, победить общего врага, а до победы обеим партиям надо идти по одной дороге»¹³.

Позднее А.И. Деникин вспоминал, что в мае – июне 1918 г. из офицерства Доброволь-

ческой армии «очень многие считали необходимым немедленное официальное признание монархического лозунга», что проявлялось в брожении в частях и даже убыли из армии в результате агитации правых кругов. На совещании командного состава армии в станице Егорлыкской А.И. Деникину удалось убедить армию в правильности политики «непредрешения государственного строя», оставив на будущий выбор всего народа политический строй – монархию или республику. Позднее А.И. Деникин писал, что в 1918 г. монархический лозунг возможно и принес бы белым больше доверия групп несоциалистической интеллигенции, но они «рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством – тогда не только не склонным к принятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей»¹⁴.

Политика «непредрешения» унаследованная А.И. Деникиным поддерживалась его ближайшими соратниками генералами И.П. Романовским, С.Л. Марковым. Генерал М.В. Алексеев сообщал великому князю Николаю Николаевичу о настроении освобожденной белыми частями Кубани летом 1918 г. – «Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархии. Болезненный микроб федерации еще бродит среди населения»¹⁵. Председатель Особого Совещания А.С. Лукомский в эмиграции писал, что еще в 1918 г. население Юга России мало знало реальности жизни при власти большевиков и видело в лозунгах революции «право устраивать жизнь по собственному желанию». В результате в 1918–1919 гг. «провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьянской и рабочей массы»¹⁶.

Однако даже среди генералов Добровольческой армии 1918 г. эта политика не пользовалась большой популярностью. Ее оппонентом был, например, М.Г. Дроздовский. Позднее А.И. Деникин отмечал, что «громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами». За пределами армии линия на «непредрешение» государственного строя резко критиковалась. Генерал граф Ф. Келлер «самый благородный из крайних правых... рыцарь монархии и династии, человек прямой и чуждый интриги», по характеристике А.И. Деникина, призывал одного из основателей Добровольческой

армии генерала М.В. Алексеева открыто показаться в участии в свержении власти Николая «и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя». Руководство Астраханской армии летом 1918 г. сообщило «Правому центру», что необходимо провести «чистку» руководства Добровольческой армии, так как «в составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский...»¹⁷.

В 1918 г. выяснилось, что идея русского парламента – Учредительного собрания, во имя которой левая интеллигенция готовила революцию, не пользуется большой популярностью в народе. В январе 1918 г. Л. Г. Корнилов планировал передать власть вновь созванному после разгона большевиками Учредительному собранию, которое «как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй». Всего через полгода, в письме полковнику М.И. Штенгелю, Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев признавал, что «необходимо считаться с существующим положением вещей и поэтому лозунг «Учредительное Собрание» надлежит уже признать мало действительным для практической работы (чего не отрицают даже и левые элементы»¹⁸.

Политика «непредрешения», которая должна была, по замыслу А.И. Деникина, сплотить все здоровые силы России для борьбы с большевизмом, по мере разрастания гражданской войны становилась главной политической проблемой белых. Позднее один из командиров ВСЮР А.Г. Шкуро вспоминал: «Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную... Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах?»¹⁹.

Гражданская война проходила на фоне интересных и до сих пор не изученных процессов в общественном сознании на территории Российской империи. Монархия, свергнутая в

результате, по выражению Евгения Трубецкого, национальной революции, в которой принимали участие все классы русского общества, через некоторое время обрела множество приверженцев. Идеи монархизма, осмеянные всем обществом, весной 1917 г., по мере углубления противоречий и кризиса России, постепенно становились популярными. В конце 1917 – 1918 гг. этот процесс затронул обеспеченные городские слои, интеллигенцию, наиболее пострадавшие к этому времени от развития революции, а также обладавшими большим интеллектуальным кругозором по сравнению с остальными группами населения. В 1918 г. большая часть либеральной интеллигенции и все несоциалистические партии склонялись к идее конституционной монархии. 14 мая 1918 г. А.С. Лукомский писал А.И. Деникину – «Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправление произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию»²⁰. М.В. Алексеев к лету 1918 г. пришел к мысли о необходимости монархии для России в будущем. В письме генералу Д.Г. Щербачеву от 31 июля 1918 г. Алексеев отмечал: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонились от этого основного принципа»²¹. При этом отношение казачества и крестьянства, по крайней мере в полосе расположения белых частей, к монархии оставалось более сложным, так как с ней связывались воспоминания о различных обязанностях населения при старом режиме. В это время сельские общины хотели только закрепления своего суверенитета и отсутствия какого-либо руководства из центра.

В 1919 г. тяготы гражданской войны и действия большевиков вызвали ностальгию по ста-

рым временам у самых широких масс казачества и крестьянства. Показательно в этом отношении наблюдение полководца Красной армии Филиппа Миронова в июне 1919 г. «не только на Дону деятельность некоторых ревкомов ... вызвало поголовное восстание, но это восстание грозит разлиться широкою волною в крестьянских массах по лицу всей Республики. Если сказать, что на народных митингах в селах ... открыто раздавались голоса: «Давай царя!», то будет понятным настроение толщи крестьянской...»²². Меншевик Кучин-Оранский писал, что в 1919 г. в центр России «Добровольческая армия шла, предшествуемая и поддерживаемая крестьянскими волнениями. В стране происходили глубокие сдвиги... Широкие слои населения оказались захваченными национально-реакционными настроениями... Крыло реакционных настроений коснулось и рабочей массы»²³.

Белые армии стали испытывать сильное влияние монархизма уже в первой половине 1918 г. Командование Добровольческой армии с лета 1918 г. подвергалось сильному давлению, как офицерского состава, так и поправивших политических лидеров, требовавших поднять монархический флаг, отказавшись от неопределенности «народоправства». Этого требовали не только монархист В.В. Шульгин, но и либералы Г. Трубецкой и П.Н. Милюков. Однако это так и не было сделано. Впоследствии, объясняя этот факт, белые генералы говорили, что провозглашение монархических лозунгов оттолкнуло бы от них казаков и массы остального населения. Но, как мы видели, в политических настроениях населения между 1918 и 1919 гг. произошли существенные изменения. Впрочем, возможно вожди белых не смогли их вовремя заметить. Генералам, руководившим антибольшевистской борьбой, не хватало политического чутья. В гражданской войне военные проиграли политикам.

Кроме того, значительную роль играли политические симпатии руководителей белого дела. В.В. Шульгин вспоминал, как А.И. Деникин критиковал его линию на возрождение монархии в белой прессе – «...Вы очень выпячиваете монархизм. Конечно, много офицеров – монархистов. Но у вас выходит так, что единственная цель Добровольческой армии – возрождение монархии. Это не так... Россию мы хотим восстановить.

А форма правления – это вопрос второго порядка»²⁴. П.Н. Врангель характеризовал А. Деникина, как человека, проникнутого настроениями армейской среды «провинциальной, мелкобуржуазной с либеральным оттенком» с предубежденным отношением к «аристократии» и «двору»²⁵. Это предубеждение определяло отношение А. И. Деникина и к монархизму. Один из членов Особого Совещания Н.В. Савич вспоминал об отказе Деникина призвать к руководству армии великого князя Николая Николаевича, единственного из Романовых, имеющего всероссийский авторитет. А.И. Деникин ответил, что это равносильно восстановлению монархии – «Ведь за Романовыми опять потянутся все эти негодяи и опять все начнется сначала»²⁶. Главную роль в правительстве А.И. Деникина играли левые кадеты, привыкшие, по наблюдению Савича, «ненавидеть старый строй, так тесно связанный с династией Романовых». Начальником штаба ВСЮР был генерал И.П. Романовский, которого многие в белой армии считали социалистом. По словам участника белого движения, выходца из аристократической семьи Н.В. Волкова-Муромцева – «Правительство белой армии боялось реакции больше, чем большевиков»²⁷.

Ударное формирование белого дела – Добровольческая армия испытало сильное влияние революции на свою структуру и характер. Ее части мало походили на полки русской императорской армии. По воспоминанию одного из ее генералов в армии царил «удельно-вечевой порядок». Части сами выдвигали своих командиров, требовали от командования изменений в политике, стратегии, тактике, кадровых вопросах. Монархизм Добровольческой армии был далеко не тождественен легитимизму правых кругов. Генерал Н.Н. Головин отмечал, что «Добровольческая армия духовно была родственна французской армии, возведшей на престол Наполеона. Это сходство увеличивалось еще и тем разочарованием в революции, которое было присуще обеим этим армиям. Враждебное недоверие к «штатским политикам» сочеталось в них с верой в спасение через выдвинутых ими на свои верхи военных вождей»²⁸.

Особой популярностью в среде молодых офицеров пользовался Корнилов. Позднее один из участников Ледяного похода писатель

Роман Гуль вспоминал – «В Корнилове было «героическое». Это чувствовали все и потому шли за ним слепо с восторгом...». Однако, подобное отношение затем перешло и на Деникина, на Врангеля. Армия искала героя, вождя. В ходе гражданской войны в антибольшевистском лагере дважды предпринимались попытки провозглашения монархических принципов. В 1918 г. наряду с Добровольческой армией на Юге, под патронажем донского атамана Краснова при помощи гетмана Скоропадского и немецких властей была сформирована, под лозунгом восстановления монархии, Южная армия. Задуманная с целью отвлечь офицеров-монархистов от антантофильской Добровольческой армии, она так и не стала серьезной боевой силой. Часть ее состава затем перешла в Добровольческую армию.

После сокрушительных поражений 1919 г., когда армии Колчака были отброшены от Волги в Приморье, а ВСЮР от Курска в Крым, старых белых вождей сменили генералы с более правыми убеждениями. М.К. Дитерихс открыто поднял монархический флаг в июне 1922 г., провозгласив себя «земским воеводой», идущим установить монархию в Россию. Однако, военные ресурсы «земской рати» Приморья не шли ни в какое сравнение с Красной армией, что и предопределило разгром «земского воеводы». Процесс «правения» белой военной среды завершился в эмиграции.

Несмотря на свою социальную пестроту в своей основе «белое дело» являлось движением верхних и средних городских классов Российской империи. Белые полки составляли, по признанию одного из руководителей ВЧК М. Лациса «юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащая молодежь... лица свободных профессий». Революция февраля 1917 г. была, прежде всего, делом городских слоев. На какое-то время их интересы совпали с интересами остального населения России, уставшего от чрезмерной государственной опеки и затянувшейся войны. Но очень скоро стало ясно, что либерально-демократические идеалы городских слоев чужды и непонятны громадному большинству населения Российской империи. В попытке найти компромисс между политическими силами, в белом лагере возобладала тенденция отложить все споры о вопросах будущего

государственного строительства до победы над большевиками. Это настроение привело к победе политики «непредрешения» форм государственного устройства до созыва полномочного представительного органа всей России – Учредительного или Национального собрания.

-
- ¹ Вернадский Г.В. *Русская история*. М., 1997. С. 312
 - ² Федотов Г.П. *Проблемы будущей России. // Судьба и грехи России*. СПб., 1991. С. 261.
 - ³ Гринвелл Д. *История XX в. М.*, 1999. С. 69.
 - ⁴ Степун Ф.А. *Мысли о России. // Литература русского зарубежья*. М. 1990. Т. 1. К. 1. С. 301.
 - ⁵ Головин Н.Н. *Российская контрреволюция*. Париж, 1937. Кн. 5. С. 63.
 - ⁶ Деникин А.И. *Очерки русской смуты*. М., 1991. Т. 1. С. 122.
 - ⁷ Епифанов А. *Пути Добровольческого движения. // Грани*. 1975. № 97. С. 233.
 - ⁸ Иоффе Г.З. «Белое дело». *Генерал Корнилов*. М., 1989. С. 55.
 - ⁹ Якобий И. П. *Император Николай II и революция*. М., 2010. С. 372.
 - ¹⁰ Плотников И.Ф. *Колчак*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 195.
 - ¹¹ Зайцов А.А. *1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны*. Париж, 1934. С. 41.
 - ¹² Зайцов А.А. *Указ*. Соч. С. 42
 - ¹³ Цветков В. Ж. *Генерал Алексеев*. М. 2014.
 - ¹⁴ Деникин А.И. *Очерки русской смуты*. Берлин, 1924. Т. 3. С. 131 – 132.
 - ¹⁵ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Берлин, 1924. Т. 3. С. 256.
 - ¹⁶ Лукомский А.С. *Из воспоминаний // Архив русской революции*. Берлин, 1922. Т. 6. С. 140.
 - ¹⁷ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Берлин, 1924. Т. 3. С. 136.
 - ¹⁸ *Белый архив*. Париж, 1928. Кн. 2 – 3. С. 181 – 183.
 - ¹⁹ Шкуро А.Г. *Записки белого партизана*. М., 2004. С. 215.
 - ²⁰ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Т. 3. С. 131.
 - ²¹ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Т. 3. С. 130.
 - ²² Филипп Миронов. *Документы*. М., 1997. С. 255.
 - ²³ Деникин А.И. *Поход на Москву*. М., 1996. С. 78.
 - ²⁴ Шульгин В.В. *Последний очевидец*. М., 2002. С. 487.
 - ²⁵ Врангель П.Н. *Записки*. М., 19991. Т. 1. С. 98.
 - ²⁶ Савич Н.В. *Закат белого движения. // Москва*. 1991. № 11. С. 19.
 - ²⁷ Волков – Муромцев В.Н. *Юность; От Вязьмы до Феодосии*. Париж, 1983. С. 347.
 - ²⁸ Головин Н.Н. *Указ*. Соч. Кн. 5. С. 65.

*Елена Юрьевна Дубровская,
Россия, Петрозаводск, Институт языка,
литературы и истории Карельского научного
центра РАН, старший научный сотрудник
сектора истории, кандидат исторических наук*

«Озерный фронт» в 1919 г.: боевые действия на Онежском озере и в Обонежье в период гражданской войны и интервенции на Русском Севере

В переломные для истории Российского государства годы революции и Гражданской войны населенная карелами территория уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии и Франции – недавних союзников по антигерманской коалиции¹.

В июле 1918 г. территория Российской Карелии стала театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и ее союзника Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидными их цели – укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере и борьба с большевизмом. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии². В то же время в Ухтинской волости оставались так называемые «белые финны», которые готовили новое вторжение в Российскую Карелию. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, все более накаляла обстановку в северно-карельских волостях.

1919 г. стал особенно напряженным в военном отношении. В это время почти вся территория, населенная карелами, находилась под властью интервентов и антибольшевистских сил. В январе 1919 г. велись военные действия Красной армии как против войск созданного в Архангельске белого Временного правительства

Северной области (ВПСО), так и против союзных ВПСО военных формирований интервентов, прежде всего англичан, высадившихся в Архангельске и Онеге³.

В годы Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию акватория Онежского озера с прилегающими к нему районами, занятыми объединенными войсками Временного правительства Северной области и его союзников по Антанте, превратилась, по образному выражению писателя К. Паустовского, в настоящий «озерный фронт». С осени 1918 г. в Петрозаводске базировалась Онежская военная озерно-речная флотилия, район её действия охватывал не только Онежское, но и Ладожское озера и р. Свирь. История флотилии получила освещение в исследованиях петрозаводских историков К.А. Морозова и С. М. Титова⁴, к огромному сожалению, ушедших из жизни весной 2015 г. почти одновременно.

В 1919–1920 гг. боевые действия между «красными» и «белыми» велись как на Ладожском, так и на Онежском озерах, где обе стороны располагали озерными флотилиями⁵. Онежская военная озерно-речная флотилия, базировалась в Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края. Балтийский флот, выполнявший свои собственные боевые задачи, смог передать флотилии только два минных заградителя «Язу» и «Березину». Поэтому командование флотилии решило включить в её состав суда местного озерного и речного транспорта, переоборудовав их, главным образом, большие озерные пароходы, в военные корабли.

Первоначально на Онежском озере действовал только дивизион канонерских лодок из 8 единиц. Остальные боевые суда флотилии находились на Ладожском озере. Петрозаводск стал главной базой флотилии, а для размещения судовых команд и штаба флотилии, а для размещения судовых команд и штаба флотилии Олонецкий губернский исполком по инициативе его председателя П.Ф. Анохина предоставил одно из лучших зданий города – дом бывшего епархиального училища.

Среди главных проблем в формировании флотилии было отсутствие вооружения на бывших пароходах, её начали решать с помощью действовавшего в Петрозаводске Александровского снарядодельного завода. Большинство ко-

манд комплектовалось в основном матросами Балтийского флота, которые сформировали ядро личного состава все три года существования флотилии⁶. Кроме того, во флотилию привлекали на добровольных началах матросов пассажирских и грузовых пароходов, курсировавших по Онежскому озеру. Моряки, изъявившие желание служить во флотилии, подписывали контракт и становились военными моряками. Большая часть их была уроженцами Карелии.

Командующим флотилией был назначен опытный военный специалист из офицеров Балтийского флота Э.С. Панцержанский (1887–1937). Он состоял на военной службе с 1908 г., в 1910 г. окончил морской корпус, в годы Первой мировой войны принимал участие в боевых операциях флота и был контужен в одном из боев. Осенью 1917 г. до обретения Финляндией независимости Панцержанский занимал должность флагманского минера шхерного отряда судов Балтийского моря и Або-Оландской укрепленной позиции. В Онежской флотилии он находился с первых дней её организации, первоначально являясь помощником начальника флотилии и начальником базы, а с ноября 1918 г. – командующим флотилией⁷.

Значительную часть командного состава Онежской флотилии составляли бывшие офицеры Балтийского флота, имевшие за плечами опыт Первой мировой войны. Некоторые из них были участниками легендарного, спасшего флот от гибели Ледового похода 200 кораблей из осажденного немцами Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт в апреле 1918 г., похода, осуществленного под руководством командующего флотом капитана I ранга А.М. Щастного⁸. К числу морских офицеров, совершивших этот беспримерный подвиг, принадлежал и ставший с марта 1919 г. начальником штаба Онежской флотилии Г.А. Степанов, первоначально командовавший заградителем «Шексна».

Однако командный состав не был знаком с особенностями плавания и боевых действий на озерах и реках, к тому же давала себя знать острая нехватка кадров военных специалистов. Весной 1919 г. Панцержанский обращался в Генеральный морской штаб с настоятельной просьбой срочно прислать на флотилию ещё восемь кадровых опытных офицеров, т.к. «присланные никуда не годятся, в большинстве слу-

чаев совершенно не плававшие на боевых кораблях, один из них – сельский учитель, ни разу не ступавший на палубу»⁹. Э.С. Панцержанскому принадлежит особая роль в деле организации флотилии и подготовки боевых судов и личного состава к предстоящим боевым операциям.

Захватив в мае 1919 г. Медвежью Гору и выйдя с севера на побережье Онежского озера, интервенты и части белых получили время для создания здесь своей флотилии и баз для кораблей и авиации, а также для установки береговых батарей. Первоначально эта флотилия насчитывала 10–12 катеров-истребителей и несколько вооруженных судов. По железной дороге интервенты спешно подвезли из Мурманска несколько судов и спустили их озеро, доставили в Медвежью Гору несколько гидропланов, их гидроавиация, насчитывавшая около 20 гидросамолетов, подчинялась Штабу командующего Мурманским фронтом. В конце июля – начале августа 1919 г. сюда прибыли катера-истребители, 6 английских катеров, моторные катера «Таможенный», «Кемь», «Сорока», «Ирма» и другие суда, вошедшие в состав белой Онежской флотилии. Гидроавиация, насчитывавшая около 20 гидросамолетов, подчинялась штабу командующего Мурманским фронтом.

Начальником флотилии белых был назначен капитан 2 ранга А.Д. Кира-Динжан. Команды судов состояли, главным образом, из англичан и в незначительной степени из русских. На английских катерах служили исключительно английские команды, летчиками являлись англичане и французы. Их авиация имела безусловное преимущество в воздухе и систематически производила глубокую разведку. Самолеты с английскими и французскими опознавательными знаками совершали налеты на дозорные корабли советской Онежской флотилии и её главную военную базу Петрозаводск.

Кораблями Онежской флотилии союзников командовали как английские морские офицеры, так и российские флотские офицеры, служившие у белых. В их числе был лейтенант Г.Н. Лисаневич, начавший свой путь морского офицера на Балтике, а затем командовавший в Петрограде эсминцем «Капитан Изыльметьев». Уволенный от службы в Красном флоте в мае 1918 г. по требованию из Москвы и объявленный «врагом народа», он продолжал оставаться на миноносце.

Современники характеризуют его как человека отчаянной храбрости и находчивости, не оставившегося ни перед чем, хотя он «не раз находился на волоске от смерти». Лисаневич стал одним из инициаторов возмущений против расстрела А.М. Щастного. Сослуживец по флотилии называл его «народником», а эмигрант-монархист Г. К. Граф отмечал его нетерпимость к «завоеваниям революции». Избежав ареста в Петрограде благодаря команде эсминца, которая не выдала своего командира, Лисаневич пробрался на архангельский фронт, став и здесь любимцем солдат, воевал в составе белой Онежской флотилии и командовал сторожевым судном «Боевой». После разгрома флотилии был арестован и содержался в заключении в исправительном доме Петрозаводска¹⁰.

По боевым качествам корабли советской Онежской флотилии значительно уступали противнику. Это были обыкновенные буксирные пароходы, с трудом приспособленные для ведения военных действий. Превосходство сил интервентов и белогвардейцев в воздухе и на воде стало серьезной причиной неудач советской флотилии во время первого периода боев летней кампании 1919 г. на Онежском озере.

В августе в Повенецком заливе советская Онежская флотилия понесла крупные потери в судовом составе от совместного нападения авиации и быстроходных катеров противника. 2 августа начальник союзнической флотилии Кира-Динжан объявил боевой поход, взяв на себя командование операцией. Целью похода был захват дозорных судов советской флотилии. Бой в районе острова Речного начался утром следующего дня. В тот же день части интервентов и белогвардейцев атаковали с суши и с озера подразделения Красной армии в Заонежье, в районе д. Падмозеро. В с. Толвуя высадились подразделения белых. После ожесточенных боев, пользуясь численным превосходством своих войск, они вынудили находившиеся в Заонежье два батальона Красной армии оставить Заонежский полуостров. В Великой Губе и Сенной Губе были созданы промежуточные базы белых для катеров и гидропланов. Установленные на о-ве Мег батареи закрывали вход в Повенецкий залив.

Несмотря на стойкое сопротивление моряков советской Онежской флотилии, в числе которых

отличилась команда, вахтенный начальник П. Толбузин и командир канонерки № 6 Н.Н. Варзугин, 3 августа флотилия потерпела в бою поражение. Противнику удалось вывести из строя и захватить канонерскую лодку № 2, сторожевое судно и сторожевой катер¹¹.

Приказом по русским войскам Мурманского района лоцман Ф. Филин, уроженец заонежской деревни Шуньгский бор, служивший у белых, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Находясь в бою 3 августа на головном истребителе, он «под огнем противника в атаке на суда повел отряд по загражденному узкому фарватеру через риф» и содействовал успеху операции¹². Так земляки, уроженцы одних мест, оказывались разведенными по разные стороны линии фронта братоубийственной гражданской войны.

В огромной степени ответственность за это лежит на организаторах союзнической интервенции, которая ничем не может быть оправдана. По справедливому наблюдению исследователя, на русском Севере отсутствовали большие противостоявшие друг другу группы населения, готовые отстаивать свою правду и интересы с оружием в руках. Политическая борьба протекала здесь в 1917 г. – первой половине 1918 г. мирно и вряд ли вылилась бы в жестокую гражданскую войну без иностранного вооруженного вмешательства¹³.

Наступление интервентов на Севере летом 1919 г. натолкнулось на упорное сопротивление красноармейских частей 6-й армии. Уже в июне противник вынужден был отказаться от запланированных крупных операций на вологодском, северодвинском и петрозаводском направлениях. Переход войск интервентов и белогвардейцев в наступление был сорван серией восстаний в белогвардейских частях в июле 1919 г. Первые признаки разложения иностранных войск на Севере появились летом 1919 г., когда французские и итальянские солдаты начали группами уходить с фронта. В июне командование интервентов было вынуждено вывести с Севера американские, французские и итальянские части¹⁴. Остались только английские войска, но и среди английских солдат все более росло движение против интервенции¹⁵. Союзное командование было вынуждено еще летом 1919 г. эвакуировать в Англию некоторые свои части как небоеспособные.

Новое наступление на Севере в поддержку русских белых армий А.И. Деникина и Н.Н. Юденича должно было прикрыть готовившуюся эвакуацию иностранных войск и поднять пошатнувшееся моральное состояние рядовых. По замыслу организаторов, наступление в Карелии предполагалось провести на всех участках фронта – Пудожском, Заонежском и железнодорожном. В августе 1919 г. наступление началось на Заонежском полуострове и на Пудожском направлении. В течение июля – августа 1919 г. командование красноармейских частей в Карелии приняло меры, которые значительно увеличили силы Онежской военной озерно-речной флотилии. После боя 3 августа 1919 г. командование сухопутных войск поддержало предложение об увеличении ее боевой мощи.

Над Петрозаводском вновь нависла опасность. В разведывательной сводке 7-й армии сообщалось о том, что интервенты поставили русскому командованию Мурманского фронта задачу занять Петрозаводск до 15 августа. Во время налета на Петрозаводск трех неприятельских гидроаэропланов 5 августа на город было сброшено около 10 бомб. Три из них упали в городском Летнем саду, четыре – между Онежским заводом и Советским мостом, была убита девочка 12 лет, полоскавшая белье. Остальные бомбы сбрасывались на суда Онежской флотилии. Один из матросов был ранен осколком. 7 августа в 9 часов утра противник сбросил на город с гидросамолетов четыре бомбы, в числе пострадавших оказались два тяжелораненых матроса и один раненый легко. Через час еще один гидроаэроплан сбросил бомбы и прокламации. При налетах гидроаэропланы обстреливались артиллерией с судов флотилии, а также из пулеметов. В середине августа в Петрозаводск прибыли советские гидроаэропланы, предназначенные для борьбы с противником в воздухе¹⁶.

7 августа в Петрозаводск был направлен эскадренный миноносец Балтийского флота «Сторожевой». И хотя этот корабль находился во флотилии немногим больше месяца, он оказал существенную помощь судам при проведении боевых операций. Во флотилию поступили две плавучие батареи, их вооружение было произведено на Обуховском заводе в Петрограде, а также гидроотряд, состоявший из четырех самолетов.

С середины августа Онежская флотилия в административном, техническом и хозяйственном отношении стала подчиняться непосредственно Реввоенсовету Балтийского флота. С Балтики сюда были направлены флотские специалисты. В результате принятых мер боевая мощь флотилии стала превосходить силы противника. Теперь, не ограничиваясь несением дозорной службы и выполнением задач по поддержке сухопутных частей, флотилия вступила в новый период своей истории – время борьбы за господство на Онежском озере и проведения наступательных операций¹⁷.

В первой половине сентября войска белых на Мурманском участке фронта, имея численное превосходство в людях и вооружении, стремились продвинуться на юг по линии железной дороги и захватить Петрозаводск. Советские части вынуждены были отступить, и неприятель занял ст. Кивач, расположенную в 50 км от города. В результате боев враг приблизился теперь к Петрозаводску и с севера¹⁸.

Осенью 1919 г. белым войскам удалось захватить территории на железнодорожном и петрозаводском направлениях. Главные силы интервентов и белогвардейцев действовали в зоне Мурманской железной дороги. После неудач летнего наступления в Карелии и на Северной Двине союзники решили эвакуировать свои войска, оставив оборону Севера на командующего белыми армиями Временного правительства Северной области генерала Е.К. Миллера. Русская Северная армия должна была остаться один на один с грозным противником. Уход иностранных войск с Севера означал прекращение военной интервенции, но не интервенции в широком смысле слова, т.к. бывшие союзники продолжали поддерживать армию генерала Миллера оружием, деньгами, продовольствием.

14 сентября 1919 г. началось последнее наступление с участием интервентов в Карелии. Они овладели ст. Лижма, но не сумели полностью обескровить красноармейские части. Нарастало недовольство режимом интервентов и Временного правительства Северной области. Главкомандующий войсками союзной экспедиции генерал Ф. Пуль писал об обстановке, сложившейся на Севере в связи с попытками союзников путем мобилизаций пополнить ряды своей

армии: «Массы оказались настолько заражены большевизмом, что объявление мобилизации означало по существу набор кадров для Красной армии»¹⁹.

Методы проведения мобилизации красноречиво описаны очевидцем событий в Медвежьей Горе С.И. Нестеровым: «На Медвежке был генерал английский Юбка. Его так звали потому, что ходил так, точно в юбке. [вероятно, шотландец. – Е. Д.] Какую деревню не займет, старых и малых выгоняют на фронт, а потом пишут в газете («Северная Россия» у них была), что ишь у нас наплыв добровольцев в народническую армию. А мужики деревенские говорят: «Раз розгами бьете, так поневоле пойдешь». В Покровском били розгами двоих, можно персонально назвать... и еще двенадцатилетнего мальчишечку»²⁰.

В результате мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 50 лет численность белой северной армии к началу 1920 г. достигла 55 тыс. чел., но насильно вовлеченные в ее ряды военнослужащие несли ей не силу, а разложение. «Армия потеряла понимание целей, потеряла идеологию войны, с которой первые лучшие бойцы шли против большевиков», – признавал впоследствии бывший член Временного правительства Северной области правый эсер Е.В. Вдовин²¹. В середине сентября, остановив наступление вражеских войск на всех участках фронта, части Красной армии перешли в контрнаступление. Успешному развитию наступления особенно способствовало осуществление десантной операции в тылу противника по овладению ст. Лижма на берегу Лижемской губы, севернее ст. Кивач, при помощи и поддержке судов Онежской флотилии. В проведении операции лижемской участвовали батальон 3-го стрелкового полка под командованием Е.Н. Линовского, отряд петрозаводских коммунистов под командованием Г.В. Зуева, а также батальон 6-го финского полка, который возглавил Э.Г. Матсон. Полк был сформирован в начале 1919 г. из отряда «красных финнов» – эмигрантов в советскую Россию, потерпевших поражение в гражданской войне в Финляндии зимой-весной 1918 г.

25 сентября при поддержке кораблей советской Онежской флотилии в северной части Лижемской губы высадился десант, который сумел взорвать железнодорожный мост и разобрать железнодорожное полотно в районе ст. Лиж-

ма. В результате операции были разгромлены два батальона частей белых и прочно занята железнодорожная станция в тылу противника. Своевременная высадка десанта сорвала планы белогвардейских войск на Мурманском участке фронта. Имея численное превосходство в людях и вооружении, их командование рассчитывало продвинуться на юг по железной дороге и захватить Петрозаводск. 25 сентября 1919 г., нанеся удар по Лижме, красноармейские части перерезали коммуникации неприятеля, действовавшего под Петрозаводском²².

После успешной высадки десанта под Лижмой советская Онежская флотилия в октябре и в начале ноября 1919 г. провела ряд операций совместно с частями Красной армии в Заонежском и Повенецком заливах Онежского озера²³. Основная цель этих операций состояла в том, чтобы уничтожить флотилию и береговые батареи противника и освободить от белых Медвежью Гору и Повенец. Линия фронта в этот период в северной части Онежского оз. проходила по его восточному берегу в 20 км севернее г. Пудожя. На этом участке фронта противник был остановлен в конце августа 9-м стрелковым полком под командованием И.Д. Спиридонова.

Весь Заонежский полуостров, за исключением острова Климецкого, оставался в руках белых войск. В районе Мурманской железной дороги они находились южнее ст. Кяппесельга²⁴. 9 октября на Заонежском полуострове в районе д. Кузаранда с кораблей советской Онежской флотилии высадился десант в составе двух батальонов 6-го финского полка. Во взаимодействии с флотилией десант развернул операции по изгнанию противника с полуострова. В результате этих действий в течение пяти дней была освобождена большая часть полуострова, включая д. Шуньгу, ликвидирована артиллерийская неприятельская батарея на о-ве Мег.

Согласно оперативным сводкам, буксиры «Химера» и «Кибальчич», входившие в состав советской военной флотилии, после продолжительного сопротивления неприятеля высадили отряд моряков на острове, где «заставили противника обратиться в панику». Остров Мег был взят 11 октября в 5 часов, на нем «захвачено 7 орудий морских, из них 2 тяжелых, радиостанция, огнеприпасы и пр.»²⁵. Потерпев серьезное поражение, противник уже не делал попыток к

новому наступлению. На этом участке фронт стабилизировался и оставался в таком положении до изгнания белых войск из Карелии в конце зимы 1920 г.

Три операции Онежской флотилии, проведенные под руководством Э.С. Панцержанского, – Видлицкая, Лижемская и Повенецкая – вошли во многие учебники и исследования по истории гражданской войны и военного искусства. Командующий флотилией Э.С. Панцержанский был награжден Орденом Боевого Красного Знамени. Политотдел Балтийского флота обратился к морякам с приветствием, отметив героические действия Онежской флотилии под Лижмой.

Во время операций в Повенецком заливе в начале ноября 1919 г., целью которых командование ставило освобождение Медвежьей горы и Повенца, отличились моряки канонерской лодки № 7. На ее борту находились командующий флотилией Э.С. Панцержанский, начальник штаба Г.А. Степанов и флагманский штурман К.А. Мигаловский. Смело действовали в бою матросы канонерки Г. Паюман, М. Блинов, Д. Дроздов, А. Андерсон, машинист А.А. Лебедев, командир буксирного судна «Желябов» А.А. Мишев, и помощник машиниста того же буксира Л.Н. Ганжинов, личный состав канонерки № 3 Ф.П. Кузин, Р.Г. Зембах, М.И. Бараев, Н.Д. Тарасов и др.²⁶.

События этих дней снискали славу среди своих соратников и участникам боев, сражавшихся по другую сторону линии «озерного фронта». 20 ноября в соответствии с приказом по русским войскам Мурманского района Северной армии Георгиевский крест 4-й степени получил гардемарин Онежской флотилии белых В. Майвладов за постановку минных заграждений «у входа в Повенец под сильным огнем противника в ста шагах от берега, занятого неприятелем». В начале ноября за проявленное мужество при удержании острова Сосновец этой же наградой были отмечены комендоры А. Мецайко (посмертно) и И. Кожин, гардемарин Морского училища Ю. Хлебников. Последний был также награжден Георгиевской медалью 4-й степени вместе с матросами Г. Лаптевым, А. Кириловым, Г. Семеновым, К. Казистовым, минером А. Кузнецовым и комендором В. Миселевым²⁷.

Высокие боевые качества моряков, имевших за плечами опыт Первой мировой войны и сра-

жавшихся в стане белых, явились одной из причин, не позволивших советской Онежской флотилии в октябре – ноябре 1919 г. занять Медвежью гору и Повенец и выполнить конечную цель операции в Повенецком заливе. Операция, проходившая в необычайно трудных условиях поздней осени, наступившего похолодания, штормов и пурги, не увенчалась успехом. Опасаясь трудностей в снабжении красноармейских частей в Заонежье, командование решило эвакуировать их с полуострова. 14 ноября 6-й финский полк прибыл из Заонежья в Петрозаводск. 9-й стрелковый полк под натиском противника отошел к с. Челмужи и закрепился здесь²⁸.

Армия, сражавшаяся под антисоветскими знаменами, первоначально была более многочисленной и лучше организованной, т.к. опиралась на имевшие опыт мировой войны кадровые интервенционистские соединения. Вместе с тем у этой армии имелись и огромные внутренние трудности²⁹. У ее руководства стояли люди, представлявшие разные партии, программы, течения: от социалистов до монархистов. Непреодолимая стена возникла между рядовыми солдатами и командным составом – выходцами из дворян и зажиточных слоев общества. Рядом сражались части, преследовавшие разные, подчас противоположные цели.

- ¹ Гришанин П. И. *Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 – начала 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление* // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2009. № 4. С. 48–62; Шумилов М. И. *Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России (Историографический очерк)*. Петрозаводск, 1992; Морозова О. М. *Антропология гражданской войны*. Ростов н/Д, 2012; Розенберг У. *Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы)* // *Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923*. М., 2014. С. 35–62.
- ² Голдин В. И. *Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920*. М., 1993; Новикова Л.Г. *Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на Русском Севере. 1917–1920*. М., 2011; Шумилов М. И. *Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920* // *История Карелии с древнейших времен до наших дней*. Петрозаводск, 2001. С. 342–426.
- ³ Барон Н. *Столкновение империй: Российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России* // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2011, № 6. С. 90 – 96.
- ⁴ Морозов К.А. *Онежская флотилия. 1918 – 1920*. Петрозаводск, 1961; Титов С. М. *Бой 3 августа 1919 г. на Онежском озере* // *Корттик. Флот. История. Люди*. 2011. № 12-13; Он же. *Бои на Онежском озере в 1919 г. (по материалам фондов НМ РК)* // *Вестник Карельского краеведческого музея*. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 84–102. Он же. *К истории взаимоотношений командования морских и сухопутных сил Красной Армии в боях на Онежском озере в 1919 году* // *Человек в истории: героическое и обыденное*. Петрозаводск, 2012. С.147 – 153.
- ⁵ Г.С. [Степанов Г.А.] *Четыре года назад в Онежском озере (Воспоминания участника)* // *Морской сборник*. 1924. № 6. С. 3 – 13.
- ⁶ Морозов К.А. *Указ.соч.* С.7-22, 60.
- ⁷ *Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии)*. Фонд «Русские военные бумаги»; Макарова Ф. *Вступительная статья к воспоминаниям: Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю* // *Север*.1987. № 7. С.73 – 74. *После окончания гражданской войны Э.С. Панцержанский занимал ряд высоких командных должностей в советском Военно-Морском флоте – начальника морских сил Каспийского моря, начальника морских сил Черного и Азовского морей, помощника командующими войсками Украины и Крыма по морской части и помощника главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. В 1921–1924 гг. он командовал морскими силами республики, в 1924 г. по рекомендации М.В. Фрунзе был назначен командующим Морскими Силами СССР, а в 1925–1926 – Морскими силами Черного моря. В 1937 г. жизнь флагмана I ранга трагически оборвалась, как и сотен советских военачальников, оговоренных и уничтоженных по нелепым обвинениям в эпоху сталинских репрессий.*
- ⁸ *Арест А.М. Щастного по обвинению в подготовке антибольшевистского переворота, бывший, по сути, сведением личных счетов со стороны наркома по военным делам Л.Д. Троцкого, и расстрел летом 1918 г. вызвали возмущение среди военных и волну протестов, прокатившуюся по стране.*
- ⁹ РГА ВМФ. Ф.Р- 124. Оп.1. Д.178. Л.329.
- ¹⁰ Там же. Д.194. Л.2, 3 об., 9 – 10; Граф Г. К. На «Новике». Мюнхен, 1922. С.354, 358 -359, 376-377.
- ¹¹ РГА ВМФ. Там же. Д.362. Л.9-10; Д.179. Л.156 – 157; Морозов К.А. *Указ. соч.* С.67 – 71; *Очерки истории Карелии*. С.109.

- ¹² РГА ВМФ. Там же. Д.194. Л.19, 35.
- ¹³ Голдин В.И. Вступительная статья // Белый Север.1918 – 1920 гг. Мемуары и документы. Вып.2. Архангельск,1993. С.8.
- ¹⁴ Барон Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг. История и мемуары. СПб., 2013. С.231; Николаев О. Р. Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 6–37.
- ¹⁵ Очерки истории Карелии. Т.2. Петрозаводск,1964. С.107 – 108; Баркина В.С. Кемь: города и районы Карелии. Петрозаводск, 1982. С.63.
- ¹⁶ Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. Сб. докум. Петрозаводск, 1963. С.110, 116; Морозов К.А. Указ. соч. С.74—75; Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703 – 2003. Петрозаводск, 2002. С.242–243.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф.Р-124. Оп.1. Д.192, 215, 216; Морозов К.А. Указ. соч. С.73 – 74.
- ¹⁸ История Петрозаводска : власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 161 – 164.
- ¹⁹ Цит по: Баркина В.С. Указ. Соч. С.63 – 65.
- ²⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Кол.26. Ед.хр.105. Л.275.
- ²¹ Белый Север. Т.2. С.5.
- ²² История Карелии. Советский период. Петрозаводск, 1993. С.46—47; Морозов К.А. Указ. соч. С.78—83; Очерки истории Карелии. Т.2. С.110—111.
- ²³ Карелия в период гражданской войны...С.120 – 123; Очерки истории Карелии. С.110- 111.
- ²⁴ Морозов К.А. Указ. соч. С. 75 – 84.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д.1 80. Л. 69; Очерки истории Карелии. С.112.
- ²⁶ Г. С. Четыре года тому назад в Онежском озере // Морской сборник. 1923. № 11. С.9 – 10; Морозов К.А. Указ. Соч. С.93–94.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф.Р-124. Оп.1. Д.194. Л.36.
- ²⁸ Очерки истории Карелии. С.112- 113; Морозов К.А. Указ. соч. С.96 – 97.
- ²⁹ См., в частности, Трагедия маленького Шенкурска // Вестник Временного правительства северной области. Архангельск,1919. 1 марта; Мракобесие. // Там же. 5 марта .

*Анна Натановна Еремеева,
Россия, Краснодар, Южный филиал
НИИ культурного и природного наследия им.
Д.С. Лихачева, главный научный сотрудник,
доктор исторических наук, профессор*

«Начатая работа не прерывается и разворачивается»: деятельность научных учреждений в «белой» России¹

История научной жизни эпохи Гражданской войны долгое время рассматривалась в границах советской России. Ситуация «за линией фронта» в лучшем случае удостоивалась критических оценок. Изменение социально-политической и историографической ситуации, публикация документов, трудов по истории региональных образовательных и научных учреждений, биографий ученых «без купюр» дают возможность по-иному взглянуть на происходившие процессы.

Значительный ресурс для исследований представляют фонды музеев и архивов, в особенности Архива Российской академии наук и его филиала в Санкт-Петербурге, где содержится большой пласт документов (в основном, переписка и научные отчеты), до сих пор, не введенных в научный оборот.

Научная жизнь «белой» России была сосредоточена, как и в «красной», в вузах, научных обществах и научно-исследовательских учреждениях. Среди них были новые, возникшие во многом на почве интеллектуальной миграции в южные и восточные регионы страны.

Еще в годы Первой мировой войны на территории, удаленные от линии фронта, с запада Российской империи эвакуировались вузы и другие учреждения. Появились новые вузовские центры, например, Ростов-на-Дону, «приютивший» Варшавский университет и Высшие женские курсы из того же города. Некоторые столичные преподаватели переехали в Пермь – филиал Петроградского университета (он открывался на случай необходимости эвакуации университета из столицы). В 1917 г. филиал стал Пермским университетом. Томский и Саратовский университеты дополнялись новыми факультетами. Подготавливалось открытие новых университетов – Тифлисского, Иркутского, Таврического, Туркестанского и др.

Появление новых университетов, новых факультетов, новых кафедр в провинции давало возможность молодым талантливым ученым быстро получать профессорские должности и возглавлять кафедры.

Массовое перемещение профессорско-преподавательских кадров из столичных городов на периферию происходило в 1918–1919 гг. Разру-

ха, голод, и как следствие – смерть многих деятелей науки, а также репрессии со стороны новой власти «подталкивали» ученых покидать Москву и Петроград. Вот выдержки из февральских и мартовских 1918 г. писем геолога, академика Н.И. Андрусова академику В.И. Вернадскому (уехавшему в конце 1917 г. на Украину) из Петрограда: «Академиком тут теперь ровно половина»; «Я решительно не знаю, сплю я или бодрствую»; «Из Музея (Геологического, вверенного Академией наук Н.И. Андрусову после отъезда В.И. Вернадского – А.Е.) начинается повальное бегство <...> Скоро кажется я один останусь хранителем Музея»². Он же сообщал геологу С.А. Гатюеву: «Я и вся моя семья сидим пока здесь и ждем случая и возможности куда-нибудь уехать, куда-нибудь, где хоть телесные убытки своего организма пополнить можно было бы»³. Вскоре автор писем с семьей перебрался на Юг.

Предпосылки создания новых научных структур не исчерпывались фактором интеллектуальной миграции. Их основы закладывались в годы Первой мировой войны. В.И. Вернадский, оценивая «по горячим следам» (в 1919 г.) деятельность российских ученых в военные годы писал: «Нельзя забывать уроки недавнего прошлого, тот подъем научной работы в России при поддержке государства, который наступил после поражения 1915 г., шел в 1915–1917 гг. и привел к крупнейшим научным и техническим достижениям. Мы еще воспользуемся плодами этой работы при нашем воссоздании великого целого»⁴. Действительно, интенсификация исследования природных ресурсов стимулировала инициативы научных обществ, вузов, отдельных ученых в создании специализированных институтов в столицах и в провинции. В записке В.И. Вернадского «О задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил в деле организации специализированных исследовательских институтов» была изложена концепция, впоследствии взятая на вооружение⁵.

Октябрьские 1917 г. события в Петрограде автоматически не прервали плановых геологических, почвоведческих, экономических, археологических и иных исследований в регионах, проводившихся силами Академии наук, Геологического, Докучаевского комитетов по заказам земств, других органов местного самоуправления, заданиям Временного правительства.

Начало Гражданской войны, линия фронта, разделившая страну, «парад суверенитетов» способствовали дезинтеграции научной деятельности.

Серьезной проблемой для академических учреждений, находящихся в регионах, стало затруднение, а порой и полное отсутствие контактов с правлением Академии наук. Как утверждал свидетель событий – биолог П. Гальцов, они «стали изыскивать самостоятельно статьи доходов». Севастопольская Биологическая станция «жила с платы, получаемой от посетителей Аквариума и на деньги, вырученные от публичных лекций, которые читал персонал станции»⁶. В Петроград с оказией передавались письма, в которых описывалась сложившаяся ситуация: «...положение на станции ужасное – полное отсутствие денег и неминуемая гибель всего учреждения, если не будут получены средства. Директор станции академик Заленский серьезно болен <...>, не получая своего содержания и пенсии находится в затруднительном положении». Уточнялся актуальный статус станции («по-прежнему ли она находится в ведении Академии»), ее бюджет. Предлагались способы передачи денег – через частных лиц, например, через ехавшего в Крым академика Н.И. Андрусова или через Центральный банк Общего взаимного кредита в Петрограде, работавшего с Симферопольским Вторым Обществом взаимного кредита⁷. Тот же П. Гальцов сообщал, что, в отсутствие финансирования, Симеизская обсерватория и Карадагская станция, «имея порядочные участки земли, занялись сельскохозяйственной эксплуатацией имевшихся у них фруктовых садов и виноградников». Доходы не покрывали расходы, поэтому служащие «отдавали только досуг своим прямым обязанностям»⁸.

Оказавшиеся по разным причинам за пределами советских территорий академики не были уверены в актуальности собственного статуса и не случайно. Всех, находившихся вне Петрограда, перевели в категорию сверхштатных. Они могли рассчитывать на академическое жалование только в случае возвращения.

На окраинах бывшей Российской империи создание научных организаций теперь не зависело от решения из центра; ученые могли апеллировать к местным властям. Шел процесс укрепления региональных обществ за счет столичных сил.

В регионах появились структуры, по задачам идентичные прежним общероссийским. Например, геологические комитеты в Сибири (под руководством П.П. Гудкова) и на Украине (его возглавил В.И. Лучицкий). В.И. Вернадский 6 июня 1918 г. в письме из Киева в Петроград своему ближайшему соратнику в Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) А.Е. Ферсману констатировал: «Очевидно будет <...> децентрализация геологической работы»⁹. 16 июня В.И. Вернадский записал в дневнике: «Рассказывал вчера Гинзбург, что Лучицкий подымает вопрос о передаче Украинскому геологическому комитету части имущества Российского геологического комитета, как доли общего достояния Украины»¹⁰.

В регионах не прекращалась деятельность местных отделений всероссийских обществ, существовавших с дореволюционных времен. Создавались и новые, например, в Новочеркасске в 1918 г. – отделение образованного в годы Первой мировой войны Русского ботанического общества. Организатор филиала – известный ботаник В.М. Арциховский, выступая на открытии, подчеркнул роль «нового культурного огонька», потребность в котором несомненна и «чувствуется здесь гораздо более остро, чем в крупных научных центрах»¹¹.

Столичные ученые включались в работу региональных научных центров, в т.ч. краеведческой направленности. Особенно ярко это проявилось в деятельности Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), в заседаниях которой участвовал весь цвет интеллигенции, жившей в Крыму в те годы¹². Несмотря на финансовые трудности, в ТУАК продолжалась издательская деятельность. В период революции и Гражданской войны вышло четыре номера «Известий» ТУАК (№№ 54-57). В них печаталась статья давнишних и новых членов Комиссии. И те, и другие представляли труды, тематика которых касалась Крыма. Вот названия некоторых из них: «К истории русского сентиментализма (Путешествие в Крым П.И. Сумарокова)» будущего академика АН УССР Н.К. Гудзия (№56), «Записки о необходимости присоединения Крыма к России (Из Тавельскаго архива В.С. Попова)» Г.В. Вернадского (№56), «История древнерусского искусства. Киев-Царьград-Херсонес» академика Д.В. Айналова (№57).

Характеризуя сотрудничество провинциальной и столичной научной интеллигенции в Крыму революционных лет, В.И. Вернадский писал, что «научная работа наезжих ученых очень быстро связывалась с жизнью края», тем более, что многие из них «не были чужими Крыму»¹³. Еще весной 1917 г., на волне послефевральской эйфории, была основана Таврическая научная ассоциация, охватившая многочисленные крымские естественнонаучные и гуманитарные научные учреждения, ставшая инициатором проведения семи съездов. Как отмечает историк Б.С. Аулин, «съезды носили, как правило, универсальный характер; помимо сугубо научных вопросов, на них обсуждались общие проблемы науки на полуострове, поднимались вопросы о тех или иных трудностях исследовательских обществ»¹⁴.

В июне 1920 г. «по образу и подобию» петроградской КЕПС при Крымском обществе естествоиспытателей, поддержанная учеными молодого Таврического университета, была создана КЕПС Крыма под руководством того же В.И. Вернадского. Новому учреждению с трудом, но удалось получить финансовую поддержку от правительства Врангеля и начать изучать «производительные силы как минерального, так и растительного и животного царств Крыма, а также воду и воздух»¹⁵. Резюмируя научные итоги революционных лет, он писал: «Научная работа в Крыму в 1917–1921 гг. шла непрерывно и временами, при мало-мальски благоприятных условиях, приобретала интенсивность, небывалую в истории края»¹⁶.

В рамках региональных научных учреждений содержание научной деятельности определялось социально-экономическими потребностями территорий. Например, «миссией» Института исследования Сибири было «научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в видах наиболее рационального использования природных богатств края и культурно-экономического его развития»¹⁷. Идея создания Института возникла еще осенью 1917 г. В январе 1919 г. состоялся съезд учредителей, обширные материалы которого были оперативно изданы «под наблюдением председателя съезда» В.П. Вейнберга – известного физика, профессора Томского технологического института. Интересно, что А.В. Колчак в письменном приветствии съезду обозначил себя, прежде всего,

в качестве коллеги делегатов («старый работник по научным исследованиям Сибири, всегда поддерживающий близкую связь с Академией наук и географическим обществом»¹⁸).

«Выполнять задачи института вплоть до его организации как правительственного учреждения» должно было учрежденное на съезде общество «Институт исследования Сибири» под руководством В.В. Сапожникова – в недавнем прошлом ректора Томского университета, с ноября 1918 г. по май 1919 г. министра просвещения Российского правительства. Учитывая, что организационный период затянулся на 9 месяцев, именно Совет данного общества координировал научные мероприятия.

Совет, в частности, занялся организацией Обь-Тазовской экспедиции. Уже летом 1919 г. на Оби работала ботаническая экспедиция В.В. Сапожникова и гидрологическая Д.Ф. Котельникова. Профессор В.В. Дорогостайский создал научную станцию и продолжил работы по изучению озера Байкал¹⁹.

Институт принимал участие в двух экспедициях, связанных с изучением Северного морского пути: в Обскую губу и в низовья Лены. Однако большинство проектов не реализовалось ввиду недостатка средств и «обстоятельств военного времени»²⁰.

Бывший ученый секретарь Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран Академии наук С.И. Руденко, оказавшийся в годы Гражданской войны в Томске, возглавил в Институте исследования Сибири работу по составлению этнографической карты Енисейской губернии на основании списков населенных мест 1860-х гг. Такая же карта была составлена для Тобольской губернии²¹.

Институт имел 6 отделов, соответствующих основным направлениям естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, региональные отделения – Среднесибирское и Дальневосточное²². Современники воспринимали его как Сибирскую академию наук.

Примером активного привлечения научных сил к решению насущных нужд региона может служить и деятельность созданного в декабре 1917 г. в Екатеринодаре Совета обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединившего представителей различных областей знания. К весне 1919 г. в рамках Совета работало

14 секций. В нескольких заседаниях Совета принимал участие академик В.И. Вернадский.

Несмотря на суровые реалии Гражданской войны, экспедиции Совета обследовали почвы Кубани, залежи цемента и железных руд, животноводство, посевные площади, урожай, промышленные предприятия, метеорологические станции. При поддержке Ведомства земледелия Кубанского краевого правительства реализовывался масштабный проект обследования животноводства на Кубани. Возглавил его профессор А.А. Малигонов – известный в России зоотехник; ранее проводивший аналогичное исследование на Дону²³. Среди исполнителей проекта – ученые, практикующие ветеринарные врачи, студенты.

По ходатайству председателя СОИКК А.П. Протопопова к исследованиям был привлечен известный экономист А.Н. Челинцев. Основатель «организационно-производственной школы» русской аграрной науки, он с мая по октябрь 1917 г. по приглашению Временного правительства был управляющим Отделом сельской экономики и статистики Министерства земледелия, участвовал в разработке принципов аграрной реформы на Кубани во время руководимой им экспедиции «по исследованию казацко-крестьянского сельскохозяйственного производства». На заседании СОИКК от 13 июня 1919 г. был принят проект исследования под руководством Челинцева казачьих, крестьянских и горских хозяйств с точки зрения основных факторов сельскохозяйственного производства²⁴.

Стратегически важным вопросом, вне зависимости от продолжавшейся войны, была разработка природных месторождений. Кубанское краевое правительство проявило заинтересованность в исследовании запасов природного газа и йода вблизи Темрюка. Еще в 1916–1917 гг. здесь работала представительная команда столичных ученых по линии КЕПС. В годы Гражданской войны велось обследование грязевой сопки «Гнилая гора». Профессор П.А. Кашинский по заданию Кубанского правительства подготовил план исследования Гнилой горы и заключение о возможностях использования грязевых озер в районе Темрюка, перспективах Тузлинской войсковой грязелечебницы. Профессор С.А. Яковлев, проводивший обследование Таманского полуострова составил отчет о геологическом исследовании Гнилой горы²⁵.

Серьезный вклад в разработку новых месторождений внес блестящий знаток геологии Кавказа В.Н. Робинсон. В.И. Вернадский после знакомства с материалами по изучению каменного угля Кубанского края записал в дневнике: «Робинсон работал в Геол[огическом] музее Академии еще при Чернышове через В.И. Воробьева, местного екатеринодарца. В 1916 г. он вместе с Никшичем нашли [на Кубани] камен[ный] уголь в тех же каменноуг[ольных] слоях, как и донецкий. Помню то впечатление, какое сделало это открытие. Это один из тех крупных результатов, подобно новгородским бокситам, забайкальск[им] висм[утовым] рудам и т.д., которые дала нам научная работа после 1915 в эпоху изучения произв[одительных] сил страны. В 1917 и 1919 году Робинсон продолжал эту работу на месте, оставшись здесь, когда началась революция. Сделано много. <...> Огромное будущее этому делу. И здесь вижу, что начатая работа не прерывается и развертывается. Как только восстановится спокойствие, все это расцветет»²⁶.

В отличие от Института исследования Сибири, где преобладали местные кадры, в том числе ученые Томска – старого вузовского центра, СОИКК объединил специалистов из разных регионов и из российских столиц, оказавшихся в революционные годы на Кубани. Среди них профессора С.А. Захаров и А.А. Ярилов (почвоведы), С.А. Яковлев (геолог), С.П. Максимов (гидролог). В отчете СОИКК указывалось, например, что председателем Метеорологической секции является местный житель, «знаток Кубанского края» Л.Я. Апостолов, а Бюро этой секции курируют бывшие работники Главной Физической обсерватории Д.Ф. Нездуров и В.Н. Кедроливанский. Подчеркивалось, что все те, кто обследовал почвы Кубани в рамках экспедиций СОИКК, ранее проводили аналогичные исследования в Европейской России, в Сибири и в Закавказье и имеют печатные труды²⁷. Результаты кубанских изысканий публиковались в «Известиях» и «Трудах» СОИКК. В.И. Вернадский отмечал в дневнике большое количество печатных изданий Совета – «больше, может быть, всех других за это страшное время»²⁸.

Известный гидробиолог В.А. Водяницкий, вспоминая полвека спустя СОИКК, где он встретил своих бывших преподавателей – бежавших на Кубань профессоров Харьковского универси-

тета В.М. Арнольди (руководителя биологической секции СОИКК) и Т.П. Кравца (заместителя председателя СОИКК), в будущем – членов-корреспондентов АН СССР, писал: «Как мне объяснили, этот Совет являл собой нечто вроде маленькой местной Академии наук»²⁹.

Сотрудники СОИКК и другие ученые, проживавшие на Кубани и Черноморском побережье Кавказа, привлекались к проектной работе по благоустройству региона, созданию рекреационных и природных зон. Как известно, состоявшийся в январе 1915 г. в Петрограде 1-ый Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей актуализировал проблему мобилизации внутренних ресурсов при отсутствии возможности выезда на заграничные курорты³⁰. События 1917–1920 гг. препятствовали дальнейшей работе в этом направлении, но не свели ее на «нет».

В июне 1919 г по инициативе Управления земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России был создан Комитет по устройству Черноморского побережья. От имени Комитета профессору Петроградского университета и одновременно туапсинскому дачнику В.А. Вагнеру было поручено разработать проект зоологического сада и биологической станции. А.А. Фишер фон Вальдгейм – бывший директор Петербургского ботанического сада по заказу Комитета создал концепцию ботанического сада в Новороссийском районе. Отправным пунктом стало убеждение ученого в том, что изучение местной флоры, а также тех полезных растений, которые могли бы быть в этом регионе, не только желательно в научном отношении, но необходимо для улучшения местных культур и благосостояния края. Большой интерес представляет рукопись А.А. Фишера фон Вальдгейма «О промышленном цветоводстве на Черноморском побережье Кавказа». Ученый считал логичным покончить с дореволюционной традицией импорта цветов. Он предлагал наладить разведение роз, гвоздик, хризантем, фиалок и других цветов (которые будут обязательно востребованы в России после войны) на побережье от Туапсе до Гагр³¹. По заданию указанного Комитета составлялись списки природных объектов, нуждающихся в охране, – заросли можжевельника по дороге из Новороссийска в Кабардинку, черкесские сады,

насаждения тиса в Имеретинской бухте и т.д.³²

Спецификой отличалась научная жизнь Украины после обретения ею независимости. Гетман Скоропадский вспоминал, что в 1918 г. в Киеве «собралась чуть ли не вся интеллигентная Россия». Для компенсации «ужасающего недостатка в людях науки», сочувственно относящихся к идее национального возрождения Украины, «составлялись списки лиц, которых желательно было бы привлечь для работы на Украине. Мы пользовались для этого так называемыми державными поездами, которые были установлены по соглашению с Совдепией, этими поездами мы привлекли к себе нескольких выдающихся и подходящих нам по своим убеждениям работников из числа людей науки и искусства»³³.

Большую работу по консолидации национальных сил проводили местные объединения ученых. Украинское Научное общество, заручившись поддержкой 32-х естественных организаций Киева, инициировало проведение I съезда естествоиспытателей Украины (август 1918 г.). После доклада В.И. Вернадского «Объединение и организация естествоиспытателей Украины» делегаты съезда обсудили вопросы музейной работы, высшего образования, украинской научной терминологии, комплексные программы естественных исследований на Украине³⁴.

Параллельно готовилось открытие Украинской Академии наук (УАН). В письме 3 июня 1918 в Петроград известному востоковеду А.Е. Крымскому В.И. Вернадский – председатель комиссии по созданию УАН – писал: «Лично я считаю важным это учреждение и с точки зрения украинского возрождения, которое, как Вы знаете, всегда

было мне дорого, и с точки зрения общечеловеческой – создание крупного научного исследовательского центра. <...> Надеюсь, я временно здесь. Но может быть, удастся – не смотря ни на что – провести здесь Акад[емию] Наук и тогда буду себя чувствовать, что не был в положении евангельских беспечных дев. Приезжайте же и будем вместе работать»³⁵.

УАН, возникшие на волне революции Украинский университет, кафедры украинской истории, украинской литературы в вузах стали центрами не только научных исследований, но и формирования национального самосознания. Велась интенсивная работа по унификации украинского правописания (в числе разработчиков реформы был и упомянутый выше А.Е. Крымский, ставший академиком УАН). В период господства Добровольческой армии украинские научные учреждения закрывались или перепрофилировались. Президенту УАН В.И. Вернадскому пришлось хлопотать перед «белыми» в Ростове о сохранении ее хотя бы в виде региональной – Киевской.

Судьбы научных учреждений, созданных в несоветской России, сложились по-разному. Например, Институт исследования Сибири был упразднен вскоре после установления в регионе советской власти; СОИМК в трансформированном виде существовал в 1920-е гг.; УАН работает и сейчас. Так или иначе, их деятельность в годы Гражданской войны явилась важным фактором продолжения научных исследований, элементарного физического выживания ученых, взаимодействия различных научных школ, а также свидетельствовала о способности российской научной интеллигенции к самоорганизации, в т.ч. в экстремальных условиях.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-41-93514

² Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 48, 49.

³ РАН Ф. 567. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

⁴ Вернадский В.И. Одна из задач дня / Собр. соч. в 24 т. Т. 13. М.: Наука, 2013. С. 259.

⁵ См.: Бастракова М. С. Академия наук и создание исследовательских институтов (Две записки В. И. Вернадского) // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1999. № 1. С. 157 — 167.

⁶ Гальцов П. Русская наука и ученые в Крыму (1917-1920 гг.) // Новая русская книга (Берлин). 1922. №1. С. 28.

⁷ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 76. Оп. 1. Д. 13. Л. 21, 30.

⁸ Гальцов П. Русская наука и ученые в Крыму (1917-1920 гг.). С. 28.

- ⁹ АРАН. Ф. 544. Оп. 2. Д. 12. Л. 3.
- ¹⁰ Вернадский В.И. Дневники 1917-1921. (Октябрь 1917 – январь 1920). Киев: Наукова думка, 1994. С. 102.
- ¹¹ АРАН. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
- ¹² См.: Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931 гг.). Симферополь: ЧерноморПресс, 2004.
- ¹³ Вернадский В.И. О научной работе в Крыму // Вернадский и Крым: люди, места, события / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров и др. Київ: Лыбидь, 2004. С. 245.
- ¹⁴ См.: Аулин Б.С. Съезды Таврической научной ассоциации в общественно-культурной жизни Крыма (1917–1920) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского/ Серия «Исторические науки». Том 23 (62), № 1: спецвыпуск «История Украины». Симферополь, 2010. С. 22–31.
- ¹⁵ В.О. Комиссия по изучению производительных сил Крыма // Природа. 1921. №4-6. С. 86.
- ¹⁶ Вернадский В.И. О научной работе в Крыму // Вернадский и Крым: люди, места, события. С. 245.
- ¹⁷ Молчанов Л.А. «Целью института является...». Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919-1920 гг. / Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. Сб. статей, М.: Посев. 2007. С. 147.
- ¹⁸ Труды Съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 5. С. 1.
- ¹⁹ Дмитриев Н.И. Научная интеллигенция Сибири в 1918-1919 годах // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII-XX вв.). Материалы Второй всероссийской научной конференции. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 139.
- ²⁰ Молчанов Л.А. «Целью института является...». Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919-1920 гг. С. 153-163.
- ²¹ См.: Литвинов А.В., Некрылов С.А., Меркулов С.А., Фоминых С.Ф. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919-1920 гг.) // Вестник Томского университета. 2012. № 365. С. 77 – 82.
- ²² См.: Журналы заседаний Совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / редкол.: С. Ф. Фоминых (отв. ред.), С. А. Некрылов, Э. И. Черняк; сост.: С. А. Некрылов, Н. Г. Маркевич, С. А. Меркулов. Томск: Изд-во Том ГУ, 2008. С. 14-23.
- ²³ См.: Малигонов А.А. Материалы по животноводству Кубанского края. Труды экспедиции 1919 года по изучению животноводства на Кубани. Краснодар, 1922.
- ²⁴ Кузнецов В.А. «Родной брат ОЛИКО» (О Совете Обследования и Изучения Кубанского края Кубано-Черноморского Краевого Научно-Исследовательского Института) // Голос минувшего. 1997. № 1 (3). С. 37.
- ²⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 55. Л. 128, 144–147.
- ²⁶ Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921. Кн. 1. Киев: Наукова думка, 1994. С. 203–204; См. также: Робинсон В.Н. Краткий геологический очерк месторождений ископаемых углей каменноугольной системы в Кубанском крае. Краснодар, 1922.
- ²⁷ ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 92. Л. 9 об.-10.
- ²⁸ Вернадский В.И. Дневники 1917-1921. (Октябрь 1917 – январь 1920). С. 204.
- ²⁹ Водяницкий В.А. Записки натуралиста. М.: Наука, 1975. С. 80.
- ³⁰ См.: Еремеева А.Н. Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914-1917 гг.) // Вопросы истории. 2016. №1. С. 132-141.
- ³¹ ГАКК. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.; Д. 27. Л. 1-2.
- ³² ГАКК. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 25. Л. 4-6.
- ³³ Скоропадский П. Воспоминания (конец 1917 – декабрь 1918 гг.). Киев – Филадельфия, 1995. С. 233–234.
- ³⁴ См.: Савчук В.С. Научные общества и культурная революция на Украине (1917–1931) // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 81–91.
- ³⁵ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890-1941). Том 2: 1918-1941. Київ: Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАНУ, 2005. С. 3-4.

*Татьяна Евгеньевна Куваева,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных
Сил Российской Федерации, ведущий методист
научно-просветительного отдела, заслуженный
работник культуры Российской Федерации*

*Лидия Николаевна Балашова,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных
Сил Российской Федерации, старший научный
сотрудник отдела фондов, заслуженный работник
культуры Российской Федерации*

Плакаты начального периода Гражданской войны 1917–1919 гг.

Данная статья продолжает собой публикацию 2014 г., посвященную плакатам Первой мировой войны. В первой статье отмечалось сокращение общего количества плакатов и сокращение их тематики от 1914 г. к 1917 г. С плакатами Гражданской войны произошло наоборот – их максимальное количество приходится на 1920 г. – год решающих побед Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Для начала будут представлены некоторые обобщающие материалы. Присущие плакатному искусству демократизм, яркость изобразительных средств, наглядность изображений и образов, возможность мгновенного отклика на событие и с быстрым способом распространения позволило военно-политическому плакату стать основной формой невербальной агитации периода гражданской войны. В 1918–1921 гг. были выпущены более 3,5 тысяч плакатов более чем 450 организациями и учреждениями. Самыми крупными являлись ВЦИК Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Окна РОСТА, Реввоенсовет Республики, Всероссийское бюро военных комиссаров, Политические управления округов, Литературно-издательский отдел РВСР, местные органы. Главными центрами по

выпуску плакатов являлись Москва и Петроград, но от них мало отставали Казань, Киев, Одесса, Смоленск. В музее хранится около 400 плакатов данного периода, причем есть не только печатные, но и оригиналы плакатов, изданных Политуправлениями фронтов.

Если говорить о тематике плакатов, то она значительно расширялась по сравнению с Первой мировой войной. Это, прежде всего связано с увеличением аудитории, большей востребованностью именно наглядной агитации. Основой служили как партийные документы, так и мгновенная реакция на событие или факт. Многие известные литераторы сотрудничали с Советскими организациями для изготовления клише плакатов. Наиболее ярким из них был В.В. Маяковский, предложивший свой яркий образ для отражения текущих событий. В ЦМВС хранятся плакаты авторства Маяковского «Окна РОСТА», единичные плакаты. Перед вами один из таких плакатов – «Украинцев и русских клич один – Да не будет пан над рабочими господин!». Издательство РОСТА, 1919 г. Рис. 1.

В становлении художественного стиля плакатов периода Гражданской войны важнейшую роль сыграли традиции русской сатирической

Рис. 1. Украинцев и русских клич один – да не будет пан над рабочим господин.

графики (в первую очередь Революции 1905–1907 гг.), а также русского народного лубка.

Одними из активных авторов в плакатном жанре были художники: А. Апсит, Д.С. Моор, В.Н. Дени, М.М. Черемных и др. Авторами тек-

Рис. 2. Этому не бывать!

стов были Д. Бедный, Э.Г. Багрицкий и др. Очень часто в плакатах обыгрывались прибаутки, частушки, короткие стихотворения, песни как революционные, так и народные.

Военно-политические плакаты считались важнейшим средством агитации и пропаганды, причем обеими противоборствующими сторонами, поэтому на ряде плакатов было указано: «Всякий, срывающий этот плакат, совершает контрреволюционное дело».

Основным исследованием по истории военно-политического плаката указанного периода является монография Бутник-Сиверского «Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918–1921 гг.» (Издательство Всероссийской книжной палаты. М., 1960). В этой монографии представлены описания практически всех плакатов периода Гражданской войны, хотя есть и пропуски. Необходимо при этом отметить, что пропущены плакаты в основном единичные и не центральных издательств – «Все во всеобуч! Всеобуч – сторож завоеваний пролетариата». Художник неизвестен. Туркестанский Госиздат. Ташкент. 1919 г. с переводом на узбекский язык. Инв. № 12/2163. Есть неотмеченные плакаты, место издания которых неизвестно – «Советская власть – это сеятель истинного знания. 7 сентября 1919 г. – День Советской пропаганды» (Из коллекции Федосеева и Грызынова – есть штампы владельцев). 1919 г. (инв. № 12/2304). Но есть исключения, безусловно об этом плакате, обнаруженном во время исследования, автор монографии знал, но он не указан в перечне по политическим мотивам. Речь идет о плакате художника Моора «Этому не бывать!» с текстом Л.Д. Троцкого. Литиздат Политуправления РСФСР. 1920 г. Рис. 2. Инв. № 12/10604 в полной сохранности и 12/1826 с выскобленной фамилией автора цитаты. Плакат печатался в типографии на Новослободской улице, д.23. Подобный же плакат с цитатой Л.Д. Троцкого «Пролетарий, на коня!» с выскобленной фамилией автора цитаты был приобретен в 1950-е гг. у коллекционера. Интересный факт, уменьшенный до размеров листовки плакат «Пролетарий, на коня!», без цитаты являлся каноническим и даже использовался в экспозиции ЦМВС

Коллекция музея по плакатам Гражданской войны формировалась в течение всего существования музея. К наиболее ранним плакатам,

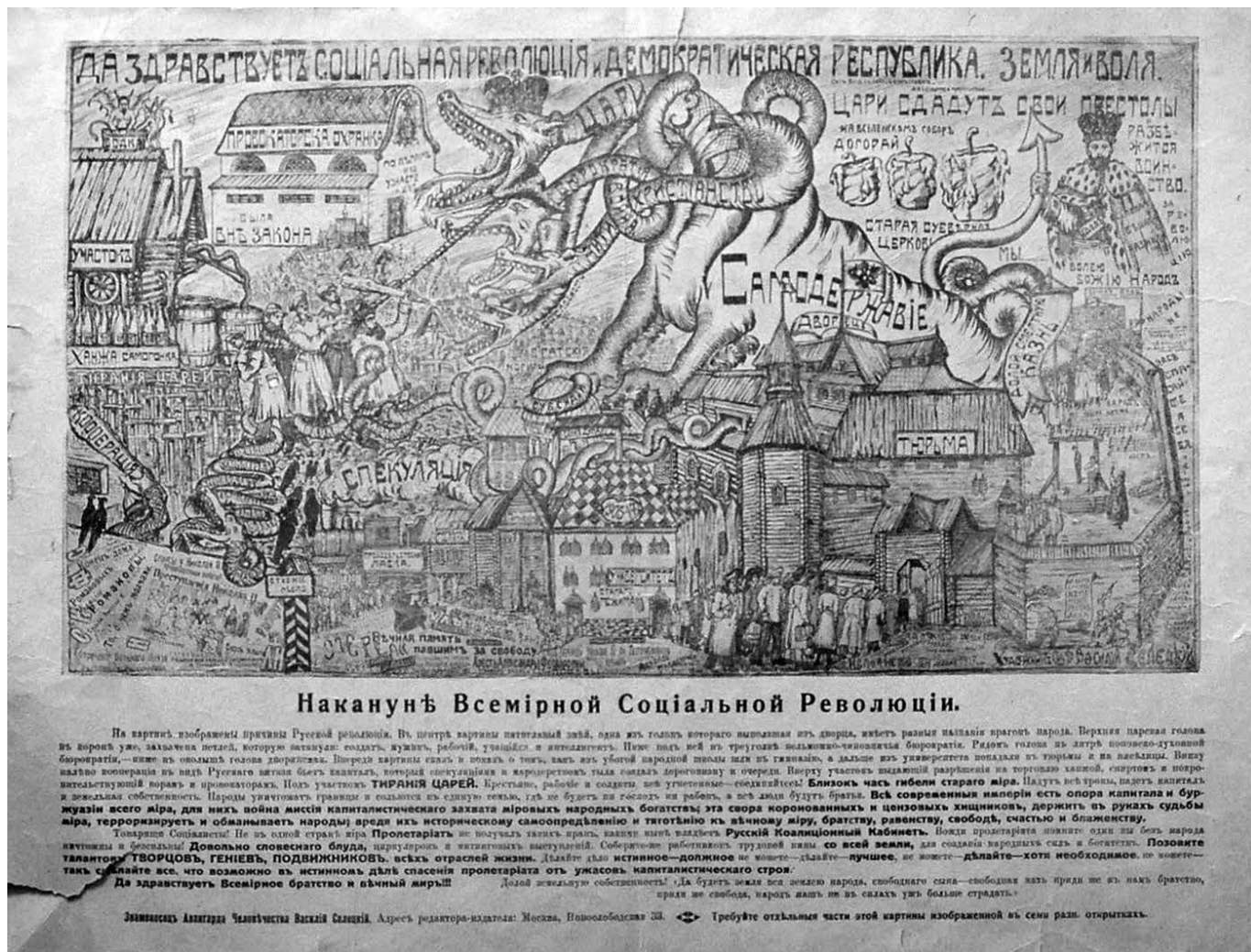

Рис. 3. Накануне Всемирной Социальной Революции

которые можно отнести к изучаемому периоду, можно добавить один из немногочисленных плакатов 1917 г. (в музее к этому году есть только два плаката) – «Накануне Всемирной Социальной революции». Художник Вас. Селецкий. Издательство Москва. 1917 г. Инв. № 12/2398. Рис 3.

В экспозиции Выставки-Музея «Жизнь Красных Армии и Флота» экспонировались плакаты Белой Армии (такая же выставка была подготовлена к 10-летию РККА в 1928 г.), но по решению руководства они были переданы в Центральный Государственный архив Октябрьской Революции уже в конце 1920-х гг.

Первоначально плакаты хранились в документальном фонде. В 1944 г. плакатный фонд был переведен в художественный фонд.

С конца 1950-х гг. плакаты данного периода приобретались у коллекционеров – Полонского и Мясникова, часть плакатов поступила из Цен-

трального Государственного архива литературы и искусства.

Первыми плакатами периода гражданской войны считаются изданные в августе 1918 г. плакаты: «Цена крови», художник Л.О. Пастернак (отсутствует в коллекции музея) и «Царь, поп и кулак» (Инв. № 12/2243), этот плакат интересен еще и тем, что кроме основного рисунка есть еще и вариант, который имеет заголовок на татарском языке, в рисунке дополнительно введены мулла и бай (Инв. № 12/10529).

Как уже отмечалось, расширяется тематика плакатов. Безусловно, наиболее распространённая агитационно-пропагандистская, большинство плакатов посвящено именно этой тематике. В настоящем выступлении не рассматриваются классические, всем известные плакаты, интерес для исследования представляют наименее известные и тиражированные. Вашему вниманию предлагается плакат «Красная Армия навсегда

покончила с врагами народа». Художник неизвестен, Издание Политического управления Петроградского Военного округа. 1919 г. (Инв.№ 12/1880). Рис. 4. Этот плакат интересен еще и тем, то это практически первое публичное упоминание термина «враг народа».

Именно в этой категории наибольшее количество цитат, ссылок на партийные документы и государственные уложения. Это подтверждают многие плакаты. Среди которых: «Мы на горе всем буржуйам, мировой пожар раздуем. А. Блок», Художник Индейкин. Издательство Картографической мастерской Морфлота Петросовета. 1918 г. (Инв. № 12/2459), «VII съезд РКП(б)» Плакат-оригинал Художник неизвестен. (о Брестском мире постановление и резолюция съезда) Инв. № 12/2722, «Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов» (с полной резолюцией съезда). Художник М. Черемных. Главполитпросвет. 1921 г. Инв. № 12/2396.

В также интересны два плаката нестандартной тематики. Большевики всю мировую историю считали предысторией грядущего «царства пролетариата», но, когда это было выгодно, обращались к русской истории: «Народовластие в Древней Руси» Художник Апсит. Текст В. Павлов. Издание ВЦИК. 1919 г. (Инв. № 12/3878), история народовластия начинается с Новгородского и Псковского княжеств, особенно опираются на опыт Псковской республики, без упоминания Киевской Руси. Рис. 5. И плакат «Как мужик потерял землю и волю». Художник Апсит. Автор текста не указан, но по особенностям стилистики с большой долей вероятности можно предположить, что это В. Павлов. (Инв. № 12/1899), отражена история закрепощения крестьян, которая начинается с XVI в. Этими плакатами большевики подчеркивали свою преемственность в борьбе за народное счастье на протяжении веков.

Ранний советский плакат, изменяя общую направленность, продолжает традиции плаката Первой мировой войны в формировании образа врага, меняя сам образ. Это и карикатуры: «Колчаковская надстройка. Товарищ, бей по фундаменту». Художник Авель. 1919 г. (фундамент – кулак). Инв. № 12/1835; антиклерикальные – «Товарищи мусульмане! Под зеленым знаменем Пророка шли вы завоевывать ваши

Рис. 4. Красная Армия навсегда покончила с врагами народа.

степи, ваши аулы, Враги народа отняли у вас родные поля. Ныне под Красным знаменем рабоче-крестьянской революции, под звездой армии всех угнетенных и трудящихся собирайтесь с востока и запада, севера и юга. В седла, товарищи!». Центральное управление Всевобуча. 1919 г. Инв. № 12/2140.

Значительный раздел в тематике плакатов, формирующих образ врага, занимает внешняя угроза: «Нападение империалистов на Советскую Россию». Художник Скиф (Апсит). Издательство просветительского отдела Всероссийского бюро военных комиссаров. Москва. 1918 г. Инв. № 12/2268; «Как англичане притесняют крестьян в своих владениях». Художник М. Черемных, текст В. Керженцев. Издательство ВЦИК. 1918 г. Инв. № 12/2360. В противовес Коммунистическому Интернационалу, как основного врага представляют объединение капиталистов – «Лига наций – «Желтый Интернационал» Художник В. Дени, Литиздат Политу-

Рис. 5. Народовластие в Древней России

правления РСФСР. 1919 г. (Инв. №12/1920) («Желтый» в смысле золотой, а не желтая раса).

Большой раздел в формировании образа врага составляю плакаты, рассказывающие о зверствах белогвардейцев – «Отступая перед Красной Армией, белогвардейцы жгут хлеб» Художник И. Осинин. Издание Наркомата Земледелия (Москва-Петроград-Киев). 1919 г. (Инв. № 12/2091), также это плакат издавался в форме листовки.

Среди агитационно-пропагандистских плакатов есть значительная часть, посвященная борьбе с дезертирством и незаконным хранением оружия: «Крестьянин, отдай оружие красноармейцу, он лучше защитит тебя, твоё добро и землю» Художник В. Костяницын. Литературно-издательский отдел Политуправления РСФСР (в основу плаката легли лозунги из «Стенной газеты РОСТА» Издательства РТА при ВЦИК) 1919 г. (Инв. № 12/2121); «Светлое честного красноармейца и черное подлого дезертира» Художник неизвестен. Издание Губернского Агент-

ства Центропечати г. Саратов. 1919 г. (Инв. № 12/2341).

Плакат, как максимально наглядное средство пропаганды, не мог не обратить внимания на такой вопрос как положение на фронтах, именно этой тематике посвящено наибольшее количество плакатов 1918–1919 гг., среди них есть конкретные, привязанные к определенным городам и местностям, например, «Враг хочет захватить Тулу – кузницу Красной Армии. Товарищи, защитите Тулу, раздавите врага». Художник Апсит. Литиздат ПУ РСФСР. 1919 г. (Инв. № 12/1849), так и общие плакаты с картой территории Советской России. «Советская Россия осажденный лагерь. Все на оборону!». Художник Д.Моор. Литиздат ПУ РСФСР. 1919 г. 12/2154.

Коммунистическая идеология строилась на интернационализме – плакаты отвечали на этот призыв. Есть очень оригинальные плакаты на эту тему: «За Красный Петроград! За Красную Финляндию!». Художник Arrak Siri. Политуправление РСФСР. 1919 г. (Инв. № 12/1954), «Українськи милитарства». Художник Кочергин текст Д. Бедного (на украинском языке). Литиздат РСФСР 1919 г. (Инв. № 12/2126).

Особый раздел плакатов периода Гражданской войны образовательные: это и революционные и народные песни: «Смело, товарищи, в ногу!». Художник неизвестен. Текст Радин. Издание Уфимского Комиссариата по делам печати и газеты «Красный путь». Февраль 1919 г. (Инв. № 12/2270), «Дубинушка». Художник К. Спаский. Издание Народного Комиссариата Земледелия. 1918 г. (Инв. № 12/1998); организация образовательной и воспитательной работы – «Литературно-инструкторские поезда Всероссийского исполнительного комитета. «Наш поезд» Художник неизвестен. Издательство ВЦИК, Литография «Товарищества Сытина». 1918 г. (инв. № 1987), «Организируйте избы-читальни». Художник Апсит. Агитпросвет Отдела Военных Комиссаров. 1919 г. (Инв. № 12/2491), «Книга есть жизнь нашего времени» Художник Симаков, Текст В.Г. Белинский. Госиздат. Петроград. 1919 г. (Инв. № 2326).

Для коллекции нашего музея очень интересен раздел образовательной тематики, посвященный Всеобучу, среди этих плакатов, ставшие классическими: «Раньше здесь обучались сынки буржуазии – теперь, идите вы, рабочие и крестьяне. На командные курсы» Художник С.Я.

[С. Ягужинский]. Гувуз.1919 (Инв. № 12/2156), «Только командиры из среды рабочих и крестьян приведут Красную Армию к окончательной победе». Художник С. Мухарский. Текст Лозунгко «Дню красного офицера». Москва «Издание Военно-учебного управления». 1918 г. (Инв. № 12/2085).

Страна малограмотна и простые причинно-следственные связи нередко приходится объяснять наглядно, яркий пример этому: «Как из хлеба сделать ситец?» Издание Наркомата продовольствия. 1919 г. (Инв. № 12/1898); распространение знаний о болезнях – это тоже обязанность плакатного искусства: «Холера – болезнь заразная», Издание Наркомздрава. 1919 г. (Инв. № 12/2231). Но издавались и серьезные плакаты, направленные на умелое использование военных знаний: «Приемы для стрельбы». Издание Военного отдела Издательства ВЦИК. 1919 г. (Инв. № 12/2405); «Наказ красноармейцу для

борьбы с конницей» Художник неизвестен. Литературно-издательский отдел РВСР. 1919 г. (Инв. № 12/2271); «Пещерный наблюдательный пункт пехоты». Художник неизвестен. Литературно-издательский отдел РВСР. 1919 г. (одобрено Военно-технической редакцией) (А-12/1346). Рис. 6.

За короткий период развития революционное плакатное искусство прошло путь от общей декларативности содержания, перенасыщенности абстрактными аллегориями и символикой, усложненности многофигурной композиции к боевой агитационности, специфической плакатной броскости и выразительности, с динамично построенной композицией, четким контурным рисунком и экспрессией. Поставленную перед плакатным искусством задачу – идеологическое освещение новой власти, оно выполнило. Таким образом, можно сказать, что плакаты времен Гражданской войны внесли свой вклад в победу Советской власти в России.

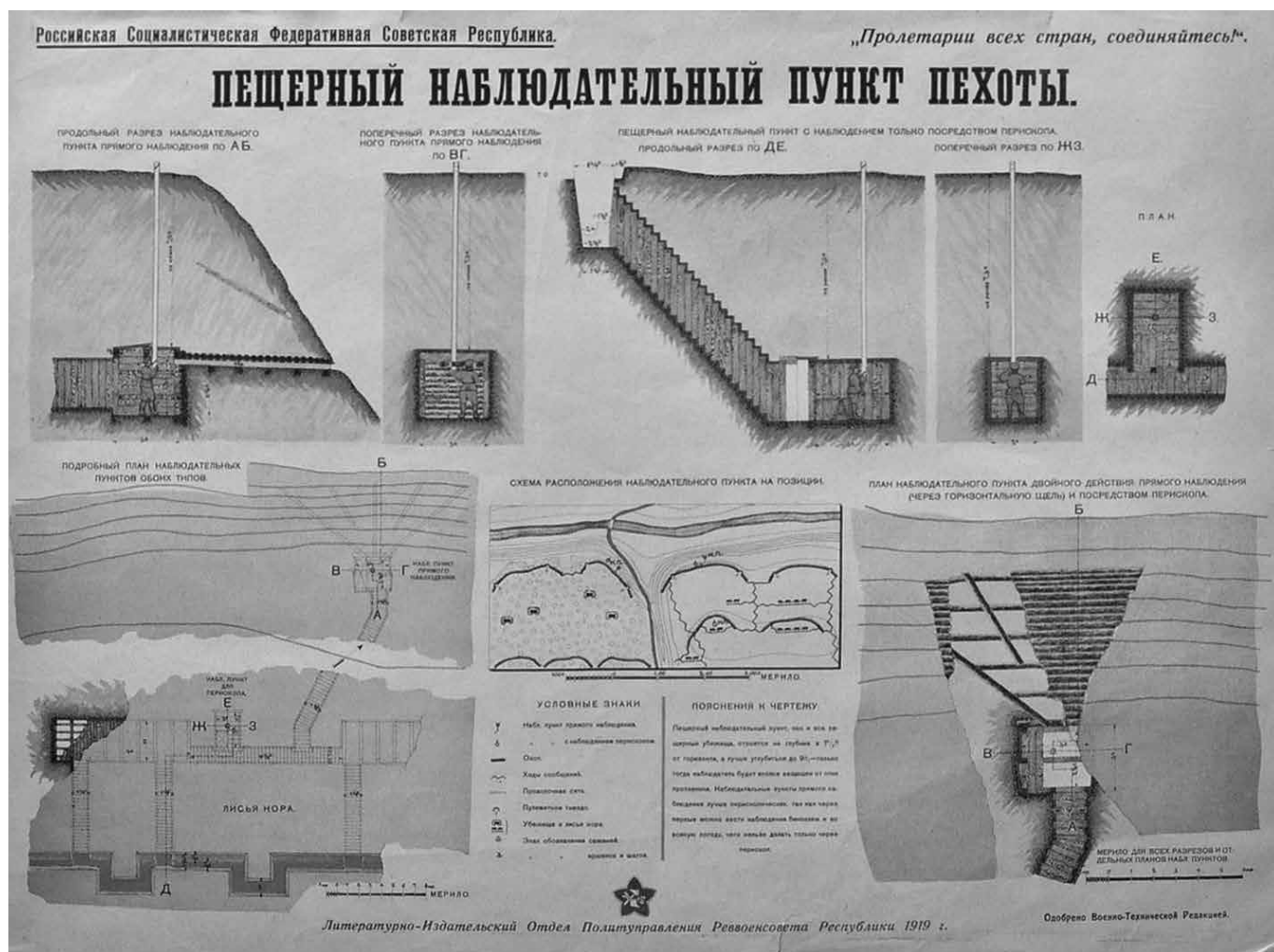

Рис. 6. Пещерный наблюдательный пункт пехоты.

Денежные выпуски времени Гражданской войны (1918-1922) – многоплановый исторический источник для исследования политических и экономических процессов в России. В рамках темы: Денежная реформа А.В. Колчака

Денежное обращение времени Гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1922), сложившееся на развалинах Российской империи, представляет чрезвычайно сложную и неоднородную структуру. Политический распад страны обусловил разрыв экономических связей. Перестали существовать единая экономика и единая денежная система. Теперь на одном географическом пространстве, ранее ограниченном границами Российской империи, обращались советские общегосударственные выпуски, которые фактически не являлись общегосударственными, существовали в великом количестве местные деньги – денежные эмиссии банковского, муниципального и кооперативного типа, выпускали свои деньги бывшие национальные окраины – в Закавказье, Украине, Средней Азии, печатали денежные знаки белогвардейские правительства. Все эмитен-

ты руководствовались своими задачами, искали свои способы обеспечения эмиссий, оформляли денежные знаки в соответствии со своей политической ориентацией и программой.

Особенностью настоящей работы – «Денежная реформа А.В. Колчака» – является сочетание двух информативных пластов: источниковедческий анализ самих знаков из музейных собраний, главным образом из ОН ГИМ (изучение надписей, рисунков, материала, из которого изготовлены знаки, сравнительный анализ с другими типами знаков) и архивных данных, впервые введенных в научный оборот. В Архиве Внешней политики России (АВПРИ) были обнаружены считавшиеся утерянными документы канцелярии Колчака, относящиеся к денежной реформе, которые погружают нас во все тонкости и трудности проведения реформы. А в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) мы стол-

Рис. 1. Казначейский знак 3 руб. 1919 г.

Рис. 2. 5% краткосрочное обязательство Государственного Казначейства 1000 руб. 1919 г.

Рис. 3. 5% краткосрочное обязательство Государственного Казначейства 500 руб. 1919 г.

Рис. 4. 5% краткосрочное обязательство Государственного Казначейства 25 руб. 1919 г.

кнулись с неслыханной удачей – там обнаружались архивные материалы, представляющие все этапы переписки об изготовлении бумажных денежных знаков, которую начало вести в 1917 г. с властями США Временное правительство Львова-Керенского, а затем и правительство Колчака. К документам был приложен альбом с уникальными образцами денежных знаков и ценных бумаг, предназначенных для России.

Опираясь на указанные выше источники, рассмотрим мероприятия по урегулированию денежного обращения, предпринятые правительством адмирала Колчака в Сибири (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.). Омское правительство¹ приступило к управлению в чрезвычайно тяжелых, с финансовой точки зрения, условиях. Полное расстройство денежного обращения характеризовалось с одной стороны недостатком денежных средств, а с другой – их немислимом разнообразием. Так, кроме «романовских» и «керенских» денежных знаков, таких суррогатов, как облигации Займа свободы, купоны государственных процентных бумаг, в обращении находились деньги местного изготовления (чеки банков, кредитные билеты, выпущенные большевистскими правительствами в Сибири и т.д.). Сложность ситуации усугублялась тем, что общее количество бумажных знаков, обращавшихся в этих регионах, учету не поддавалось.

Командир, находившегося там американского экспедиционного корпуса, В. Грэвс писал: «Россия и Сибирь смогут своими самостоятельными усилиями сделать все, кроме одного, а именно: немедленного упорядочения финансов и денежного обращения»².

Чтобы справиться с хаосом в денежном обращении и сохранить рубль, как единую русскую валюту, правительство А.В. Колчака во главе с министром финансов И.А. Михайловым разработало план денежной реформы³.

В соответствии с ним было необходимо:

1. Устранить денежный голод путем выпуска крупных денежных знаков в виде краткосрочных обязательств Государственного Казначейства и мелких казначейских знаков. (На них следовало обменять суррогаты денег).

3. Затребовать себе кредитные билеты, отпечатанные в США для России, заказанные еще Временным правительством Льва-Керенского в

1917 г., с целью создания единения в области бумажных денежных знаков.

3. Приступить поэтапно к обмену прежних, ходивших на территории Сибирского региона денег, и вновь выпущенных Омским правительством на американские.

Следуя вышеизложенному плану, правительство Колчака широко использовало право эмиссии и выпускало огромное количество бумажных денежных знаков. Так Омское правительство выпустило краткосрочных обязательств Государственного Казначейства и казначейских знаков на сумму свыше 13 миллиардов рублей. Рис. 1-4.

Особо следует остановиться на оформлении денег, которое, безусловно, несет большую идеологическую нагрузку. В эмигрантской литературе политической платформе Колчака даются различные, порой противоречивые, характеристики. Некоторые авторы отрицают его стремление реставрировать монархию, другие высказываются не столь категорично.

Рассмотрим символику казначейских знаков, выпущенных Омским правительством. Орлу на купюре достоинством в 3 рубля вложены в лапы меч и держава, а над его двумя головами помещен сияющий крест Константина и девиз «Сим победиши». На груди орла, как и в царское время, расположен Московский герб (Св. Георгий Победоносец пронзает копьём змия). Колонны, поддерживающие антаблемент, полностью повторяют оформление романовского рубля. Рис. 1.

Главной политической линией правительства Колчака являлась ликвидация большевистской власти. Меч, вложенный в лапу орла, в данном случае символизирует борьбу, крест Константина и девиз «Сим победиши» освящает крестовый поход против «Антихриста».

Конечной целью Колчака и его правительства было восстановление государственности в масштабе всей России. И, тем не менее, на знаках появляется держава – регалия монаршей власти.

Эмиссионная политика колчаковского правительства вызвала крайнее обесценение рубля. По мере того, как населению навязывались всё новые и новые массы бумажной продукции, покупательная способность рубля падала, а вместе с ней падало и доверие к правительственным деньгам. Чрезмерный выпуск денежных знаков⁴, а также прогрессирующая нехватка товаров

привели к катастрофическому росту цен. Кроме того, устанавливался лаж при их обмене. Под этим термином нужно понимать те суммы, которые население вынуждено было доплачивать за бумажные деньги старых выпусков. Так лаж на «романовские» рубли доходил до 60%, а на «керенские» до 30%. На курс валют в известной степени влияло также качество денежных знаков. Краткосрочные обязательства Гос. Казначейства и казначейские знаки Омского правительства, напечатанные на плохой бумаге красками для крыш, односторонние, разного размера и цвета в зависимости от достоинства, не могли конкурировать с «романовскими» рублями. Они очень быстро амортизировались, и население не желало нести убытки от их физического изнашивания. Помимо этого техника изготовления этих знаков была настолько проста, что в обращение проникало огромное количество фальшивых денег.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что на первом этапе реализация денежной программы Омского правительства привела к дальнейшему падению покупательной способности рубля, понижению его курсовой стоимости и увеличению обменного лажа. Министерство Финансов не сумело обуздать и поставить под свой контроль стихию денежного обращения, которое день ото дня все более засорялось фальшивыми дензнаками. Эмиссии, осуществленные на первом этапе, так и не смогли удовлетворить денежный голод.

Далее Министерство Финансов намеревалось допустить к обращению кредитные билеты, заказанные в США еще Временным правительством Львова-Керенского в 1917 г.⁵

Информация о печатавшихся в Америке денежных знаках чрезвычайно интересовала Министерство Финансов, т.к. им отводилась важная роль в денежной реформе. На эти кредитные билеты, которые одним только техническим превосходством подняли бы доверие к правительству, собирались поэтапно обменивать все ранее ходившие деньги. В дальнейшем на них предполагалось обменивать различные денежные знаки, имевшие хождение в других регионах страны, по мере освобождения этих территорий от большевиков. Кредитные билеты американского изготовления должны были послужить основой будущей унифицированной национальной денежной

Рис. 5. Государственный кредитный билет 25 руб. 1918 г. (Изготовленный в США для России).

Рис. 6. Государственный кредитный билет 100 руб. 1918 г. (Изготовленный в США для России).

системы России. В случае же непредвиденных обстоятельств, т.е. захвата власти большевиками, когда эвакуация этих кредитных билетов представилась бы невозможной, их, по мнению правительства Колчака, следовало уничтожить.

При первоначальном заказе от Временного правительства на кредитные билеты в 25 и 100 рублей оговаривались лишь следующие условия, чтобы они были схожи по цвету и более или менее соответствовали по размерам «романовским» билетам тех же достоинств. Кроме того текст, отпечатанный на них, должен был точно соответствовать тексту на банкнотах, находящихся в обращении. Особые трудности Америкэн Банк Нот Компани испытывала в выборе моделей, поскольку не располагала в имевшихся у нее альбомах гравюрами с русскими рисунками. На изготовление новых образцов гравюр потребовалось бы не менее двух месяцев, поэтому решено было выбирать уже готовые рисунки, дополняя их русскими эмблемами – гербом Временного правительства с изображением Государственной думы и некоторыми другими деталями – куполом Исаакиевского собора, щитом с гербом Временного правительства и пр. Рис. 5–6.

Омское правительство стремилось как можно скорее получить новую валюту в свое распоряжение. В ответ на телеграммы, посланные из Сибири Министерством Финансов в Вашингтон, оттуда сообщали, что принципиальное согласие американского правительства на вывоз отпечатанных российских денег во Владивосток получено. Однако во второй половине декабря 1918 г. отправка неожиданно осложнилась, финансовый агент при Российском посольстве в Вашингтоне С.А. Угет был приглашен к и.о. Государственного секретаря Франку Полку и ему было заявлено, что с отправкой банкнот произошло недоразумение. Новая позиция американской стороны заключалась в том, что в разрешении русских финансовых проблем не менее США заинтересованы Англия и Франция, а потому выдача правительству Колчака банкнот может быть произведена только с учетом их мнения. Только в середине января 1919 г. этот вопрос решился положительно.

Выпустить в обращение новые кредитные билеты Омское правительство не успело, т.к. существовало только до 5 января 1920 г.

Следующей финансовой операцией, которую успело осуществить правительство Колчака, было изъятие из обращения сотен миллионов «керенок» в соответствии с постановлением от 15 апреля 1919 г. В отчете Министра Финансов утверждалось, что эта мера дала возможность до известной степени привести в порядок рынок. На самом деле злостная спекуляция процветала еще больше, продукты и товары вздорожали на 100-150%. Постановление сыграло на руку иностранным банкам и спекулянтам, дав им возможность значительно повысить лаж на «романовские» деньги. Таким образом, и эта финансовая опера-

ция, осуществленная Колчаковским правительством, не дала ожидаемых результатов.

Изучение истории денежных эмиссий и денежного обращения Сибири при правительстве Колчака выявляет трагическую безысходность его внутренней и внешней политики. В условиях Гражданской войны, т.е. без предварительного решения военных и политических задач, без умиротворения и объединения страны, без установления законно избранной власти, экономические мероприятия любого правительства, какими бы идеалами оно не вдохновлялось, были обречены на провал.

¹ В исторической литературе правительство А.В. Колчака часто называют Омским правительством и Сибирским или Всероссийским, временным правительством.

² АВПРИ, оп. 894, д. 14, л. 146.

³ Шиканова И.С. Денедная реформа А.В. Колчака// Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. Очерки по истории бонистики XIX –XX вв. М., 2005. С. 18-51.

⁴ Имеются в виду 5% краткосрочные обязательства Государственного Казначейства различных номиналов и казначейские знаки. Эти выпуски называли «сибирские рубли».

⁵ Шиканова И.С. Русские денежные знаки, отпечатанные в США (1917-1920)// Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. Очерки по истории бонистики XIX –XX вв. М., 2005. С. 52-85.

*Саввел Светланович Сатахин,
Россия, Москва, Российская
Государственная библиотека,
старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук*

Михаил Булгаков в вихрях Гражданской войны

Гражданская война в России XX века, современником которой был писатель Михаил Булгаков, участвовавший в ней в качестве военного врача, эта страница российской истории нашла художественное отражение в первых его автобиографических произведениях.

Среди них рассказы «Необыкновенные приключения доктора», «Красная корона», «В ночь на 3-е число», «Я убил». В известном романе «Белая гвардия» и пьесе по этому роману «Дни Турбиных» показана картина происходивших событий на Украине, когда одна власть сменяла другую, а пьеса «Бег» завершает тему Гражданской войны в творчестве писателя, которому сегодня исполнилось 125 лет со дня рождения.

В начале Гражданской войны доктор Булгаков находился в Киеве с начала марта 1918 г. до конца августа 1919 г. (старый стиль), когда Добровольческая армия Деникина заняла Киев. В это время практикующего врача Булгакова мобилизовывали петлюровцы, белогвардейцы.

О мобилизации врачей в Киеве сменяющейся властью оставил свидетельства киевский врач А.И. Ермоленко в своем дневнике, записи из которого приводит М.О. Чудакова в «Жизнеописании Михаила Булгакова».

Очевидец событий в Киеве врач А.И. Ермоленко записывает в своем дневнике: «15 декабря. Петлюра вчера вечером вошел в город. Гетман еще утром зрится влады». Сегодня днем в разных частях города трещат пулеметы, но в общем мало. Раненных почти нет. Директория в Киев еще не приехала»¹.

Месяц спустя автор дневника сообщает: «20 января. Сегодня я призывался. С 18 числа началась мобилизация врачей. Нельзя сказать, что в санитарном управлении был образцовый или хотя бы простой порядок, но все же дела идут в Директории энергично. Почти все врачи просят «на комиссию» – никто не хочет идти в войсковые части»².

Вместе с другими в конце января 1919 года петлюровцами был мобилизован и практикующий врач с Андреевского спуска, 13. Об этом Булгаков поведал в рассказе «Необыкновенные приключения доктора». «Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15го ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город... Конные. Пешие. И пушки ехали, и кух-

ни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать»³.

И в начале февраля врачу Булгакову удалось убежать от отступающих петлюровцев перед приходом большевиков. Авторизованное описание этого побега нашло отражение в рассказе «В ночь на 3-е число»: «У белой церкви с колоннами доктор Бакалейников вдруг отделился от черной ленты и, не чувствуя сердца, на странных негнущихся ногах пошел в сторону, прямо на церковь... Стый! Сты-ый!.. Раз. Грохнуло. Раз Грохнуло. Удар. Удар. Удар. Третья колонна. Миг. Четвертая колонна, Пятая...

В пролом стены вдавился доктор Бакалейников. С минуту ждал смерти от разрыва сердца и глотал раскаленный воздух. Развевал по ветру удостоверение, что он мобилизован в качестве врача «першого полку Сыней дывызии». На случай, если в пустом городе встретится красный первый патруль»⁴.

А как именно был мобилизован петлюровцами врач Булгаков, это происходило, по-видимому, также, как это произошло с доктором Яшвиным в рассказе «Я убил», по возвращении которого из рабочей больницы его дома ждал «в щели пакет неприятного казенного вида... На листке было напечатано машинным синеватым шрифтом: «С одержанием сего...» Кратко, в переводе на русский язык: «С получением сего, предлагается вам в двухчасовой срок явиться в санитарное управление для получения назначения...»⁵.

Удачно убежав от отступающих петлюровцев перед приходом большевиков в феврале 1919 года, потом доктор Булгаков был мобилизован деникинцами и в конце августа покинул Киев. Однако при семимесячной власти большевиков в Киеве доктор Булгаков не был мобилизован. Это, по-видимому, связано с тем, что у него была индульгенция, выданная при советской власти Московским окружным военно-санитарным управлением 19 февраля 1918 г., освобождавшая его по болезни от военной службы, как ратника ополчения 2-го разряда – врача резерва, которую он проходил в больницах Смоленской губернии в качестве земского врача.

А как шла мобилизация врачей при большевиках – сообщают записи дневника врача А.И. Ермоленко: «21 февраля. Опять мобилизация. Сегодня я призывался. Возможно, что для

меня будет льгота как для ассистента Клинического института»⁶.

«29 апреля. Позавчера получил повестку явиться в санотдел Губвоенкома. Пошел, и сразу вручили мне предписание ехать в Москву. Это – назначение по мобилизации». Последняя запись врача А.И. Ермоленко 2 мая: «Ничего нельзя сделать – придется ехать в Москву, <...> Отправка назначена на 5 мая»⁷.

Дневниковые записи врача А.И. Ермоленко о начале мобилизации большевиками совпадают с дневником героя «Необыкновенных приключений доктора», говорящего также о проходившей одновременно мобилизации врачей: «21 февр. Меня уплотнили... 22 февр. ...И мобилизовали»⁸.

Считать же, что авторизованный герой рассказа был действительно мобилизован, это не может служить доказательством мобилизации самого врача Булгакова при большевиках, который оставался в Киеве до прихода деникинцев. Конечно, большевики хотели призвать на службу к себе врача Булгакова, и ему могла прийти повестка явиться в санитарное управление, но, предъявив удостоверение об освобождении от военной службы, выданное Московским окружным военно-санитарным управлением 19 февраля 1918 г., его, по всей вероятности, оставили в покое.

До настоящего времени у биографов писателя М.А. Булгакова все еще нет ясного представления о периоде времени в его жизни с 31(18) августа 1919 г., когда деникинцы заняли Киев и мобилизовали врача Булгакова. А также как он оказался во Владикавказе, где находился до 26 мая 1921 г., после того как в марте 1920 г. белогвардейцы оставили Владикавказ.

Основными источниками сведений о пребывании Булгакова на Северном Кавказе являются интервью-воспоминания Татьяны Николаевны Кисельгоф, первой жены писателя, записанные М.О. Чудаковой, Л.Я. Яновской, Л.К. Паршиным, А.П. Кончаковским, которые потом повторяются во многих публикациях исследователей без серьезного анализа. Хотя по этим сведениям можно составить некоторое представление о появлении доктора Булгакова в рядах белогвардейских Вооруженных сил Юга России, но они не проясняют главного, когда, в какое время врач Булгаков был втянут в вихрь Гражданской войны и почему он оказался в стане белогвардейцев.

Вот это остается еще не до конца выясненным в биографии писателя. К тому же возникло немало путаницы вокруг того, как врач Булгаков очутился на Северном Кавказе и где он служил военным врачом, чему немало способствовала «документальная» повесть Д. Гиреева «Михаил Булгаков на берегах Терека».

В неизвестность того, когда деникинцы мобилизовали врача Булгакова в наше время может быть внесена ясность, позволяющая понять почему мобилизованного врача они не оставили в Киеве, и он оказался не по своей воле на Северном Кавказе.

Сегодня, принимая во внимание мемуары зятя Булгакова Леонида Сергеевича Карума, можно установить точно время, когда врач Булгаков покинул Киев. Как утверждает Карум, его шурин выехал из Киева во Владикавказ одновременно с ним в самом начале сентября. Дело в том, что Карум появился в Киеве по его свидетельству 25 августа, а вернулся обратно в Феодосию вместе с женой 4 сентября 1919 г. (старый стиль). Это обстоятельство позволяет определить время, когда Булгаков был призван в белогвардейскую армию и направлен на Северный Кавказ. Если супруги Карум приехали в Феодосию 4 сентября 1919 г., то можно считать, что из Киева они выехали 2 или 3 сентября (в зависимости от времени суток).

Хвастливое утверждение Карума, что «с ними же выехал и Михаил Булгаков, получивший назначение на должность врача во Владикавказский военный госпиталь»⁹, говорит о том, что доктор Булгаков мог выехать 31 августа или 1 сентября, т.е. в это же самое время, но не вместе с ним. Отъезд из Киева в это время подтверждается и самим Булгаковым. На допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 г., он говорил, что до конца августа 1919 г. (старый стиль) находился в Киеве.

Полковник Карум приехал в Киев из Феодосии 25 августа, где отсиживался, скрываясь от петлюровцев и большевиков. И вот как только Киев оказался занят Добровольческой армией Деникина, там появляется белогвардейский полковник Карум, и в это время деникинцы сразу забирают Булгакова к себе на службу. Не странно ли, что во время недельного пребывания Карума в Киеве практикующего врача Булгакова мобилизуют в ряды белогвардейцев для службы по медицинской части. И без всякого раздумья

и времени на сборы, не говоря уже об отсрочке для прохождения комиссии о состоянии здоровья, его в спешном порядке направляют на Северный Кавказ, хотя могли оставить при себе в Киеве.

После отъезда Булгакова газета «Киевское эхо» 13(26) сентября 1919 г. сообщала: «Регистрация офицеров, чиновников и врачей у Киевской комендатуры (Владимирская, 45) продолжается... Ежедневно записывается не менее тысячи человек...».

В этой связи вызывает большое сомнение, что доктор Булгаков один из первых пришел на регистрацию, изъявляя горячее желание служить у белогвардейцев. И естественно возникает вопрос, почему врач Булгаков одним из первых был мобилизован белогвардейцами и в спешном порядке отправлен подальше от дома к величественным горам беспокойного Кавказа, хотя его могли оставить служить в Киеве.

Это выглядит довольно странно и наводит на размышления, что вряд ли без посторонней помощи, чьей-то явной наводки, новая власть могла так быстро – в десятый день своего существования – мобилизовать практикующего врача венеролога, а не кого другого, и отправить его к месту службы подальше от дома.

О скоротечной мобилизации доктора Булгакова при деникинцах известно из воспоминаний его жены Татьяны Николаевны, приводимые в литературной записи М.О. Чудаковой: «...осенью 1919 г. пришла повестка от белых, – он нигде не служил, занимался практикой. Он пошел отмечаться, и его мобилизовали. Дали френч, шинель и отправили во Владикавказ. Я его провозжала. В Киеве я жила без него недолго, меньше месяца... Получила от него телеграмму – из Владикавказа, и поехала. <...> Он был врачом в госпитале – общим. И очень скоро Михаила отправили в Грозный – одного, без госпиталя. Я поехала с ним»¹⁰. Об этом же Татьяна Николаевна рассказывала Леониду Паршину: «...как белые пришли в 1919-м, так Михаилу бумажка пришла куда-то там явиться. Он пошел, и дали ему назначение на Кавказ».

Бумажку киевской комендатуры, мобилизационный листок, доктор Булгаков получил сразу, как только пришли белые в августе 1919 г.. Эта неожиданная бумажка-повестка, направленная по адресу практикующего врача-венеролога,

могла появиться только с подачи человека, знающего все о докторе Булгакове. Где он живет, чем занимается, и что у него была до этого хорошая врачебная практика в госпиталях Юго-Западного фронта и в больницах Смоленской губернии. Таким человеком мог быть только хорошо знавший Булгакова близкий родственник, вдруг появившийся в Киеве – полковник Карум.

Сам практикующий врач Булгаков не собирался быть добровольцем, а мечтал печататься в это время, утверждала его жена Татьяна Николаевна.

Убежавший в декабре 1918 г. от петлюровцев военный юрист Карум, отсиживаясь в Феодосии, жил восемь месяцев в разлуке с любимой женой Варюшечкой и тосковал по ее любви. В этой связи у недоброжелательного немца-прибалта с армейскими замашками могло появиться соображение безнравственного порядка: устроить своему нелюбимому шурина такую же незавидную участь – разлучить его с женой, чтобы почувствовал, каково быть без любимой женщины. Пускай помыкается без заботливой жены, как я, хлебнет житейских невзгод, так недолго думая рассуждал, видимо, полковник Карум.

Исходя из побуждений мужской зависти и армейского эгоизма, белогвардейский полковник Карум, используя свой военный авторитет, мог сообщить в киевскую военную комендатуру денкинецев о докторе Булгакове, который может быть полезен в армии как врач, тем более в военное время, когда в воинских госпиталях нужны врачи.

Поэтому досадной причиной, вынудившей доктора Булгакова оказаться в рядах белогвардейцев, могла стать медвежья услуга зятя Булгакова полковника Карума, который с неприязнью относился к нему. Известно, что они друг друга недолго любили, отношения у них были натянутые, даже враждебные, Каруму не нравился свободный беспечный образ жизни Булгакова. Он определенно мог вмешаться в судьбу своего родственника, решив насолить практикующему врачу, спокойно живущему и занимающемуся своим профессиональным делом.

Но непорядочный человек, преподаватель военного училища юрист Карум., проникнутый духом карьеризма, не нюхавший пороха и не видевший проливающейся крови, не знал, ему было невдомек, что жена доктора Булгакова решила для себя «быть там, где Миша». Прожив

недолго без мужа, меньше месяца после его отъезда, Татьяна Николаевна получила от Булгакова телеграмму из Владикавказа и поехала к нему.

Подтверждением такой циничной акции со стороны полковника Карума в отношении близкого родственника, определившей врача Булгакова на службу к белогвардейцам, служит бросающееся в глаза открытое неуважительное отношение писателя к фигуре своего зятя, что не осталась без последствий для него.

Известно, что прототипом антипатичного персонажа капитана Сергея Ивановича Тальберга в романе «Белая гвардия» послужил белогвардейский офицер Л.С. Карум, за которым замужем была сестра писателя Варвара Афанасьевна.

Создание образа тщеславного, нечистоплотного человека, совершающего непристойное деяние, такой намеренный подход к литературному персонажу, бесспорно, был чем-то обусловлен, а не просто так показан нехороший человек. В персонаже капитане Тальберге нашло явное изображение зятя Булгакова со всеми его характерными чертами. Правдивый до деталей и потому сразу узнаваемый литературный образ капитана Тальберга, названный одиозной киевской фамилией, вызвал резкую реакцию в семье Карумов.

Цели своей, можно сказать, писатель Булгаков достиг, что подтверждает негодующее письмо его сестры Варвары Афанасьевны: «Какое ты имел право так отзываться о моем муже?.. Ты вперед на себя посмотри. Ты мне не брат после этого»¹¹. Действительно, капитан Тальберг, лишенный человеческих чувств, это не просто литературный персонаж, прообразом которого послужил полковник Карум. На самом деле это нарочито выписанный, абсолютно похожий на Карума его живой портрет, рассчитанный на узнавание не только родственниками, но и более широким кругом знакомых, чтобы у них сложилось представление о негодяе с подленькой душой, на что у автора романа были для этого основания.

С болящей, бередящей раной жил всю жизнь Леонид Сергеевич Карум, выставленный на всеобщее обозрение немцем Тальбергом, представляющий образ безнравственного, нечистоплотного гетманского офицера, сбежавшего со своими сородичами, который естественно не мог нравиться никому.

Бывший белогвардейский офицер Л.С. Карум, сменивший золотистые погоны на петлицы красного командира, затем, переоблачившись, прикрылся личиной преподавателя немецкого языка в Новосибирске, с лютой ненавистью смотрел на своего шурина, и после смерти писателя Булгакова всячески старается опорочить его. В своих мемуарах «Моя жизнь. Рассказ без вранья» Л.С. Карум не без злого умысла утверждает, что Булгаков пошел служить к белым по доброй воле, пытаясь тем самым замести следы своего черного дела – участия в белогвардейской мобилизации своего шурина.

О времени прихода добровольцев в Киев при Булгакове, Карум, искажая факты, пишет: «Работа венерического врача шла успешно, Только в последний месяц, когда большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то в «нетрях» на даче под Киевом, Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу»¹².

В порыве мщения Карум, прибегая ко лжи, старается внушить читателям, что Булгаков сам пошел добровольцем на службу к белым. Этим самым Карум, подленькая душа которого не испытывала мук угрызения совести, а источала только одну лютую злобу к своему шурина за обидный образ капитана Тальберга, в котором узнал себя, тщится представить дело так, что он не имел никакого отношения к мобилизации белогвардейцами доктора Булгакова.

Но в действительности, своим враньем лицемер Карум невольно проговаривается, сам не понимая того, выдает свою причастность к судьбе Булгакова при деникинцах, в деле которого он играл роль первой скрипки по приобщению своего шурина к белому движению. Гнусная сентенция Карума, что Булгаков намеривался поехать на Кавказ, где хотел поступить на военную службу, звучит как вынужденное оправдание своего мерзкого поступка, содеянного им в отношении своего мирного родственника – практикующего врача.

Из захваченного деникинцами Киева, по предписанию киевской военной комендатуры врача Булгакова направили в Ростов-на-Дону – центр Вооруженных сил Юга России, где про-

исходило распределение мобилизованных и добровольцев по белогвардейским частям. И в Ростове-на-Дону мобилизованный доктор Булгаков получает назначение в распоряжение правительства белых на Северном Кавказе. При этом ему, как военному специалисту, должны были выдать денежный и продовольственный аттестаты, прогонные и суточные деньги.

В январе – феврале 1919 г. Северный Кавказ был занят Добровольческой армией Деникина. Для управления краем была учреждена должность «Главначальствующего командующего войсками Терско-Дагестанского края», которую с апреля 1919 г. занимал генерал от кавалерии И.Г. Эрдели. Эта высшая гражданская и военная власть в крае подчинялась Главнокомандующему ВСЮР.

Территорию края составляли области Терского войска и Дагестана и четыре горских округа: Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня – и выделенные в особые административные единицы Владикавказское и Грозненское градоначальства и Минераловодческий район. При этом Терская область управлялась двумя властями: Главначальствующий генерал-лейтенант И. Г. Эрдели исполнял власть на основании Положения о Терско-Дагестанском крае, а атаман Терского войска генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко опирался на терскую конституцию. В связи с этим возникали бесконечные разногласия между терским войсковым правительством и белогвардейским командованием на Северном Кавказе, штабы и административные службы которых находились в Пятигорске.

Вот почему мобилизованный врач Булгаков должен был прибыть в Пятигорск, где находилось правительство белых и штаб Главнокомандующего войсками Северного Кавказа. И здесь командированный врач, как положено, был включен в список личного состава по медицинской части и его направили во владикавказский госпиталь. Этот армейский порядок не учитывается биографами писателя, когда говорится, что врач Булгаков был мобилизован и направлен сразу из Киева во Владикавказ.

С одной и той же рекой Терек, отделяющей казаков от горцев, было связано пребывание на Кавказе в молодости Льва Толстого и Михаила Булгакова. Северный Кавказ для Булгакова стал прологом приобретения журналистского опыта,

первых газетных публикаций и сценических постановок. Особенность творчества Булгакова состоит в том, что оно связано с автобиографичностью писателя, проявляемой довольно заметно в его прозе.

Так первый московский рассказ «Необыкновенные приключения доктора» является литературным свидетельством появления и участия мобилизованного врача Булгакова в военных действиях на Северном Кавказе в ходе Гражданской войны. В этом автобиографическом рассказе как раз и описан начальный период жизни врача Булгакова под видом военного доктора N, литературный образ которого воспринимается, как будто это происходило с самим автором этого повествования. По свежим воспоминаниям событий Гражданской войны Булгаков рассказывает о своих странствиях и душевных терзаниях, представляя их как необыкновенные приключения своего нахождения на Северном Кавказе.

В рассказе «Необыкновенные приключения доктора» автобиографичность повествования дает о себе знать на каждой странице, что позволяет прийти к пониманию означенной безтекстовой V главки и кратких телеграфных записей главок VI и VII с их шифрующим многоточием утаивающего содержания биографической недосказанности.

Сегодня, обращаясь к событиям того времени, можно считать, что в соответствии с исторической действительностью и логикой повествования предметом содержания пустой пятой главки могло быть описание или упоминание нелицеприятных событий, связанных со сменой власти большевиков в Киеве белогвардейцами, занявшими город в конце августа 1919 г. (новый стиль). Писать об этом прямо в советское время было, мягко говоря, опрометчиво. Поэтому автору пришлось прибегнуть к нередко применяемому в таких случаях многоточию, литературному приему, скрывающему правдивое нелицеприятное изложение реальных событий, о которых лучше не следовало бы упоминать в художественном произведении.

Частая же смена власти в рассказе передается художественным образом – стрельбой из пушек. «Из пушек стреляли под утро...» – этой фразой заканчивается четвертая главка, говорящая о подходе к городу другой власти на смену большевистской. Этот образный момент смены

одной власти другой и последовавшие за этим события намекают на закамуфлированное содержание пятой безтекстовой главки.

В шестой безымянной главке рассказа, состоящей всего лишь из одной трехсловной фразы: «артиллерийская подготовка и сапоги», Здесь Булгаков тонко намекает на очередную перемену власти в городе и свою мобилизацию денкинцами. С позиций военных представлений сапоги – это образная символика, означающая, что доктора N белогвардейцы призывают под свои знамена, дают военное обмундирование и ему предстоит дальняя дорога к месту службы.

И в следующей седьмой тоже безымянной главке автор лаконично констатирует: «Кончено. Меня увозят... Из пушек... и...». Да, конечно, все было кончено для доктора N и повествователя автобиографического рассказа. Его мобилизованного, как и доктора N, увозят подальше от родного дома, туда, где стреляют и сражаются. И уже в следующей восьмой главке с названием «Ханкальское ущелье» автор вместе с автобиографическим доктором оказывается среди синеватой дымки гор, которые наворотил грозный бог. Так иносказательно, автор бессвязными лаконичными записями о докторе N, явно повествует о своей судьбе, совершенной над ним принудительной мобилизации, к которой приложил руку не чужой для него, но оказавшейся хуже чужого, зять Леонид Карум.

Военные реалии того времени в рассказе представляет картина боя в Ханкальском ущелье, где батареи белых бьют шрапнелью по Узуну. «Чеченцы как черти дерутся с «белыми чертями». У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется краснокрестный флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках»¹³.

О пребывании Булгакова на Северном Кавказе писал Д. Гиреев в повести «Михаил Булгаков на берегах Терека», которая требует очень осторожного обращения, ее нельзя воспринимать буквально, как свидетельство всего происходившего с доктором Булгаковым. В книге много надуманного, не связанного подобающим образом с реальными фактами.

Так художественное описание сценки с сидящим у костра казачком Терского 3 го конного, который философски рассуждает: бывало, «заско-

чут с хлангу», по-видимому, было прочитано Д. Гиреевым буквально. И название конного полка «терский» было воспринято им как реально существовавший 3-й казачий полк, и, не долго думая, он зачислил в него автора «Необыкновенных приключений доктора». С подачи Гиреева это стало общеупотребительным местом многих публикаций, о чем продолжают вводить в заблуждение ряд работ и сайт Интернета.

В наше время литературовед Е.А. Яблоков в комментариях к рассказу «Необыкновенные приключения доктора» причисляет врача Булгакова к другому полку в отличие от Гиреева. Ссылаясь на очерк Александра Тина «Огнем и мечом» в газете «Грозный» (17/30 октября 1919 г.), в котором говорится, что в боях за Чечен-аул «особенно отличился в этих боях Александрийский гусарский полк, лихой атакой сбивший противника и прогнавший его за аул», Яблоков неправомерно утверждает, что «именно в Александрийском полку служил врачом М. Булгаков»¹⁴, как и Интернет-Википедия в Александрийском полку «черных гусар», приданным для усиления терских казаков, военврач Булгаков не мог служить, так как должности такой не было в казачьих полках, а была должность фельдшера. Находился же врач Булгаков в подчинении начальника военного госпиталя Владикавказа, который направил его в район боевых действий под Грозным в перевязочный отряд.

К событиям Гражданской войны, описанным в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», примыкает другое литературное произведение Булгакова «Записки на манжетах», продолжающее приключения автобиографического героя во Владикавказе. Свое повествование в «Записках на манжетах» автор начинает с последних дней пребывания белых во Владикавказе перед их отступлением, которое он называет катастрофой: «Стойте! – завопил я, опомнившись – Стойте! Какое Credito? Finita?! Что? Катастрофа?!»¹⁵.

Приближающаяся катастрофа была вызвана тем, что в это время началось наступление Красной армии на Кавказском фронте, которым командовал М.Н. Тухачевский и член РВС Г.К. Орджоникидзе. Во время Егорлыкской операции (14 февраля – 2 марта 1920 г.) в районе Среднего Егорлыка 25 – 27 февраля произошло самое крупное за всю Гражданскую войну встречное

конное сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 25 тысяч сабель. В ходе этой битвы белая конница – главная сила деникинской армии – была разбита, и наступление большевиков стало развиваться в двух направлениях: на Новороссийск и на Владикавказ – Грозный.

О времени отступления добровольцев с Северного Кавказа сообщала 26 февраля (9 марта) 1920 г. владикавказская газета «Кавказ». Под заголовком «Разгрузка Пятигорска» она писала: «Пятигорск. 25/2. В связи с отъездом из Пятигорска многих частей и учреждений, город заметно опустел. Вся власть теперь перешла к Военному правительству и к его представителям». Заметка эта говорит, что в двадцатых числах февраля 1920 г. стали отходить военные части и эвакуироваться учреждения белых на Северном Кавказе. И вся гражданская и военная власть перешла к Терскому войсковому правительству, которое издавало в Пятигорске войсковую газету Терского казачьего войска «Терец».

А перед этим в Сибири произошли небезызвестные события: разгром Колчака, его арест и расстрел 7 февраля 1920 г. Такое событие, современником которого был белогвардейский врач-журналист Булгаков, не могло не оставить след в памяти начинающего владикавказского журналиста.

В романе «Белая гвардия», основном произведении писателя о Гражданской войне, о событиях происходивших на Украине, особый интерес вызывает персонаж со странной фамилией полковник Най Турс, которая выделяется среди других своим иностранным звучанием, и при этом, казалось бы, не имеет прототипа как другие действующие лица в романе, оставаясь собирательным образом.

Однако прихрамывающий белогвардейский полковник с загадочной фамилией Най Турс, прообразом которого считается мог послужить генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер, своими решительными действиями и судьбой больше походит на адмирала А.В. Колчака, главную фигуру белого движения. Колчак в ноябре 1918 г. захватил власть в Омске и провозгласил себя Верховным правителем российского государства, став главнокомандующим всеми белогвардейскими вооруженными силами в России.

Подобно решительным действиям адмирала Колчака в Сибири, полковник Най Турс быстро

формирует отряд юнкеров в сто пятьдесят человек на три дня раньше, как было приказано. Одевает их по-зимнему – в валенки и папахи – и сразу выступает с ними для отражения наступления петлюровцев.

Зимняя одежда – валенки, предназначенные для использования их в соответствующих климатических условиях, являют собой художественный образ суровой сибирской зимы с трескучими морозами. И в данном случае они предстают как символика холодного сибирского края, намекая, таким образом, на белогвардейские формирования Колчака и события, там происходившие.

Столица Сибири город Иркутск, где разыгралась трагедия расставания с жизнью адмирала Колчака, принявшего с достоинством смертельный вердикт большевиков, этот город Булгаков использует в своих романах как маркер, олицетворяющий фигуру руководителя белого движения.

Исторически сложившаяся неразрывная судьбоносная связь Колчака с городом Иркутск имеет к тому же некую общность в их наименовании, содержащая по две буквы «к». Если исключить эту букву из названия города Иркутск (проделав своеобразную дифференциацию названия города по букве «к»), то из оставшихся буквенных знаков, первым складывается стыдливое слово «трус», которое простой перестановкой второй и третьей буквы в этом слове приводит к таинственно звучащему слову «турс».

Это позволяет прийти к пониманию появления загадочной второй части фамилии Най-Турс. Что касается первой части составной фамилии полковника Най-Турса, то по созвучию она напоминает маршала Франции Нея, участника наполеоновских войн, ставшего князем Московским после занятия Москвы французами. Эта французская фамилия Ней вполне подходит для образования названия первой части фамилии Най Турс, как по фонетическому созвучию, так и в смысловом отношении по своей военной принадлежности.

И при этом автор романа делает своеобразный намек читателю, акцентируя его внимание на особенной фамилии полковника Най Турса, когда унтер-офицер Николай Турбин увековечивает память своего командира, погибшего в бою с петлюровцами. Он вырезает перочинным но-

жиком на двери своей комнаты большой крест и изломанную надпись под ним: «п. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня». Вырезанная не полностью, а только вторая часть фамилии белогвардейского полковника, как ключевая ее основа – «Турс», таящая в себе неразгаданное значение, шифрующим образом подразумевает белогвардейца номер один – адмирала Колчака.

Таким камуфлирующим образом у писателя появляется номинация отважного, решительно действующего белогвардейского полковника Най-Турса, воинственный образ которого подразумевает предводителя белого движения адмирала Колчака. И хотя о явном участии Колчака в событиях романа говорить не приходится, но белогвардейский дух верности воинскому долгу там присутствует.

Название романа и сама логика военного времени подразумевают военное происхождение номинации одного из основных белогвардейских персонажей. Смелый, мужественный командир отряда юнкеров, показан в романе единственным участвующим в боевых действиях против петлюровцев. Тем самым он становится главной действующей фигурой среди других белогвардейцев, действуя так, как действовал Колчак в Сибири.

Об этом можно говорить сегодня, поняв глубоко скрытый, зашифрованный подтекст романа с несамочевидным белогвардейским названием.

Когда в Москве вышел первый номер газеты железнодорожников и водников «Гудок», будущий сотрудник этой газеты Михаил Булгаков находился во Владикавказе. В это время 6 мая 1920 г. поляки занимают Киев – родной город Булгакова. И первый номер газеты «Гудок» 11 мая 1920 г. начал свои публикации с анонса «Польские белогвардейцы еще наступают. К оружию и к неустанному труду, товарищи!..» А четырнадцатый номер «Гудка» 27 мая извещал о том, что англичане покидают Крым. И за уходом англичан из Крыма последовало контрнаступление войск Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров, члены РВС И.В. Сталин, Р.И. Берзин). В ходе Киевской операции 26 мая – 16 июня 1920 г. армия Буденного во взаимодействии с другими конными армиями нанесли поражение польским войскам и петлюровцам, и 12 июня освободили Киев. С этого времени в Киеве надолго установилась Советская власть.

Об этом времени писатель рассказал в очерке «Киев-город», написанном после посещения Киева в апреле-мае 1923 г., совершая экскурс в область истории прекрасного города, когда легендарные киевские времена оборвались, и внезапно, и грозно наступила история. «Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 часов утра 2-го марта 1917 г., когда в Киев пришла телеграмма...», сообщавшая об отречении императора Николая II. «И началось, и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. <...> ...в течение 1000 дней гремело, и клочкотало, и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах, и в дачных его местах окружности на 20 верст радиусом»¹⁶.

Киевляне считали, что в городе у них было 18 переворотов. «Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил», – рассказывает автор очерка.

Илья Эренбург, родившийся в Киеве в один год с Булгаковым, проживал там с осени 1918 г. по ноябрь 1919-го, когда там находился практикующий врач Булгаков. Вспоминая об этом времени, Эренбург пишет в «Людах, годы, жизнь», что в то время «никто не знал, кто кого завтра будет расстреливать, чьи портреты вывешивать, а чьи прятать, какие деньги брать, а какие постараться вручить простофилю».

Об этих событиях ярко показано в киевском очерке с рядом исторических подробностей: «... немцы, железные немцы в тазах на головах, явились в Киев с фельдмаршалом Эйхгорном и великолепными туго завязанными обозными фурами. Уехали они без фельдмаршала и без фур, и даже без пулеметов. Все отняли у них разъяренные крестьяне». Знаменитый же бухгалтер, Семен Васильевич Петлюра – «четыре раза являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли». А «самыми последними, под занавес, приехали зачем-то польские паны (явление XIV-ое) с французскими дальнобойными пушками. Полтора месяца они гуляли по Киеву. <...>

На переломе второго месяца среди совершенно безоблачного неба советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город. Но тут следует сделать ма-

ленькую оговорку, – замечает автор. – Все, кто раньше делали визит в Киев, уходили из него по-хорошему, ограничиваясь относительно безвредной шестидюймовой стрельбой по Киеву со святошинских позиций. Наши же европеизированные кузены вздумали щегольнуть своими подрывными средствами и разбили три моста через Днепр, причем Цепной – вдребезги. <...> А. поляки, поляки... Ай, яй, яй!..»¹⁷, – сокрушался Булгаков по цивилизованным соседям.

Поведав ужасы первой мировой войны, с которыми пришлось воочию столкнуться молодому доктору во фронтовых госпиталях и в ходе Гражданской войны, естественно могло возникнуть отвращение к мерзостям военного времени и желание заняться делом творческим. Не удивительно, что потребность писать, сочинять у Булгакова взяла вверх над врачебной практикой. Недолгий врачебный путь доктора Булгакова закончился сменой трудового настроения медика стремлением заняться литературным сочинительством.

В ноябре 1919 г. военврач Булгаков, получил контузию во время похода за Шали-Аул. Это могло послужить причиной освобождения Булгакова от воинской службы, как считают некоторые исследователи, что позволило ему устроиться сотрудником новой владикавказской газеты «Кавказ».

О своем врачебном прошлом писатель упоминал в своих автобиографиях. В первой краткой автобиографии в 1924 г. Булгаков написал: «В начале 1920 г. я бросил звание с отличием и писал», что определенно связано с изменением служебного положения военного врача Булгакова в начале февраля, когда он был включен в число сотрудников новой газеты «Кавказ». Первый номер ежедневной беспартийной, политической и литературно-общественной газеты вышел во Владикавказе 15(28) февраля 1920 г.

В то время когда началась Егорлыкская операция сотрудник владикавказской газеты «Кавказ» Булгаков заболевает тифом. Прикованный к постели он не смог уйти вместе с белыми, а после выздоровления в городе была уже советская власть, которая установилась после освобождения Владикавказа 22 марта. Потом Булгаков нередко укорял Татьяну Николаевну: «Ты – слабая женщина, не могла меня вывезти!»

В мыслях начинающего литератора, несомненно, присутствовало большое желание ока-

заться за границей. В Батуме Булгаков поделился своей думой о загранице с Татьяной Николаевной: «Знаешь, может, мне удастся уехать...». Об этом она рассказывала М.О. Чудаковой, что Булгаков вроде бы «вел с кем-то переговоры, хотел, чтобы его спрятали в трюме, что ли...». Потом вспоминала Татьяна Николаевна: «Михаил сказал, чтоб я ехала в Москву и ждала от него известий. «Где бы я ни оказался, я тебя вызову, как всегда вызывал»¹⁸.

Настойчивые думы отправится за границу, не покидали Булгакова до начала осени 1921 г., когда, в конце концов, он решил все же остаться в советской стране. Это потом нашло отражение в «Записках на манжетах», где автор назвал

одну из глав записок согласно подобающему ему настроению – «Бежать. Бежать!» И наметил маршрут своего предполагаемого, но несостоявшегося бегства за границу «...Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море, и Францию – сушу – в Париж!»¹⁹ В Париж, к братьям, к Мольеру – вот куда влекло начинающего драматурга.

Трудные годы Гражданской войны, разрухи, болезни и голода Булгаков пережил с Татьяной Николаевной, которая ухаживала за больным тифом, выходила его и сохранила нам творческого человека, ставшего известным писателем. Это ее неоценимая заслуга, любящей, сердобольной женщины.

¹ Чудакова М.О. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. М., 1988. С. 95.

² Там же. С.101.

³ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С. 10.

⁴ Накануне № 207. 1922, 10 декабря. Литературное приложение № 30. С. 6.

⁵ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 2. Собачье сердце*. М., 2004. С.504.

⁶ Чудакова М.О. *Жизнеописание Михаила Булгакова*. М., 1988. С. 107.

⁷ Там же. С.108.

⁸ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С.10.

⁹ Мягков Б. *Родословия Михаила Булгаков*. М., 2003. С. 264-265.

¹⁰ *Воспоминание о Михаиле Булгакове*. М., 1988. С.118.

¹¹ Мягков Б. *Родословия Михаила Булгаков*. М., 2003. С.12.

¹² *Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях*. Киев, 2006. С.37.

¹³ Рупор. 1922. Вып. 2, май. С.11.

¹⁴ Булгаков М.А. *Собр. соч. в 8 т. Т.1*. М., 2011. С. 685.

¹⁵ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 1. Дьяволиада*. М., 2004. С.122.

¹⁶ Накануне № 377. 1923, 6 июля. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 2.

¹⁸ *Воспоминание о Михаиле Булгакове*. М., 1988. С.121.

¹⁹ Булгаков М.А. *Собр. соч.: В 8 тт. Т. 1. Дьяволиада*. М., 2004. С.138.

*Екатерина Александровна
Дегальцева, Россия, Бийск,
Технологический институт АлтГТУ,
заведующая кафедрой гуманитарных наук,
доктор исторических наук, профессор*

Перспективы военно-исторической антропологии при изучении Гражданской войны в России (1918-1922 гг.): на примере биографии А.Н. Пепеляева

Военно-историческая антропология в течение последних 15–20 лет заняла прочные позиции как важная отрасль исторической науки. Ведущие исследователи И.Ю. Черкасова, В.И. Бажуков, В.Л. Кожевин, О.В. Чуракова и др. рассмотрели повседневные, личностные, биографические, когнитивные аспекты истории войн и революций¹. Большой шаг вперед сделан исследователями в области методологии военно-исторической антропологии и исторической психологии (Е.С. Сенявская, И.Ю. Николаева, З.Н. Левашкина, Л.Л. Газиева)² [К дискуссионным вопросам военно-исторической антропологии относится методология исследований. Одни специалисты рассматривают саму антропологию как метод исторических исследований³, другие говорят о собственных методах исследования⁴. Одна из указываемых ими важных проблем – сочетание субъективного и объективного при анализе документов⁵.

Гражданская война в России совсем недавно попала в ракурс военно-исторической антропо-

логии в нашей стране и её изучение в рамках исторической антропологии только набирает темпы, а с точки зрения военной антропологии – находится в самом начале своего пути. Выделяются в этом отношении работы О.М. Морозовой. Ею недавно проведено масштабное исследование по проблемам антропологии Гражданской войны, рассмотрено всё многообразие проявлений человека воюющего, умирающего убивающего, проанализированы индивидуально-личностные детерминанты социальных потрясений, выявлены психосоциальные, социоестественные и каузальные факторы влияния на поведение участников Гражданской войны, на примере конкретных участников рассмотрены культурные практики той эпохи⁶.

Проводимые в последнее время исследования в области военно-исторической антропологии имеют целью изучение воздействия объективных процессов и структур на человека, выявление его субъективной реакции на них. В этом смысле сам феномен войны становится

своего рода призмой, через которую можно рассматривать дальнейшую жизненную стратегию и идейные принципы, т.е. война рассматривается через призму личности, а личность – через призму войны. Как справедливо отмечает Л.Л. Газиева, «введение человеческого фактора как значимого критерия войны утверждает современный гуманистический подход»⁷. Примечательно, что в антропологической историографии применительно к Гражданской войне сегодня начинается и анализ коллективного поведения и сознаний, даётся «дешифровка символизма» массовых действий⁸. При этом используются различные методы, включая психоаналитические, и делается попытка исследовать осознание, переживание мира, что отражалась в мыслях, поступках, текстах людей изучаемой эпохи.

Круг источников, в данном случае, не ограничен, это и обуславливает появление в последнее время целой серии околонулевых исследований (документальных романов и повестей). Так, в 2014 г. вышла документальная повесть А. Кобелева «Брат генерал», а в 2015 г. – документальный роман Л. Юзефовича «Зимняя дорога». Оба произведения посвящены А.Н. Пепеляеву. С одной стороны, такие очерки и документальные романы являются ценным источником, базирующимся на архивных данных, материалах личного происхождения, воспоминаниях, а, с другой стороны, являясь художественными произведениями, несут субъективный авторский компонент, непреднамеренные корректировки использованных источников, «выпрямления» линии судьбы и т.п. Так или иначе, они позволяют оценить отношение к коллизии судеб участников войны, понять, какой крен сегодня делает общественное мнение.

Объединяющим качеством источников разного рода в данном случае является их нарративность, возможность их критического использования в биографических исследованиях. В данном исследовании использовались архивные материалы, источники личного происхождения. В отношении нарративных источников при менялся интерпретативный метод анализа.

В архивах Новосибирска (ГАНУ и архиве Военной прокуратуры Сибирского военного округа) отложились материалы следственных дел 1924 г. и 1937 г., позволяющие проследить генерацию событий вокруг жизненной траектории генерала А.Н. Пепеляева⁹.

На примере биографии Анатолия Николаевича Пепеляева (15.08.1891–14.01.1938) можно утверждать, что военный нарратив в ней занимает ведущее место. Он стал фактором понимания роли и идеологических установок А.Н. Пепеляев, как и других представителей «белого» офицества, а в Гражданской войне. С этих позиций мы можем изучать человеческое измерение происходивших более века назад социальных катаклизмов. Как пишет В.Л. Кожевин, «тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал качества, отличавшие его от штатского человека»¹⁰. Так же и у героя нашего исследования мы видим особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения, особый тип личности, сформированный войной.

Деятельность братьев Виктора и Анатолия Пепеляевых не раз являлись предметом специального исследования в историографии¹¹. В.И. Шишкиным был проведен анализ дневников и личных документов Виктора Николаевича Пепеляева¹². А.А. Петрушин, используя материалы архивов УФСБ по Новосибирской области и Хабаровскому краю, подробно рассмотрел причины, предпосылки и детали якутского похода А.Н. Пепеляева 1922–1923 гг.¹³ Однако вообще относительно Анатолия Николаевича нужно отметить, что посвященные ему публикации касались в основном только хронологического описания его участия в Гражданской войне и идейно-политического контекста. Трактовка принимаемых им политических решений, решающего выбора и поступков даётся под влиянием последующих событий.

Можно предположить, что его военная биография была predetermined. Дед Анатолия Михаил Григорьевич, надворный советник Томского губернского правления, происходил из солдатских детей. Отец, дяди, братья и племянники Анатолия Николаевича были военными. Отец Николай Михайлович, окончив Сибирскую военную гимназию (впоследствии – Омский кадетский корпус, который окончил и Анатолий), выбрал военную карьеру, дослужился до генерала. Его братья и сыновья также стали военными. Всего в семье Николая Михайловича было 12 детей, четверо умерло в младенчестве. Единственным из шести сыновей, не выбравшим военную карьеру, был Виктор, более популяр-

ный из всех, известный как видный деятель кадетской партии, член IV Государственной Думы и последний премьер-министр колчаковского правительства¹⁴.

Не случайно Э. Радзинский, получив письмо от внучатого племянника А.Н. Пепеляева Юрия Николаевича Пепеляева о судьбах своих родственников-мужчин, погибших на полях разных сражений, назвал историю рода Пепеляевых краткой историей России XX в.¹⁵

Ход работы с материалами, рассказывающими о становлении личности А.Н. Пепеляева, сформировал понимание предшествующего социокультурного опыта, ценностных ориентиров, мотивации действий в условиях внутригражданского конфликта. Сложившийся в семье Пепеляевых образ мужчины-защитника, дух верности воинскому долгу и служению родине, а также успешная учёба в кадетском корпусе сформировала мировоззрение будущего офицера¹⁶. Патриотическая и духовно-нравственная подготовка базировалась там на воинских традициях, образцах воинского поведения выдающихся личностей. Изучал всеобщую, отечественную и политическую историю кадет Анатолий Пепеляев по учебникам И.К. Кайданова и С.Н. Смараглова. В своё время автор учебника И.К. Кайданов преподавал историю А.С. Пушкину. Его историко-педагогическая концепция была консервативной и православно-патриотической. А учебник С.Н. Смараглова ещё В.Г. Белинский критиковал за то, что в нём «лишь слегка обозначены причины войн», а всё своё основное внимание автор обращал на сами войны, перечни и подробный ход сражений¹⁷.

Три раза в неделю кадет Пепеляев должен был посещать кабинет для чтения в библиотеке, чтобы приобщиться к русской и зарубежной классике. В 1908 г. он закончил Омский кадетский корпус, а в 1910 г. – Павловское пехотное военное училище в Санкт-Петербурге. Оно считалось элитным, большинство юнкеров его выпуска направились служить офицерами Генштаба. В этом училище Анатолий считался одним из лучших выпускников, получил звание отличного стрелка¹⁸.

Сформированное мировоззрение офицерской корпорации у А. Пепеляева, как и у многих других выпускников, базировалось на уважении власти в лице государя и Отечества. У каждого военного училища был собственный девиз (опорные символы), у Павловского, например, – «Сам по-

гибай, а товарища выручай»¹⁹. В куплете Марша Павловского училища звучит как бы наказ:

*Мы смело на врага,
За русского царя,
На смерть пойдём вперёд,
Своей жизни не щадя!!!*

Трансляция в этих стенах традиции и офицерской чести при исторической смене вектора развития стала источником внутреннего и внешнего конфликта «белого» офицерства. Воссоздавая этот воспитательный код, можно реконструировать его социальный облик в целом. Несмотря на то, что по заявлениям О.М. Морозовой, «белогвардейская политическая субкультура не имела той имплицитной целостности, которая постепенно вырабатывалась у большевиков»²⁰, именно декларация высокой этической миссии офицерства в борьбе с большевиками в Гражданской войне стала общей для них системой мировоззрения.

В системе ценностей офицерства именно неполитические, а религиозные ценности составляли венец этих духовных ориентиров. Возможно, усиленная религиозность помогла Анатолию в дальнейшем избежать психологического слома. Накануне Февраля 1917 г. эти ценности не претерпели изменений, как, впрочем, и впоследствии. В своём дневнике уже во время Гражданской войны, Анатолий Пепеляев напишет: «Господи, научи меня делать побольше добра», а в конце её из Владивостока напишет жене: «Молись побольше Богу и чаще ходи в церковь»²¹. Для того сурового периода это было абсолютно непрактичным восприятием времени.

Психология военного в структуре личности Пепеляева сформировалась уже в кадетском корпусе. С юных лет Анатолий соблюдал строгую дисциплину, всегда очень рано вставал, с военного училища совершенно не пил, чем и выделялся в офицерской среде, хотя очень много курил и всегда только элитные сорта табака. Он был строг и согласно офицерским традициям жестоко подавлял злоупотребления алкоголем среди солдат, но в бытовых условиях Пепеляев никогда не отличался, жил всегда «наравне с солдатами», всегда отличался терпимостью и гуманностью к пленным, как и впоследствии к врагам на фронтах Гражданской войны.

После училища он направился служить в Томск подпоручиком, а затем поручиком в 42-й

Сибирский стрелковый полк. В возрасте 23 лет, в самом начале Первой мировой войны Пепеляев призывается на фронт командиром конной разведки своего полка. Незадолго до Февральской революции 1917 г., Анатолий Николаевич был произведён в капитаны²².

Февральская революция застала Пепеляева на фронте. Несмотря на постепенное разложение армии, он держал свой отряд в постоянной боевой готовности, не теряя при этом авторитета у солдат, как это было во многих других частях. При Керенском он был произведён в подполковники. После Октябрьской революции совет солдатских депутатов батальона, которым к тому времени командовал Пепеляев, избрал его командиром батальона, что также говорит об уважении и авторитете в своём воинском коллективе. В дальнейшем разложении своих воинских частей Пепеляев винил Брест-Литовский мир, закончивший военные действия. Позднее, на читинском судебном процессе в январе 1924 г. он давал следующие показания: «Из старой армии я был демобилизован после Брест-Литовского мира. Хотя до этого у меня и были разногласия, но я оставался в рядах армии, т.к. считал защиту страны необходимой. Брест-Литовский же мир был для меня неприемлем, как и для большинства командного состава»²³.

Как профессиональный военный, проанализировав ситуацию, Пепеляев пришёл к выводу, что виновниками начавшегося разложения армии являются сами командиры, «которые введением в армию выборного начала совершенно её деморализовали. Они отдавали страну на разгром империалистической Германии. В это же время было насильственно распущено Учредительное собрание. Я отрицаю посягательство на свободу и..»²⁴. Закончить эту либеральную речь председательствующий судебным процессом 1924 г. Беркутов ему не дал.

С такими тяжёлыми чувствами Пепеляев в марте 1918 г. демобилизовался и вернулся в Сибирь (Томск). По разным свидетельствам и признанию самого Пепеляева он не вполне разбирался в сложных политических перипетиях того времени. Секретный агент ГПУ в Харбине назвал его «тёмным человеком, руководимым политическими фантазерами и мошенниками»²⁵. Ему было проще получать приказы и выполнять их. И уже позже, под Пермью, когда узнал, что

власть перешла в руки Колчака, он напишет, что «в душе не сочувствовал этому, но подчинился и примирился как с фактом»²⁶.

Отрицательно относился Пепеляев и к Семёнову, считая его действия предательскими из-за сотрудничества с японцами: «Моя дружина под Сретенском участвовала в одном бою, подошли японские части и мне стыдно стало вместе с японцами бороться против русского народа». Узнав в Харбине, что Амурский ревком представляет собой власть не демократическую (как позиционировал), а коммунистическую, Пепеляев всё же принял решение о сотрудничестве с ними, так как считал «первой задачей борьбу с японцами, то находил, что ссоры и счёты должны быть забыты»²⁷. Подобная тактика была продиктована сложившимися патриотическими принципами и присягой служить Родине. Хотя образ Родины был расколот в сознании Пепеляева, о чём неоднократно говорят его противоречивое поведение, дневники, воспоминания очевидцев.

Во время завершения боевых действий в Забайкалье А. Пепеляев имел серьёзный разговор с советским уполномоченным Э.К. Озорниным. Это происходило в тот момент, когда меркуловские части были разбиты и укрылись в расположение японцев. Сам Пепеляев принимал активное участие в их охране. Э.К. Озорнин предложил ему высказаться, где тот будет в случае войны между Японией и Россией. Пепеляев ответил: «На стороне русских, на стороне Советской России». «Я сам стану большевиком, если понадобится», – говорил он в 1922 г. Жизнь, однако, была не такой простой и понятной, как армейская честь: «В это время японцы ушли, а борьбу с белыми считал для себя этически невозможной, хотя идеологически порвал с ними»²⁸.

В 32-х летнем возрасте А.Н. Пепеляев написал про себя: «Я – старый солдат, не раз смотревший в лицо смерти в бесчисленных боях гражданской и германской войны». Отступления с поля боя он действительно не признавал, хотя иногда считал тактически необходимым, например, когда спасал бойцов. В апреле 1923 г., как цитировал впоследствии на процессе в своей речи прокурор Дебрев, после поражения Пепеляев писал остаткам управления Якутской области, что его дружина не сложила оружия²⁹. Среди белогвардейских генералов, которые получили свои звания уже после 1917 г. и которых прозвали «выскачка-

ми», А.Н. Пепеляев заметно отличался по своим тщательно продуманным боевым операциям.

Однако в военной карьере молодого генерала случались и отступления. Так, летом 1919 г. он был противником отступления в районе Вятки, выступал за продвижение вперед, к Вологде, а затем Архангельску. Однако Пепеляеву пришлось подчиниться омскому приказу об отступлении. «Начатый нами отход привёл нас в конце концов к катастрофе»³⁰. Через месяц, 25 июля 1919 г. брат Виктор запишет в своем дневнике: «Сегодня меня вызвал по проводу из Тюмени Анатолий. Он почти безнадежно смотрит на положение, если армия, «которую нужно создавать снова», не услышит от самого «народа» призыва к борьбе»³¹. Уже тогда Анатолий высказывал брату идею о Земском Соборе, который нужно созвать немедленно. Именно этот орган он считал главным фактором формирования армии, говорил брату, что «хочет уйти»³². Солидарности с братом Виктором у них не было, хотя именно с ним он впервые обсуждал идею созыва Земского собора, но не нашел поддержки.

Далее, в декабре 1919 г., во время отступления армии Колчака, под Красноярском, он был вывезен белочехами в бессознательном состоянии. Тогда, в конце 1919 г., во время агонии колчаковской армии А.Н. Пепеляев сделал свой первый политический шаг в духе державного патриотизма – выдвинул уже ультиматум Колчаку о созыве Земского Собора. Н.С. Ларьков назвал эти стремления А.Н. Пепеляева «безуспешными попытками либерализации колчаковского режима»³³. Когда данное предложение было отклонено противниками советской власти, он, будучи в Забайкалье, как сам говорил впоследствии, «решил уйти от политики, т.к. идеологически разошелся с ком. составом белых армий»³⁴.

В Харбине, куда Пепеляев попал в апреле 1920 г., его стали усиленно обрабатывать большевики, которые старались перетянуть популярного генерала на свою сторону, обещая высокий военный пост на Дальнем Востоке. В результате нескольких встреч, Пепеляев, «не очень искушенный в то время в вопросах политики», как пишет о нём Серебренников, отказался от заманчивых предложений³⁵. Несмотря на то, что в этот период материальное положение было тяжелым, генерал стал извозчиком, но не поменял ориентацию. Поверхностный взгляд привёл оппонентов

к мнению о политической беспринципности А. Пепеляева. На суде прокурор Дебрев даже назвал его квазидемократом, потому что тот «из многочисленных оттенков так называемых демократических течений... официально и формально не связывает себя ни с одной», а сочувствует то эсерам, то областникам, то монархистам³⁶. А защитник А.Н. Пепеляева с символической фамилией Трупп в своей речи выносит вердикт о причинах злодеяний – политическое невежество и «происходящее из него заблуждение». Он установил также, что «Пепеляев – личность идейная, привлекающая к себе окружающих, личность, на которой эти окружающие стараются по возможности строить всякую грязь и жестокость»³⁷.

На суде Пепеляев решительно отрицал все обвинения в жестокости и расстрелах. Он заявил, что, взятые в Перми в плен 12 тыс. человек были им распущены по домам, а 800 красных командиров, несмотря на приказ штаба главкома, помилованы. «Лично я не подписал ни одного смертного приговора», – сказал на процессе А.Н. Пепеляев³⁸.

Сам Пепеляев в своем дневнике писал: «Мои политические убеждения – не знаю. Я непартийный, даже не знаю – правый или левый. Я хочу добра и счастья народу; хочу, чтобы русский народ был добрый, мирный, но сильный и могучий народ. Я ненавижу бюрократизм, крепостничество, людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкоматы и проч.»³⁹.

Идейный надлом генерала можно датировать серединой 1919 г. В этот период происходят изменения в ценностных ориентациях Пепеляева: изменив своё отношение к монарху и монархии, он всё же не может предать армию, которой служил, даже идейно и порвав с ней. Потребность пребывания в армии была его жизненной стратегией. Критикуя и порывая с ней, Пепеляев всё же не переходит на сторону врага. В своём воззвании к белогвардейцам от 18 июля 1923 г., будучи уже в тюрьме, Анатолий Пепеляев писал: «всякая борьба с советской властью – теперь будет борьбой с Россией. Россия теперь спасена»⁴⁰. Вновь говорил о чувстве бесконечной любви к народу. А во время следствия подписал поданное в Военный трибунал коллективное обращение «пепеляевцев» ко всем оставшимся за границей офицерам и солдатам русской армии.

Оно заканчивалось на высокой ноте: «Преступниками будут те, кто на радость врагов русского народа поднимет свою руку на Советскую власть, так как он поднимает эту руку на новую свободную Россию»⁴¹. Разумеется, этот источник необходимо трактовать, как вынужденный и продиктованный инстинктом самосохранения. Чрезвычайные жизненные обстоятельства требовали нестандартных решений.

На примере биографии мы видим, что А.Н. Пепеляев не был успешным и проницательным политиком, но сделал блестящую военную карьеру, которая претерпела неожиданный поворот в связи с драматическими событиями нашей истории. Военные психологи выделяют важные для достижения этих целей качества, которые в полной мере были присущи и А.Н. Пепеляеву: жёсткое соблюдение внутренней дисциплины, групповая сплоченность, эмоциональная устойчивость в боевых операциях и экстремальных ситуациях, но, как оказалось, не на полях политических батальонов. За всё время тюремного срока, Анатолий Николаевич политическими собы-

тиями в стране не интересовался, ничего, кроме Библии, не читал⁴². Имея, как и многие русские офицеры, одну цель – спасение родины, он не сумел найти выход из ментального тупика, воспринимая свою судьбу по-армейски: как задание и приказ.

Таким образом, предметом военно-исторической антропологии является психологическое, социокультурное содержание войны и её последствий, в том числе и в судьбах отдельных персонажей. Именно персонализация военных событий становится новой вехой исследований, позволяющих уйти от массовости к изучению судеб, ментальности, психики, жизненной стратегии отдельных личностей. Исследования в рамках военно-исторической антропологии позволяют прояснить влияние субъективных эмоциональных реакций на поведение человека, роль предшествующего культурного опыта и личностно-психологические особенности, осознаваемые и неосознаваемые мотивы поведения, ход и результаты гражданской войны, роль личности в истории.

-
- ¹ Черкасова И.Ю. *Военно-историческая антропология: повседневная жизнь в крепостях черноморской береговой линии (1837-1854 гг.) // История и историки в контексте времени. – 2007. – № 5. – С.25-35. Бажуков В.И. Культурный поворот в исследовании войны в России // Управленческое консультирование. – 2013. – № 9. – С. 159-166. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. – Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. – 260 с. Чуракова О.В. Военно-историческая антропология: горизонты исследовательской траектории в XXI в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2015. – № 9-2. – С.93-104.*
- ² Сенявская Е.С. *Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 232 с. Газиева Л.Л. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 6. – С.118-124. Николаева И.Ю., Левашкина З.Н. Трансформация историко-психологического кода жестокости в гендерной сфере в варварском и рыцарском обществах // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С.119-212.*
- ³ Газиева Л.Л. *Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 6. – С.120-122.*
- ⁴ Морозова О.М. *Антропология Гражданской войны. – Ростов-на-Дону, : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 27, 521..*
- ⁵ Газиева Л.Л. *Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 6. – С.122.*
- ⁶ Морозова О.М. *Антропология Гражданской войны. – Ростов-на-Дону, : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.*
- ⁷ Газиева Л.Л. *Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 6. С.123.*
- ⁸ Морозова О.М. *Антропология Гражданской войны. – Ростов-на-Дону, : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.*
- ⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4.
- ¹⁰ Кожевин В.Л. *Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. – Омск: Изд-во Омского государственного университета, С. 10.*

- ¹¹ Дегальцева Е.А. А.Н. Пепеляев: становление биографии на фронтах Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX – XX веков: Сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 29–36. Петрушин А.А. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. № 1. – С. 106–118. Привалихин В. И. Из рода Пепеляевых. – Томск, 2004. – 112 с. Конкин П. Драма генерала. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm> (дата обращения 06.05.2016). Кобелев А. Голгофа братьев Пепеляевых. Серия Имена и судьбы. – Барнаул, 2009. – 52 с.
- ¹² Шишкин В.И. «Один из возмутительных эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте-июне 1917 г. // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 70–110.
- ¹³ Петрушин А.А. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. № 1. – С. 106–118.
- ¹⁴ Конкин П. Драма генерала. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm> (дата обращения 06.05.2016). С. 17, 23.
- ¹⁵ Радзинский Э. Сталин. – М.: Вагриус, 2003. С.180..
- ¹⁶ Белинский В.Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. – СПб., 1844. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_smaragdov.html (дата обращения 04.05.2016). С. 31.
- ¹⁷ Белинский В.Г. Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. – СПб., 1844. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinsky_smaragdov.html (дата обращения 04.05.2016).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864-1917. История военных училищ. URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1000763/Vorobeva_Alla_-_Rossiyskie_yunkera_1864-1917._Istoriya_voennyh_uchilisch.html (дата обращения 05.05.2016).
- ²⁰ Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. – Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.
- ²¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ²² Конкин П. Драма генерала. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/18.htm> (дата обращения 06.05.2016).
- ²³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 6.
- ²⁶ Там же. Л. 3.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же Л. 4.
- ³⁰ Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.2. В эмиграции (1920-1924). – Тяньцзин, 1940. С. 32.
- ³¹ Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. – 1990. – № 1. С. 75.
- ³² Там же.
- ³³ Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник ТГУ. Сер. История. – 2011. – № 3. С. 55.
- ³⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ³⁵ Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.2. В эмиграции (1920-1924). – Тяньцзин, 1940. Л. 33.
- ³⁶ Речь прокурора тов. Дебрева // Советская Сибирь. – 1924. – № 31.
- ³⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ³⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ³⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ⁴⁰ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д. 158. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ⁴¹ Обращение пепеляевцев // Советская Сибирь. – 1924. – № 31.
- ⁴² Петрушин А.А. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. № 1. С. 117.

*Анастасия Викторовна Назарова,
Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет, сотрудник кафедры
истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса,
кандидат филологических наук*

«Свой среди чужих»: белогвардеец в Красной армии (роман Е.Н.Чирикова «Зверь из бездны» и воспоминания И.Г.Савченко «В красном стане»)

Имена Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932 гг.) и Ильи Григорьевича Савченко (1889–1961 гг.) почти неизвестны современному российскому читателю. Но если творческое наследие первого постепенно «возвращается» и регулярно становится объектом внимания исследователей литературы, то тексты последнего до сих пор не переизданы в России и в данной работе анализируются впервые. Оба писателя, ставшие свидетелями революции и Гражданской войны, покинули Россию в 1920 г. Пройдя череду скитаний, оба художника оказались в Чехословакии, откуда Савченко в середине 20-х перебрался во Францию, где сотрудничал в газете «Последние новости», журналах «Голос минувшего на чужой стороне» и «Борьба за Россию», написал книгу «Война красных и белых. Восстание на Кубани», которая вышла на французском языке в 1929-м. О переезде в Париж думал и Чириков, но разгоревшийся после публикации его романа «Зверь из бездны» скандал в русскоязычной эмигрантской среде вынудил его отказаться от этой мысли и остаться в Праге.

Хотя сведений о личном знакомстве художников или их откликах о произведениях друг друга нет, однако сходная сюжетная коллизия в текстах обоих – пребывание белогвардейца в стане красных – и ряд общих мотивов наводят на мысль о сопоставлении взглядов авторов на события 1918–1920 годов на юге России. Произведения Чирикова и Савченко были написаны буквально по «горячим следам» («В красном стане» – в Галлиполи в 1920-м, «Зверь из бездны» – в Праге в 1922-м) и содержат яркие картины буквально перевернувшейся с ног на голову жизни Крыма и Кубани после появления на этих землях большевиков. В своих текстах оба писателя задались целью «рассказать, какой кошмар и ужас представляет братоубийственная междоусобица»¹. Однако чем объясняется выбор каждым из них столь непривычного ракурса изображения общегражданского противостояния? Можно предположить, что взгляд человека, оказавшегося по тем или иным причинам по ту сторону фронта, позволил художникам дать максимально беспристрастный анализ причин поражения Белой

армии и найти ответ, почему, несмотря на грабежи и насилие со стороны большевиков, народ все же последовал за ними. В таком случае, в чем причина неодинаковой реакции, которую эти тексты вызвали в эмигрантском сообществе? Если Чириков за свой роман подвергся общественному остракизму, против него была развернута целая кампании в эмигрантской печати², то Савченко эта участь миновала. Более того, критики высоко оценили художественные качества очерков последнего³, тогда как литературные достоинства «Зверя из бездны», по их мнению, были незначительными⁴.

В обоих произведениях обстоятельства «внедрения» героев Чирикова и Савченко в красный стан схожи: оно происходит в госпитале, куда каждый из них попадает в результате отступления белых. В «Звере из бездны» поручик Владимир Паромов, спасаясь от преследования, присваивает документы убитого им красногвардейца, но оказывается арестован казаками. Только чудом он остается жив после расстрела при их отходе со станции и попадает в лазарет красных. Заболевший тифом и отправленный с фронта в госпиталь герой Савченко вместе с сотнями товарищей по несчастью оказывается в плену после ухода Добровольческой армии из Екатеринодара. И здесь каждый из героев видит чудо превращения «красного зверя» в человека, в которое им поначалу верится с трудом: «Смотришь на <...> преображенного и изумляешься: он ли это, кровожадный зверь, говорит и делает? Гипноз злобы и ненависти, владеющий толпой, теряет свою силу над человеком, и поруганная любовь грустно выглядывает из его души», – размышляет поручик Паромов⁵. Ожидавший немедленной казни герой Савченко, общаясь с соседом по палате, удивляется: «Да красные ли это? <...> Пришли и не убивают? <...> Кто же эти люди, с которыми я дрался два с лишним года <...>? Что они думают, во что верят?.. Вот они лежат тихие, усталые. У моего соседа такое хорошее честное лицо и глаза, которым должна быть противна кровь. Быть может, они не так плохи?»⁶.

Пребывание героев Чирикова и Савченко внутри вражеского стана позволяет каждому внимательно присмотреться к противникам и составить более объективное мнение о них, что влияет на последующие решения и действия белогвардейцев. Пролежав два месяца в лазарете красных,

поручик Паромов полностью утрачивает прежнюю ненависть к ним, поскольку осознает, что в большинстве своем все они «несчастливые, сбитые с толку люди, часто хорошие и добрые, часто обманутые мечтатели, подневольные рабы с винтовками, частью фанатики и маньяки, прочитавшие только одну умную книгу о революции», около которых «много всякого человеческого хлама и мусора жизни»⁷. Так в романе Чирикова возникает мотив обмана и «дьявольской провокации», жертвой которых стал весь русский народ. Прозревший Паромов начинает искать путь, который спасет его от необходимости убивать «слепых и обманутых»⁸.

Тема обмана и провокации присутствует и в тексте Савченко, но в ином ракурсе. В беседе сосед-красноармеец раскрывает герою подлинное отношение верхов Красной армии к солдатской и в целом народной массе: «Народ безлик, народ это стадо <...> мы делаем насилие над психикой русского человека, но это насилие творится <...> для счастья насилуемого трудового народа»⁹. Но результатом «благотворного насилия» становится не появление в красной солдатской массе «критически мыслящих личностей», о чем мечтает раненый сотрудник политотдела, а «чрезвычайка», которая превратилась в неподконтрольное никому «государство в государстве», самочинно расправляющееся не только с врагами Красной армии, но даже с самими чекистами, «если только будет хоть тень подозрения в измене революции»¹⁰. Подобно чириковскому «зверю из бездны» в тексте Савченко она выступает символом бескрайнего разгула насилия, которое невозможно остановить «ни пулями, ни снарядами»¹¹. И если героя Савченко удивляет, как могли столь идейные, подобно его соседу, люди «с гигантскими планами о перевоспитании всего человечества»¹² породить чудовище, с которым сами же не могут справиться, то Чирикову такой итог представляется закономерным.

Рисую в «Звере из бездны» страшные картины всеобщей ненависти и братоубийства, он показал, что главной причиной пробуждения «звериного» даже в самых благородных людях становится узаконенная на Гражданской войне возможность безнаказанно убивать, и предъявил моральный счет всем, кто обагрив свои руки кровью. В романе Чириков выразил свою позицию предельно четко: «Во имя чего убивать? И

кого убивать? <...> Во имя родины? Но родина прежде всего в твоём народе, стало быть, во имя родины убивать родину?»¹³. Но в эмигрантском сообществе позиция писателя не была понята и принята. Представители большинства существовавших в эмиграции идейно-политических течений увидели в книге Чирикова лишь клевету на Белую армию. Писатель же принципиально не вставал ни на чью сторону и хотел показать, что в произошедшем с Россией виновна не только кучка революционеров, но и сами изгнанники. Позднее, в итоговом романе-семейной хронике «Отчий дом» он показал, что укоренение большевистской идеологии стало следствием пронизавшего насквозь все слои русского общества в последней четверти XIX-го – начале XX веков, будь то либерально-демократическая интеллигенция, дворянская аристократия, царское окружение или крестьянство, морального релятивизма, повлекшего за собой разрушение семейных устоев и утрату христианских ценностей.

Моральный релятивизм современников обнаруживает и герой Савченко, но в его очерках речь идет прежде всего в сознательном неучастии обитателей казацких станиц в борьбе с наступающей Красной армией, которое они объясняют так: «Нам <...> не с руки больше воевать, потому что Деникин не казак, а русский и русским он дает волю распоряжаться на казачьей земле. <...> И с большевиками нам, казакам, не пристало дружбу водить. Это тоже не казачье войско, а русское. <...> Соберем молодецкую Сечь <...> и не пустим ни белых, ни красных. <...> Пусть себе дерутся, кому охота драться, а с Кубани хватит!»¹⁴. Однако такой «нейтралитет» обернулся в итоге против них. Изгнание деникинских частей привело к укреплению позиций Красной армии, в результате чего она тут же «начала насаждать <...> советский строй на Кубани», а ее защитники вынуждены были покинуть родной край. Отказ кубанцев воевать воспринимается героем Савченко с горечью и укрепляет в убеждении продолжить борьбу с врагами, что второй раз

приводит его в красный стан, но уже в качестве лазутчика с целью сбора сведений для будущего восстания.

Мысль о том, что устранившись от участия в Гражданской войне невозможно и неправильно, разделял и Чириков, но пришел к иному выводу. Идея «вооруженного нейтралитета» не привлекает его героя, поскольку поручик Паромов быстро убеждается, что, не желая принимать участие в резне и скрываясь в горах, «зеленые» рано или поздно сами вступают на путь грабежа и насилия, так как вынуждены добывать себе пищу и кров, а сделать это можно, только отняв необходимое у местных жителей. Кроме того, идею «зеленого» отшельничества компрометируют «прилипавшие к нему <...> всякие темные элементы, действительные разбойники, бездельники, вскормленные многолетним военноподобным образом жизни с его грабежами и легкой поживой»¹⁵.

Но в отличие от героя Савченко поручик Паромов (а вместе с ним и автор) приходит к выводу, что изгнать из души «зверя» с помощью оружия невозможно, поскольку он, «как сказочный дракон: вместо каждой отрубленной головы у него вырастают две новые»¹⁶. Убить его может только любовь к ближнему. И эта мысль дает писателю надежду на примирение и будущее возрождение России несмотря на трагическую развязку и гибель поручика, тогда как в тексте Савченко приход большевиков на юг России воспринимается как необратимая катастрофа, которая привела к уничтожению многовекового уклада вольной казацкой жизни. Судьба же самого героя, который после разоблачения лишь чудом сумел бежать, остается неопределенной. Тем не менее, для эмигрантской общественности более приемлемой оказалась трактовка причин победы большевиков, которая была предложена Савченко, чем требовавшая от оказавшихся в изгнании соотечественников покаяния и принятия на себя ответственности за содеянное в прошлом позиция Чирикова.

¹ Чириков Е.Н. *Мой ответ по поводу «Открытого письма к Е.Н. Чирикову» // Возрождение. 1927. № 597 (20 янв.). С. 4.*

² См.: Бобырь А. В. *К истории одной полемики. (Споры среди русской эмиграции о романе Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны») // Вопросы литературы. 1995. № 3.*

³ См.: Савченко И.Г. *В красном стане. Записки офицера // Белый архив. 1928. Кн. II–III. С. 283.*

- ⁴ См.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. № 1801(3 нояб.). С. ...; Зайцев К. Грех писателя Чирикова // Русская мысль. 1927. Кн. I. С. 88.
- ⁵ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. М., 2000. С. 517.
- ⁶ Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 192.
- ⁷ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 530.
- ⁸ Там же. С. 531.
- ⁹ Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 192.
- ¹⁰ Там же. С. 195.
- ¹¹ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 531.
- ¹² Савченко И.Г. В красном стане. Записки офицера // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 195.
- ¹³ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 531.
- ¹⁴ Савченко И.Г. В красном стане // Русская мысль. 1923. Кн. IX–XII. С. 138.
- ¹⁵ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. С. 631.
- ¹⁶ Там же. С. 531.

*Людмила Петровна Муромцева,
Россия, Москва Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова, доцент
исторического факультета,
кандидат исторических наук, доцент*

Деятельность российской эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой и Гражданской войн

Одной из важнейших черт жизни российской эмиграции первой волны стало сохранение военно-исторических реликвий, символики Русской армии.

Основное внимание уделялось созданию и деятельности русских военных музеев в различных странах, их коллекциям и экспозициям, отражавшим историю Первой мировой и Гражданской войн.

Наши соотечественники, оказавшиеся волей судеб в изгнании, думая о будущем своей Родины, никогда не забывали о славных страницах ее истории. «Духовно Россия возродится только своим прошлым. Без всякого преувеличения можно сказать, что Россию спасут и воскресят Дмитрий Донской и Сергей Радонежский, Петр Великий и Пушкин», писал в 1925 г. П. Б. Струве, проживавший между двумя мировыми войнами в Югославии¹. Эта сторона деятельности российской послереволюционной эмиграции до сих пор изучена недостаточно, хотя она давно уже заслуживает внимательного рассмотрения².

Особенно активная военно-патриотическая работа велась эмигрантами во Франции и Югос-

лавии. Значительная часть эмигрантских музейных коллекций во Франции отражала историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн. До сих пор в Курбевуа-Анвер, северном пригороде Парижа, в доме под номером 12 на улице Сан-Гюйом располагается Музей лейб-гвардии Казачьего полка, учрежденного Павлом I в 1798 г. Возник он на основе собраний полкового музея, вывезенных после февраля 1917 г. из Петрограда в Новочеркасск по приказу командира полка, генерала А. М. Грекова. Через Новороссийск, Стамбул, остров Лемнос и Белград они попали во Францию, где по инициативе и на средства эмигрантов, членов Объединения лейб-казаков, музей был в 1929 г. вновь открыт, первоначально в г. Аньере. Затем для него удалось приобрести дом в Курбевуа, где стали селиться донские казаки. Приобретая на свои скудные средства небольшой двухэтажный каменный дом, они переоборудовали его второй этаж в церковь, назвав ее в память разрушенной большевиками святыни храмом Христа Спасителя. В залах музея выставлены: портреты 27 полковых командиров; комплекты и отдельные части уни-

формы полка; российские ордена, медали, штандарты и почетные серебряные трубы; гравюры с батальными сценами; личные вещи генерала П. Н. Врангеля (походный китель, погоны, значок); старинная полковая посуда; фотографии; документы полковой канцелярии. В 1937 г. эмигранты переправили часть наиболее ценных материалов на хранение в Брюссель, в Королевский Военный музей, опасаясь, что правительство Народного фронта передаст их властям СССР. Но музей в Курбеуа сохранился³. Им ведает Объединение лейб-гвардии Казачьего полка, состоящее сегодня не из самих его офицеров, как в прежние времена, а из их потомков. Ежегодно оно совместно с Казачьим союзом, Союзом казаков-комбатантов и Объединением лейб-гвардии Атаманского полка устраивает в октябре войсковой праздник Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, который по традиции начинается панихидой около памятника казакам на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В начале 1960-х гг. было издано на гектографе несколько номеров Информационного бюллетеня Объединения лейб-казаков, в которых рассказывалось о деятельности музея. Его посетители, побывав в Курбеуа, и сегодня могут соприкоснуться с реликвиями воинской славы России⁴.

Во многом напоминает его судьбу история Музея лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества Государя-наследника цесаревича полка, сформировавшегося еще до революции в Санкт-Петербурге. В 1917 г. его коллекции были переправлены в Таганрог, откуда – в Новороссийск. В Новороссийской катастрофе при спешной эвакуации в марте 1920 г. под ударами наступавшей Красной Армии уцелело всего лишь семь ящиков с имуществом полкового собрания и музея, для перевозки которого ранее требовалось восемь вагонов. Сохранившаяся чудом часть реликвий пропутешествовала через Константинополь, Египет, Болгарию, Сербию во Францию, где музей был возрожден в 1931 г. русскими эмигрантами – членами Общества атаманцев. Первоначально разместившийся в помещении полкового собрания в Сен-Клу, а с апреля 1932 г. в Аньере⁵. Хранителем этого музея в 1930-е гг. был Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), на личности которого стоит остановиться подробнее. Уроженец станицы Старочеркасской на Дону, после окончания реального

училища поступил вольноопределяющим в лейб-гвардии Атаманский полк, в котором дослужился до звания подъесаула, участвуя в Первой мировой и Гражданской войнах. В эмиграции он жил сначала в Сербии, а затем в Париже, где, работая грузчиком, учился в Сорбонне, в течение 37 лет служил в одном из банков, в начале Второй мировой войны воевал в составе Иностранного легиона Франции в Африке и получил известность как поэт, автор пяти книг поэм и стихов⁶. Особой популярностью пользуется его стихотворение «Уходили мы из Крыма». Будучи председателем Казачьего союза, Н.Н. Туроверов много сил отдавал музею, собирал всю жизнь книги, рукописи, гравюры по истории казачества, устраивал интересные тематические выставки.

Музей Александрийского гусарского полка существовал в 1920–1930-е гг. в Ментоне (на юго-востоке Франции). Его возглавлял председатель полкового объединения полковник С. А. Топорков. Музей был тесно связан с деятельностью Общества ревнителей истории русской конницы, основанного в Париже в 1934 г. Это общество поддерживало контакты с Музеем русской конницы в Белграде и другими аналогичными эмигрантскими объединениями⁷. Его члены активно занимались сбором документов, книг, рукописей, фотографий, гравюр, рисунков, портретов, предметов вооружения и обмундирования, иллюстрировавших действия кавалерийских частей в войнах начала XX в.

В Париже также находился музей Союза конногвардейцев имени великого князя Дмитрия Павловича. В его стенах экспонировались материалы по истории лейб-гвардии Конного полка, собранные флигель-адъютантом, полковником В. Ф. Козляниновым⁸. Полк ведет свою историю от личного конного конвоя А.Д. Меньшикова, созданного еще в 1706 г. в Киеве. После Октябрьской революции почти весь офицерский состав конной гвардии эмигрировал, большинство офицеров обосновалась во Франции, где в 1923 г. в Париже был создан Союз офицеров Лейб-гвардии Конного полка, переименованный в 1939 г. в Объединение, которое существует до настоящего времени как Объединение потомков конногвардейцев. В декабре 1929 г. общим собранием Союза конногвардейцев было принято решение об издании «Истории Л.-гв. Конного полка», работа над которой началась еще в

России. Историческую комиссию возглавил герцог Г.Н. Лейхтенбергский, который написал 1-й и начал работу над 2-м томом. После революции 1917 г. рукопись удалось вывезти в Германию, но смерть помешала автору завершить работу. Ее продолжила группа офицеров: Н.Н. Бобриков, А.П. Тучков, В.И. и Г.И. Вуичи во главе с В.Ф. Козляниновым. В 1931 г. была издана «Юбилейная памятка конногвардейца». А издание «Истории Л.-гв. Конного полка» затянулось без малого на три десятилетия: 1-й том вышел в 1938 г. тиражом 100 экземпляров, последний – в 1966 г.

Русский военно-морской музей при кают-компании бывших офицеров императорского флота в Париже возглавлял контр-адмирал Павел Остелецкий, командовавший в годы Гражданской войны самым, пожалуй, боеспособным кораблем белых на Черном море – крейсером «Кагул», который после взятия Одессы в августе 1919 г. получил новое имя «Генерал Корнилов». На нем же П. Остелецкий в ноябре следующего года вместе с 14-летним сыном Николаем ушел на чужбину. В 1986 и 1988 гг. бывшим гардемаринном Российского флота, гражданином Франции Н.П. Остелецким были переданы на Родину, в Музей истории Черноморского флота (Севастополь) от имени русских морских семей эмигрантов ряд флотских реликвий, в том числе: огромный по площади (30 кв.м) кормовой флаг линкора «Императрица Мария»; картины И. К. Айвазовского «Адмирал П.С. Нахимов на Малаховом кургане» (1893 г.) и «Вице-адмирал В.А. Корнилов на палубе парохода-фрегата «Владимир» (1893 г.); серебряная чарка, подаренная мичману Татарскому сослуживцами-офицерами заградителя «Прут», геройски погибшего в бою с немецким крейсером «Гебен» в октябре 1914 г.⁹

Члены группы Военно-морского союза собрали в своей кают-компании в Марселе живописные полотна с изображениями морских сражений времен Первой мировой войны, портреты российских адмиралов, предметы корабельной обстановки¹⁰.

Общество по изучению минувшей мировой войны (так оно стало именоваться в эмигрантских публикациях еще до начала Второй мировой войны) устраивало в Париже публичные лекции. В марте 1946 г. в Париже возник Кружок любителей русской военной старины, переименованный позже в «Общество Ревнителей

Русской Военной Старины» (ОРРВС), в деятельности которого участвовали генерал Д.И. Ознобишин, П.В. Пашков, А.К. Савицкий, А.А. Стахович, Ю.А. Топорков, Н.Н. Туроверов.

При Русском народном (свободном) университете в Праге был создан кружок по истории мировой войны 1914–1918 гг., которым руководили участники войны, профессора Николаевской военной академии Генерального штаба: генерал-майор М.А. Иностранцев (1872–1938); генерал-майор П.Ф. Рябиков (1875–1932)¹¹. Сохранились схемы военных операций на фронтах Первой мировой войны, составленные М.А. Иностранцевым; с 1926 г. он читал курс лекций по истории Первой мировой войны в Военной академии Чехословакии¹².

Аналогичная работа велась русскими эмигрантами и в Китае. Полковник Генерального штаба Н.В. Колесников учредил 27 ноября 1924 г. при газете «Россия», издававшейся в Шанхае, Военно-научное общество и в мае 1930 г. был избран его председателем. С 1926 г. это общественное объединение стало издавать журнал «Армия и Флот», функционировавший до 1945 г.¹³

Как и во Франции, военные стали наиболее организованной частью эмиграции в Югославии, куда в 1921 г. эвакуировались из Турции остатки армии П.Н. Врангеля. Различные документы о Первой мировой войне (доклады, донесения, инструкции, приказы, карта Персии с данными о расположении частей Кавказского кавалерийского корпуса и др.) хранились в русской Военной библиотеке и архиве в Белграде¹⁴.

В Белграде уже в 1921 г. возник Совет объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев). Через два года в него входили 16 офицерских обществ¹⁵. И некоторые из них формировали свои музейно-архивные коллекции.

В 1928 г. в Белграде по решению общего собрания офицеров-кавалеристов возник Музей русской конницы, в основу его коллекций было положено собрание Белгородского уланского полка. Первоначально (с 1930 г.) он размещался в Русском офицерском доме (ул. Дечанска, 18), позднее переехал в Русский Дом имени императора Николая II. В музее экспонировались и хранились в фондах полковые знамена, значки, эмблемы, трубы; портреты августейших шефов конных полков и известных кавалерийских во-

еначальников; образцы военного снаряжения и обмундирования; картины, гравюры, фотографии, карты, схемы сражений, книги; списки личного состава, раненых, убитых, Георгиевских кавалеров; другие материалы по истории полков русской кавалерии и конных артиллерийских батарей¹⁶. Его деятельностью руководила музейная комиссия во главе с генералом Е. В. Ивановым¹⁷. В Русском Доме нашлось место и для небольшого музейного собрания при «Обществе офицеров Российского военно-воздушного флота в Югославии», и для Объединения галлиполийцев¹⁸. В Русском офицерском собрании в Белграде возник импровизированный музей лейб-гвардии Уланского полка¹⁹. Собственные коллекции имели общества бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища офицеров, лейб-гвардии Волынского и 81-го пехотного Апшеронского полков, Первопоходников; члены русского военного собрания в г. Суботице (Сербия); воины лейб-гвардии дивизиона Кубанских и Терской сотен на станции Белиште у г. Осиек (Хорватия)²⁰.

Весьма представительным являлось собрание Музея Первого Русского кадетского корпуса имени великого князя Константина Константиновича, созданного в сентябре 1925 г. в г. Бела-Црква по инициативе его директора, видного военного педагога, генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича (1870–1936). В литературе он иногда именуется как Русский Зарубежный музей военно-учебных заведений. Часть его коллекций имела отношение к истории Первой мировой и Гражданской войнам. С высоких стен склонялись 46 полковых знамен Русской армии, экспонировались различные знаки отличия, части обмундирования, печати, фотографии, фанфары, погоны, документы, книги, картины. У посетителей неизменно вызывали интерес стол и скамья, у которых в 1918 г. погиб Л. Г. Корнилов, личные вещи и другие реликвии, связанные с генералом П. Н. Врангелем (шинель, фуражка, шашка, кинжал, надгробные венки, ленты, доски, эмблемы). При корпусе существовали еще два небольших музея: лейб-гвардии Кексгольмского пехотного полка и Виленского военного училища, сформированные их бывшим командиром и начальником Б.В. Адамовичем, подготовившим к печати «Опись Музея» с перечнем и описанием 3 000 предметов общим объемом около 18 печатных листов. Один из эмигрантов, П. Борин, посвятил

генералу Б.В. Адамовичу стихотворение «В музее корпуса», в котором есть такие строки:
*Вхожу в музей, и старина седая
Суворовских развернутых знамен,
Из тлеющего шелка выростая,
Встречает славою былых времен ...
Вот стол, как жертвенник, с венком терновым,
За ним Корнилов отдал жизнь свою,
Когда он шел за жребием суровым
И храбро пал за Родину в бою!
И Врангеля заветные предметы
Размещены заботливой рукой:
Шинель его, фуражка, эполеты
И масса лент с прощальной строкой ...²²*

В 1935 г. над Русским кадетским корпусом нависла угроза закрытия, но, несмотря на все финансовые и политические неурядицы, он продолжал функционировать даже в период немецко-фашистской оккупации Югославии. Когда в декабре 1943 г. из Белграда в Белу Цркву с инспекцией приезжал начальник Бюро русской эмиграции, генерал-майор В.В. Крейтер во время молебна в корпусную церковь вынесли из музея для освящения хранившееся там знамя Полоцкого кадетского корпуса²³. Дальнейшую судьбу кадетских музейных коллекций после освобождения Сербии в 1944 г. проследить трудно. Лишь часть экспонатов музея Русского кадетского корпуса в Белой Церкви вывезли в СССР²⁴.

Реликвии российской военной истории поступали на хранение и в православные храмы, основанные эмигрантами в Югославии. Особенно ценным было собрание русской церкви Св. Троицы в Белграде, построенной в 1924 г. по проекту военного инженера В. В. Сташевского в Ташмайданском парке²⁵. В правом притворе церкви под мраморным надгробием покоится прах генерала П.Н. Врангеля, захороненный в 1929 г. Рядом с ним разместились особо почитаемая икона Курской богородицы, коллекции орденов и медалей, серебряных труб и других знаков отличия русской армии, 19 штандартов кавалерийских полков (Киевского гусарского, Астраханского драгунского, Чугуевского уланского, Текинского конного и др.), знамя Уральского казачьего войска, частей Добровольческой армии. У знамен постоянно выставлялся почетный воинский караул из числа эмигрантов. В годы Второй мировой войны часть знамен была вывезена в неизвестном направлении немецкими оккупационными властями,

пропали и другие реликвии, поэтому после ее окончания пришлось практически заново создавать здесь музейное собрание. И сейчас, побывав в домике напротив Русского храма Белграда, можно увидеть самые разнообразные предметы прошлого: русские картины; оружие; старинное распятие; ордена и медали; нагрудные знаки военных и кадетских училищ; погоны; кокарды; коллекцию брошек, сделанных из пуль, которые были извлечены из раненых солдат и офицеров²⁶.

Существовали в Югославии и частные коллекции российских военных раритетов. Фотографии боев времен Первой мировой и Гражданской войн были представлены на выставке, организованной энтузиастами из числа эмигрантов в сентябре 1931 г. к 10-летию Сараевского отряда Общества русских офицеров в Югославии²⁷.

Некоторые из эмигрантских военно-исторических коллекций поступили в 1930-е гг. на хранение в государственные музеи европейских государств. Образцы русской военной формы времен Первой мировой войны, демонстрирующиеся в парижском Музее Армии, явно попали туда при посредничестве эмигрантов. Таким же образом сформировался довольно представительный Русский отдел Королевского Военного музея в Брюсселе (основан в 1936 г.) с витринами Российского императорского флота, русских военных изданий²⁸. В нем экспонируются военно-морские флаги, ордена, медали, восковые фигуры морских офицеров и матроса, различные документы по истории армии и флота. Возглавлял брюссельскую кают-компанию офицеров русского флота капитан I ранга С.Поливанов. В годы Гражданской войны он служил на Севере России, откуда вместе с другими русскими моряками перебрался на корабле через ледяные торопы в норвежский порт Хаммерфест²⁹.

Отрадно, что дело русских эмигрантов первой волны сегодня продолжают их потомки, а также поклонники русской истории и культуры. Фонд сохранения русского культурного наследия в Европе, созданный не так давно в Брюсселе первоначально в рамках сотрудничества Общества друзей Королевского Музея армии и Русско-Бельгийского культурного клуба, затем стал независимой организацией, которую возглавил в качестве президента Даниэль-Поль Стевенс, вице-президент Бельгийско-Люксембургской торговой палаты по сотрудничеству с Россией³⁰.

В 116-м и 117-м номерах журнала «Часовой» за 1934 г. появилась информация о продолжении работы по созданию Морского музея в Альтенбурге, небольшом немецком городе к югу от Лейпцига. Она началась годом ранее по инициативе почетного члена эмигрантского Военно-Морского союза, княжны Веры Константиновны Романовой (1906–2001), решившей помочь российским морякам в сохранении реликвий с целью передачи их в Морской музей императора Петра Великого, основанный в Санкт-Петербурге при Адмиралтействе еще в 1805 г. и переименованный в советский период в Центральный военно-морской музей. В числе музейных экспонатов, собранных Верой Константиновной в Германии, в прессе упоминались: кормовой флаг с подводной лодки «Святой Георгий»; вещи с канонерской лодки «Бобр»; ленты с многих кораблей Балтийского и Черноморского флотов; части морского обмундирования; ценные гравюры, открытки и фотографии с изображениями русских кораблей и другие материалы, в том числе относящиеся к истории Первой мировой войны³¹.

По характеру Морской музей в Альтенбурге был похож на частное собрание реликвий в Бизерте (Тунис) бывшего подводника, капитана Н.А. Монастырева (1887–1957), автора ряда книг и воспоминаний о российском военно-морском флоте, редактора «Морского сборника». В годы Первой мировой и Гражданской войн он командовал подводными лодками на Черном море, за минирование Босфора (1915 г.) был награжден Георгиевским крестом³². Музейное собрание Н.А. Монастырева включало изготовленные им собственноручно модели кораблей, участвовавших в Первой мировой войне (главным образом подлодок «Кашалот», «Краб», «Скат», «Утка» и др.), в дальних географических экспедициях, в том числе в Арктике; русские ордена и погоны; холодное оружие; книги; фотографии; военно-морские флаги и другие экспонаты³³.

26 мая 1924 г. в США, в Сан-Франциско, русскими эмигрантами-офицерами было учреждено «Общество Ветеранов Великой войны», первым председателем которого стал бывший военный министр правительства адмирала А. В. Колчака генерал-лейтенант Генерального штаба – барон А.П. Будберг (в должности он оставался до 15 декабря 1945 г.). С мая 1926 г. по 1966 г. было выпущено 234 номера «Вестника Общества Ветеранов

Великой войны в Сан-Франциско». В нем публиковались материалы по истории Первой мировой войны, Белого движения, документы РОВС. В 1944 г. при Обществе стала формироваться небольшая музейная коллекция оружия, моделей пушек, орденов, значков военных училищ, мундиров, портретов, фотографий. А в 1955 г. полковник Б.А. Долгово-Сабуров основал музей, разместившийся в здании, которое было приобретено на средства членов Общества русских ветеранов. В нем хранятся также документы по истории кадетских корпусов в эмиграции, военных обществ и союзов, личные фонды, в частности, документы русского военного летчика Г.Л. Шереметевского³⁴.

В 1948 г. Петр Филаретович Константинов основал в Сан-Франциско Музей русской культуры. Он ставил своей задачей собирать мемуары, книги, газеты, журналы, а также общественные и частные архивы русской эмиграции. Архивное собрание музея включает материалы о Русско-японской и Первой мировой войнах³⁵.

Самый крупный в США русский зарубежный музей и архив разместились в здании общества «Родина» в Хоуэлл, у г. Лейквуда, в штате Нью-Джерси. Это общество сразу же после своего создания (1954 г.) превратилось в крупный культурно-просветительный центр российской эмиграции. Самым важным направлением в деятельности общества было спасение ценнейших материалов по русской истории и создание по инициативе В. П. Стеллецкого в 1958 г. музея. Его собрания пополнялись за счет поступлений коллекций организаций и отдельных лиц из числа эмигрантов, материалов целого ряда эмигрантских музеев: Николаевского кавалерийского училища из Парижа, лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Павловского полков, Русской конницы, Константиновского артиллерийского училища, Морского объединения. В фондах музея оказались коллекции орденов и медалей, оружия, русской военной формы, знамена.

Много внимания эмигрантами уделялось уходу за могилами русских воинов, сражавшихся в годы Первой мировой войны в составе экспедиционного корпуса во Франции и захороненных в Мурмелоне, у г. Реймса. 19 апреля 1936 г. там в торжественной обстановке состоялась закладка храма-памятника русским солдатам и офицерам, павшим на французском фронте. Композитор С.В. Рахманинов пожертвовал 12 000 франков

(весьма значительную по тем временам сумму) на строительство храма-памятника Воскресение Христова, возведенного в 1937 г. архитектором А.А. Бенуа в стиле новгородско-псковского зодчества XV–XVI вв.³⁶ В церемонии открытия участвовали А.И. Деникин, другие генералы и офицеры, председатель комиссии по сооружению часовни-памятника М.М. Федоров, автор ее проекта Альберт Бенуа. В ходе церемонии отслужили панихиду и возложили венки на могилы от «Союза Георгиевских кавалеров» и «Союза офицеров-участников войны на французском фронте»³⁷. Вот какие проникновенные строки посвятил этому православному храму-памятнику историк Виктор Леонидов:

*Здесь все буднично и просто—
Гул войны давно умолк.*

*Лишь часовня над погостом,
Где пехотный славный полк.*

*Отгремели все снаряды,
Приняла солдат земля,*

*Дрались русские бригады
За французские поля ...*

По какому-то совпадению в том же 1936 г., 12 января, на русском кладбище в Белграде торжественно открыли памятник защитникам Белграда в 1914–1915 гг., императору Николаю II и русским воинам, павшим в годы Первой мировой войны. Добровольные пожертвования на строительство монумента собирал общественный русско-сербский комитет³⁸. Памятник был сооружен по проекту скульптора Р.Н. Верховского из серого камня, в форме огромного артиллерийского снаряда, под которым находится часовенка-склеп с надписью над железной дверью: «Спите, орлы боевые»³⁹. Несколько мемориальных надписей выгравированы и на самом памятнике: «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны»; имена вождей Белого движения и жертвователей на строительство монумента; названия различных воинских союзов и объединений (на русском языке); «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914–1918 гг.» (по-сербски). В склепе лежат останки русских солдат и офицеров. Туда перевезли с другой братской могилы русских воинов большой крест, изготовленный благодарными сербами из железнодорожных рельсов, с надписью: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии».

Могилы русских воинов, погибших в 1914–1918 гг., имеются и на территории ряда других европейских стран (Греции, Польши, Румынии)⁴⁰. В 1936 г. Российский общественный комитет в Польше, проявляя озабоченность судьбой русского военного кладбища во Львове, изыскивал возможности оказать помощь возникшему в городе общественному комитету по охране могил русских воинов⁴¹. Можно без конца перечислять другие примеры такой благородной деятельности эмигрантов, сумевших в тяжелых условиях сохранить также целый ряд музейных собраний военно-исторического характера.

Некоторые реликвии, относящиеся к истории Первой мировой войны и хранившиеся эмигрантами, оказались после 1945 г. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. И сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации можно увидеть, например,

походную икону генерала Алексея Алексеевича Брусилова. На ее обороте рукой Надежды Владимировны Брусиловой (Желиховской), супруги генерала, сделана надпись: «Св. Алексей Человек Божий. Иконка, бывшая всю жизнь у А.А. Брусилова, бывшая с ним на войне турецкой и германской». Среди других материалов, поступивших в 1946 г. в числе прочих коллекций Русского зарубежного исторического архива (часть из них была передана в 1948 г. в Центральный государственный военно-исторический архив), можно упомянуть грамоты о награждениях А.А. Брусилова, фотографии с эпизодами Первой мировой войны (семейный фонд А.А. и Н.В. Брусиловых. (Ф. Р.-5972)).

Сберегая знамена и другие воинские реликвии эмигранты полнее ощущали свою сопричастность с событиями Первой мировой и Гражданской войн. Они верили, что со временем все это будет востребовано и в самой России.

¹ Струве П. Б. *Связь и смена поколений // Возрождение. 1925. № 191. 10 декабря (перепечатано: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М. Г. Вандалковской, Н. А. Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 77–78.*

² Домнин И. В. *Источниковая база изучения жизни и творчества воинства Русского зарубежья // Проблемы зарубежной архивной россики. М., 1997. С.141-149.*; Пронин А. А. *Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 1999*; Ершов В. Ф. *Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000*; Волков С. В. *Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008.*

³ *Возрождение. Париж. (№ 2153). 25 апреля 1931 г.; Часовой. Париж. 1930. № 23. С. 28; 1930. № 24. С. 29; 1930. № 28. С. 7; 1939. № 230. С. 16; Информационный бюллетень Объединения лейб-казаков. Париж, 1961. № 1–2; 1963. № 4; Кузнецов А. А. О Белой армии и ее наградах 1917–1922 гг. М., 1991. С. 17-18.*

⁴ Чельшев Е. П. *Уральская катастрофа. М., 1996. С. 18-19.*

⁵ *Часовой. 1931. № 47. С. 8-9; 1932. № 78. С. 28.*

⁶ *Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. М., 1995. Ч. III. С. 23-27; Туроверов Н. Н. Двадцатый год – прощай, Россия! / Предисловие и составление В. Леонидова. М., 1999. С. 5-16.*

⁷ *Часовой. 1934. № 133-134. С. 33-34.*

⁸ *Часовой. 1929. № 11-12. С. 17-18, 31; 1929. № 15-16. С. 18; 1934. № 121. С. 30-33; Козлянинов В. Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. Париж, 1931.*

⁹ Черкашин Н. *Под пальмами Бизерты // Родина. 1996. № 12. С. 64.*

¹⁰ *Часовой. 1932. № 72. С. 27.*

¹¹ *Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 305, 358; Путеводитель. Том 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917 – 2000 гг.). М., 2001, С. 198-199, 393.*

¹² *ГА РФ. Ф.Р-5960. Оп. 1.*

¹³ *Окоороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 11.*

¹⁴ *Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. С. 240-241.*

¹⁵ *Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М.; Göttingen, 1994. С. 69-75.*

- ¹⁶ Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998. С. 57-58. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV); Соколова Е. И. Музей русской конницы в Белграде // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 41.
- ¹⁷ Документы о деятельности музея хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (Далее – ГАРФ). (Ф. Р-6800). См. также: Часовой. 1932. № 74. С. 21; 1935. № 148-149. С. 32; 1936. № 165-166. С. 36; 1937. № 184. С. 22; 1938. № 204. С. 24; 1939. № 231. С. 24; 1939. № 236-237. С. 36-37; Русское дело. № 28. 12 декабря 1943 г.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4 (2). Л. 87; Часовой. 1939. № 236-237. С. 22; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе. С. 73; Русский Белград. С. 24-25.
- ¹⁹ Часовой. 1931. № 52. С. 14.
- ²⁰ Брежго Б. Русские музеи и архивы вне России. [Б.м., Б. г.] С. 5; Богословский А. В. Русские памятники и музеи в Югославии // Часовой. 1939. № 236-237. С. 30-32.
- ²¹ Россия и славянство. Париж. № 74. 26 апреля 1930 г.; № 80. 7 июня 1930 г.; № 200. 24 сентября 1932 г.; Часовой. 1929. № 15-16. С. 5; 1930. № 32. С. 23, 27; 1930. № 34. С. 19; 1932. № 89. С. 21; 1935. № 146-147. С. 21; 1936. № 165-166. С. 13; 1936. № 167-168. С. 14; 1936. № 169. С. 31. 1936. № 170. С. 31.
- ²² Часовой. 1936. № 169-170. С. 31.
- ²³ Русское дело. Белград. № 28. 12 декабря 1943 г.
- ²⁴ Кованько Г. А. Ужин в Москве // Кадетская переключка. 1990. № 48. С.158.
- ²⁵ Никифоров К. В. Русский Белград. (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33-36; Антонов В. В. Эмигрантские храмы Европы 1920–1960 гг.: историко-архитектурный аспект // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 124.
- ²⁶ Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. С приложением полного списка знамен и регалий русской армии, хранящихся в Русской церкви в Белграде. Белград, 1926; Часовой. 1929. № 7-8. С. 16; 1931. № 62. С. 13, 27; 1932. № 71. С. 10-11; Башкирова Г. Б., Васильев Г. В. Путешествие в Русскую Америку: Рассказы о судьбах эмиграции. М., 1990. С. 314-331.
- ²⁷ Часовой. 1931. № 70. С. 26.
- ²⁸ Часовой. 1934. № 128. С. 27; 1939. № 228-229. С. 35; № 238-239. С. 38.
- ²⁹ Черкашин Н. Под пальмами Бизерты. С. 66.
- ³⁰ См.: Мамонтова Е. Опись архивного фонда Ассоциации бывших воспитанников императорского Александровского лицея, хранящегося в Королевском Музее армии и военной истории Бельгии. Брюссель, 2001. С. 184-185.
- ³¹ Часовой, 1934. № 116-117. С. 39; 1935. № 146-147. С. 15.
- ³² Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг. М., 1998; Горячкин Г. В., Гриценко Т. Г., Фомин О. И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 1999. С. 67-68; Бизертинский морской сборник. 1921–1923. Указатель статей. Биографии авторов / Сост. В. В. Лобыцын. М., 2000. С. 8-9; Бизертинский морской сборник. 1921–1923. Избранные страницы. М., 2003. С. 541.
- ³³ Часовой. 1934. № 131-132. С. 18.
- ³⁴ Попов А.В. Документы по истории Первой мировой войны в музеях и архивах русского зарубежья // Российские и славянские исследования: научный сб. Минск. 2007. Вып. 2. С.115-122; Он же. Военные музеи и архивы русского зарубежья. С. 209-213.
- ³⁵ Меняйленко М. К. Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 23-31.
- ³⁶ Антонов В. В. Эмигрантские храмы Европы 1920–1960 гг.: историко-архитектурный аспект. С. 126.
- ³⁷ Часовой. 1936. № 167-168. С. 35.
- ³⁸ Часовой. 1936. № 164. С. 27.
- ³⁹ Вујовић Б. Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. II. С. 59.
- ⁴⁰ Жалнина-Василькиоти И. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012; Фролов А. С. Культурное наследие «Зарубежной России» // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков, 1998. Т. 2. С. 364-373; Романов А. А. На чужих погостах: Некрополь Русского Зарубежья. М., 2003.
- ⁴¹ Часовой. 1936. № 164. С. 25.

*Наталья Александровна Панич,
Россия, Москва, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
старший преподаватель кафедры современной
социологии социологического факультета,
кандидат исторических наук*

Анализ Е.Д. Кусковой социальных последствий Гражданской войны и военной интервенции

Последовавшая после свержения самодержавия череда событий привела Россию к одному из самых сложных и трагических периодов в истории страны – к Гражданской войне, оказавшей глубокое влияние не только на характер будущей модели советского развития, но и на судьбы многих людей. Гражданская война разделила страну на два противоборствующих лагеря – белых и красных, – которые вели беспощадную, кровавую борьбу до победного конца над своими политическими и классовыми противниками. «Война белых и красных была проста в своём революционизме и жертвенности с обеих сторон; она не требовала сложной тактики и разгадывания «переплётов»: бей – да и только»¹, – писала известная публицистка Е.Д. Кускова, которая не примкнула ни к одной из враждующих сторон, по образному выражению Г.Аронсона – «нинистка»: «ни Ленин, ни Колчак»².

Выразителем социально-политических настроений, которые существовали тогда в среде русской интеллигенции, близкой Е.Д. Кусковой, вновь, как и во время существования времен-

ного правительства, явилась газета «Власть народа». На страницах печатного издания обсуждались актуальные на тот момент вопросы: о целесообразности вооружённой борьбы против большевиков, тактике русской общественности, фронт которой после крушения Временного правительства и октябрьского переворота стал шире, о борьбе за организацию власти, в «завоёванном пролетариате государства», внутри самого правящего класса. Основное внимание сосредоточено на изучении источников, позволяющих понять анализ социальных последствий Гражданской войны и военной интервенции видной общественной деятельницы, а также ее взгляды на возможности вооружённой интервенции в деле помощи свержения новой революционной власти.

Значительное большинство русской интеллигенции, составлявшее одну из опор и правых и левых партий, высказались положительно в отношении вопроса помощи иностранных держав в свержении большевистского режима. Только две очень небольшие группы ответили отрицательно: группа газеты «Власть народа» и партия

меньшевиков. Причём, по словам Кусковой, последние очень просто аргументировали свою позицию: «вождями интервенции могли быть лишь старые военные генералы»³, которые скомпрометировали себя связями со старым режимом.

Группа же газеты «Власть народа» развивала более сложные доводы, потому как ещё в начале 1918 не вся оппозиционная большевистскому режиму пресса была закрыта и имела возможность выразить публично свои взгляды. «Называть ли происходящее бунтом или революцией – безразлично, – писала публицистка. Народ, а главное армия в горячке». В этом видела она главную опасность для целостности и государственного бытия России. Следовательно, нет такого средства, к которому нельзя было бы прибегнуть для того, чтобы развал остановить. Поэтому позиция редакции газеты и соответственно Кусковой, сводилась к обсуждению «целесообразности интервенции» на данном этапе «строительства новой государственности». При такой постановке вопроса вывод напрашивался сам собой – интервенция с их точки зрения нецелесообразна. Во-первых, достаточно сложно было найти из числа охваченных горячкой народных масс активных сторонников интервенции, способных сражаться. В доказательство публицистка приводила события ночи 24-25 октября, когда велась борьба «небольшой кучки офицеров и юнкеров, и отсутствие народа парализовало командование»⁴.

Во-вторых, при том истерзанном бесконечно долгой военной кампанией состоянии армии, пришлось бы рассчитывать только на помощь иностранных штыков, что само по себе являлось для публицистки и её единомышленников абсолютно неприемлемым, так как иностранная помощь влекла за собой непосредственное вмешательство со стороны иностранных государств, в своих интересах, во внутренние дела России.

Но не это было главным, с точки зрения Кусковой, ведь все отлично понимали, что привлечение интервентов только сыграет на руку большевикам и даст им ещё один козырь в борьбе с противниками, более того, позволит расширить социальную базу под лозунгом защиты Отечества от посягательств иностранных государств, которые, надо сказать, совершенно не скрывали своих хищнических устремлений⁵. Последний

аргумент газеты «Власть народа» был наиболее решающим для Кусковой и заключался в следующем: чтобы была успешна интервенция, необходимо выработать ясную цель, сплотить не только военные, но и политические силы, и только в этом случае есть возможность рассчитывать на успех мероприятия. Опыт Демократического совещания, опыт Предпарламента показал «реальные» возможности, а, значит, и надежды на единство «планов, целей, духа интервенционистов»⁶. Таким образом, газета «Власть народа», в лице её хозяйки и видной общественно-политической деятельницы, раскрывала основной круг вопросов, приковавших к себе внимание спорящих о вооруженной борьбе против большевистского режима: «1 вопрос – если вооружённая борьба, то и её последствия – установление военной диктатуры – совершенно неустранимы. 2 вопрос – о средствах борьбы. С чем пойдут в борьбу сторонники вооружённого сопротивления, разбивая свои фронты на окраинах? Где взять – обратиться к помощи интервентов. Одни – за, другие – против. 3 вопрос – на какие кадры рассчитывают сторонники вооружённой борьбы. В центре споров «народ». Пойдут ли народные массы за инициаторами вооружённой борьбы или не пойдут? Одни – да, пойдём с юга и к нам присоединятся, другие – нет. Почему?»⁷

Именно на этот вопрос попыталась ответить Е.Д. Кускова, когда, находясь в эмиграции, анализировала причины поражения белого движения и причины успеха большевиков: «нельзя сказать, что опыт белого движения чему-то научил людей. Напротив, именно сторонники белого движения и сейчас являются наиболее пылкими защитниками интервенции»⁸, – писала она в «Последних новостях» в 1923 году. Публицистка обвиняла эмиграцию в непонимании реальной ситуации, сложившейся в стране в период Гражданской войны, поскольку помощь белому движению со стороны последней, по её словам, «только мешала им и укрепляла советскую власть», тогда как задача русской интеллигенции, не принявшей эту самую власть, заключалась совершенно в другом. В ответ на это Маклаков заявил, что видная политическая деятельница занимает «чересчур выгодную» позицию, так как, судя интервенцию по результатам, «нельзя сейчас нас – интервенционистов – не осудить»⁹. Эмигрантские круги видели в ней своего рода

панацею от большевизма, поэтому выдвигали последнюю в качестве основополагающей идеи. «Интервенция – это было единственное, что могла выдумать эмиграция, вернее, что она могла сделать для того, чтобы ускоренным и упрощенным путем сломить ту самую головку (имеется ввиду большевистский режим — *Н.П.*). Эмиграция верила в белые движения и взялась за них не потому, что не знала, что делать, а потому, что считала это дело полезным и важным»¹⁰, – читаем в одном из адресованных В.А. Маклаковым, бывшим послом Временного Правительства в Париже, Е.Д. Кусковой писем. Эта переписка явилась своего рода свидетельством той помощи, которую эмиграция пыталась оказывать белому движению при посредничестве иностранных держав. Вспоминая о событиях лета 1919 года, когда основные сражения Гражданской войны после неудачи армии Колчака перенеслись на юг, где крупное наступление предпринимал генерал Деникин, Маклаков писал своей собеседнице 31 января 1924г.: «тогда Деникин ещё существовал, надежды на интервенцию не были покинуты, мы тогда добились, чтобы французы стали помогать Деникину, послали туда на юг миссию генерала Манжен, продолжать эту политику»¹¹. В том же письме автор говорил об активном содействии представителей эмигрантских кругов политике блокады, проводимой в отношении Советской России странами Европы, и называл этот шаг ошибочным, потому как «строить надежды на падение большевизма по теории – чем хуже, тем лучше – было явным просчётом, и для большевиков гораздо опаснее было сытое население, чем голодное и обнищавшее»¹². Рассуждая о причинах, заставивших англичан в конечном итоге прорвать блокаду и начать торговые отношения с Советской Россией, Маклаков указывал на явное заблуждение своей собеседницы в этом вопросе. Кускова представляла ситуацию следующим образом: когда англичане увидели, что белое движение может победить, они изменили курс и прорвали блокаду, тем самым, помешав Деникину осуществить намеченное. Маклаков же считал иначе: англичане прорвали блокаду зная, что неудача Деникина была уже несомненна, поскольку апогей деятельности белого генерала приходился на октябрь 1919 года, а прорыв блокады состоялся в январе 1920. В справедливости данного утверж-

дения трудно усомниться, заблуждение в этом вопросе публицистки здесь очевидно. «То, в чём Вы видите умышленный и сознательный антирусский план, – писал, обращаясь к Кусковой, её собеседник, – на самом деле есть причудливые результаты трех параллельных процессов. 1) своеобразное полевение всей Европы. Эволюция политической мысли Европы идёт в 2-х противоположных направлениях. С точки зрения экономической и социальной – полевение; большевики взяли верный курс. С политической точки зрения – поправение (большевики опять взяли верный курс) – диктатура пролетариата. Но в этих двух процессах конечно хватило через край. 2) Процессы в самой России большевики переборщили, но взяли дорогу всё-таки довольно правильную. В России была необходимость в коренных социальных реформах, в переходе власти к совершенно новым социальным элементам. Время работает на большевиков. 3) Поглупение эмиграции. Правые (те, кто против большевиков) и левые (те, кто с ними сотрудничает) шевелятся, центр – выжидает»¹³.

Об ошибках и отсутствии гибкости в белых организациях в частной переписке с Кусковой говорил и Б.А.Бахметьев: «Знаете ли Вы, когда весной 1919 года подняли вопрос о кормлении голодающих Петрограда..., я уговорил Сазонова просить Колчака сделать благородный жест – выразить полную солидарность с мыслью союзников – помочь голодающим севера России и даже индоссировать от имени своего правительства все расходы союзников по этому предприятю. Вы понимаете, какой это был бы морально-политический жест. В ответ мы получили буквально злобные ругательства...»¹⁴.

Неудачи белого движения, рассматриваемые на страницах зарубежной прессы, в переписке частного характера в то время еще не были осмыслены до конца. По утверждению Кусковой лишь в одном пункте совпадало мнение большинства представителей эмигрантской интеллигенции – в том, что «белое движение, несомненно, было действием, актом революционным»¹⁵. Антибольшевистское движение слишком тесно связало себя с интервенцией, поэтому не смогло найти поддержки народных масс. Более того, среди ее участников не было единства, и белые генералы так и не смогли объединить все силы, боровшиеся с советской властью, в одно русло.

На это обстоятельство неоднократно обращала внимание публицистка, которая писала, что «не было никакой надежды на единство плана, целей, духа интервенционистов. Кто мог составлять окружение командования? Да те же самые люди, которые в Предпарламенте не сумели спаяться и спасти Временное правительство, люди гипертрофированных партийных самолюбий, отвлеченных формул, не способные крепко сцепиться за руки, даже в момент смертельной опасности. Почему же эти самые люди окажутся иными в Новочеркасске или в Уфе?»¹⁶. Большевики же напротив, сумели объединиться и убедить народ в том, что именно они являются единственными защитниками России и её единства от «поползновения расчленителей». Это сыграло решающую роль в их победе над белым движением. «Вот почему не пошли, – восклицала Кускова. Провалились в центре и на периферии. Основание – массовое недоверие. Белых встречали цветами и криками, но жертвовать как рабочие (например, в Оренбурге, когда Красная Армия хотела оставить этот город, рабочие поднялись на защиту) – не хотели»¹⁷.

Таким образом, анализ социальных последствий Гражданской войны и военной интервенции Е.Д. Кусковой сводился к следующему. Во-первых, на всем протяжении от начала войны до окончательной победы большевиков, она на страницах печатного издания «Власть народа», владелицей которого являлась, призывала оба лагеря прекратить братоубийственную во-

йну. «Что лучше? Кому вы желаете раздавать конфеты – лошадям ли казацким или же тем лошадям из московского артиллерийского ведомства, которые были распроданы солдатами в свою пользу? Оба лучше, ответили бы маленькие дети. А что было бы действительно лучше – прекратить Гражданскую войну, прекратить стрельбу, кресты, грабежи, насилие, установить, наконец, гражданский порядок в стране, без которого не могло долго существовать ни одно государство в мире. Это сделать тем более пора и тем более необходимо, что не только буржуазия, но и широкие массы народа, измученные беспорядками, испуганные необеспеченностью жизни и имущества, уже готовы купить порядок, купить какой угодно ценой»¹⁸ – в этом коротком отрывке из «Дневника», на наш взгляд, заключалась суть её позиции. Во-вторых, публицистка полагала, что Гражданская война в конечном итоге приведёт к поражению рабочего класса, а вместе с ним и «всех нас, социалистов, неразумно использовавших огромные творческие силы масс»¹⁹. И, наконец, по её мнению, в 1917–1918 гг. решительно всё говорило против интервенции, потому как последняя в случае успеха или неудачи, выступила бы в роли сдерживающего фактора естественного процесса изживания большевизма, и способствовала бы появлению своего рода иностранной «опеки», которая помешала бы русскому народу обрести «крепкие мускулы, чтобы подняться из бездны революции»²⁰.

¹ Кускова Е. Письма из Берлина // Последние новости. 1923. 18 мая.

² Аронсон Е.Д. Кускова, Портрет общественного деятеля // Новый журнал. 1954. №37. С.245.

³ Кускова Е. Дневник // Власть народа. 1918. 21 января.

⁴ Там же.

⁵ См. подробнее. Из материалов Главного командования Антанты. В кн.: Хрестоматия по Отечественной истории (1914-1945) / Под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. М.,1996. С.222-224.

⁶ Кускова Е. Дневник // Там же. 1918. 15 января.

⁷ Кускова Е. Почему не пошли. ГАРФ. Ф.

⁸ Она же.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.284.

¹⁰ Письмо В.А.Маклакова к Е.Кусковой 31 января 1924 года. ГАРФ. Ф. Р-865. Оп.1. Д. 283. Л.

¹¹ Там же. Л.8-9об.

¹² Там же. Л.10.

¹³ Там же. Д. 284. Л. 17-18.

¹⁴ Письмо Б.А. Бахметьева к Е.Кусковой 12 октября 1923 года. ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп.1.Д. 41.

¹⁵ Кускова Е. Письма из Берлина // Последние новости.1923.18 мая.

¹⁶ Там же. 29 мая.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кускова Е. Зверства калединцев.// Там же. 1917.12 декабря.

¹⁹ Она же. Дневник. // там же.1918. 21 января.

²⁰ Кускова Е. Письма из Берлина // Последние новости. 1923. 1 июля

Беспорядки при изъятии церковных ценностей весной 1922 г. (по документам РГВА)

В истории взаимоотношений Советской власти и Православной церкви особое место занимает 1922 г., связанный с возобновлением курса РКП(б) на разгром церкви. Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. положил начало этой кампании, которая завершилась судебными процессами над духовенством и мирянами и обновленческим расколом РПЦ (это движение с 1922 г. по 1926 г. было единственной официально признаваемой властями православной церковной организацией).

В 1921 г. голод охватил более 30 губерний (Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь). Для борьбы с голодом и спасения населения Советской России государством были мобилизованы все учреждения, 18 июня 1921 г. была образована Центральная комиссия помощи голодающим (ЦКПомгол) как организация с чрезвычайными полномочиями в области снабжения и распределения продовольствия. Не осталась в стороне и Православная Церковь. Святейший Патриарх Тихон¹ обратился с посланиями к рос-

сийской пастве, Восточным Патриархам, папе Римскому, епископу Нью-Йоркскому и архиепископу Кентерберийскому, призывая провести сборы продовольствия и денег для голодающих. Под председательством Патриарха был образован Всероссийский церковный Комитет помощи голодающим.

Однако сторонники крайней позиции по отношению к Церкви в Политбюро ЦК РКП (б) решили воспользоваться голодом в своих целях. Л.Д. Троцкий писал зимой 1921–1922 гг.: «Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного счета со специальным назначением на нужды голодающих (хлеб, семена, орудия и пр.)»².

После рассмотрения на заседании Президиума ВЦИК 16 февраля 1922 г. положений этого декрета в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества местным Советам было предложено в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп

верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим». Декрет исключал участие духовенства в ходе изъятия. Предусматривалось лишь обязательное привлечение групп верующих, в пользовании которых находились церковные драгоценности. Таким образом, декрет об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. практически отстранял церковь от участия в организации сдачи ценностей, запрещал замену драгоценных предметов, имеющих «богослужебное употребление», равноценным количеством золота и серебра. Добровольный характер пожертвования церковного имущества был заменен на принудительный, насильственный – конфискацию³.

Затем ЦК Помголом и Наркомюстом разрабатывается инструкция о порядке изъятия церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. (опубликована 28 февраля 1922 г.) Губернские Комиссии по изъятию церковных ценностей, образованные декретом, должны были запросить у всех местных Советов заверенные копии описей и договоров с группами верующих, в пользование которым переданы храмы. На основании этих описей устанавливалась очередность проведения изъятия, причем основная ставка делалась на наиболее богатые храмы, монастыри, синагоги и т.д., ценности которых подлежали вывозу в первую очередь, не дожидаясь поступления всех описей по губернии.

В то же время в газетах продолжала нагнетаться обстановка, описывались ужасы голода. Пресса призвана была настроить общественное мнение против церкви, с очевидной целью представить ее чуть ли не ответчицей за страдания миллионов голодающих⁴.

Патриарх Тихон допускал частичное изъятие, обозначал грань, до которой еще возможны были компромиссы, но за которую церковь уже не могла выходить, в противном случае нарушались церковные каноны. Такой вариант уступок со стороны церкви был одобрен ЦК Помгола. Однако позиция Патриарха, предусматривавшего возможность частичной сдачи церковного достояния для спасения голодающих, была ис-

пользована против него. Разрешив публикацию послания патриарха Тихона от 19 февраля 1922 г. о пожертвовании вещей, не имеющих богослужебного употребления на помощь голодающим, власти воспользовались этим, чтобы организовать на страницах правительственных газет резкие выпады против руководителей Церкви, обвинив их в нежелании помочь голодающим.

Действия властей вызвали крайнее недоумение Патриарха Тихона. В письме к М.И. Калинину от 25 февраля 1922 г. Патриарх призвал власть отказаться от столь неожиданного решения, чреватого непредсказуемыми последствиями. Не получив ответа, Патриарх обнародовал свое послание от 28 февраля 1922 г., осудив декрет как «акт святотатства»: «С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства... Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство...»⁵.

Несмотря на согласие большинства верующих с позицией Патриарха, в первые дни марта 1922 г. приступили к работе губернские комиссии по изъятию церковных ценностей, что вызвало многочисленные эксцессы.

Значительный массив документов Председателя РВС Республики, его Секретариата, штабов военных округов и их командующих, Частей особого назначения, Политического управления РККА (приказы, распоряжения, циркуляры, протоколы, доклады, донесения, журналы боевых действий и др.) из фондов РГВА характеризует роль армии в проведении в жизнь политики партии в отношении церкви, ее участие в кампании изъятия и подавлении антиправительственных выступлений в 1922 г. Многие документы РГВА использованы в монографии Н.А. Кривовой⁶, а также опубликованы в сборнике «Изъятие цер-

ковных ценностей в Москве в 1922 г.», подготовленном совместно Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом (ПСТГУ) и РГВА в 2006 г.

В г. Шуе 15 марта в связи с изъятием церковных ценностей толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев, часть красноармейцев была разоружена. В результате разгона толпы с применением пулеметов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146-го полка четыре человека было убито, и многие ранены. Для расследования этих событий Политбюро ЦК РКП(б) направило в мятежную Шую специальную комиссию ВЦИК, кроме того, была образована Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей.

Командующий войсками Московского Военного округа Н.И. Муралов, провел 23 марта учебно-показательное изъятие ценностей из Воскресенского Собора Шуи. Для этого им были вызваны сводная рота 146-го полка, пулеметная команда, рота ЧОН, 6 конных милиционеров. Войска оцепили Соборную и базарную площадь, прикрыли все выходы на прилегающие улицы, предварительно очистив территорию от людей. Затем Н.И. Муралов ввел в Собор взвод красноармейцев, чоновцев и слесарей. По его словам, все красноармейцы и командиры «не только чувствовали жажду мести, но и выражали словесно желание «пострелять в попов и спекулянтов»⁷.

Особый размах приняли события в Смоленске. Неудачно закончилась попытка комиссии приступить к изъятию 8 и 14 марта 1922 г., когда толпа верующих этому препятствовала. Тогда Губкомиссия, добившись проведения совещания совместно с Л.Д. Троцким, находившимся как раз тогда в Смоленске, получила от него директиву: изъятие временно приостановить и заняться агитацией среди красноармейцев. Именно Л.Д. Троцкий был главным инициатором использования военных методов. Кроме того, факт приостановки изъятия в Смоленске и упор на агитацию именно среди красноармейцев, сделанный Л.Д. Троцким, видимо, свидетельствовал о настроениях в армии, по крайней мере ее части, отрицательном отношении к захвату церковного золота. Прямым подтверждением этому служат донесения местных чекистов о положении в частях гарнизона во время событий в Смоленске

28 марта 1922 г. Не надо забывать, что здесь, вблизи границы с Польшей, был сосредоточен значительный воинский контингент. В таком акценте на агитацию не было бы нужды, если бы речь шла лишь об обычном разъяснении задач красноармейцев в ходе изъятия. Требовалось переломить настроения и подготовить красноармейцев к возможному применению оружия⁸.

Дальнейшее развитие события вокруг Смоленского Собора получают 28 марта 1922 г., когда ранним утром Собор, а также Троицкий и Вознесенский монастыри были окружены цепью курсантов. В 10 часов комиссия приступила к работе. Без сопротивления, при полном содействии настоятелей и верующих, произведены изъятия в монастырях. Осложнения произошли в Соборе. 15 девочек-подростков, две взрослые женщины и 5 мужчин во главе с председателем приходского совета Кузьменковым ночевали в Соборе для его охраны. Когда прибыла комиссия, двери Собора оказались закрытыми изнутри. В это время у Собора начали собираться люди. Общая численность собравшихся достигла в короткий срок нескольких тысяч человек. Они стали теснить сторожевые цепи курсантов, бросать в них камни, снег, палки, отнимать оружие у красноармейцев и стрелять. Условным сигналом были оповещены некоторые соседние церкви, и толпа еще более увеличилась. По сведениям Губисполкома, состав ее был самый разнообразный – подростки, женщины, торговцы и т.д.

Дополнительно подоспевшие новые роты выстрелами в воздух оттеснили собравшихся. В результате инцидента 6–7 человек было ранено, одна женщина скончалась. Дверь Собора была вскрыта, и комиссия приступила к изъятию. На некоторых фабриках была предпринята попытка поднять рабочих на забастовку. Настроение гарнизона, по оценкам местных чекистов, было неустойчивым. Экстренными мерами сопротивление было сломлено. Арестовано около 100 человек⁹.

Среди документов фонда Смоленского гарнизона выявлен приказ начальника гарнизона города от 29 марта 1922 г. «снять заставы, кроме Соборного двора, и приступить во всех частях гарнизона к ведению занятий в обычном режиме»¹⁰.

События в Смоленске крайне обеспокоили Л.Д. Троцкого, еще и потому, что они развора-

чивались вблизи польской границы. Поэтому он рекомендовал направить в Смоленск комиссию, вроде той, что была откомандирована Политбюро ЦК РКП(б) в Шую, включив в ее состав М.Н. Тухачевского. Принимая во внимание, что события происходили в прилегающем к фронту районе, комиссией решено было дело о беспорядках передать в РВТ Западного Фронта и назначить к слушанию не позже 20 апреля 1922 г.¹¹

К сожалению, указанное дело объемом более 300 л. значится в описи фонда этого трибунала, но в РГВА не сохранилось¹².

В Орле, по донесениям Штаба ЧОН Орловской губернии, наблюдались с самого начала кампании по изъятию волнения населения, в связи с чем 17 марта 1922 г. Губком перевел некоторые войска на военное положение, мобилизовал 140 коммунистов на случай открытых выступлений и организовал заседание Горсовета в присутствии 600 рабочих и служащих, постановившее церковные ценности изъять. В оперативных и разведывательных сводках губернских Штабов ЧОН, направленных в управление Московского военного округа и хранящихся в фонде управления, отражены последующие события. Так, согласно сводке по Орлу от 19 апреля «в Орле в связи с изъятием церковных ценностей наблюдается брожение среди массы. Переведены [на] военное положение квартирным порядком два взвода 1[-й] роты 1[-го] ОН орловского батальона первой очереди призыва по двадцать рядов каждый, несущие охрану комиссии по изъятию церковных ценностей от скопления масс». Брожение в Орле отмечено и сводке за неделю, подписанной 26 апреля начштаба ЧОН Орловской губернии¹³.

Кампания по изъятию в Москве была подготовлена лучше, чем в некоторых других городах, и проведена в апреле 1922 г. Постановлением Комитета Обороны г. Москвы и Московской губернии от 31 марта 1922 г. и приказами комвойсками округа Н.И. Муралова гарнизону города, при командующем образовывался особый Оперативный Штаб в целях содействия изъятию. В обязанности Штаба входило руководство всеми военными операциями, связанными с возможными эксцессами во время вывоза драгоценностей из храмов. Начальником Оперштаба назначался комендант г. Москвы Н.А. Яковлев. С той же целью в районах города образовывались районные ко-

мендатуры, подчиненные Оперативному Штабу. Районными комендантами назначались, как правило, председатели Райсоветов, их заместителями – комбриги или командиры полков ЧОН, бронетанковых или других войск. Особым приказом определялся момент перехода войск в подчинение районных комендантов. Комендантам районов приказывалось войти в тесный контакт с районными Комиссиями по изъятию ценностей и с соседними районными комендатурами, постоянно обмениваться информацией о положении в районах. В срочных донесениях в Оперштаб, представляемых 4 раза в сутки из районов, где идет конфискация, и один раз, где не идет, должны были указываться настроения населения, происходящие операции, эксцессы и т.д.

Тем не менее, беспорядков в столице избежать не удалось. Самые громкие события развернулись в Москве 5 апреля 1922 г. Комиссия планировала провести работу в 56 церквях (в том числе в христианско-евангелической, армянской, греческой, двух старообрядческих церквях и синагоге). В Рогожско-Симоновском районе к вечеру около 400 человек собралось у церкви святого Николая на Таганке. В этот день власти отметили для себя очень неблагоприятный симптом: рабочие фабрики «Поставщик кожевника» решили не допускать изъятия из церквей. К ним присоединились и другие предприятия столицы. Обстановка в городе накалялась¹⁴.

В тот день драматичные события произошли у церкви Богоявления в Дорогомилове (Хамовнический район). После умышленно затягивавшейся службы 15 человек молящихся остались в церкви и покинули ее только после долгих пререканий с комиссией. Комиссия, согласно сводке, сделала ошибку, забыв о колокольне, а красноармейцы забыли о своем главном назначении – охранять и наблюдать. Они влились в толпу и стали уговаривать людей разойтись. Но возбуждение нарастало. Член Хамовнической райкомиссии по изъятию Н. Герасимов писал, что люди «стали кричать: «Не дадим брать из церкви ничего». Но охрана их стала разгонять. «Тогда, – пишет Герасимов, – из толпы стали бросать в охрану жидким калом и камнями. Охрана выстрелила вверх. Но это не помогало. Тогда я, уполномоченный, вышел сам и стал просить, чтобы не безобразничали, но и я тоже получил в спину камнем. И несколько красноармейцам

пробили головы и загнали их в паперть, отбив у нас колокольню, в которую был вход с улицы. В ограде ударили [в] набат... Тогда я, уполномоченный, силою послал священника, чтобы он успокоил толпу, а в это время вышла охрана из паперти, и стащили с колокольни мальчика. Священник ушел за ограду, и опять посыпались усиленно камни в двери и окна, и крики: «Бей коммунистов и евреев...» Картина резко изменилась с прибытием кавалеристов. Жертвами столкновения стали 8 избитых красноармейцев и 2 раненых мальчика¹⁵. События у церкви Богоявления в Дорогомилове заставили власть ужесточить меры. Н.И. Муралов в очередной раз потребовал охраны колоколен и в приказе от 5 апреля 1922 г. обещал предавать суду районных комендантов и весь состав охраны церкви, если все же повторится набатный звон.

Комиссия по изъятию церковных ценностей Московской губернии отреагировала на события 5 апреля 1922 г. залпом новых решений, принятых на заседании в тот же день. Предлагалось не посылать для охраны церквей чоновцев-евреев, чтобы не вызывать лишнего раздражения верующих. Опыт показал, что часто организующую роль в сопротивлении конфискации церковного имущества играли учителя, поэтому решено было установить агентурное наблюдение за учителями и школами. Комиссия потребовала установить охрану церквей так, чтобы не допускать ни в каком случае скопления народа и не оставаться ни перед какими арестами. Районным комиссиям по изъятию предписывалось устанавливать на колокольне пост. В целях предупреждения организованного сопротивления весь план работ объявлялся абсолютно секретным, и до их фактического начала никто не должен был знать, какие церкви подлежат изъятию.

После некоторого перерыва, устроенного в связи с празднованием Пасхи, конфискация возобновилась 19 апреля 1922 г. в Сокольническом районе. Почти везде наблюдалось скопление людей, настроение которых оценивалось властями как враждебное. У церкви Покрова на Красносельской улице двухтысячную толпу, бросавшую с бранью камни в охрану, несколько раз приходилось рассеивать с помощью кавалеристов.

Важная особенность в действиях протестующих против изъятия отмечена в эти дни. Среди

верующих велись разговоры о том, что разрозненные выступления не дают ожидаемого эффекта, а необходимо действовать массой. Поэтому организованные группы переходили от одной церкви к другой и выясняли обстановку. Одной из таких групп у церкви Спаса Преображения возле фабрики «Богатырь» во время окончания рабочей смены, когда рабочие покидали фабрику, была захвачена колокольня.

Таким образом, проведение изъятия в столице сопровождалось яростным протестом населения, но волнения предупреждались хорошо подготовленными чрезвычайными мерами властей и моментально подавлялись приведенными в боевую готовность войсками¹⁶.

В Петрограде изъятие велось уже в марте, в городе сразу же произошли выступления. Значительное скопление народа наблюдалось 15 марта 1922 г. около Казанского Собора. По сообщению РОСТА, толпа, разбившись на отдельные группы, возбужденно делилась мнениями об ожидаемом якобы прибытии вооруженных отрядов для изъятия церковных ценностей. Сопротивление властям было оказано у Троицкого Собора. На следующий день 16 марта 1922 г. на Сенной площади пришлось прибегнуть к помощи конных отрядов, когда членам комиссии не удалось пройти в церковь Спаса, окруженную, по свидетельству источников, «громоздкой толпой».

В результате предпринятых митрополитом Петроградским Вениамином действий изъятие в Петрограде проходило спокойнее, чем в Москве и некоторых российских губерниях. Кампанию, как и в Москве, предваряло образование агитационной комиссии и десятидневная организационная подготовка, приведение в боевую готовность отрядов милиции, чоновцев и чекистов. Тщательно разработанная инструкция начальникам районных и уездных подкомиссий по изъятию в городе и губернии детально регламентировала действия членов комиссий. В частности, учитывая опыт других городов, на время операции изъятия двери храма закрывались, и никто, кроме оперативной группы, не мог выйти из него, также осуществлялась охрана колокольни.

Несмотря на все попытки духовенства удерживать верующих от сопротивления, избежать столкновений все же не удалось. Во время судеб-

ного процесса над петроградским духовенством назовут 14 случаев сопротивления, включая обычное при изъятии скопление возбужденной толпы, которое наблюдалось повсеместно: у Знаменской церкви, храма Святого Владимира, на фабрике Госзнака, у церкви Купеческой богадельни и др. Бурно вела себя толпа в 500 человек у церкви Петра и Павла, у Владимирской церкви число собравшихся превысило тысячу. 14 апреля 1922 г. двухтысячная толпа ворвалась в Ивановскую церковь, начала «бомбардировать комиссию по изъятию ценностей камнями, некоторые забрались на колокольню и стали бить в набат»¹⁷. В начале мая во время вывоза ценностей из церкви Путиловского завода толпа примерно в 2 тысячи препятствовала изъятию, были избиты два члена комиссии, три милиционера и два курсанта, которые отправлены в госпиталь, разогнана милиция и пожарная команда, поврежден их автомобиль. Прибывшим отрядом ЧОН путиловские рабочие были разогнаны, и порядок восстановлен.

Изъятие ценностей в большей части петроградских церквей было закончено к 29 апреля 1922 г.¹⁸

В начале мая 1922 г. жители села Белоречье (близ Шацка Тамбовской губернии), «сорганизованные кулачеством, категорически отказались выдать церковные ценности. [В] числе глава-

рей поп, учитель, секретарь волисполкома»¹⁹. Согласно недельной разведсводке начальника штаба ЧОН Тамбовской губернии, «гражданам Белоречье было предложено ультимативное требование сказать свое мнение по изъятию ценностей и выдать главарей. 4 мая...ценности [из] Белоречья изъяты, почти все главари арестованы...Дальнейшее изъятие ценностей и главарей продолжается»²⁰.

5 мая 1922 г. Патриарх был вызван в суд на процесс по делу московского духовенства. Суд вынес частное определение о его привлечении к уголовной ответственности. Патриарх был арестован, произошло оформление обновленческого раскола. На судебных процессах в мае-ноябре 1922 г. многие клирики и миряне были приговорены к расстрелам и различным срокам заключения²¹.

Советское государство под предлогом помощи голодающим изъяло только в 1922 г. церковных ценностей на четыре с половиной миллиона золотых рублей. Собственно на покупку продовольствия из них было потрачено около одного миллиона. Все остальные деньги были потрачены на иные цели, в том числе на расходы по самой кампании (агитация, перевозки и пр.)

Таким образом, кампанию по изъятию церковных ценностей можно считать одним из последних эпизодов Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

Литература

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. М., 2006.

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922-1925 гг. М., 1998.

¹ Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865–1925) – с 4 декабря 1917 г. Святейший Патриарх Московский и всея России (избран Поместным Собором 1917–1918 гг.) Канонизирован в 1988 г. Архиерейским Собором РПЦ.

² Цит. по: Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. //http://elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm. 24.05.2016; 20.30.

³ Кривова Н.А. Ук. соч.

⁴ Там же.

⁵ *Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. М., 2006. С.156-157.*

⁶ *Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1998.*

⁷ *Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. М., 2006. С. 8-10; Кривова Н.А. Ук. соч.*

⁸ Там же.

⁹ Там же.

- ¹⁰ РГВА. Ф.27674. Оп.1. Д.44. Л.15.
- ¹¹ Кривова Н.А. Ук. соч.
- ¹² РГВА. Ф.24389. Оп.2. Д.1269.
- ¹³ РГВА. Ф.25883. Оп.7. Д.33. Л.174; Кривова Н.А. Ук. соч.
- ¹⁴ Кривова Н.А. Ук. соч.; *Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. М., 2006. С.12-14.*
- ¹⁵ *Стиль и орфография записки Н. Герасимова сохранены (См.: РГВА. Ф.27519. Оп.2. Д.23. Л.150, 151); Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. М., 2006. С.16-17.*
- ¹⁶ Кривова. Ук. соч.
- ¹⁷ Цит. по: Кривова Н.А. Ук. соч.
- ¹⁸ Кривова. Ук. соч.
- ¹⁹ Цит. по: Кривова Н.А. Ук. соч.
- ²⁰ РГВА. Ф.25883. Оп.7. Д.33. Л. 204 об., 205.
- ²¹ Кривова. Ук. соч.; *Изъятие...С.23-24.*

*Инна Альфредовна Вершинина.
Россия, Москва, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, доцент
социологического факультета, кандидат
социологических наук, доцент*

Социологический анализ Гражданской войны генералом Н.Н. Головиным

Николай Николаевич Головин (1875–1944 гг.) – русский военный деятель и теоретик, очевидец и участник Первой мировой и Гражданской войн. Его знания и опыт легли в основу работы «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.», в которой он предпринял попытку выявить и проанализировать социальные предпосылки Гражданской войны и описать ее социальные последствия. Данный труд получил неоднозначные отзывы у современников, в частности, историков, однако, представляет безусловный интерес, поскольку предлагает оригинальную точку зрения на сложный и драматический период в истории нашей страны. Социологический анализ Гражданской войны Н.Н. Головиным во многом определялся обстоятельствами его жизненного пути, его мировоззрением и профессиональным опытом.

Н.Н. Головин родился 22 февраля 1875 г. в Москве, в старинной дворянской семье. Его отец, генерал-лейтенант Николай Михайлович Головин, участник Крымской войны, во многом повлиял на его выбор в пользу военной карьеры, хотя аристократическое происхождение открывало широкий выбор жизненных траекторий. Окончив Пажеский корпус (1894) и Николаевскую военную академию Генерального штаба

(1900), Н.Н. Головин начал свое восхождение на военной службе.

Сфера интересов Н.Н. Головина изначально была довольно широка. Будучи совсем молодым человеком, в 1896 году молодой офицер уже опубликовал свой первый труд: «1812 год. Отечественная война и ее герои». Им были защищены две диссертации: в 1908 г. «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» на звание экстраординарного профессора Николаевской военной академии Генерального штаба, в 1910 г. «Французская высшая военная школа» на звание ординарного профессора.

Работая профессором Николаевской военной академии Генерального штаба, Н.Н. Головин сформировался как серьезный, широко известный военный ученый. У молодого преподавателя сложился свой, особый подход к изучению военной науки, подготовке и воспитанию военных кадров. В своих работах «Французская высшая военная школа» (1910) и «Высшая военная школа» (1912) он настойчиво проводит мысль о необходимости реформирования образовательного процесса в русской Военной академии. Но новаторские идеи не получили поддержки от военного министра генерала В.А. Сухомлинова,

поэтому часть преподавателей во главе с начальником Академии генералом Д.Г. Щербачевым были вынуждены покинуть ее стены.

После ухода из Военной академии в 1913 г. Н.Н. Головин предполагал подать в отставку, но Великий князь Николай Николаевич, дядя последнего российского императора, командовавший Петербургским военным округом и внимательно следивший за военной мыслью, отговорил его от этого решения, предложив полковнику Н.Н. Головину вне очереди командование 20 м драгунским Финляндским полком.

Первую мировую войну он встретил командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, с которым участвовал в Галицийском сражении 1914 г. За доблестное командование полком (получив ранение и тяжелую контузию, он остался в строю) Н.Н. Головин был произведен в генерал-майоры и награжден Георгиевским оружием.

Вскоре после начала войны он был призван на службу в Генеральный штаб, получив в ноябре 1914 г. назначение генерал-квартирмейстером в штаб 9-й армии, а с октября 1915 г. по февраль 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба 7-й армии. В этот период генерал руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении более чем тридцати боевых операций, в том числе знаменитого Брусиловского прорыва. Как один из выдающихся генералов Генерального штаба Н.Н. Головин мог заменить в 1916 г. генерала М.В. Алексеева на должности Начальника штаба Верховного Главнокомандующего, но в итоге, как говорит в своем письме императрица Александра Федоровна, был признан слишком молодым¹. В апреле 1917 г. он был назначен начальником штаба Группы армий в Румынии.

В сражениях Первой мировой войны Н.Н. Головин на практике продемонстрировал свои таланты военного теоретика и полководца. Его заслуги были отмечены званием сначала генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта и целым рядом наград: Георгиевским оружием, Крестом Св. Георгия 4-ой степени, Св. Владимиром (3-й и 4-й степени), Св. Станиславом (1-й степени), Св. Анны (3-й, 2-й и 1-й степени), Командорским Крестом Ордена Почетного легиона (Франция), Военным Крестом (Croix de Guerre) (Франция), Командорским Крестом Ордена Бани

(Commander of Bath) (Англия), Румынским орденом Звезды (1-й степени), Румынским орденом Короны (1-й степени)². Генерал П.Н. Врангель характеризовал его в своих воспоминаниях как умного и весьма талантливого офицера³. Однако судьба распорядилась так, что Н.Н. Головину не суждено было участвовать в решающих сражениях Первой мировой войны. События октября 1917 г. отправили его на другую войну – Гражданскую, свое видение которой он попытался нам показать в работе «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.».

Гражданская война началась для генерал-лейтенанта Н.Н. Головина в гетманской армии. Возглавив военно-историческую комиссию, он старался уберечь от уничтожения материалы по Первой мировой войне, которым кроме большевиков угрожали австрийцы, оккупировавшие совместно с немцами Украину⁴. Адмирал А.В. Колчак предложил Н.Н. Головину должность начальника своего штаба, однако прежде чем отправиться к новому месту службы, ученый собрал обширную коллекцию документов по истории Мировой войны. Особенно много источников было найдено им в архивах Юго-Западного и Румынского фронтов. Впоследствии собранные архивные материалы были переданы в Париж, что значительно облегчило Н.Н. Головину создание своих военно-исторических работ, написанных уже в эмиграции.

Командование белого движения, даже оказавшись за пределами своей родины, не считало свою борьбу законченной. Для последующей борьбы с большевиками необходимо было сберечь армию как боевую организацию. Генерал П.Н. Врангель предпринимал активные действия для организации взаимосвязи между рассеянными по всему миру русскими солдатами и офицерами. В начале 1921 г. он предложил организовать военные союзы и общества, кроме того, у него было желание создать высшую военную школу. В эмиграции бытовало устойчивое мнение, что власть советов не может быть продолжительной, а следовательно, стране вскоре будут необходимы офицеры, имеющие высшее военное образование для реванша в новой войне с большевиками. Для подготовки и повышения квалификации военных кадров необходимо было осмыслить проблемы военной теории, проанализировать опыт Мировой и Граждан-

ской войн, причины неудач белых армий в борьбе со своими противниками.

В 1922 г. Н.Н. Головин при материальной поддержке П.Н. Врангеля организовал во всех центрах расселения эвакуированных русских армий добровольные Кружки высшего военного самообразования. Эти кружки давали возможность знакомиться с уровнем подготовленности их участников. К 1925 г. такие кружки существовали во Франции, Югославии, Болгарии, Бельгии, Чехословакии, Англии и США. Целью кружков было восстановление русских вооруженных сил, понесших потери во время Мировой и Гражданской войн. Значительную материальную помощь оказывал кружкам Великий князь Николай Николаевич, бывший Верховным главнокомандующим в 1914–1915 гг. и пользовавшийся большим авторитетом в армии.

Зимой 1927 г. начали функционировать на постоянной основе высшие военно-научные курсы. Возглавил парижские курсы сам генерал и профессор Н.Н. Головин. Его первая вступительная лекция «Военная наука: ее подразделы, методы исследования и изучения» положила начало их деятельности. На открытии присутствовал Великий князь Николай Николаевич, который отдал распоряжение именовать курсы «Зарубежными Высшими военно-научными Курсами генерала Головина». В основу обучения была положена программа Николаевской военной академии, к преподаванию были привлечены ведущие русские ученые-эмигранты.

31 января 1931 г. начали работу аналогичные курсы в Белграде как отделение Парижских с той же программой. Руководство ими было поручено генералу А.Н. Шуберскому⁵. В 1931 г. для всех остальных офицеров Н.Н. Головин организовал Заочные высшие военно-научные курсы, которыми руководил его ближайший друг и помощник А.А. Зайцов. Кроме того, в «Русском инвалиде» регулярно печатались программы по самостоятельному изучению военного дела с указанием книг для чтения.

Н.Н. Головин сделал все возможное, чтобы желающие получить военные знания могли это сделать. Уровень военно-профессиональной подготовки, организованной в эмиграции был высок и отвечал мировым стандартам. Парижские курсы просуществовали до сентября 1939 г. За 11 с половиной лет через них прошло около

400 офицеров, из которых 82 получили законченное высшее образование. Белградские военно-научные курсы функционировали вплоть до 1944 г. и за 13 лет осуществили 6 выпусков. За это время на курсах обучалось около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек.

До конца своей жизни Н.Н. Головин активно участвовал в научной и педагогической деятельности ведущих учебных учреждений Европы и Соединенных Штатов Америки. Он преподавал историю Первой мировой войны во Французской военной академии, работал профессором русского историко-филологического факультета в Сорбонне, был представителем Гуверовской военной библиотеки в Париже, в которой и по сей день хранится архив его документов. Н.Н. Головин скончался 10 января 1944 г. в Париже и был похоронен на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Вклад Н.Н. Головина в развитие военной мысли был высоко оценен его современниками, которые проживали за рубежом: «Зарубежная военная мысль, хотя и лишена возможности опытной проверки теоретических построений в лаборатории, именуемой армией, продолжает развиваться. Главная заслуга в этом отношении принадлежит профессору Н.Н. Головину, который своими научными трудами дал основу для развития русской военной мысли, а своими курсами в Париже и Белграде дал людей для этого развития»⁶.

Е.Э. Месснер говорит о существовании двух основных направлений в русской зарубежной военной мысли – парижского и белградского, считая, что основа первого из них была заложена Н.Н. Головиным⁷. Как полагает Е.Э. Месснер, «Парижской» школе удалось создать стройную, продуманную и детально разработанную военную доктрину. В Белграде же целостного учения не было: «Есть лишь настроения, есть лишь неприятие доктрины ген. Головина»⁸. Заслуги русского ученого перед военной наукой признавали и иностранцы: в военной немецкой литературе можно было встретить ссылки на «доктрину Головина»⁹.

Сложившись как ученый в дореволюционной России, большинство своих трудов профессор Головин написал, уже находясь за рубежом. До начала Первой мировой войны, кроме двух диссертаций были опубликованы несколько ра-

бот, наиболее значимыми из которых являются следующие: «Высшая военная школа» (1912), «Введение в курс тактики» (1912), «Служба Генерального штаба. Оперативная служба» (1912), «Сборник статей и лекций» (1913).

В эмиграции были опубликованы несколько работ по истории Первой мировой войны, главной из которых являются «Военные усилия России в Мировой войне». «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», в которых он обосновывает положение о прямой зависимости «боевого духа войск» от причин социально-политического характера, стали базовым учебником для слушателей парижских и белградских курсов. Ему принадлежат работы по геополитике, истории военного искусства, исследования применения отдельных родов войск. Работы по авиации, написанные в соавторстве с сыном «Air Strategy» (1936) и «Views on Air Defense» (1938), получили очень высокую оценку в немецких военных кругах. В «Науке о войне. О социологическом изучении войны» (1938), работа над которой продолжалась почти 10 лет, Н.Н. Головин постарался подвести некоторые итоги своей работы и дать установку на будущее своим последователям.

Работа Н.Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» посвящена непросто-му и противоречивому периоду из истории нашей страны – событиям, которые имели место в 1917–1918 гг. По мнению Н.Н. Головина, этот период следует называть контрреволюцией. Ее началом была Февральская революция, а закончилась она в конце 1918 г., когда Германия вынуждена была смириться со своим поражением в Первой мировой войне. Лишь после этих событий, как считает генерал Головин, правомерно говорить о начале Гражданской войны в России.

Еще не написано, пожалуй, ни одной работы, посвященной данному периоду в истории нашей страны, которая получила бы однозначные отзывы. Н.Н. Головин взял на себя непростую задачу, попытавшись, насколько это возможно, объективно изложить события, которые существенно изменили его жизнь, роковым образом повлияли на судьбу его близких и друзей. Его работа была по-разному оценена современниками. Некоторые из них полагали, что его книга должна быть обязательной для прочтения для всех русских людей¹⁰, другие же считали, что ав-

тор изложил лишь свое видение событий, которое далеко от истины¹¹. В любом случае, мы не можем отрицать, что Н.Н. Головиным была проделана огромная работа, материалы для книги собирались в течение многих лет. «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» была написана по заказу Института по исследованию русской революции при Гуверовской военной библиотеке Стэнфордского университета, полученного в 1931 г. Через шесть лет, в 1937 г., пятитомная работа вышла на русском языке в виде 12 брошюр в качестве приложения к журналу «Иллюстрированная Россия».

Благодаря Н.Н. Головину у нас есть еще одна работа, из которой мы можем почерпнуть информацию о времени, теперь уже далеко от нас. Ее ценность велика тем, что он был непосредственным участником некоторых из описываемых событий и был лично знаком со многими людьми, руками которых создавалась история. Особый интерес представляет анализ процессов, происходивших среди казачества. Может показаться, что Н.Н. Головин уделяет им слишком много внимания, но этот факт объясняется его дружбой с казачьим атаманом П.Н. Красновым, который предоставил ему разнообразные материалы.

Два генерала царской армии, оказавшиеся на чужбине, оказались близки по духу. Они оба категорически не принимали большевиков, считая их главными врагами России. Сходство их взглядов по многим позициям создало благоприятную почву для научного сотрудничества и взаимопомощи. П.Н. Красновым были написаны несколько рецензий на произведения Н.Н. Головина, в частности, на «Российскую контрреволюцию в 1917–1918 гг.» и «Науку о войне. О социологическом изучении войны», которую можно назвать венцом его творчества. Н.Н. Головиным, в свою очередь, было написано предисловие к книге казачьего атамана «Душа армии», вышедшей в 1927 г. в Берлине.

Еще одна из рецензий к «Российской контрреволюции в 1917–1918 гг.» была написана Арсением Александровичем Зайцовым, который был помощником генерала Н.Н. Головина на созданных им Зарубежных Высших военно-научных курсах. После смерти Н.Н. Головина в 1944 г. он собрал часть преподавателей и слушателей курсов и руководил ими до конца жизни. А.А. Зайцов, как и Н.Н. Головин, принимал непосредственное

участие в Гражданской войне, в 1934 г. была издана его работа «1918 год. Очерки по истории Гражданской войны», на которую Н.Н. Головин неоднократно ссылается. А.А. Зайцов так же, как и П.Н. Краснов, дал высокую оценку произведению, написанному его коллегой.

Историком же С.П. Мельгуновым «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» была воспринята прохладно. Он обвиняет Н.Н. Головина в небрежном цитировании источников, считая, что данное обстоятельство ставит под вопрос научную ценность работы. Но не стоит забывать о том, в каких нелегких условиях проживало большинство представителей русского зарубежья. За сотрудничество со многими изданиями авторы не получали гонорара, как, например, в «Военном сборнике», где часто печатался Н.Н. Головин. Он не скрывал тот факт, что не мог получить многие книги, из тех, на которые можно найти ссылки в его работах¹². Ряд библиографических данных ему приходилось уточнять через своего друга В.В. Чернавина, который имел возможность доступа к документам, хранящимся в Пражском архиве.

Н.Н. Головин старался в первую очередь сделать социологический анализ событий, имевших место в России в 1917–1918 гг., а не просто констатировать исторические факты. Естественно, что его видение событий было субъективным, он принимал их слишком близко к сердцу. Ему было очень сложно описать их с позиции стороннего наблюдателя. Но социология – это наука не всегда точная; ученый не может полностью абстрагироваться от тех событий, которые его непосредственно затрагивают. Если согласиться с тезисом, что одной из функций социологии является мировоззренческая, которая заключается в выражении интересов определенных социальных групп, то Н.Н. Головин справился со своей задачей. Он предоставил нам возможность посмотреть на непростое для страны время глазами офицера царской армии, боровшегося против большевизма. Как говорит сам Н.Н. Головин, «русское офицерство военного времени, не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки»¹³. Из его книги мы можем понять, почему они не приняли революцию и сражались против ее организаторов и идейных вдохновителей.

Хотя сказать, что Н.Н. Головин идеализирует

Белое движение, тоже нельзя. Он видел многие его недостатки. И главный из них, по его мнению, состоял в том, что Белое движение не смогло объединить для вооруженной борьбы с большевиками все противобольшевистски настроенные элементы русской интеллигенции. К сожалению, как полагает Н.Н. Головин, это типичное для России явление: «Основной Русской особенностью, проходящей через все стороны ее исторического процесса – политическую, социальную, интеллектуальную и национальную, – всегда была слабость сцепления и цементированности частей, составляющих социальный агрегат. Эта мысль объясняет отсутствие солидарности во многих событиях русской патриотической жизни, когда, казалось бы, обе разошедшиеся стороны были заинтересованы в этой солидарности»¹⁴. Силы, входящие в состав контрреволюционного движения, были чрезвычайно многообразны: одни лелеяли реставрационные вождедения, другие хотели вернуть завоевания Февральской революции, третьи – просто прекратить дальнейшие разрушения, вносимые революцией. Отсутствие единства в их интересах и требованиях часто заставляло их воевать между собой, ослабляя контрреволюционный лагерь. Борьба одновременно на несколько фронтов требует огромных материальных и моральных затрат. Демонстрируя сложность той ситуации, в которой оказались многие лидеры контрреволюции, Н.Н. Головин приводит воспоминания П.Н. Краснова: «У меня четыре врага: наша Донская и Русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы – немцы или союзники и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»¹⁵. Люди, преследующие близкие цели, часто оказывались по разные стороны баррикад из-за своей политической слабости, неспособности договориться и нежелания идти на компромиссы.

Белое офицерство, при всем опыте ведения боевых действий, проиграло, потому что на идеологическом фронте его представители потерпели сокрушительное поражение от красных. Н.Н. Головин неоднократно подчеркивает, что в политическом и социальном плане программа белых носила печать полного «непредрешенства», важнейшие политические решения откла-

дывались на неопределенное время, в то время, как большевики, придя к власти, сразу же заявили о своей позиции в самых наболевших вопросах – о мире и о земле. «С точки зрения этого «непредрешенства» наименование контрреволюционного течения ... «Белым движением» совершенно правильно. Подобно белому цветку, представляющему собой синтез всех цветов спектра, Белое движение ожидало, что победа над врагом Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок»¹⁶. Эта мечта оказалась одной из главных их слабостей.

Вождями контрреволюции стали генералы, уже прославившиеся на полях сражений, умеющие побеждать врагов, но врагов внешних. У войны же гражданской есть свои особенности: «Политическое руководство гражданской войной должно находиться в руках людей, столь же хорошо знающих поля социальной борьбы, как военные знают условия войны на военном фронте. Совмещение этих знаний в одних и тех же лицах редко бывает осуществлено»¹⁷. Доблестное русское офицерство оказалось не готово воевать в условиях междоусобицы. Они не смогли вовремя понять, что основная борьба разворачивается не на военных фронтах, а на политических, что борьба идет за принципы, «а принципы, за которые борется противник, могут быть уничтожены в своем значении только противопоставлением им других принципов, более притягательных, понятных или более возбуждающих»¹⁸. Отсутствие четкой политической программы помешало им привлечь на свою сторону широкие народные массы: «Добровольческая армия с самого начала приобрела характер «офицерской» части, то есть явилась ополчением «патриотически настроенной интеллигентной молодежи», морально оторванным от народных масс»¹⁹.

За это непонимание народных нужд Н.Н. Головин корит многих лидеров контрреволюции, видя в этом одну из причин поражения: «Генерал Деникин не мог найти нужных ему людей; но происходило это не потому что людей не было, а потому, что Белое Движение оказалось оторванным от народных масс и изолированным в недрах самой интеллигенции»²⁰. Неспособность сформулировать цели борьбы и непринятие важнейших политических решений было вызва-

но, по мнению Н.Н. Головина, тем, что в процессе кристаллизации Белого движения выдвигались вожди с упрощенным стратегическим мировоззрением. Причем это был закономерный результат, так как именно такие люди были наиболее популярны в среде русского офицерства, игравшего решающую роль в этом движении²¹. Офицерство привыкло получать скорейшие результаты, они, как и их лидеры, были не готовы к сложной политической игре. Боясь принимать самостоятельные политические решения, они оторвались от реальности, превратились в идеалистов, или выражаясь словами Н.Н. Головина, «максималистов»: «Лица, призванные руководить другими людьми, будь то промышленники, государственные деятели или полководцы, не должны вести их к недостижимым целям. Личная незаинтересованность героя увеличивает красоту его подвига. Однако, стратегия «погони за синей птицей» – плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»²².

Генерал Головин в августе 1919 г. прибывает в Омск и успешно руководит обороной города. Однако в октябре, Н.Н. Головин неожиданно покидает ставку А.В. Колчака. Уже к концу 1919 г. Н.Н. Головин понял бессмысленность продолжения Гражданской войны:

«...В настоящее время мне все кажется в полном хаосе... в хаосе все, что я видел в последние 12 месяцев... Организация меняется каждый день полностью, и никто не знает, в каком положении он находится...

...В прошлом году вы испробовали в Сибири больше систем, чем Германская империя испробовала в сто лет...

...Степанов²³ полагал, что ему нужно 10 лет, чтобы разбить большевиков; Лебедев²⁴ хотел сделать это в десять минут. Оба были прекрасными людьми в своем роде, и я думаю, оба были патриоты, но вместе их было довольно, чтобы разрушить любое государство...

Мое желание помочь Вам, говоря откровенно, в настоящее время Вы делаете помощь Вам невозможной»²⁵.

По мнению Н.Н. Головина, к концу 1919 г. решающие сражения уже были проиграны:

«Ознакомившись с положением фронта в штабе и объехав многие позиции, он [Головин] сказал Адмиралу: «К величайшему сожалению

мой приезд в Сибирь к Вам, Александр Васильевич, подобен вызову врача к больному, у которого остановился пульс». Генерал Головин в глубокой печали распрощался с адмиралом и уехал во Францию. На меня его отъезд произвел впечатление отъезда с похорон»²⁶.

Н.Н. Головин считал, что победа над большевиками не могла быть одержана исключительно силами белых армий. Он возлагал большие надежды на иностранную интервенцию, считая, что вторжение внешних врагов может вдохновить русский народ и на борьбу с врагами внутренними. Изначально его взоры были устремлены на Дальний Восток в ожидании противоборства с Японией, но уже в 1933 г. он увидел войну, грядущую с запада, из Германии. Н.Н. Головин хотел сделать во время Второй мировой войны то же, что большевики сделали во время Первой: воспользоваться нестабильной внешнеполитической ситуации, чтобы расшатать внутреннюю, и свергнуть власть Советов.

Возможность союза с немцами была одним из спорных вопросов, который разделил воюющие с большевиками силы на два лагеря еще во время Гражданской войны. Н.Н. Головин, как и П.Н. Краснов, считая главным врагом большевиков, полагал разумным привлечение для борьбы с ними всех возможных сил, в том числе и немецкой армии. Однако данная точка зрения противоречила убеждениям значительной части Добровольческой армии. Белое движение родилось в условиях тяжелой внешней войны, борьба с большевиками во многом рассматривалась как ее продолжение. А следовательно, для многих, в частности, для А.И. Деникина, главным врагом были не большевики, а немцы, возможность союза с ними категорически отрицалась. Прошло двадцать лет, началась вторая большая война, но старые вопросы опять возникли, теперь уже вдали от родины.

Н.Н. Головин видел в фашизме силу, способную бросить вызов коммунизму. В соглашение между Германией и Советским Союзом он никогда не верил, считая, что между ними неизбежно произойдет военное столкновение. Взгляды генерала Н.Н. Головина разделяла значительная часть русской эмиграции, многие связывали с Германией надежды на уничтожение власти Советов.

Эмиграция не могла не видеть тех лозунгов, с которыми шла воевать Германия, объявившая славянскую расу неполноценной. Ее представители не были слепы, но считали эту войну тем толчком, который помог бы вызвать внутри страны необратимые перемены, возродить силы русского народа и поднять его на борьбу не только с внешним врагом, но и внутренним. Представители эмиграции по-разному смотрели на свою роль в этом процессе. Одни старались помочь Германии, чтобы ускорить свержение власти большевиков, другие считали, что активность белой эмиграции не может быть направлена в пользу внешних захватчиков. А.И. Деникин остался верен своим убеждениям, хотел принять участие в спасении России от немцев, просил И.В. Сталина зачислить его в армию рядовым. Н.Н. Головин и П.Н. Краснов предлагали посильную помощь немцам в войне против Советского Союза. Но хотели все русские офицеры одного – спасения России, своей Родины. Спасение это они видели по-разному, по-разному ему содействовали. Но всех их объединяла надежда увидеть свою страну сильной и процветающей, занявшей достойное место среди мировых держав: «Ведь мы верим в могучие силы русского народа и знаем, что Россия создана не случайным капризом кого-то или чего-то, но непреложной совокупностью этнических, экономических, географических и духовных условий нашей тысячелетней истории»²⁷.

¹ См.: Пятницкий Н. Профессор генерал Н.Н. Головин. Некролог // Парижский вестник. 1944. № 82. С. 3.

² Головин Н.Н. Письмо в Русский заграничный исторический архив в Праге от 14 апреля 1934 г. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) Р-5881. Оп. 1. Д. 17.

³ Врангель П.Н. Записки / Белое дело. Летопись белой борьбы. Книга 5. Берлин. 1928. С. 46.

⁴ Флуг В. Профессор генерал Головин в Белграде // Русский голос. Белград. № 134 от 29.10.1933.

⁵ Шуберский Александр Николаевич (1875-1955), русский генерал, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

- ⁶ Месснер Е.Э. Советская и зарубежная военная мысль // Знамя России. Прага. 1936. № 6 (82). С. 11-12.
- ⁷ Месснер Е.Э. Два лагеря // Вестник военных знаний. Белград. 1930. № 5. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 18.
- ⁹ См.: Поляков В.Н. Памяти профессора ген. Н.Н. Головина // Возрождение. Париж. 1957. № 68. С. 128.
- ¹⁰ Краснов П.Н. Российской контрреволюции в 1917-1918 гг. Исторический труд профессора, генерала Н.Н. Головина // Часовой. Март 1938. № 209. С. 26.
- ¹¹ Мельгунов С.П. Российская контрреволюция (Методы и выводы ген. Головина). Доклад в Академическом союзе. Париж, 1938.
- ¹² См.: Головин Н.Н. Письмо к Чернавину В.В. от 04.06.1929. ГАРФ. Р-5956. Оп. 1. Д. 137. Л. 80.
- ¹³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. в 2-х томах. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т 1. С. 244.
- ¹⁴ Там же, т. 1, с. 207.
- ¹⁵ Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. в 2-х томах. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т 2. С. 427.
- ¹⁶ Там же, т. 1. С. 246.
- ¹⁷ Месснер Е.Э. Уроки гражданской войны // Знамя России. Прага. 1936. № 10 (86). С. 10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. в 2-х томах. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т 1. С. 438.
- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 629.
- ²¹ См.: там же. Т. 2. С. 467.
- ²² Там же. Т. 1. С. 480.
- ²³ Степанов Николай Александрович (1869-1949), военный министр Правительства Колчака (декабрь 1918 – май 1919 г); постоянно конфликтовал с Д.А. Лебедевым, а также с другими членами Правительства и, в конце концов, был смещен вследствие интриг последнего; несмотря на это, пользовался, как и сам Лебедев, большим доверием Колчака.
- ²⁴ Лебедев Дмитрий Антонович (1883-1921 или 1928), начальник штаба Колчака (21.12.1918-09.08.1919), один из главных виновников поражения армии Колчака.
- ²⁵ Головин Н.Н. Письмо к Начальнику штаба А.В. Колчака от 27.09.1919. ГАРФ Р-5881. Оп. 1, Д. 281.
- ²⁶ Князев В.В. Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного Правителя, адмирала А.В. Колчака / Окрест Колчака: документы и материалы, сост. А.В. Квакин. М., 2007. С. 132.
- ²⁷ Пятницкий Н.В. Создающаяся в Европе стратегическая обстановка. Лекция проф. генерала Н.Н. Головина // Сигнал. Париж. № 44 от 01.12.1938. С. 3.

Освещение темы «Гражданская война в России» в экспозиции Музея-заповедника «Горки Ленинские» и новые формы работы

Музей-заповедник «Горки Ленинские», расположенный в 15 километрах к югу от Москвы, является уникальным местом, где на территории в 230 гектар расположены памятники 15 веков истории, начиная от захоронений древних вятичей и заканчивая комплексом поздней советской эпохи. Наибольшую известность заповедник получил благодаря усадьбе Зинаиды Морозовой, построенной архитектором Федором Шехтелем. В этой усадьбе в сентябре 1918 г. восстанавливался после покушения Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин и здесь же он скончался 25 января 1924 г.

В своём выступлении я хочу кратко охарактеризовать музейные объекты и предметы, имеющие отношение к теме Гражданской войны, затем осветить связанные с ними музейные программы и рассказать о проводимых мероприятиях.

Из четырех музейных объектов, находящихся на территории Музея-заповедника, тема Гражданской войны представлена в двух: Научно-

культурном центре «Музей В.И. Ленина» и Музее «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле».

Научно-культурный центр «Музей В.И. Ленина» был открыт в 1987 г. Строился он к 70-летию Советской власти и по замыслу создателей должен был стать вершиной советской пропаганды. Здание центра было построено архитектором Леонидом Павловым, к числу творений которого также относится станция метро Добрынинская. Внутренняя экспозиция создавалась сотрудниками Института марксизма-ленинизма при кураторстве Московского горкома партии. Экспозиция охватывает период с Октябрьского переворота 25 октября 1917 г. по 1924 г., год смерти В.И. Ленина, и разделена на 6 залов. Помимо вводного зала, это 5 залов, в центре каждого из которых расположен куб из темного стекла от пола до потолка. Внутри куба происходит определенное аудиовизуальное представление продолжительностью от 6 до 8 минут и связанное с деятельностью В.И. Ленина. Залы посвящены следующим темам: «Первые шаги Советской

власти», «Социалистическое Отечество в огне фронтов», «Коминтерн», «НЭП и план ГОЭЛРО», «Образование СССР и смерть В.И. Ленина». Основу экспозиции составляют копии документов.

Тема Гражданской войны поднимается в первом зале в связи с восстанием Чехословацкого корпуса 17 мая 1918 г. По мнению советских исследователей, это событие являлось началом полномасштабной Гражданской войны. В экспозиции представлены донесения наркома по военным делам Н.И. Подвойского о выступлении чехов против советской власти. Далее следуют документы, посвященные покушению на В.И. Ленина на заводе Михельсона 30-го августа 1918 г. В качестве последствий покушения приводится текст воззвания о том, что «рабочий класс ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции» за подписью Я.М. Свердлова, и документы, посвященные первому приезду Ленина в Горки.

Экспозиция второго зала, посвященная Гражданской войне в России, разделена на несколько смысловых блоков. В стенде представлены документы о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, порядке замещения должностей и обеспечении бойцов. Уже в начале 2000-х гг. научными сотрудниками музея были добавлены документы по истории Белого движения, в частности, запись речи генерала А.И. Деникина о создании Добровольческой армии. В отдельной витрине приведены тексты постановлений ВЦИК «Советская республика – военный лагерь» (создававший Реввоенсовет) и о создании Совета рабочей и крестьянской обороны. Состав Совета рабочей и крестьянской обороны представлен фотографиями. Уже после 1991 г. там появилось фото Л.Д. Троцкого.

Со школы мы все помним, что победу большевикам обеспечила более продуманная экономическая политика – политика военного коммунизма. Основные декреты, связанные с этой политикой, представлены в раздвижных стендах. Из предметов в экспозиции 2-го зала представлены: макет головного убора бойца РККА, получившего прозвище «буденовка» в честь командующего 1-й конной армией, муляж знамени 212-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии. Отдельными смысловыми блоками так же представлены работы В.И. Ленина по созданию трудовой армии,

фотографии интернационалистов – участников Гражданской войны со стороны Красной Армии и стенд с документами Белого движения, которые, как было указано выше, добавлялись позднее. К числу документов относится «Наказ особому совещанию» генерала А.И. Деникина и воззвание «За что мы боремся», выпущенное администрацией адмирала А.В. Колчака.

Завершается экспозиция Гражданской войны стендом с фотографиями Красных командиров. Создатели выбрали 30 человек, самых известных и популярных. Среди них половина погибла на фронтах Гражданской войны, например В.И. Чапаев и Н.А. Щорс. Из оставшихся в живых дожить и пережить «Большой террор» 1937–1938 гг. смогли трое: С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и И.Р. Апанасенко.

В центре зала, как уже было сказано, стоит куб из темного стекла, в котором происходит аудиовизуальное представление. Путем смены освещения и системы зеркал, на одну из сторон куба проецируются последовательно три диорамы. Предваряет это показ слайдов с фотографиями иностранных интервентов: немцев в Киеве, японцев во Владивостоке и французов в Одессе. Затем появляется снимок известного плаката художника Д. Моора «А ты записался добровольцем?» Всё это сопровождается воспроизведением записи речи В.И. Ленина. В первой диораме группа мужчин сидит за столом в комнате, в окне которой видно вечерний город с полыхающими домами. Вторая диорама показывает нам митинг солдат на перроне железнодорожной станции. Первые две диорамы находятся на уровне потолка друг напротив друга. Третья – непосредственно на уровне зрителей под наклонным зеркальным стеклом. На ней мы видим группу солдат в окопе, под вспышки взрывов составляющих письмо. В качестве звукового сопровождения выступает последовательное воспроизведение диктором писем Владимиру Ильичу от пермских политработников, моряков крейсера «Ильич» и революционного моряка Хабибуллина. Завершается ролик показом слайдов с фотографиями отрядов красноармейцев.

Как Вы могли заметить из описания, экспозиция не дает целостной картины о событиях Гражданской войны и отражает в основном законодательную деятельность большевиков. Попытки добавить документы Белого движения,

предпринятые в недавнее время, привели к тому, что они ещё более выделяют односторонность изложения и сами документы выглядят инородными телами. Таким образом, экспозиция носит скорее идеологический характер и призвана создать представление о деятельности В.И. Ленина в период Гражданской войны.

Основной формой работы на экспозиции являются экскурсии по вводному и первым двум залам, заканчивающиеся как раз залом Гражданской войны. Основной упор в экскурсии делается на освещении уникальности экспозиции и кубов. Осенью прошлого года научными сотрудниками музея на базе экспозиции второго зала было подготовлено интерактивное занятие для учащихся 9–11 классов общеобразовательных школ по теме «Красные и Белые: кто прав, кто виноват?». В ходе занятия учащиеся по жребию разбиваются на 2 группы: Красных и Белых. В течение 15 минут им нужно проработать документы по созданию Красной и Добровольческой армий, политике Военного коммунизма и аграрной политике правительства Деникина. После этого следует совместное обсуждение итогов работы и интерактивная часть, где от каждой группы выбирается по агитатору, задача которого привлечь на свою сторону как можно больше сторонников из числа учащихся. В феврале нынешнего года проводилось пробное занятие с учащимися 9-го класса школы Совхоза им. Ленина и с апреля данный урок включен в список предлагаемых музеем программ.

Тема Гражданской войны затрагивается и в музее «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле». Этот музей, как видно из названия, до 1994 г. находился в здании Сената, затем был перенесен в Горки. Экспозиция музея носит мемориальный характер и соответствует трем эпохам: 1924 г., когда умер Ленин, 1939 г. – году смерти Н.К. Крупской и 1956 г., когда советское правительство перестало использовать зал заседаний. Среди помещений нас интересует, прежде всего, как раз зал заседаний СНК, который использовался с марта 1918 г., когда советское правительство переехало из Петрограда в Москву. В кабинете В.И. Ленина по соседству представлены оригинальные карты расположения частей и боевых действий. Так же среди книжных полок имеется отдельный стеллаж с белогвардейской литературой, издававшейся в эмиграции. Известно,

что Владимир Ильич просил покупать её, чтобы знать, о чем пишут идеологические противники. В целом из-за мемориального характера экспозиции выделить отдельный комплекс по Гражданской войне не представляется возможным. Да и необходимости в этом в данный момент нет.

В феврале текущего года было положено начало сотрудничества музея с Объединением Военно-исторических клубов «Московская сводно-добровольческая бригада». Объединение более 10 лет занимается реконструкцией событий на юге России в 1918–1920 гг. и включает в себя более 50 постоянных участников. Первым шагом в сотрудничестве стало проведение 21 февраля в Научно-культурном центре образовательного мероприятия «Урок живой истории». Мероприятие было рассчитано на учащихся 9–11 классов и более взрослых посетителей. В мероприятии приняли участие 23 реконструктора, представлявшие части Красной Армии с момента их создания и на момент окончания Гражданской войны, революционные матросы и анархисты, австрийские горные егеря и представители четырех основных цветных полков Добровольческой армии (Марковцы, Корниловцы, Дроздовцы и Алексеевцы). Проводил занятие кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории МГИМО Н.А. Копылов. После окончания занятия зрители смогли пообщаться и сфотографироваться с реконструкторами, а так же пощупать в руках образцы их стрелкового оружия.

Логическим продолжением данного мероприятия и развитием сотрудничества стало проведение 14–15 мая в Музее-заповеднике Военно-исторического фестиваля «Май 1919: противостояние». Фестиваль проводился при поддержке Российского Военно-исторического общества и в нем приняли участие более 250 реконструкторов. В первый день работы фестиваля в ландшафтной зоне Музее-заповедника были развернуты 6 интерактивных площадок для посетителей. На них можно было пострелять холостыми патронами из винтовок и пулеметов, принять участие в строевых занятиях, узнать о состоянии полевой медицины во время Гражданской войны, познакомиться с образцами боевой техники того периода. Главным событием фестиваля стало проведение реконструкции боя 15-го мая. Согласно легенде фестиваля, данный бой происходил в период наступления войск

Вооруженных сил Юга России на Москву летом 1919 г. По сценарию, отряд Красной Армии предпринял атаку артиллерийской батареи Белых и полевого госпиталя, однако был замечен и встречен офицерской ротой Марковского полка. Марковцы сдерживали противника до подхода основных сил Белых, а затем отошли отбивать захваченный анархистами госпиталь. Бой должен был закончиться ничьей по причине истощения сил обеими сторонами, однако в ходе боя азарт взял верх, и Белые обратили противника в бегство. В реконструкции были задействованы 3 орудия, порядка 15 лошадей и пиротехника. Происходившее сражение на поле вызвало восторженные эмоции у зрителей.

В целом, проведение данного фестиваля следует оценивать с позитивной стороны как знакомство в развлекательной форме с событиями, бытом и участниками Гражданской войны. Если учесть, что в Москве и Подмосковье нет ежегодного Военно-исторического фестиваля по событиям Гражданской войны, проведение такого фестиваля в Горках Ленинских позволяет занять пустующую нишу и в дальнейшем встать с одним рядом с подобными фестивалями по Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне. В связи же с грядущим столетним юбилеем событий 1917 г., музейные программы и культурно-массовые мероприятия будут важным шагом для осмысления тех трагических событий.

Врагу не сдастся наш Вещий Олег: факторы успеха песен на Гражданской войне

В этой статье мы не будем затрагивать вопрос, почему на русской войне XX в. нельзя было обойтись без песен. Так или иначе, песни были включены в армейские практики, и поэтому мы можем говорить о песенных традициях и песенном репертуара армейских сообществ.

Традиция предполагает набор правил, которые интуитивно ощущаются носителями, позволяют им идентифицировать произведение именно как песню, уместную или не уместную в той или иной ситуации. В заголовке этой статьи помещен каламбур из текстов двух песен, и каждый, кто знает хотя бы одну из них, ассоциирует этот каламбур с песней и не затруднится с выбором для нее напева, тем более что у исходных песен он общий.

«Ой мороз, мороз» и «Как молоды мы были» могут оказаться уместными на дружеском застолье носителей русского языка, родившихся в СССР в брежневскую эпоху – и не только потому, что обе получили известность в 1960-70-е гг. и отсылают к общему песенному опыту. В них можно найти и схожие формальные черты: протяжная манера исполнения и ностальгия по идеализированному прошлому.

Тема и форма песен коррелируют с ситуацией, с кругом вовлеченных в нее лиц, т. е. с функциональным назначением песен. Песни определенной формы и темы для конкретной ситуации более типичны.

Мы, преимущественно на русскоязычном материале, попытаемся выявить черты песен, наиболее типичных для Гражданской войны.

Большинство ее участников были уроженцами Российской империи, носителями песенных традиций и репертуара ее социальных групп и институтов; на основе этих традиций и репертуара и формировался песенный репертуар войны.

Мы рассмотрим наиболее важные для Гражданской войны песенные традиции: массовую песню начала XX в., армейские и казачьи песни, песни революционные, церковные, песни учащейся молодежи, а также официальные имперские гимны.

Массовая культура

К началу Гражданской войны на территории империи действовала отлаженная система производства и распространения новых песен,

включавшая эстраду, дешевые песенники, нотные издания и пластинки. Стандартный путь песни на вершину популярности: эстрада и пластинка, нотное издание и, наконец, песенник.

Главными поставщиками новых песен были крупные города, особенно обе столицы. Деревня обновляла свой репертуар прежде всего за счет идущих из города песен, при этом песни, которые были ей непонятны, отсеивались¹.

Наиболее продуктивная форма русской бытовой песни начала XX в. – классический стихотворный размер, куплеты из четырех строк перекрестной рифмовки.

В плане содержания особенно любимы были песни, герои которых, а вслед за ними и слушатели, испытывают преувеличенно сильные эмоции: страсть, ревность, безысходное горе; сюжет развивается стремительно и, как правило, заканчивается трагически². Больше всего таких песен было о любви, но на Гражданскую войну шагнула в первую очередь численно небольшая группа песен о волевых личностях-мужчинах, нарушающих общепринятые нормы: разбойниках, арестантах, пьяных гуляках; песни о них и в мирное время пользовались особым успехом в мужском репертуаре³. На волне празднования столетия войны 1812 г. в компанию к разбойникам попал Наполеон с песнями «Шумел, горел пожар московский» и «Воздушный корабль».

Ушли на Гражданскую войну и массовые песни военной тематики: «Трансвааль», «Плещут холодные волны», «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все по местам»), «Умер бедняга», «Гусары-усачи» и «Прапорщик юный». Все они, кроме «Гусаров-усачей», тоже трагичны.

В итоге на Гражданской широко использовались (многократно зафиксированы) несколько десятков общеизвестных бытовых песен. Если сопоставить это количество с общим содержанием дешевых песенников 1910-х гг., то в лучшем случае каждая десятая песня из песенников ушла на фронт и бытовала на нем в той или иной форме, в прежнем виде или переработках. Песни балладного типа, с явно выраженным внешним сюжетом, в целом оказались более востребованы, чем песни романсного типа, в которых лирическое начало доминирует над повествовательным.

Ниже даны около трех десятков песен, популярных и накануне Гражданской войны, и в ее

ходе; все они взяты из двух произвольных песенников 1910-х гг.: «600 песен» киевского издателя И.Т. Губанова⁴ и «1000 песен» московского издателя А.Д. Сазонова⁵ (сборники включали, несмотря на заглавие, 159 и 195 песен соответственно).

«Ах, зачем эта ночь!», «Бывали дни веселые», «Воздушный корабль», «Гусары-усачи», «Доля бедняка», «Ермак», «За Уралом, за рекой», «Ланцов», «Маруся отравилась», «Мы живем среди полей», «На сопках Манчжурии», «Наша жизнь коротка», «Ой, полна, полна коробушка», «Отворите окно», «Пишет, пишет царь германский», «Плещут холодные волны», «По диким степям Забайкалья», «Помню, я еще молодухой была», «Чуркин», «Славное море, священный Байкал», «Стенька Разин», «Трансвааль», «Уродилась я», «Ухарь-купец», «Чайка», «Шумел, горел пожар Московский».

Большинство текстов этой случайной выборки из 26 песен написаны профессиональными поэтами. В них нет сложной лексики. Поэтические размеры разнообразны. «Уродилась я» – стилизация под народный дольник, семь песен сложены ямбом, семь – хореем, 11 – трехсложными размерами (это неестественно высокая доля трехсложников для русской поэзии XIX–XX вв.), причем пять случаев пришлось на амфибрахий, главный размер баллады русского романтизма⁶: и сама романтическая баллада первой половины XIX в., и ее размер ушли на фронт Гражданской войны.

Уже на этой подборке можно увидеть примеры связи формы, темы и ситуации: баллада «Стенька Разин» стала одной из самых ходовых моделей для песен-хроник, а, скажем, «Отворите окно», для этой цели не выбирали. Моделью для похоронного марша и вообще песни на гибель героев стали трехсложные песни с темой смерти – из выше приведенных это «Плещут холодные волны» и «Чайка»; кстати, популярные на Гражданской войне похоронные марши революционной и армейской традиций тоже трехдольны: «Спите орлы боевые», «Вы жертвою пали» и «Замучен тяжелой неволей». Павший герой – это романтический герой, и он должен быть увековечен в амфибрахии или дактиле, а лучше сразу в обоих размерах, как дроздовский полковник Жебрак⁷.

Перечисленные песни бытовали в формировании разного социального состава. Генерал

Добровольческой армии Марков любил петь «Мы живем среди полей» (в оригинале – «среди лесов») с первой ротой своего офицерского полка⁸, «Плещут холодные волны» была одной из любимых песен и полуграмотных сибирских красных партизан-крестьян (судя по количеству ее переработок ими), и в целом белого движения на Юге России, социально крайне пестрого⁹.

Репертуар профессиональных и артистов и музыкально образованных любителей, которые выступали перед участниками войны, был шире этого круга песен, как и ассортимент пластинок. На войне слышали и оперные арии, и салонные романсы, и песенки кабаре, но эти песни в свой репертуар включали подразделения скорее городские, из более состоятельных и образованных слоев: молодые офицеры, студенты, юнкера, гимназисты – пока социальный состав части не размывался. В булгаковских «Днях Турбиных» киевские юнкера в декабре 1918 г. поют Вертинского, ноты которого издавались в Киеве, и сам он гастролировал там в годы Гражданской войны¹⁰ (юнкера эти разбежались до первого боя), а армия самарского Комуча в качестве неофициального гимна распевала «Шарабан», который не успел выйти на пластинках и попасть в песенники. Он написан в ритме шансонетки, а содержание балансирует на грани шансонетки и цыганского романса – т. е. на грани песни о любви продажной и чистой; на войне он эволюционировал в первую сторону: «*А кушать хоца, / А денег нету. / Со мной гуляют / Одни кадеты*». Но далеко не все городские жители, которые примкнули к белому движению на Востоке России позже и зачастую принудительно, хорошо приняли «Шарабан».

В ходе Гражданской войны исчезло единое коммуникационное пространство и прежняя система производства новых массовых песен рухнула. С 1918 г. почти не выходили ноты, пластинки и коммерческие песенники. Эстрадная жизнь продолжалась, но лишь единицам новых эстрадных песен удалось получить широкую известность в разных воюющих лагерях, как это случилось с песней о поединке красного и белого братьев: «*Во селеньи, в крестьянской избушке / Жили мирно два брата с отцом*». Ее белая версия будто бы уже весной 1918 г. исполнялась в кинематографах Харькова¹¹, а красные в 1930-е гг. были записаны от бывших участников

войны в разных уголках страны, включая Карелию и Забайкалье. Но и эта песня использовала готовую мелодию блатной песни «Ах пойте, вы, клавиши, пойте».

Новых мелодий Гражданская война почти не дала, и в этом ее отличие от Первой и Второй мировых. Использовались старые напевы, которые трансформировались под влиянием локальных традиций и конкретной ситуации (например, сибирские крестьяне пели революционные песни на манер христианских песнопений); более стабильными оставались напевы песен, популярных в старой армии – они уже прошли отбор армейской среды¹².

Армейская и казачья традиции

Русская армия до 1874 г. была замкнутым сословным сообществом; рекрут даже после окончания службы числился в военном сословии, и его потомки обязаны были служить. После Крымской войны срок фактической службы последовательно сокращали с 20 до 7 лет, а в 1874 г. ввели всеобщую шестилетнюю воинскую повинность с сохранением за новобранцем прежнего сословия. Армия стала сообществом временным, а ее песенная традиция более открытой для взаимодействия с другими.

О песнях рекрутской армии мы можем судить по сборнику солдатских песен Альбрехта и Веселя. Составители на основе почти 30-летних наблюдений попытались дать наиболее репрезентативную картину репертуара нижних чинов, исключив «плохие романсы» и «весьма непристойные песни»¹³.

Рекрутская армия использовала два типа песен: собственно песни и припевки. Припевки – плясовые песни преимущественно крестьянского происхождения или в стиле крестьянских, без рифмы или с парной рифмой, сложенные хорем или дольником:

Ой, хмель, мой хмелек, где ты зимовал?

Ой, сын, мой сынок, где ты ночевал?

Припевки сохранились и на Гражданской войне, наиболее известны «Дуня» и «Журавель». «Яблочко» и другие танцевальные частушки – типологически тоже припевки. Собственно, и «Шарабан», куплеты которого импровизировали, подобно куплетам «Дуни» и «Журавля», занял нишу припевки. С припевками связан «неприличный», «похабный» с точки зрения сто-

ронного наблюдателя репертуар армии. Для самой русской армии он был типичен¹⁴, а, скажем, в британской армии Первой мировой войны вообще преобладал¹⁵.

Из специфических тем песен можно выделить, по меньшей мере, песни-хроники с последовательным изложением хода реальных или типизированных боев и военных кампаний: в отличие от баллад, в них нет острых эмоций и не обязателен трагический финал; популярность держится на том, что исполнители и есть герои песни, и написаны песни обычно от первого лица. Песни-хроники Гражданской войны создавались на основе старых армейских либо, как было показано на примере «Стеньки Разина», на основе массовых песен балладного типа.

Из 100 песен, вошедших в сборник Альбрехта и Весселя, 21 написана неклассическими народными размерами (пятисложником и дольником), остальные классическими, причем 43 песни приходится на два конкретных размера: четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских рифм (32 песни: «Было дело под Полтавой», «Не орел под облаками», «Взвейтесь, соколы, орлами», «Ночи темны, тучи грозны» и др.) и четырехстопный ямб с таким же чередованием – этот тот же размер, что и предыдущей, но с наращенным первым безударным слогом (9 песен: «Любезный друг, уведомяю», «О чем задумался служивый» и др.; этим же ямбом сложены «Коль славен наш господь в Сионе», «Интернационал», «Мы кузнецы» и зачин «Евгения Онегина»).

Для того, чтобы спеть все 43 песни, в принципе достаточно знать две мелодии – например, «По долинам и по взгорьям» (или «Стенька Разин») для хорей и «Коногон» (она же «По полю танки грохотали») для ямба. Это сильно облегчало освоение новых песен: для любого нового текста в этом размере у запевалы были готовы мелодии.

К началу Гражданской войны неклассические народные размеры резко сдали позиции (дольше всего они держались у казаков, которые остались военным сословием), но в целом разнообразие размеров выросло.

Из 89 песен и стихов солдатского сборника Симакова 1916 г.¹⁶ – одного из наиболее репрезентативных – всего 4 написаны неклассическими размерами. Доля четырехстопного хорей с

чередованием женских и мужских рифм упала, но он остался лидирующим размером – 19 песен, а доля аналогичного ямба даже выросла – 9 песен.

Мы проанализировали около 1000 фиксаций песен на Гражданской войне (газетных публикаций, фольклорных записей, упоминаний в мемуарах, художественных произведениях участников войны), и оказалось, что число фиксаций песен, сложенных четырехстопным хореем с чередованием женских и мужских рифм, а также аналогичным ямбом, в разы превышает число фиксаций песен, сложенных любым другим размером. Армейская песенная традиция на Гражданской войне оказалась самой продуктивной.

Революционная традиция

Революционная традиция, как и армейская, включала пение на марше. Она же включала пение на похоронах, тогда как в царской армии использовалось религиозное отпевание, а для офицеров – еще и оркестр.

С армейскими песнями революционные сближала военизированная тематика: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки», «В бой роковой мы вступили с врагами», «Это есть наш последний и решительный бой», но сложная лексика и бессюжетность революционных песен: «Интернационала», «Рабочей марсельезы» и «Варшавянки» и других, – замедляли их освоение. Оознавали их многие, но к началу Гражданской войны знали текст прежде всего те, для кого они были символически ценными: бывшие участники рабочего движения, как Иваново-Вознесенские ткачи¹⁷, матросы¹⁸, социалисты, анархисты.

А. Серафимович писал в конце 1918 г. из-под Уфы, что красноармейцы слов революционных песен не знают¹⁹. Армейская газета Дальневосточной республики «Боец и пахарь» летом 1921 г. возмущалась, что армия марширует под переделки песен «Соловей, соловей, пташечка», «Черные гусары» и «Гусары-усачи», а революционные мелодии использует редко²⁰.

«Интернационала» – гимн большевиков, советской России и просоветской Дальневосточной республики, – был безусловно популярен, но лишь среди сторонников советской власти. За «Марсельезой» закрепился ореол универсальной революционной песни, символа освобожде-

ния от ненавистного режима – будь-то царский, красный, белый или иной. Красная Таманская армия в октябре 1918 г. штурмовала Ставрополь под ее музыку²¹, ее пели освобожденные Волжской флотилией пленники ижевских повстанцев²², она звучала на улицах Иркутска в январе 1920 г., как только гарнизон сверг власть Колчака²³, под нее кронштадтские мятежники хоронили павших²⁴, и к ней же апеллируют в своей песне повстанцы Иркутской губернии, уже антибольшевистские, в 1921 г. (сама песня написана на основе «Смело, товарищи, в ногу»):

*Вышли мы все из терпенья,
На сердце лопнул нарыв,
Под марсельезы и пенье
К восстанию явился порыв*²⁵.

Исследователь русской революционной песни М. Друскин не включил «Рабочую марсельезу» в число популярных красноармейских песен Гражданской войны²⁶. Материалы войны это мнение опровергают, однако, действительно, она не входила в число песен, особо продвигаемых политическим руководством Красной армии. В красноармейских песенниках «Рабочая марсельеза» публиковалась после «Коммунистической марсельезы» Д. Бедного и «Пролетарской марсельезы» А. Коца либо игнорировалась. В самый известный и наиболее часто переиздаваемый песенник Красной армии, изданный ВЦИК в Москве в 1918 г., она не вошла²⁷.

На белых территориях «Марсельеза» звучала при встрече представителей союзной Франции (но напев «Рабочей марсельезы» отличается от напева французской), а в колчаковских газетах публиковались агитационные песни на основе «Рабочей марсельезы».

Успешны оказались «Смело, товарищи, в ногу» и «Вы жертвою пали». У них простая строфика – написаны четверостишиями; у обеих есть популярные песни-предшественницы в том же размере и на ту же тему: народовольческий гимн «Смело, друзья! Не теряйте!» и «Не бил барабан перед смутным полком» («Вы жертвою пали» поется на ее напев). «Вы жертвою пали», главный похоронный марш русского революционного движения с 1870-х гг., был и главным похоронным маршем красных.

«Смело, товарищи, в ногу» широко использовали разные стороны. Добровольческая армия уже в первом походе пела «Дружно, корнилов-

цы, в ногу»²⁸, и, как мы уже видели, песню в качестве образца взяли антибольшевистские иркутские повстанцы.

«Интернационал», «Вы жертвою пали», «Рабочая марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу», – четыре наиболее востребованные на Гражданской войне песни революционной традиции. Последние три сложены трехдольными размерами, непривычными для русской рекрутской армии, но все эти размеры к началу XX в. в армии уже прочно использовались (ср. «Вы жертвою пали» с «Песней о вещем Олеге» и «Варягом»; «Смело, товарищи в ногу» с «Плещут холодные волны» и «Спите, орлы боевые»; «Рабочую марсельезу» с «Прощанием славянки» и «Ночь прошла в полевом лазарете»). «Варшавянка», «Мы кузнецы», «Красное знамя» и другие революционные хиты сильно уступают этим четырем по числу упоминаний.

Церковная традиция

Некоторые армии Гражданской войны, в том числе большинство белых, сохранили исполнение утренней и вечерней молитв; в Галлиполи хор Корниловского полка выступал с церковными песнями русских композиторов²⁹. Отпевание павших практиковали и некоторые красные формирования, обычно совмещая с пением «Вы жертвою пали»³⁰.

Однако единственная широкая сфера применения православных песнопений как материала для новых песен Гражданской войны – это их пародирование. Например, чапаевцы любили петь акафист во славу самих себя³¹.

Немногочисленные попытки создать успешную не пародийную песню на основе текстов и мелодий православных песнопений не увенчались успехом. В Забайкалье диакон Никита Алексеев, в числе других сельских священников примкнувший к красным повстанцам, сочинил песню «Стойте за правду, товарищи смело» «на мотив из святого писания», но она не удержалась в устном репертуаре³².

Студенческая, юнкерская, кадетская, школьная традиции

Традиции эти были актуальны прежде всего для формирований из студентов, гимназистов, юнкеров и кадетов – т.е., для первых месяцев Гражданской войны, пока эти формирования со-

храняли однородный состав, а также для белогвардейских военных училищ и красных командных курсов. Но некоторые песни преодолели эти рамки.

На Гражданскую войну ушли две популярные среди городской молодежи патриотические песни времен Первой мировой – «Вспоили вы нас и вскормили» и «Пусть свищут пули, льется кровь». Молодые люди, стремившиеся, но не успевшие попасть на Первую мировую, принесли эти пафосные песни на новую войну. «Вспоили вы нас и вскормили» была гимном ростовского Студенческого батальона, вошедшего в Добровольческую армию³³ – первоначальный его состав погиб в ходе первого же похода; ее же пела наспех сформированная из молодых офицеров, студентов и гимназистов первая батарея армии Комуча³⁴; летом 1919 г. песню пели по пути на фронт выпускники колчаковских иркутских военных училищ³⁵. Версии ее бытовали и у сторонников советской власти: в середине 1920-х гг. пионеры пели одну из них на встрече с бойцами 27-й дивизии³⁶.

«Пусть свищут пули» стала гимном Алексеевского полка Добровольческой армии, при формировании состоявшего в основном из ранее не воевавшей молодежи, а в крымский период Белого движения превратилась в одну из самых любимых его песен³⁷. С этой же песней весной 1919 г. красные курсанты, в их числе Аркадий Гайдар, отправлялись из Москвы в Киев³⁸. Ее популярности не помешал редкий поэтический размер, не типичный ни для песен старой армии, ни для песен Гражданской войны в целом.

Студенческая песня «Наша жизнь коротка» легла в основу «Песни блиновцев» – гимна 5-й Кавалерийской дивизии красных, костяк которой составили донские и заамурские казаки. Она сложена в ходе боев за Крым в 1920 г. и начинается строками о первом командире М.Ф. Блинове:

*Вспомним, брателья, того,
Кто восстанье поднял,
Кто в суровой борьбе
За трудящихся пал.
Верь, товарищ, всегда
В силу наших идей
В новом мире труда
Уж не будет цепей.
На бой! На бой!*

Вперед смелей!

Пусть блиновцев семья

Соберется тесней...³⁹

Казалось бы, странный выбор для казаков, но, во-первых, песня была в начале XX в. общеизвестной. Во-вторых, среди командиров красных казачьих частей было немало недавних студентов: у Бабеля в «Конармии» командиры-буденновцы поют на дружеских пирушках студенческие песни⁴⁰. В-третьих, похожая застольная песня была в царской армии: «*Выпьем первый бокал /За здоровье царя*»⁴¹. Наконец, этот же поэтический размер использован в казачьей песне «*Там, где волны Аракса шумят, /Там посты чинно в ряд /По границе стоят*», которую пели и на Гражданской войне.

Мы видим, что песня, первоначально популярная в ограниченном сообществе, могла расширить границы своей популярности при удачном стечении обстоятельств, например, в силу особой роли представителей этого сообщества в легендарной истории части, или при созвучности этой песни песням других традиций.

Официальные гимны

«Боже, царя храни» в годы Гражданской войны стал символом белых и вообще «старого режима» в глазах красных. Он остался в неофициальном репертуаре монархистов, но как официальный русский гимн использовался лишь на Дону при атамане Краснове, при этом выше по статусу был донской гимн «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон». В мемуарах Краснов объяснил исполнение «Боже, царя храни» тем, что другой официальный русский гимн «Коль славен» ассоциировался с похоронами⁴²: именно он в царской и белых армиях звучал на похоронах офицеров. У Колчака тем не менее «Коль славен» стал гимном, а Добровольческая армия при первой встрече представителей Антанты исполнила в качестве русского гимна «Преображенский марш»⁴³. Как модель для новых песен Гражданской войны старые имперские гимны не получили распространения.

Выводы

1. На Гражданской войне наиболее распространены и универсальны были песни, форма которых типична для русской армии второй п. XIX – начала XX в.: классический поэтический раз-

мер, четверостишия с перекрестной рифмовкой, преимущественно четырехстопные хорей и ямб с чередованием женских и мужских рифм, как в песнях «По долинам и по взгорьям /Шла дивизия вперед» и более поздней «По полю танки грохотали, /Танкисты шли в последний бой».

Более архаичную форму сохранили плясовые песни (чаще всего хорей с парной рифмовкой) и частушки (дольник).

2. Из песен массовой культуры использовались в первую очередь баллады военной или близкой к военной тематике.

3. От романтической баллады и в целом поэзии романтизма русская армия, русское революционное движение, а следом и армии Гражданской войны переняли классические трехдольные размеры, которые в определенных ситуациях лидировали: например, песни на смерть героев на Гражданской войне слагались амфибрахием или дактилем.

4. Лишь несколько революционных песен получили широкое распространение: «Интерна-

ционал», «Вы жертвою пали», «Рабочая марсельеза» и «Смело, товарищи в ногу». Две первые вошли в репертуар преимущественно сторонников советской власти, вторые использовались в разных лагерях.

5. Официальные имперские гимны и церковные песнопения, несмотря на широкую известность, как модель для новых песен распространения не получили, не считая пародийных переделок церковных песнопений.

6. В целом более успешны были песни, форма и тематика которых была привычна сразу для нескольких традиций (и прежде всего, армейской), однако решающую роль могли сыграть другие факторы, в том числе символическая ценность. Судя по тому, что многократные публикации идеологически выверенных песен в песенниках и газетах, а также призывы к их разучиванию не приводили к их популярности, принуждение к освоению той или иной песни не было решающим фактором формирования репертуара Гражданской войны.

¹ Симаков В.И. Народн. песни, их составители и их варианты. М.: Автор, 1929. С. 26-37, 53-54.

² Там же. С. 57-62.

³ Астахова А.М. Новиков Н.В. Рус. традиц. фольклор в годы Вел. Отеч. войны // Рус. фольклор Вел. Отеч. войны / [Отв. ред. В.Е. Гусев]. М.; Л.: Наука, 1964. С. 45.

⁴ 600 песен: Новейш. рус. песенник / Собр. И. Овчинников. Киев: Изд. И.Т. Губанова, 1914.

⁵ 1000 песен: Новейш. полн. рус. песенник. М.: [Изд. А.Д. Сазонова], 1916.

⁶ Гаспаров М.Л. Современ. рус. стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. С. 48-63.

⁷ Аранович А.В., Лобанов В.Б. Неизвестные песни гражд. войны // Марсово поле: Санкт-Петерб. историч. сб. Вып. II. СПб.: Третья Россия, 1997. С. 35.

⁸ Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело: Избр. произв. в 16 кн. Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 191.

⁹ Пронин Д. Записки дроздовца-артиллериста // Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918-1920. Нью-Йорк, 1960. С. 101.

¹⁰ Булгаков М.А. Дни Турбиных // Булгаков М.А. Белая гвардия: Роман, повесть, пьесы / Сост. В.В. Петелин. М.: Современник, 1991. С. 342-343.

¹¹ Тарахно П.Г. Жизнь, отданная цирку. М.: Искусство, 1976. С. 80.

¹² Нестьев И.В. Массовая песня // Очерки совет. муз. творчества. Т. 1. М.; Л.: Музгиз, 1947. С. 238.

¹³ Альбрехт Е.К., Вессель Н.Х. Сб. солд., казац. и матрос. песен. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. С. VIII.

¹⁴ Сурков А. Песенники на середину // Знамя. 1934. №8. С. 224.

¹⁵ Brophy J., Partridge E. (ed.). Songs and Slang of the British Soldier: 1914-1918 / 2nd ed. London: Partridge at the Scholartis Press. 1930. Pp. 7-14.

- ¹⁶ Симаков В.И. Новейш. воен. песенник. Ярославль: Изд. К.Ф. Некрасова, 1916 // Перв. мировая война в устн. и письм. творчестве рус. крестьян: По материалам Пушк. Дома. СПб.: Пушк. Дом, 2014. С. 204-265.
- ¹⁷ Фурманов Д.А. Чапаев // Фурманов Д.А. Соч. в 2-х т. Т. 1. Л.: Худ. лит., 1971. С. 32.
- ¹⁸ Серафимович А.С. Железный поток // Серафимович А.С. Железный поток; Рассказы. Л.: Лениздат, 1982. С. 53-54.
- ¹⁹ Серафимович А.С. Подарки // Серафимович А.С. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1987. С. 105-106.
- ²⁰ Стихи, песни, частушки времен гражд. войны в Забайкалье / Ред. Л.Е. Элиасов. Чита: Читинск. изд-во, 1957. С. 383-384.
- ²¹ Ковтюх Е. Походы Красной Таманской армии // Гражд. война: Материалы по истории Красной Армии. Т.1. М.: Высш. воен. ред. сов., 1923. С. 499-500.
- ²² Рейснер Л. Фронт // Рейснер Л. Избранное. М., 1965. С. 48-49.
- ²³ Устрялов Н. 1919-й год. Из прошлого // Рус. прошлое: Историко-документ. альманах. №4. СПб., 1993. С. 260.
- ²⁴ Петриченко [С.М.] Правда о кронштадтских событиях. Б.м., 1921. С. 17-18.
- ²⁵ Хвалебнов. Минувшие дни (краткий очерк банд. движения по Иркут. губ. за 1920-21-22 г.) // Коммунист: Орган Иркут. губ. комитета Р.К.П.(б). Иркутск. 1923. №3. С. 33.
- ²⁶ Друскин М.С. Рус. революц. песня. Исследование // Друскин М.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 5: Рус. революц. песня / Сост. С.В. Подрезова. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 204.
- ²⁷ Боевые песни коммунистов. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918.
- ²⁸ Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова (Очерки рус. смуты) // Белое дело. Избр. произв. в 16 кн. А.И. Деникин. Борьба генерала Корнилова. А.С. Лукомский. Воспоминания. М.: Голос, 1993. С. 108-109.
- ²⁹ Левитов М. Корниловцы в Галлиполи // Рус. армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. С. 162-165.
- ³⁰ Зазубрин В. Два мира. Омск: Омгиз, 1936. С. 252.
- ³¹ Фурманов Д.А. Указ. соч. С. 222-224.
- ³² ЦВРК (Центр восточных рукописей и ксилографов И-та монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского науч. центра СО РАН). Ф. 19. Оп. 1. Д. 149. Л. 179-180.
- ³³ Ларионов В. Из записок добровольца // В память 1-го Кубанск. похода / Под ред. Б.И. Казановича и др. Белград: Изд. Главн. правл. Союза участников 1-го Кубанск. похода. 1926. С. 39.
Фахретдинов Рустам Ибрагимович, Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирант факультета антропологии, магистр филологии.
- ³⁴ Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на Востоке России / Сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. С. 50-51.
- ³⁵ Зазубрин В. Указ. соч. С. 59-60.
- ³⁶ Федоров П. Под красной звездой. Боевая история 27 Омской им. Итал. пролетариата стрелк. дивизии. М.: Воен. вестн., 1925. С. 86.
- ³⁷ Пронин Д. Указ. соч. С. 104.
- ³⁸ Гайдар А. В дни поражений и побед // Гайдар А. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Дет. лит., 1964. С. 18.
- ³⁹ Боевой путь блинцевцев / Под общ. ред. А.А. Масловского. Ставрополь: Сев. Кавказ, 1930. С. 231.
- ⁴⁰ Бабель И. Конармия // Бабель И.Э. Рассказы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 119.
- ⁴¹ Альбрехт Е.К., Вессель Н.Х. Указ. соч. С. 34.
- ⁴² Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избр. произв. в 16 кн. Дон и Добровольческая армия. П.Н. Краснов. Всевеликое Войско Донское. А.И. Деникин. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Вооруж. силы Юга России. М.: Голос, 1992. С. 133-134.
- ⁴³ Там же. С. 128.

Особенности формирования образа врага у белогвардейцев

Образ врага – психологический конструкт, формирующийся, с одной стороны, индивидуально у каждого комбатанта на основе личного опыта, и с другой – создаваемый государственной пропагандой в расчете на все население сразу. Он формируется на основе довоенных стереотипов, бытовой неприязни к «чужому» еще до непосредственного столкновения армий – и затем постепенно трансформируется после контакта с живым врагом, обогащаясь конкретикой и личными переживаниями. Иными словами, итоговый результат получается под влиянием «сверху» и «снизу».

Рассмотрим образ врага у белогвардейцев в источниках личного происхождения (формирование «снизу») и в агитационном плакате (формирование «сверху»).

В источниках личного происхождения

С течением времени, по мере того, как большевистская армия эволюционировала и менялась, менялся и их образ в глазах противника. Первоначально белое офицерство относилось к большевикам как к диким и необразованным беглым каторжникам, ничего не смыслящим в

том, во что ввязались. За серьезного противника их не принимали:

«Подождите, будет вам жарко – как вы теперь, паршивая рвань, сумеете встретиться с нами в открытом и равном бою. Хватит ли у вас на это смелости?»¹

«Эти отряды, составленные из подонков городских жителей, выпущенных из тюрем преступников, «красы и гордости революции» – матросов и другого сброда, отнимая у крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и все ценное»².

Это был взгляд на большевиков как на некую стихийную, неорганизованную массу. Этот враг многочисленен и жесток, но глуп. Эпитеты, применяемые к большевикам в среде белых, варьировались от «маргиналов и каторжников» до «красных деспотов и палачей»³.

К 1919 г. большевистская армия стала более опытной и дисциплинированной. Красных уже не воспринимали как «взбунтовавшуюся чернь». Первоначальное презрение и брезгливость менялось в сторону признания большевиков как опасного и сильного противника, особенно после того, как в крестьянской среде стала преобладать симпатия к красным – или, как вари-

ант, полное отвращение к войне в каком угодно виде. Было возможно и фронтовое сочувствие к противнику, заслужившему уважение поведением в бою:

«Был взят казаками в плен также и один большевистский командир: здоровеннейший детина, красавец – гвардейский матрос, который своей отвагой в бою и спокойствием в плену положительно привлек сердца казаков. Вместе с другими пленными его немедленно отправили в тыл»⁴.

Разумеется, такое отношение могло быть только к одному конкретному врагу, с которым комбатант столкнулся лично. На образ вражеской армии в целом такие исключительные случаи мало влияли.

Часто в источниках личного происхождения встречаются библейские метафоры, описывающие «врага-нехристя», которому чуждо все святое и человеческое:

«Несколько человек наших офицеров судорожно пытаются спасти положение, сохранить организацию и всячески тормозить работу большевиков на разрушение, в надежде, что *царство Зверя* продлится недолго», – пишет в дневнике А. П. Будберг⁵.

«Гефсиманский сад России был 1917 год. Голгофа ее длится до сей поры»⁶. (генерал-лейтенант К. В. Сахаров.)

Г. К. Гинс, задаваясь вопросом, кто же может спасти Россию, отвечает цитатой из Евангелия (и одновременно эпиграфом к «Бесам» Ф.М. Достоевского): «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло... И вышли жители смотреть случившееся, и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме и ужаснулись».

Он же: «Коммунистическое государство по самой природе своей таково, что даже при полной дисциплинированности агентов власти оно создает ад, подавляющий человеческую личность»⁷. Красочные, пугающие сравнения противников с нечистью у него тоже присутствуют⁸.

«Нужно радоваться, что город освобожден от красного дьявола»⁹.

Подобных примеров довольно много, и перечислять их все не имеет смысла. Библейские аналогии были очень распространены, словно в пику воинствующему атеизму большевиков.

Очевидно, приравнивание революционеров к бесам началось не в 1918 г. и даже не в 1871 г., когда был издан роман Достоевского. Поражение в войне или наступление смуты традиционно объясняется Божьей карой за грехи народа или князя\царя¹⁰.

«Предатель родины» – та черта, которая была присуща образу большевика в сознании белогвардейца с начала и до конца. Они утратили право называться русскими. Их с самого начала ассоциировали с чужеродной силой – это все были не русские люди, а «продавшиеся немцам большевики» и «жиды-коммунисты».

«...Явное покровительство и имеющиеся данные об активной роли Германии <...> определенно делило и идеологическую, и практическую сторону дела на две части: антибольшевистскую с союзниками, с одной стороны, и германо-большевистскую, с другой. <...>

До чего помощь Германии большевикам считалась бесспорным фактом, видно хотя бы из того, что момент происшедшей революции в Германии, в ноябре 1918 года, учитывался всеми деятелями Белого движения и печатью как скорый разгром Красной армии, остающейся без немецкой помощи»¹¹.

Словно все еще продолжалась война с внешним врагом, и на полях сражений белые сталкивались не со своим народом, а с иностранцами. Вообще же все появившиеся противодействующие силы тут же ассоциировались с иностранным вмешательством: когда чехи из друзей перешли в категорию врагов, их тут же поставили в сговор с Антантой и США, отколовшихся семеновцев – с Японией. Ведь было бы абсурдом защищать Россию от русских. Участники Белого движения пытались вернуть войну в привычное им измерение, зафиксировать образ врага, весьма неопределенный в условиях Гражданской войны, придать ему устойчивые точки.

«Предательство» большевиков в глазах белогвардейцев еще и предательством Иуды. «Русский» и «православный» были взаимозаменяемыми определениями: другими словами, большевистская революция – это покушение на христианскую родину и самого Бога.

«[Мы] ждали дня, когда святыни Кремля будут очищены от нечисти интернационала»¹². Что тут еще прибавить?

Рис. 1. Через кровь и через трупов горы...

Рис. 2. Что несет народу большевизм

Образ врага в агитационном плакате белых

Задача пропаганды – дегуманизировать врага, с одной стороны, чтобы обеспечить моральное обоснование войне, и с другой – внушить армии мысль, что враг уязвим и его можно победить. При этом образ не создается с нуля, но выстраивается на уже существующих предубеждениях, ксенофобии и человеческой склонности во всем непривычном видеть враждебное. «Восприятие чужака в качестве врага уходит корнями в родоплеменное общество человечества. Именно тогда закладывались социально-психологические механизмы «образа врага», как правило, вне своей микросреды»¹³.

Белогвардейская агитация успешно использовала бытовую ксенофобию и антисемитизм. Если красные ассоциировали белых с англичанами и американцами, то в белых плакатах красные изображались немцами, китайцами или евреями.

Рис.3. За единую Россию

На одном из известных плакатов большевики во главе с Троцким ведут на Голгофу Иисуса, олицетворяющего Россию, что уточняется в стихотворении, помещенным под изображением (*Через кровь и через трупов груды, / Лобызая в бледные уста, / Посылает снова внук Иуды / На Голгофу распинать Христа...*) – «Рис.1»

Большевизм изображался как всадник-смерть («Что несет народу большевизм» – «Рис.2»). Цветовая символика Апокалипсиса была очень популярна: белый всадник против красного дракона, белый ангел против огненной бездны. Также популярный религиозный сюжет – попирание монстра; монстр, конечно, всегда красного цвета. – «Рис.3»

В плакатах описывались преступления большевиков против крестьян: грабежи, комбеды, поджоги, отъем хлеба («Хлебная монополия в совдепии», «Сибирский хлеб», «Петр и Василий или деревня в «совдепии» – «Рис.4»). Престу-

пленя против веры: осквернение икон, убийства священнослужителей, разграбление церквей – «Рис.5»

Также большевики изображались поклоняющимися дьяволу или в образе дьяволов, как например, Ленин и Троцкий на агитке «Федеративная Советская монархия». – «Рис.6»

Плакаты же, выполненные в сатирическом ключе, сосредотачивались в основном на пьянстве, коварстве и глупости противника, а также лживости его агитации. Прекрасный пример юмористического плаката – билибинский «Как немцы большевика на Россию выпускали»: тут вам и немцы, и пьянство, и шпионство. – «Рис.7»

Большевик коварен, сообщает нам белогвардейская пропаганда. Все его обещания лживы.

Он обещал народу землю и богатство, а принес голод и нищету. Красная агитация не содержит ни слова правды, во всем у них есть своя корысть, и до русского народа им нет никакого дела. Они лишь пользуются людской доверчивостью, следуя своим интересам – заодно с интересами Германии.

Созданный в пропаганде образ, как и было сказано, с одной стороны, вызывает резкое неприятие, а с другой – насмешку и презрение.

Итак, главная черта, которой наделяли белогвардейские офицеры образ врага: большевик – предатель родины и предатель Бога. Он предал то, что сердцу офицера и порядочного человека должно быть дороже всего. Образ большевиков-«нехристей» не только создавался белой пропа-

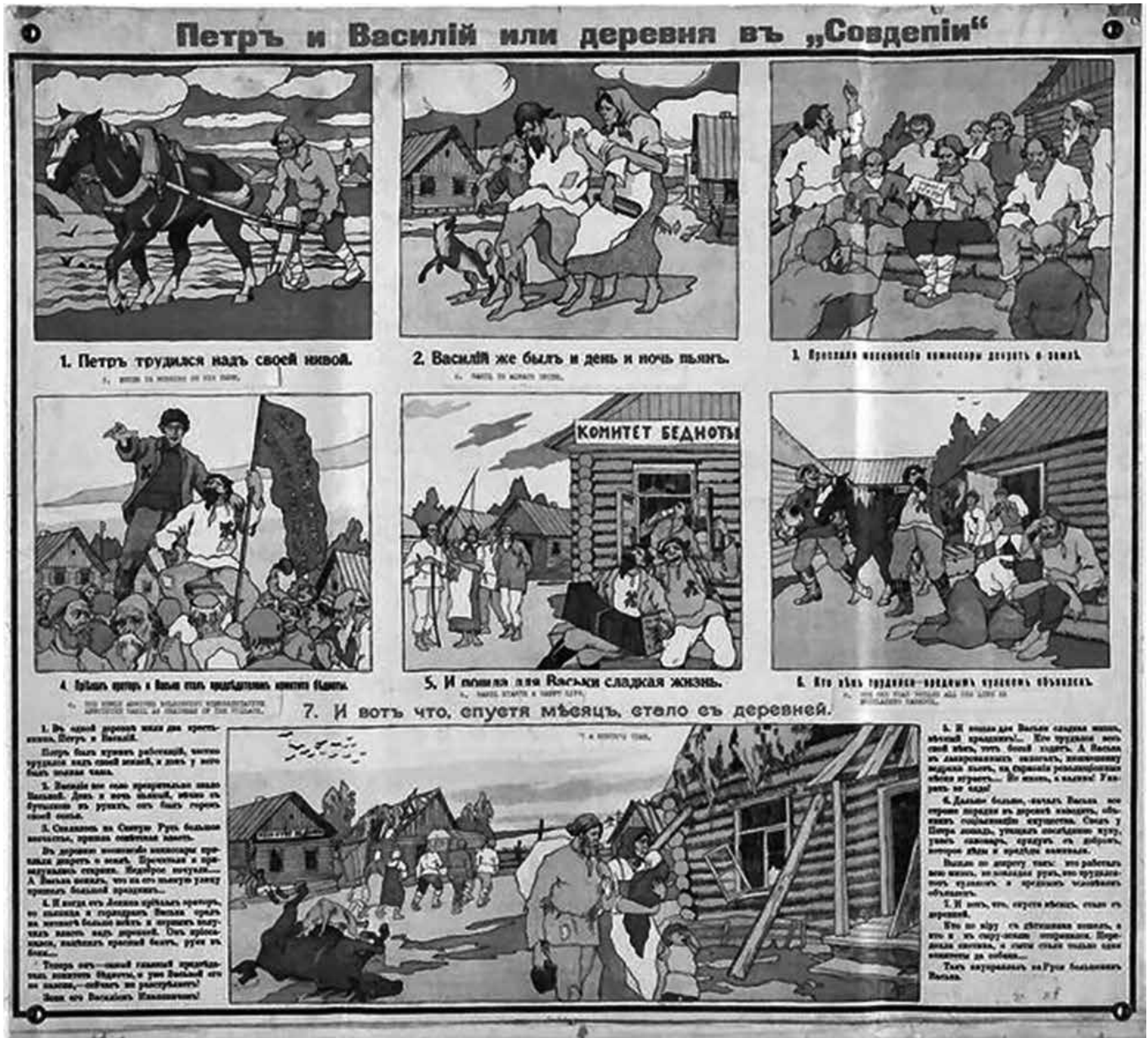

Рис. 4. Петр и Василий или деревня в «совдепии»

БЕЗЧИНСТВА БОЛЬШЕВИКОВЪ ВЪ ЦЕРКВИ

Рис. 5. Бесчинства большевиков в церкви

гандой – он возникал спонтанно, что отражено в источниках личного происхождения. Большевики были слугами дьявола – значит, борьба с ними была не только воинским долгом, но и долгом христианским.

Вторая характерная черта – большевики не считались русскими людьми. Настоящий русский, с точки зрения белогвардейца, никогда не

предал бы Россию, согласившись на позорный Брест-Литовский мир, и никогда не поднял бы руку на саму Россию, развязав Гражданскую войну. Поэтому большевики могли быть «жидами-коммунистами» и «германо-большевиками», но никак не их соотечественниками.

С учетом подобного образа врага происходила и самоидентификация самих белогвардейцев. Большевики, по их мнению, ненавидели и презирали все русское – белые любили родину и были русскими патриотами. Большевики были неверующими и воевали с Церковью – белые видели себя православными воинами, сражающимися с нехристями. Большевики сражались ради личной выгоды и возможности «грабить награбленное» – белые сражались не за себя, а за Россию...

У белых не существовало единого правительства или политической программы, в движении участвовали люди самого разного социального происхождения. Проблематично было найти нечто, консолидирующее все Белое движение, – но они были согласны по крайней мере в том, что сражаются с дьяволом на стороне Бога.

Рис. 6. Федеративная Советская монархия

Рис. 7. Как немцы большевика на Россию выпускали

-
- ¹ Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь. // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 103.
- ² Ефимов А.Е. Ижевцы и воткинцы. // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 355.
- ³ Щедрый на словесную живопись А.П. Будберг: «Дикари, грубые язычники, гунны и средневековые ландскнехты, сподвижники Пугачева и Стеньки Разина, кровожадные садисты разных времен должны найти себе достойных и далеко превосходящих их последователей в лице тех хулиганских орд, что нависли над Россией». Будберг А.П. *Дневник*. М., 2003. С. 93.
- ⁴ Маевский В.А. *Гвардейские саперы. Россия забытая и неизвестная: Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе*. М., 2002. С. 583 – 673.
- ⁵ Будберг А.П. Указ. соч. С. 180.
- ⁶ Сахаров К.В. *Белая Сибирь*. // *Россия забытая и неизвестная: Восточный фронт адмирала Колчака*. М., 2004. С.198. «... Но будет и воскресение. Так же неожиданно, таинственно и сияюще. И встанет Россия из гроба».
- ⁷ Гинс Г.К. *Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920*. М., 2008. . С. 513.
- ⁸ «Когда из уст его раздалась угроза: «Буржуазия еще хрипит, но мы ее скоро совсем задушим», — руки его сжались в кулаки, лицо вытянулось — казалось, в этого человека вселился вампир. Впечатление было жуткое». Там же. С. 20.
- ⁹ Мейбом Ф.Ф. Указ.соч. С. 99.
- ¹⁰ Миниенко Г.Н., Рябчевская Ж. А. О специфике эсхатологизма в русской культуре. // *Вестник КемГУКИ*. 2014. № 26. С. 102 – 111.
- ¹¹ Котомкин А.Е. *Записки белогвардейца* // *Россия забытая и неизвестная: 1918 год на Востоке России*. М., 2003. С. 231.
- ¹² Сахаров К.В. Указ. соч. С.197.
- ¹³ Гасанов И.Б. *Национальные стереотипы и «образ врага»* // *Психология национальной нетерпимости*. Минск, 1998. С. 193.

*Алла Алексеевна Кальсина,
Россия, Пермь, Пермский филиал академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, доцент кафедры
теории и практики управления,
кандидат исторических наук, доцент*

Образовательная политика небольшевистских правительств в условиях Гражданской войны 1918–1920 гг. (на материалах Урало-Сибирского региона)

Школьная система, являясь важным социальным институтом общества, в период Гражданской войны стала сферой практических интересов различных политических сил. На территориях, где существовала Советская власть, были приняты государственные акты и декреты, которые привели к кардинальному преобразованию системы просвещения и утверждению в качестве доминирующей – парадигмы трудовой школы. Вопросы управления школьной системой были сосредоточены в руках Наркомата просвещения РСФСР.

На территориях небольшевистских правительств восстанавливались либо правила дореволюционного времени, либо порядок, существовавший после Февральской революции. Под контролем этих сил находились Урал, Сибирь и Дальний Восток. Несмотря на военное время, небольшевистскими правительствами на подконтрольных территориях проводилась собственная школьная политика и была предложена другая модель государственной школы.

В рассматриваемый период Пермская губерния пережила чередование различных политических режимов. В октябре 1917 г. власть Временного правительства сменилась победой большевиков, осуществление новой школьной политики началось в январе 1918 г., но процесс становления новой трудовой школы был прерван. Летом 1918 г. часть территории Пермской губернии оказалась под контролем областных коалиционных правительств: Временного Сибирского правительства (с центром в г. Омске) и Временного областного правительства Урала (г. Екатеринбург). Школьная политика небольшевистских правительств на территории Пермской губернии осуществлялась с лета 1918 г. и первую половину 1919 г.

Под контролем Временного Сибирского правительства находились следующие уезды: Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Златоустовский, Челябинский, Троицкий, Верхне-Уфалейский, Кустанайский, Кыштымский.

Временное областное правительство Урала ведало территориями, оставленными большевиками и не подпадавшими под юрисдикцию Вре-

менного Сибирского правительства. С последним велись территориальные тяжбы по поводу Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов¹.

По партийной принадлежности это были правительства эсеро-меньшевистского толка, а по социальному составу представлены интеллигенцией. Создание таких правительств в годы Гражданской войны было попыткой российской интеллигенции учредить демократические структуры власти, основываясь на идеи «третьего пути». Эта идея воплотилась в стремлении правительств занять промежуточную позицию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии и на практике осуществить внеклассовое «народовластие».

Временное областное правительство Урала просуществовало недолго. Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства с центром в г. Омске. В области школьной политики данные правительства действовали в соответствии демократическими устремлениями периода Февральской революции. Временное областное правительство Урала (ВОПУ) собиралось принять все возможные меры по осуществлению всеобщего и обязательного обучения, предоставляя школе автономию в вопросах внутренней жизни. Управлением народного просвещения ВОПУ были разработаны новые ставки оплаты учительского труда, были подготовлены законопроекты о переиздании школьных учебников. Все вопросы школьной жизни ВОПУ собиралось решать, опираясь на общественность и местные органы самоуправления. Однако реализовать многие проекты так и не удалось. ВОПУ просуществовало слишком недолго (с августа по ноябрь 1918 г.). Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства.

МНП Временного Сибирского правительства, образованное 1 июля 1918 г. в г. Омске, на подконтрольных ему территориях издало ряд постановлений, регулирующих школьную жизнь, в частности, о перевыборах учительства и об управлении учебными заведениями. Педагогическим советам учебных заведений была дана большая свобода действия. В их компетенции были вопросы не только внутренней школьной жизни, но и выборности учителей, а также руководящих лиц учебных заведений. В ведении МНП оставались

вопросы реорганизации школ, введения дополнительных предметов, размер платы за обучение.

Следует отметить, что в МНП Временного Сибирского правительства вопросы материального обеспечения учительства и школы решались более последовательно, чем ВОПУ. Многие педагогические коллективы в Пермской губернии на территориях, подконтрольных ВОПУ, по экономическим причинам желали перейти в ведомство МНП Временного Сибирского правительства.

С января 1919 г. после переворота в Омске (18 ноября 1918 г.) вопросами школьной жизни в Пермской губернии ведало Министерство народного просвещения Российского правительства А.В. Колчака (далее МНП). Основной функцией министерства была координация не только школьного дела, но и всех звеньев системы образования на подконтрольных ему территориях (Уральский регион, Сибирь и Дальний Восток)². Во главе министерства до января 1919 г. был назначен профессор Томского университета В.В. Сапожников, а с января 1919 г. по январь 1920 г. должность занимал известный геолог П.И. Преображенский.

Министерство имело следующую структуру: Департамент общих дел, состоявший из отделений определения личного состава, счетного, по книгоиздательству, канцелярии; Департамент народного просвещения, состоявший из отделений общих дел, учебных учреждений, высших учебных заведений, средних учебных заведений, высших начальных училищ, педагогических учебных заведений, начальных училищ, внешнего образования; Департамент профессионального образования³.

Одним из главнейших принципов организации системы управления образованием стал принцип децентрализации. Впервые он был заявлен Государственным комитетом по народному образованию Временного правительства в период Февральских событий. Это теоретическое положение в годы Гражданской войны было воплощено на практике. Считалось, что в условиях военного времени вопросы школьной жизни эффективно могут быть решены только на местах. Совет министров постановил упразднить управление учебных округов, должности директоров и инспекторов народных училищ. Взамен учреждались должности уполномоченных МНП. Начальные школы были переданы в ведение земств и городов⁴.

Уполномоченные МНП в губерниях должны были информировать общественные самоуправления, правительственные и частные учебные заведения о постановлениях МНП в области народного образования; наблюдать на местах за состоянием и деятельностью учебных заведений; за расходованием кредитов местными распорядителями, реагировать на нужды учебных заведений, вести их регистрацию по собственной статистической программе⁵.

Министерством народного просвещения на подконтрольных территориях с 1 июля 1919 г. планировалось открыть 4913 народных училищ и 10329 комплектов (классов). Всего в ведении МНП правительства А.В. Колчака на 1 января 1919 г. было 16796 народных училищ с 28252 комплектами (классами), в том числе в Сибири – 11883 единиц с 17923 классами. В планах МНП было с 1 июля 1919 г. открыть в Сибири 1000 новых училищ с 1500 классами и в Приуральском крае – 1102 училища с 1727 классами. Всего 2102 училищ с 3227 классами. На общие нужды начального народного образования на территориях, подконтрольных МНП, был ассигнован 1 млн. руб., из них 400 тыс. – на издание учебников. Всего на содержание начальных училищ в 1919 г. было выделено свыше 315 млн. руб., правда, судить о том, сколько стоил колчаковский рубль довольно сложно, поскольку на территориях, занятых Колчаком, ходило огромное количество денежных знаков, выпущенных различными правительствами⁶.

Министерство было серьезно озабочено проблемой всеобщего начального обучения. Чиновниками был сделан анализ работы МНП в предыдущие годы и определены примерные сроки осуществления этого проекта – 10 лет (приблизительно к 1929–1930 гг.). Расчет был сделан в основном для Сибири и территорий, контролируемых правительством Колчака. По смете на 1919 г., на всеобщее обучение МНП определило сумму 336 489 833 руб., что составило 62% от всей суммы ассигнований, выделенных на дело народного просвещения⁷.

В январе 1919 г. МНП создало комиссию по реформе средней школы. В работе над проектом новой школы принимали участие известные педагоги, ученые, чиновники оказавшиеся в Сибири в качестве беженцев. Всего 29 человек. Работа комиссии проходила еженедельно и на протяже-

нии трех месяцев специалисты вели дискуссии о том, какой должна быть новая школа⁸.

Авторы проекта желали создать в России «единую, свободную, трудовую, автономную школу, построенную на принципах здорового национализма и демократизма». Во многом они использовали опыт дореволюционной общественной мысли, в частности незавершенный проект реформы графа Игнатьева, а так же опыт зарубежной школы. Особенно интересовала американская школьная модель, где уже на практике был осуществлен принцип единства и преемственности школы. Структурно, новая школа должна была состоять из трех ступеней: начальная школа, среднее училище и гимназия, каждая из которых дает законченное четырехклассное образование. Большое значение придавалось предметам гуманитарного цикла – русскому языку, истории и географии. Реформировать школу, считали авторы проекта необходимо и в духе трудового обучения⁹.

Реформа школы широко обсуждалась и на местах, и в печати. Министерством была предпринята попытка наладить издание официального печатного органа «Журнала МНП», продолжавшего традиции дореволюционного издания Министерства народного просвещения императорской России. Журнал должен был освещать действия правительства в области просвещения, состояние всех типов школ, научных и педагогических сообществ, пропагандировать передовой европейский и российский педагогический опыт по вопросам образования и воспитания. В журнале были опубликованы работы известных ученых: профессора С.И. Гессена (философия педагогики), Н.Е. Румянцева (экспериментальная педагогика); профессоров Пермского университета – Н.О. Палечека, Р.М. Залкинда, Л.А. Зандера; профессоров Томского университета В.В. Сапожникова, В.Н. Савина, известных московских педагогов¹⁰.

Одной из неотложных задач МНП стала подготовка учительского персонала для всех типов школ, недостаток в учителях стал приобретать угрожающий характер. По данным МНП, только 51,5% учителей начальной школы на подконтрольных территориях имели некоторую специальную подготовку¹¹. МНП использовало все возможности для подготовки учителей. В Пермской и соседних губерниях Уральского края в мае–июне 1919 г. предполагалось проведение

курсов переподготовки учителей, на которые министерство выделило значительные средства. Группа пермских педагогов во главе с профессором Н.Е. Румянцевым (Н.Е. Бочкарев, Н.Н. Савинов, В.В. Рахманов, А.Г. Генкель, Г.Е. Каменева) разработала курс лекций для учительства. Тематика лекций касалась проблем трудового обучения, методики преподавания, роли учителя в новой школе, вопросам психического и физического здоровья школьников. Начиная с апреля 1919 г. лекции были прочитаны для пермского учительства, в мае–июне 1919 г. – в Шадринске, Верхотурье, Камышлове, Красноуфимске. В Екатеринбурге, Кунгуре, Соликамске, Челябинске политические события помешали их проведению¹².

Военные действия Гражданской войны серьезно осложняли школьную жизнь. Проблема с нехваткой преподавательских кадров была настолько серьезной, что подтолкнула Департамент народного просвещения вновь подтвердить необходимость обязательной отработки выпускниками институтов в должности учителя высшего и начального училища не менее 6 лет¹³.

Проект реформы средней школы и взаимодействие с педагогической общественностью на подконтрольных территориях – это только один из аспектов многоплановой деятельности МНП правительства А.В. Колчака. К сожалению, педагогическое творчество того времени, поиски новых методов в организации школы не стали достоянием общественности. В 1920 г. МНП

прекратило свое существование. Правительство А.В. Колчака делало ставку на военную победу, и вопросы, связанные с образованием, оказались в числе второстепенных. Тем не менее, педагогической общественностью, министерством была предпринята попытка создать альтернативную модель новой школы. Продолжая политику Министерства народного просвещения императорской России и подчеркивая преемственность линии, МНП в основных вопросах руководствовалось наработками дореволюционной общественной мысли, проектами реформы графа П.Н. Игнатьева, Государственного комитета по народному образованию Временного правительства и собственным опытом.

Назовем основные принципы предложенной модели государственной школы: единство и преемственность (три степени), всеобщее начальное обучение, доступность образования, децентрализация и автономия школы, свободная трудовая школа, национальное воспитание и демократизм.

Как известно, в 1918 г. проект единой трудовой школы был реализован практически Наркомпросом, и базировался все на тех же принципах: единства школы, трудового обучения, доступности и бесплатности обучения и т. д. Однако реализация этого проекта проходила уже в рамках диктатуры пролетариата и ускоренной модернизации российского общества, проведенной большевиками.

¹ Селянинова Г.Д. *Интеллигенция и «третий путь» в Гражданской войне на Урале //Гражданская война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции / Пермский государственный архив новейшей истории. Пермь, 2008. С. 253*

² Салазникова С.С. *Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» (январь–ноябрь 1918 г.): автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 4.*

³ *Государственный Архив российской федерации Путеводитель. М., 2001. Т.4. С. 314.*

⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп.3.Д.20. Л.31.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп.3. Д.12. Л.15

⁶ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп.3. Д.20. Л.31.

⁷ Ключев И.С. *Всеобщее обучение // Журнал Министерства Народного Просвещения. Омск, 1919. №1. С. 81.*

⁸ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп 2. Д.89. Л.17.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп.3. Д.79. Л.8.

¹⁰ *Журнал Министерства Народного Просвещения. Омск, 1919. №1.*

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп.3. Д.998. Л.12-14.

¹² *Свободная трудовая школа. Пермь, 1919. №1. С. 44.*

¹³ Кочурина С.А. *Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 209.*

Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг.

Биография и разносторонняя творческая деятельность лауреата Государственной премии КАССР в области литературы и искусства, Почетного гражданина Петрозаводска Александра Михайловича Линевского (1902–1985) получила яркое освещение в исследованиях А.А. Левитиной, Ю.И. Дюжева, Ю.А. Савватеева¹. Ими обстоятельно охарактеризован вклад А.М. Линевского в развитие археологии, этнографии, фольклористики, литературы. Вместе с тем недостаточно изученной остается его деятельность как историка. Важное место в научном и художественном творчестве А.М. Линевского занимала история Гражданской войны на Севере России. Автор данной статьи ставит задачей проследить влияние идеологии, личного исследовательского опыта, научной и литературной среды 1930-х гг. на формирование взглядов А.М. Линевского на региональную историю Гражданской войны и на материалах Карелии показать роль профессиональных коммуникаций интеллигенции 1930-х гг. в утверждении актуального для сталинского режима образа исторического события.

Ведущие позиции в управленческой элите Карелии до середины 1930-х гг. составляли фин-

ские политэмигранты. Они прибыли в Советскую Россию после подавления Финляндской революции 1918 г., не утратив веры в близость мировой революции. Правительство автономии, провозгласив целью экономическое и культурное возрождение пограничной республики, превращение её в форпост социализма на Севере Европы, стремилось привлечь на работу в КАССР получивших солидную научную подготовку молодых специалистов. Среди тех, кто первым откликнулся на этот призыв, был студент географического факультета Ленинградского университета А.М. Линевский. В 1920-е гг. географический факультет являлся центром не только географических, но и этнографических, и антропологических исследований. Интеллектуальное лидерство в университете сохраняли представители дореволюционных научных школ. На факультете преподавали легендарные народовольцы Л.Я. Штенберг и В.Г. Тан-Богораз, профессора Е.Г. Кагаров, Д.К. Зеленин и другие известные этнографы, исследователи культуры².

Впервые А.М. Линевский приехал в Карелию в 1926 г. для участия в студенческой этнографической экспедиции. В ходе этой поездки он открыл петроглифы на скалах р. Выг, недалеко от Белого

моря. Студенческое открытие вызвало резонанс в научной среде, а у А.М. Линевского – желание глубже познать археологию, продолжить полевые работы в Карелии. В конце 1928 г. блестяще прошла защита его дипломного сочинения, посвященного петроглифам Карелии.

Молодого исследователя пригласили на работу в Петрозаводск. В 1929 г. А.М. Линевский стал научным сотрудником исторического отдела Карельского музея и заведующим Бюро краеведения. Основное внимание он сконцентрировал на изучении петроглифов, а также исследовании культуры и быта народов Карелии. В 1930 г. в журнале «Всемирный следопыт» опубликована его повесть о людях первобытной эпохи «Листы каменной книги», написанная в приключенческом жанре.

В 1931 г. А.М. Линевский полгода жил в Кандалакше, пытаясь организовать районный краеведческий музей. Не жалел ни сил, ни времени, чтобы собрать свидетельства о социалистических преобразованиях сельской жизни, однако, по его словам, «музея не получалось». В разгар коллективизации, раскулачивания, бытовых тягот, люди остерегались фиксировать свои оценки происходящих событий: «Если же у удавалось кого-нибудь сагитировать на краеведческие описания, то их продукция обычно звучала откровенным укором происходящим сейчас событиям...»³. В то же время в Кандалакше А.М. Линевскому впервые удалось собрать большой материал о Гражданской войне на Севере, записать рассказы участников борьбы с интервентами. Вернувшись в Петрозаводск, он попытался осмыслить собранный материал в художественной форме.

В 1932 г. в журнале «Вокруг света» была опубликована его повесть «Партизаны Северного Беломорья». Её главные герои – кандалакшские рыбаки, создавшие в 1919 г. партизанский отряд для борьбы с интервентами. Фактически в повести описана только одна боевая схватка партизан с войсками союзников у р. Лувеньги. В ней партизаны предстают героями, разгадавшими замысел врага, победившими превосходившего в силах противника: «Ярость, накопившаяся за полгода мученья в мурманской тюрьме, придавала силы»⁴.

Однако повесть А.М. Линевского далека от романтизации партизанской войны. Автор от-

мечает, что интервенты сурово карали население за связь с партизанами: проводили показательные казни, сжигали деревни. Опасаясь за свои семьи, местные жители часто отказывались помогать партизанам. Так, отряд Поспелова отправился на боевое задание к Княжей Губе, рассчитывая на поддержку местных жителей: «Поспелов уверял, что в Княжей Губе по его первому знаку выступят 60 человек». Партизаны встретились с княжегубцами («провели собрание в лесу»), договорились что они придут в отряд с оружием, однако крестьяне не пришли: «Среди них не нашлось охотников на этот раз отказаться от спокойной жизни»⁵. Более того, двоюродный брат Поспелова сообщил англичанам, что красные под Княжей Губой. Партизанам пришлось возвращаться к Лувеньге, не выполнив задания.

Поздней осенью 1919 г. партизанский отряд распался, в преддверии зимы часть бойцов вернулась к семьям, оставшиеся решили двинуться на юг Карелии, подконтрольный «красным». Основное внимание автор уделил этому тяжелому и опасному походу: сначала партизаны двигались 700 верст морем, привычным для рыбаков маршрутом, а потом 300 верст им пришлось идти глухими лесами. Чтобы выжить и не погрязнуть в склоках, участникам похода требовалось напрячь волю, проявить терпение и взаимопонимание. Изнуренные, изголодавшие и больные, рыбаки приходят в случайно встреченную на пути деревню за помощью. Хотя партизаны вооружены винтовками и гранатами, они понимают, что решение – за безоружной толпой, поэтому не требуют, не угрожают, а просят крестьян о помощи: «Просьба людей, вооруженных винтовками и гранатами – призыв к безоружной толпе сильно подействовали на сход»⁶. Такое описание Гражданской войны не было принято литературной критикой. Рецензенты ругали автора за то, что он сосредоточился на «нетипичных» событиях, что партизанский отряд в его изображении предстал недисциплинированным, анархистским, дезорганизованным⁷. А.М. Линевский отбивался от оппонентов, указывая, что стремился избежать шаблонов: «Каждый отряд имел что-то свое»⁸.

По возвращении из Кандалакши, в 1931 г. А.М. Линевский поступил на работу в Центральные архивы КАССР. Он окончил курсы в Архивном институте в Москве и с увлечением погрузился в выявление

и изучение документов первых послереволюционных лет, составлением описей дел по теме «Гражданская война». В архиве исследователь получил опыт работы с письменными источниками периода Гражданской войны⁹. В качестве научного сотрудника республиканского архива А.М. Линеvский еще раз объехал Поморье от Кандалакши до Нюхчи, вновь встретился с прототипами своих литературных героев.

Однако полного доверия к нему, выходцу из дворянской семьи, в архивной службе не было. В воспоминаниях А.М. Линеvского описана одна из проверок персонала архива московской комиссией: он, стоя, должен был отвечать на вопросы типа «Как Вы относитесь к революции?». Что-то в ответах проверяющей из Москвы не понравилось, и она сказала, что Линеvский проявил «дворянский гонор», и что не сможет спокойно спать, пока его не уволят из архива¹⁰.

В 1934 г. А.М. Линеvский перешел на работу в Карельский НИИ – ведущий центр научных исследований в Карелии, созданный в годы первой пятилетки. В составе института в это время активную исследовательскую работу вели историко-революционная и этнографо-лингвистическая секции. Одной из ведущих научных тем института являлась история Гражданской войны. Этому способствовал ряд обстоятельств.

В условиях мирового экономического кризиса конца 1920-х – начала 1930-х гг. выросли надежды большевиков на революционный взрыв в Европе, и в этой связи изучение революционного опыта российского пролетариата надлежало активизировать. Работавшие в Карелии финские политэмигранты стремились превратить бывшую имперскую окраину в процветающий край и тем самым подготовить «в идейном отношении почву для Финляндской революции»¹¹. В докладе Э. А. Гюллинга на Первой сессии Карельского НИИ подчеркивалось, что экономический кризис на Западе переходит в кризис политический, доверие к капитализму у трудящихся падает. В этих условиях важнейшей задачей института Э.А. Гюлинг называл «показать те пути, по которым мы завоевали власть здесь на севере, чтобы эти пути стали ясными и для тех, кто еще за нашей границей и еще по этому пути не пошли, в первую очередь для финляндского пролетариата»¹².

Среди жителей края еще свежа была память об интервенции в Карелию в период Граждан-

ской войны. На конференции красных партизан в августе 1930 г. в Петрозаводске ответственный секретарь Карельского обкома партии Г.С. Ровио размышлял: «Можно ли считать, что финская буржуазия окончательно отказалась от мысли захвата Карелии? Конечно нет! По всем имеющимся данным финская буржуазия ждет удобного и подходящего момента для возобновления попыток захвата Советской Карелии»¹³.

В июле 1931 г. по инициативе М. Горького ЦК ВКП(б) принял решение о написании многотомной «Истории Гражданской войны». В начале 1932 г. секретариат Главной редакции опубликовал проспект издания. Задачей региональных научных центров стало всяческое содействие этому крупномасштабному проекту. В республике было принято решение о подготовке к изданию Истории Гражданской войны в Карелии на финском и русском языках. Совместно с Карельским областным бюро краеведения был составлен и частично опубликован библиографический указатель литературы по Гражданской войне¹⁴.

Большая работа проводилась по сбору воспоминаний участников революции и Гражданской войны. Приходилось по ходу дела осваивать технику работы с респондентами, в этом плане полезен был опыт этнографов. В это время А.М. Линеvский подготовил несколько статей методического характера, в которых он обращал внимание на то, что присутствие собирателя способно существенно влиять на рассказ, что важно тщательно готовиться к работе с респондентом, обдумать «маршрут» разговора, помнить важнейшие «биографические точки» рассказчика. А.М. Линеvский указывал, что сначала следует тщательно записать рассказ, и лишь потом исследователь может тактично расспросить о тех эпизодах, о которых рассказчик только упомянул, для проверки задать «контрольные» вопросы. Большую роль в беседе играют индивидуальные свойства рассказчика, его манера изложения, реакция слушателей¹⁵.

Частично была начата публикация воспоминаний о Гражданской войне. Однако большая часть собранных материалов не увидела свет¹⁶. Воспоминания содержали индивидуальное видение событий, оно с трудом вписывалось в предложенные образцы, в качестве которых рассматривались концепции «Истории Гражданской войны», с конца 1930-х гг. – «Краткого курса ВКП(б)».

Особое внимание Карельский НИИ уделял подготовке биографий активных участников Гражданской войны. В 1934 г. в районы были разосланы вопросники и инструкции, в институт поступило 600 ответов. А.М. Линевский активно участвовал в редактировании полученных материалов.

А по окончании рабочего дня в институте писатель напряженно работал над первым романом. Он был опубликован в 1937 г. Рабочее название книги – «Борьба», вышла в свет она под названием «Доктор Подобин». Эта книга стала одной из последних в истории карельского издательства «Кирья», закрытого в 1937 г. В основном издательство выпускало книги на финском языке, который в период репрессий оказался под запретом. В 1937 г. «Кирья» выпустила 116 изданий на финском языке¹⁷. Значительную часть их признали «вредными» и тут же списали. Стоимость изътой литературы составила 1 250000 руб.¹⁸

Книга А. М. Линевского оказалась среди 17 русскоязычных текстов «Кирья», дошедших до читателя. В то же время редактирование рукописи в издательстве, в котором с середины 1930-х гг. упорно искали «врагов народа», шло трудно. Первым редактором книги был назначен Н. Баршев. Когда роман был уже сверстан, редактора репрессировали, и набор, по словам автора, «сразу бухнули в котел». Через некоторое время редакторскую работу с текстом начал В.Г. Базанов. Он сократил объем книги с 22 до 15,5 печатных листов. Когда рукопись второй раз сверстали, новый главный редактор издательства Н.Ф. Бабич вновь начал её редактирование и сократил текст с 15,5 до 7,5 печатных листов. Таким образом, текст романа в процессе редактирования был существенно изменен. А. М. Линевский попал в сложное положение: «Я должен был наложить авторское вето. Но стоимость этой книги уже обошлась государству в 20 тыс. руб. Возвращать эти 20 тыс. мне было нечем»¹⁹.

Так же, как и в «Партизанах Беломорья», в новом произведении А. М. Линевского жители Севера России поставлены перед выбором – поддержать Советскую власть или пойти на службу интервентам. Белое движение как самостоятельная сила не выписано, наоборот, подчеркивается, что оно опирается на помощь англичан, и без их поддержки обречено. Вообще в текстах А.М. Линевского «белыми» часто называются войска союзников.

Для бывших солдат, деревенской бедноты сомнений не существует: «Теперь у нас власть своя, мужицкая. Неужто отдать её белым или финнам?»²⁰. Мужественно погибают в Печенгской тюрьме большевик Никита Тюттиев и бывший ротный фельдшер Валерьян Фонвизин, не желая служить интервентам.

Однако главный герой романа А. М. Линевского не наделен ни твердостью убеждений, ни личным мужеством. Врач Антон Павлович Подобин и его жена Анна бегут от разрухи Гражданской войны из Петрограда в Петрозаводск, а потом в одно из пограничных сел Кемского уезда, надеясь обрести физическую безопасность и спастись от надвигающегося голода. В селе доктор сразу получил работу, квартиру, хорошее питание. По долгу службы и в силу активности характера Подобин вхож в разные круги местного общества. Он участвует в совещании с местными богатыми, решающими, кого выгоднее поддержать – союзников или финнов в борьбе с ненавистными Советами. Он держит речь на волостном съезде, сочувствуя большевикам, пишет доклад для малообразованного руководителя местной большевистской ячейки, становится членом волостного совета. Автор наделил героя многими положительными качествами: Подобин хорошо владеет профессией, предан семье, легко сходится с людьми, много читает. Но ему приходится жить в переломное время, и он не в силах ради идеи поступиться личным благополучием, самое главное для него – просто пережить это трудное время, спасти себя и семью. В конце концов, он приходит к выводу: раз на волость надвигаются антисоветские войска и они займут село («ведь невозможно воевать с вилами против пулеметов новейшей конструкции»), нужно пробираться в Мурманск под защиту победителей. Герой верит, что примкнув к тем, кто сильнее, он обезопасит свою жизнь. Однако в Мурманске Подобину приходится организовывать врачебные пункты для приема добровольцев, и он убеждается, что жители края не только не поддерживают белых, но многие настроены к ним враждебно. Волей случая он присутствует при расстреле своих недавних товарищей по кемской жизни. Более того, опасаясь, что станет известно о его сотрудничестве с советской властью в Карелии, он убивает прибывшего в Мурманск знакомого учителя. В конце книги

Подобин в панике наблюдает бегство англичан из Мурманска и развал городской жизни. Предательство жены означает утрату личного счастья, которым он так дорожил. Герой оказался в западне. Кончается книга сценой, как, опасаясь ареста, Подобин убегает по ночному Мурманску от «красного» патруля: «Позади раздавались выстрелы, все громче и отчетливее слышался бег и ругань обозленного караула»²¹.

Новая книга А.М. Линеvского была с интересом встречена читателями. В Публичную библиотеку поступило 16 экземпляров, и они не залеживались на полке, все время были на руках у читателей²². А в официальной печати книга подверглась резкой критике. В рецензии Я. Голенченко приводилось немало литературных шероховатостей, стиливых погрешностей первого романа А.М. Линеvского. Их хватало в текстах и других молодых писателей. Прежде всего, неприятие критика вызвал образ главного героя романа. «Автор неплохо показал, как обывательская погоня за сытостью превращается в безудержный, определяющий все поступки Подобина страх... как этот животный страх уничтожает остатки порядочности в человеке,» – справедливо отмечает Я. Голенченко²³. При этом критика возмущает определенное сочувствие автора герою, внимание его душевным переживаниям: «Линеvский находит слова и краски для пошлейших описаний мыслишек Подобина, дешевых прелестей его жены, ему неплохо удаются сценки пошлого обывательского быта»²⁴. Еще более резко оценивает критик желание автора найти индивидуальные черты в облике положительных героев романа. Так, облик председателя сельсовета Тюттиева лишен внешней героичности, он малограмотен, наивен, одинок. Таким павший за власть Советов большевик быть не мог, виноват автор романа, который «не осознал настоящей необходимости и большой сложности показа рождения и роста новых социальных чувств мыслей в людях, разбуженных революцией»²⁵.

На Первом съезде советских писателей Карелии в декабре 1940 г. о «Докторе Подобине» было сказано немало гневных слов. В докладе секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР И. И. Сюкияйнена подчеркивалось, что Линеvский не смог показать нового человека: «У него нашлось много красок для описания обывательских мыслей и пе-

реживаний доктора Подобина, его жены и других отрицательных типов своего романа, а образы советских людей даны блеклыми, слабыми»²⁶.

В докладе секретаря Союза советских писателей Карелии С. В. Колосенка также указывалось, что Линеvский увлекся описанием психики Подобина, а советских людей представил серыми и недалекими. В этом докладе Пододин характеризовался как проходимец, вредитель, заядлый враг: «В перспективе он стал бы агентом капиталистических разведок»²⁷.

В этих условиях автор романа вынужден был на съезде писателей Карелии публично признать, что «Доктор Подобин» – книга плохая.

Однако пройдут годы, и в критике сопоставление судеб внешне невзрачного Никиты Тюттиева и нарочито импозантного Антона Подобина будет признано правомерным литературным приемом. Ю. И. Дюжев охарактеризует его так: «Чем больше слетала с доктора мишура «гуманиста» и покровителя всего передового, прогрессивного, тем ярче выявлялась истинная суть Никиты, богатство его человеческой природы, цельность взглядов и поступков»²⁸.

В 1939 г. А. М. Линеvский опубликовал повесть «Как это было (Партизаны Беломорья)». Этот текст существенно отличается от варианта 1932 г. не только возросшим объемом, но и смещением смысловых акцентов. Более весомо в нем показана роль большевиков в организации партизанского движения на Севере. Одним из главных действующих лиц в повести становится большевик Туляков – прошедший царские тюрьмы и ссылки представитель Мурманского подпольного большевистского комитета, волевой человек, хороший организатор. Туляков героически гибнет, спасая партизан от преследования карателей. Через разные испытания проводит автор своих главных героев, братьев с символическими фамилиями – степенного Николая Поморина и взрывного Ивана Лопарева. В целом книга о партизанской войне, изданная в 1939 г., ближе к жанру, с которого А. М. Линеvский начинал путь в литературу – приключенческому. Неоднозначность событий, трагическое мироощущение участников Гражданской войны, которое исследователь почувствовал, записывая рассказы партизан в начале 1930-х гг., и передал в повести 1932 г., в данном тексте отошли на задний план.

Вновь к истории Гражданской войны на Севере А.М. Линевский обратится в годы хрущевской «оттепели». В более благоприятных для творчества общественных условиях, обладая многолетним исследовательским и литературным опытом, он напишет новый роман о Гражданской войне на Севере, и четырехтомная эпопея «Беломорье» будет одобрена властью, принесет А.М. Линеvскому читательское признание и профессиональный успех.

- ¹ Левитина А. А. А. М. Линевский: критико-биографический очерк. Петрозаводск, 1973. Дюжев Ю. И. А. М. Линевский // История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3. Савватеев Ю. А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А. М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
- ² Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009. С. 259–261. Ленинградский университет. 1819–1944. / Отв. ред. В. В. Мавродин. М., 1945. С. 118.
- ³ Национальный Архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 3262. Оп.1. Д. 22/204. Л. 113–114.
- ⁴ Вокруг света. 1932. № 5. С.9.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Вокруг света. 1932. № 6. С.16.
- ⁷ НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 65.
- ⁸ Там же. Л. 261.
- ⁹ Савватеев Ю. А. Указ. Соч. С. 101.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 3262. Оп.1. Д. 22/204. Л. 118.
- ¹¹ Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–258.
- ¹² Научный Архив Карельского научного центра РАН (далее НА КНЦ РАН) Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 56–59.
- ¹³ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932. С. 4.
- ¹⁴ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 67. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Оп. 39. Д. 89. Л. 1–3.
- ¹⁶ Дубровская Е. Ю. Судьбы жителей Водлозерья в «рассказах о Гражданской войне в Карелии» // Водлозерские чтения. Петрозаводск, 2006. С. 234–235.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 112/1060. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 186/21. Л. 77.
- ¹⁹ Там же. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 259.
- ²⁰ Линевский А. М. Доктор Подобин. Петрозаводск, 1937. С. 80.
- ²¹ Там же. С. 167.
- ²² НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 269.
- ²³ Голенченко Я. Похождения доктора Подобина и его добродетельной супруги // Карелия. Альманах Союза советских писателей Карелии. Кн. 2. Петрозаводск, 1939 С. 158.
- ²⁴ Там же. С. 160.
- ²⁵ Там же. С. 159.
- ²⁶ НАРК. Ф. 2923. Оп.1. Д. 1/1. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 64.
- ²⁸ Дюжев Ю. И. Крестьянство и революция // Север. 1971. № 10. С. 113.

*Владимир Васильевич Высоцкий,
Россия, Санкт-Петербург,
Военная академия МТО
им. генерала армии А.В.Хрулёва,
кандидат военных наук, доцент*

Первый опыт создания тыла Красной армии в Гражданской войне

В процессе создания новой армии и организации ее тылового обеспечения пришлось столкнуться с чрезвычайными экономическими трудностями. Сложность этого процесса усугублялась тем, что он проходил в условиях уже начавшейся Гражданской войны.

В это время часто бездумно искоренялись целесообразные принципы, формы организации и способы деятельности тыла старой русской армии и вводились новые, нигде не проверенные, но на первый взгляд близкие к психологии народных масс и соответствующие новой природе и новым задачам вооруженных сил революции, призванных защищать ее завоевания.

Демобилизация старой армии закончилась в апреле 1918 г., но это не коснулось многих центральных и окружных складов, мастерских, магазинов. Они в полном составе были переданы местным советам и продолжали функционировать. Сохранение их, особенно на первом этапе формирования частей Красной армии, сыграло положительную роль. В это время руководство снабжением было возложено на Всероссийскую коллегию по формированию Красной армии, созданную при Народном комиссариате по военным делам.

Коллегия решала все вопросы, связанные с формированием частей и их обеспечением. Декретом СНК от 8 апреля 1918 г. были созданы волостные, уездные, губернские и окружные военные комиссариаты с функциями более широкими, чем у военных отделов Советов. Наряду с призывом граждан на военную службу в их функции входило формирование, снабжение, обеспечение, а также благоустройство войсковых частей, расположенных на их территории¹.

Всё необходимое первые отряды Красной армии получали в пунктах формирования через военкоматы, а затем по месту дислокации через склады местных Советов. В последующем каждый отряд формировал свое самостоятельное хозяйство, являя собой как бы отдельную часть. Во главе отряда находился совет, при котором состоял военный руководитель и органы управления – штаб и инспекторат. Вопросы снабжения отряда были сосредоточены в инспекторате, в состав которого входили: хозяйственный комиссар (интендант), переименованный впоследствии в военно-хозяйственного инспектора; инспектор артиллерии и инженер отряда.

Им подчинялись небольшие штатные подразделения. Эти органы непосредственно не снабжали, а лишь оказывали содействие отрядам в получении различных видов довольствия из окружных или территориальных органов, подчиненных местным Советам.

Одновременно был принят ряд мер по организации централизованного руководства вооруженными силами Республики и их материально-техническим обеспечением. В марте 1918 г. был учрежден Высший военный совет, с подчинением ему всех военных учреждений и лиц. При Совете создан инспекторат, ведавший снабжением действующей армии. В его состав вошли полевой интендант, переименованный вскоре в военно-хозяйственного инспектора, инспекторы: артиллерии, инженеров, по санитарной части, а также начальник военных сообщений, при которых были сформированы небольшие аппараты управления.

В первом полугодии 1918 г. происходило создание центральных довольствующих органов Наркомата по военным делам (главных управлений и управлений) путем объединения отделов самого Наркомата с однотипными отделами Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА. Создание новых центральных довольствующих органов проходило в основном на базе прежних, продолжавших свою деятельность по демобилизации старой армии.

В конце марта 1918 г. уже действовали Главное артиллерийское управление, Центральное военно-техническое управление (преобразованное позже в Главное военно-инженерное управление), Центральный совет по управлению броневыми частями (Центробронь), Управление воздушного флота, Главное военно-санитарное управление, Главное управление пограничному снабжению, Хозяйственный комитет РККА (вместо бывшего Главного интендантского управления старой армии). Объединение хозяйственной деятельности всех этих управлений было возложено на совещательный орган – Военно-хозяйственный совет, который подготавливал решения для коллегии Народного комиссариата по военным делам. На Хозяйственный комитет РККА (Архозком) были возложены функции снабжения армии обмундированием, обувью, бельем,

снаряжением, обозом, продовольствием, денежным и квартирным довольствием¹.

Вся организационная перестройка в Центре завершилась созданием Всероссийского главного штаба, который разрабатывал указания для центральных управлений по планированию материального, технического и медицинского обеспечения войск.

Руководство железными и грунтовыми дорогами, морскими и озерно-речными путями стала осуществлять служба военных сообщений, для чего в составе Всероссийского главного штаба было создано Управление военных сообщений, переименованное в октябре 1918 г. в Центральное управление военных сообщений (ЦУП ВОСО). Для руководства автомобильными перевозками была учреждена специальная автомобильная часть (отдел).

Руководство железнодорожными войсками осуществлял начальник железнодорожных войск Республики, подчиненный начальнику ЦУП ВОСО. Ему же подчинялись и созданные в ноябре 1918 г. этапные части, преобразованные затем в дорожные части Красной армии.

По представлению Высшего военного совета были учреждены 11 военных округов. Округ возглавлял Военно-окружной совет, подчинявшийся непосредственно народному комиссару по военным делам. Округ осуществлял руководство формированием и подготовкой частей Красной армии, принимал меры к поддержанию их боеспособности, а также решал вопросы снабжения войск.

Для обеспечения войск округов были образованы окружные военно-хозяйственные комитеты, которые вскоре были реорганизованы в окружные военно-хозяйственные управления. Они сохранили отчасти структуру расформированных ранее окружных интендантских управлений и приняли на себя их функции. Кроме того, в округе создавались артиллерийское, военно-техническое, санитарное и военно-ветеринарное управления. В штаб округа входил также и отдел военных сообщений. По специальным вопросам снабжения довольствующие управления округа подчинялись соответствующим центральным управлениям.

Первоначально тыл военных округов состоял из учреждений военных округов старой

армии. Затем на их основе были развернуты окружные базы различного предназначения, склады, мастерские и другие тыловые части и учреждения. Тыловые органы дивизии, обеспечивавшие части всем необходимым для жизни и боя, назывались базами. В них входили склады по видам материальных средств, мастерские, транспортные части, санитарные и ветеринарные учреждения, части этапно-транспортной службы и др.².

В основу строительства Красной армии и ее тыла был положен принцип централизованного руководства по схеме: центр – военный округ – соединение – часть; сделаны первые шаги к созданию единой организационной структуры соединений и частей, их тыловых органов на основе принятых штатов.

К лету 1918 г. прошли свое становления все службы снабжения.

Служба артиллерийского снабжения

Руководство производством артиллерийского и стрелкового вооружения, боеприпасов всех видов, а также эксплуатацией и ремонтом всего вооружения, снабжением действующей армии продолжало осуществлять Главное артиллерийское управление (ГАУ) старой армии. Как и другие управления Военного министерства, ГАУ подверглось демократизации. 11 декабря 1917 г. был образован Совет ГАУ в составе 11 человек. С этого времени Совет ГАУ стал основным руководящим органом этого ведомства, при этом права его начальника ограничивались осуществлением решений Совета.

В мае 1918 г. в процессе формирования военных округов были созданы окружные артиллерийские управления, которые взяли на себя все функции, выполнявшиеся в этой области местными советами и их военными органами.

Служба продовольственного и фуражного снабжения

26 ноября 1917 г. в Петрограде открылось общеармейское совещание по продовольственному положению. На совещании отмечалось критическое состояние продовольственного дела в армии, особенно на Северном фронте, где выдача хлеба была сокращена до 1 фунта в день.

На совещании был создан Центральный комитет по продовольствию с функциями контроля за организацией снабжения. Рабочим органом Комитета до марта 1918 г. было Интендантское управление старой армии, работавшее под его контролем. С упразднением Комитета военно-хозяйственным органом, ведавшим продовольствием Красной армии, стал Архозком. К нему перешли все функции снабжения Красной армии не только продовольствием и фуражом, но и интендантским имуществом.

В военных округах были сформированы окружные военно-хозяйственные комитеты. Но Архозкомы и окружные военно-хозяйственные комитеты уже не могли решать сложные задачи обеспечения войск, в том числе и продовольствием, так как в условиях жесткой централизации продовольственного обеспечения в стране все учреждения старой армии, ведавшие этим делом, были переданы организациям Наркомпрода и возвращены Красной армии в середине 1918 г., но без всяких запасов.

В дивизиях и бригадах, с их созданием, функции снабжения всеми материальными средствами были возложены на отдел снабжения, состоявший из трех подразделений: артиллерийского снабжения, инженерного снабжения и интендантского снабжения, объединяющего продовольственное и обозно-вещевое снабжение под руководством соответствующих начальников снабжения. Штат отдела снабжения дивизии включал 116 человек, бригады – 19 человек. В полках продовольственным снабжением ведал квартирмейстер, фуражным – начальник хозяйственной команды. Оба подчинялись заведующему хозяйством полка.

В армиях вопросами продовольственного снабжения занимались отделы, а во фронтах – управления начальников снабжений армий фронта.

Одной из важных проблем в создаваемой армии было ее **вещевое снабжение**. Вещевое имущество, сдаваемое войсками и остававшееся на местах после демобилизации, долгое время не использовалось довольствующими органами Красной армии. Не имея сведений о количестве, состоянии и даже местонахождении этого имущества, учет которого только зарождался, вещевая служба

не использовала его для снабжения, и оно, сваленное в непригодных складах, слабо охраняемое, долгое время лежало без учета, портилось и понемногу расхищалось и растаскивалось населением.

Кроме того, много запасов военного ведомства было уничтожено в связи с усиленной эвакуацией имущества на восток из районов немецкого наступления. Эвакуированное имущество перебрасывалось на линию Вологда – Рыбинск – Ковров – Ряжск – Воронеж. Но в сложившейся обстановке всего вывести уже было нельзя. Срочность и поспешность эвакуации, неподготовленность пунктов назначения к приему и выгрузке имущества, отсутствие складов, охраны и личного состава, который бы его принимал, непланомерность самого процесса эвакуации привели к тому, что многое имущество было расхищено населением, разошлось по разным учреждениям и организациям. Разбросанное в большом беспорядке, без сортировки по назначению и качеству в многочисленных пунктах и в непригодных для складских операций помещениях или под открытым небом, оно долгое время оставалось неучтенным и, пока в нем разбирались, не могло быть использовано для снабжения формируемых частей Красной армии³.

Службой обозно-вещевого снабжения, создаваемой в Красной армии, вначале также ведал Архозком; в округах этими вопросами занимались окружные военно-хозяйственные комитеты при военно-окружных советах.

Вместо этих, еще не успевших сформироваться органов, была введена новая организация в виде окружных хозяйственных управлений, в составе которых имелись вещевые отделы, непосредственно занимавшиеся вопросами вещевого обеспечения. Одновременно проходило формирование военных комиссариатов. Вопросами снабжения в губернском комиссариате ведал специальный отдел снабжения, а в уездном – отделение снабжения. Их обязанностью было удовлетворение всеми видами довольствия, в том числе вещевым, подведомственных военным комиссариатам войсковых частей, учреждений и заведений военного ведомства, расположенных в губернии или уезде, но не входящих в состав дивизий, а

из числа входящих в дивизии, лишь в период их формирования.

Для хранения имущества при губернских комиссариатах открывались склады, из которых производился отпуск вещей войсковым частям, управлениям, учреждениям и заведениям, подведомственным или состоящим на довольствии у военных комиссариатов. На довольствии же окружных управлений оставались только некоторые приписанные к ним войсковые части или части и учреждения, находящиеся в непосредственном распоряжении округа.

Снабжение отрядов Красной армии, до формирования дивизий, было возложено на органы снабжения: в Центре – на военно-хозяйственного инспектора, входившего в состав штаба военного руководителя Высшего военного совета. На нем лежала обязанность содействовать отрядам Красной армии в получении необходимых предметов вещевого имущества из складов, находившихся в ведении местных, окружных или центральных органов.

В завесах, районах и каждом отряде снабжение частей Красной армии находилось также в ведении соответствующих инспекторов и хозяйственного комиссара (интенданта). При каждом инспекторе и хозяйственном комиссаре для выполнения обязанностей по снабжению находились небольшие штатные аппараты.

Заготовка предметов вещевого имущества и пополнение баз для снабжения отрядов Красной армии, по требованию инспекторов и хозяйственных комиссаров, производились местными (губернскими и уездными) комиссариатами, окружными и центральными органами снабжения.

Функции органов, ведавших вопросами снабжения в отрядах (районах, завесах), точно регламентированы не были, но на практике каждый из этих органов исполнял обязанности корпусного и дивизионного интенданта (применительно к структуре старой армии).

Отрядная организация снабжения просуществовала почти до августа 1918 г., а в некоторых местах и дольше, т.е. до сведения отрядов в дивизии.

Вопросами обозно-вещевого снабжения в дивизии (бригаде) также ведал отдел объединенного снабжения, входивший в состав управления дивизии.

Каждой стрелковой дивизии по штату был положен дивизионный вещевой склад. В войсковых частях состояли обозы для перевозки подвижных запасов.

Обозно-вещевое снабжение армий осуществлялось отделом начальника снабжений армий, а армий фронта – управлением начальника снабжений фронта через обозно-вещевой отдел.

Функции органов снабжения в армиях и на фронтах определялись «Положением о полевом управлении войск», причем Реввоенсоветы (РВС) армий и фронтов пользовались хозяйственными правами, в числе которых было и право разрешать войскам (в исключительных случаях) производить заготовки в отведенных районах.

Органы снабжения дивизий, армий и фронтов были подчинены соответствующим командирам и командующим, а по линии снабжения нижестоящий начальник снабжения подчинялся начальнику снабжения вышестоящего звена.

Для наблюдения за наличием и состоянием предметов снабжения при Полевом штабе Главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики состоял военно-хозяйственный инспектор.

Снабжение горючим и военно-техническим имуществом

Задача обеспечения горючим и смазочными материалами отрядов красногвардейцев и воинских частей, перешедших на сторону революции и использовавших автомобили и броневые машины, была возложена на автомобильный отдел Петроградского Военно-революционного комитета. При формировании Красной армии были приняты меры к сохранению авиационных, броневых и автомобильных частей старой армии, имевших небольшое количество этой техники. Так, боеготовых самолетов насчитывалось около 100–120, очень мало было автомобилей и броневиков. В стрелковой дивизии по штату предусматривалось 13 автомобилей и 4 броневика, фактически же их было меньше. Танков насчитывалось всего несколько единиц.

При таком парке моторизованной техники потребность Красной армии в горючем была сравнительно небольшой. Это обстоятельство не вызывало потребности в создании самостоятельной службы снабжения горючим.

Большую группу материальных средств, используемых армией, составляло инженерное и техническое имущество. Оно включало все имущество, состоявшее на вооружении инженерно-саперных частей, в том числе и подрывные средства, а также технику, находившуюся на вооружении частей и подразделений телефонной, телеграфной и радиосвязи, автомобили, броневые автомобили и их имущество, горючее, средства химической защиты. Снабжение всеми этими средствами осуществляло Главное военно-инженерное управление (ГВИУ), в ведении которого находились части и подразделения: инженерно-саперные, связи и автомобильные.

В самом начале революции ГВИУ также подверглось демократизации, а затем подлежало расформированию, но в связи с созданием Красной армии было реорганизовано в Центральное военно-техническое управление (ЦВТУ), сохранив за собой только снабженческие функции. Руководство инженерными частями было передано инженерному инспекторату при Полевом штабе Республики.

ЦВТУ подразделялось на четыре части: общую, организационно-распределительную, заготовительную, хранения и распределения имущества. Во главе Управления находился совет, из состава которого выделялось исполнительное бюро и три секции: организационная, хозяйственная и контрольная.

В военных округах создавались военно-технические управления также со снабженческими функциями, а руководство инженерными частями возлагалось на инспекторат инженерных войск. Оба этих органа поддерживали между собой тесный контакт по вопросам снабжения.

На базе автобронедивизионов и бронепоездов старой армии формировались броневые силы Республики. Еще в конце 1917 г. по приказу Наркомвоена был образован Центральный совет по управлению броневыми частями (Центробронь) во главе с исполнительным комитетом, подчинявшимся непосредственно Наркомвоену. Вначале совет осуществлял руководство формированием только автоброневых частей, а с апреля 1918 г. и бронепоездов.

На Центробронь возлагались задачи по формированию и укомплектованию личным составом броневых частей, производству и

восстановлению броневой техники, снабжению военно-техническим имуществом, сбору броневоего имущества и ремонтных средств старой армии, подготовке кадров и контролю за правильным боевым использованием бронечастей. Для ремонта автобронечастей имели мастерские, бронепоезда – вагоны-мастерские. Ремонт подвижного состава производился в местных железнодорожных депо.

Весной 1918 г. началось формирование первых частей связи Красной армии. Снабжение их средствами связи и специальным имуществом осуществляло также ЦВТУ и его органы на местах.

Служба военных сообщений

31 декабря 1917 г. был образован Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) и его коллегия, в подчинение которым вошли все виды транспорта: железнодорожный, водный, автомобильный.

В марте 1918 г. в связи с расформированием Ставки Главного командования и учреждением взамен ее Высшего военного совета в его ведение было передано управление военными сообщениями (ВОСО).

В каждом военном округе до 1918 г. имелось управление военными сообщениями. Воинскими перевозками на железных дорогах руководили заведующие передвижениями войск, а на крупных станциях и узлах военные коменданты. Во фронте службу ВОСО возглавлял ее начальник, имевший аппарат управления и подчиненный начальнику штаба фронта. В марте 1918 г. управления ВОСО военных округов были упразднены и вместо них учреждены должности начальников ВОСО округов НКПС с подчинением их начальнику ВОСО при Высшем военном совете. Месяцем позже, в апреле, заведующие передвижением войск были заменены военными представителями – военнотружущими, имевшими специальную техническую подготовку.

Организация перевозок водным транспортом в это время сосредоточивалась в железнодорожных комендантских управлениях, соприкасавшихся с водными путями сообщения.

Железнодорожные войска

В связи с ликвидацией царской армии было решено расформировать и железнодорожные

войска. Постановление об этом было вынесено в январе 1918 г. на Всероссийском съезде железнодорожных войск. Личный состав войск (около 130 тыс. человек) и железнодорожное имущество были переданы НКПС.

С началом боевых действий против интервентов и внутренней контрреволюции, а также с формированием Красной армии вновь возникла необходимость создания железнодорожных войск. В первом периоде войны они формировались решением командования фронтов из местных железнодорожников и не имели единой структуры и оснащения.

Автомобильная служба

Первым послеоктябрьским органом управления автомобильными частями был автомобильный отдел Петроградского революционного комитета. В ноябре 1917 г. был создан Центральный автотранспортный отдел при Комиссариате по демобилизации – «Всероссийский автоцентр». Параллельно сохранялись органы автомобильной службы старой армии – заведующие автомобильной частью фронта (армии), занимающиеся снабжением войск автомобильным имуществом.

К началу 1917 г. русская армия имела 22 автомобильные роты, укомплектованные в основном машинами грузоподъемностью 1,5-2,5 тонны.

18 января 1918 г. был издан приказ Народного комиссариата по военным делам № 48, которым было объявлено о расформировании всех автомобильных частей бывшей царской армии и о передаче их имущества в распоряжение Центрального автотранспортного отдела Комиссариата по демобилизации.

Медицинская служба

С началом строительства регулярной Рабоче-Крестьянской Красной армии возникла необходимость организовать и систему ее медицинского обеспечения.

До Октябрьской революции Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) старой армии ведало комплектованием медицинских учреждений действующей армии, медицинским составом и снабжением медицинским имуществом, но медицинским обеспечением, в частности организацией эвакуации раненых и больных, не занималось.

С образованием 15 января 1918 г. при Народном комиссариате по военным делам Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной армии в ее составе предусматривалась организация санитарного отдела для обеспечения новой армии санитарно-медицинской помощью.

31 января 1918 г. Наркомвоен и коллегия ГВСУ издали приказ №116 о создании санитарного отдела РККА. В конце февраля 1918 г., при санитарном отделе был создан исполнительный комитет, в состав которого вошли представители ГВСУ, РККА, Окружного военно-санитарного управления, медико-санитарного отдела Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Областного комитета союза городов помощи раненым и больным воинам, Управления делами Общества Красного Креста. После того как 4 марта 1918 г. декретом СНК во главе обороны страны был поставлен Высший военный совет, в его состав на правах инспекции вошло Управление главного полевого санитарного инспектора. Однако уже 5 марта Наркомвоен и коллегия ГВСУ издали приказ №187, которым это управление расформировывалось и все функции по объединению санитарных мероприятий на фронте передавались коллегии. Таким образом, коллегия ГВСУ стала единым полномочным руководящим центром медицинской службы Красной армии.

Претерпели изменения и органы управления медицинской службы фронтов, военных округов и армий. Приказом Наркомвоена от 29 января 1918 г. №117 их военно-санитарные советы, сформированные в 1917 г., а также должности начальников соответствующих санитарных частей, окружных военно-санитарных инспекторов и их помощников были упразднены. Вместо них для управления санитарной частью фронта, военного округа, армии вводились врачебно-санитарные отделы в составе представителей от всех медицинских работников. Из их числа выделялись коллегии в составе трех человек, один из которых должен был быть врачом.

Ветеринарная служба

Ветеринарная служба была одной из старейших в русской армии.

В организации военно-ветеринарной службы принимал активное участие Главный военно-ветеринарный комитет, избранный в 1917 г. Он продолжал свою работу до 8 мая 1918 г., когда Реввоенсовет Республики учредил коллегию Военно-ветеринарного управления Красной армии.

Первый опыт создания тыла Красной армии в первом периоде гражданской войны позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Первый период гражданской войны, продолжавшийся до лета 1918 г., характеризовался поисками новых путей организации тыла и способов тылового обеспечения. При этом нельзя не отметить стремление решительными, революционными путями преобразовать соответствующие органы управления тылом старой армии путем их демократизации – созданием коллегий, как органа коллективного руководства, а также исполнительных органов при них: советов, комитетов, инспекторов.

2. Советская власть стремилась по возможности сохранить все материальные ценности, оставшиеся от старой армии. Однако сложное внутреннее положение молодой Республики (развал фронтов, демобилизация старой и формирование новой армии, начинающаяся гражданская война, общий хаос в стране, ее экономике, сельском хозяйстве, на транспорте) не всегда обеспечивало эту возможность.

3. В самом начале создания новой армии принимались меры по формированию централизованной системы ее снабжения и обеспечения. Параллельно была проведена реорганизация местных военных органов, основу которой также составляла централизация руководства военным снабжением.

4. К строительству Красной армии пришлось привлечь военных специалистов старой русской армии, после чего во всех областях военного дела начало сказываться их влияние и практический опыт, взгляды, мнения и суждения, формировавшиеся в русской армии в течение многих десятилетий.

¹ История Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII-XX вв.). Кн.2.- СПб.: ВАТТ. 2000. С.18.

² История тыла. Учебное пособие. – Л.: ВАТТ. 1974. С.29.

³ 300 лет Тылу Вооруженных Сил России. Кн.2.- СПб.: ВАТТ. 2011. С. 29.

*Валерий Григорьевич Капшитар,
Россия, Санкт-Петербург Военная академия
материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В.Хрулёва
кандидат исторических наук, доцент*

Особенности материального обеспечения Красной армии в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Сложная обстановка в России, обусловленная массовой демобилизацией в связи с окончанием Первой мировой войны, экономической разрухой в стране и развернувшейся гражданской войной, предопределила характер и особенности работы тыла Красной Армии в целом и материального обеспечения войск в частности. Самым тяжелым периодом в обеспечении войск был период с 1918 г. по 1920 гг. Именно в это время отчетливо проявились ошибки и просчеты в организации материального обеспечения и технического оснащения служб тыла, получены уроки и сделаны выводы в интересах совершенствования работы тыла и его соответствия требованиям войны. Автор предлагает рассмотреть вопросы материального обеспечения Красной армии по основным видам обеспечения войск.

Артиллерийское снабжение

Важнейшей задачей артиллерийского снабжения была организация производства и снабжения войск артиллерийским и стрелковым вооружением, всеми видами бое-

припасов, приборами управления огнем и другим артиллерийским имуществом, а также планирование и осуществление его ремонта. В распоряжении Главного артиллерийского управления (ГАУ) имелись арсеналы, базы и склады, на которых накапливались вооружение и боеприпасы, поставляемые с заводов. Здесь производилась их комплектация, формирование транспортов и отправка на фронт.

Во фронте артиллерийским снабжением ведало управление, в армии – отдел начальника артиллерийского снабжения.

Основные трудности в артиллерийском снабжении были связаны с ограниченным количеством вооружения и боеприпасов, а также сложностью их доставки в войска. Подвоз боеприпасов войскам осуществлялся, как правило, с центральных баз отдельными транспортами в сопровождении конвоя. Ремонт артиллерийского и стрелкового оружия в широких масштабах проводился на местах.

Важным источником артиллерийского снабжения являлось трофейное имущество и сбор оружия на поле боя. Для этой цели в каждой

части создавались особые команды по сбору оружия, боеприпасов и другого имущества, которые затем сдавались в обозы или на ближайшие склады. Сбором оружия и военного имущества занимались также коменданты, которые обязаны были непосредственно или через местные органы власти организовывать в своем районе принудительный сбор оружия и военного имущества у населения.

Продовольственное снабжение

Положение с продовольствием в стране продолжало оставаться тяжелым. Армия вынуждена была получать продовольствие путем реквизиций на местах, к тому же в условиях ограниченного его количества. Такой способ снабжения часто приводил к инцидентам с местным населением. Поэтому 14 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров образовал Центральную комиссию по упорядочению и правильной постановке дела снабжения армии предметами продовольствия первой необходимости (Цекопродарм).

Центральная комиссия возглавлялась лицом, назначенным Советом Народных Комиссаров, и носила межведомственный характер, так как в ее состав, кроме председателя комиссии, входили два члена от военного ведомства и два от продовольственного ведомства. Исполнительными органами этой комиссии на местах являлись особые комиссии по заготовке продовольствия и фуража в прифронтной полосе (опродкомы). Комиссии создавались во фронтах, армиях, дивизиях, а также в местных органах власти.

В дальнейшем Цекопродарм был ликвидирован и вместо него в составе Наркомпрода создано Главное управление по снабжению Красной армии и флота продовольствием и предметами первой необходимости (Главснабпродарм).

В действующей армии органами Главснабпродарма были: во фронтах – фронтные, в армиях – армейские опродкомы, в дивизиях – опродкомдивы, в бригадах – опродкомбриги, в полках – опродкомполки. Все опродкомы состояли из председателя комиссии и двух членов, один из которых был представителем от военного ведомства, другой от Наркомпрода. Председатели «опродкомов»

пользовались правами соответствующего командующего: фронтом, армии; командира дивизии, бригады, полка. Члены же опродкомов пользовались правами соответствующих начальников снабжения. Председатель опродкомфронта входил в состав РВС фронта с правом решающего голоса, а председатель опродкома армии – в состав РВС армии с правом совещательного голоса.

Функциями всех опродкомов были: организация заготовок в своих тыловых районах; распределение заготовленного продовольствия между войсками и гражданским населением; наблюдение за своевременной доставкой в войска всего для них предназначенного; учет и контроль действительной потребности частей армии в связи с общими продовольственными нуждами и ресурсами данного района; учет, распределение и расходование запасов в частях армии; принятие мер к восстановлению и поднятию производства промышленных предприятий, обрабатывающих продовольствие и вырабатывающих предметы первой необходимости.

К концу 1918 г. продовольственное положение в стране продолжало оставаться крайне тяжелым. Выход из него виделся в проведении политики продразверстки, которая предусматривала: введение государственной хлебной монополии, строжайший учет излишков у крестьян и обязательную сдачу их государству по твердым ценам на условиях товарообмена, распределение хлеба под контролем государства. Политика продразверстки носила ярко выраженный классовый характер – основная тяжесть разверстки возлагалась на богатую часть крестьянства. Принятые в этой области меры позволили в короткий срок создать государственные запасы хлеба и организовать обеспечение армии.

Для выполнения своих функций органы продовольственного снабжения фронта (армии) имели продовольственные базы и магазины (склады); дивизии – продовольственные магазины, хлебопекарни, гурты скота и продовольственный транспорт; бригады – продовольственные склады и транспорт для подвоза продовольствия и фуража в полки. В полках имелся специализированный транспорт для содержания запасов и подвоза продовольствия и фуража в роты. Воинские части, расположенные

в тылу, снабжались губернскими и уездными военными комиссариатами через отделы снабжения.

В июле 1918 г. были установлены первые нормы продовольственного снабжения Красной армии. Они подразделялись на два вида пайков: для действующих отрядов (фронтовой), а также для тыловых и резервных отрядов. Калорийность фронтового пайка составляла 2288 килокалорий, для тыловых и резервных отрядов – 1572 килокалории¹.

В декабре 1918 г. норма хлеба в пайке для действующих отрядов была увеличена с 615 до 820 граммов. Калорийность пайка возросла до 2678 килокалорий. В 1920 г. улучшилось питание летчиков, были установлены специальные нормы (обыкновенная, усиленная, слабая и молочная) для раненых и больных, находящихся на лечении в военно-лечебных заведениях².

Продовольствие отпускалось Наркомпродом по заявкам Главного военно-хозяйственного управления. Наркомпрод выдавал наряды губернским продовольственным комиссиям (губпродкомам), которые должны были сдавать или отгружать продовольствие военно-продовольственным складам или войскам.

Недостаточные ресурсы, которыми располагали губпродкомы, вынуждали войска действующей армии проводить в прифронтовой полосе самостоятельные заготовки продовольствия, но в дальнейшем все вопросы заготовок были сосредоточены в Главном управлении по снабжению Красной армии продовольствием (Главснабпродарм).

В ноябре 1920 г. совместным приказом Реввоенсовета Республики и Наркомпрода все снабженческие функции в звеньях от фронта до бригады включительно были переданы органам Главснабпродарма. Этим органам были переданы и все тыловые части продовольственной службы: склады, хлебопекарни, гурты скота, продовольственный транспорт. Организация продовольственного снабжения в полках и находилась в ведении командиров полков.

Вещевое снабжение

Еще во время демобилизации царской армии Народный комиссариат по военным делам для сохранения имущества приказал всем частям, управлениям, учреждениям и заведениям, демо-

билизуемым как на фронте, так и в тылу, сдавать все запасы обмундирования и снаряжения своим хозяйственным органам, на которые была возложена ответственность за их сбережение. В каждой части, подлежащей расформированию, были организованы ликвидационные комиссии, работа которых протекала под руководством органов, ведавших демобилизацией на местах.

Все имущество подлежало сдаче на соответствующие склады по описи. Контроль за выполнением приказа возлагался на местные губернские и уездные Советы, которые обязывались при необходимости обеспечивать склады дополнительными помещениями и принимать меры к их охране³. Сдаваемое имущество предназначалось в первую очередь для снабжения Красной армии, поэтому местным Советам в районах, где проводилось формирование отрядов и частей, предоставлялось право распределения этого имущества для их снабжения. Кроме того, на местные Советы возлагалась ликвидация вещевых магазинов, вещевых складов, обмундировальных и починочных мастерских, если они были не нужны Красной армии. Согласно этому распоряжению местные Советы приняли в свое ведение значительное количество интендантских хозяйственных учреждений с имуществом и инвентарем. Одна часть из них была расформирована и ликвидирована, другая сохранена для обслуживания новых формирований Красной армии. Впоследствии все интендантские учреждения с имуществом были переданы Советами в ведение окружных военно-хозяйственных управлений⁴.

Необходимо отметить, что большинство войсковых частей 8-миллионной старой армии, утративших дисциплину, не выполнили приказа о сдаче имущества на склады, а занялись его хищением и распродажей. В связи с этим приказом Народного комиссара по военным делам от 20 января 1918 г. предписывалось всякую попытку расхода имущества вне установленного порядка пресекать самыми решительными мерами, вплоть до применения оружия против всех, кто замечен в расхищении, на месте преступления. Командирам и полковым комитетам под угрозой предания революционному трибуналу приказывалось срочно произвести учет состоящего в частях имущества, а рас-

хищенное отобрать и хранить в полковых цейхгаузах впредь до особого распоряжения.

Все излишние запасы вещевого имущества на складах военного ведомства, а также запасы имущества, изготовленные для армии на фабриках, заводах и в мастерских, пригодные для надобностей населения, решено было использовать для товарообменных операций с целью устранения надвигавшегося продовольственного кризиса. В интересах этого принимался целый ряд мер для передачи и сосредоточения имущества, годного для товарообмена, в государственных продовольственных организациях. Для облегчения операций с товарообменом отдел по ликвидации военного имущества Управления по демобилизации армии был подчинен Высшему совету народного хозяйства по отделу обмена с деревней. На этот отдел возлагалось использование ненужных для армии запасов обмундирования и снаряжения для государственных продовольственных операций. Затем все ненужное армии вещевое имущество было также передано московскому продовольственному комитету и другим местным государственными продовольственными организациям⁵.

Следует подчеркнуть, что из огромной массы вещевого имущества, доставшегося в «наследство» Советскому государству и его армии, воспользоваться можно было небольшой его частью (менее 30%), так как к апрелю 1918 г. значительная часть территории России была оккупирована и занята белогвардейцами. Большая часть вещевого имущества старой армии осталась на этой территории.

Как было организовано вещевое обеспечение в войсках формирующейся Красной армии? Вещевым снабжением во фронтах и армиях ведали военно-хозяйственные управления, а в дивизиях и бригадах – отделы. В воинской части снабжением этим имуществом занимался заведующий хозяйством. Непосредственное довольствие личного состава вещевым имуществом было сосредоточено в ротах, батареях, эскадронах.

Все органы военно-хозяйственного снабжения от центра до бригады имели штатные обозно-вещевые склады, которые делились на центральные, фронтовые, армейские, ди-

визионные и бригадные. В свою очередь, фронтовые и армейские склады подразделялись на обозно-вещевые и военно-хозяйственные. Обозно-вещевые склады предназначались для хранения запасов вещевого и обозного имущества, комплектации направляемых для удовлетворения потребности войск предметов снабжения. Дивизионные и бригадные склады являлись полевыми, но размещались, как правило, в железнодорожных вагонах. Из дивизионных складов обозно-вещевое имущество направлялось в бригадные склады, из бригадных – в части и отдельные подразделения. В тылу обозно-вещевые склады находились в ведении губернских и уездных военных комиссариатов.

Несмотря на значительные экономические трудности, правительство Республики принимало меры к тому, чтобы воины молодой Красной армии были одеты и обуты. Войсковым частям, управлениям и учреждениям военного ведомства вещи на одного красноармейца отпускались по следующей норме:⁶

обмундирование: шинель – 1, рубаха походная суконная – 1, рубаха гимнастерочная – 1, шаровары суконные – 1, шаровары летние – 1, фуражка – 1, папаха – 1;

обувь: сапоги – 1 пара, подметки – 1 пара. Сапоги могли заменяться ботинками с обмотками;

белье: рубахи нательные – 3, исподние брюки – 3, утиральники – 3, носовые платки – 3, портянки летние – 3 пары;

постельные принадлежности: наволочки подушечные верхние – 3, простыни – 3, наволочка подушечная нижняя – 1, наволочка тюфячная нижняя – 1, одеяло – 1. Постельные принадлежности отпускались только войсковым частям, расположенным казарменным порядком;

теплые вещи: перчатки шерстяные или рукавицы суконные с двумя пальцами – 1 пара, фуфайка вязанная бумазейная или трикотажная – 1, кальсоны – 1, набрюшник – 1, наушники обыкновенные – 1 пара, суконные портянки или шерстяные носки – 1 пара, ватные шаровары – 1;

Устанавливались следующие сроки пользования вещевым имуществом: обувь с дополнительными подметками к ней и походные суконные шаровары – не менее 6 месяцев; папаха – не

менее 2 лет; кожаная одежда, наволочки подушечные нижние и тюфячные, одеяла и постова́я одежда – не менее 3 лет; лагерь и металлические вещи – бессрочно; остальные вещи – не менее 1 года каждая.

Порядок выдачи и продолжительность носки вещей на летнее или зимнее время устанавливались приказами по округу, в зависимости от климатических условий, а в действующей армии – распоряжениями полевых органов снабжения.

Все предметы вещевого довольствия, отпущенные войсковым частям, управлениям и учреждениям, включая и те, которые состоят в носке на красноармейцах, составляли собственность казны. Запасные подметки расходовались на починку сапог в починочных мастерских.

При расположении войск в казармах для набивки тюфяков и подушек отпускалось по 10 фунтов соломы на человека сроком на два месяца. Для освежения этой набивки, по прошествии двухмесячного срока, солома выдавалась в зависимости от надобности весом от 3 до 5 фунтов в месяц на человека.

При увольнении со службы или в отпуск каждому красноармейцу выдавалась его собственная одежда, хранившаяся в цейхгаузе. Если ее недоставало или качество было неподходящим, в зависимости от времени года выдавалось лишь самое необходимое. Выдаваемые увольняющемуся со службы казенные вещи должны были быть пригодными для носки в течение некоторого времени после увольнения. Из белья выдавался только один комплект (рубаша, кальсоны и пара портянок).

Части, входившие в состав дивизий во внутренних округах, предметами вещевого довольствия снабжались теми же отделами снабжений губернских военных комиссариатов, но по нарядам соответствующего окружного военно-хозяйственного управления.

При уездных и волостных военных комиссариатах вещевых складов не было, а содержались цейхгаузы для удовлетворения текущей потребности команд, состоявших при комиссариате, причем нормы вещей в цейхгаузах определялись военно-окружным совещанием в пределах существовавшей таблицы вещевого довольствия.

В действующей армии вещевые запасы разделялись на носимые, подвижные и хранимые в вещевых складах. Носимый запас находился на людях. К возимым запасам относился небольшой запас сапог, помещаемых в третьих взводах бригадных продовольственных транспортов из расчета одна пара сапог на десять человек штатного состава. Кроме того, в войсковых обозах возился инструмент и запас материалов для починки вещей и обуви.

Вещевые склады, расположенные на тех или иных направлениях действий войск, принимали предметы вещевого довольствия, хранили их в своих магазинах и отпускали по требованиям. Наряду с этим они должны были принимать на хранение сезонные вещи, бывшие в носке, а также старые и негодные вещи для отправки в центр по указанию Главного военно-хозяйственного управления. Принятые на хранение сезонные вещи, т. е. такие вещи, которые по времени года должны быть сданы (например, зимние вещи с наступлением весеннего теплого времени), вещевые склады сортировали, ремонтировали (что можно было) в починочных мастерских, годное дезинфицировали и готовили к последующей выдаче.

Каждый вещевой склад состоял из управления склада и магазинов, содержащих разные предметы вещевого довольствия. Во главе склада стоял заведующий – главный смотритель, а магазинами склада непосредственно ведали смотрители магазинов, имевшие в своем распоряжении вахтеров и команду.

Вещи для хранения в магазинах размещались на стеллажах, станках с полками и вешалками, в шкафах, ларях и других приспособлениях и хранились по сортам, вследствие чего и магазины носили названия – суконный, холщевой, сапожный, металлический, амунический, седельно-обозный, шитого обмундирования, лагерный и др.

Вещевые склады разделялись на базисные, запасные, армейские, дивизионные и крепостные. Базисные, запасные и армейские склады формировались из существовавших в мирное время или учреждались заново. Крепостные склады, как постоянные, создавались в крепостях еще в мирное время.

Базисные вещевые склады фронтальной базы являлись главными и начальными

ми складочными хранилищами, в которые поступали все предметы вещевого довольствия, доставлявшиеся на фронт по нарядам главного военно-хозяйственного управления из внутренних складов, пополняемых, в свою очередь, предметами вещевого довольствия, заготавливаемыми отделом военных заготовок при Высшем совете народного хозяйства. Для удовлетворения текущей потребности в вещах частей фронта, не входивших в состав армии, при базисных складах открывались расходные магазины.

Запасный вещевой склад входил в состав фронтовой базы и предназначался, главным образом, для приема от войск вещей, бывших в носке, как годных, так и негодных.

Для базисных и запасных вещевых складов нормы запасов не устанавливались. Было принято положение, что на этих складах должно было содержаться столько вещей, сколько необходимо для непрерывного снабжения фронта.

Армейские вещевые склады открывались по одному на каждую армию и служили для снабжения дивизионных вещевых складов и всех частей, управлений, учреждений и заведений, находившихся в войсковом районе армии и не входивших в состав дивизий.

Дивизионные вещевые склады удовлетворяли текущую потребность в вещах. Для того чтобы ограничить накапливание больших запасов на вещевых складах действующей армии, устанавливалось, что предметы вещевого довольствия на этих складах должны содержаться не свыше следующей нормы:⁷

все предметы вещевого довольствия, установленные по табелю, кроме белья, обуви и постельных принадлежностей, в дивизионных – 5%, в армейских – 10%, в базисных фронтовых – 20%;

комплекты белья (рубашка – 1, кальсоны – 1, летние портянки – 1 пара), обувь (пара сапог или ботинок с обмотками и подметки) не свыше: 10% – на дивизионных складах, 20% – на армейских и 40% – на базисных фронтовых.

При базисных, запасных и армейских вещевых складах открывались починочные мастерские.

Общие условия снабжения действующей армии в ходе гражданской войны оставались весьма трудными. Однако, производство

обмундирования, обуви и снаряжения удавалось год от года значительно увеличивать. Так, если к декабрю 1918 г. запасы вещевого имущества составляли всего лишь 367 тыс. шинелей, 244 тыс. походных рубах, 109 тыс. походных шаровар, 91 тыс. пар сапог, 77 тыс. пар валенок, 115 тыс. полушубков, то в 1919–1920 гг. для войск Красной армии было изготовлено 5,6 млн. шинелей, около 1 млн. комплектов обмундирования, 10,3 млн. пар сапог и ботинок, свыше 19 млн. комплектов нательного белья и другое имущество⁸.

В период Гражданской войны была установлена вполне оправдавшая себя схема обеспечения войск Красной армии вещевым и обозным имуществом: центр – фронт – армия – дивизия – бригада – полк – рота – красноармеец. Несмотря на мобилизацию всех ресурсов, войска Западного фронта в период летнего наступления 1920 г. были обеспечены обмундированием, обувью, бельем всего лишь на 21–36%, и только к октябрю их обеспеченность вещевым имуществом удалось довести до 50–92% потребности⁹.

Снабжение горючим

Снабжение горючим частей и соединений фронта осуществлялось управлением заведующего автомобильной частью фронта, которое имело в своем распоряжении основной и промежуточный бензосклады. В армии снабжение горючим возлагалось на командира одной из автомобильных рот, который являлся заведующим автомобильной частью армии. Ему подчинялись все автомобильные подразделения и команды, а также мастерские и передовые бензосклады армии. В дивизиях за снабжение горючим отвечал заведующий инженерным снабжением, подчиненный начальнику снабжения дивизии.

Броневые части, входившие в состав фронта, придавались, как правило, дивизиям и обеспечивались горючим начальниками снабжения дивизий.

Все авиационные отряды приписывались на снабжение горючим к соответствующим авиационным паркам, в составе которых был склад горючего. Каждый фронт имел по одному такому парку. В округах – окружные авиапарки. Склады горючего авиапарков отпускали горючее

непосредственно авиационным отрядам. Пополнение запасов горючего фронтовых и окружных авиапарков производилось через центральные авиационные базы, которые находились в ведении главного начальника снабжения Красного Воздушного Флота.

В годы войны, как видим, в связи с относительно небольшой потребностью в горючем не возникала еще необходимость создания самостоятельной службы. Однако, основные вопросы, связанные с хранением, выдачей, учетом и отчетностью по горючему и смазочным материалам в армии, уже в то время рассматривались в органах, которые ведали эксплуатацией техники.

В заключение следует сказать, что органами снабжения всех уровней выполнена колоссальная работа по обеспечению Красной Армии всеми необходимыми материальными средствами. В условиях Гражданской войны это была не простая задача.

Экономические трудности в стране и ограниченные возможности военного производства обусловили необходимость жесткой централизации в распределении материальных средств. Это проявилось в создании таких структур, как органы Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, Чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению армии и флота. Жесткая централизация материального снабжения Красной Армии обеспечила более рациональное использование материальных средств Советской республики для разгрома сил внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции.

Характерной чертой работы тыла по материальному обеспечению Красной Армии во время войны была его громоздкость. Армия была вынуждена иметь большое количество различных хозяйственных команд для заготовки продовольствия, фуража, дров для железнодорожного транспорта и участия в производстве различных предметов военного назначения. Кроме того, многие виды заготовок осуществлялись не только в интересах армии, но и в интересах гражданского населения. Все это приводило к тому, что на одного воюющего бойца приходилось более десяти человек, занятых в тылу.

В основу материального обеспечения Красной армии были положены принципы первоочередного обеспечения войск, выполняющих главную задачу, соответствия устройства тыла и организации снабжения задачам обеспечиваемых войск и конкретной боевой и оперативной обстановке, осуществления материального обеспечения по видам материальных средств, отпуск которых производился согласно заявкам по нарядам. Срок действия которых устанавливался в один месяц.

Критическое осмысление опыта Гражданской войны, изучение боевого опыта войск, принципов и способов тылового обеспечения русской армии и армий передовых стран того времени позволило в последующем разработать теорию тылового обеспечения, соответствующую современным требованиям, и на этой базе создать стройную систему обеспечения войск в бою и операции.

¹ Приказ Народного комиссара по военным делам 1918 г. № 615.

² Продовольственное снабжение Советской Армии: Учебное пособие. ВАТС, 1952. С. 76-77.

³ Приказ Народного комиссара по военным делам от 26 января 1918 г. № 94.

⁴ Приказ Народного комиссара по военным делам от 6 июня 1918 г. № 524.

⁵ Приказ Народного комиссара по военным делам от 23 декабря 1917 г. № 62.

⁶ История тыла Российских Вооруженных сил. Книга вторая. СПб.: ВАТТ, 2000. С. 63.

⁷ История тыла Российских Вооруженных сил. Книга вторая. СПб.: ВАТТ, 2000. С. 66.

⁸ История тыла Российских Вооруженных сил. Книга вторая. СПб.: ВАТТ, 2000. С. 66.

⁹ Родники победы. Боевые традиции войск тыла. М., 1989. С. 35.

*Евгений Анатольевич Бочков,
Россия, Санкт-Петербург, Военная академия
материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулёва,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
доктор исторических наук, профессор*

Опыт демобилизации Красной Армии после окончания Гражданской войны в условиях экономического и социально-политического кризиса в первой половине 1920-х гг.

Отразив нападение объединенного международного империализма и завершив Гражданскую войну, Советская Россия получила возможность перейти к мирному строительству. Советское руководство осознавало степень ослабленности военной мощи бывших союзников по Антанте в результате Первой мировой войны и неудачной интервенции против РСФСР. Непосредственная угроза новой крупномасштабной агрессии отсутствовала. Однако полной гарантии от военных авантюр со стороны международной реакции не было. На границах РСФСР с Финляндией, Польшей, Эстляндией и Латвией не прекращались военные провокации. Непокойная международная обстановка заставляла думать не только о решении хозяйственных задач, но и об обеспечении безопасности и укреплении обороноспособности страны. Приступая к восстановлению разрушенного войнами народного хозяйства, руководители Советской Республики и Коммунистической партии понимали, что в условиях враждебного окружения мир и безопасность стране «могла гаранти-

ровать только Красная армия, сокращенная, но боеспособная». Предстояло привести военную организацию РСФСР в соответствие с конкретной исторической обстановкой и экономическими возможностями государства.

Первой практической задачей в области военного строительства, вставшей перед советским руководством при переходе на мирное положение, стала демобилизация и реорганизация вооруженных сил. К концу Гражданской войны в рядах РККА проходили службу семнадцать призывных возрастов (1885–1901 годов рождения), а ее численность составляла 5,5 млн. человек, из которых 16,6% составляли добровольцы, а 83,4% – мобилизованные¹. Содержать такую многочисленную армию государство было не в состоянии, как по политическим, так и по экономическим причинам. К тому же, излишняя численность вооруженных сил не обеспечивала необходимой их боевой способности в военное время. Причины этого лежали в необоснованно раздутым тылом РККА, который насчитывал 1,5 млн. человек. Количество различных «обслу-

живающих» частей, учреждений и заведений во фронте достигало 200 единиц, армии – 50, дивизии – 30, полку – 15. Из 5,5 млн. человек, состоявших на довольствии в Красной армии, бойцов насчитывалось около 700–800 тыс., из них только 400–500 тыс. – в боевых подразделениях². Иначе говоря, за каждым штыком на фронте стояло еще десять едоков в тылу. Такая армия поглощала колоссальные ресурсы, в то время как ее боевой потенциал был весьма низким.

Проблема демобилизации и сокращения РККА была новой и весьма сложной. Сокращение армии, как и её создание, требовало творчества и огромной организаторской работы. Руководители Советской Республики и военного ведомства осознавали, что её сокращение должно осуществляться на основе четкого плана и обоснованных расчетов. Утвержденная численность вооруженных сил и твердый военный бюджет позволили бы установить правильные пропорции между родами войск, между боевыми и тыловыми частями; определить штаты соединений и частей; организовать боевую подготовку войск; наладить обучение военных кадров. Однако в тех конкретных исторических условиях выработать такой план было невозможно. Неопределенность военно-политической обстановки не позволяла окончательно утвердить численность РККА мирного времени. Трудности экономического характера постоянно вносили свои коррективы в уже принятые планы. Армия на первых порах сокращалась в порядке таких же импровизаций, как и строилась. Еще в 1920–1921 гг. Советское правительство перевело на трудовое положение армии, не участвовавшие непосредственно в боевых действиях. Перевод на трудовое положение некоторых армий преследовал двоякую цель: во-первых, перед лицом угрозы новой агрессии сохранить боевые соединения и части для пресечения возможных военных провокаций; во-вторых, использовать высвободившиеся людские ресурсы для решения хозяйственных задач.

14 января 1921 г. Реввоенсовет Республики объявил по военному ведомству правительственное сообщение о сокращении армии и флота: «Исходя из реальных условий транспорта и того количества вооруженных сил, которое необходимо сохранить для прочной обороны Республики, Совет Труда и Обороны надеется,

начав теперь же увольнение старших возрастов в бессрочный отпуск, сократить армию, приблизительно, вдвое к середине лета 1921 года»³. Демобилизация армии началась в чрезвычайно сложной обстановке. В отдельных регионах страны еще продолжалась вооруженная борьба против белогвардейцев и интервентов, в ряде мест еще не была закончена ликвидация банд, что отвлекало значительные силы Красной армии. В связи с чрезвычайно трудными социально-экономическими условиями, а также международной и внутривластной обстановкой процесс сокращения армии и флота растянулся на три года.

Сокращение вооруженных сил шло преимущественно за счет тыловых и обслуживающих частей. За период с декабря 1920 по декабрь 1921 г. численность РККА уменьшилась до 1 млн. 595 тыс. человек. При этом, части и учреждения тыла были сокращены на 70%. Председатель Реввоенсовета Республики и народный комиссар по военным делам Л. Д. Троцкий писал: «Сокращение шло и идет медленнее, чем было бы желательно, потому, что оно идет параллельно улучшению качества. Сжатие тыловых и обслуживающих аппаратов несравненно более значительно, чем строевых частей. Сокращаясь, армия не ослабляется, а наоборот, усиливается. Ее способность к развертыванию в случае войны непрерывно возрастает»⁴.

Процесс сокращения частей и учреждений тыла РККА продолжился и в последующие годы. Народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий в своем отчете за 1922/23 гг. операционный год писал: «В связи с сокращением армии и её реорганизацией главным командованием, по примеру 1921–1922 годов было обращено особое внимание на увеличение ее боеспособности и доведение до максимума ее боевого состава. К числу таких мер следует отнести разработку и проведение в жизнь новых штатов, которыми предусматривалось увеличение боевого состава строевых частей, расформирование ряда обслуживающих армию тыловых учреждений и заведений и сжатие тылов»⁵. Только к концу 1923 г. установилась относительно стабильная численность армии на мирный период – 562 тыс. человек⁶. При этом военный бюджет государства на 1923/24 финансовый год составил всего 395 млн. рублей или 24,9%

от военного бюджета России накануне Первой мировой войны (1914–1918 гг.)⁷. В результате проведенных мероприятий удельный вес бойцов по отношению к общему количеству личного состава Красной армии увеличился в 1922/23 операционном году с 45,61% до 57,55%⁸. При этом численность частей тыла сократилась на 37993 человек (на 36,1%), в то время как строевых частей на 187092 (на 29,4%). Это неизбежно вело к увеличению нагрузки на органы тыла по снабжению и обеспечению войск.

Сокращение тыловых частей и оптимизация организационно-штатной структуры вооруженных сил период были объективно необходимы. Однако нередко ликвидация частей и учреждений тыла проводилась без учета выполняемых ими функций и объема решаемых задач. Бывший главный интендант русской армии генерал К.Е. Горецкий писал: «Тылы, часто только как тылы, т. е. нестроевой элемент, возмущают своими размерами строевую линию и в первую голову приносятся в жертву сократительным тенденциям, ломке штатов и, не считаясь с целесообразностью, подвергаются урезке до определенных норм, установленных просто арифметическим путем»⁹.

Затянувшийся процесс демобилизации не мог не отразиться на всей внутренней жизни Красной армии. Военная печать того времени отмечала, что в результате ряда последовательных сокращений армии среди личного состава усилились «демобилизационные настроения», что отрицательно сказывалось на боевой способности соединений и частей, уровне их военной подготовки, состоянии дисциплины¹⁰. Известные военные деятели – Н.И. Подвойский, К.А. Мехоношин, Н.И. Муралов, М.С. Кедров, В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода – 13 февраля 1921 г. обратились в ЦК РКП(б) с запиской, в которой высказывались серьезные опасения по поводу боеспособности и политико-морального состояния РККА: «Что касается Красной армии, то завершившийся первый период Гражданской войны и последовавшая демобилизация вызвали крайнее ослабление армии и все более и более понижают ее боеспособность, сводя ее в отдельных случаях к нулю. В таком состоянии Красная армия не может быть надежным оплотом Советской власти»¹¹. На политико-моральное состояние армии, состоявшей преимущественно

из крестьян, значительное влияние оказывало брожение умов в деревне. Голод 1921 г. усугубил ситуацию. Из охваченной восстанием Сибири в Москву летели просьбы отозвать «разложившиеся» местные дивизии и прислать верные воинские части из голодных губерний, не связанные с сибирским крестьянством.

Однако, в тех конкретных исторических условиях осуществить демобилизацию Красной армии в короткие сроки было невозможно. Это было обусловлено, прежде всего, экономическими причинами. В результате двух войн – Первой мировой и Гражданской – экономика России переживала глубочайший кризис. Большое количество заводов и фабрик было разрушено, а уцелевшие не работали из-за отсутствия сырья и топлива, что не позволяло обеспечить армию материальными средствами в полном объеме. Неразвитость транспортной системы и разруха, царившая на транспорте не позволяла обеспечить отправку многомиллионных масс демобилизованных военнослужащих.

В апреле 1921 г. в правительственных кругах обсуждался вопрос об отправке уволенных из армии красноармейцев домой «пешим хождением». 5 апреля 1921 г. В. И. Ленин в записке на имя Г.Е. Зиновьева писал, что при нынешних темпах демобилизации (двести тысяч человек в месяц) сокращение армии затянется на полтора года. «Явно невозможная вещь, – констатировал В.И. Ленин. – Вся суть в том, что военная бюрократия желает сделать «по-хорошему»: везти на железных дорогах! А на железных дорогах и два года провозят. «Пока» давай одежду, обувь, хлеб. Надо в корне изменить: перестать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежды, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди год на 1/8 фунта [хлеба – Е.Б.] и без одежды, без обуви. Тогда он уйдет сам пешком»¹². Жестокие слова, порожденные жестокой социально-экономической действительностью 1920-х гг. 6 апреля 1921 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не вести демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением... Отменить правила и постановления о снабжении демобилизуемых одеждой, обувью, прочим. Задачей поставить, чтобы армия была доведена к осени до одного миллиона»¹³. Вряд

ли можно объяснить такие планы жестокостью В.И. Ленина и его соратников, как это пытаются представить отдельные авторы. Проблема гораздо сложнее. Правомерно задать вопрос: какое решение должны были принять руководители советского государства в условиях полного паралича транспортной системы страны – продолжать кормить и одевать многомиллионную армию или дать возможность демобилизованным красноармейцам самостоятельно вернуться к своим семьям и заняться мирным трудом? На наш взгляд, ответ очевиден.

Историческим фактом можно считать то, что демобилизация и сокращение РККА в начале 1920-х гг. не было стихийным явлением. Советское политическое и военное руководство постоянно контролировало и управляло этим процессом. Только в 1920–1921 гг. вопросам сокращения вооруженных сил было посвящено 13 заседаний Совета Труда и Оборона и 27 заседаний Революционного Военного Совета Республики¹⁴. После принятия решения о сокращении Красной армии была образована правительственная комиссия, которая руководила демобилизационной деятельностью. 18 февраля 1921 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «Об обеспечении бессрочно отпускных красноармейцев». СТО потребовал, чтобы «контингенты бессрочно отпускных красноармейцев, возвращающиеся по своим домам после тяжких трудов и лишений на боевых фронтах, победоносно ими ликвидированных, совершали свой путь в наиболее благоприятных условиях и были полностью обеспечены в санитарном отношении»¹⁵. Особое внимание обращалось на обеспечение демобилизованных красноармейцев исправным обмундированием, бельем, дорожным довольствием, оборудованием и утепление эшелонов и вокзальных помещений, организацию работы военно-продовольственных пунктов, кипяильников, санпропускников.

Исполнительным комитетам всех крупных населенных пунктов, расположенных по основным маршрутам следования уволенных с военной службы красноармейцев было предложено «в порядке особой срочности» предоставить в распоряжение местных органов военного управления необходимое количество помещений для оборудования сборно-пересыльных и карантинных пунктов. Главному военно-инженерному

управлению (ГВИУ) было вменено в обязанность выделить необходимые материалы и строительные команды для ремонта помещений, обслуживающих эшелоны с демобилизованными военнослужащими. Задача по обеспечению пересыльных, питательных пунктов и санпропускников дровами была возложена на Главтоп.

Для обеспечения согласованной работы всех военных, военно-санитарных и железнодорожных органов, обслуживавших движение эшелонов с демобилизованными военнослужащими, приказом Реввоенсовета Республики от 29 января 1921 г. № 205 были образованы особые полномочные комиссии из представителей командного, комиссарского и медицинского состава соответствующих округов (фронтов), а также сотрудников ведомства путей сообщения. На них возлагалась обязанность проверки подготовки и санитарного состояния выделенных для перевозки военнослужащих эшелонов, проверки обеспеченности красноармейцев обмундированием и бельем, контроля за работой военных продовольственных пунктов, изоляционных пропускных пунктов и других учреждений.

Снабжение демобилизованных красноармейцев продовольствием было возложено, на государственные и военно-хозяйственные органы. Однако возможности государства и военного ведомства были весьма ограничены. В 1920 г. государство смогло получить от сельскохозяйственного производителя продуктов на 704 млн. рублей и выпустить товаров широкого потребления на 366,8 млн. рублей, в то время как частный торговый оборот продуктами составлял 644 млн. рублей, а кустарно-ремесленными изделиями – 193 млн. рублей. В общем товарообороте доля частного сектора оставалась высокой и составляла 44%, а на государственные заготовки и распределение приходилось 56%¹⁶. Нельзя забывать, что на государстве лежали обязанности по снабжению не только армии, но и промышленных предприятий и городского населения.

Вместе с тем, деятельность государственных органов, ответственных за снабжение продовольствием демобилизованных военнослужащих, не везде была организована на должном уровне. На местах нередко возникали ситуации, когда органы Наркомпрода не выделяли пересыльным и питательным пунктам продукты в необходимом количестве. Так, например, 15 ян-

варя 1922 г. на заседании президиума Омского губкома РКП(б) обсуждался вопрос организации питания демобилизованных военнослужащих, следовавших через Омск. Для обеспечения питанием военнослужащих в Омском гарнизоне упродком выделял пересыльному и железнодорожному питательному пункту на сутки по 115 пайков, в то время как фактические потребности только пересыльного пункта составляли 450 пайков¹⁷. В результате этого приходилось делить пайки на большее количество людей, что вело к истощению военнослужащих. Военком 29-й дивизии Чернышёв, докладывая о состоянии продовольственного обеспечения военнослужащих на железнодорожном питательном пункте, охарактеризовал его как катастрофическое: «...Не хватает продуктов для питания проходящих эшелонов, в силу чего наблюдаются случаи снятия с эшелонов красноармейцев замерзшими, что, возможно, является причиной истощения»¹⁸.

Подобные случаи были не единичны. Председатель ВЦИК М. И. Калинин в своей телеграмме от 2 февраля 1921 г. сообщал председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому о фактах, когда некоторые губернские и уездные продовольственные комитеты отказывались снабжать продуктами эшелоны с демобилизованными военнослужащими¹⁹. Особенно неблагоприятное положение сложилось на юго-восточных железных дорогах страны. Заместитель председателя РВС Республики Э. М. Склянский в циркулярной телеграмме потребовал от главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, начальника Всероссийского главного штаба, командующих войсками военных округов, главного начальника снабжений Красной армии, начальника Центрального управления военных сообщений, начальника Главного санитарного управления и других заинтересованных ведомств «...самых энергичных, действительных и срочных мер [по] оказанию полного содействия эшелонам к быстрейшему их продвижению, обеспечению санпомощью и продовольствием»²⁰.

Осознав неспособность государства своими силами обеспечить продовольственное обеспечение демобилизованных военнослужащих, власти разрешили кооперативным органам организовать торговлю продуктами питания по пути следования эшелонов. На железнодо-

рожных станциях местными кооперативными организациями были открыты лавки, ларьки, столовые. Не осталась в стороне и только что родившаяся военная кооперация. Так, например, по решению Военно-кооперативного управления Сибири (ВКУСИБ) на железнодорожных станциях Омск, Иркутск, Красноярск, Тайга, Новониколаевск, Барнаул были открыты торговые лавки. Временные ларьки и столовые были развернуты на станциях Оренбург, Актюбинск, Эмба, Челкар и др. Торговлю продуктами питания и предметами первой необходимости организовали на временных торговых точках Архангельское, Белорусское и Одесское военно-потребительские общества (ВПО). В Одессе, в частности, в открытом на вокзале распределителе военнослужащим выдавался бесплатно белый хлеб и чай. Два ларька ВПО работали в Харькове. Военно-кооперативное управление Северо-Кавказского военного округа (ВКУ СКВО) в Ростове-на-Дону открыло привокзальный распределитель, который за две недели обслужил 5 тыс. человек. Кроме пяти лавок, организованных непосредственно ВКУ округа, семь лавок было открыто губернским военно-потребительским обществом²¹. Разумеется, эти «торговые точки» не имели ничего общего с военно-продовольственными пунктами, но в них можно было купить по льготным ценам самое необходимое: хлеб, чай, махорку, мыло и т. п.

Решением местных властей разрешалась и частная торговля по пути следования эшелонов с демобилизованными военнослужащими. Обывателям могли продавать съестные припасы на железнодорожных станциях лишь в том случае, если возможности государственных и кооперативных торговых организаций были недостаточны. При этом категорически была запрещена продажа алкоголя. Территориальным органам милиции было дано указание усилить борьбу с самогонварением и продажей спиртных напитков по пути следования воинских эшелонов²². Экономические трудности в стране и неспособность военно-хозяйственных органов организовать нормальное продовольственное обеспечение демобилизованных военнослужащих создавали благоприятную обстановку для спекулянтов. В 1923 г. в циркулярном письме военно-кооперативного управления Сибири с озабоченностью сообщалось: «Военнослужащие

представляются на поток и разграбление частных торговых. Предметы первой необходимости в два раза дороже рыночных цен»²³.

При увольнении с военной службы выдача жалованья красноармейцам прекращалась со дня исключения из списков части²⁴. На время следования к месту своего постоянного жительства они обеспечивались, так называемыми, кормовыми деньгами из расчета 25 копеек (в золотом исчислении) в сутки²⁵. На эти деньги военнослужащие должны были приобретать в пути продовольствие. Однако размер кормового оклада был значительно ниже рыночных цен на продукты питания и не обеспечивал удовлетворение даже минимальных потребностей красноармейцев. Кроме того, при расчете количества дней, необходимых военнослужащему на дорогу, финансисты брали минимальные данные. А если учесть состояние транспортной системы страны в 1920-е гг., то картина вырисовывается удручающая.

Нищенское существование армии, нерешенность многих социально-бытовых вопросов толкали военнослужащих на различные противоправные действия. Широкое распространение в армейских рядах в этот период получили случаи хищения и промотания военного имущества. Петроградская губчека сообщала в Москву о том, что военные недовольны отсутствием продовольствия, обмундирования и медленной демобилизацией: «Красноармейцы, где только возможно, стараются что-нибудь обменять на хлеб, ходят по квартирам обывателей... В некоторых частях были случаи отказав от нарядов из-за отсутствия обуви»²⁶. Военный комиссар Ново-николаевской губернии в циркулярном письме обращал внимание командиров частей на факты уноса красноармейцами постельных принадлежностей при демобилизации²⁷. В связи с участвовавшими случаями промотания военнослужащими обмундирования и белья РВС Республики потребовал от командиров и комиссаров «...принять самые строгие меры к предупреждению таких преступных деяний»²⁸. Однако, принимаемые меры давали слабый эффект.

29 января 1921 г. Реввоенсовет Республики обязал командные и хозяйственные органы войсковых частей «снабжать увольняемых в бессрочный отпуск красноармейцев бельем и обмундированием в достаточной мере в зави-

симости от наличных запасов»²⁹. Начальникам снабжений фронтов, армий, дивизий и бригад было приказано принять срочные меры к тому, чтобы в частях не было недостатка в обмундировании, белье и обуви для своевременного снабжения красноармейцев, увольняемых с военной службы. 25 февраля 1921 г. на заседании Совета Труда и Оборона обсуждался вопрос о производстве тканей для снабжения демобилизуемых военнослужащих. После обсуждения доклада СТО определил конкретные меры по обеспечению текстильных предприятий сырьем и топливом, а также выделил в распоряжение чрезвычайного уполномоченного СТО по снабжению Красной армии и Флота (Чусоснабарма) дополнительные фонды тканей, обмундирования, белья и обуви.

4 апреля 1921 г. ЦК РКП(б) направил в адрес губернских комитетов партии письмо, в котором подчеркнул: «От казармы и до самого своего дома демобилизованный красноармеец должен быть окружен заботой и попечением всего партийного, профессионального и советского аппарата. Причем хозяйственная сторона дела должна быть на первом плане, а агитационно-пропагандистская на втором»³⁰. В обязанности местных органов власти было вменено размещение красноармейцев на ночлег, снабжение их продовольствием, оказание медицинской и санитарной помощи, выделение транспорта для доставки к месту постоянного жительства. Комитет по труду (Комтруд) и профсоюзные органы на местах обязаны были оказывать им практическую помощь в получении работы, жилья, а в необходимых случаях и предметов домашнего обихода. Однако зачастую эти распоряжения на местах не выполнялись и демобилизованные красноармейцы сталкивались с суровой реальностью новой, «мирной», жизни.

Демобилизация из Красной армии и начавшийся процесс массовой консервации и ликвидации убыточных промышленных предприятий в связи с переходом к новой экономической политике привели к росту безработицы и обострили социально-политическую обстановку в стране в начале 1920-х гг. Только в 1921–1923 гг. было сокращено 2,5 млн. рабочих и служащих госсектора³¹. Перед руководством Советской республики встал сложный вопрос – как в условиях экономической разрухи трудоустроить и прокормить миллионные массы демобилизованных во-

еннослужащих? Отсутствие работы и средств к существованию нередко толкало уволенных из армии военнослужащих в бандитские объединения. В. И. Ленин в политическом докладе на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) говорил: «Когда десятки и сотни тысяч мобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее как на единственное ремесло, – мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый ее вид, который можно объединить словом «бандитизм»³².

Особенно тяжелое положение складывалось в деревне. Крестьянские хозяйства были разорены семью годами непрерывных войн и политикой «военного коммунизма». Именно деревня стала основным источником людских ресурсов для армии как в годы Первой мировой войны, так и во время гражданской междоусобицы. В 1920 г. 75% личного состава Красной армии составляли выходцы из крестьян³³. Поэтому не случайно большая часть правительственных решений и законодательных актов, регламентирующих социально-экономические вопросы демобилизованных военнослужащих РККА в рассматриваемый период, была ориентирована на аграрный сектор. 9 марта 1921 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «Об оказании помощи сельскому хозяйству красноармейцев, уволенных в долгосрочный отпуск». Постановлением предусматривалось оказание демобилизованным военнослужащим помощи путем предоставления посевных материалов, сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря, строительных материалов, выделения денежных ссуд³⁴. По прибытии на постоянное место жительства каждый демобилизованный красноармеец имел право на получение продуктов питания и предметов широкого потребления (керосин, папиросы, спички, соль, сахар, мануфактуру и др.), которые выделялись Комиссией по частичному роспуску Красной армии³⁵. Отпускаемые предметы выдавались распоряжением упродкомов из местных распределительных органов по ордерам, которые оформлялись уездными комиссарами по военным делам после постановки на военный учет уволенных красноармейцев. Местные политические комиссии по частичному роспуску Красной армии дважды в месяц через губернские политкомиссии докла-

дывали в Политическое управление Реввоенсовета Республики о числе прибывших и принятых на учет красноармейцев и о количестве выданного продовольствия и предметов широкого потребления³⁶.

Критически оценивая данные факты, следует признать, что власть преследовала и сугубо практические цели – обеспечить в кратчайшие сроки полный учет демобилизованных красноармейцев на местах, ведь обеспечению подлежали лишь уволенные красноармейцы, вставшие на учет в военных комиссариатах. Льготы не распространялись на военнослужащих, дезертировавших из армии или уклонившихся от призыва, даже если они попадали под сокращение по возрасту в соответствии с действовавшим законодательством. В правительственном сообщении от 30 декабря 1920 г. говорилось, что «вся работа по увольнению в бессрочный отпуск будет производиться со строгой закономерностью органами военной власти. Самовольное покидание воинских рядов будет и впредь строжайшим образом караться как дезертирство»³⁷. VIII съезд Советов предложил дезертировавшим из Красной армии и уклонившимся от призыва на военную службу добровольно явиться и на трудовом фронте искупить свою вину. В случае явки дезертиры освобождались от уголовной ответственности. Тех, кто продолжал скрываться, съезд потребовал карать по всей строгости закона.

12 июля 1923 г. Политическое управление Реввоенсовета Республики своим приказом определило – создать в губерниях и военных округах комиссии по улучшению быта демобилизованных красноармейцев³⁸. В состав губернских комиссий вошли представители органов местного военного управления, земельного отдела, отдела труда, финансового отдела, отдела социального обеспечения и Дома крестьянина (где таковые имелись). Возглавлял комиссию военный комиссар губернии. Окружные комиссии формировались под председательством начальника политического управления округа, его заместителем назначался местный военком. Комиссии властных полномочий не имели, а выполняли лишь инспекторские функции. На них возлагались обязанности по наблюдению за выполнением местными органами власти и управления постановлений ВЦИК и СНК о льготах демобилизованным красноармейцам, а также выработки

мер по улучшению быта уволенных в запас военнослужащих в зависимости от местных условий.

К октябрю 1922 г. численность вооруженных сил РСФСР была сокращена до 800 тыс. человек³⁹. Сокращение армии и флота было обусловлено, прежде всего, экономическими причинами. Помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики по морским делам в своей директиве от 14 мая 1922 г. разъяснял реввоенсоветам флотов, что сокращение армии и флота происходит по приказанию правительства и «вызвано тяжелым экономическим положением и исключительно серьезными финансовыми затруднениями»⁴⁰. Реввоенсоветам флотов и начальникам морских сил «необходимо точно усвоить эти чрезвычайные обстоятельства и внедрить в сознание подчиненных им начальников необходимость достижения величайшей государственной экономии путем проведения намеченных сокращений»⁴¹. Но тяжелое экономическое положение страны не позволяло содержать даже такое количество войск. 18 декабря 1922 г. пленум ЦК РКП(б), учитывая международную обстановку и состояние народного хозяйства страны, принял решение о

новом сокращении вооруженных сил к 1 февраля 1923 г. до 600 тыс. человек⁴². Пленум партии постановил считать эту численность РККА минимально необходимой для обеспечения безопасности Советского государства и компенсировать численное уменьшение армии улучшением вооружения и военной техники.

Таким образом, демобилизация Красной армии после окончания Гражданской войны проходила в сложных условиях, обусловленных экономической разрухой и социально-политическим кризисом. Обеспечение демобилизации в транспортном, продовольственном и санитарном отношении было возложено на органы государственной власти и управления, военное ведомство. Ограниченность материальных и финансовых средств, слабость военно-хозяйственных органов РККА не позволяли в полном объеме обеспечить демобилизованных красноармейцев обмундированием и продуктами питания. Для продовольственного обеспечения уволенных в запас военнослужащих были привлечены кооперативные (в том числе и военно-кооперативные) организации, возникшие в условиях нэпа.

¹ Советские Вооруженные силы: история строительства. М., 1978. С. 123.

² Кокошин А. А. Армия и политика. М., 1995. С. 95.

³ Приказ РВСР от 14 января 1921 г. № 135 // Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.

⁴ Троцкий Л. Д. Красная армия // Военный вестник. 1922. № 12. С. 6.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3. Л. 7.

⁶ III съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 481.

⁷ Подсчитано автором по: Кадишев А. Б. История советского военного искусства 1917–1940. М., 1949. С. 236.

⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3. Л. 7.

⁹ Горецкий К. Е. Берегите кадры снабженцев // Техника и снабжение Красной Армии. 1923. № 2 (33). С. 1.

¹⁰ Лазаревич В. Уставное невежество и борьба с ним // Военный вестник. 1922. № 112. С. 19.

¹¹ Цит. по: Млечин Л. М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002. С. 155.

¹² Там же. С. 322.

¹³ Там же.

¹⁴ Соколов Б. В. Красная армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1990. С. 5.

¹⁵ Цит. по: Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958. С. 40.

¹⁶ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 217.

¹⁷ Братющенко Ю. В. Очерки истории военной кооперации в России (1865–1935 гг.). СПб., 2000. С. 241.

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 715. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Л. 8.
- ²¹ См.: Братющенко Ю. В. Указ. соч. С. 241–242.
- ²² РГВА. Ф. 47. Оп. 3. Д. 117. Л. 159.
- ²³ Цит по: Братющенко Ю. В. Указ. соч. С. 241.
- ²⁴ Приказ РВСР от 10 мая 1921 г. № 1026 // Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
- ²⁵ РГВА. Ф. 47. Оп. 3. Д. 117. Л. 159.
- ²⁶ Цит. по: Млечин Л. М. Указ. соч. С. 156.
- ²⁷ ГАНО. Ф. Р-1296. Оп. 1. Д. 66. Л. 188.
- ²⁸ Приказ РВСР от 11 марта 1921 г. № 575 // Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
- ²⁹ АШ ЛенВО. Ф. 21. Оп. 49530. Д. 27. Л. 174 об.
- ³⁰ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1981. М., 1981. С. 164.
- ³¹ Орлов И. Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999. С. 116.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 10.
- ³³ Молодцыгин М. А. Социальный и национальный состав Красной Армии в годы Гражданской войны // Армия и общество 1900–1941 гг.: статьи, документы. М., 1999. С. 121.
- ³⁴ См. подробнее: Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958. С. 42.
- ³⁵ Приказ РВСР от 4 апреля 1921 г. № 714 // Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
- ³⁶ АШ ЛенВО. Ф. 21. Оп. 49530. Д. 27. Л. 433.
- ³⁷ Приказ РВСР от 14 января 1921 г. № 135 // Сборник приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
- ³⁸ Приказ Политического управления РВСР от 12 июля 1923 г. № 287 // Сборник циркуляров Народного комиссариата по военным делам 1923 года.
- ³⁹ Отчет Наркомвоенмора за 1922 год. М., 1924. С. 9.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. Р-2108. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Известия ЦК РКП(б). 1921. № 30. С. 1.

И 90
УДК 94(47)084.3(063)
ББК 63.3(2)612я431

Тираж: 75 экз.

Отпечатано в типографии «Эрвест»
Москва, Волгоградский проспект, д. 26

